

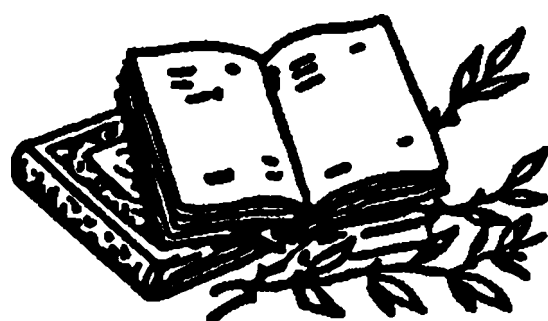
Сергей Снегов
ЛЮДИ КАК БОГИ

«ТЕРРА» — «АЗБУКА»

Scan Kreyder - 24.06.2017
STERLITAMAK

БОЛЬШАЯ
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Сергей Снегов

СОЧИНЕНИЯ
В ТРЕХ ТОМАХ

Том первый

ЛЮДИ КАК БОГИ
Роман

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«ТЕРРА»—«АЗБУКА»
1996

**ББК 84Р7
С53**

**Иллюстрация на обложке
© G. Mangoni, 1996.
All rights reserved.**

Снегов С.

С53 **Сочинения: В 3 т. Т. 1: Люди как боги: Роман. — СПб.: ТЕРРА—Азбука, 1996. — 688 с. — (Большая библиотека приключений и научной фантастики).**

ISBN 5-7684-0128-8 (т. 1)

ISBN 5-7684-0127-X

«Люди как боги» — произведение, давно и прочно удерживающее внимание любителей фантастики всех возрастов.

В чем секрет долговечности произведения, действие которого разворачивается в шестом веке эры Объединенного человечества? В загадочности далеких созвездий Альтаира, Веги, Персея? В грандиозных полотнах галактических сражений? В чудесном соседстве существ, населяющих мир фантаста?

Каждый сам находит ответ.

ISBN 5-7684-0128-8 (т. 1)

© С. Снегов, 1966—1977, 1996

ISBN 5-7684-0127-X

© «ТЕРРА»—«Азбука», оформление, 1996

Книга первая
ГАЛАКТИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА

Из Фраскатти в старый Рим
Вышел Петр Астролог.
Свод небес висел над ним,
Будто черный полог.
Он глядел туда, во тьму,
Со своей равнины.
И мерещились ему
Странные картины.

Н. Морозов

Я человек: как бог, я обречен
Познать тоску всех стран и всех времен.

И. Бунин

Часть первая ЗМЕЕДЕВУШКА С ВЕГИ

1

Для меня эта история началась с того, что на второй день после возвращения на Землю, во время прогулки над кратерами Килиманджаро, я повстречал Лусина верхом на огнедышащем драконе.

Я не люблю летать на драконах. В них есть что-то от древнего театра. А неповоротливых пегасов я попросту не терплю. На Земле для полетов я беру обычную авиетку — так и надежней и удобней. Но Лусин без драконов не мыслит передвижения. В школе, когда эти неповоротливые чудовища лишь входили в моду, Лусин вскарабкался на учебном драконе на Джомолунгму. Дракон вскоре подох, хоть был в кислородной маске, а Лусину запретили месяц появляться в конюшне. С той поры прошло пятнадцать лет, но Лусин не поумнел.

Он твердит, что в нем играет душа его предков, обожествлявших эти странные существа, по-моему же, он оригинальничает. Андре Шерстюк да он готовы вывернуться наизнанку, лишь бы чем-нибудь поразить, — такой уж это народ!

И когда с Индийского океана понесся крылатый змей, окутанный дымом и пламенем, я сразу понял, что на нем Лусин. Лусин выкрикнул приветствие и приземлился на обрыве кратера Кибо. Я покружился в воздухе, рассматривая его зверя, потом тоже сел. Лусин побежал ко мне, мы сердечно пожали друг другу руки. Мы не виделись два года. Лусин наслаждался моим удивлением.

Дракон был крупный, метров на десять. Он бессильно распластался на камнях, устало закрыл выпуклые зеленые глаза, его худые бока, бронированные оранжевой чешуей, вздувались и западали, крылья подрагивали. Над головой зверя клубился дым, при выдохе из пасти вырывалось пламя. Огнедышащие драконы были мне внове.

— Последняя модель, — сказал Лусин. — Два года выводил. Инфовцы хвалят. Хорош, нет?

Лусин работает в Институте Новых Форм — ИНФе — и не устает хвастаться, что у них создают живые новообразования, до каких природа не доберется и за миллиард лет. Кое-что, например говорящие дельфины, у них и вправду получалось неплохо. Дымящий, как вулкан, змей не показался мне красивым. Правда, летает он красиво, этого не буду отрицать.

И пегасы, и драконы в воздухе чувствуют себя хорошо.

Лусин объяснял, что при работе мышц у них развивается антигравитационное поле, отчего они теряют добрых девять десятых веса. Но мне все равно странно глядеть, когда такие массивные животные легко устремляются вверх. Драконы обычно довольно медлительны. А у этого мне не понравился дым, хотя Лусин сказал, что и дым и пламя созданы у них лишь для красоты, вроде как оперенье у павлина: и не жжет, и не пачкает.

— Вся эта бутафория ни к чему. Если, конечно, вы не задумали пугать им детишек.

Лусин любовно похлопал дракона по одной из его лягушачьих ног.

— Эффектен. Повезем на Ору. Пусть смотрят.

Меня раздражает, когда говорят об Оре. Половина моих друзей летит туда, а мне не повезло. Меня бесит не их удача, конечно, а то, что они превращают интереснейшую встречу с обитателями иных миров в примитивную выставку игрушек. Каких только изделий не тащат на Ору!

— Чепуха! Никто там не взглянет на твое ископаемое. Каждый звездожитель сам по себе удивительней всех ваших диковинок. Думаю, машины заинтересуют их куда больше.

— Машины — да! Звери — тоже да. Все — да!

— И ты — да! — передразнил я. — Вот уж образец человека пятого века: рыжеволосый, рыжеглазый, рост метр девяносто два, одинок. Как бы там в тебя не влюбилась мыслящая жаба. И на драконе не удерешь!

Лусин улыбнулся и покачал головой:

— Завидуешь, Эли. Древнее чувство. До драконов. Понимаю. Сам бы на твоём месте.

Лусин говорит словно иероглифами. Мы привыкли к его речи, но незнакомые не всегда его понимают. Его укор расстроил меня, я с возмущением отвернулся.

Лусин положил мне руку на плечо.

— Спроси — как? — попросил он печально. — Интересно.

Я кивнул, чтобы не огорчать Лусина равнодушием. Из рассказа я понял, что в легких у дракона синтезируются горючие вещества и что самому дракону от этого тоже ни холодно ни жарко.

Лусин работает над темой “Материализация чудовищ древнего фольклора”, огнедышащий дракон — четвертая его модель, следующие за ней формы — крылатые ассирийские львы и египетские сфинксы.

— Хочу бога Гора с головой сокола, — сказал Лусин. — Еще не утверждено. Надеюсь.

Я вспомнил, что Андре везет на Ору сочиненную им симфонию “Гармония звездных сфер” и что первое исполнение симфонии состоится сегодня в Каире. Я с сомнением отношусь к музыкальным способностям Андре, но лучше уж музыка, чем дымящиеся змеи.

Лусин вскочил.

— Не знал. Летим в Каир. Я впереди. До ракетной станции.

— Сам наслаждайся ядовитыми парами своего уroda, — сказал я. — А я по старинке: раз, два, три — и ста километров нет!

Мне удалось обогнать Лусина минут на двадцать. Пока он выжимал из своего оранжевого тихохода последние километры, я договорился, чтоб дракона покормили в “Стойле пегасов”.

На ракетной станции была конюшня крылатых коней — специально для туристов. Просьбу мою встретили без энтузиазма, особенно когда узнали, что змей огнедышащий. Задиристые пегасы ненавидят смирных драконов и, чуть их заметят, сейчас же яростно обрушиваются сверху. Конечно, ни копыта, ни зубы ничего не могут поделаться с чешуей, но вздорные лошади упрямо штурмуют до изнеможения. Не понимаю, что побудило когда-то греков избрать для поэтических полетов этих все-таки быстро устающих в воздухе животных. Я предпочел бы устремляться в художественные высоты на кондорах и грифах — те поднимаются выше и отлично парят над землей.

Я помахал рукой медленно приближающемуся Лусину.

— Торопись, а то опоздаем! Можешь оставить своего вулканоподобного детеныша здесь. Пегасов к нему обещали не подпускать.

2

Первым, кого мы повстречали в Каире, был Аллан Круз, тоже из школьных товарищей. Он прилетел часа за два до нас и шел с чемоданом из Палаты Звездных Маршрутов. В чемодане у него, как всегда, книги. Аллан обожает это старье. В этом отношении он схож с Павлом Ромеро — тот тоже не отрывается от книг. Павлу они требуются по роду занятий, Аллан же возится с ними для забавы. Острее ощущаешь современность, когда поглядишь рассыпающиеся журналы двадцатого века, говорит он, посмеиваясь.

Он или сердится, или хохочет, гнев и радость — не крайние, а соседствующие состояния его психики. Если он не возмущен, то ликует — от одного того, что не возмущен. Узнав, куда мы идем, он остановился.

— Да зачем было мчаться в Каир? Включили бы концертный зал и наслаждались музыкой издалека.

Я потянул его за рукав. Не люблю, когда люди ни с того ни с сего замирают на полушаге.

— Симфонию Андре надо слушать в специальных помещениях. Его музыка не удовольствие, а тяжелая физическая работа.

Аллан пошел с нами.

— Мне надо поговорить с Андре, — сказал он грозно. — Последняя модель его портативных дешифраторов никуда не годится.

— Умерь шаг и не махай чемоданом перед моим носом. У тебя там, наверно, килограммов пятьдесят?

— Шестьдесят три. Послушайте, какой конфуз приключился с нами на Проционе из-за легкомыслия Андре.

О конфузе на Проционе мы уже знали. Экспедиция Аллана испытывала облегченную модель Звездного Плуга. В окрестностях Солнечной системы разгоняться запрещено, и одиннадцать с половиной световых лет пути они проделали за тридцать девять ходовых суток. В созвездии Малого Пса тоже усердствовать не пришлось, там они обгоняли свет всего в сто раз. Зато именно в

этом созвездии, в планетной системе Проциона, они, так и не узнав сами, совершили наконец предсказанное пять столетий назад открытие — обнаружили мыслящие мхи. На второй из трех планет Проциона не хватало света и тепла и скалы покрывал рыжий мох. Астронавты ходили по мхам. Изучали их приборами. Но нашли лишь, что от растений исходят слабые магнитные волны. А когда экспедиция возвратилась на Землю, Большая Академическая машина расшифровала, что записанные излучения — речь. Удалось разобрать предложения: “Кто вы такие? Откуда? Как вы развили в себе способность передвижения?”

Неподвижные мхи больше всего поразило человеческое искусство ходьбы.

— Во всем виноват дурацкий ДП-2! — гремел Аллан на всю улицу. Он всегда говорит очень громко. — Он, конечно, лучше наручных дешифраторов, те годятся лишь для бесед с собаками и птицами. Но для трудных случаев прибор Андре не годится. Совершенно беспомощная машина, а выдана за последний крик техники!

Аллан вдруг снова остановился. Я хотел еще нетерпеливей дернуть его за рукав, но меня поразило выражение его лица.

— Совсем забыл, братцы! — сказал он и оглянулся, как бы боясь, что кто-то подслушает. — В Палате Звездных Маршрутов сегодня получено удивительное сообщение. Толком никто ничего не знает, а в общих чертах — открыты новые разумные существа. Что-то вроде людей. И, похоже, в их обществе свирепствуют междоусобные войны куда посерьезней, чем древние человеческие.

Сейчас мне странно то безразличие, с каким мы слушали Аллана. Вся история человечества переламявалась — теперь это ясно каждому школьнику. А мы с Лусином даже не поинтересовались, кто доставил информацию и чем именно новооткрытые существа похожи на людей. Я лишь высказал предположение, что они обитают далеко от ближайших звезд: в нашем районе Галактики ни о чем похожем еще и не слыхано было.

— Не знаю, — ответил Аллан. — Большая Академическая второй день обсчитывает полученную информацию. Завтра-послезавтра нас ознакомят с результатами обработки.

— Подождем до завтра, — сказал я. — А если и до послезавтра, так я тоже стерплю.

Лусин был того же мнения. Концерт Андре занимал его больше, чем информация о последних открытиях. В эти месяцы перед совещанием на Оре мы только и слышали, что о новых разумных существах, обнаруживаемых звездными экспедициями. Мы как бы потеряли ощущение необычности. Удивительное стало обычным.

— Толпа! — сказал Лусин, ткнув вперед пальцем. — Мест не хватит. Поторопимся.

Мы прибавили шагу. Огромный Аллан вынесся вперед. Он и в школе ходил быстрее всех, в его шаге метр и две десятых. Я крикнул:

— Захвати для нас с Лусином два местечка рядом с собой!

В концертный зал вливалось два потока людей. Западные двери были к нам ближе, и мы направились туда.

Аллан проник в голову потока, под прикрытием его широкой спины двигался Лусин, за Лусином я. У дверей случилась неприятность, порядком попортившая мне настроение.

Какая-то худощавая некрасивая девушка резко отодвинулась от пробивающего себе дорогу Аллана, и на нее налетел я. Она с негодованием обернулась. У нее была тонкая высокая шея и темные глаза.

— Грубиян! — сказала она. Голос у нее был мелодичный, низкого тона. Лицо ее портили широкие брови, такие же черные, как глаза.

— Вас тоже не обучали вежливости! — огрызнулся я, но она, похоже, не услышала.

В зале, сидя между Лусином и Алланом, я раза два вставал и осматривался, отыскивая эту худощавую девушку. Но среди двадцати восьми тысяч человек, заполнивших концертное помещение, обнаружить ее было непросто.

3

— Андре! — сказал Лусин. — Вот чудак!

Андре и на концерте не удержался от озорства. Вместо того чтобы показаться на стереозэкране и оттуда улыбнуться публике, он вышел на сцену. Человек казался крохотным на пустой площадке. Он произнес речь: что-то о Земле и звездах, небожителях и людях, полетах и катастрофах — все это, мол, отражено в его космической симфонии.

Мне так это надоело, что я крикнул: “Хватит болтовни!” Если бы я знал, что усилители настроены на все звуки в зале, я бы вел себя поосторожней. Мой голос оглушительно отразился от потолка, в ответ понесся такой же громовый хохот. Андре, не смутившись, весело воскликнул:

— Будем считать ваши нетерпеливые крики увертюрой к симфонии!

После этого он исчез, и грянула музыка звездных сфер. Прежде всего мы провалились. Мы неподвижно сидели в своих креслах, от неожиданности вцепившись в ручки, и вместе с тем ошалело неслись вниз. Состояние невесомости наступило так внезапно, что у меня защемило сердце.

Думаю, другие чувствовали себя не лучше.

А потом зазвучала тонкая мелодия, в воздухе поплыли клубящиеся разноцветные облака и возвратилась тяжесть. Мелодия усиливалась, электронный орган гремел во все свои двадцать четыре тысячи голосов, цветные облачка пронизало неистово пляшущее сияние, все пропало в кружащемся многокрасочном дожде искр, не было видно ни стен, ни потолка, ни дальних соседей, а ближние вдруг превратились в какие-то факелы холодного света. И тут свет стал теплеть, мелодия убыстрилась, увеличилась тяжесть, в воздухе волнами пронеслась жара. Я уже собирался сбросить пиджак, как вдруг зал озарила синяя молния, все вокруг запылало зловещими фиолетовыми пламенами и нестерпимо ударил ледяной ветер. Никто не успел ни отвернуться, ни защитить лицо руками. Оледенение разразилось под свист и жужжание электронных голосов. Перегрузка быстро увеличивалась, легким не хватало кислорода. Снова взревели трубы, запели струны, зазвенели медь и серебро, в фиолетовой тьме зажглись оранжевые языки. Ледяное дыхание сменилось волнами теплоты, перегрузка падала, превращаясь в невесомость. Воздух, ароматный и звучный, сам лился в горло, голова кружилась от тонких звуков, нежных красок, теплоты и легкости в теле.

Так повторялось три раза — багровая жара под грохот труб и невесомость, стремительно нарастающий, пронзительно синий холод под перегрузку, почти удушье, мелодичное розовато-оранжевое возрождение, овеянное теплотой. А потом в последний раз ударил мороз, промчалась жара, и уже по-обычному солнечно вспыхнул потолок концертного зала. Первая часть симфонии кончилась.

Со всех сторон неслись восклицания и смех. Кто-то кряхтел, кто-то оттирал застуженные щеки, кто-то зычно орал: “А ну, автора сюда! А ну, автора!” Большинство торопилось к выходу.

— Он совсем с ума спятил! — негодовал Аллан. — Даже от Андре не ожидал такой нелепицы! Зачем вы меня сюда притащили?

Лусин молча наблюдал за взволнованными зрителями, а я возразил:

— Никто тебя не тянул, ты сам пришел. И что тебя ожидает, знал отлично. Я предупреждал, что музыку Андре могут вынести лишь здоровяки.

— Я здоровяк, но и мне нестерпимо! Неужели и во второй части такой же страх?

Я протянул ему пригласительный билет. На нем было напечатано: “Андре Шерстюк. Гармония звездных сфер. Симфония для звука, света, тепла, давления и тяжести. Часть первая — Круговорот миров. Часть вторая — Люди и небожители. Часть третья — Вечное как жизнь”.

Аллан хмыкнул и повеселел.

— Здесь еще одного компонента не хватает: запаха, — прокотал он, посмеиваясь. — Вот бы смердящее аллегро и благоухающее адажио! Чтобы полнее впечатление, как по-вашему?

— Успех! — с уважением сказал Лусин. — Все потрясены. Равнодушных нет. А?

— Не “а”, а “ч”. Чепуха, — сказал я. — На вторую часть осталась лишь треть зала.

— Новизна. Понимают не сразу.

— Занимайся лучше своими диковинными новыми формами, а не музыкой, — посоветовал я. — Твоего бога Гора с головой сокола, может, удастся приспособить для защиты от летучих мышей на дальних планетах, а на что пригодится новое творение Андре?

4

После неистовой первой части вторая показалась спокойной. Возможно, впрочем, что мы пообтерпелись. Главным в ней был свет — клубящаяся зеленовато-желтая тьма, красные вспышки, змеящиеся фиолетовые полосы, искры и стрелы, рушащиеся с потолка, как при полярных сияниях, потом все постепенно за-

тянуло розовым теплым туманом, в нем хотелось понежиться, чувства и мысли засыпали.

Все это происходило под мелодичное звучание электронных голосов, тяжесть и давление то мерно нарастали, то исчезали, холод налетал не так пронзительно, как раньше, сменявшая его жара не так обжигала.

В общем, эта часть мне понравилась. Ее можно было терпеть, а для произведений Андре это уже немало. Зато в третьей части нам снова досталось. “Вечное как жизнь” могло вогнать в гроб любого. Андре, видимо, хотелось доказать, что жизнь штука непростая, и он достиг цели. Нас обжигало, леденило, оглушало, ослепляло минут двадцать, если не больше.

Симфония уже окончилась, а все в зале сидели, опоминаясь. У некоторых был до того измученный вид, что я расхохотался. Аллан шумно ликовал. Так с ним всегда. Необычное сперва озадачивает его, потом приводит в восторг.

— Крепкая симфония! — орал он. — Обрушить этаким концертище на существа с Альфы Центавра или Сириуса — там они не очень костисты, — останется мокрое пятно! Нет, здорово!

По пустеющему залу разнесся голос: друзей автора симфонии просили к восточному выходу. Аллан помчался, обгоняя выходящих, мы с Лусином не торопились. Я знал, что Андре меня дождется.

У восточного входа быстро скопилась кучка приятелей. Я устал пожимать руки. Хорошенькая Жанна Успенская, жена Андре, сияла. Она неумеренно торжествует, если Андре что-нибудь удастся, и надо сказать, ей часто приходится торжествовать. В данном случае, впрочем, она могла бы радоваться и не столь открыто.

Она громко сказала:

— Ты изменился, Эли! Просто не верится, такой ты загорелый и добрый. Послушай, ты не влюбился?

Я знал, почему она говорит громко, и мне это не понравилось. К нам приближались Леонид Мрава и Ольга Трондаик.

Грозный Леонид на этот раз казался почти веселым, а Ольга как всегда была уравновешенна и светла. Она, конечно, поняла намек Жанны, но и виду не подала, а Леонид с такой силой потряхнул мою руку, что я охнул. Этот великан — они с Алланом вымахнули до двух метров тридцати — вбил себе в башку, что я стою у него на дороге. Боюсь, Ольга поддерживает в нем это

заблуждение. Это тем удивительней, что, не в пример Жанне, Ольга совсем лишена кокетства.

— Я рада, что вижу тебя, Эли, — сказала Ольга. — Ты, кажется, улетал на Марс?

— А чего я не видал на Марсе? — буркнул я. — Мы монтировали седьмое искусственное солнце на Плутоне. Слыхала о таком?

— Конечно. Желто-красный карлик нормальной плотности, мощность восемь тысяч альбертов. Я недавно вычислила, что этой мощности не хватит для нормального функционирования. Ты не ознакомился с моей запиской, Эли?

— Нет. От твоих записок у меня голова болит — так они учены!

Ольга не обиделась и не огорчилась. Она слушала, ровная и розовощекая. Уверен, она и не вдумывалась в содержание моих слов, с нее достаточно, что я говорю. Она слушает один мой голос. Жанна встряхнула локонами, они у нее длинные и так светлы, что издали кажутся седыми.

— Ты не ответил на мой вопрос, Эли!

— Да, — сказал я. — Влюбился. И знаешь в кого? В тебя. Я долго скрывал, но больше нет сил. Что ты теперь собираешься делать?

— Переживу, Эли. А может, расскажу Андре, пусть он знает, каковы его друзья.

Она повернулась ко мне спиной. Жанна так хочет всем нравиться, что сердится, когда над этим подшучивают.

— У Аллана интересное сообщение, — сказал я, чтобы перевести разговор на другое. — Аллан, повтори-ка, что ты говорил нам.

И снова, как перед тем мы с Лусином, никто не отнесся серьезно к новостям Аллана! Его выслушали равнодушно, словно он делился пустяками, а не самой важной информацией, когда-либо полученной человечеством. Сегодня, вспоминая те дни, я не могу понять, почему нами овладело такое непростительное легкомыслие. Оно было тем непостижимей, что Леонид и Ольга, капитаны дальних звездолетов, уже и в то время слыли опытными астронавтами. Кто-кто, а они должны были сообразить, что означает открытие в звездных мирах, на наших галактических трассах, существ, равных нам по разуму и могуществу. Леонид поступил еще легкомысленней, чем я. Он попросту от-

махнулся от Аллана. Наше маленькое искусственное солнце на Плутоне интересовало его больше.

— Удивляюсь вашему консерватизму, — сказал он. — Сначала монтируете огромный спутник, потом разжигаете, пока он не превратится в крохотное светило, и тратите на это столько же лет, как и два столетия назад наши деды. А зачем? Звездный Плуг за месяц работы зажжет десяток искусственных солнц всех проектированных размеров и температур. Не нужно ни монтажа, ни разогрева, короче, ничего, кроме приказа: зажечь и доставить на место солнце!

— Хорошо! — сказал Лусин. — Очень. Даже — очень-очень! Зажечь и доставить! Замечательно. А?

— Великолепно! — сказал я. — Много лучше пожаров, которые ты разжигашь в животах бедных драконов. Кстати, почему, в самом деле, не используют для создания малых солнц Звездные Плуи?

Ольга сказала рассудительно, иначе она говорить не умеет:

— Создание солнц с помощью Звездных Плугов, вероятно, было бы проще. Но их запуск в окрестностях нашей системы грозит нарушением равновесия космического пространства. Не хотите же вы, чтоб Сириус налетел на Процион, а Проксима Центавра ударилась о Солнце?

Леонид сказал:

— Реальность такого катастрофического нарушения равновесия не доказана...

— Никто не доказал и обратного, — возразила Ольга. — Решение может дать опыт, неудачный же опыт — непоправим.

Из концертного зала вышли Андре с Павлом Ромеро. Появление Павла было так неожиданно, что я в восторге побежал к ним навстречу.

5

Ромеро после разлуки не здоровается, а обнимается, он говорит, что этот обычай раньше существовал во всех цивилизованных племенах. Хорошо еще, что он не целуется, — был, кажется, и такой странный обряд приветствования.

— Это вы, Эли! — сказал он важно. — Ясно вижу, что это вы!

Они стояли передо мной, плечо к плечу, улыбающиеся, довольные. Оба были невысокие, всего метр девяносто один каждый — меньше, чем Лусин и я, — широкоплечие, молодые:

Андре ровесник мне и Лусину, Ромеро на пять лет старше. На этом сходство заканчивается, все остальное, от облика до привычек, вкусов и поступков, у них не только различно, но и противоположно. Ромеро ни на кого не походит, кроме себя, его усы и бородка-эспаньолка мало напоминают окладистые бороды и усы на портретах доисторических королей, хотя он утверждает, что скопировал их не то с римского цезаря, не то с американского президента — в общем, с какого-то из владык древних республик. И он всюду для забавы таскает трость. Он и обнимал меня, не выпуская трости.

Но если Ромеро ни на кого не похож, то Андре не бывает долго похожим на самого себя. При каждой встрече Андре иной и неожиданный. Если бы он не был гениален, я бы сказал, что он тщеславен. В школе он менял волосы чаще, чем костюмы. На пятом курсе второго круга он удалил доставшиеся ему от природы каштановые кудри и вывел черные и прямые волосы, а на третьем круге растительность на голове менялась год от года: гладкие волосы сменились локонами, за ними появились пучки, похожие на кочки, потом он был сияюще лыс, затем снова завел волосы, на этот раз короткие и колючие, как проволока.

Цвет волос тоже менялся: кудри были золотые, потом превращались в воронные, а проволокоподобная поросль обжигала малиново-красным, так что голова пылала на свету, как головешка, — Андре считал, что такое сверкание ему к лицу. На этот раз у Андре были мягкие каштановые кудри, такие же длинные, как у Жанны. Во всяком случае, это красивее, чем малиновая проволока.

— Ты загорел, Эли! — сказал мне Андре. — Неужели солнца на Плутоне так пламенны?

— Это результат концерта, — возразил я. — Твоя симфония меня чуть не испепелила. А один старичок хватался за сердце.

— Тебе не нравится? Нет, правда, тебе не нравится, Эли?

— Как может нравиться вздор?

— Та же мысль, что я высказывал, — подхватил Ромеро. — И те же слова, дорогой Андре: вздор ваша симфония!

Жанна обняла Андре и показала нам язык.

— Не огорчайся, милый. Полчаса назад Эли басом объяснял мне в любви! “Я у твоих ног. Что ты собираешься делать?” Как можно серьезно относиться к Эли?

Мы хохотали, даже Ольга улыбнулась. Андре продолжал огорчаться. Этот чудака надеялся восхитить мир своей адской музыкой.

— Я могу объяснить, что не понравилось в концерте, — сказал я. — Но на это нужно время, Андре.

Он ответил:

— Давайте присядем в парке и побеседуем.

— Лучше походим по парку, — предложил Павел. — В старину философы любили беседовать, прогуливаясь. Почему бы нам не воспользоваться некоторыми их обычаями?

— Без ходьбы философия у древних не шла, — подтвердил Леонид. — Их поэтому называли ходоками.

— Перипатетиками, то есть прогуливающимися, любезный Мрава. Могу вас уверить, что ходоки, или иначе жалобщики, не имели отношения к философам.

Леонид промолчал. С Павлом спорить бесполезно. Он знает о древности все. К тому же никто из нас не представлял себе, чем именно различались профессии жалобщиков и прогуливающих. В старину было много удивительных ремесел.

6

Мы двигались шеренгой, под руки, — Жанна, Ольга, Андре, Павел, Лусин, я, Леонид, Аллан.

Я начал с того, что художественное произведение должно доставлять наслаждение, а не выматывать душу. А после симфонии Андре надо принять освежающий радиационный душ для восстановления сил. Кое-что в ней и неплохо — некоторые мелодии и цветовые эффекты, холод под перегрузку и жара под невесомость, но все это в таких дозах, так утрировано, что наслаждение превращается в страдание.

— Мне нравятся лишь музыка и цвета, — заметил Ромеро. — Должен признаться, друзья, что ваши модные перегрузки, невесомости, давление, жару и прочее душа моя не приемлет.

— Запаха не хватает! — повторил Аллан высказанную раньше мысль — И знаете — электрических уколов! Под грохот и вспышки, ледяной ветер и перегрузки эдакие ядовитые мураши, будто кто-то быстро-быстро перебирает когтями по телу. — Он захохотал.

Лусин проговорил с восхищением:

— Мураши — хорошо!

— Не слушай их! — сказал Жанна. — Они тебя не любят. Одна я тебя понимаю. Я вынесла твою симфонию от начала до конца и только раз вскрикнула от страха.

— Нет, вы меня любите! — энергично сказал Андре. — Но вы заблуждаетесь, и вам надо всыпать. Сейчас я это сделаю!

А затем он произнес речь. Это было блестяще и вдохновенно, как и все, что делает Андре. Его слово в защиту симфонии понравилось мне куда больше симфонии. По его мнению, мы слишком люди, и это плохо. В нашу эпоху, когда открыто множество разнообразных цивилизаций, человеку стыдно выдавать свой жизненный мирок за единственно приемлемый. Его земные обычаи годятся лишь для него, нечего их распространять за пределы Солнечной системы. Но разве человек не ощущает единство жизни во Вселенной, разве тысячи нитей не роднят его с диковинными существами иных миров? Это не общность деталей и внешности, нет, общность живого разума. Вот об этом, о единстве разумных существ Вселенной, и трактует симфония.

— Моя музыка — не земная, она космическая, она раскрывает философскую схожесть всего живого.

И если многое в симфонии для человека трудно — не беда, может, именно это придется по вкусу иным мыслящим существам. Кое-что вам понравилось, что-то понравится обитателям Веги, нечто третье порадует пришельцев с Фомальгаута, четвертое придется по вкусу жителям Плеяд. Труд мой удался, если он затронет души разных существ. Моя симфония — это множество рук, протянутых друзьям во Вселенной. Не требуйте же, чтоб все эти руки пожимали одну вашу, не жадничайте — гармония Вселенной не исчерпывается той, что совершается в ваших душах!

Аллан в восторге подбросил шляпу вверх:

— Первая в мире симфония для видящих, слышащих, осязающих, ходящих и летающих! Нечто впечатляющее для глаз, ушей, лап, жабр, кожи, брони, хобота и присосков!

Ромеро насмешливо улыбался.

— Вы своим созданием строго указали бедному человеку на его скромное местечко во Вселенной, но сам-то человек может не примириться с ролью чего-то среднего между остромыслящей ящерицей и глуповатым ангелом. Вы не подумали об этом, Андре?

Андре ждал, что скажу я. Мне не хотелось его огорчать, но и отмалчиваться я не мог.

— Твои намерения прекрасны, Андре, но неосуществимы. Мне кажется, не существует произведений искусства, воздействующих на все разумные существа Вселенной. Человеческое — человеку. А мыслящим рыбам — нечто особое, может, вовсе чуждое нашему пониманию.

Не помню случая, чтоб Андре уступил сразу. Он непременно поищет неожиданные ходы, изобретет запутанные варианты, те потребуют проверок, — лишь бы не признавать поражения.

— Пусть звездожители сами разрешат наш спор! Продолжим дискуссию на Оре!

Наступило замешательство. Мне трудно было смотреть на Андре.

— Разве ты не знаешь, — сказала Ольга с упреком, — что Эли не летит с нами на Ору?

7

Андре так огорчился, что мне стало его жаль. Он глядел на меня, словно не верил.

— Ничего не поделаешь, — сказал я. — Вы отправитесь знакомиться со звездожителями, а я возвращусь монтировать искусственные солнца в небесах далеких планет.

— Заупокойный тон не идет твоей насмешливой роже, когда ты это поймешь? — воскликнул Андре. — Я хочу знать, почему все так неожиданно повернулось?

Я объяснил, что неожиданного нет ничего. При отборе претендентов у меня не оказалось тех преимуществ, какими блистали мои друзья. Без Ольги, Аллана и Леонида дальние полеты невозможны — они инженеры и командиры космических кораблей. Андре тоже необходим: мало кто сравнится с ним в умении расшифровывать незнакомую речь. И Лусин нужен: он познакомится с иными формами жизни, некоторые попытается потом воспроизвести искусственно. Тем более потребуются знатоки старины Ромеро. Кто знает, не повторяют ли иные обычаи и законы новооткрытых обществ того, что уже некогда цвело и увяло на Земле?

Ну, а кому там нужен я?

— В жизни не встречал большего глупца, чем ты! — закричал Андре. — Я спрашиваю о другом: добивался ли ты, чтоб тебя зачислили в экспедицию? Что ты сделал для этого?

Я терпеливо разъяснил Андре, что еще год назад записался на отборочный конкурс. Большая Государственная машина три месяца назад приступила к обработке данных. Всего нас было около шестидесяти миллионов человек, но после первой же отбраковки по возрасту и здоровью осталось три с четвертью миллиона.

— Ты был среди прошедших первую отбраковку?

— Да. Легче от этого мне не стало. Машина последовательно сужала круг отобранных. В конце концов осталось сто тысяч человек, удовлетворявших всем условиям конкурса, и среди них снова был я. И тогда бросили жребий. Мне выпала пустышка.

Некоторое время мы шли молча. Андре хмурился. Я догадывался, что он выискивает возможности возобновить мое ходатайство. Я был спокоен. Таких возможностей не существовало.

— Мы сделаем так, — сказал Андре. — Эли полетит вместо меня. Он отлично меня заменит.

Одна Жанна обрадовалась, что Андре остается. Мы хором ругали Андре. Наше возмущение было тем сильнее, что мы знали, как нелегко переубедить этого человека, когда он вобьет что-нибудь себе в голову.

— Без Эли не полечу! — твердил Андре. — Еще в школе мы мечтали, что первое путешествие в иные созвездия совершим вместе. Поймите, мне не хочется расставаться с ним!

— Правильно, миленький! — быстро говорила Жанна. — И со мной не надо расставаться. Я тоже не хочу с тобой расставаться. Не слушай их!

Андре и без ее советов не слушал нас, мы кричали и перебивали друг друга. Потом в спор вступила молчавшая до того Ольга:

— В твоих действиях нет логики, Андре. Если Эли полетит вместо тебя, вам все равно придется разлучаться.

Андре зачастую в спешке хватается за первый попавшийся аргумент, не соображая, что тот повернется против него. Ошеломленный, он уставился на Ольгу. Этим воспользовался Ромеро.

— Я попрошу Веру помочь Эли, — объявил он. — Через пять минут я лечу в Столицу, — сказал Павел. — Сейчас десять. В одиннадцать вы узнаете, Эли, благосклонна ли к вам судьба.

Он завершил эти напыщенные слова таким же напыщенным поднятием руки и удалился. Ромеро умница и добряк, но говорит и ходит, как древнеримский император.

Андре пригласил нас к себе в гостиницу. Лусин вспомнил о своем драконе: бедного дракона, вероятно, обижали пегасы. Леонид и Ольга торопились на галактическую базу, у Аллана тоже нашлись неотложные дела.

— Хотелось поругать тебя за дешифраторы, но придется отложить, — сказал он с сожалением.

Андре взял меня под руку.

— Погуляем еще и пойдем ко мне. Нет, я так рад, так рад, что вижу тебя, Эли!

8

В Каире я люблю летние вечера. Конечно, с тех пор как Управление Земной Оси научилось ориентировать в пространстве нашу планету, различия в климате разных широт смягчились. Еще на моей памяти в Антарктике в иные зимы бушевали бесконтрольные снежные бури. Лет пятнадцать назад всерьез обсуждалось, не установить ли на Земле стационарный климат — вечное лето в тропиках, вечную весну на высоких широтах. Идею постоянной весны на шапках планеты и непрерывной жары в центральном поясе, однако, отвергли — и хорошо, что отвергли. Чувство жаждет перемен и противится однообразию. Нынешняя, расписанная по месяцам и неделям, смена тепла и холода, дождей и ясности, ветров и тишины мне по душе.

Однако каждое место на Земле имеет свою особую прелесть. Никакие старания метеорологов не придадут воздуху в Гренландии и Якутии южного аромата и неги. На севере мир суровей и светлее, а у тропиков природа задумчивей и нежней. Синий, напоенный выразительными, как крик, ароматами южный вечер волнует меня своей музыкальностью — возможно, это надо сказать по-иному, я просто не подберу слов точнее.

Именно так я и выразился, когда мы прогуливались с Жанной и Андре по бульвару под пальмами и кипарисами. Жанна сорвала амариллис, кроваво-красный, с дурманящим запахом. Садовые амариллисы на севере не пахнут. Этот же изнемогал, источая благовоние, два-три вдоха из его распахнутой чаши заставляли усиленно биться сердце.

— Глупая! — Андре забрал цветок у Жанны. — В твоём состоянии надо быть осторожней.

Я поинтересовался, что за состояние у Жанны. Она мало изменилась за два года, что мы не виделись. Андре объяснил, что они ждут мальчика. Он показал синтезированный по формулам портрет их ребенка, каким тот будет в десять лет. Я поразился, до чего малыш походил на Андре, — те же глаза, нос, подбородок. Оказалось, Жанна на четвертом месяце, и вчера, перед отлетом в Каир на концерт, Медицинская машина, обследовавшая Жанну, установила, когда будут роды, а затем рассчитала и отпечатала будущий портрет сынишки.

— Вот генетический гороскоп Олега, мы хотим назвать его Олегом, — сказал Андре. — Чудный парень, не правда ли? Ты полюбуйся, какова степень его познавательных способностей, как высок индекс жизненной активности!

Индекс жизненной активности у малыша был на двадцать единиц выше, чем в свое время высчитали мне, и степень познавательных способностей незаурядна. Однако меня не так поразили способности их будущего сынишки, как его сходство с Андре. Все эти великолепные цифры, какими нас снабжают при рождении, не более чем возможности: возможности нужно осуществить, чтоб они стали реальностью, а это штука непростая! Набор жизненных индексов в родовых паспортах — потолок, до него еще надо дотянуться. А сколько людей проходит жизненный путь, не взяв возможную высоту. Пока человечество в целом ниже того уровня, какой ему внутренне присущ, мы пока не дорастаем до себя — вот беда нашего времени!

— Яркий пример неосуществленных возможностей — Павел, — сказал я. — Разве у него не определили при рождении больших математических способностей? А он любит одну историю!

— О тебе было вычислено, что ум твой критичен и насмешлив, и разве это не так? — возразил Андре. — В Олеге я уверен — он осуществит все, что предсказывает его генетический гороскоп.

— Пока он лишь более похож на тебя, чем ты сам, ибо ты любишь менять свою естественную внешность. Ты не прятался возле машины, когда Жанну просвечивали?

Они в голос запротестовали. Жанна надула губы: она гордилась сходством своего будущего сына с отцом больше, чем его

высчитанными заранее необыкновенными способностями. В природе женщин много необъяснимого. Достаточно сказать, что генетические гороскопы девочек осуществляются далеко не так точно, как гороскопы мальчиков.

— Роды, по расчету, будут нелегкими, — говорил Андре. — Жанне надо придерживаться строгого режима. А Охранительница слишком редко одергивает мою неразумную жену!

— Охранительница, не сомневаюсь, исправно выполняет свои обязанности, а ты, как всегда, тревожишься попусту.

— Эли, ты до того логичен, что это непереносимо! Рано или поздно ты женишься на Ольге, и вместо разговоров вы будете вычислять и обмениваться цифрами, как словами!

— Не смей! — сказала Жанна и обняла меня. — Эли — хороший, и я люблю его, а тебя нет. Я рада, что ты надолго улетаешь и оставляешь меня одну.

Слова Андре напомнили мне, что Ромеро обещал потолковать с Верой. Шел двенадцатый час. Я мог бы вызвать Веру по ее шифру. Не надо, решил я про себя, она подумает, что я упрашиваю ее. Однако не прошли мы и двух шагов, как на аллее вспыхнул видеостолб и в нем загорелся силуэт Веры. Она сидела на диване и улыбалась мне. Я видел люстру и цветы справа, остальное терялось во тьме меж цветами и картинами. Слева от Веры кто-то стоял, мне показалось, что это Ромеро, но Вера поняла, куда я смотрю, и освещенное пространство сузилось, охватывая лишь ее.

— Брат, — сказала Вера, — ты мог бы по приезде на Землю явиться ко мне.

— У меня были дела по командировке. И я не знал, что на вашей суматошной Земле стало модой ходить в гости.

— Ты мало изменился, Эли, — заметила она.

— Другие находят, что я очень изменился, — отозвался я.

— А теперь ты хочешь лететь на Ору?

— Разве запрещено хотеть, что вздумается?

— Не все желания осуществляются, Эли.

— Я уже изучал это в курсе “Границы возможного” и, кажется, получил за благоразумие высший балл — двенадцать.

— Боюсь, твоего благоразумия дальше экзаменов не хватило.

— Я часто огорчался своему благоразумию на экзаменах.

Она засмеялась. Я люблю ее смех. Никто так не умеет смеяться, как Вера. Она словно освещается при смехе.

— Тебя не переговоришь, брат. Завтра вечером приходи. Обстоятельства стали другими, и, возможно, твое желание осуществится.

Я не успел ни поблагодарить, ни узнать, почему обстоятельства стали другими, — видеостолб погас. Андре в восторге обнял меня.

— Итак, ты летишь с нами, Эли!

— Вера сказала: возможно.

— Если Вера говорит “возможно”, это значит — наверно!

Жанна тоже поздравила меня, но по-своему. Она сказала, что двумя сумасбродами на Земле станет меньше, а она устала от сумасбродств. Потом она прислушалась к себе.

— Охранительница требует, чтоб я легла, Андре. Не понимаю, почему такая спешка, еще нет двенадцати.

Андре схватил нас с Жанной под руки.

— Немедленно в гостиницу! Я могу объяснить, что случилось. Ты сегодня чувствуешь себя хуже, но не знаешь этого, а Охранительница на то и Охранительница, чтобы все знать о нас.

Мы прошли в их номер. Жанна удалилась в спальню, а я вышел на балкон. Внизу лежал спящий Каир, над ним раскинулась звездная полночь.

9

Может, я сентиментален, но у меня все внутри замирает, когда я остаюсь один на один со звездным небом.

Наших предков-пастухов охватывал страх при виде Вселенной, сверкающей тысячами бессмертных глаз, меня же охватывает восторг. Они и понятия не имели, как неисчислимо велик мир, и все же ощущали себя исчезающе малыми перед лицом звездного величия. Я отлично знаю, сколько десятков и сотен парсеков до каждой из ярких звезд, но не чувствую себя ничтожным перед их грозной отдаленностью и громадой. Это блажь, в ней неудобно признаваться, но мне всегда хочется протянуть руки далеким мирам, так же вспыхивать и менять свой блеск, так же кричать, кричать во Вселенной сияющим криком!..

— Что с тобой? — спросил Андре, выйдя на балкон. — На тебе лица нет.

— Любуюсь небом — ничего больше.

Он сел в кресло и, тихо покачиваясь, тоже засмотрелся на звезды. Вскоре и у него стало странно восторженное лицо, как у всех, кто делается сопричастен величественности мироздания.

Звездная сфера медленно вращала светила вокруг невидимой оси. Небо, бархатно-черное, было почти над головой, протяни руку — дотронешься до звезды! На севере, у горизонта, сверкала Большая Медведица, в зените горел исполинский Орион, неистово пылал Сириус, а пониже, тоже чуть ли не у горизонта, торжественно вздымался Южный Крест, в Киле полыхал багрово-зеленый костер Канопуса. Воздух был так прозрачен, что я легко различал светила седьмой величины, а от жгучего блеска нулевых и отрицательных глазам становилось больно.

Андре тихо проговорил:

— А там, в безмерных провалах Вселенной, мы будем тосковать по родной Земле. Знаешь, Эли, я иногда думаю о людях, которые улетали в космос до того, как был применен эффект Танева. Рабам жалких досветовых скоростей, им не хватало их маленькой жизни на возвращение, они знали это — и все же стремились вперед.

— Ты хочешь сказать, что они были безумцы?

— Я хочу сказать, что они были герои.

Внизу тихо шумели листья пальм и акаций, всегда неподвижные кипарисы вдруг забормотали жесткими ветвями. Я закрыл глаза, улыбаясь. Прямо на меня низвергался оранжевый глаз разъяренного небесного быка — Альдебарана. Двадцать один парсек, шестьдесят пять световых лет разделяли нас. Где-то там, в стороне Альдебарана, летела невидимая искусственная планета — Ора.

— Четыреста двадцать лет назад в пространстве затерялись Роберт Лист и Эдуард Камагин с товарищами, — задумчиво сказал Андре. — Может, и сейчас их корабль несется шальным небесным телом, а мертвые космонавты сжимают истлевшими пальцами рукояти рулей. Как же страдали эти люди, вспоминая маленькую, зеленую, навеки недостижимую Землю!

— Почему такая печаль, мой друг?

— Я боюсь оставлять Жанну.

— Что за опасения! Неудачных родов давно не бывает.

— Да нет, не то!..

Он помолчал, словно колеблясь.

— Перед женитьбой мы с Жанной запросили Справочную о нашей взаимной пригодности к семейной жизни. И Справочная объявила, что мы подходим друг другу всего на тридцать девять процентов.

— Вот как! Никогда бы не подумал.

— Мы сами не ожидали. Я был как пришибленный. Жанна плакала.

— Помню, помню, перед женитьбой ты ходил мрачный...

— Будешь мрачным! Соединиться, имея прогноз, что брак будет неудачен! Потом я сказал Жанне: ладно, пусть тридцать девять, да наши, в старину люди сходились при двух-трех сотых взаимного соответствия, ничего — жили!.. Она твердила, что мы друг другу быстро опротивеем, но я настаивал... Первые недели совместной жизни мы сдували друг с друга пушинки, во всем взаимно уступали, только бы не поссориться. Потом как-то остыли — и снова появился страх, не берут ли верх зловредные шестьдесят один процент над дорогим тридцатью девятью? Мы опять запросили Справочную, и что же? Взаимная наша пригодность составляла теперь семьдесят четыре процента!

— Ого!

— Да. Семьдесят четыре. Нам стало легче, но не очень. Ты напрасно улыбаешься. Пригоден я для Жанны или не пригоден, я не хочу ее терять. В день, когда была решена поездка на Ору, мы получили последнюю справку: наша взаимная пригодность достигла девяности трех процентов. Но и семь сотых лежат камнем на душе. Конечно, если бы я оставался на Земле...

— Все влюбленные глупы. Радуюсь, что не влюблен.

— Это ругань, а не аргумент, Эли. — Андре уныло покачал головой. Я еле удержался от смеха, такое у него было лицо.

— Хорошо, послушай аргументы. Слышал ли ты легенду о Филемоне и Бавкиде? Так вот, это была самая верная супружеская пара среди людей, и боги даровали им счастье умереть в один день, а после смерти превратили их в дуб и липу. Ромеро собрал все сведения о Филемоне и Бавкиде и предложил Справочной просчитать их взаимное соответствие. Угадай, сколько получилось? Восемьдесят семь процентов, на шесть сотых меньше, чем у тебя, чудак! Ты должен петь от радости, а не печалиться!

На это Андре не нашел возражений, и я добавил последний аргумент. На Земле все чересчур уж подчинили машинному

программированию. Я понимаю, гигантскую работу по управлению всеми планетами осуществлять без автоматов невозможно. Но зачем отдавать на откуп машинам те области, где легко обойтись собственным разумом? Мы на других планетах действуем пока без Охранительниц и Справочных — и не погибаем! А когда влюблюсь, я постараюсь ласкать возлюбленную, не спрашивая о взаимной пригодности, — сила нашей любви будет мерилom соответствия. Поцелуи, одобренные машиной, меня не волнуют! Я не Ромеро с его увлеченностью стариной, но признаю, как и он, что многое у предков было разумнее: они не программировали свои влечения.

Андре фыркнул:

— А что ты знаешь о старине? Откуда ты взял, что предки не программировали своей жизни? А их обязательные социальные законы? Их правила поведения? Их так называемые нормы приличия? Прошелся бы ты по любому из старых городов! Да там каждый шаг был запрограммирован: переходи улицу лишь в специальных местах и лишь при зеленом свете, не задерживайся и не беги, боже тебя сохрани остановиться на мостовой, двигайся с правой стороны, а обгоняй слева — тысячи мельчайших регламентаций, давно нами забытых. А их торжественные вечера? Их священный ритуал выпивок, закусок, чередования блюд и спичей! Я утверждаю, что мы несравненно свободнее предков и наши машины безопасности и справочные лишь обеспечивают, а не стесняют нашу свободу. Вот так, мой неудачный машиноборец.

Мне трудно спорить с Андре. Он соображает быстрее меня и бессовестно этим пользуется.

— Мы отвлеклись от темы, — сказал я.

— Единственное, от чего мы отвлекаемся, — это от сна. Третий час ночи, Эли. Я лягу на кровать, а ты пристраивайся на диване, ладно?

Он ушел, а я задержался на балконе.

Когда Орион повернулся над головой, я лег на диван и заказал Охранительнице музыку под настроение. Если бы Андре узнал, что я делаю, то закричал бы, что у меня нет вкуса и я не понимаю великих творений. Он обожает сильные словечки. Что до меня, то я считаю изобретение синтетической музыки для индивидуального восприятия величайшим подвигом человеческого гения. Она лишь для тебя, другой бы ее не понял. И древ-

ние Бах с Бетховеном, и более поздние Семенченко с Кротгусом, и штукари-модернисты Шерстюк с Галом творят для коллективного восприятия. Они подчиняют слушателя — хватают меня за шиворот и тащат куда нужно им, а не мне. Иногда наши стремления совпадают, и тогда я испытываю наслаждение, но не часто. Индивидуальная музыка как раз та, какой мне в данный момент хочется. Андре обзывает ее физиологической, но почему я должен бояться физиологии? Пока я живу, во мне совершаются физиологические процессы, от этого никуда не денешься. Вскоре зазвучала тонкая мелодия. Я сам создавал ее, Охранительница лишь воспроизводила то, чего я жаждал. Грустные голоса скрипок звенели, тело мое напевало и нежилось, за сомкнутыми веками, в темноте, вспыхивали световые пятна. Сперва все это совершалось живо и громко, потом слабело, и я засыпал, борясь со сном, чтобы по-прежнему ощущать музыку. “Завтра будет... Что будет?... Завтра... день!” — возникла последняя смутная мысль, и она отозвалась во мне торжественно-радостной, радужно-зеленоватой мелодией.

10

Утром я узнал, что сегодня в средних широтах праздник Большой летней грозы, и поспешил в Столицу, Андре с Жанной улетели на рассвете. Когда я подошел к гостиничному стереофону, на экране показался смеющийся Андре.

— Ты так крепко спал, что нам с Жанной было жалко тебя будить. После Веры приходи к нам.

На улицах Каира чувствовалось, что предстоят важные события, в воздухе проносились аэробусы и авиетки, шумели крылья пегасов, извивались молчаливые драконы. Я вскочил в аэробус, летевший к Северному вокзалу, и любовался сверху панорамой гигантского города. На земле Каир многоцветен и разнообразен, с воздуха все забивают две краски — зеленая и белая, но сочетание их приятно для глаз.

Мы обогнали не меньше сотни пегасов и летающих змеев, пока добрались до вокзала. Экспрессы уходили на север поминутно.

Гроза по графику начиналась с двенадцати часов. Над серединой Средиземного моря мы врезались в первый транспорт облаков. Я знал, что с Тихого и Атлантического океанов заблаговременно подняты тысячи кубических километров воды и что

их неделями накапливают на водных просторах, пока не придет время двинуть на материк. Но что и заповедное Средиземное море стало ареной тучесборов, было неожиданно. На Земле произошло много нового за два года, что я отсутствовал. Я пожалел, что узнал о празднике поздно: хорошо бы слетать на Тихий океан — посмотреть, как гигантские облачные массы, спрессованные в десятикилометровый слой, внезапно приходят в движение и, опускаясь с высоты, куда их загнали, бурно устремляются по предписанным трассам в предписанные места.

Ветер был около тридцати метров в секунду, Средиземное море бурлило, с каждым километром за окном становилось темней. Через некоторое время экспресс повернул на восток и вырвался на ясное солнце. Минут двадцать мы летели вдоль кромки туч. Я поразился, с каким искусством формируют транспорты облаков — километровая толща тумана неслась таким четким фронтом, как если бы ее подравнивали под линейку. Переход из темноты в ясность был внезапен.

В Столицу мы прибыли в одиннадцать и высадились на пересечении Зеленого проспекта и Красной улицы. Чтоб не выходить на многолюдный в праздники проспект, я свернул на Красную.

Это не самая красивая из двадцати четырех магистралей Столицы, но я ее люблю. Невысокие — в тридцать-сорок этажей — здания вздымаются кубами и многоугольниками, их опоясывают веранды высотных садов, уступы прогулочных площадок. Меня восхищает яркость этой улицы. Красный цвет содержит тьму оттенков и полутонов. Одни здания взмывают малиновыми языками, другие простираются стеной багрового огня, третьи пылают оранжевой копной — и каждое не похоже на соседа.

Однако и на Красной было много людей. Полеты на пегасах и драконах в Столице запрещены, зато сегодня жители высыпали в воздух на авиетках. Как всегда, усердствовала детвора, этому народу нужен лишь повод для шума, а разве есть лучший повод побеситься, чем Большая летняя гроза? Они отчаянно кувыркались над домами и деревьями. Я знал, что Охранительницы следят за ними, но становилось не по себе, когда малыши принимались соревноваться в падении с сороковых этажей. Один из десятилетних храбрецов с воплем обрушился на меня. Охранительница, разумеется, вывернула его авиетку, мальчишка пронесся мимо и повис, покачиваясь метрах в десяти.

— Вот догоню тебя! — рявкнул я, стараясь сдержать улыбку.

— Не догоните. Я от всякого убегу.

И он тут же удрал наверх — выглядывать с орлиной высоты новую жертву.

На пересечении Красной улицы и Звездного проспекта стояли свободные авиетки. Я сел в одну и мысленно распорядился: “В Музейный город”. Авиетка через три минуты опустилась на площади Пантеона, около памятника Корове. Приезжая в Столицу, я всегда захожу в Пантеон. Ныне сюда уже никого не вносят. Но могучие умы и характеры прошлых веков, своей деятельностью подготовившие наше общество, заслужили вечный почет — он был им оказан прадедами, построившими Пантеон. Мне нравится надпись на фронтоне дворца: “Тем, кто в свое несовершенное время был равновелик нам”. Андре иногда смеется, что надпись хвастлива: задираем нос перед предками. А я в ней вижу равнение на лучших людей прошлого, желание стать достойными их.

Я прошел аллею памятников вымышленным людям, оказавшим влияние на духовное развитие человечества, — Прометею, Одиссею, Дон-Кихоту, Робинзону, Гамлету, мальчишке Геку Финну и другим — сотни поднятых голов, скорбных и смеющихся лиц. В стороне от них, у стены, приткнулась статуя Андрея Танева, и я постоял около нее.

Собственно, Танев жил, а не был придуман, о его жизни многое известно, хотя тюремные его тетради были найдены лишь через двести лет после его смерти. Но правда так переплелась с выдумкой, что достоверно одно: в начале двадцатого века по старому летосчислению жил человек, открывший превращение вещества в пространство и пространства в вещество, названное впоследствии “эффектом Танева”, этот человек долго сидел в тюрьме и вел свои научные работы в камере.

Скульптор изобразил Танева в тюремном бушлате, с руками, заложенными за спину, с головой, поднятой вверх, — узник вглядывается в ночное небо, он размышляет о звездах, создавая теорию их образования из “ничего” и превращение в “ничто”. То, что мы знаем о Таневе, рисует его, впрочем, вовсе не отрешенным от Земли мыслителем — он был человек вспыльчивый, страстно увлеченный жизнью, просто жизнью, хороша она или плоха. До нас дошли его тюремные стихи — нормальный человек на его месте, вероятно, изнывал бы от скорби, он же буйно

ликует, что потрудился на морозе и в пургу и, с жадностью проглотив свою еду, лихо выпится. Вряд ли человек, радовавшийся любому пустяку, очень тосковал о звездах. Тем не менее Таневу первому удалось вывести формулы превращения пространства в массу, и он первый провозгласил, что придет время, когда человек будет как бог творить миры из пустоты и двигаться со сверхсветовой скоростью, — все это содержится в его тюремных тетрадах.

От Танева я пошел к голове Нгоро. Я всегда посещаю это место перед началом важного дела. Ромеро шутит, что я поклоняюсь памятникам великих людей, как дикарь своим божкам. Правда тут одна: мне становится легче и яснее, когда я гляжу на величайшего из математиков прошлого.

В середине галереи, на пьедестале, возвышается хрустальный колпак, а в колпаке покоится черная курчавая голова Нгоро. Она кажется живой, лишь плотно закрытые глаза свидетельствуют, что уже никогда не оживет этот могучий мозг. Нгоро до странности похож на Леонида — тот же широкий, стеною, лоб, те же мощные губы, мощные скулы, удлинённый подбородок, крутые вальки бровей, массивные уши, — все в этой удивительной голове мощно и массивно. Но если выразительное лицо Леонида хмуро, его иногда сводит судорога гнева, то Нгоро добр, глубоко, проникновенно добр.

Когда еще в школе я узнал, что Нгоро попал в аварию и малоискусной медицине его века удалось спасти лишь голову, отделенную от плеч, меня поражало, что голова потом разговаривала, мыслила, смеялась, даже напевала, к ночи засыпала, на рассвете пробуждалась — жила тридцать два долгих года! И, приближаясь к голове Нгоро, я вспоминал, что друзья ученого часто плакали перед ним и Нгоро упрекал их за малодушие и твердил, что ему хорошо, раз он может еще приносить людям благо. Он скончался на шестьдесят седьмом году жизни. Он знал, что умирает, искусственное кровообращение могло продлить жизнь головы, но не могло сделать ее бессмертной.

И сейчас я стоял перед великой головой, а Нгоро улыбался черным лицом, и оно было такое, словно Нгоро уснул сегодня ночью, а не двести лет назад.

— Нгоро! — сказал я. — Добрый, ясновидящий Нгоро, я хочу быть хоть немного похожим на тебя!

В это время снаружи зазвонили колокола, запели трубы.

— Тучи! Тучи! — кричали на площади.

Я побежал к выходу, вызывая через Охранительницу авиетку.

11

Тучи вырывались из-за горизонта и быстро заполняли небо.

Я поспешил подняться над островом Музейного города — остров окружают три кольца высотных домов, заслоняющих видимость. Первое кольцо, Внутреннее, еще сравнительно невысоко, этажей на пятьдесят-шестьдесят, но второе, Центральное, вздымающееся уступами, гигантским тридцатикилометровым гребнем опоясывает город, и, где бы человек ни стоял, он видит в отдалении стоэтажные громады этого хребта, главного жилого массива Столицы.

Рядом со мной взлетали другие авиетки, а над городом их было уже так много, что никакой человеческий мозг не смог бы разобраться в толчее. Я вообразил себе, что выйдет из строя Большая Государственная машина и Охранительницы веселящихся в воздухе жителей Столицы потеряют с ними связь, и невольно содрогнулся: люди, налетая один на другого, рушились бы на крыши и мостовые, превращались в кровавое месиво. К счастью, на Земле аварий не бывает.

Тучи за минуту закрыли половину небосвода. Мир вдруг распался на две части: одна — черная, вздыбленная ветром — пожирала вторую — сияющую, лениво-успокоенную. Дико налетел ураган, я приоткрыл окно и чуть не задохся от удара несущегося воздуха. Даже на этой высоте было слышно, как осатанело ревет буря. А потом нас сразу охватила тьма. Я уже не видел летящих рядом, и меня никто не видел. Я знал, что машины безопасности охраняют нас, но на миг мне стало страшно, и я повернул к городу. То же, вероятно, испытывали другие: когда первая молния осветила пространство, все катили вниз. Выругав себя за трусость, я направил авиетку в переплетение электрических разрядов.

Может, я ошибаюсь, но в этом летнем празднике мне кажется всего прекрасней полет туч и сражение молний. Вспышки света и грохот приводят меня в смятение. Я ору и лечу в крохотной авиетке, сам подобный шаровой молнии. В глубинах каждого из нас таятся дикие предки, поклонявшиеся молнии и грому. Различие меж нами, может, лишь в том, что они суеверно падали на колени перед небесным светопредставлением, а мне

хочется помериться мощью со стихиями. По графику световым эффектам отведено всего двадцать минут, и я устремился в центр разряда, где накапливались высокие напряжения, — толчок воздуха здесь подобен взрыву, а яркость электрического огня ослепляет даже сквозь темные очки.

Невдалеке вспыхнула молния с десятками изломов и отростков, похожая на исполинский корень. Параллельно ей зазмеилась другая, а сверху ударила третья. Все слилось в разливе пламени. Мне померещилось, что я угодил в центр факела и испепелен. Но все три молнии погасли, а на меня — чуть ли не во мне самом — обрушилась гора грохота. Ослепленный и оглушенный, я на секунду потерял сознание: авиетка рухнула вниз и остановилась лишь над крышей дома.

В одной из приземлившихся машин я увидел вчерашнюю невежливую девушку с длинной шеей. Я помахал ей рукой и взмыл в новое сгущение потенциалов. Попасть в разряд на этот раз не удалось: авиетка вышла на параллельный полет. Я понял, что вмещалась Охранительница.

— В чем дело? — крикнул я вслух, хотя Охранительницу достаточно вызвать мыслью.

В мозгу вспыхнул ее молчаливый ответ: “Опасно!”.

Я закричал еще сердитей:

— Пересчитайте границу допустимого! У вас там трехкратные запасы безопасности!

На этот раз бесстрастная машина снизошла до ответа голосом. Буря в этом году мчится на таком высоком уровне энергии, что чуть ли сама не вырывается из-под контроля. Механизмы Управления Земной Оси запущены на всю мощность, чтоб удержать грозу на заданной трассе и в предписанной интенсивности. Любое местное нарушение системы разрядов может привести к выпадению из режима всей грозовой массы.

Спорить с Охранительницей бессмысленно. Я метался под тучами от молнии к молнии, не успевая к разряду, но наслаждаясь реками света и ревом воздуха. Раза два меня основательно качнуло, разок отшвырнуло в сторону — забава в целом вышла недурная. А когда прошли двадцать минут, отведенные на разряды, хлынул дождь, и я поспешил в город: дождь надо испытывать на земле, а не в воздухе, и телом, а не машиной. Я приземлился на площади и выскочил под ливень. Авиетка тотчас улетела на стоянку, а я побежал к дому напротив и, пока добе-

жал, основательно промок. Под навесом стояло человек двадцать. Мой вид вызвал смех и удивление: я был одет не по погоде. Среди прочих оказалась все та же девушка. Она положительно невзлюбила меня с первого взгляда. Она единственная смотрела на меня враждебно. Меня так возмутила ее молчаливая неприязнь, что я вежливо заговорил:

— Простите, я не с вами повстречался недавно чуть ниже туч?

— И основательно ниже, почти у земли, — сказала она холодно. — Вы, кажется, закувыркались от разряда?

— Я потерял управление. Но потом возвратился в район разрядов.

— И это я видела — как вы фанфаронили на высоте.

Она явно хотела меня обидеть. Она была невысока, очень худа, очень гибка. Брови и вправду были слишком массивны для ее удлиненного нервного лица, они больше подошли бы мне, чем этой девушке. Она мало заботилась о своей внешности. Конечно, изменить форму головы трудно, но подобрать брови к лицу просто, другие женщины непременно сделали бы это.

— Не люблю, когда на меня глазают, — сказала она и отвернулась.

Я не нашел, что ответить, и ушел, почти убежал из-под навеса. Вслед мне закричали, чтобы я возвратился, но ее голоса я не услышал и пошел быстрее. Дождь уже не лил, а рушился, он звенел в воздухе, грохотал на тротуарах и аллеях, гремел потоками. Холодная вода струилась по телу, это было неприятно. Охранительница посоветовала сменить одежду на водонепроницаемую, какую носят все на Земле. Пришлось вызвать авиетку и поехать в ближайший комбинат.

Через десять минут я вышел на дождь в обмундировании землянина. На Плутоне ливней, подобных земным, не устраивают, и там мы позабыли, что значит одеваться по погоде. Зато теперь я мог спокойно бродить по улицам. Дождь не ослабевал — вода была под ногами, с боков, вверху. Она рушилась, вскипала, рычала, осатанело неслась. Я запел, но кругом так шумело, что я себя не услышал. Громады Центрального кольца пропали в серой невидимости, посреди дня наступила ночь. Лишь водяная стена, соединявшая полупотопленную землю и невидимое небо, тонко, предрассветным сиянием, мерцала и вспыхивала — дождь сам озарял себе дорогу.

Все это было до того красиво, что меня охватил восторг.

Вскоре чернота туч смягчилась и день медленно оттеснил искусственно созданную ночь. Стали видны здания и башни причальных станций. Потоки низвергающейся воды утончились в прутья, прутья превратились в нити, нити распались на клочья, клочья уменьшились до капель — дождь уходил на восток. Было шестнадцать часов, гроза заканчивалась по графику. На улицы и в парки высыпала детвора, в воздухе снова замелькали авиетки, в окнах затрепыхались флаги. Солнце жарко брызнуло на землю, с земли понеслись ликующие крики — праздник продолжался.

Я зашел в столовую и, не разглядывая, нажал три кнопки меню. Это была старая игра — выпадет ли, что нравится? Мне повезло: автоматы подали мясные грибы, любимое мое кушанье. Два других блюда — сладенькое желе и пирог — были не так удачны, но, согласно правилам игры, я съел и их. Пора было идти к Вере.

12

Вера ходила по комнате, а я сидел. Она казалась такой же, как прежде, и вместе с тем иной. Я не мог определить, что в ней изменилось, но чувствовал перемену. Она похвалила мой вид.

— Ты становишься мужчиной, Эли. До отъезда ты был мальчишкой, и отнюдь не примерным.

Я молчал. Так у нас повелось издавна. Она выговаривала мне за проказы, я хмуро отворачивался. Нетерпеливая и вспыльчивая, она болезненно переживала мои шалости, а я сердился на нее за это. Отворачиваться сегодня не было причин, но и непринужденного разговора не получалось. О делах на Плуtone она знала не хуже меня.

Она иногда останавливалась, закидывая руки за голову. Это ее любимая поза. Вера способна вот так — со скрещенными на затылке руками, высоко поднятым лицом — ходить и стоять часами. Я как-то попробовал минут тридцать выстоять так же, но не сумел.

Сегодня она была в зеленом платье с кружевами на плечах, кружева прихватывала брошка — зеленоватая змея из дымчатого камня с Нептуна. Вера любит брошки, иногда надевает браслеты — пристрастие к украшениям, кажется, единственная ее слабость. Я наконец разобрал, что в ней изменилось. Измени-

лась не она, а мое восприятие ее. Я видел в ней то, чего раньше не замечал. Я вдруг понял, что Вера необыкновенно красива.

О ее красоте я знал и раньше, все твердили, что она красавица. “Ваша сестра — греческая богиня!” — говорил Ромеро. Но для меня она была старшей сестрой, заменившей рано умершую мать и погибшего на Меркурии отца, строгой и властной сестрой, — я не приглядывался к ее внешности. Теперь же я не только знал, но и видел, что Ромеро прав.

Она спросила с удивлением:

— Что ты приглядываешься ко мне, Эли?

Я признался, усмехнувшись:

— Обнаружил, что ты хороша, Вера.

— Ты ни в кого не влюбился, брат?

— Жанна приставала с тем же вопросом. По какому признаку вы определяете, что я влюблен?

— Только по одному — ты стал различать окружающее. Раньше ты был погружен в себя, жил лишь своими страстями.

— Страстишками, Вера. Дальше проказ не шло, согласись. Побегать одному в пустыне или Гималаях, забраться тайком в межпланетную ракету — помнишь?

Она не отозвалась. Она остановилась у окна и глядела на город. Я тоже промолчал. Мне незачем было торопить ее. И без понукания она объяснит, зачем позвала к себе.

— Ты закончил командировочные дела на Земле? — спросила она.

— Закончил, и вполне успешно. Мы получили все, что запрашивали.

— Павел сообщил, что возобновляешь ходатайство о поездке на Ору. Почему ты стремишься на звездную конференцию? Я не уверена, что ты правильно понимаешь, какие мы ставим себе задачи на Оре. До сих пор ты был равнодушен к тому, что волнует других.

Я засмеялся. Характер у Веры не изменился за те два года, что мы не виделись, хоть внешне она показалась иной. Каждый наш разговор превращался в экзамен того, что я знаю и умею. Я твердо решил на этом новом экзамене не провалиться.

— Нет так уж равнодушен, Вера. И я аккуратно слушаю передачи с Земли. А о конференции на Оре всем прожужжали уши.

— Ты не отвечаешь на мой вопрос, Эли.

— Я не дошел до ответа. Вот он, дорогая сестра. Вы собираете на Оре жителей соседних звездных миров, чтобы позна-

комиться с их нуждами и возможностями, завязать с ними дружеские связи, наладить обмен товарами и знаниями, организовать межзвездные рейсы. Задуман проект Звездного Союза, объединяющего всех разумных существ нашего района Галактики... Верно я излагаю?

— Верно, конечно, и вместе с тем уже неверно.

— Не понимаю, сестра...

— Видишь ли, общепризнанные задачи Оры ты рассказал точно. Но открыто так много неожиданного...

Я вспомнил, что Аллан говорил о существах, похожих на нас.

— Ты колеблешься, говорить или нет?

— Просто обдумываю, с какого конца начать. Мы, разумеется, понимали, что нами обследован лишь незначительный участок Галактики, несколько тысяч соседних звезд, и делать окончательные выводы преждевременно, если вообще это когда-либо возможно — делать окончательные выводы... Но, открывая одно звездное общество за другим и обнаруживая, что все они ниже нас по техническому и социальному уровню, мы как-то утвердились в чувстве своей исключительности. Жители Альдебарана и Капеллы, Альтаира и Фомальгаута, даже вегажителли, не говоря уж о бесчисленных ангелах в Гиадах, — все они уступают человеку. Наши звездные соседи примитивней нас — таков факт. И что собираем конференцию на Оре мы, а не кто-либо из них, и свидетельствует об особой роли человека среди звездожителей.

— А новые данные опрокидывают ваш вариант антропоцентризма? Человек отнюдь не пуп мироздания, правильно я понимаю, Вера?

— Ты всегда торопишься, брат. Мартын Спыхальский, наш руководитель на Оре, доставил записи сновидений ангелоподобных одной из крайних звезд в Гиадах — Пламенной В. Два слова об этой звезде. Она немного горячее Солнца, класса Ф-8, у нее девять планет, тоже мало отличающихся от Земли, и все населены четырех- и двукрылыми ангелами. Уровень общественной жизни низок — примитивная материальная культура, вражда племен, отсутствие письменности и машин. Но запись излучения их мозга при сновидениях раскрыла факты, каких мы пока не встречали. В снах ангелоподобные с Пламенной В видят существ, похожих на людей, и видят их воистину в трагических ситуациях. Интересно, что бодрствующие ангелы объясняют свои сны как изо-

бражения бытующих у них сказок о каких-то высших по разуму и мощи существах.

— А может, это и вправду сказки? Вроде человеческих сказок о богатырях и волшебниках?

— Сказки у них тоже записаны — они беднее снов. Судя по всему, похожие на людей существа прилетали в Гиады издали. Кстати, БАМ перевела их название громким словом “галакты”, а не “звездоджители”, как обычно. Это еще не все. Тому, что где-то во Вселенной есть схожие с нами существа, можно лишь радоваться — постараемся познакомиться с ними и завязать дружбу. Но новые открытия вызывают нелегкие размышления. Дело в том, что у галактов существуют могущественные враги, с которыми они находятся в состоянии космической войны, такой невообразимо огромной, что она подходит к границе нашего понимания. Объектами разрушения в этой войне являются уже не существа и механизмы, как в древних человеческих сражениях, а планетные системы. Ангелы именуют грозных существ, враждующих с галактами, зловредами.

— Зловреды! Какое нелепое название! В нем есть что-то инфантильное. Для научного термина оно, по-моему, не подходит.

— Думаю, БАМ не случайно выбрала это слово из тысяч других. Очевидно, оно дает самое точное определение их поведения. Другой вариант — разрушители. Интересно, что на вопрос, каковы они внешне, БАМ ответила: “Неясно”. И еще неопределенней: “Разные”.

— Крепкий же это орешек, если сверхмогущественная БАМ не сумела его разгрызть!

— Очевидно, недостает данных. С названием “разрушители” ассоциируются зашифрованные понятия: “уничтожать живое”, “сжимать миры”. Завтра ты увидишь на стереоэкране, как это выглядит. Похоже, разрушители владеют обратной реакцией Танева, то есть создают вещество, уничтожая пространство, без этого миры не “сжать”. А галакты противодействуют им. В результате в межзвездных просторах кипит война.

— Это так грандиозно, словно ты описываешь битву богов.

— Я излагаю расшифрованные записи, не больше. И что значит “битва богов”? Нынешнее могущество человека много больше того, что люди когда-то приписывали богам, тем не менее мы люди, а не боги. Луч света далеко отстает от наших космических кораблей — разве это не показалось бы жителю

двадцатого века сверхъестественным? В сегодняшнюю грозу ты мчался наперегонки с молниями. Вряд ли подобную забаву сочли бы естественной сто лет назад.

— Ты и об этом, оказывается, знаешь?

— Я следила за тобой. Раз ты в Столице, следует ожидать рискованных чудачеств. Почему-то ты считаешь этот город лучшим местечком для озорства. На Плутоне ты вел себя сдержанней.

— На Плутоне у меня не хватало времени для забавы. И потом, там отсутствуют Охранительницы. Скажи теперь, Вера, какие выводы вы делаете из информации о галактах и разрушителях?

Вера, задумавшись, ответила не сразу:

— Завтра собирается Большой Совет, будем решать. Но и сейчас уже ясно, что возникли десятки вопросов и каждый требует своего ответа. Существуют ли еще разрушители и галакты или информация о них — пережиток миллионы лет назад отгремевших катаклизмов? Кто из них победил в космической схватке? Может, обе стороны погибли в своих чудовищных сражениях? Какое отношение имеют к людям так удивительно похожие на нас галакты? И если и те и другие еще существуют, то где они обитают? Мы выходим, впервые в нашей истории, на галактические трассы — безопасны ли они для нас? Мы вознамерились создать Межзвездный Союз Разумных Существ — не рано ли? Может, следует полностью замкнуться в мирке солнечных планет? Есть и такое мнение, Эли! У нас огромные ресурсы — не направить ли их на строительство оборонительных сооружений? Может быть, возвести вокруг Солнечной системы кольцо искусственных планет-крепостей? И об этом надо поговорить. Словом, множество непредвиденных проблем! И решением некоторых придется заняться тебе, Эли, — с нашей помощью, конечно.

— Значит ли это, что я поеду на Ору, или у меня будет другое задание? — спросил я, волнуясь.

— Как тебе известно, руководить совещанием на Оре поручается мне. Я хочу взять тебя секретарем.

— Секретарем? Что это такое?

— Была в древности такая профессия. В общем, это помощник. Думаю, ты справишься.

— Я тоже так думаю. Тебе придется запросить Большую, подхожу ли я в секретари?

— БАМ уже сделала выбор. Я попросила в секретари человека мужественного, упорного, быстрого до взбалмошности, решительного до сумасбродства, умеющего рисковать, если надо, своей жизнью, любящего приключения, вообще неизвестное, — никто теперь не знает, с чем мы столкнемся в других мирах. И Большая сама назвала тебя. Должна с прискорбием сказать, что ты один на Земле обладаешь полным комплексом сумасбродства.

Я кинулся обнимать Веру. Она со смехом отбивалась, потом расцеловала меня. Я еще в детстве открыл, что, как бы она ни сердилась, достаточно полезть с поцелуями — и через минуту злости ее как не бывало. Лишь врожденное недоброжелательство к подлизыванию и умильным словечкам мешали мне эксплуатировать эту забавную черту ее характера.

— Я рада за тебя, Эли! — сказала она. — Хоть сегодня больше поводов для тревог, чем для радости, я рада за тебя.

Я шумно ликовал.

— Ну что же, Вера, — сказал я, успокоившись. — Возможно, на Земле я кажусь сумасбродом. Но эти дурные свойства моего характера могут пригодиться в других мирах.

— Еще одно, брат. Тебе разрешено быть завтра в Управлении Государственных машин. Нам покажут, что удалось расшифровать. Ровно в десять, не опаздывай! — Она встала. — Твоя комната в том же виде, в каком ты ее оставил, улетаая на Плутон, — прибрана, конечно.

— Я не хочу спать. Я посижу в саду.

13

В Столице дома опоясаны верандами через каждые пять этажей и садами на террасах каждого следующего двадцатого. Наша с Верой квартира на семьдесят девятом этаже Зеленого проспекта — внутренней стороны Центрального кольца. Я поднялся выше и присел в саду восьмидесятого этажа. Не помню уже, сколько я там сидел и о чем думал. Путаные мысли переплетались с путаными чувствами — я был счастлив и озабочен. Потом я стал рассматривать ночной город.

В школах учат, что древние города ночью заливало сияние прожекторов и люминесцентных ламп. На шумных улицах вечно толклись прохожие. Хоть Столица — город немолодой, ей скоро четыреста лет, и давно уже не возводят таких скоплений

зданий на клочке земли, в остальном она современна. Ночью магистрали Столицы темны и тихи. Я люблю ночные контрасты Столицы — темные проспекты и сияющие полосы этажей. Сверкающая горная цепь Центрального кольца терялась вдалеке, за черной долиной парка вздымалось параллелями освещенных этажей Внутреннее кольцо — неозираемо широкая лестница от земли к небу.

Зато Музейный город, центр Столицы, был неразличим.

Ни пирамиды, ни ассирийские и египетские храмы, ни Кремль, ни собор Святого Петра, ни парижский Нотр-Дам, ни кельнская и миланская готика — все эти великолепные памятники прошлых веков, воспроизведенные на островном клочке земли, — ни одна из этих высоких точек, отчетливо видимых днем, не прорезалась искоркой в темноте.

Лишь красное полушарие на центральной площади — Управление Государственных машин — заливал свет. Любой из нас тысячи раз видел на стереозэкранах все комнаты и коридоры этого знаменитого “завода мысли и управления”, как некоторые выпренно его называют, однако немногие счастливицы могут похвастаться, что побывали в нем. Три важнейших механизма — Большая Государственная, Большая Академическая и Справочная машины — неустанно, днем и ночью, не останавливаясь ни на секунду, трудятся там уже скоро два столетия.

Я смотрел на красное здание и думал, что сегодня в нем распутывают одну из труднейших загадок, когда-либо стоявших перед человечеством, и что, может быть, все благосостояние Земли зависит от того, правильно ли машины разберутся в ней. И еще я думал о том, что мне придется далеко умчаться от этого места, где среди ста миллиардов элементов Большой имеется и неповторимо мой уголок в миллион клеточек, моя Охранительница, мудрый и бесстрастный мой наставник и поводырь. Я не раз сердился на Охранительницу, называл ее бесчувственной и даже хвастался ироническим отношением к управляющим машинам. Но, по-честному, я привязан к ней, как не всегда привязываются к живому человеку.

Кто, как не она, бдительно отводит от меня опасности, оберегает от болезней и необдуманных шагов, а если меня что-то гложет, разве она не докапывается до причин упадка духа и, маленькая часть Большой, не ставит их перед всем обществом как важную социальную проблему, если, по ее критерию, они

того заслуживают. И разве я не всегда уверен, что если мне явится полезная людям идея, то, хоть сам я и забуду о ней, Охранительница, подхватив ее, введет в код Большой, а та немедленно реализует или поставит на обсуждение перед всем человечеством — пусть лишь мелькнувшая у меня в мозгу идея стоит такого внимания!

Я также вспоминал, что, если ошибусь, совершу неудачный поступок, лишь бы он не вредил другим, Охранительница промолчит о моих неудачах, ни один друг, самый вернейший, не хранит так тайн, как она!

Нет, для меня она не была просто умно придуманной, умело смонтированной частью огромной машины — она была своеобразной частью меня самого, моей связью со всем человечеством, миллионами рук, протянутых мной каждому человеку! Скоро, очень скоро эти связи ослабнут, если не исчезнут совсем, — Большую с ее ста миллиардами элементов в далекие путешествия не взять!

Мне захотелось в последний раз испытать могущество обслуживающих машин. Я приказал Охранительнице узнать, что за девушка дважды обругала меня. В мозгу засветился ответ: “Справочной для ответа не хватает данных”. После лирических размышлений о всесии управляющих машин ответ Справочной смахивал на насмешку.

Андре любит доказывать, что мы живем в примитивное время, переходное к полностью устроенному обществу, — потребности, особенно духовные, все возрастают, половина остается неудовлетворенной. Еда, одежда, жилища, средства передвижения, образование, свободный выбор профессии — блага элементарные, их отпускают вволю, но их мне уже недостаточно, говорит он. Если же я задумаю переменить свои влечения и склонности или из старика превратиться в юнца, даже Большая разведет своими электронными руками. Воображаю, как бы он посмеялся моей неудаче со Справочной.

Я прислонился головой к олеандру и стал вспоминать встречи с той девушкой — толкотню у концертного зала, резкий разговор под навесом, куда мы укрылись от ливня. Я видел ее — сердитую, темноглазую, с тонким лицом, с высокой шеей и широкими бровями...

— Теперь данных достаточно, — зазвучал голос Охранительницы. — Девушка — Мери Глан, родом из Шотландии,

курс проходила на Марсе, куда уезжала с отцом, двадцать три года, рост сто восемьдесят два сантиметра, вес семьдесят пять килограммов, не замужем. Главное увлечение — выращивание растительных форм для планет с высокой гравитацией и жестким излучением.

— Женихов эта Мери Глан не запрашивала? — поинтересовался я.

— Сердечных увлечений не было.

Я продолжал играть в “жениха и невесту”, как называется в школах эта забава. Там Справочную засыпают вопросами о взаимной пригодности, особенно увлекаются этим девочки. Они перебирают по тысяче “женихов”, а выходят замуж чаще всего не за тех, кого им рекомендовала Справочная.

— А я бы подошел ей? Какова степень нашей взаимной пригодности?

На этот раз Охранительница передала ответ Справочной секунды через четыре. Воображаю, какую бездну семейных возможностей — нежностей, страсти, объятий, ссор, примирений, недоразумений, бед, обид, радостей, ликований — она рассчитала за это время! Я вдруг услышал презрительный голос Роме-ро: “Не кажется ли вам, дорогой друг, что машинная техника нашего времени переросла себя? Раньше такие явления назывались “зашел ум за разум”. Голос зазвучал так реально, что я обернулся. Подслушать мои запросы он, впрочем, не мог — тайна мыслей охраняется строго.

Справочная наконец возвестила:

— Ваша взаимная пригодность — десять и три десятых процента. Ее годность к вам — семнадцать и две десятых процента, ваша к ней — два и восемь десятых процента. Развод вероятен на первом месяце семейной жизни, неизбежен — к середине второго.

Я вспомнил, как Роме-ро рассказывал смешную историю. Нашлись два романтика, мужчина и женщина, до того уверовавшие в безошибочность Справочной, что всерьез поручили ей отыскать себе пару. И Справочная, перебрав всех жителей Земли, свела именно их как максимально пригодных для совместной жизни. Теперь дело оставалось за тем, чтобы встретиться и влюбиться. Они встретились и почувствовали друг к другу отвращение.

Я грубо потребовал от Справочной:

— Эта, как ее, Мери, обо мне не запрашивала?

Охранительница обычно разговаривает приятным женским голоском, реже ворчливым тенорком старичка, еще реже — просто зажигает в мозгу свои ответы. Не знаю, почему так происходит, кажется, конструкторы не хотели, чтоб люди свыкались с машиной, как с человеком. Если это так, то их предосторожность малодейственна. В мозгу замерцала холодная зеленоватая надпись: “Нетактично. Не передаю Справочной”.

Я потянулся и встал. В мире не существовало девушки, которая бы так мало меня интересовала, как эта Мери. И я уже говорил Андре, что, влюбившись, не буду спрашивать у Справочной советов.

Я пошел спать.

14

На другое утро ничто не показывало, что вчера был праздник.

Если бы в Столице появился никогда в ней не живший человек, он не поверил бы, что ее населяют пятнадцать миллионов, до того малолюдны и тихи ее улицы.

У входа в Управление Государственных машин я повстречался с Ромеро и Андре.

— Ты не пришел к нам, — сказал Андре. — А Жанна тебя ждала.

— Был важный разговор с Верой.

Оба поздравили меня с назначением на Ору.

— Кто из вас уже бывал здесь? — спросил Андре. — Я — впервые.

Ромеро показал нам здание. Все три великие машины — и Большая Государственная, и Большая Академическая, и Справочная — смонтированы в многоэтажных подвалах, мы туда не пошли. Там неинтересно: миллионы рабочих и резервных ячеек на стеллажах, миллиарды действующих элементов, дикая, на неопытный глаз, путаница коммуникаций — таков облик этих машин.

Зато залы заседаний мы осмотрели. Здесь все величественно. Большой Совет заседает в Голубом зале, потолок там имитирует звездное небо. Нас пригласили в Оранжевый зал. Он вмещает около пяти тысяч человек, и к десяти часам утра все места были заняты. Нашей семерке отвели ложу. Впереди размещался пус-

той куб стереозэкрэна. Все, что появляется на стереозэкрэне, передается по стереофонам Земли. Сегодняшнюю передачу должны были смотреть также и Солнечные планеты, такое ей придавалось значение.

Когда побежали последние секунды десятого часа, в туманном кубе стереозэкрэна появился большеголовый человек с глазами навыкате, румяными щеками и седыми усами.

— Мартын Спыхальский, — прошептал Андре.

Я с интересом рассматривал знаменитого астронавта. Его корабли дальше всех проникли в звездные просторы: он побывал в местах, куда ни до, ни после него никто не проник. Для своих лет он выглядел молодцом, даже голос его был звучен помолодому.

Он рассказал об экспедиции на Пламенную В, и мы увидели все девять планет звезды. Звезда и планеты были заурядные небесные тела, каких множество. Но крылатые обитатели планет вызвали в зале шепот и смех. Они и вправду напоминали представления древних об ангелах, почему их так и назвали открывшие их Чарльз Вингдок и Софья Когут.

Все ангелы вспыльчивы и драчливы, без потасовок у них редко обходится. Нам показали одну такую стычку — пух с крыльев заволок все как туманом, а клекот был так громок, что звенело в ушах. И уж совсем убогими нам показались жилища на планетах этой дальней звезды в Гиадах — одноэтажные бараки с такими узкими дверьми, что бедные ангелы не влетают, а вползают в них, сминая крылья. На центральных светилах Гиад живут удобней, там для отдыха и сна воздвигнуты общественные дворцы с широкими входными — вернее, влетными — порталами. А затем одна за другой стали вспыхивать расшифрованные картины снов ангелов Пламенной В.

Сперва мы увидели фигуру, издали поразительно похожую на человеческую. Фигура выплывала из клубящегося тумана предсна, она разгоралась по мере того, как сновидение становилось глубже. Вскоре стало ясно, что это и человек, и нечеловек, нечто и меньшее, и большее человека. На нас спокойно взирали огромные — в треть лица — глаза, длинные локоны падали на плечи. Галакт поднял руку, на ней извивались пять пальцев, именно извивались, а не шевелились. Он поскреб подбородок одним из этих подвижных пальцев и положил руку на грудь — два пальца были протянуты вперед, три загнулись назад, к

тыльной части ладони. Руки поразили меня еще больше, чем лицо.

На второй картине были малиново-красные скалы, такая же ярко-красная жидкость, бившаяся волнами о камни, и огромное сине-желтое светило, поднимавшееся над малиновой жидкостью. У меня похолодела кожа, так был зловещ этот дикий пейзаж, я не сразу понял, что нам попросту показывают одну из планет Пламенной В.

На скалу поднялся галакт, окруженный крылатыми обитателями планеты, он почти вдвое возвышался над ними. Рост галакта, доложила машина, два метра восемьдесят. В зале зашумели — галакт на полметра превосходил рослого человека. Присмотревшись, я убедился, что это тот самый, что был в первой картине. Он осматривался, приложив руку к глазам для защиты от ползущего наверх пронзительного светила, а другой рукой дружески похлопывал по плечам четырех- и двукрылых недорослей. Из-за скалы поднялся второй галакт, старик с седой бородой и седыми волосами, и подошел к первому. И старик, и молодой были в одеждах, похожих на древние человеческие, — ярко-зеленые, свободно развевающиеся плащи. Оба с какой-то тревогой молча всматривались в красное море.

— Записано на четвертой планете Пламенной В, — доложила БАМ. — Следующая запись совершена на восьмой планете той же системы.

И эта картина началась с пейзажа, но теперь окружающее было серо, почти черно: однообразно-холмистая равнина, тусклые звезды на темном небе. На поверхность планеты опускался сигарообразный корабль, отбрасывая снопы зеленоватого света.

— Фотонный космический корабль, — сообщила БАМ, — примерно та же конструкция, что разработали наши предки четыре столетия назад.

— Первая ступень космической техники! — пробормотал Аллан. — Негусто у небесных странников.

В следующей картине фотонный звездолет лежал на грунте, а около него возились галакты и ангелы. В руках у галактов были ящики, похожие на старинные сварочные аппараты, из ящичков вырывались лучи и искры. Неподалеку, на холме, возвышалась башня с вращающимся прожектором. Прожектор обрыскивал небо. Из носовой части звездолета вынеслась ракетка и умчалась в темное небо. Галакты, похоже, были в трево-

ге. Не доверяя вращающемуся глазу на башне, они сами, вдруг забрасывая работу, вглядывались в звезды, тускло посверкивавшие на черном фоне. Движения галактов были быстры, работа тороплива — они спешили. А когда и эта картина потускнела, появились новые записи: туманные полосы, светящаяся пыль, заполнившая весь объем телеэкрана. В этой пыли выросли два сближавшихся, скудно мерцавших шара. Сближение походило на преследование: правый шар отклонялся к краю экрана, левый его настигал. Пространство залил голубой свет и забушевал, поглощая оба шара. У меня было впечатление, будто оба шара взорвались от столкновения и их пожирает пламя. БАМ подтвердила, что в видении изображено столкновение двух пока еще не разгаданных небесных тел.

— Предположительно — космическая катастрофа, — сообщила БАМ.

Следующая картина представляла собой изображение звездного скопления, по виду — рассеянного, а не шарового. БАМ информировала, что скопление не идентифицировано, но в видениях крылатых обитателей девятой планеты повторяется часто. Облик скопления был причудлив, мне почудилось в нем что-то угрожающее. Оно распадалось на две почти равные половинки — многие тысячи звезд в каждой из половинок. Странность была не в обилии светил — в галактике многозвездных скоплений хоть отбавляй. Одна половинка походила на сомкнутый звездный кулак, мощно ударивший во вторую кучку — та как бы отлетела, рассыпаясь на сотни разобщенных звезд.

— Последняя из записей, — доложила машина. — Четвертая, седьмая и девятая планеты. Повторяется у многих крылатых. Демонстрируется самый четкий образец.

И сразу перед нами возник галакт. Из всех картин, что мы увидели в зале БАМ, это была самой драматичной. Галакт, как подрубленный, падал на землю, он именно падал, а не упал, сонное воспоминание начиналось с момента его падения. А потом, уже лежа, он отчаянно бил ногами и взрывал своими подвижными пальцами землю. Он пытался ползти, голова его была поднята — он полз на нас. На шее его зияла рана, кровь широким потоком хлестала на руки и землю. Никогда не забуду его лица — юного, красивого, искаженного испугом и страданием. Потом он в последнем усилии протянул к нам руки, язык его окостеневал, щеки бледнели, одни гигантские, нестерпимо

сияющие глаза продолжали молить о помощи. Неотвратимо оковываемый смертью, юноша закрыл глаза и только слабо вздрагивал телом, пытаясь бессильным содроганием порвать ее цепи.

По залу пронесся гул — тысячи зрителей разом вздохнули.

— Черт знает что! — вслух ругался бледный Андре.

Снова заговорила БАМ.

Академическая машина оправдывала свое название — она описывала и показывала аппаратуру для записи сновидений, оценивала достоверность расшифрованных картин. Крылатые жители Пламенной В, оказывается, не могли растолковать многого из того, что являлось им во снах, — например, ни один из них и понятия не имел о фотонных ракетах и сварочных аппаратах. БАМ рассказала, как полученные некогда сильные впечатления передаются потомкам механизмом наследственности, потом приступила к изложению сказок о галактах и разрушителях, бытующих на планетах Пламенной В. Предания о пришельцах из космоса обнаружены лишь у ангелов этой планетной системы. Вкратце они сводятся к следующему.

В давние времена планеты были мрачны и неустроены, по земле ползали хищные гады, в воздухе, таясь от соседей, изредка пролетали дикие ангелы. Кровавые свары раздирали крылатые народы, все было предметом драк — почва и воздух, растения и одежда, еда и жилища. Скудная природа рожала мало, кусок по сто раз переходил из крыльев в крылья, из когтей в когти, прежде чем попадал в рот, — так жили неисчислимую бездну лет, ничто не менялось.

Но однажды с неба спустились корабли и из них вышли галакты. Перепуганные ангелы сперва попрятались в пещерах и лесах, потом, убедившись, что пришельцы зла не несут, выпали в воздух и с клетотом носились над ними, устраивая тут же драки меж собою. Галакты буянов заперли, а войны запретили. Мир и спокойствие понемногу водворились на спутниках Пламенной В. Галакты, однако, чувствовали себя гостями, а не жителями на ее планетах. Они неустанно наблюдали за небом. И однажды ангелы стали свидетелями космической битвы, разразившейся между ними и какими-то их врагами. Небо превратилось в бездну испепеляющего пламени. Две крайние планеты столкнулись и взорвались. На оставшихся были истреблены посевы, сады, города. От созданной галактами цивилизации не осталось и следа.

Когда уцелевшие от огня и голода ангелы выбрались на поверхность из пещер, куда забились, им предстала ужасная картина разрушений. Крылатые народы сразу были отброшены в первобытное дикое существование. Ни галактов, ни их врагов нигде не было — и больше ни те, ни другие не появлялись в системе Пламенной В.

БАМ так прокомментировала легенды крылатых:

— За орбитой девятой планеты Пламенной В открыты пылевые облака, вращающиеся вокруг центрального светила. Гипотеза, что они представляют собой остатки некогда уничтоженных двух планет, весьма вероятна. На всех планетах системы обнаружены следы пожаров, прикрытые последующими напластованиями. По времени это от двухсот тысяч до миллиона лет тому назад по земному счету.

На этом информация, присланная Спыхальским, была закончена. Членов Большого Совета попросили в Голубой зал. Мы вышли.

15

Вера ушла на заседание Большого Совета. Ромеро пригласил нас в висячие сады Семирамиды. Авиетки унесли нас в кварталы Месопотамии и Египта и высадили на верхней террасе Вавилонской башни, у храма Мардука с золотой статуей уродливого бога. Мы сошли на среднюю террасу. Здесь уютно и зелено, отсюда хорошо видны ближние окрестности Музейного города — пирамиды слева и античные храмы справа.

Мы уселись у барьера, над нами шумели кипарисы и эвкалипты, странные для пейзажа Столицы. На острове странное — обычно.

— Что вы думаете обо всем этом, друзья? — спросил Андре.

— По-моему, тебя интересует не столько то, что думаем мы, сколько то, что пришло в голову тебе самому, — возразил я. — Поэтому не трать время на расспросы. Мы слушаем тебя.

— Я утверждаю, что наше сходство с галактами не случайно, — объявил Андре. — Мы с ними состоим в родстве, и они раньше достигли высокой цивилизации.

— Машинная техника галактов отстает от нашей, — заметила Ольга.

— Отставала двести тысяч или даже миллион лет назад. Какая она сейчас, мы не знаем. И тогда она была столь высока, что недалеким ангелам галакты должны представляться богами.

— Гонимые по свету боги, к тому же смертные, — съязвил я.

— Да, гонимые боги! — закричал он. — Во всяком случае, таковы они в суеверных представлениях первобытных народов. Для меня галакты — существа, как мы. Их надо разыскать и предложить им союз. Сама природа создала нас для сотрудничества. И если они по-прежнему изнемогают в борьбе с врагами, мы обязаны прийти им на помощь.

— Человек помогает попавшим в беду богам — зрелище для богов! — хладнокровно сформулировал я.

В спор вступил Ромеро.

— Вы спорите о пустяках, — сказал он. — В родстве ли мы с галактами или развились независимо от них — несущественно. Одно важно: где-то во Вселенной бушуют истребительные войны и они затронут нас, раз мы входим в галактические просторы. Я считаю, что человечеству грозит опасность. Если враги галактов уже миллион лет назад были способны сталкивать между собой планеты, то как усовершенствовалась с тех пор их техника уничтожения? Их называют разрушителями, “зловреды” лишь бранное слово, — название не случайное, подумайте об этом! И вполне возможно, что галакты давно истреблены, а поиски наших звездных родичей приведут лишь к тому, что человечество лицом к лицу столкнется с грозными разрушителями и в свою очередь будет истреблено. Поймите же наконец, слепые люди, что мы знаем о Галактике? Мы только выползли за околицу нашего земного домика, а вокруг нас огромный, неизвестный, таящий неожиданности мир!

Не могу сказать, что его зловещая речь не произвела на нас впечатления. Имел значение также и страстный тон пророчеств. Впрочем, все пророки страстны, особенно пророки гибели, — уравновешенных пророков никто не стал бы слушать.

В этом смысле я и возразил Ромеро: посоветовал не пугать нас и самому успокоиться. В тот день я даже отдаленно не догадывался, какой перелом совершается в Ромеро. Он заговорил спокойней:

— С вами спорить не буду, Эли. Для вас, друг мой, любая серьезная мысль раньше всего лишь повод для зубоскальства. И с Андре не хочу препираться, он во всем неизвестном отыскивает материал для удивительных гипотез. Думаю, мне надо обратиться не к вам, а ко всему человечеству, и предостеречь его.

— Мы тоже часть человечества, — пробормотал, нахмурясь, Леонид. — И какое-то значение наше мнение имеет.

Ему, как и мне, не понравились предсказания Ромеро. Но вступать в дискуссию Леонид не стал. Среди вещей он ориентируется лучше, чем среди мыслей.

Чтобы отвлечься, Ольга стала рассказывать о придуманных ею усовершенствованиях звездолетов, а я залюбовался Парфеноном. Знаменитый храм был отсюда метрах в двухстах и казался еще гармоничней, чем вблизи. Не знаю почему, но греческая старина мне ближе всего. И я снова подивился искусству, с которым строители Музейного города разместили великие памятники старины: каждый храм и дворец выступает отдельно, в своем естественном окружении, даже сверху нет впечатления путаницы разноликих зданий.

А потом прилетела Вера.

— Мы приняли важные решения, — сказала она. — По общему мнению, мы стоим в переломном пункте развития человечества и любой неосторожный шаг может оказаться непоправимым. Но и бездействовать нельзя. Осторожность и смелость — вот что сегодня требуется.

И она заговорила о постановлениях Совета.

Звездная конференция на Оре утверждена. Возможности создания Межзвездного Союза Разумных Существ нашего уголка Галактики будут исследованы со всей полнотой. Поставлена также новая задача — раздобыть побольше сведений о галактах и разрушителях. Лишь после детального знакомства с этими народами и их конфликтами будет выработана всесторонняя галактическая политика — с кем дружить, против кого выступать? Возможен и нейтралитет Земли в спорах, не ею начатых и ее мало касающихся, об этом тоже говорилось. Будет повышена обороноспособность Земли и планет. Опасность из дальних районов Галактики не доказана, но и не доказано, что опасности не существует. Совет рекомендует приступить к созданию Большого Галактического флота.

— Принята ваша идея о судах, в десятки раз превосходящих самые мощные нынешние корабли, — сказала Вера Ольге. — Но этих судов будет не два опытных экземпляра, как вы предлагали, а серии в сотни кораблей. И еще одно, для вас приятное: командование первой галактической эскадрой поручается вам. И ты радуйся, брат, — сказала она мне. — Построить галактические крейсеры на Земле технически невозможно. Решено

одну из планет превратить в космическое адмиралтейство, выбор пал на твой любимый Плутон. Вот главное в рекомендациях Совета. Если человечество утвердит их, они станут законом.

После этого Вера извинилась, что не может остаться с нами: у нее неотложные дела.

— Могу я сопровождать тебя, Вера? — спросил Ромеро.

— Да, конечно, как всегда, Павел.

Свободное время на Земле Вера проводит с Ромеро. Раньше, когда я был поменьше, меня это раздражало. Но с годами я примирился с тем, что Ромеро забрасывает ради нее друзей.

16

Мы с Верой и Ромеро улетели с Земли 15 августа 563 года в последней партии.

Перед посадкой в межпланетный экспресс мы совершили прогулку над Землей. Земля была прекрасна. Я любовался ею и Солнцем. Я знал, что мы прощаемся с ними надолго. На трапе Вера помахала Земле рукой, я ограничился тем, что подмигнул нашей старушке. В салоне планетолета я скоро позабыл о Земле. Мысленно я уже ходил по Плутону.

Нет ничего скучнее рейсовых межпланетных кораблей — старинных ракет-рыдванов с фотонной тягой. Даже облик их — длинная уродливая сигара — тот же, что и три столетия назад. И плетутся они с доисторическими скоростями — до Луны добираются за пять минут, до Марса за сутки, а на полет к Плутону тратят неделю. Ни один из этих “экспрессов” не способен идти быстрее сорока тысяч километров в секунду. И гравитаторы не на всех хорошо работают, временами чувствуется увеличение тяжести. Лишь с невесомостью они справляются отлично, но смешно было бы пасовать перед такой детской задачей, как ликвидация невесомости.

Я просил Веру заказать межпланетный курьер с аннигиляторами Танева, тот достигает Плутона за восемь часов. Но она ответила, что торопиться ни к чему, и все согласились с ней. Меня с детства раздражает непогрешимость Веры. Главное в ее словах не их содержание, а то, что они — ее. Те же мысли, но изложенные мной, не производят действия на слушателей.

— В прежнее время секретари не кричали на своих руководителей, Эли, — возразила она, когда я сказал, что думаю о ее решении.

—Ты еще скажешь, что руководители кричали на своих секретарей. И так как это будет твоя мысль, то даже Ромеро признает ее достоверной.

Ромеро и вправду признал эту мысль достоверной. Начальники в старину не церемонились с подчиненными, сказал он. А один русский царь при беседах с министрами нередко прибегал к дубинке. Особенно доставалось его любимцам, в те времена лупцовка считалась одной из форм поощрения. Тогда были в ходу выражения: “Бросить на руководящую работу”, “Влупить (или влепить, точно неизвестно) строгача”, “Посвятить ударом меча в рыцари”— все это были синонимы продвижения вперед на жизненном пути.

Я, однако, не думаю, чтоб рыцарей, выдвигая их на руководящие посты, реально бросали на что-то, рубили мечами и лупили строгачом. Наши предки обожали языковые фиоритуры. По-моему, в описанных Ромеро явлениях бросания на работу, влупления строгачей и посвящения мечом таятся типичные для той эпохи религиозные обычаи и магические приемы.

— Возьмите такой распространенный тогда термин, как “в магазине выбросили товары”! — воскликнул я, воодушевляясь. — Нормальному человеку это представляется бессмыслицей: вещи изготавливались, чтобы их тут же выбрасывали. Но общественная жизнь тех времен полна противоречий. Нам сейчас известно, что тщательно собранным урожаем кофе и кукурузы иногда топили паровозы или сбрасывали эти продукты в море, а ботинки, сошедшие с конвейера, отправляли на другой конвейер, где их разрезали на части. Неужели вы не согласны, что все это делалось из ритуальных соображений? Вообще, доложу вам, предки логикой не блистали. На Плутоне мы как-то просматривали старинную ленту. Оказывается, люди в прошлом все поголовно страдали носотечением. Они собирали бесполезные выделения носа в специальные тряпочки и хранили их там, как сокровище, а тряпочки, надушенные и украшенные кружевами, рассовывали по карманам, чтоб кончик торчал наружу... Не скрывали болезнь, а хвастались ею!

Ромеро смотрел на меня с удивлением. Мне показалось, что на время он потерял голос от новизны моих мыслей.

— Ваши исторические познания внушают мне трепет, — сказал он очень вежливо. — И поскольку вы с такой остротой проникаете в былое, вас, мне кажется, несколько не должно

удивлять, что начальники некогда кричали на своих подчиненных, хотя здравому человеческому смыслу представлялось бы гораздо более естественным, если бы подчиненные орали на начальников, ибо начальники должны стесняться показывать свое превосходство, а чего, в самом деле, стесняться подчиненным?

Известная логика в этом, конечно, была.

17

За Ураном экспрессы разгоняются, и даже наша колымага показала одну десятую световой скорости. Плутон сверкал в иллюминаторах, выросал из горошины в яблоко, из яблока в футбольный мяч, вокруг него чиркали крохотные искусственные солнца, на полюсах вздымались туманные протуберанцы — заводы водяного пара и синтетической атмосферы теперь ежедневно выдавали по десять миллионов тонн воды и по два миллиарда тонн азотно-кислородной смеси. Эти цифры я привел Вере и Ромеро на память.

— Воды пока не хватает, а атмосфера уже сравнима с земной, дышится, как у нас в горах, — сказал я.

— Мне кажется, на Плутоне самое интересное — заводы воздуха, — сказала Вера. — От их работы сейчас зависит, удастся ли нам быстро осуществить проект переоборудования Плутона в галактический завод.

На подлете к Плутону Веру заинтересовало скопление гигантских глыб, кружившихся над планетой. Их было девять, одна глыба выделялась — гора посреди холмов.

Я сказал очень торжественно, как и подобало в такой момент:

— База Звездных Плугов. А тот огромный — "Пожиратель пространства", флагман Галактического флота. Здесь мы наконец распрощаемся с фотонными ракетами. И здесь мы снова встретимся с друзьями, которые нас поджидают, — Алланом, Ольгой, Андре, Лусином...

18

Звездолеты кружили над Плутоном, ожидая последней партии товаров.

Вера знакомилась с планетой, я сопровождал ее.

Решение Большого Совета о превращении Плутона в галактический завод было подготовлено годами труда на этой плане-

те. Из всех солнечных планет Плутон — самая рабочая и пока единственный современный межзвездный порт. Когда-то в далекие рейсы корабли уходили с Марса, даже с Земли, но потом люди поняли, что кустарничество в освоении космоса недопустимо.

Сперва мы посетили один из атмосферных заводов. Сооружение шириною километра в два и длиной около десяти продвигалось по поверхности планеты, срезая слой почвы.

Когда мы приехали на завод, его режущая стена подползла к гранитному холму. Холм обваливался на глазах, он таял, как в огне. Вскоре от него не осталось и следа, и завод уполз дальше. На оставленном месте чернел слой искусственной почвы, удобренной, засеянной семенами растений и цветов. Над заводом гремели ветры — тысячи тонн изготовленного воздуха ежесекундно вгонялись в атмосферу. Я удерживал Веру подальше от вихрей, но с нее сорвало шляпу. И тут едва не случилось несчастье: Ромеро кинулся за шляпой, но был опрокинут потоками воздуха, и пришлось выручать его. Леонид и я вцепились в Павла, на помощь поспешил Аллан, втроем мы оттянули Ромеро от беснующейся воздушной бездны, куда он едва не угодил.

— Если бы не вы, друзья, я бы сейчас летел под облаками, — сказал он. Он был очень бледен.

— Думаю, вы сейчас перерабатывались бы в кислород и азот, — возразил я. — А еще минут через пять мы дышали бы вами, Павел.

— Как, вероятно, дышим моей бедной шляпой, — заметила Вера. — Почему вокруг завода нет ограждений?

— Здесь нет людей, — объяснил я. — Все три тысячи автоматических заводов смонтированы в пустынных местностях.

Я, разумеется, не сказал, что мы не раз катались на авиетках вблизи заводов, чтобы побороться с искусственной бурей. Зато я обратил внимание Веры на зелень, покрывавшую почву планеты.

— Это всего лишь трава и цветы, но скоро у нас зашумят настоящие леса, как на Земле.

— Зелень вкусная, — поддержал меня Лусин. — Сочная. Очень.

— А ты пробовал? — спросил Аллан. Он в восторге хлопнул себя по ляжкам. — Братцы, Лусин траву ест! До того дошел со своими синтетическими животными, что перешел на их пищу.

— Не я. Дракон. Пегасы. Нравится. Как на Земле.

Равнина была озарена тремя рабочими солнцами. Одно стояло в зените, другое закатывалось, третье всходило. Я объяснил, что на Плуtone семь рабочих солнц, каждое запущено невысоко и охватывает излучением лишь малую часть планеты.

— Фиолетово-голубое, сейчас заходящее, из новейших. А это, в зените, бело-желтое, изготовлено пятьдесят пять лет назад и уже основательно выработалось. Первые колонисты на Плуtone трудились под сиянием одного этого солнца, тогда оно висело неподвижно над северным полушарием, и лишь освещенный им участок был пригоден для жизни. После запуска третьего солнца оно было введено в общий график вращения. Ныне он таков: четыре горячих светила образуют теплый день продолжительностью в шестнадцать часов, два красных поддерживают умеренную температуру во время шестичасовой ночи, а одно, оранжевое, переходное от дня к ночи, знаменует вечерний отдых.

Всходило как раз оранжевое солнце, но больше я о нем ничего не сказал. Я хотел, чтобы оно само заговорило о себе. Далекое земное Солнце тоже сияло, но, крохотное, с горошину, терялось рядом с искусственным.

— Боже, как красиво! — воскликнула Вера.

Скалы и долинки, молодую зелень и постройки залило оранжевое сияние. Оно было так ярко и глубоко, словно предметы пылали внутренним жаром, не освещенные, а раскаленные. А над ними нависало желто-коричневое небо, тоже как бы разогретое до собственного сияния, очень низкое, почти осязаемое, не пустое, как на Земле.

— Нет, как прекрасно! — восторгалась Вера. — И те солнца великолепны, а это просто удивительно.

— Эли делал, — сказал Лусин. — Хорошо! Очень.

— Эли! — Вера повернулась ко мне. — Это седьмое солнце, брат?

— Да, — сказал я. — Мы поработали над ним. Мы хотели, чтобы оно не только приносило пользу, но и украшало нашу молодую планету.

За ужином Вера сказала:

— Грубая и крепкая планета. Жизнь здесь пока малоустроена, но вдохновенна. Я рада, что именно ее выбрали для новых великих работ.

Ромеро посмеялся над общим восторгом:

— Грубая, вдохновенная, великолепная — какие странные слова! Жить здесь нельзя, проработать два-три года — допускаю. Нашли в океане космоса каменистый островок, приспособили его под перевалочную базу и восхищаются — как ладно получилось. А пока все это дурная копия ничтожной части того, что имеется на Земле и чем, я согласен, можно восхищаться.

Говоря это, он уписывал пирожки с синтетическим мясом и запивал фруктовыми соками — не думаю, что еда на Плутоне казалась ему дурной копией земных яств.

19

Пока я понятия не имел, в чем функция секретаря, но лоботрясничать не приходилось и без загадочных секретарских дел.

Я основательно изучил недра Звездных Плугов: побывал и на складах, хранящих миллионы тонн запасов, и в цехах, вырабатывающих любую продукцию из любого сырья, и на улицах жилого города, и в сердце корабля — отделении аннигиляторов Танева, самом необыкновенном заводе в мире — заводе, производящем вещество из пустого пространства и пустое пространство из вещества. Когда этот завод запущен, кругом на многие светогоды, на триллионы километров сминается или разлетается межзвездный космос.

Я приведу лишь одну потрясающую цифру, она волнует меня: мощность аннигиляторов Танева в самом крохотном из Звездных Плугов достигает двух миллионов альбертов, а в “Пожирателе пространства” превышает пять миллионов! Все электростанции Земли в конце двадцатого века старой эры не составляли трех миллиардов киловатт, то есть не достигали трех альбертов!

И эта исполинская мощность может быть полностью превращена в сверхсветовую скорость, вся до последнего грамма будет работать на аннигиляторы хода. Но если непредвиденное препятствие внезапно станет на пути корабля, мгновенно заговорят другие аннигиляторы — и в старом космосе добавится новой пустоты взамен испепеленного препятствия! Еще не существовало механизмов, так грозно защищенных, как наши галактические корабли, — так мне тогда казалось.

Я выложил свой восторг Ольге. Она посмотрела на меня с недоумением.

— Ты увлекаешься, Эли. У звездолетов мощности немалые, но для глубокого проникновения в Галактику их не хватит. К тому же мы не знаем, кто нас ждет впереди — друг или враг, и если враг — как он вооружен? Я допускаю, что техника таинственных разрушителей выше нашей.

С Ольгой можно вычислять, но не разговаривать. Кибернетический робот показался бы ей приятным собеседником. Она вполне отвечает своему высокому посту — адмирала эскадры межзвездных кораблей.

— Не расстраивайся, — посоветовал я. — Как-нибудь добреедем до Оры и на твоих маломощных суденышках. А что до разрушителей, так ходят слухи, что все они поимерли миллион лет назад.

Ольга так и не поняла, что я смеюсь. Она слушала меня и улыбалась. Если бы я не отошел, она могла бы слушать и улыбаться часами. Ее золотистые волосы приглажены волосочек к волоску, светлые глаза всегда добры, щеки румяны каким-то своим, очень спокойным, уравновешенным румянцем... Меня раздражает и десятиминутный разговор с ней. Если бы меня назначили адмиралом галактической экспедиции, я бы сутки рычал, ревел, хохотал и топал ногами. А она даже не обрадовалась!

20

Андре уединяется с Жанной. Разлука дается им нелегко. Жанна пополнела так, что заметно и посторонним. Роды назначены на 27 февраля и пройдут нормально, я сам читал в прогнозе. Но Андре не доверяет прогнозу.

Мы третий день живем на корабле, и Жанна с нами. Древний обряд расставания решено выполнить на планете. В полдень со всех кораблей устремились ракеты с провожающими и отъезжающими обратно на Плутон. Я был с Ромеро. Он не пропустит случая потешиться стариной, а мне хотелось еще разок потоптать камень планеты.

Мы высадились в порту, когда выкатывалось оранжевое солнце. Ромеро назвал это добрым предзнаменованием, хотя мы заранее знали, что прибудем к дежурству седьмого солнца. На Ору летит около восьмисот человек, провожающих вряд ли меньше. Никто не уходил далеко от ракет, но мы с Ромеро зашагали в каменистые россыпи и присели на бугорке. В сиянии оранжевого солнца равнина светилась, как подоженная.

— Скажите, Эли, — спросил Ромеро, — нет ли у вас ощущения, что вы с этими местами прощаетесь навсегда?

— С чего бы это? Нет, конечно!

Когда мы возвращались обратно, Ромеро показал тростью на Жанну с Андре.

— Прощание Гектора с Андромахой. Нам придется стать свидетелями нежных объяснений.

Мы остановились так близко, что слышали их разговор.

— Скорее бы уезжали! — говорила Жанна. — Я измучилась от провожаний.

— Не нарушай режима! — говорил Андре. — Еда, работа, прогулки, сон — все по расписанию! Я спрошу отчет, когда вернусь.

— А ты не болей. И если попадутся красивые девушки с других звезд, не заглядывайся на них. Я ревнива.

— Ревность — истребленный пережиток худших времен человечества.

— Во мне этот пережиток не истреблен. Ты не ответил, Андре, меня это тревожит.

— Успокойся! На Ору людей не привезут, а влюбляться в ящериц или ангелиц я не собираюсь.

Я взял под руку Ромеро, и мы прошли в ракету. Странно все же устроен человек. Ничего я так не желал, как поездки на Ору. Но мне стало грустно, когда я смотрел в окно ракеты на удаляющийся Плутон. Мы жаждем нового и боимся потерять старое. В одну руку не взять два предмета, одной ногой не вступить в два места, но, если покопаться, мы всегда стремимся к этому, — не отсюда ли обряды прощания с их объятиями, слезами и тоской?

При мысли, что кто-то заменит меня на Плутоне и восьмое, прекраснейшее из солнц, создадут без меня, я расстроился. Черт побери, как говорили в старину, почему мы не вездесущи? Что мешает нам стать вездесущими? Низкий уровень техники или просто то, что мы не задумывались над такой проблемой? Почему каждый из нас — один и единственный? Лусин запросто творит новых животных, воздействуя на гены зародышей, разве так уж трудно продублировать себя в пяти или шести одинаковых образах? Две Веры, восемь Ромеро, три Андре — один создает новые дешифраторы, второй любит свою Жанну, третий уносится к галактам! Уехать, но оставить себя, одновременно быть и отсутствовать — нет, это было бы великолепно!

— Ручаюсь, что вы фантазируете о чем-то немыслимом, — сказал Ромеро.

Я опомнился.

— Прощание Андре навело меня на мысль, что мы еще далеко не так удобно устроили свою жизнь, как всюду хвалимся.

— Желания всегда опережают возможности. Недаром Андре жалуется, что половина потребностей остается неудовлетворенной, — он путает, для острого словца, желания и потребность. Кстати, он все еще прощается — посмотрите.

Андре не отрывался от окна. Планета уменьшалась, по ее диску катились три солнца, издали они казались ярче, чем были в натуре.

Я отвернулся от Плутона. Впереди выросла похожий на исполинскую чечевицу “Пожиратель пространства”, в стороне, сохраняя дистанцию, висели остальные галактические корабли. Только издали можно было охватить одним взглядом эти громадины. В боковине звездолета раскрылся туннель космодрома, и ракета устремилась на посадку.

21

На второй день полета я выбрался в командирский зал, откуда управляют движением звездолета.

Зал — полая сфера, куполообразные экраны с боков, сверху и снизу: звездное пространство на всех координатных осях. Посреди зала подвешены в силовых полях пять свободно — по мысленному приказу — вращающихся кресел. В центральном — Ольга, с боков ее помощники — Леонид и Осима, низенький, очень энергичный капитан. На боковине кресел — поворачивающийся бинокль с огромными увеличениями. В зале темно. Пассажиров сюда не пускают, но для меня Ольга сделала исключение.

— Завтра в двенадцать переходим с фотонной тяги на аннигиляцию пространства, — сказала она вскоре после отлета. — Приходи в восемь ко входу в зал.

Без двух минут восемь я подошел к заветной двери. Никто меня не встретил, я постучал — ответа не было. На последней секунде восьмого часа дверь распахнулась и что-то мощно всосало меня в темноту.

Ошеломленный, я вскрикнул. Тут же я почувствовал, что удобно сижу в кресле. Обычно мы применяемся, чтобы удобно

разместиться, здесь линии поля сами выбрали мне наилучшую позу. В этом я разобрался потом, а в тот момент меня охватил ужас. Я был словно выброшен вовне, в безмерность космоса, — звезды над головой и под ногами, справа и слева, передо мной и позади!

Я услышал спокойный голос Ольги:

— Ты, кажется, застонал, Эли?

Я сделал усилие, чтобы голос не дрожал:

— Это от восторга. Никогда не чувствовал себя так хорошо. Рассказывай, что тут к чему?

Ольга объяснила, что в зале нет ни верха, ни низа, все направления равноправны. Она тут же хладнокровно перевернулась вниз головой. Я последовал за ней, и та часть неба, что была под ногами, встала над макушкой. Все совершалось так, как если бы верх и низ поменялись местами: тело мое по-прежнему плотно прижималось к креслу.

— Мы могли бы передвигать звездную сферу, — заметила Ольга. — Но тогда бы картина была одной для всех наблюдателей. У нас каждый исследует свой участок неба, не мешая остальным. Силовое же поле создает ощущение, будто голова вверху.

— Как узнать направление полета? Здесь темно и всюду звезды.

— Пожелай увидеть — и увидишь.

Кресло описало полуоборот. Теперь передо мной сияло созвездие Тельца, в нем дико посверкивал оранжевый бычий глаз — Альдебаран, призрачно, на границе видимости, светились Гиады. В сторонке, похожие на клубок сияющей шерсти, горели Плеяды, или Стожары. Я пока не находил изменения в рисунке созвездий. Я поискал Большую Медведицу — ковш как ковш, я тысячи раз видел его таким.

Ольга рассмеялась:

— Ты нетерпелив. Мы в полете меньше суток и идем на фотонной тяге. От Плутона нас отделяют миллиардов десять километров. Этого недостаточно, чтобы изменились созвездия.

Скорость звездолета определялась по параллаксу ярких звезд относительно шаровых скоплений на границах Галактики. В темноте призрачно засветились две шкалы. На одной были досветовые скорости, на другой — сверхсветовые, первая действовала при фотонной тяге, вторая — когда включались аннигиля-

торы Танева. На досветовой шкале колебался зайчик — мы шли на трети скорости света.

Я повернулся назад, чтоб поглядеть на другие звездолеты, но не нашел даже точек. Ольга показала, как пользоваться биноклем. Теперь я видел все восемь кораблей, веером идущих за нами на отдалении в миллиард километров. Это была дистанция безопасности, дальнейшее сближение могло затруднить маневрирование судов.

— А когда мы уйдем в сверхсветовую область, мы вообще перестанем их видеть, — сказала Ольга. — Там есть лишь одно средство координировать полет — заранее рассчитанный график движения.

— Лететь, не видя друг друга, не умея передать нужную информацию!.. Вслепую и вглухую!..

— Что поделаешь, Эли! Звездолеты в сотни раз обгоняют свет, а другого природного агента для связи, движущегося со скоростью наших кораблей, мы не знаем.

На некоторое время я увлекся биноклем. Я мысленно задавал увеличение и тут же получал его. В такой прибор с Плутона можно было бы видеть на земле все города и реки. Осима сказал, что фотонные умножители — так называются эти галактические телескопы — изобретены недавно и на звездолете опытный экземпляр.

Принцип действия прибора иной, чем у телескопов. Те лишь собирают звездный свет, этот его усиливает, умножая число уловленных фотонов. По существу, это не прибор, а оптико-квантовый завод, перерабатывающий полученную скудную информацию в удобную для наблюдения. Бинокль на ручке кресла — лишь ничтожный элемент умножителя, основные его механизмы размещены в недрах звездолета.

До меня донесся глуховатый голос Осимы:

— Через минуту включаю аннигиляторы пространства.

Все совершалось буднично-нев्यразительно. Не произошло ни толчков, ни грохота, ни вспышек, ни перегрузок. Кровь не бросилась мне в лицо, в ушах не зашумело. “Пожиратель пространства” уже не летел в пространстве, но уничтожал его перед собой. Ничто в зале не изменило своего вида. Правда, звезды впереди как бы затянуло маревом, но и это продолжалось недолго.

— Повернись назад, — посоветовала Ольга. — Там ты скоро откроешь новое.

Однако и позади я не обнаружил чего-либо поразительного. Лишь потом я заметил за кораблем ту же дымку, что впереди, но более плотную, — звезды сквозь нее казались тусклей и красноватей. Это было вещество, созданное самим звездолетом: космическая пустота, сжигаемая аннигиляторами Танева, становится пылевым облаком. На одном параллаксометре была все та же треть скорости света, быстрота нашего движения в пространстве, но на другом мерцающий зайчик перевалил за двадцать световых единиц — так бурно пожирала пространство аннигиляторы. Восемь точек, веером стремившихся за нами, пропали. И сами мы стали невидимы для других звездолетов. “Нырнули в невидимость”, — сказал я про себя.

Хоть я не ощущал перемен ни в окружающих предметах, ни в далеком звездном мире, в котором мы так ошалело неслись, мне стало страшно от сознания того, что я двигался с такой быстротой.

— До каких величин будет увеличиваться скорость? — спросил я.

— Она непрерывно увеличивается, — разъяснил Осима. — Сегодня мы ограничимся ста единицами, а потом доберемся до двухсот.

Ольга добавила:

— До Оры двадцать парсеков, шестьдесят светолет. Нам задано добраться туда за три месяца. Приходится торопиться, Эли.

Я поднимал умножитель вверх, опускал его. Пылевой туман позади сгущался. Пять-шесть полетов такой армады звездолетов, размышляя я, и из Галактики выхватится основательный кусок пространства, а взамен его образуется новое космическое тело — пылевое облако, “сотворенное из ничего”, как сказали бы наши предки. Не удивительно, что запуск аннигиляторов Танева в окрестностях Солнечной системы запрещен.

Когда Ольге пришло время сдавать дежурство, меня высосало наружу тем же способом, что и втягивало внутрь. У входа я повстречался с Леонидом. Его сумрачные глаза недобро засветились.

— У меня было разрешение, — сказал я.

— Не сомневаюсь, — холодно ответил он. — Наш строгий адмирал очень добр к тебе.

Этот пустячок — встреча с Леонидом — порядочно попортил мне настроение. Для пассажиров устроен наблюдательный зал, побольше командирского, но по тому же образцу — невесомость, силовое поле, вращающиеся кресла, бинокли умножителя. Оттуда, правда, нельзя распоряжаться механизмами корабля, но и в командирском зале я не командовал, а наблюдал.

“Буду ходить в наблюдательный зал”, — решил я.

22

Ору мы увидели на сорок восьмой день путешествия. Знаменитая искусственная планета предстала крохотным пятнышком в умножителе.

День уходил за днем, а она не увеличивалась. Так будет до конца полета. Ора вырастет вдруг, а до той поры останется точечкой в пространстве.

Единственное осязаемое свидетельство пройденного пути — изменение рисунка созвездий. Звездный мир становится незнакомым, и его незнакомость все увеличивается.

Сперва преобразился Орион, от него оторвалось блестящее его окружение — Капелла, Сириус, Поллукс, затем и само созвездие сжалось и переместилось. Большая Медведица значительных перемен не претерпела, зато Сириус бурно полетел влево от нас, потом повернул назад и стал уменьшаться. Через месяц путешествия мы удивлялись: неужели вон та скромная звездочка — красивая, конечно, красоты у нее и сейчас не отнять, — неужели это и есть прекраснейшее из светил земного неба? А за Сириусом пришла в движение торжественно-холодная Вега, она покинула созвездие Лиры и устремилась к Змееносцу и Скорпиону. Одни звезды ступенькивались, другие выплывали, на небе разгоралась исполинская Капелла, ярчайшей очерчивались Гиады, жарче пылал Альдебаран — мы мчались в их сторону. Лишь Плеяды, маленькое туманное пятно, клубок сияющей шерсти, не увеличивались, они были так далеко, что наше движение не сказывалось на них.

И вовсе не менялся Млечный Путь, исполинская звездная река Вселенной, поток миров, выхлестывающий на берега. Мы можем годами мчаться с этой нашей многократно сверхсветовой скоростью — грандиозный и недоступный, он будет оставаться тем же.

Чаще всего мы глядели назад, на оставленный звездный край.

В той стороне звезды, сорвавшиеся с разных участков неба, сбегались в одно созвездие, оно оконтуривалось, становилось чем-то единым. Вскоре оно напоминало вытянутый параллелограмм, граничные линии отчеркивались Фомальгаутом и Альтаиром, Вегой и Арктуром, Сириусом и Капеллой, а в центре сияли Солнце, Поллукс и Альфа Центавра. Это был наш мир, родина человечества, Солнце и его соседи!

И хоть Солнце, превратившееся в звездочку пятой величины, ничем не выделялось среди тысяч таких же скромных звезд и остальные светила нового созвездия потускнели в сравнении с тем, как выглядели с Земли, их вид волновал нас. Нет, оно было красиво, это собрание неярких звезд! “Солнечный мешок” — назвал я его. Мы были вытряхнуты из этого мешка в космическую пустоту и падали, все падали в безмерность звездной бездны!

Вскоре в окружающем Ору пространстве появились признаки жизни. Мы приближаемся к узловой станции в космосе — пересечению великих галактических дорог. Ольга выключила аннигиляторы Танева, теперь мы снова шли на фотонах. Остальные корабли эскадры, вынырнув из сверхсветовой области, стали видны в умножителе.

А потом Ора из точки превратилась в горошину, горошина стала апельсином. Теперь нами командовал диспетчер межзвездного порта. По голосу, это девушка — решительная, четкая, звонкая. Она велела нам перестроиться: первыми опускались на Ору малые корабли, “Пожиратель пространства” замыкал эскадру.

Ухваченные силовыми полями планеты, звездолеты один за другим продвигались к назначенным местам. Нигде так сложно не швартуются, как на Оре. Это объясняется тем, что звездолеты опускаются прямо на поверхность, а не превращаются на время в спутников планеты, куда прибыли.

Отведенная для больших кораблей равнина космодрома напоминала горную страну — кругом вздымались причалившие раньше нас звездолеты. “Пожиратель пространства” покачивался в тормозном поле, медленно приближаясь к своему участку. Мы обошли стороной неподвижное искусственное солнце — оно притушило сферу, чтобы не извергать на нас вблизи радиацию.

Перед нами, сколько хватал глаз, простиралась поверхность искусственной планеты — самое величественное из чудес чело-

веческого ума и рук! Вот она, вот она, зеленовато-серая, залитая сиянием, суровая, вдохновенная рабочая площадка Вселенной — здравствуй, Ора, сердце мое!

Корабль замер, плотно усаженный на тормозном поле, и к его шлюзу устремился полупрозрачный трап. Я не стал дожидаться, пока меня вытянет наружу как пушинку и, заорав, покатился вниз. На меня свалился хохочущий Андре, на него — Вера и Павел.

Наша забава не понравилась диспетчеру порта. Невидимые руки грубо швырнули нас в разные стороны, несколько секунд мы повисели в воздухе, словно ухваченные за шиворот, затем мягко опустились.

— Как девчонка!.. Как девчонка!.. — говорила Вера, смеясь. — Что ты делаешь с нами, Эли!

— А здесь не любят шутить! — заметил Ромеро, он первый, разумеется, обрел серьезный вид. — Встретили нас не слишком любезно.

Мы были на Оре!

23

Прежде чем перейти к событиям на Оре, я должен поговорить о ней самой. Нет темы, столь захватывающей, как Ора. Детьми мы грезили о ней, взрослыми стремились на нее. Сейчас, в наш 563 год, мы способны возвести сооружения пограндиознее Оры. Но такой близкой каждому человеку, как Ора, уже не будет. Ее придумали наши прадеды, возвели отцы. Это было первое крупное космическое новообразование, заранее рассчитанное и спроектированное. Ора раньше была чертежом, потом лишь стала сооружением. Сто четыре года человечество жило мыслями об Оре, работало на нее, пело и мечтало о ней, и почти половину этого столетия заняло не возведение Оры, а придумывание ее.

Ору задумали как галактическую гостиницу, как место; пригодное для всех форм жизни, — Ора многообразна, как жизнь. Естественные планеты, как бы их ни оборудовали, не годились для такой цели. Ора — не планета, заставленная механизмами, а механизм, выросший до размеров планеты. И ее поместили на таком отдалении от Земли для того, чтоб она была поближе к нашим звездным соседям: Ора возведена в геометрическом центре нашего звездного района.

И это также первое в истории человечества небесное тело, сотворенное из вакуума, из “ничего”, по терминологии древних. Флотилия Звездных Плугов многие годы сгущала пространство в этом уголке вселенной — космическая пыль закружилась между Тельцом и Гиадами новой туманностью. Воистину они напылили, эти машины! А потом пыль уплотняли, формируя в металлы и минералы, газы и воду, — выстилались равнины, возводились холмы, устанавливались здания.

Необычна и форма Оры. Конструкторы отказались от шара, в шаре много лишнего — практически используется лишь его поверхность. Ора — плоскость. Ее расстелили гигантским листом в космосе. Толщина почвенного покрова — несколько метров, а под ним — десятки этажей машин, создающих на своих участках заданные условия существования. Я бы сказал еще так: Ора — это ящик, заполненный механизмами и накрытый крышкой, а крышка ее — жилая поверхность планеты.

Уникально и солнце Оры, другого такого пока нет, оно недвижно подвешено над центром планеты. Здесь оно всегда в зените, а в других районах видно под постоянным углом. От вращающегося солнца вроде тех, что мы запустили на Плутоне, отказались именно потому, что Ора — плоскость, а не шар. Но это не помешало устроить правильные чередования дня и ночи, рассвета и сумерек, и притом так остроумно, что, уверен, схожие конструкции солнц появятся вскоре и на других планетах. Солнце на Оре управляемое, температура его меняется по графику: на рассвете оно тусклое, потом разгорается, свирепеет до белокалийного жара, снова ослабевает, становится из желто-белого красноватым, меркнет совсем и через некоторое время опять зажигается, но уже холодным лунным светом, и работает не во весь диск, а по долям, согласно расписанию ночных фаз. Полный цикл изменений активности охватывает двадцать четыре земных часа — чтоб люди не отказывались от привычек, усвоенных с детства.

И последнее — воздух! Нигде нет такого воздуха, как на Оре. Атмосфера создана по образцу земной, но на старушке Земле я никогда не дышал так легко, так радостно, так весело. Дыхание на Оре не потребность, а наслаждение. Уверен, в нем не только ароматы, но и питательные калории. В старину шутили: “Питаться святым духом”. Когда-нибудь я попытаюсь покормиться одним здешним воздухом.

Такова Ора.

На второй день Вера сказала:

— Итак, начинается наша работа, Эли. Ты свои обязанности, конечно, знаешь?

Я их, конечно, не знал. Вера разъяснила, чего от меня ждет. Секретарствовать оказалось несложно. Для начала всюду нужно было ходить с Верой и помогать ей. Хожу я хорошо, а что до помощи, то до сих пор она помогала мне, не я ей, — думаю, так будет и впредь.

— Сейчас идем на совещание к Спыхальскому, он доложит, как они выполнили решение Большого Совета.

Спыхальский торжественно поздравил нас с прибытием. Доклад его был неутешителен. Получив предписание с Земли, Спыхальский разослал специальные экспедиции во все звездные окрестности. Но на звездах вне Гиад о галактах не слыхали, а в Гиадах ничего нового не узнали.

— Правда, к нам на Ору привезли с девятой планеты Пламенной В одного четырехкрылого молодца с яркими сновидениями о галактах, — сказал Спыхальский. — Вы сможете с ним потолковать. Он захулиганил и сейчас отделен от собратьев. К людям он относится с уважением, но своих не переносит. Между прочим, мы открыли в Гиадах любопытный астрофизический факт: Гиады удаляются от всех окружающих звезд, расстояние между ними и всеми другими светилами растет по всем координатным осям.

— Вы хотите сказать, что Гиады генерируют вокруг себя новое пространство? — спросила Ольга с удивлением.

— Да, это. Очевидно, какая-то часть вещества в Гиадах аннигилирует. Причины этого явления пока не установлены.

Я посмотрел на Андре. У Андре был взволнованный вид, он что-то горячо доказывал Лусину, тот лишь покачивал головой. Я не сомневался, что Андре уже придумал теорию, полностью объясняющую выпадение Гиад из окружающего звездного мира.

В заключение Спыхальский сообщил, что на Ору приглашены представители всех звездных народов, населяющих окружающие Солнце светила. Звездожители поселены в гостиницах, создающих привычные им условия жизни.

— Через час отправимся в гости к звездожителям, — сказала мне Вера. — Позаботься о дешифраторе.

Я подошел к Андре.

— Даже издали видно, что ты нафантазировал что-то ошеломляющее. Ну, обрушивай на мою бедную голову.

— И обрушу! — закричал он. — Твоя усмешка меня не смутит! Только глупцы заранее издеваются над тем, о чем и краем уха еще не слышали.

— Выделяю тебе не край уха, а полностью два.

Андре, смягчившись, с увлечением изложил родившуюся у него гипотезу. Должен признаться, что и меня она захватила — если не правдоподобностью, то яркостью. Андре полагал, что удаление Гиад от всех светил — следствие бушевавшей когда-то в этом скоплении космической схватки галактов с разрушителями. Одна воюющая сторона уничтожала пространство, сталкивая планеты, другая уничтожала вещество, превращая его в пространство, чтоб не дать планетам обрушиться друг на друга. Короче, были одновременно запущены обе реакции Танева — и прямая, и обратная. Прямая давно исчерпала себя, а обратная — превращение вещества в пространство — продолжается, и в результате Гиады медленно погружаются в созданный некогда провал в космосе.

— Этот провал и в наши дни расширяется! — энергично закончил Андре. — А питает его та пыль, что образовалась после взрыва планет. Я утверждаю, что это не простая пыль, а аннигилирующая. Хочу попросить Большой Совет направить в Гиады экспедицию для проверки моей гипотезы.

— Ладно, проси! — разрешил я. — А я попрошу у тебя дешифратор. Ты пойдешь знакомиться со звездожителями?

— Хочу навестить крылатого буяна, которого поселили отдельно. Дешифратор возьмешь у меня в номере.

В номере у Андре я с сомнением поглядел на солидный чемодан, последний вариант того ДП-2, что так подвел Аллана в Малом Псе.

— Теперь он называется малым универсальным, а не переносным, — сказал Андре. — ДУМ, понял?

— Дело не в названии.

— Название отвечает сути. Каждый дурак, посмотрев шкалу настройки, сумеет общаться с любым разумным звездожителем. Забирай и проваливай, Эли!

Я пожелал Андре, чтоб сварливый ангел вцепился ему в кудри. Андре хохотал, глядя, как я сгибаюсь под тяжестью дешиф-

ратора. Но я вызвал авиатележку и не торопясь удалился, а тележка с прибором колыхалась на уровне моего плеча — ее тянуло мое индивидуальное поле. На Оре все снабжаются такими полями.

Вера с Ромеро уже ждали меня в ее номере. На улице нас встретил Спыхальский. Он поинтересовался, к кому мы раньше других пойдем в гости.

— К тем, что всех интересней, — сказал я.

Спыхальский улыбнулся странноватой улыбкой — косою, не оживляющей, но словно бы перерубающей лицо: один ус поднимался, другой опускался.

— Мне все интересны, юноша. А вас что больше интересует — ум или красота? Умом они нас не превосходят, а что до красоты... Впрочем, сами увидите.

То, что мы увидели в гостинице “Созвездие Тельца и Возничего” — она была первой, куда мы вошли, — особенного впечатления на меня не произвело. Обитателей Капеллы и Альдебарана — это были первые мыслящие существа, открытые нашими звездопроходцами, — часто показывали в стереопередачах, в них все было знакомо. Конечно, было удивительно, что существа, похожие на земных бегемотов, способны внятно рассуждать, а целый пояс глаз на боках альдебаранцев — впрочем, в сумме все они видели не больше наших двух — способен был восхитить не одного Лусина. Общение с ними не шло дальше разговоров о еде, о тепле, о силе тяжести — массивные альдебаранцы особенно к ней чувствительны. Мне показалась скучноватой первая встреча с обитателями иных миров. Ромеро, когда мы уходили, сказал, пожимая плечами:

— Не знаю, насколько эти существа разумны, но что они очень уж нечеловечны... Я имею в виду их облик.

— Что вы называете человеческими особенностями? — спросил Спыхальский Ромеро. — Тонкие талии и бледность кожи?..

— Лучше бледность и полупрозрачность, чем непроницаемая массивность. Тонкая талия также больше меня устраивает, чем туша. И я предпочел бы два синих глаза, а не сорок восемь бесцветных.

Спыхальский удовлетворенно мотнул головой.

— Сейчас мы навестим посланцев Альтаира. Если вы не признаете их сверхлюдьми, так не знаю, что вам требуется.

После такого предисловия я с нетерпением ожидал встречи с альтаирцами. Гостиница “Созвездие Орла” была зданием из металла, без окон, — ящик, поставленный на почву. В вестибюле мы надели скафандры, прозрачные и гибкие. За вестибюлем открылся высокий пустой зал. Единственным его украшением, если это можно назвать украшением, был пояс прожекторов, протянувшийся чуть ниже потолка.

Спыхальский смотрел на нас с ироническим торжеством.

— Почему такая невежливость, дорогие земляне? Вас окружают приветливые альтаирцы, жаждущие беседы с людьми, а вы словно воды в рот набрали.

Ромеро с недоумением поворачивался, пытаясь уловить что-нибудь в пустоте.

— Сдаюсь, — признался он. — Ничего не понимаю.

Пояс прожекторов тускло засветился. И мгновенно вокруг нас зажглись полупрозрачные силуэты, зеленые и фиолетовые. Это были, несомненно, живые существа, но они смахивали на призраков: не то гигантские пауки на тонких ножках, не то шары с жесткими волосиками. Они отталкивались от пола ногами-волосиками и скоплялись вокруг нас: мы были окружены облаком таких существ.

— Паукоподобные из созвездий Орла, — сказала Вера, перехватив иронический взгляд Спыхальского. — Жизнедеятельны лишь под жестким облучением.

Я задал дешифратору программу: “Район Орла, жесткое излучение”. Ромеро не пожелал признать себя побежденным. Вера, пользуясь дешифратором, как передатчиком, беседовала с альтаирцами, а он прошептал мне на ухо:

— Существа эти, пожалуй, прозрачнее наших медуз. Но изящества в них не больше, чем в медузах.

Пока альтаирцы реяли вокруг Веры, Спыхальский рассказал мне и Ромеро об их образе жизни.

Альтаир — звезда класса А с температурой поверхности 9000 градусов, в его излучении жесткие компоненты сильнее, чем у Солнца. Белковые организмы, попав на планеты Альтаира, вскоре были бы истреблены беспощадным светиллом. И вот совершилось чудо приспособления — жизнь на Альтаире превратила в свое животворное начало именно то, что несло ей смерть. Клетки в организмах альтаирцев функционируют лишь

под действием жестких лучей, исторгаемых звездой. Каждое из этих существ, окружавших нас, само являлось источником радиоактивности, даже мысли их несли в себе смертельную радиацию — они мыслят, убивая.

Забавен образ жизни этих опасных для нас, но добродушных по характеру существ: они просыпаются и становятся видимыми на рассвете, когда поднимается Альтаир, в полдень жизнедеятельность в максимуме, а к вечеру, когда поток рентгеновских лучей ослабевает, становятся вялыми и впадают в спячку, из которой их могут вывести лишь гамма-лучи.

На Оре в определенные часы их облучают, в другие часы радиация ослабевает и они засыпают. Позаботились и об их работе. Альтаирцы — прекрасные строители, возводят здания, роют каналы. За этим залом простирается площадка, заполненная их созданиями. Кстати, альтаирцы — отличные живописцы, но картины их жестковаты: они пишут не красками, а радиоактивными веществами, иначе не увидели бы своих творений.

Я стал прислушиваться к беседе Веры с альтаирцами. наших гостей из созвездия Орла интересовало, нельзя ли привезти им на Альтаир великолепный пламень, пронизывающий члены, — они имели в виду гамма-излучатели. Вера пообещала прислать им партию таких приборов.

Ромеро негромко сказал мне:

— Нет, меня определенно не восхищают ни эти нитеобразные разбойники с Альтаира, ни бегемоты с Альдебарана и Капеллы. И свирепое их солнце не вызывает симпатии. Помните в стихах Танева строчки, как бы специально посвященные Альтаиру:

...Он, осужденный, помощи не просит
И не находит. Нет пощады. Поздно.
Некрепкой жизни быстро рвутся узы.
Лишь мстительное солнце грозно
Стоит над всем, как голова Медузы.

Отвращение Ромеро к этим странным звездным существам показалось мне наигранным. Но и увлечения Веры я не понимал. Она покраснелась, глаза ее радостно блестели. Она поворачивалась то к одному, то к другому альтаирцу, старалась ответить каждому.

— Теперь идемте в гостиницу “Созвездие Лиры”, к мыслящим змеям с планетной системы Веги, — предложил Спыхальский.

Змей на Земле я не переношу. Я с тревогой посмотрел на Спыхальского. Его кривая усмешка была зловеща.

Когда мы удалялись, произошло событие, показавшее предусмотрительность конструкторов Оры. Вокруг меня увивался ярко-зеленый альтаирец. Он пытался охватить меня ножками-волосиками, чуть ли не прижимался к скафандру. Мне показалось, что он хлестнул меня холодной ножкой по лицу. Я непроизвольно содрогнулся — альтаирца словно сдуло вихрем.

Оказалось, наше защитное силовое поле мгновенно отбрасывает то, что вызвало страх или отвращение. В некоторой степени оно заменяет милых Охранительниц.

26

И вот мы вошли в третью гостиницу — купол и внутри купола сад.

Я помню, с каким нехорошим чувством переступал порог, как внутренне сжался перед встречей с ползучими гадами, где-то на далекой звезде, одной из прекраснейших звезд земного неба, развившихся до ранга разумных существ. Вега горячее Альтаира, в ее излучениях жестких компонентов больше, какими же уродами должны оказаться вегажители, если альтаирцы так страшны?

А Мартын Спыхальский громко проговорил:

— О чем замечтались, юноша? Прошу настроить дешифратор на звуко-цветовую речь.

Мне странно теперь, что перелом моего существования от примитивного человеческого эгоизма к ощущению единства мира был ознаменован прозаическим советом настроить дешифратор. Я отрегулировал прибор и перенесся в другой мир. Вначале было темно. Вокруг высились одни растения — темные деревья, густые шапки кустов, пряно пахнущие цветы. И вдруг повсюду замерцали оранжевые огоньки — тусклые, как и все в этом сумеречном саду, быстро передвигающиеся среди деревьев. Горло мне сжала немота, непроизвольная, как приступ. На меня глядело человеческое лицо, необыкновенное лицо, прекрасней всех человеческих! Я оглянулся. Такие же лица смотрели и сбоку, и сзади. Нас окружили существа, до того великолепно похожие на людей, что мне захотелось закричать от испуга и восхищения.

Да, конечно, у них было туловище, похожее на змеиное, очень гибкое, но человеческое лицо и руки, чуть лишь покороче и потоньше наших, свидетельствовали, что они все-таки не змеи.

Как я потом разглядел, у них не было ног, туловище оканчивалось пятою, они передвигались, вращаясь на пяте, и так быстро, что превращались в сверкающий столб. В ту первую встречу с вегажителями я даже не заметил, что они приближаются, вращаясь.

Я открыл их, когда они стояли рядом, приветствуя нас голосом и сиянием. Очарованный, я не мог оторвать от них взгляда.

Я сказал, что их лица напоминают человеческие. Это справедливо лишь в грубом приближении. У них очертания человеческого лица, контур нашей головы, такие же глаза, рот и нос. Но и лучшая из красавиц Земли и мечтать не может о такой матовой коже, таких ярких губах, таких четких бровях и мохнатых ресницах. Все это неважно, я говорю о пустяках. Они одеты в разноцветные, полупрозрачные одежды — платья или плащи... Нет, и это не то! Самое необыкновенное у вегажителей — их глаза. Глаза вспыхивали и погасали, они меняли свой цвет. Это были огни, а не глаза. Жители Веги разговаривают сиянием своих глаз!

— Начнем! — сказала Вера. — Я хочу узнать, как чувствуют себя наши гости.

Это был стандартный Верин вопрос, у меня же дрогнули руки, когда я поднимал шар дешифратора. Шар засиял и запел, из него исторгались цвета и звуки. А когда он замолк, один из жителей Веги запел и засиял глазами в ответ. Это было так красиво, что казалось фантастически неправдоподобным. Шар перевел его ответ на человеческий скучный язык хрипловатым человеческим голосом — одинаковый на всех звездных мирах обмен любезностями: в гостях, мол, хорошо, мы благодарны за гостеприимство.

Один из пришельцев с Веги — вернее одна, это была девушка — с интересом рассматривала меня. Я тоже залюбовался ею. Среди прекрасных вегажителей она была всех прекрасней.

— Как вас зовут? — спросил я.

Она пропела свое имя нежным голосом, напоминавшим флейту. Чтобы повторить, что она произнесла, нужны ноты, а не буквы. Одновременно глаза ее озарились фиолетовым пламенем. Я воскликнул:

— Фиола! Я понял, вас зовут Фиола!

Все кругом засмеялись, даже Вера. В глазах девушки тоже вспыхнул розовато-голубой смех. Она смеялась ярко, радостными цветами.

— Фиола, — повторил я, смущенный. — Разве я не так говорю?

— Фиола, — проговорил машинный голос дешифратора. — Фиола.

— Пусть Фиола, — сказала Вера. — Имя красивое, как и девушка. Однако, друзья, довольно отвлекаться. Эли, будь внимательнее!

Внимательным я не сумел стать. Я подносил шар тому, с кем разговаривала Вера, но смотрел на одну Фиолу.

И она глядела на меня, разговаривала со мной вспыхивающими и погасающими, меняющими цвет глазами. Вера не завершила и половины своих расспросов, как я научился понимать этот восхитительный красочный язык. Нет, я не мог отвечать ей такими же вспышками и сиянием глаз, вероятно, я лишь глупо тарасился на нее, но Фиола разбирала мои молчаливые крики, мои смятенно-страстные объяснения — мы понимали друг друга без слов.

Вы удивительные создания — люди, говорила Фиола, а среди людей ты лучший. У тебя доброе лицо, ты строен и красив, ты так нежно смотришь на меня, мне хотелось бы, чтоб ты схватил меня своими большими руками, у всех у вас большие сильные руки, ты же сильнее других землян. Да, конечно, отвечал я, то есть наоборот, я вовсе не самый сильный и красивый, это смешно — я красивый! Но вот ты — поразительная, мне и не снилось, что могут быть такие существа, я дрожу от радости, когда ты смотришь на меня, смотри, смотри, сияй своими сверхъестественными глазами! Да, я буду смотреть, и ты смотри, это так хорошо, когда ты идешь вперед, а голову оборачиваешь ко мне, прости, я не знаю, как звать тебя, я не могу осветиться твоим именем, но я уверена, оно звучно и стройно, как ты. Меня зовут Эли, ты этого не услышишь, обыкновенное имя, на Земле много таких имен — ни звучных, ни стройных, ни художавых, просто имен, вот и мое такое — Эли. Нет, я услышала, тебя зовут Эли, это прекрасно и могущественно — Эли,

вот я зажгусь твоим именем, эти красно-голубые пламена — ты, это твои цвета, Эли, Эли! Ты скоро уйдешь, вы всегда торопитесь, люди, хоть и тихо передвигаетесь, и ты уйдешь, как другие, а я буду в сумраке гореть твоим именем, Эли, Эли, какое звучное имя, Эли, какое сверкающее имя, Эли, не уходи, Эли, Эли! Я не уйду, Фиола, я останусь, я хочу, очень хочу остаться с тобою...

— Очнись, Эли! — сказала Вера. — Беседа закончена.

— Надо уходить? Неужели надо уходить, Вера?

— Разве ты думал, что мы поселимся здесь?

Я повернулся к Спыхальскому:

— Мартын Юлианович!.. В эту гостиницу вход для землян не запрещен?

Лицо его снова перекосила усмешка. Я вдруг понял, что он добрый человек.

— Эта гостиница — единственное местечко, где для человека нет опасностей, кроме красоты ее обитательниц.

Я схватил руки Фиолы, заглянул в глаза — они были темны.

— Фиола! — сказал я, забыв о дешифраторе. — Я приду. Жди меня, Фиола!

Я повторял “Я приду!”, пока черные глаза Фиолы опять не вспыхнули цветом морской воды, освещенной солнцем. Ромеро потянул меня за собою. Я махал Фиоле рукой. За воротами гостиницы Вера сделала мне выговор. Сколько раз я слышал в детстве этот суровый голос!

— Я недовольна, Эли. Чего ты уставился так на бедную девушку?

— Я любовался ею, Вера. Я не озорничал, а любовался!

— Отвращиваться от всех земных девушек, чтоб увлечься первой встречной звездожительницей, — кто тебе поверит, Эли?

— Главное, чтоб я поверил, — пробормотал я. Я верил.

А Ромеро пошутил:

— В древних преданиях змей искусил прародительницу людей, некую Еву. Бедный Эли, кажется, дал обольстить себя коварной и красочной змее.

Я молча глядел на него. Я слышал голос из прежнего моего мира, а сам был в новом.

Ромеро опирался на свою дурацкую трость — надменный, высокомерно подтянутый. Я словно бы впервые заметил, что он красив и его короткая борода расчесана волосок к волоску. Между нами что-то оборвалось, он больше не был мне другом.

27

— Теперь ангелы с Гиад, — сказала Вера. — В этих крылатых обществах сохранились враждующие классы.

— Вздорный народец, — подтвердил Спыхальский. — Каждый день у них драки. Перья летят, как пух с тополей.

— И их много. Двадцать три обитаемые звездные системы в Гиадах, сто семь густо населенных планет. Ни одно из разумных племен не размножилось так — почти четыреста миллиардов...

— Разумное племя? — переспросил Спыхальский. — Что, конечно, считать разумом... Одно добавлю — голодное племя. Посмотрели бы вы, что происходит, когда звонят к столу.

Вера задумалась. Я был полон мыслей о Фиоле. Мы долетели до гостиницы “Гиады”. В этом здании размером с город масса зелени и света, прямоугольники домов образуют улицы, на пересечении улиц разбиты амфитеатры с экранами — ангелы любят картины. Условия тут подобны земным. Крылатые легко приспособиваются к любым параметрам гравитации, атмосферы и температур. Вероятно, этим и объясняется, что они широко расселились на планетах.

На нас сразу набросились, осатанело зашумев крыльями, три обрадованных ангела. Через минуту вокруг носилась, сталкиваясь и дерясь в воздухе, целая толпа крылатых. Я хлопал их по крыльям, приветствуя, но их было слишком много, чтоб со всеми здороваться.

В ангелах есть что-то внушающее неприязнь. Внешне они импозантны, даже величественны, — белое тело, золотые волосы, широкие мощные крылья, причудливо окрашенные: розовые, фиолетовые, оранжевые, даже черные, особенно среди четырехкрылых, чаще же всего — разноцветные. Зато лица ангелов грубы. Я не встретил ни в тот день, ни после ангела без морщин, морщинисты даже молодые, — каждый кажется состарившимся ребенком. Впечатление это усиливается еще и оттого, что они галдят и носятся, как расшалившиеся дети. К тому же, ангелы редко моются. В вертепах ангелов вряд ли лучше, чем в конюшнях пегасов.

Когда мы продирались сквозь крылатую толпу, я увидел в стороне Андре с Лусином. Я наклонился к Ромеро.

— Павел, замените меня у дешифратора.

Выбравшись из толпы, я припустил к Андре. Какой-то шальной ангелочек, восторженно завизжав, ринулся на меня с распахнутыми крыльями, но я ускользнул от него.

— Молчи и слушай! — закричал Андре. — Новые данные о галактах. Говорю тебе, молчи! Мы получили великолепные записи у того четырехкрылого. Чего ты размахиваешь руками?

— Я молчу! — закричал я. — Покажи записи.

— Сперва выслушай, потом покажу.

Андре и Лусину повезло. Когда они пришли к изолированному четырехкрылому, тот спал и ему снились кошмары, мозг его усиленно излучал.

Андре, не дожидаясь пробуждения ангела, поспешил материализовать записанные излучения на большом дешифраторе.

Он тут же, на улице, при сиянии дневного солнца, вызвал видеостолб. Я с усилием всматривался, внешний свет был сильнее внутреннего свечения видеостолба. Я увидел те же картины, что уже демонстрировались на Земле, — скалы, яркие звезды, черное озеро, спускающийся сигарообразный корабль. Нового не было и дальше — те же галакты, башня с вращающимся глазом...

— Ну? — спросил Андре. — Понимаешь ли ты, что это такое?

— Понимаю. Бледная копия старых записей Спыхальского.

— Правильно, — проговорил молчавший Лусин. — Копия. Уже видели.

— Вы дураки! — сказал Андре радостно. — Ну и что, если видели? Важно одно: звездные видения посещают нашего четырехкрылого очень часто, раз мы записали их в первом же обследованном сне. Только личные впечатления могут дать такую четкость образов. Короче, он видел галактов сам! — Андре с торжеством смотрел на нас. Я хладнокровно рассмеялся ему в лицо:

— И сейчас ты идешь выпрашивать своего ангела, правильно ли толкуешь его сновидения?

— Совершенно верно.

— Я пойду с тобой, чтобы присутствовать при оглушительном крушении твоей очередной теории.

Четырехкрылый буйн был громадный, мужиковатый ангелище со свирепой мордой и могучими крыльями. Он уставился на нас мутными глазами и что-то проворчал. У ангелов тонкие, писклявые голоса. Разговаривая, они захлебываются от торопливости — в любом их сборище трескотня и писк. У этого даже голос был мощный, он не пищал, а грохотал. Он мне понравился.

Андре настроил дешифратор и вежливо проговорил:

— Разрешите задать вам несколько вопросов.

— На колени! — рявкнул ангел. — На колени, не то — к чертовой матери!

Его ярость была так внезапна и буйна, что мы рассмеялись. Смех озлил его. Он грозно вздыбился, распахнув крылья и клока.

— У людей не принято становиться на колени, — сказал Андре.

Дешифратор перевел ответ ангела:

— Я — князь!

Я усомнился в правильности перевода. Слова “к чертовой матери”, “князь”, “на колени” слишком отдавали старинными земными понятиями, чтобы быть правдоподобными.

— Не думаю, чтобы дешифратор врал, — возразил Андре. — Объем его памяти — четыреста тысяч слов и сто миллионов понятий. И если он выбрал князя и чертову мать, то, значит, наш узник имел в виду нечто, что больше всего подходит к понятиям “князь” и “к чертовой матери”.

Тогда к ангелу обратился я:

— Почему вы считаете себя князем?

— Налечу и растопчу! — сварливо сказал ангел.

Я вспомнил, что охранное поле людей на Оре зависит от настроения. Я вызвал в себе гнев. Ангела отшвырнуло в сторону, он завопил от испуга. Я то увеличивал, то уменьшал поле. Крылатого “князя” беспощадно мотало в воздухе. Когда его особенно сильно встряхнуло, он заревел бычьим голосом: — Спасите! Спасите!

Я сбросил поле, и ангел рухнул. От страха и бессилия он даже не пытался подняться и ползал, униженно расплескав широкие крылья. Лусин, засопев, отвернулся. Уверен, что в этот миг грубый ангел представлялся ему чем-то вроде его смирных драконов или диковатого бога Гора с головой сокола.

— Высшие силы! — потрясенно бормотал ангел. — Высшие силы!

— Поднимайся и перестань быть князем! — сказал я. — Терпеть не могу дураков. Тебя по-хорошему спрашивают, а ты грубишь!

— Спрашивайте! — поспешно сказал ангел. — Хотя не знаю, что я могу таким могущественным особам...

Андре рассказал ангелу о его сновидениях и спросил, не видел ли он сам галактов и их врагов.

— Это предания, — бормотал ангел. — Никто не видел галактов. Я слышал в детстве сказки о них.

Я выразительно посмотрел на Андре. Он постарался не заметить моего взгляда. Он не очень огорчается, когда его теории терпят крах. Он слишком легко их создает.

— А почему ты хвастался знатностью? — спросил я ангела. — Что означает этот вздор?

Ангел опустил голову и поник крыльями.

— У нас предание, что четырехкрылых привезли небесные скитальцы, двукрылые же — порода местная... Я не люблю двукрылых. Они презренные низшие существа, но вы, люди, не разрешаете бить их...

— И никогда не разрешим, — подтвердил я. — И считать их низшей породой тоже не разрешаем. Как тебя зовут?

— Труб. Я постараюсь... Я хочу, чтоб вы меня полюбили.

Он был так унижен, что я пожалел его. Я ласково потрепал его перья. Перья на крыльях у него отменные — шелковистые, крепкие, густой лиловой окраски. Собственно, настоящих крыльев у него два, вторая пара скорее подкрылки. На изгибе больших крыльев имеются руки, чуть покороче наших, без ладони, но с пятью крепкими черными пальцами с когтями.

Выйдя, мы подвели итоги тому, что узнали от Труба. Андре запоздало пытался оправдаться в неудаче теории:

— Все же кое-что новое есть. Я имею в виду предания о происхождении четырехкрылых.

— Нас интересуют галакты, а знаний о них не добавилось, — сказал я. — Такие предания имеются всюду, где работающие существа разрешают оседлать себя паразитам. Разве ты не знаешь, что лучший способ оправдать собственное тунеядство — объяснить его божественностью своей природы? Все подлое издавна валят на божество.

— Труб хороший, — сказал огорченный Лусин. — Не паразит. Красивый. Очень сильный. Сильнее всех ангелов.

28

Впечатление от следующих гостиниц слилось в смутное ощущение чего-то утомительного. Я понимал, что человеческая двуногая одноголовая форма лишь одна из возможностей разумной жизни, и был готов к любым неожиданностям. Даже когда мы беседовали с существами, на три четверти состоящими из металлов, и студенистыми мыслящими кристаллами, погибающими от света, я не удивлялся. Можно и так, говорил я себе. В природе существует могучий позыв познавать себя. А каким способом она осуществляет самопознание — игра обстоятельств.

Вечером мы с Ромеро гуляли по Оре.

Недвижное солнце утратило дневной жар и потускнело, превращаясь в луну. Три четверти диска вовсе погасло, луна было на ущербе. Звонкий днем воздух, далеко разносивший звуки, гложнул, звуки преобразовывались в шумы и шорохи, зато густели ароматы. Цветы запахами хватали за душу, как руками. У меня немного кружилась голова. Ромеро помахивал тростью, я рассказывал, какие мысли явились мне при знакомстве со звездожителями. Ромеро возмутила моя покладистость.

— Чепуха, друг мой! Все эти ангельские образины, змеелики и полупрозрачные пауки не больше чем уродства. С уродствами я не помирюсь. Раньше я не очень восхищался людьми, теперь я их обожаю. Знакомство со звездожителями доказало, что человек — высшая форма разумной жизни. Только теперь я понял всю глубину критерия: “Все для блага человечества и человека”.

— Разве против него кто спорит?

— Вы ошибаетесь, — сказал он сумрачно. — Мне не нравится настроение вашей сестры. Я хочу сделать вам одно предложение. Она нам обоим дорога. Давайте образуем дружеский союз против ее опасных фантазий. Вы удивлены — какой союз? Слушайте меня внимательно, мой друг!

Опершись на трость, он торжественно проговорил:

— Я не влеку вас в неизведанные дали, наоборот, отстаиваю то, что уже пять столетий считается величайшей из наших социальных истин. Хочу восстать против того, чтобы забывали о

человеке ради полуживотных, моральных и физических уродцев... — Отвращение исказило его лицо. Мне многое не нравилось в звездожителях, но ненависти они не вызывали.

— По-вашему, реальна опасность забвения интересов человека?

— Да! — сказал он. — Они уже забываются. Верой, когда она планирует широкую помощь сотням звездных систем. Вами, когда вы так возмутительно равнодушно признаете, что мыслящая жизнь может быть равноправно прекрасной и безобразной. Андре, готовым все силы положить на возню с дурацкими мыслями примитивных, как идиотики, ангелочков. И тысячами, миллионами похожих на вас фантастов и безумцев. Скажите, по-честному скажите, разве не забвение интересов человечества то, что происходит на Оре? Богатства Земли обеспечивают идеальные условия паукам и бегемотам! Звездный Плуг, отправленный на Вегу, израсходовал все запасы активного вещества на создание искусственного солнца для милых змей. Такова наша забота о других. А человек? Человека отставляют на задний план. О человеке понемножку забывают. Но я не дам человека в обиду. Если еще недавно я молчал, то сейчас я молчать не буду. Я повторяю то, что уже говорил на Земле. Неожиданная опасность нависла над человечеством. Мы обязаны сегодня думать только о себе, только о себе! Никакого благотворительства за счет интересов человека!

Он выкрикнул последние слова, пристукнув тростью. Я сказал:

— Не понимаю, к чему этот пафос, Павел? Запросите МУМ, кто прав, ваши противники или вы, и все станет на место.

К Ромеро понемногу возвращался его обычный надменно-иронический вид. На лице его вымеилась недобрая усмешка.

— Благодарю за дельный совет, мой юный друг, обязательно им воспользуюсь. Итак, насколько я понимаю, вам не подходит предлагаемый мной союз?

— Я вообще не нахожу нужды ни в каком подобном союзе.

— А вот уж это мое дело — есть нужда или нет. Покойной ночи, любезный Эли.

Он церемонно приподнял шляпу и удалился. Я с тяжелым сердцем смотрел ему вслед. Мне было грустно, что в считанные минуты наша многолетняя дружба развалилась. Опустив голову, я шагал по аллее пустынного бульвара. Передо мной опустилась

авиетка. Я вспомнил, что, кажется, пожелал чего-то, на чем можно передвигаться. Я влез в кабину и подумал: “К Фиоле”.

29

Переступив порог гостиницы “Созвездие Лирь”, я остановился в смущении. Зачем я стремлюсь сюда? Если Ромеро и не прав в своей неприязни к звездожителям, это еще не значит, что в них нужно влюбляться. Была бы на Оре Охранительница — как все стало бы просто. “Скажите, милая, что со мной?” — “Ничего особенного — блажь пополам с жаждой познания нового”. Или: “С вами — несчастье: вы испытываете земное чувство любви к жителю звезд, где о подобных чувствах и не слышали”. Я рассмеялся. На благоустроенной Земле нас слишком уж опекают машины!

Я прошел в сад. В саду светило то же притушенное до лунного облика ночное солнце, что и снаружи. Здесь и днем все терялось в полумраке, сейчас вовсе было темно. Я пробирался ощупью, наталкивался на деревья. Вдали возник и пронесся розоватый столб или смерч, яркий и стремительный, за ним вспыхнул и исчез другой. Я остановился, чтоб сообразить, где я. На меня навалилась душная темнота, наполненная сонным шорохом листьев и тревожным бормотаньем моих мыслей.

— Фиола! — тихо позвал я. — Фиола!

Из черноты кустов снова вырвался и унесся сияющий смерч. По саду заструилось тихое пение. Я всматривался в бурно вращающийся факел, пропавший за деревьями, и вслушивался в пение. Оно вскоре стихло, тишина звенела в ушах, в ней не было ничего, кроме нее самой.

Меня внезапно охватил гнев. Я громко застучал ногами, грубо вторгнулся в кусты. Я хотел побольше шума, чтобы взбудоражить вегажителей. Если они так невежливы, что убегают, не спрашивая, чего мне надо, то и мне можно не церемониться.

— Фиола! — заорал я. — Фиола!

И снова мне ничего не ответило, лишь в отдалении вспыхивали и погасали сияющие столбы. У меня кружилась голова, пересохло в горле, каждая клеточка трепетала, словно я одурманился жадными запахами незнакомых цветов. Во мне бушевала ярость.

— Фиола! — ревел я. — Фиола!

Я ринулся вперед. Что-то встало на дороге, может, куст, может, существо, — я оттолкнул его. Я бешено ломился в насто-роженную, боязливую темноту, расшвыривал, что мешало, за-пинался, сваливался, снова вскакивал, хватаясь за кусты, пинал кусты ногою и бежал дальше. В каком-то уголке сада я свалился надолго. Я лежал, всхлипывая от бессилия и бешенства. Я чув-ствовал себя поверженным.

— Фиола! — шептал я. — Фиола!

С трудом я поднялся. Ноги не держали, в голове надсадно гудело. Меня охватил стыд. Я, гордящийся разумом человек, вел себя как зверь, ревел и мычал, охваченный жаждой драки и разрушения. И этот дикий поступок совершил в доме гостей, веровавших в могущество и доброту человека! Что они теперь подумают о нас?

— Простите, друзья! — сказал я. — Я виноват, простите!

Сейчас я думал об одном — поскорее выбраться из глухого сада. В полубезумном беге сквозь кусты я забрался слишком далеко. Надо мной нависали деревья, я не видел неба. Потом я вспомнил, как неожиданно появилась авиетка, и мысленно воз-звал к диспетчеру планеты. Диспетчер молчал, связи с ним не было. Я двинулся наугад, ощупью определяя путь. Вскоре дере-вья расступились, открывая небо с угасавшей луной, и я вышел на дорогу.

Здесь я снова услышал пение и минуту стоял, разбирая, от-куда оно. Пение усилилось, в нем звучала тревога, шел спор или перебранка — так мне казалось. И вдруг сад озарился, меж де-ревьев замелькали огни, они приближались, звеня на высоких нотах. А затем из кустов вырвался столб радужного сияния и смерчем обрушился на меня. Я еле устоял на ногах и, обхватив вегажителя, закружился с ним. Я не сразу сообразил, что это Фиола.

— Фиола! — сказал я потом. — Фиола!

Я обнимал ее, а к нам отовсюду стремились ее светящиеся сородичи. Теперь я видел, что светятся у них не одни глаза, но и тело. То, что днем я принял за расцветку тканей, оказалось соб-ственным их сиянием, свободно лившимся сквозь одежду, — оно было много ярче, чем днем. И они не просто освещали те-лами тьму, но возмущались и негодовали сверканием — сияние их нападало на меня и Фиолу, упрекало нас. Это был разгневан-ный свет, как у нас бывает разгневанный крик. Какая-то сила,

много мощней моей, растаскивала нас с Фиолой. Наши руки разомкнулись, и Фиола выскользнула из моих объятий. В пении ее послышалось рыдание, она рванулась ко мне, но снова нас оттолкнуло друг от друга.

— Фиола, что происходит? — воскликнул я, забыв, что она не понимает человеческого языка.

От злости я стал рассуждать холодно. Эти существа, очевидно, обладали защитными полями, вроде моего, но послабей, ибо, лишь собравшись в толпу, могли воздействовать на меня. Я сообразил, как действовать, но раньше нужно было ухватить Фиолу, чтоб ее не унесло с другими.

Улучив момент, я сжал ее обеими руками и вызвал поле.

Если бы я не был так расстроен, я бы расхохотался, когда вегажителй раскидало. Они взметались и падали, от страха погасая. Я поспешно сбросил поле, чтоб их не разбило о деревья. Фиола прижималась ко мне, вся дрожа, глаза ее были темны. Я погладил ее волосы.

Вегажителй не разбежались, как я надеялся, но опять стали приближаться, осторожно, медленным вращением, — раза в два, впрочем, быстрее человеческого бега. Я видел в их лицах ужас, вероятно, я представлялся им страшилищем, всемогущим и беспощадным. От робости они светились тускло, зато пение, печальное даже для человеческого уха, звучало громче. И меня захлестнула нежность к этим мужественным, слабосильным существам — трепещущие, почти уверенные в своей гибели, они все же надвигались на меня, чтоб вызволить свою сестру, попавшую, как им казалось, в беду.

— Глупые! — сказал я. — Почему вы боитесь меня?

Пение оборвалось, когда я заговорил. Вегажителй молча старались разобраться в моей речи. Я улыбнулся, погладил опять волосы Фиолы и протянул руку к одному из них — тот поспешно отпрянул. Но они уже не старались разделить нас. Не расступаясь, они и не наступали.

— Можете мне поверить, — говорил я. — Я бы скорей убил себя, чем причинил вам зло.

Не знаю, поняли ли они меня, но пение, зазвучавшее в ответ, было уже не так однообразно печально. Они опять засветились телами, засверкали глазами, зазвучали на разные голоса — спорили меж собою, в чем-то друг друга убеждая. И тут в их спор вмешалась Фиола. Ее глаза вспыхнули фиолетовым сиянием,

оно превратилось в малиновое, потом в голубое, в нем заматались оттенки и цвета. Одновременно Фиола запела — в моих ушах зазвенели в многоголосом переборе серебряные колокольчики. Я услышал повторенную дважды музыкальную фразу, подкрепленную холодным синим пламенем глаз, и понял, что она приказывает: “Уходите! Уходите!” Потускнев от внимания, молчаливые звездожители смотрели на меня и Фиолу. Я повторил:

— Плохого с Фиолой ничего не случится.

Все же они не решались покинуть нас. Они высвечивали друг другу, перезванивались тоненькими голосами, но оставались. В глазах Фиолы усилились холодные пламена, в голосе зазвучал гнев. Я понимал каждую ее ноту и вспышку. “Почему вы не уходите?” — возмущалась она.

Лишь когда она повторила свое требование в пятый или шестой раз, толпа стала разваливаться. Сперва завертелся кто-то вдалеке, следом выкрутился в темень сада его сосед, а за ними всех вегажителей охватило попятное вращение. Меж деревьев замелькали уносящиеся сияющие столбы, на несколько секунд все снова озарилось причудливыми огнями, потом огни погасли — вокруг был тот же непроницаемо черный, задыхающийся от собственных ароматов, непонятно чужой сад. Я не боялся его — рядом светила Фиола. Вспомнив, что мы немые друг для друга, я схватился за наручный дешифратор, чтобы хоть он помог нам.

— Обойдемся без твоего прибора, — сказала она, засмеявшись.

Я ошалело молчал. Мне были понятны каждое ее слово и цвет.

— Разве тебе не ясно, прозвенела она, — что я разобралась в твоей речи еще днем, а сейчас ее поняли и мои друзья?

— Мне тоже показалось, что они ее поняли, — сказал я. — Я даже уверен, что они ее поняли.

Она лукаво посмотрела на меня. Мне стало не по себе, до того она была красива.

— Надеюсь, и ты понимаешь меня? Не так ли, Эли?

Я проглотил комок, вдруг сдавивший горло. Никакого чуда не было. Наш мозг — тоже дешифратор, слова сопутствуют прямой передаче мысли, здесь же мыслям помогали не одни звуки, но и цвета. Но и сознавая это, я не переставал удивляться.

— Наш язык беднее вашего, — сказал я. — На Земле не только люди, но и почти все животные общаются лишь с помощью звука, такова уж наша особенность. Но, знаешь, выйдем на открытое место. Это смешно, но мне мерещится, что у ваших деревьев не листья, а лапы.

— Ты фантазируешь! Деревья — спасители. Их листья экранируют от лучей нашей звезды. Днем никто у нас не выберется на открытое место. Мы гуляем ночью.

Я вспомнил, что красавица Вега еще горячее, чем Альтаир, ее поверхностная температура около 15000 градусов. Под таким солнцем не погуляешь. И, несомненно, светящиеся и разговаривающие светом вегажителю просто созданы для ночи.

30

Мы вышли на поляну и сели на скамейку. Ходить с Фиолой не очень удобно, она не способна ковылять по-человечески, а мне за ней не угнаться. Зато с ней хорошо сидеть, от нее исходит приятная теплота: вегажителю, как и мы, теплокровны.

На поляне раскрылось ночное небо. Луна погасла, и звезды пылали чисто и напряженно. На Оре они ярче. Фиола глядела на Вегу. На Земле я часто любовался прекрасной Вегой, а здесь просто пришел в восторг — такая она великолепная. Фиола попросила указать наше Солнце, я поинтересовался, какое созвездие ей больше нравится. Я с волнением ожидал ответа. Созвездия на Оре не схожи с земными, но Большая Медведица, Кассиопея, Орион и здесь, измененные, прекрасны — я опасался, что она укажет на них.

Но Фиола обратила светящиеся глаза на параллелограмм, отчеркнутый Фомальгаутом, Альтаиром, Арктуром, Сириусом и Капеллой, в центре его сияли три малозаметные, дорогие моему сердцу звездочки — Поллукс, Альфа Центавра и Солнце.

— Ты хорошо выбрала, — сказал я торжественно. — Мы оттуда, Фиола. — Я показал на Солнце.

Она удивилась, что Солнце маленькое. Я ответил, что просто оно очень далеко. Фиола задумалась.

— Вы могущественны, люди, — сказала (вернее просветила и пропела) она. — Когда вы опустились на нашу планету, некоторые решили, что вы божества, так сверхъестественно было ваше появление.

— Теперь вы, однако, понимаете, что мы обыкновенные существа? Не лучше вас.

Она покачала головой, глаза ее засверкали сумеречно и влажно. Задумываясь, она становилась похожей на опечаленного ребенка.

— Во многом вы даже хуже нас. Вместе с тем вы безмерно превосходите нас.

Я попросил объяснения. Отныне мы были способны беседовать на любые темы. Вскоре я убедился, что легко разбираю лишь простые понятия, а сложные мысли ей приходилось повторять по два-три раза, пока я постигал их. Она начала с того, что при первом знакомстве люди кажутся беспомощными.

— Вы неповоротливы, неспособны к быстрым движениям. И, может, самое главное: вы жизнедеятельны лишь в узком интервале условий, чуть измени их — вы погибаете. Вы не переносите ни жары, ни холода, ни разреженного воздуха, ни больших давлений, ни жестких излучений, ни длительного голода, ни жажды, ни перегрузок. Выбрось любого из вас без орудий и машин во внешний мир — что с вами будет? Даже средства общения у вас до удивления несовершенны — речь груба и медленна, прямой передачи мысли вы не применяете. Спектр существования людей настолько узок, что трагически превращается в линию — жизнь человека висит на этой линии, как на волоске. Мы во многом совершеннее вас. Хоть мы и предохраняемся от жестких излучений нашего безжалостного светила, зато мы легко дышим и при одном, и при сорока процентах кислорода, переносим стоградусную жару и стоградусный холод, понимаем друг друга без звуков и цветов, и звуки, и цвета лишь сопутствуют прямой передаче наших мыслей, мы не тонем в воде, месяцами живем без пищи и питья, не умираем, если не поспим неделю. И каждый из нас хранит в мозгу все знания, накопленные обществом, мы не нуждаемся в справочных машинах, чтобы вызвать к делу свои знания. Вот каковы мы — и каковы вы. Когда знакомишься с вами, поражаясь, что вы, такие беспомощные, все же существуете, что вы не погибли на заре своей истории.

— Это потому, что мы заставили наши недостатки служить нам. Наше могущество — обратная сторона наших слабостей.

— Да, — сказала Фиола, — ваше величие продолжает ваши слабости. Это второе, чему поражаясь в вас. Вам опасны

колебания температуры — вы защитились от них одеждой, помещениями, генераторами тепла. Вам страшно падение кислорода в воздухе, вы не переносите разреженности — вы придумали скафандры. Без еды и питья вы не способны жить — вы берете с собой запасы еды и питья, умеете изготавливать их из любых веществ. От перегрузок вы защищены силовыми полями, те же поля преодолевают невесомость, создавая единственно устраивающие вас узенькие, лишь случайно выпадающие в разнообразии Вселенной условия тяготения. У вас малая память — вы безгранично расширили ее запоминающими устройствами. У вас немощные мускулы — вы усилили их чудовищно мощными машинами. Мысль ваша замедленна, средства выражения мысли словами примитивны, понимание чужой мысли отсутствует — вы преодолеваете эти врожденные недостатки дешифраторами, за вас работают невероятно точные и быстрые механизмы. И хоть сами вы не способны быстро передвигаться на своих слабых, неудачно сконструированных природой ногах, зато вы создали космические машины, далеко обгоняющие самого быстрого мирового бегуна — свет. И так во всем, так во всем, Эли! Вы отыскиваете слабые свои места, беспредельно усиливаете их механизмами — и несовершенства ваши обращаются в преимущества. Без своих изобретений вы до ничтожества жалки, с ними непостижимо велики. Беспомощные перед каждой стихией природы, вы одновременно — самая величественная из ее стихий. Во Вселенной нет более могучих сил, чем вы, маленькие, неповоротливые люди. И хоть это не главное, чему следует у вас удивляться, — как все же не удивиться?

— Хорошо, — сказал я. — Мне нравится твоя речь о недостатках и достоинствах людей. Но чему же ты больше всего удивляешься в нас, если не могуществу?

— Сразу видно, что люди — примитивны. Как глаза твои засияли! Ты тщеславен. Ты заранее радуешься, что тебя похвалят, неважно за что, лишь бы похвалили.

Это было беспощадно метко, я покраснел.

Фиола смотрела на меня с улыбкой. Ее глаза освещали меня и мрак в саду. Она была дьявольски умна, эта божественно прекрасная девушка, мне становилось не по себе. И она не была человеком, а меня томило человеческое, чересчур человеческое! Земных девушек обнимают и целуют, шепчут им ласковые слова — такова наша человеческая любовь, примитивная, как мы, а что требуется совершенным звездожителям?

Фиола разобралась в моем молчании, вероятно, лучше, чем я. В глазах ее быстро менялись цвета, голос пел звучно и мелодично. Если бы я не старался проникнуть в смысл пения, я наслаждался бы им просто как пением.

— Что ты замолчал? — спросила Фиола. — Или тебя не интересует, в чем самое удивительное ваше качество?

— Нет, то есть да, интересует! Так чем мы замечательны?

— Своей добротой. Вы покоряюще добры, милый мой человек Эли.

Я немного приободрился. Правда, я мог бы кое-что рассказать о случаях, когда мы злы, но не хотел. Мнение Фиолы было мне приятно.

Она возвратилась к тому, что мы могущественны.

— Мощь поднимается над мелочами, величие выше частных — таков закон природы. Звезде безразлично, что ее радиация поддерживает жизнь одних живых существ и убивает других. А люди нарушают этот закон природы. Их мощь не слепа, она разрушает и создает планеты — ради жизни. Когда первые люди опустились к нам, нас охватил ужас, мы ждали гибели. Но люди помогли нам защититься от летнего избытка радиации, от зимних жестоких морозов. Они построили экранирующие помещения, теперь не надо в жару прятаться в кустах под деревьями. И мы уже не страдаем от холода, когда планета зимой уходит от Веги: нас согревает искусственное красное солнце. Многие думают, что люди прибыли лишь затем, чтобы помочь нам, иной цели в их прибытии нет, — разве это не удивительно? Во время перелета с Веги на Ору нам говорили: “Здесь все для вас”. На Оре люди твердят: “Наша обязанность — создать вам наилучшие условия”. Вот каковы люди! Они считают помощь иным существам своей обязанностью — что может быть выше?

— А разве вы сами не поступили бы так? Скажем, прилети вы на другую звезду...

— Не знаю. На планетах Веги жизнь нелегка, а ваших механизмов мы не имеем. Боюсь, мы всюду заботились бы прежде всего о себе. Вот ночью ты пришел без предупреждения, и все испугались тебя, Эли, а когда я приблизилась, нас хотели разъединить. Но я сижу с тобой, и мне хорошо. Это так прекрасно, что существуете вы, люди!

Она проникновенно сияла, пение ее хватало за душу. Я чувствовал себя в этот момент представителем человечества, я

гордился, что людей любят. И я с негодованием вспомнил, как Ромеро презрительно отзывался об искусственном солнце, за которое благодарила людей Фиола. Экипаж звездолета, отправленного на Вегу, израсходовал на это светило все свои резервы активного вещества. Программой полета такие действия не предусмотрены — им придется держать ответ на Земле.

Я мысленно видел планету, где жила Фиола, — летом сжигаемую белокалильным жаром, темную и холодную зимой. Вдали сияла синевато-белая Вега — декоративная, неживотворящая звезда. Да, конечно, можно приспособиться к самым безжалостным условиям существования — и они приспособились ценой страданий. Разумом и чувствами я был с теми, кто бросил луч в их ледяную темноту, послал волну тепла в скованные морозом сумрачные убежища, защитил от пронзительного летнего света! Но, несомненно, кто-то из людей поддержит Ромеро, объявив транжирством бескорыстную человеческую помощь... Сказать Фиоле, что люди разные, я не мог.

А между тем погасшая было луна стала возрождаться в солнце. На черном пологие неба засветился диск, он становился ярче и горячее. Звезды тускнели и пропадали. Фиола прижалась ко мне. Я хотел ее поцеловать, но не знал, принято ли на Веге целоваться. Мне было радостно и без поцелуев.

— День идет, — сказал я. — Рабочий день, Фиола.

— Да, день, — отозвалась она. — И ты удалишься. Спасибо, что ты был эту ночь со мной, человек Эли.

— И тебе спасибо, Фиола. Ты подарила мне лучшую ночь в жизни.

— Что было в ней лучшим, Эли? То, что я критиковала людей за несовершенство?

— Нет, то, что мы сидели рядом и, разные, чувствовали свое единство.

Она унеслась, звеня и сверкая, в глубину сада, а я поплелся к выходу.

31

Я собирался к Вере, но она сама вызвала меня. У входа в гостиницу вспыхнул видеостолб. Вера сидела за столом. Она казалась усталой.

— Ты не спал сегодня, брат? — спросила она, всматриваясь в меня. — Тебя не было дома.

— Я провел эту ночь с Фиолой в их саду.

— Я тоже не спала. Дурацкая ночь — споры, ссоры... Как бессердечны иные люди!

Я сообразил, что она говорит о Ромеро. Я редко видел Веру такой измученной. Раньше в спорах она воодушевлялась. Дискуссии оживляли, а не подавляли ее. Что-то очень серьезное случилось у них с Ромеро.

— Прими радиационный душ, Вера. И не думай о чужом бессердечии.

— Не думать о бессердечии я не могу. Бессердечие, распространившееся на многие сердца, становится грозной силой. Я вызвала тебя, чтобы освободить на этот день.

Я пошел к Андре. У Андре сидел Лусин. Я предложил им отправиться на розыски сведений о галактах. Андре собирался сегодня готовить зал Галактических Совещаний к своему концерту. Я уверял его, что звездожители отнесутся к симфонии не лучше, чем люди, музыка должна радовать, а не терзать.

— Наш век трагичен! — закричал Андре. — Посмотри на небо — сколько горя! И еще эти чертовы человекообразные с их загадочными врагами! Наши предки могли дикарски радоваться неизвестно чему, а мы обязаны задуматься над смыслом существования.

Он готов был завязать запальчивый спор, но я отвернулся к Лусину. Лусина уговорить легче, чем Андре. Он потащил передвижной дешифратор. На улице мы взвалили прибор на воздушную тележку и поехали в гостиницу “Созвездие Орла”.

Мысль о том, что надо поискать сведений о галактах у альтайрцев, явилась мне вчера. Я хотел также познакомиться с их живописью. В вестибюле мы облачились в скафандры и получили гамма-фонари для высвечивания невидимых жителей Альтаира.

В зале было пусто. Мы светили во все стороны, но никого не обнаружили. В конце зала открывался туннель, и мы прошли сквозь него на рабочую площадку. У меня защемило сердце, когда я увидел раскинувшуюся кругом страну. На темном небе висел синевато-белый шар, имитировавший жестокий Альтаир. Все вокруг разъяренно сверкало. Ни единой травинки не оживляло сожженную почву — до скрежета белый камень, до хруста белый песок, удушливая пыль, вздымавшаяся из-под ног...

— Пейзаж! — сказал я. — Жить не захочешь!

Лусин не изменил себе и тут.

— Неплохо! Здесь жить — искусство. Мастерство. Высокое.

Вскоре нам стали попадаться сооружения альтаирцев — каменные кубы без окон. Мы вошли в один и засветили фонарями. На окнах вспыхнули люминесцирующие картины. Рисунки меняли окраску и интенсивность, стоило повести фонарями, а когда мы тушили фонари, картины медленно погасали.

Живопись была странна — одни линии, хаотически переплетенные, резкие, мягкие, извилистые, — не штрихи, но контуры. Я вспомнил о математической кривой Пеано, не имевшей ширины и толщины, но заполнявшей любой объем. Линии, какими рисовали альтаирцы, заполняли объем, отчеркивали глубину, изображали воздух и предметы. Я видел все тот же беспощадный пейзаж — неистовое солнце, камни, песок, сооружения. И всюду были сами альтаирцы — нитеногие, паукообразные, проносящиеся между предметами.

На одной картине два альтаирца дрались, яростно переплетаясь отростками, сшибаясь туловищами. Художник великолепно передал обуревавшую их злобу, стремительность и энергию движений. Я двигался вдоль одной стены, Лусин вдоль другой. Он вдруг закричал:

— Эли! Скорей! Скорей!

Лусин показывал пальцем на картину. На картине были галакты.

И эта картина была рисована линиями — лишь контуры вещей заполняли пейзаж. На камне лежал умирающий бородатый галакт в красном плаще и коротких штанах. Одна рука бессильно отваливалась вбок, другая сжимала грудь, глаза умирающего были закрыты, рот перекошен.

Неподалеку стояли трое закованных галактов — на картине отчетливо виднелась цепь, стягивающая их руки, заложенные за спину. И с тем же жутким совершенством, с каким художник передал страдание в облике умирающего, он изобразил молчаливое отчаяние трех пленников. Они не смотрели на нас, головы их были опущены с безвольной покорностью... А над ними реяли альтаирцы. Каждая линия их тел кричала, альтаирцы метались, хотели что-то сделать, но не знали — что.

— Где же те, кто пленил галактов? — размышлял я. — Очевидно, это не альтаирцы, те сами в ужасе. Никакого намека на их врагов!

— Загадка. Надо искать. Может, еще картина?

— Надо поискать альтаирцев, — сказал я. — Только они смогут объяснить загадки своих рисунков.

Побродив по пустыне, мы увидели сорище усердно работающих альтаирцев. Шар, заменяющий Альтаир, накаливался по-полдnevному, и паукообразные создания светились в видимых лучах, но слабее, чем в зале, где мы их впервые увидели. И если там они были полупрозрачны, то здесь их сходство с призраками еще увеличилось. Кругом были одни тускло мерцающие контуры тел, а не тела. “Вот откуда их странная живописная манера”, — подумал я.

Альтаирцы побежали к нам. Они протискивались поближе, стремились дружески обнять ножками-волосиками — пришлось усилить охранное поле. Я настроил дешифратор и пожелал им здоровья. Эти добрые создания в ответ пожелали нам никогда не спать. Очевидно, сон у них — штука страшная, и они его побаиваются.

— Нам очень понравились ваши картины, друзья.

— Да, да! — загомонили они. — Мы рисуем. Мы всегда рисуем.

— И нам хочется знать, что за существа, похожие на нас, изображены на одной вашей картине?

Когда дешифратор преобразовал вопрос в гамма-излучение, альтаирцы словно окаменели. Если бы у них были глаза, я бы сказал, что они замерли, выпучив глаза. Потом по кольцу паукообразных пробежала судорога, и оно стало разваливаться. Передние отступали, кто-то из задних пустился наутек.

— Что с ними? — спросил я Лусина. — Они вроде испугались вопроса.

— Повтори! — посоветовал Лусин. — Не поняли.

Несколько секунд я молчал, обводя альтаирцев взглядом, и они молчали, ожидая, не скажу ли я еще чего-нибудь страшного. А когда я набрался духа и вторично поинтересовался, кто изображен на картине, их охватила паника. Они уносились с такой быстротой, что не прошло и секунды, как около нас никого не было. Я повернулся к Лусину:

— Вот так история! Ты что-нибудь понимаешь?

— Понимаю, — отозвался Лусин. — Загадка.

Лусин, выбравшись из гостиницы “Созвездие Орла”, сразу затосковал по своим чудищам.

— Да что с ними случится? Пегасы дерутся, а драконы жуют траву. Кому на Оре нужны твои примитивные создания?

— Не говори, — бормотал он. — Не надо. Хорошие.

— Проваливай, — сказал я. — Надоел до смерти. Желая пегасам попасть в пасть дракона.

Лусин, счастливый, долго хохотал — таким забавным показалось ему мое пожелание. Два пегаса из смирных, пусти их, загонят любого дракона.

Я завернул к себе и поспал часок за вчерашнюю бессонную ночь. Меня разбудил вызов Веры. Она требовала меня к себе.

Вера порывисто ходила по комнате, иногда что-нибудь брала со стола и, повертев, клала обратно. На столе у нее множество пустячков — кристаллики с записью, крохотные осветители, зеркальца, гребешки, духи, книги первого века. Когда Вера волнуется, у нее темнеют глаза. Сейчас они были почти черные. Она встряхивала волосами — волосы спадали ей на глаза, и она отбрасывала их. В гневе Вера только и делает, что взмахивает волосами. “Трясет головой как лошадь”, — мстительно думал я в детстве, когда она отчитывала меня. Разгневанная, она так хорошеет! Все неприятные минуты моего детства связаны с образом рассерженного, красивого лица. С той поры я недолюбливаю красивых женщин, и это уже навсегда. Красота для меня неотделима от резких слов. Сегодня Вера была красивей, чем когда-либо. Теперь я твердо знал, что у них с Ромеро разрыв.

— Ну что ты нашел нового, Эли? — Она делала усилие, чтоб слушать.

Она сразу поняла, что мы совершили открытие. До сих пор было известно, что галакты появлялись на одной отдаленной звезде Гиад, в 150 светогодах от Солнца. Теперь следы их обнаружены около Альтаира, в ближайших наших звездных окрестностях.

— Из твоей находки следует, что галакты со своими врагами могут появиться и в Солнечной системе, если уже не появлялись в ней, — сказала Вера. — То, о чем мы на Земле говорили лишь как о теоретической возможности, стало реальной угрозой. Но снова — кто такие разрушители, пленившие галактов?

Почему их нет на картине? Не духи же они, в самом деле! Чем ты объясняешь бегство альтаирцев, брат?

Я развел руками, у меня не было объяснений.

— Еще одна загадка! А теперь поговорим о другом.

— О другом — это значит о Ромеро, сестра?

— Да, о Ромеро. Три часа назад мы с Ромеро запросили МУМ, кто из нас прав. И машина ответила, что я — не права. Помощь звездожителям она объявила несовместимой с принципом, что все совершается для блага человечества и человека.

— Машина соврала! На Земле запросим Большую.

— Нет, машине можно верить, Эли! Если она и не содержит всех знаний Большой, то принципы истолковывает правильно. Такой же ответ даст и Большая.

Я смотрел на Веру во все глаза. Раньше она не уступала, если чувствовала свою правоту. Меня охватила обида за прекрасных вегажителей, за добрых и смертоносных альтаирцев, даже за болтливых, дурно пахнущих, но по-своему симпатичных ангелов.

— Ромеро умело воспользовался последними данными... Он поднимает крик, что человечеству грозит чуть ли не гибель. А социальные наши машины, конечно, проштампуют его версию — раз над человечеством нависла опасность, нужно думать только о человеке. На то они и машины, чтоб мыслить по-машинному.

— Быстро же ты отступаешься, Вера. Быстро, быстро!..

Она подошла к окну и закинула руки за голову. Я видел лишь ее профиль — ровный нос, тонкие брови, высокий лоб, пухлую нижнюю губу, очень яркую на матовом лице. Красоты в ней больше, чем силы. А когда идет борьба, нужны кулаки.

— Тебе кажется, что я отступаю?

— Хотел бы, чтобы не казалось.

Она отошла от окна.

— Я не отступаю. Я начинаю борьбу. Но не с машиной. Что машина? Справочный механизм. Что в нее вложат, то и получат. Я хочу поставить перед человечеством вопрос: не пора ли расширить принципы нашего общественного устройства? Они существуют неизменными пятьсот лет, не настало ли время развить их дальше?

Мне подумалось, что она захватывает чересчур далеко. Нужно по-иному сформулировать вопрос — и машина даст иной

ответ. Ромеро тонок, он нашел хитрый ход, с ним надо бороться его оружием — отыскать формулировку похитрее.

— С ним надо бороться открыто и прямо, Эли. Ты ошибаешься, Ромеро не тонок. Он умен, но примитивен. Среди дикарей тоже встречались умные люди. Слушай, как все это представляется мне.

Она и раньше любила рассказывать друзьям то, с чем потом выступала на Совете. Я не терпел ее длинных речей, но эта показалась мне изложением собственных моих мыслей.

Вера начала с 2001 года старого летосчисления, памятного года, когда человечество объединилось в единое общество.

Год объединения стал первым годом новой эры, подлинная история человечества началась с осуществления в жизни принципа “Общество существует для блага человека. Каждому по его потребностям, от каждого по его способностям”.

В те начальные годы принцип этот был лишь пожеланием, предстояло сделать великую идею повседневностью быта. Почти шестьсот лет протекло с той поры, и все эти годы человечество совершенствовало себя. Оглянуться — голова кружится: за все предшествующие тысячелетия не было совершено столько доброго для человека, сколько за эти пять веков. Каким бы жалким показался прославленный рай рядом с нынешней Землей!

Но на этом кончилось лишь наше младенчество, не больше. Мироздание ребенка эгоцентрично, в центре Вселенной — он, а все остальное вращается вокруг него. Приходит время, и он узнает свое истинное место в мире. Он становится сильнее и умнее, но из центра мира превращается в его рядовую частицу.

Таково и нынешнее человечество. Оно увидело: формы разумной жизни бесконечно разнообразны. Природа не исчерпала себя в человеке. Возможно, над альтаирцами и альдебаранцами ей пришлось потрудиться даже больше, ибо препятствия для развития разума были там покрупнее. Человечество наконец узнало свое место во Вселенной — оно скромно.

И вот тут начинается испытание глубины человека. Мы открыли иные общества — что мы нашли в них? Достигли ли они нашего уровня жизни, превзошли ли его? Удалось ли им овладеть могучими силами, что покорны нам? Нет! Они мучительно борются за существование, жизнь их — сплошное радение о тепле, о свете, о хлебе, добываемом в поте рук своих...

В этом месте я прервал Веру:

— Это не распространяется на галактов, у тех развитая машинная цивилизация.

— Мы о них пока что мало знаем. Возможно, когда-нибудь заключим с галактами союз для помощи обществам низких ступеней развития. Сейчас же эта задача стоит перед нами одними.

Я вспоминаю, сказала она, как менялись отношения между людьми. Человечество начало со свирепой взаимной ненависти. “Человек человеку — волк!”, “Падающего толкни!”, “Каждый за себя, один бог за всех” — таковы были жестокие символы веры тех далеких времен. Что заменило их, когда человечество достигло единства? Гордая формула: “Человек человеку — друг, товарищ и брат!” Почти пять столетий жили мы под сенью этой формулы, ибо никого не знали, кроме человека. А теперь пришло время расширить эту формулу: “Человек всему разумному и доброму во Вселенной — друг!”

И вот Ромеро объявляет, что она противоречит принципу “Общество живет для блага человека — каждому по его потребностям”, и машина поддерживает его. Но я утверждаю: если примут мою формулу, принцип “Каждому по его потребностям” останется. Старое, из двадцатого века, понятие “потребности”, заложенное в программу машин, стало узко. Тогда к потребностям относили создание обеспеченной благами, справедливой жизни человека среди людей — звездожителей мы не знали. А сейчас человек стал лицом к лицу с иными мирами.

Можем ли мы равнодушно пройти мимо разумных существ, томящихся без света, тепла и пищи? Повернется ли у нас язык бросить им: “Вы сами по себе, мы сами по себе — прозябайте, коли лучшего не сумели...” А раз появились новые обязанности, то возникли и новые потребности — мы должны стать достойны самих себя! Мы вступаем в следующую стадию нашего развития — выход в широкий мир. А наши государственные машины застыли на уровне, когда человечество знало лишь себя. Они выражают наше младенчество, мы же стали взрослыми. Надо изменить их программу — вот мой план. Сомневаюсь, чтоб Ромеро удалось долго торжествовать!

Как меня ни захватили мысли Веры, я не мог не указать, что все опять упиралось в проблему галактов. Не скажут ли ей, что

рискованно начинать космические преобразования, когда мы не знаем, что ждет нас завтра?

— Уже сказали — Ромеро! Но на их возражения у меня есть ответ. Разузнаем, какая реальность скрывается в известиях о галактах, — это первое. Второе — только не впадать в панику! Миллионы лет нашу систему не посещали эти таинственные существа, лишь на отдельных звездах о них сохранились предания, — почему мы должны вести себя так, словно завтра ожидаем вторжения? И третье, самое важное, — если где-то в межзвездных пространствах бушуют жестокие войны и войны эти могут затронуть нас, почему нам заранее не объединиться со звездными соседями для отражения враждебных нашествий? Разве, объединенные, мы не станем сильнее? И кто доказал, что будут одни противники? Галакты так похожи на нас, неужели они станут врагами?

— Ресурсы, Вера! Человеческие ресурсы не безграничны. Ты понимаешь, я высказываю не свою мысль, но твоих противников...

— Наши ресурсы огромны, и в нашей воле их увеличить.

Я помолчал, прежде чем задать Вере новый вопрос. До сих пор мы никогда не беседовали о ее личных делах.

— А Ромеро, Вера? Неужели твои доказательства на него не подействовали? Мне всегда казалось, что у вас полное духовное единение.

— И мне так казалось, — сказала она с горечью. — Я думала, что нет человека ближе мне, чем он, — кроме тебя, конечно. Вероятно, я просто закрывала глаза на многие его недостатки. А вчера ночью он кричал, топал ногами, ругался...

— Ты просила его успокоиться?

— Я прогнала его. Я сказала, что он мне омерзителен.

— Ты всегда резка, сестра!

— Я права, Эли! Это единственно важное — я права! А когда он ушел, мне показалось, что у меня разваливается голова. Почему Ромеро? Нет, почему он? Ну, пусть бы другой, я бы пережила это, мало ли какие люди попадают!.. Но Павел! Я верила в него как в себя, гордилась им. Ты этого не поймешь, Эли, ты еще никого не любил!..

Воодушевление, охватившее ее, когда она излагала мне свои доказательства и предложения, угасло. Она казалась еще измученней, чем утром. Я молчал, не зная, что сказать.

Потом я спросил:

— Как ты мыслишь себе борьбу с Ромеро?

— По возвращении на Землю мы обратимся к людям с просьбой решить, кто прав. Коллективный человеческий разум и воля будут высшими судьями.

33

Андре, разумеется, не поверил, что альтаирцы улепетывают при упоминании о галактах. Он схватил дешифратор и умчался в гостиницу “Созвездие Орла”. Днем я повстречал его в столовой. Он уныло жевал мясную синтетику.

— Эти чертовы существа трусливее зайцев! — ругался он. — От меня убегали почище, чем от вас. Кое-что я, впрочем, записал.

— И картины, что вы обнаружили, уже нет, — добавил Андре. — Альтаирцы стерли ее. Зато я знаю, почему вы не увидели разрушителей рядом с закованными галактами.

— Ты, очевидно, разработал новую ослепительную теорию?

— Во всяком случае, справедливую. Секрет в том, что разрушители невидимы.

Он хладнокровно стерпел мое изумление. Когда же я сказал, что он пытается разрешить одну загадку придумыванием другой, еще посложней, Андре презрительно бросил:

— Ты педант и консерватор. Всякая новизна претит тебе уже по одному тому, что она — новизна. Подумай над этим на досуге, Эли. Еще не поздно исправиться. Жду перелома.

Он махнул мне рукой и убежал заканчивать подготовку к своему концерту. Он любил прерывать споры так, чтобы последнее слово оставалось за ним.

Я посетил Труба. Строптивного ангела днем выпустили наружу, но он устроил на площади очередной скандал. Спыхальский распорядился водворить его на прежнее место. Мне показалось, что Труб обрадовался моему приходу, хотя ни единым движением крыльев не показал этого. Он скосил на меня угрюмые глаза и что-то проворчал.

— Как настроение, Труб? Не мучают страшные сны?

— Не хочу здесь больше, — зарычал он. — Отправьте меня домой. Ненавижу низменных двукрылых, которым вы угождаете.

— Не все двукрылы, Труб. Попадаются и четырехкрылые.

— Их тоже ненавижу. Всех ненавижу!

— А себя любишь?

Он уставился на меня, как на дурака. Я ожидал ответа с такой серьезностью, что он смутился.

— Не знаю, — сказал он почти вежливо. — Не думал.

Я похлопал его по плечу и приласкал великолепные перья. Это был чудесный экземпляр настоящего боевого ангела.

— Глупый ты, Труб! — сказал я от души.

Он молчал, возбужденно ероша перья. В глазах у него появилась почти человеческая тоска. Но он заговорил с обычной строптивостью:

— Ты не ответил, человек: когда повезете нас обратно?

— Подготавливается звездная конференция. Поговорим о формах общения, о межзвездных рейсах и прочем. А после конференции — по домам!

Он величественно закутался в крылья.

— Конференции меня не интересуют. Двукрылые пищат о межзвездной торговле. Не терплю торгашей!

Уже в дверях я спросил:

— Меня ты терпишь? Заходить к тебе?

Он хмуро проговорил:

— Заходи! И товарищи твои... тоже...

Вечер я провел у Фиолы. Вегажителю уже не разбегались в страхе, когда я приходил один. Мне становилось с ними все интересней. Интересней всех была Фиола. Она рассказывала, как идет у них жизнь, а я, не вслушиваясь особенно, любовался ею. Она поймала меня на этом.

— Почему ты смотришь на меня, Эли?

— Разве я смотрю?

— Да. И у тебя тускнеют глаза, когда ты задумываешься.

— Я этого не знал. Конечно, глазам человека не сравниться с вашими. У нас цвет их один на всю жизнь. Скучноватые, в общем, глаза.

— Зато у вас прекрасная улыбка, Эли. Когда ты улыбаешься, у меня стучит сердце. Почему ты краснеешь?

— Ты очень откровенна. У нас это встречается не так часто.

— Что значит — очень откровенна?

— Как тебе объяснить? Если кто у нас думает, что другой — хороший, он спешит это высказать, чтоб тот порадовался.

— И у нас так.

— Вот видишь! А если видят, что другой плохой — раздражительный, угрюмый, — то помалкивают, чтоб не расстраивать.

— Этого я не понимаю. Он должен радоваться, если ему скажут, что он плохой, — он сделает себя лучше.

— Ну, знаешь! На Земле и машина не радуется, если ее ругают.

Она размышляла. Прекрасная, она становится еще прекраснее, задумываясь. Глаза у нее превращаются в нежно-салатные и разгораются глубже. Когда Фиола поворачивает голову, из тьмы выступают предметы, она освещает их глазами, как огнями. Впрочем, я об этом уже говорил.

— Скоро мы расстанемся, — сказал я.

— Тебя это огорчает?

— Да. Я буду вспоминать тебя, Фиола.

— И я. Когда тебя нет, я думаю о тебе.

Такие разговоры я мог бы вести часами. Я прижался к ней плечом. Она с удивлением поглядела на меня. Когда же я коснулся губами ее губ, она спросила очень серьезно:

— Зачем тебе это нужно?

Что я мог ответить ей? Я сказал, что такое прикосновение называется поцелуем.

— Не могу сказать, чтоб поцелуи были приятны, — сказала она. — Но я буду терпеть, если тебе этого хочется.

— Тебе недолго терпеть, — возразил я.

— Мне будет не хватать тебя, Эли, — повторила она.

— Мне и сейчас не хватает тебя, — сказал я. — По земным понятиям, ты есть и тебя нет. Ты желанная и недоступная.

— Раньше ты говорил, что я красивая, — напомнила она. — Разве красота недоступна? Ты не отводишь от меня глаз, значит, ты видишь ее?

— Можно быть красивой и желанной, красивой и недоступной — одно другого не исключает. Недоступное бывает порой желаннее.

— Вероятно, потому, что вы, люди, часто жаждете невозможного. У вас есть такая странная особенность.

— У нас много странных особенностей.

— Да. А мы желаем лишь того, чего разумно желать. У нас нет недостижимого и недоступного, ибо мы не стремимся к тому, чего невозможно достичь, и не приступаем к неприступному.

— Люди перемерли бы с тоски, если бы были так трезвы, как вы.

— Я и говорю: в вас много странностей.

— Тогда объясни, Фиола, зачем ты сидишь со мной?

— Ты рассказываешь много интересного.

— Другие люди говорили бы интереснее, чем я, но ты хочешь видеть меня. Почему ты встречаешься со мной, а не с Лусином?

— Ты мне приятней, — призналась она. — Я думаю днем, что вечером увижу тебя, и мне становится тепло. Я не понимаю, что это такое. У нас каждый относится ко всем одинаково дружелюбно.

— А у нас отношение к некоторым иное, чем ко всем остальным. Мы называем это особое отношение любовью. И мы не требуем, чтобы любовь была особенно логична.

— Все явления имеют логику. Должна иметь ее и любовь.

— Она имеет ее. Но это особая логика. Тем, кто не знает любви, она покажется сумасбродством. И если мы не замечаем, что любовь странна, то лишь потому, что она широко распространена среди нас. Нет таких, кто не влюблялся бы хоть раз.

— Бедные! Вы, очевидно, проклинали все на свете, когда на вас сваливается такое несчастье, как любовь?

— Наоборот, благословляем ее — как священный дар. Лучшее в человеке связано с любовью. Фиола, помолчим! На Земле перед расставанием всегда молчат.

Мы молчали. Фиола прижималась ко мне. Может, она хотела сделать мне приятное, может, ей стало нравиться так сидеть — я не спрашивал. Я с горечью понимал, что страсть к ней бессмысленна. Можно сотрудничать со звездожителями, можно дружить с ними, помогать им, обучать их нашим наукам и технике, нашему общественному устройству, но влюбляться в них — противоестественно. Любовь — человеческое, слишком человеческое, ее не перенести в иные миры.

— Прилетай к нам, — сказала Фиола. — Тебе понравится у нас. Я хочу тебя видеть больше всех людей.

— В этом мало логики, Фиола.

— Мало, да. Ты заразил меня своими странностями, Эли.

Я держал ее руки в своих, гладил их.

— Поцелуй меня, — сказала она одним светом глаз.

Я поцеловал ее и проговорил печально:

— Желанная и недоступная.

Она напряженно вслушивалась в мои слова. Я знал, что она потом будет повторять их про себя, будет стараться проникнуть в темный их смысл. Мне стало стыдно. Зачем я вношу человеческое смятение в спокойную душу далекого от людей существа? Зачем прививаю ей мучительную культуру наших страстей? Она постигнет лишь наши тревоги и страдания, наслаждение и счастье наше ей узнать не дано. В смятении и тоске она будет кружиться в своих глухих садах, будет призывать меня пением и светом: “Эли! Эли!” Зачем?

— Желанная и недоступная! — шептал я, глядя, как она исчезает в глубине сада.

34

Конференция звездожителей удалась на славу. Огромный зал Галактических Приемов был разбит на секторы, прикрытые куполами, а внутри каждого сектора созданы свои условия: альдебаранцы находят расплющивающее тяготение, альтаирцы — жесткое излучение своего яростного светила, вегажители — томный полумрак с роскошными растениями. Лишь для ангелов с Гиад условий не обеспечили: этот народ отлично приспособливается к любым.

Много секторов пустоует. Конструкторы Оры предусмотрели столько разных возможностей существования, что половину их пока не удалось обнаружить.

Я хотел посидеть с Фиолой во время совещания. Но Вера настояла, чтоб я явился в сектор Солнца, где собрались люди. Я сел между Ромеро и Андре, тут же разместились Аллан, Ольга, Лусин, Леонид, позади и впереди — работники Оры, свободные от дежурств по механизмам. Людей набралось порядочно. Еще больше было гостей, особенно ангелов.

За отдельным столиком в центре зала уселись Вера и Спыхальский — председатели сегодняшнего совещания.

Я толкнул локтем хмурого Андре:

— Надо бы выбрать президиум, как любили предки, по одному представителю от созвездия, как по-твоему?

Он буркнул:

— Обратись к Ромеро. Я не специалист по президиумам.

К Ромеро я не обратился. Ромеро поставил трость между ног и скрестил на набалдашнике руки. Он со скучающим презрением оглядывал зал.

Спыхальский предложил Вере доложить о цели первого межзвездного совещания. Вера в своей речи объявила начало новой космической эры — периода внутригалактического сотрудничества. Андре показалось, что Вера старается расписать межзвездное сотрудничество слишком уж розовыми красками.

— Вселенское благотворительное общество, — сказал он, зевнув. — Братство падающих с неба синтетических галушек. Великое объединение звездожителей губ-не-дур.

Я с упреком спросил, не он ли недавно сочинил симфонию о гармонии звездных миров.

— Я, — отозвался Андре равнодушно. — И сейчас я за космическое товарищество. Но пусть и звездные братцы закатывают рукава.

Ромеро, казалось, слушал одну Веру. За час он не повернул головы — все те же скрещенные на трости руки, надменная скука на лице. Но он уловил, о чем мы тихо препираемся с Андре. Он повернулся к нам:

— Вот первая ваша мысль, дорогой Андре, которая кажется мне основательной. После вчерашней теории я опасался, что на вас надо ставить крест как на мыслителе.

Я поинтересовался, какую теорию Андре он имеет в виду. Не ту ли забавную гипотезу, что неразгаданные враги галактов — невидимки?

— Следующую за этой. Наш друг Андре — генератор новых идей непрерывного действия. Вчера он доказывал, что человек — нечто вроде искусственного сооружения, придуманного в незапамятные времена галактами, которые, создав нас, бросили на Земле свое творение за полной к чему-либо непригодностью.

Ничего похожего на это от Андре я не слышал.

— Пустяки, — сказал Андре. — Гипотеза как гипотеза — анализ одного из теоретически возможных предположений... У Лусина в институте выводят пегасов и драконов воздействием на гены лошадей и ящериц, почему же не вывести человека генной обработкой обезьян? И вот я предположил, что некогда на земле высадились галакты и, немного поэкспериментировав с обезьянами, создали подобных себе людей. Согласись, допущение это отлично объясняет многие загадки.

— Допущение или фантазия? — переспросил Ромеро. — Раз уж вы начали, доведите свой рассказ до конца, Андре. Я имею в виду оценку, которую дала МУМ вашей любопытной теории.

— МУМ мою гипотезу объявила ненаучной.

— Она назвала ее чепухой, любезный Андре. Она выбрала именно это слово — “чепуха” — для точной квалификации вашего очередного научного творения.

Он сказал это с такой желчью, что меня передернуло.

После речи Веры устроили перерыв, чтоб гости поразмыслили, а в перерыве для желающих была исполнена симфония Андре. Он рассказал о своем творении, потом зазвучала механизированная музыка.

Я слушал концерт с Фиолой в их секторе. Музыка привела ее в недоумение, звуки грубы, а цветовые эффекты примитивны, сказала она. Неужели людей восхищает такое пустое искусство? Я заверил ее, что нормальные люди подобным искусством не восхищаются, а если попадаются штукари вроде Андре, то их высмеивают.

Я постарался также выяснить мнение других звездожителей.

— Значит, так, — сказал я потом Андре. — Альтаирцы полагают, что симфония мягковата, нужно бы подбавить рентгеновских лучей, для альдебаранцев она легковесна, ангелам кажется холодной и разреженной, вегажителям — грубозвучной и однокрасочной... Что еще? У людей узкий спектр условий существования, для них она по-прежнему убийственна. Кто выиграл?

— Иди к чертям! — сказал Андре без злобы. Подозреваю, что он предвидел провал и хлопотал о концерте, единственно чтоб выполнить условия пари. — У звездожителей эстетические способности еще ниже, чем у людей. Наслаждайтесь своими физиологическими мелодиями, если не понимаете шедевров.

— Ты не сказал, за кем пари.

— За тобой, — признал он нехотя. — Но, пожалуйста, не танцуй и не ори на всю Ору — ты переживаешь радости слишком бурно.

Я пообещал пережить эту радость тихо.

35

Последние дни пребывания на Оре заполняли совещания — то людей меж собой, то людей с группами звездожителей. На одном из совещаний у Спыхальского, без звездных гостей, было

решено, что два самых крупных галактических корабля, “Пожиратель пространства” и “Кормчий”, должны продолжать путешествие в глубь Галактики.

Вера объяснила, почему вторжение в звездную глубину не может быть отложено. У экспедиции на Ору было две задачи, из них выполнена лишь первая: заложены организационные основы Межзвездного Союза.

— Однако, — сказала Вера, — где-то обитает высокоразвитый народ галактов, нового о нем мы не узнали. У этого народа имеются могущественные враги, и о них мы ничего не знаем. Вся работа по созданию братства звездожителей станет необеспеченной, если не дознаемся, не грозит ли что-либо проектируемому Межзвездному Союзу. Куда направить корабли на поиск? Откуда галакты прилетали в созвездия Гиад и Альтаир? Вероятней всего, из Плеяд — ближайшего к Гиадам скопления звезд. Итак, прыжок на Плеяды, где люди еще не бывали, — вот очередное задание. Я лечу на “Пожирателе пространства”, — закончила Вера. — Эвакуация гостей и отправка кораблей на Землю возлагается на руководителей Оры.

Я спросил Ромеро, когда совещание закончилось:

— Вы с нами, Павел, или на Землю?

Он сухо ответил:

— В древности главным достоинством мужчины считалось умение сражаться с врагами. “Пожиратель пространства” имеет задание — разведать врагов. Я потерял бы к себе уважение, если бы уклонился от возможности показать свою мужскую храбрость!

Мне думается, он мог бы высказать ту же мысль и не столь витиевато.

В ближайшие дни улетели корабли на Арктур, на Альдебаран, на Капеллу, на Фомальгаут, настал черед Веги.

Ночь перед отлетом Фиолы я провел в ее саду под грустным светом искусственной луны. В эту ночь мы больше молчали, чем разговаривали. В молчании было что-то до того лирически-земное, что грусть моя превратилась в печаль. Это была первая ночь с Фиолой, когда она не выпрашивала ни о науке, ни о космосе, ни о социальных наших порядках, ни о звездных кораблях, — интимно-глуповатая ночь, подлинная ночь влюбленных.

— Зажигается солнце, Эли. Мне надо уходить. Мы увидимся в звездном порту, — сказала она утром.

Вечером на базу звездолетов один за другим подъезжали автобусы и из них выплескивались сияющие столбы вегажителей. Сумрачный нарядный свет озарил базу, так их было много, гостей с Веги. Я пришел с Лусином. Многие узнавали меня, махали руками, приветственно вспыхивали глазами. Потом показалась Фиола. Я сделал к ней шаг, и она мигом очутилась около меня.

— Ты обещал приехать, — напомнила она.

— Желанная и недоступная! — повторил я, когда она уноси-лась в звездолет.

Мы с Лусином потом долго ходили по Оре.

— Ты биолог, Лусин, — сказал я. — Ты знаешь, что любовь — один из стимулов продолжения рода. Может ли она быть, если нет этого стимула — продолжить род? Если два существа разнородны, потомство у них невозможно... Законна ли их любовь?

Лусин понимал мое состояние больше, чем я ожидал.

— Любовь — продолжение рода, да. Так начиналось. Будет новой. Любовь — единение душ. Высшая связь индивидов.

— Выходит, я случайно попал в пионеры нарождающегося чувства — единства родственных душ Вселенной? Мне выпало на долю первому полюбить биологически чуждое существо?

— Да, Эли. Первые шаги. Сегодня — чуждо. Завтра — близко.

— Завтра будет твой ископаемый бог с головой сокола, — сказал я с досадой. — Дальше этого ваша биология не пойдет.

На другой день флотилия из трех звездолетов с ангелами уходила на Гиады. Посадка крылатых на корабли совершалась под крики, хлопанье крыльев и клекот. Знакомые ангелы кидались прощаться, увеличивая беспорядок плачем и причитаниями. А потом в крылатой толпе появился Труб, и разыгрался скандал. Труб заметил нас и, расшвыривая сородичей мощными крыльями, ринулся наперерез общему потоку. Он ревел, обращаясь почему-то ко мне одному:

— Эли! Эли! Эли!

Обхватив меня крыльями, он страшно заклекотал:

— Не пойду! Хочу с людьми!

У Лусина в глазах стояли слезы. Он с нежностью гладил глянцевитые крылья Труба.

— Хороший, — шептал он. — Замечательный. Лучше всех.

Я разыскал Спыхальского и объяснил, что происходит.

— Хотите взять ангела с собой? — изумился Спыхальский. — А какого вам черта в ангеле?

— Посмотрите на него, — сказал я. — Это же красавец. Привести такого на Землю, он же всех потрясет. И он привязался к нам не меньше, чем мы к нему.

Спыхальский вызвал Веру, сообщил ей о желании Труба и нашем и от себя добавил, что ходатайствует о том же.

— Можете взять Труба, — сказала Вера, исчезая.

Я помчался к своим, издали крича, что дело выгорело.

У Труба дьявольская сила в крыльях, он так сжал ими, что у меня закружилась голова.

— Я твой раб, — сказал он. — Раб навеки, Эли!

— Ты мой адъютант, — сказал я. — Адъютант — это что-то не ниже друга, что-то близкое, почти братское. На правах друга я попрошу об одном приятельском одолжении.

— Спрашивай и требуй. Я счастлив, могущественный...

— Прими ванну и смени одежду. На складе заготовлены тюки ангельских рубах, возьми дюжину в запас.

Он немедленно взмыл вверх.

Для такого тяжеловеса летал он великолепно.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Ф. Тютчев.

Часть вторая ПОХОД ЗВЕЗДНОГО ПЛУГА

1

Когда я оглядываюсь на пройденный путь, меня охватывает сложное чувство: печаль понесенных утрат и гордость. Мы были участниками самой трудной космической экспедиции из всех. доньше свершенных и полностью выполнили свой человеческий долг.

Дело не в том, конечно, что за два земных года мы преодолели десять тысяч светолет, и если не вторглись в таинственный центр Галактики, скрытый темными туманностями, то проникли в звездную бездну так далеко, как еще никто до нас. Если бы лишь этим — триллионами оставленных за кормой километров — исчерпывалась заслуга, гордиться было бы нечем. Пустота остается пустотою, большая она или малая. Но мы узнали, как высоко достигнутое иными существами могущество, как огромны добро и несправедливость, схватившиеся меж собою в галактической схватке, и как неизбежно все это заставляет человека, лишь вступившего на звездный путь, втягиваться в не им начатые споры, ибо, кроме него, некому их решить окончательно. “Наш век трагичен”, — часто говорил бедняга Андре и доказал это собственной жизнью. За бортом нашего корабля промелькнули тысячи звездных систем — ни в одной мы не открыли сладенького рая спокойствия и благодати.

Зато нам пришлось обрушить тяжкий кулак человеческой мощи на тех, кто строит свое маленькое счастье на большом несчастье других. В сплетение кипящих во Вселенной страстей мы вторглись величайшими из доселе существовавших собственными нашей страстью и силой — страстью разума, силою справедливости. Быть злым ко злему — тоже доброта. Мы промчались меж звезд факелом освобождения, ударили в грудь жестоких угнетателей мечом возмездия. Да, конечно, полной победы мы не добились, я далек от такого высокомерного за-

блуждения, мы были разведчиками, а не армией человечества. Но мы знаем теперь, за кого мы и кто против нас, мы знаем, что тысячи обитаемых миров, проведая о нашем выходе во Вселенную, с мольбой и надеждой простирают к нам руки.

Вот она вьется тонкою нитью, пылевая стежка, след нашего полета. Я надеюсь, я уверен, что недалек тот час, когда проложенная нами в космосе тропка превратится в широкую дорогу, высочайшую трассу Вселенной — от человека к мирам, от миров к человеку!

2

Первым летел "Пожиратель пространства", за ним "Кормчий". Командиром первого звездолета была Ольга, помогали ей Леонид и Осима. Вторым звездолетом командовал Аллан. Вера избрала "Пожиратель пространства", с ней были я, Лусин, Андре, Ромеро.

Я каждый день подолгу работал с Верой над ее отчетом Земле, и она разрешила вызывать себя без предупреждения. Как-то, выскочив из комнаты, я увидел Ромеро. Мне надо было тотчас погасить вызов. Растерянный, я забыл об этом. Вера прижималась к стене, Ромеро схватил ее за плечи. У него бело сверкали глаза, дыхание вырывалось со свистом.

— Нет! — не говорил, а шипел он. — Нет, Вера! Этого не будет!

— Уйди! — требовала она, вырываясь. — Я не хочу тебя видеть. Отпусти руки, мне больно!

Ромеро отошел на середину комнаты. Он запнулся, отходя, и бешено глянул на пол, я хорошо помню его взгляд, полный ярости, — он ненавидел даже вещи.

Вера поправила кружевной воротничок.

— Вот так лучше. И поставим на этом точку, Павел. Уходи!

Он взглянул не на нее, а на меня. Он не мог знать, что я незримо присутствую, но повернулся ко мне. Его сведенные брови как бы ударились одна о другую, скулы ходили. Если бы я был с ними, я бы загородил Веру. От человека с таким лицом нельзя ждать доброго.

— В древности существовал неплохой обычай, — заговорил он хрипло. — Дамы, бросая поклонников, объясняли, что перестало им нравиться у отвергаемых. Надеюсь, ты не откажешь мне в вежливости твоих легкомысленных предшественниц?

— Ты хочешь сказать, что я легкомысленна?

— Я хочу знать, что случилось? Только одно — что?

— Ты не знаешь? Странно для такого пронизательного человека, каким ты считаешь себя, Павел.

— Вера, клянусь тебе! Крыша обрушится на голову — не так неожиданно!.. Всего я ожидал от поездки на Ору...

— Хорошо, слушай. Я не люблю тебя. Этого хватит?

— Это я знаю. Но почему? По-человечески объясни — почему?

— Я могла бы ответить твоим любимым присловьем: неизвестно, почему возникает любовь, неизвестно, почему она пропадает. Вряд ли тебя удовлетворит объяснение в твоем стиле. Так вот, я не люблю тебя, ибо не уважаю. На этот раз достаточно?

Он помолчал, набираясь духу.

— Значит, все дело в звездных недочеловеках? В бегемотах с Альдебарана, пауках с Альтаира, змеях с Веги, тупых ангелочках с Гиад? Они тебе дороже, чем я? Я встал на защиту человека и в результате потерял единственное человеческое чувство, что нас связывало, — нашу любовь?

— Павел, наш разговор беспредметен. Неужели ты не понимаешь, что каждым словом усиливаешь отвращение к себе.

Гордость боролась в нем со страстью. На миг мне стало жаль его. Еще больше мне было страшно за Веру. В неистовстве он мог поднять на нее руку. Я сжимал кулаки от бессилия. Мне надо было оградить ее грудью, а не подглядывать!

— Я бы ползал перед тобой на коленях, целовал твое платье, — сказал он горько. — Я гордился бы долей быть твоим слугой, рабом твоим, если бы тебе хоть немного это было нужно.

— Рабов мне не нужно. А слуг у каждого хватает.

— Да, механических! Механических, будьте вы все!.. Восемнадцать миллиардов киловатт на человека, так ведь? Восемнадцать миллиардов киловатт, двести миллиардов египетских рабов! Какой фараон, какой президент мог похвастаться такой армией лакеев? И среди этой бездны киловатт ни единого горячего, преданного, человеческого сердца! Автоматы вы или люди, вы, апостолы всеобщей помощи? Как я ненавижу вас!

Вера подошла к нему вплотную. Теперь я боялся, что она первая ударит его.

— Я долго ждала такого признания. Вот он весь ты — ненависть, одна ненависть! Глупец, ты думаешь, ненависть порождает любовь?

Он опустился на колени и, обхватив Веру, прижался лицом к ее платью — она молча боролась с ним. Он в исступлении целовал ее ноги.

— Оставь! — закричала она гневно. — Зачем ты мучаешь себя и меня?

Он медленно поднялся. Он стоял, пошатываясь.

— Верочка, Верочка! — шептал он, задыхаясь, и неуверенно, как слепец, протянул к ней руки. У него были мутные глаза, мне показалось, что он и вправду не видит. Она отодвинулась. — Верочка, жить без тебя!.. Пойми, жить без тебя!.. Все, что потребуешь, ни единого слова против, восхвалять буду... Верочка!

Она руками заслонила от него, отвернула лицо от его отчаянного взгляда. Он подошел ближе, она оттолкнула его:

— Отойди и успокойся! Это недостойно — действовать такими средствами... У нас с тобой спор о принципах. Будь честен, Павел, ты не переделаешь себя!

— Переделать себя! — бормотал он глухо. — Переделать себя!

Он вдруг скверно выругался и пошел к двери. Вера устало села на диван и закрыла глаза. Она по-прежнему не догадывалась, что я наблюдаю за ней. Так, с закрытыми глазами, она сидела минуты две. Потом она стала плакать, сперва тихо, почти беззвучно. Рыдания, усиливаясь, трясли ее тело. Вера повалилась лицом на диван, вскрикивала, захлебывалась слезами. Я погасил вызов.

3

Лусин со своим новым любимцем Трубом пропадает в недрах корабля, и мы его почти не видим. Ангел учится говорить по-человечески без дешифратора. На столе у Андре стоит карточка Жанны. Жанна так походит на Андре, что издали их путаешь. Многое тут от природы, но еще больше от старания — одинаковые, до плеч, локоны, тот же наклон головы, тот же покрой одежды. Не знаю, кто к кому принаравливается, — вероятно, оба стараются, но они больше смахивают на брата и сестру, чем на мужа с женой.

Однажды на столе у Андре появился и его будущий сынишка, три гороскопических фотографии — каким тот будет в год, в два и в десять лет.

— Иконостас родственников, — сказал я. — Затосковал, милочек?

— Сегодня Олег родился, — торжественно ответил Андре. — В десять утра по местному земному времени. Толстенный парень, сероглазый и розовощекий, шестьдесят три сантиметра, пять с половиной килограммов улыбок и веселья — вот он каков!

Я полюбопытствовал, как известие с Земли преодолело разделявшие нас в это время четыреста светолет.

Андре поглядел на меня с возмущением.

— Не думал, что ты забудешь о машинном гороскопе малыша. Мне подарили в дорогу альбом состояний Жанны на все дни беременности.

Он вытащил из стола объемистую книгу. На каждой странице имелась дата, фотография Жанны, синтезированная по формулам этого дня, и запись, как Жанна будет чувствовать себя, а также какой у нее на эти сутки режим сна, еды и прогулок. Я перелистал книгу.

Медицинские машинные прогнозы исполняются неточно, особенно у женщин. Кроме того, возможны случайности — упал, сломал ногу, поссорился с приятелем, все это влияет. Но я не стал расстраивать Андре сомнениями.

Андре любовался фотографиями и записями.

— Когда ты наконец обратишь внимание на земных женщин, заведи себе такой же альбом. Будешь далеко от возлюбленной — и рядом с ней! Все знать о ней, ощущать биение ее сердца, тепло ее руки!..

— Надеюсь, скоро это не будет. А если случится, я приобрету альбом настроений жены на каждый день года — какого числа нежна, какого — встает с левой ноги... Думаю, к тому времени подобные прогнозы станут обычны. Лишь тогда семейная жизнь обретет прочный фундамент, как по-твоему?

— Ты мастерски портишь хорошее настроение, — сказал он с досадой. — Не понимаю, почему тебя любят друзья!

— По нетребовательности, Андре. Знают, что хорошего от меня не дожидаться, и мирятся на плохом.

Андре спрятал альбом.

— Пойдем в обсервационный зал. Неужели рождение сына мне не удастся отпраздновать хорошим открытием?

Корабли третий месяц шли курсом на Плеяды.

Скорость звездолетов равнялась трем тысячам световых лет, мы основательно вспахивали пространство. Из мироздания был вырван клочок вакуума, достаточный для образования звезды. Если бы нарушенная нами геометрия этого участка мира не восстанавливалась за счет невозмущенной мировой пустоты, изменения от вторжения Звездных Плугов были бы еще значительней. “Зола космического пространства”, — сказал как-то Андре, рассматривая образованную нами пыль.

В зале Андре повернулся к оставленному позади Солнцу. Солнечный Мешок — еще недавно, на Оре, величественное созвездие — сжался и потускнел, даже гиганты Вега и Капелла были на пределе — наша звездная отчизна закатывалась в невидимость. Андре настроил умножитель на экран, чтоб мы оба видели одну картину. Потерянные миры ожили. Снова засверкало Солнце. Нам показалось даже, что мы различаем обращающиеся вокруг него планеты, — это был, разумеется, оптический обман.

— Здравствуй, родина! — сказал я. — Здравствуй, человек Олег, появившийся на свет сегодня. Твой отец и твой друг шлют тебе привет из звездных глубин! Андре, как нам отметить его рождение? В старину в подобных ситуациях напивались. Предлагаю потанцевать и покричать!

Не дожидаясь согласия, я толкнул кресло Андре. Он полетел головой вниз. Я понесся вслед. Звездная Вселенная завертелась, звезды то наскакивали, то удирали. Андре в восторге надал ходу, я обогнал его. Мы варварски забавлялись в темноте, пронизанной звездным светом.

Устав, мы вывернули кресла лицом к далекому Солнцу.

— До свидания, сын! — сказал Андре. — Мы чудесно потанцевали в твою честь.

Он занялся Плеядами.

Два месяца мы мчались к Плеядам, они не менялись. И с Земли, и с Оры Плеяды казались небесной паутинкой, повисшей меж крупных звезд. А когда до скопления остались считанные парсеки, оно стало расширяться, наливалось светом. Великолепное созвездие, туго набитое ярчайшими светилами, разгоралось в небе. Гайгета, Астеропа, Целена, Электра, Мерепя,

Майя, Алциона, Плейона, Атланта — каждая ярче наших Сириусов и Канопусов — играли разноцветными огнями, к ним теснились десятки других светил.

— Вижу планетную систему, — сказал Андре.

Крайние звезды скопления пусты — одинокие, небольшой светимости. Но эта, Атланта, в сотню раз более яркая, чем Солнце, имела спутники — три темных шара. Мы полюбовались ими и передвинулись к центру. Вокруг Алционы и Майи, двух мощно излучающих светил, вращалось по шесть планет, и так близко от звезд, что орбиты их должны были пересекаться. Я вызвал командирский зал. Ольга уже знала о планетах в Плеядах. На некоторых автоматы обнаружили атмосферу с кислородом.

— И, кажется, на Электре имеется высокая цивилизация, — добавила Ольга. — На второй из четырех ее планет замечено искусственное свечение. Оно разгорается вскоре после захода Электры, потом ослабевает. Ночное освещение городов дает такой же эффект.

— Но города! — закричал Андре. — Как города?

— Городов отсюда не обнаружить

Андре навел умножитель на Электру. Четыре планетки вокруг нее мы нашли скоро, но что-либо рассмотреть на них не удалось. Я забросил Плеяды и перевел умножитель немного в сторону. Передо мной засияли два рассеянных звездных скопления — Хи и Аш Персея.

С Земли и Плутона я часто рассматривал эти плотные кучки светил, удаленных от нас на четыре тысячи светолет. Никогда они не вызывали во мне большого интереса. Но сейчас в их рисунке было что-то непонятно знакомое. Я понимал, что это обман восприятия: отсюда, с Плеяд, далекие скопления Персея видны под другим углом, чем с Земли или Оры. Не только я, но и никто из людей не наблюдал еще этих скоплений в такой проекции, они не могли быть мне знакомы. Так я говорил себе, пытаюсь подавить нараставшее волнение.

— Что с тобой? — спросил Андре. — Третий раз окликаю, не отзываешься. Посмотри на Электру. Искусственный свет над одной из планеток.

— Отстань! — пробормотал я. — Надоела твоя Электра!

Две сияющие кучки звезд были почти равны, но одна казалась концентрированной — многие тысячи светил, натолканные

в узкий объем... Она была похожа на сжатый кулак, ударивший в центр другого скопления, — звезды разлетались в стороны как осколки... Внезапно я вспомнил, где уже видел эту картину.

Я схватил Андре за плечи, потряс его. Голова его моталась, он безвольно щелкал челюстями.

— Они с Персея! — орал я. — Они с Персея!

— Отпусти! — молил он. — Ты вытрясешь из меня зубы. Кто они? Почему Персей?

— Разрушители! Я знаю теперь, где гнездятся эти чертовы создания.

Андре так разволновался, что потерял голос.

— Вспомни картины в Оранжевом зале, — говорил я. — Вспомни, как ты убеждал нас, что слышал вопль, исторгнутый звездным скоплением при ударе... Разве это не те звезды? Я спрашиваю тебя, разве это не в точности та же картина?

Андре наконец оторвался от умножителя.

— Эли, друг мой, ты совершил открытие, — сказал он торжественно. — Я всегда был уверен, что ты предназначен природою для чего-то более серьезного, чем скучное зубоскальство. А теперь бегом к Вере.

— Зачем? Успеется.

— Ничего не успеется. Надо срочно менять курс. Зачем нам Плеяды, если те, кого мы ищем, в Персее?

Он тянул и толкал меня. Я уже хотел подняться, но в это мгновение вспыхнули аварийные сигналы, завизжали сирены. Небесную сферу затянуло дымкой. Мы услышали спокойный голос Ольги:

— Справа впереди по курсу космическое тело с околосветовой скоростью. Объявляю общую тревогу. Мы выходим из сверхсветовой области.

В последующие минуты на свободных креслах обсервационного зала непрерывно появлялись пассажиры. Рядом со мной уселась Вера. Я торопливо рассказал ей, что увидел в Персее.

— Мы поручим автоматам проверить твоё наблюдение, — сказала она. — Но сейчас меня интересует, что за тело несется с такой скоростью. Что, если это звездолет?

Через некоторое время анализаторы доложили:

— Впереди корабль на фотонной тяге с бездействующими двигателями. Двигается по инерции.

Космический корабль предстал в умножителе светящейся точкой, потом удлинился до стручка. Это была металлическая ракета. Мы различали кормовые дюзы, не экранированные броневыми плитами окна. "Пожиратель пространства" подал сигналы, незнакомый корабль не откликнулся. Андре стал доказывать, что перед нами "Менделеев" Роберта Листа, затерявшийся в мировом пространстве четыреста лет назад. Мне показалось невероятным, чтоб корабль с мертвым экипажем мог сохраниться за четыре века блуждания.

— Что-то не верится в летучих голландцев космоса!

Когда до корабля оставалось с миллион километров, на нем заработала радиостанция. Андре запустил дешифратор на все радиодиапазоны. Незнакомые звездоплаватели, применяя старинную азбуку Морзе, пытались заговорить с нами на русском и английском языках. Отчетливо различались фразы: "Земля... Лишен управления. Камагин, Громан... Земля... Звездолет "Менделеев"..."

— На этот раз ты угадал, — сказал я Андре. — Первый успех после многих провалов.

В пространство понеслись радиоволны нашего корабля. "Слышу вас хорошо, — диктовала Ольга. — Я звездолет с Земли. Отсутствие у вас управления значения не имеет. Заторможу и поведу на посадку своими полями. Дверей без команды не открывать".

А затем "Пожиратель пространства" повис над фотонным звездолетом, осветив его прожекторами. Рядом со Звездным Плугом ракета казалась крохотной. Поле плавно втягивало "Менделеев" в недра нашего корабля, потом вывело на причальную площадь, где стояли оперативные звездолеты, планетолеты и авиетки.

Дверь ракеты распахнулась, из нее высунулась лестенка. На лестенку выбрались два молодых человека. Они сорвали с себя шлемы и замахали ими, мы закричали и зааплодировали. Потом, словно по соглашению, на миг наступила тишина, и мы услышали первые слова космонавтов с ракеты.

— Боже, какие они высокие! — сказал один по-русски. — Это же не люди, а великаны!

А второй восторженно воскликнул:

— Эдуард, у них нормальная тяжесть! Здесь наши магнитные башмаки ни к чему!

К ним подошел Ромеро. Он единственный среди нас владеет древними языками. Ромеро пожал каждому руку и поздравил с благополучным причаливанием.

— Надеюсь, вы здоровы? На борту имеются средства от любой хвори.

— Мы здоровы, — ответил первый. — Нас двое: я — Эдуард Камагин, помощник командира, и Василий Громан — штурман. Товарищи наши... они недавно погибли в катастрофе. — Он добавил с волнением: — Почему вы не появились на месяц, всего на месяц раньше?

— Давно стартовали с Земли, дорогие друзья?

На это ответил Громан:

— Не так давно: три года назад.

На площади пронесся гул, мы переглядывались. Ракеты в наше время можно увидеть лишь в музеях.

— Вы забываете, земляки, об Эйнштейновом замедлении времени, — весело сказал Камагин. — Чем больше торопилась наша ракета, тем тише плелось бортовое время. Когда мы покидали Землю, шел сорок первый год новой эры. — Он посмотрел на Ромеро. — Не откажите в любезности сообщить, какое сегодня столетие на дворе?

Ромеро ответил:

— Сегодня девятое апреля пятьсот шестьдесят третьего года новой эры!

5

Их все изумляло, этих славных парней, пятьсот двадцать лет назад стартовавших в космос и вскоре затерявшихся в его просторах. Они восхищались всем. О корабле они сказали: “Летающий остров — вот что это такое!” Их поражало, что внутри звездолета имеются не только машины, но и городок с парком и бассейнами. И они чуть ли не со страхом глядели на нас: наш рост поражал их, пожалуй, больше, чем размеры корабля. А когда они узнали, что мы движемся в сверхсветовой области и превращаем пространство в вещество, в материальные тела, как говорили в их времена, и столь же легко создаем гигантские пустоты из уничтожаемых материальных тел, то решили, что мы шутим. Физика двадцатого века старой эры с ее

непониманием вещественности пространства, с преклонением перед необъяснимо предельной скоростью света, засела у них в мозгах как гвоздь!

— Мы знали, что вы, наши потомки, далеко уйдете вперед, — сказал Громан, когда ему разъяснили, что такое эффект Танева. — Но такой скачок!..

После того как молодые “предки” отдохнули, они рассказали подробности своего затянувшегося путешествия.

Звездолет “Менделеев”, самое совершенное человеческое творение того времени, отчалил от Земли в пятницу, 13 августа 41 года новой эры, имея на борту четырнадцать инженеров и двух капитанов — Роберта Листа и Эдуарда Камагина. Съестных припасов и ракетного горючего было взято с расчетом на пятьдесят лет путешествия. В первые месяцы рейса миновали Солнечную систему, углубились в межзвездные просторы — шли курсом на Сириус. Цель экспедиции состояла в исследовании этой двойной звезды, в частности — меньшей, белого карлика.

Вскоре после выхода за Солнечную систему звездолет разогнали до световых величин. Лишь три тысячи километров в секунду отделяли их от светового барьера. Начали действовать околосветовые эффекты — увеличение массы звездолета, замедление бортового времени. А затем произошла катастрофа — удар шального метеорита и взрыв. Та часть звездолета, где хранились запасы антивещества, была уничтожена. К счастью, корабль разделен на отсеки, и люди не пострадали. Места разрушения были блокированы. Корабль, получивший от взрыва дополнительное ускорение, продолжал мчаться, но уже не в сторону Сириуса, а в созвездие Тельца, к рассеянному скоплению Плеяд. И выправить курс было невозможно, у них не осталось фотонного горючего, не действовали тяговые механизмы.

После первого отчаяния Роберт Лист потребовал от космонавтов, чтобы они взяли себя в руки. Плохо, говорил он, но мы еще не погибли, а это уже хорошо. Времени достаточно — вся жизнь, имеются механизмы, материалы, лаборатории, будем заделывать повреждения, попытаемся произвести некоторое количество горючего. Скорость у нас гигантская, убеждал он, нужно лишь изменить ее направление, может, и удастся вывернуть звездолет назад. Мы еще вернемся на Землю, твердил он, давайте закатывать рукава!

И вот они приступили к труду, продолжавшемуся, по их бортовому времени, около трех лет, а по земному — свыше четырех столетий. Повреждения были заделаны, и тяговые механизмы, ослабленные, но работоспособные, ожидали лишь топлива. Космонавты уже считали дни до пуска двигателей, когда разразилась вторая катастрофа. Камагин и Громан в тот день дежурили в штурманской рубке — лишь они уцелели...

Эдуард Камагин, вспоминая появление светящегося шара, весь побелел, и нам передалось его волнение. Шар возник внезапно, именно возник, а не приблизился: зеленый, пронзительно излучающий, он словно выпрыгнул из небытия “по щучьему велению” — это было первое загадочное, что принес он с собою. “Менделеев” несся вплотную у светового барьера, и тем не менее шар настигал звездолет. Он был огромен — светящаяся планетка.

“Эдуард, дай наши позывные! — приказал Лист. — Интересно, корабль это или космическое тело?”

Это были последние слова Листа. Камагин запустил передатчик и фотографирующий аппарат обзора. Он не успел отнять пальцев от пульта, как страшная тяжесть вдавила его в приборный щит. Теряя сознание от перегрузки, он услышал вопли товарищей.

Когда Камагин очнулся, шара не было. Проявленные впоследствии снимки показали его внезапное исчезновение — не удаление, а скачок в небытие. Шар пропал, как будто и не появлялся! Около Камагина лежал стонущий Громан. Камагин влил ему в рот воды и подтащил к креслу. Немного оправившись, они спустились в лабораторию. На полу лежали мертвые товарищи: кто погиб от перегрузки, кого придавило рухнувшими предметами.

— Мы уложили их в холодильник, — закончил Камагин свое печальное повествование. — Пленки со снимками шара хранятся в сейфе.

На другой день останки космонавтов перенесли на наше кладбище в парке — склеп с прозрачными саркофагами, где в нейтральной атмосфере трупы, нетленные, сохраняются вечно. Гремела траурная музыка двадцатого века, над погибшими склонялось знамя Освобожденного Человечества, найденное на звездолете “Менделеев”.

После похорон мы рассматривали на стереоэкране фотографии катастрофы. Шар и вправду возникал и исчезал внезапно. Анализаторы установили, что форма его идеально сферична, диаметр — восемнадцать и шесть десятых километра, свечение монохроматично на волне 560 миллимикрон, поверхность без выемок и наростов.

Андре порывался высказаться первым. Он отверг предположение о космическом теле, случайно появившемся около звездолета.

Естественные тела с неестественными свойствами — чудо, а чудес не бывает. Шар — механизм, боевой крейсер, и в недрах его сидели таинственные разрушители. Все указывает на них, все подводит к ним. Гравитационные волны, потрясшие звездолет, свидетельствуют, что разрушители овладели механикой гравитационных полей, что, впрочем, было известно и раньше. Их появление “из ничего” и внезапный провал “в ничто” вполне объяснимы, если они, как и мы, движутся со сверхсветовыми скоростями. За световым барьером тела невидимы, ибо обгоняют свет, а начиная тормозить, внезапно возникают, словно из небытия. Разумеется, то, что нам представляется ныне элементарным, должно было казаться сверхъестественным для космонавтов первого столетия.

Андре так говорил о боевых кораблях, словно видел разрушителей у гравитационных орудий. Меня он убедил, Ольгу тоже.

— Факт, что шар передвигался с регулируемой скоростью и нанес гравитационный удар, — сказала она. — Вывод Андре логичен: регулировали скорости и стреляли разумные существа. Разрушители они или другие, мы не знаем. Важно, что они существуют и что они не обладают даже плохонькой добротой сварливых ангелов с Гиад. Это технически развитый народ.

Вера поставила перед нами вопрос:

— Гравитационный удар обрушился тотчас же, как звездолет послал данные о себе. Допустим, что в шаре разрушители. Они не могли не расшифровать радиосообщения. Они ответили на него смертоносным залпом. Почему?

— Война! — откликнулся Андре. — Установив, что перед ними люди, они тут же объявили человечеству войну и пытались уничтожить его первых посланцев. Мы вступили в область космических побоищ и, сами того не желая, стали воюющей стороной.

Это было то, что Ромеро предрекал нам на Земле. Тогда с ним не согласился никто. Сейчас никто не осмелился бы возражать ему. Я поглядел на Ромеро. Ромеро был молчалив и мрачен.

— Мы по-прежнему ничего не знаем ни о природе, ни об общественном устройстве этих существ, — продолжала Вера. — Но что они существуют и что они агрессивны — это, к сожалению, почти достоверно. Надо быть начеку. Еще одно нужно решить. Анализаторы подтвердили, что звездное скопление в сновидениях ангелов совпадает с тем, какое мы видим отсюда в Персее. До скоплений Персея свыше четырех тысяч светолет. По-моему, менять курса не надо. Раз в окрестностях Плеяд обнаружены разрушители, будем продолжать исследование Плеяд.

После совещания я взял Андре под руку.

— Второй раз ты оказался прав. Я посмеивался над твоей теорией, что разрушители — невидимки, но, кажется, они сами подтверждают ее.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Почему ты так хмур, Эли?

— Будешь хмур! Идем словно слепые. Кругом на триллионы километров прозрачность, а в ней, может, рядом — невидимые враги! И ничем их не обнаружить, пока сами они не обнаружатся!

Он задумался, потом сказал:

— Между прочим, ты напрасно меня похвалил. Я имел в виду личную невидимость разрушителей, а не исчезновение их крейсеров в сверхсветовой области. В этом смысле мы тоже невидимы, но, согласись, смешно называть нас невидимками. Нет, они как живые существа реально невидимы — вот была моя мысль.

— Ты продолжаешь настаивать на ее правильности?

— Хотел бы ошибиться. Страшно, Эли, если я прав!

Он сказал это с таким волнением, что мне стало не по себе.

Увлекающегося, суматошного, вспыльчивого Андре я видел каждодневно. Но Андре, чего-то страшящегося, я не знал. После того, что произошло в Плеядах, я не могу отделаться от мысли, что Андре уже тогда томили смутные предчувствия катастрофы.

Позади остался рассеянный звездный шлейф Стожар, мы приближаемся к центру скопления. Вокруг множество ярких звезд. Однако космической пустоты хватает — одна звезда от другой отстоит если не на десятки светолет, как у нас, то и не ближе светогода. Наш курс — по-прежнему на Электру. На звездолете образована исследовательская группа. Космонавты Камагин и Громан включены в нее. Руководит Андре, я — первый помощник. Я спросил Лусина:

— Как Труб? Не рвется наружу?

Лицо Лусина осветилось, ответ был ясен без слов.

— Готовь ангела в полет. Будет разведчиком.

На походе к Электре звездолет перешел на субсветовые скорости. Из осторожности Ольга не приближалась ни к одному светилу, поджидая “Кормчий”. Тот шел в сверхсветовой области, пока невидимый, но сами мы были ему уже видны. Мы пробирались к Электре по сложной кривой. Одни автоматы выискивали в пространстве чужеродные тела, другие нацеливались на планеты. Андре хвастался, что различает города и каналы на второй планете, я видел лишь ночное свечение, разгоравшееся с наступлением сумерек. Мы назвали планету Сигмой.

Вскоре стали поступать сигналы от “Кормчего”. Ему передали о встрече с “Менделеевым” и о таинственном шаре. Встреча звездолетов произошла недалеко от “Электры”. Из “Кормчего” вынесся планетолет. Аллан, сдав корабль помощникам, отправился к нам. С ним был его вечный походный чемоданчик.

— Где предки? — гремел он. — Дайте-ка расцеловать их!

Он так стиснул Камагина и Громана, одновременно обоих, что они заохали. Ни тот, ни другой не доставали Аллану до плеча.

— Вот вы какие! — грохотал Аллан. — Точь-в-точь как на фотографии, ну ни капельки не переменились за четыре столетия. Можете сами полюбоваться — здорово, правда?

Он вытащил из чемоданчика книги, журналы и монографии первого столетия. Со страниц на гостей глядели они сами и их погибшие товарищи — репортажи с космодрома, сообщение об утрате связи со звездолетом и изменении его курса. В последних журналах грустная правительственная сводка поисков извещала о неудаче попыток наладить связь с пропавшим звездолетом. Там же похоронными колонками выстраивались статьи

друзей и ученых: да, погиб великолепный корабль, и все они погибли, наши дорогие товарищи, отважные разведчики галактических бездн.

Было что-то трогательное и странное, что родные и друзья космонавтов, горевавшие о их гибели, сами давно, четыре века назад, простились с жизнью, даже памяти о них не сохранилось, кроме как на пожелтевших бумажных страницах. А те, кончину кого они оплакивали, стояли рядом с нами — молодые, здоровые, красивые, далекие предки наши, живущие с нами предки, с которыми еще предстояло работать, спорить, сражаться плечом к плечу против общих врагов. Камагин со слезами обнял улыбающегося Аллана. Громан тоже заплакал, разглядывая фотографии давно умерших товарищей и родных.

— Это подарок — да! — сказал потом Камагин. — Самый дорогой, самый неожиданный — взгляд в неизвестное нам будущее, которое давно стало прошлым.

— Именно ваше будущее! — захохотал Аллан. — Самый свежий журналец — через двадцать лет после старта “Менделеева”, а ведь по вашему календарю с того часа прошло всего три года, так что события еще предстоят. Покажите теперь, братья-звздопроходцы, на какой космической галоше вас унесло с Земли на Плеяды.

Он отправился с космонавтами осматривать их звездолет, а я стал готовиться к высадке на Сигму.

Дело это возложили на меня.

7

Мы высадились на планету 8 мая 563 года.

День этот отмечен в календаре моего сердца черной краской. В школе я знакомился с подлостями прошлых веков человечества. По космическому масштабу, они были мелки: войны между крохотными государствами, людские свары... Здесь я увидел подлость такую космически огромную, что путались мысли. И здесь я потерял самого близкого мне человека.

На Сигме имелись города. Именно имелись, их уже не было, когда мы высадились. Я забегаю вперед. Мне надо начать с того, как мы исследовали издали четыре спутника Электры.

Первая, ближняя планета нас не заинтересовала. Это был огненно-дымный шар — океаны лавы и тучи сернистого газа над ними. Никакие формы жизни не могли существовать в этом

адском пекле. Две крайние планеты тоже не привлекали: они были покрыты толщами вечного льда.

Но вторая, Сигма, вспыхивавшая вечерами розоватым сиянием, была похожа на Землю: океаны, горы, леса и реки. Одно поразило нас: приближаясь, мы сигнализировали радиоволнами и светом, но ответа не получили. Побаиваются неожиданных пришельцев, думали мы. Оба звездолета повисли над планетой, а к ней направился планетолет: Андре, я и Лусин с Трубом. Из осторожности много людей решили в разведку не посылать.

Сперва мы облетели Сигму — обнаружили четыре города и десяток поселений, но ни жителей, ни машин не увидели. Внизу лежали четко распланированные ящики глухих зданий, они складывались в улицы, улицы вливались в площади — и улицы, и площади были пусты. Андре выбрал лужайку в леске недалеко от города и вылез первый. Когда я стал выбираться, меня обогнал Труб. Ангел с шумом вырвался наружу. Как ни просто рно в звездолете, но здесь ему было вольготней. Он стонал от восторга и кувыркался в воздухе, как мальчишка на авиетке.

— Отправимся на поиски местных жителей, — сказал Андре.

Труб понесся вперед, стараясь обогнать авиетки, но вскоре отстал. Лусин посадил к себе пристыженного ангела. Мы не торопясь продвигались к городу. После пещерных жилищ альдебаранцев и защитных роц вегажителей город нас не поразило. Здесь все же были здания — ящики без окон и дверей, с какими-то отверстиями у крыш, приземистые, угрюмые, непомерно длинные — иные простирались на километр и больше. Если бы не исполинские размеры помещений, я сказал бы, что они напоминают дома алтайцев.

— Ручаюсь, что жители здесь крылаты, — сказал Андре. — Что-нибудь вроде нашего Труба.

Но они были скорей похожи на кузнечиков, чем на ангелов. Мы вскоре увидели группу таких кузнечиков, ростом с наших десятилетних детей, зеленых, чешуйчатых, прозрачнокрылых, шестиногих, с прямо поставленной, узкой, почти человеческой головой, — мертвых... Они лежали у стены, окровавленные, расплющенные, ни у одного не билось сердце, ни один не дышал. Мы молча стояли перед ними, лишь Труб со свистом рассекал воздух крылами.

— Нет мира под звездами, — хмуро сказал Андре. Он помянул Труба. — А ну, приятель, просунь голову в дырку и доложи, что видишь.

Труб пролез в одно из верхних отверстий и пропадал минуты две. Потом он камнем рухнул вниз.

— Смерть! — хрипел он в волнении. — Все убиты!

Я подозвал Труба. Он с готовностью подставил спину. Этот крылатый парень был силен как бык и легко доставил меня к отверстию. Я просунул вниз ноги и сел, ухватившись руками за край отверстия.

— Внутрь и побыстрее, Труб! — сказал я.

Он мигом проник в другое отверстие и подлетел ко мне изнутри. Я шире его в плечах и не мог пролезть так легко. Труб дернул меня за ноги и подхватил на лету. Я засветил карманный прожектор.

В гигантском каменном сарае были навалены штабелями мертвые кузнечики с человеческими головами. Везде лежали мертвецы, одни мертвецы — никто не приподнял головы, никто не шевельнул крыльями.

— Мор или побоище? — спросил Андре, когда мы с Трубом вернулись.

— Вероятней, что побоище. Жители города прятались под защитой стен, смерть настигла их в укрытии. И произошло это недавно, может, несколько дней или часов назад. Трупы расплющены, очевидно, удар из гравитационных орудий.

Впереди тянулась стена здания, перегородившего улицу, мы свернули налево, Лусин вдруг побежал, крича:

— Человек! Мы. Такой же.

Мы поспешили за ним, нас опередил с клеткотом Труб.

На крохотной площади, образованной торцами трех зданий-сараяев, стояла скульптурная группа из трех фигур. Высокий человек обнимал двух человекоголовых кузнечиков. Все трое смеялись, поднимая лица вверх, они чему-то одинаково радовались. Желтый, нарядный камень, не похожий на холодный мрамор наших статуй, дополнял впечатление радости.

— Галакт, — сказал Андре, показывая на изогнувшиеся в разные стороны пальцы центральной фигуры.

— Встреча друзей, — сказал Лусин. — Сошел с неба. Ждет других.

Я не мог оторваться от галакта. Скульпторы Земли не умеют с такой живостью передавать лица, в изображениях всегда оста-

ется что-то безжизненное, показывающее, что перед тобой камень, а не тело. Здесь было живое лицо, до того живое, что хотелось улыбнуться в ответ на его улыбку. И снова меня поразили огромные глаза галакта. Почти четырехугольные, они захватывали добрую треть лица. И у них было свое выражение — сквозь веселье проступала тревога, художник мастерски передал ее: кузнечики с умными человеческими лицами только радовались, обнимая галакта, он и радовался, и тревожился, был счастлив и насторожен, он, казалось, не одних веселых известий ожидал, вглядываясь в небо.

Я мысленно вызвал Веру. Во вспыхнувшем видеостолбе я увидел командирский зал, в креслах сидели Вера, Ольга и Леонид.

— Не беспокойся, — сказала Вера. — Мы следим за вами.

— Значит, вы видели ужасы этого города мертвецов? И понимаете, что это значит?

— Да, Эли. Вы защищены мощными полями, пользуйтесь ими.

Вокруг нас летал Труб, то взмывая, то падая вниз. Внезапно он унесся в сторону, и вскоре раздался его призывный клекот. Он кричал так страшно, что мы со всех ног кинулись к нему. Я вспомнил, что он не обучен пользоваться защитными полями, и огородил его своим. Труба отбросило от глыбы, на которую он с яростью кидался. Я поспешно снял поле. Труб так и не понял, что произошло. Он потом рассказывал, что невероятная сила схватила его за волосы и метнула прочь.

— Враг! — надрывался Труб, снова бросаясь на глыбу. — Подлый!

Но это было не живое существо, как показалось Трубу, а снова камень.

На отполированном пьедестале возвышалось нечто странное: не то раздувшаяся черепаха, не то рыцарский шлем из земных музеев. А из середины каменной опухоли вздымалась гибкая — змеиным телом — трубка, и на конце ее был нарост, вроде ананаса. Он сверкал, этот нарост, от него отбрасывались лучи, но не как от лампочки — сплошным сиянием, а словно от тысячи колюче-ярких остриев, как если бы он был инкрустирован драгоценными камнями и каждая грань блистала особо. В облике удивительного сооружения ощущалось что-то зловещее, и я понимал Труба, набросившегося на него с таким неистовством.

— Не разрушитель ли это? — сказал Андре без обычной уверенности.

— Скорей боевая машина разрушителя, — высказался я. — А огурец на шее — глаза или перископ. Конструкция, живая или механическая, которую так и хочется назвать головоглазом.

— Третья! — крикнул Лусин, бросаясь в проход между зданиями. — Головоглаз первоклассный! И галакт — тоже!..

Третья скульптурная группа в самом деле была великолепна. Слово “великолепна” относится к мастерству, а не к содержанию. На краю постамента громоздилась такая же каменная туша со сверкающим наростом, а в центре и с другого края располагались два галакта и восемь жителей Сигмы.

Притихшие, мы замерли перед скульптурой. Вторично, после уничтоженной картины альтаирцев, мы видели ужасную сцену неволи. На шее галактов висели цепи, такие же цепи были и у жителей Сигмы. Это была процессия невольников, и первыми невольниками шли галакты, а сверкавший перископом головоглаз был, очевидно, надсмотрщиком.

— И все-таки кое-чему я во всем этом безобразии радуюсь, — сказал я. — И знаешь чему, Андре? Теперь мы можем спокойно закрыть одно твоё открытие. Я имею в виду твою грозную теорию невидимок.

— Не могу передать, как я сам рад! — воскликнул Андре. — Вид у этой бронированной опухоли отвратительный, но все же это тело, а не привидение.

— И я думаю... — начал я, но не закончил.

— На помощь! — отчаянно крикнул Андре.

Ошеломляюще острый свет ударил нас по глазам, и необоримая тяжесть швырнула на стену здания.

Мне показалось, что я попал под пресс и раздавлен.

8

Это продолжалось, очевидно, сотые доли секунды — стремительный, тотчас же отраженный удар.

Теперь я понимаю, что, если бы друзья на звездолетах не следили за нами, мы были бы уничтожены первым же гравитационным выстрелом головоглаза. Наши индивидуальные поля, как потом выяснилось, слишком слабы, чтобы противостоять мощи создаваемых ими в коротких ударах перегрузок тяжести. И когда разрушитель послал свой убийственный импульс, за-

щитные наши поля были смяты, лишь ослабив навалившийся на нас тысячетонный груз. Зато на помощь пришли автоматы звездолетов, их встречный импульс нейтрализовал удар.

Несмотря на потрясение, я удержался на ногах. В секунды больших напряжений мысль и чувства убыстряются в сотни раз. Я слышал, видел, воспринимал десятки важных образов, давал на них ответы, отвергал, принимал — все сразу. Во мне кричал яростный голос Леонида: “Кинжальное поле, Эли, кинжальное поле!”, я видел перекошенное лицо самого Леонида, он, отдаленный от нас тысячами километров, сражался вместе с нами.

И тут же я увидел посиневших, задыхавшихся Андре и Лусина — главная волна перегрузок обрушилась на них, и, почти расплющенные, они боролись с самими собой, чтобы не потерять сознания. И еще я увидел головоглаза — огромную землистую опухоль с длинной шеей и сверкающим на шее страшным глазом. Он выполз из-за стены и приближался, готовя новый, в десятки раз усиленный удар, который, возможно, уже не смогли бы отразить далекие автоматы звездолетов.

Все это запечатлелось в моей памяти единой картиной, оно, вероятно, и было единой картиной, ибо совершилось в десятые доли секунды — появление разрушителя, стремительная атака Труба, мой бешеный выпад. Я не знаю сейчас, что тогда поразило меня больше: вид погибающих Андре и Лусина, свирепый облик наступающего разрушителя или глыбой упавший с высоты Труб.

Отважный ангел с ревом низринулся на врага, выбросив свои грозные когти. Он нацелился на его глаз, и нападение, видимо, было так неожиданно для головоглаза, что Трубу удалось полоснуть его когтями. Головоглаз мотнул шеей, выбросил свое поле вверх, Труб отлетел в сторону, крылья его были сломаны, смятые перья облаком рассеивались в воздухе. И в это мгновение я поразил разрушителя насмерть.

Я хорошо помню свое собственное состояние в тот миг. Я зарычал от непереносимого бешенства. Все мои помыслы были сконцентрированы в точечном фокусе одной мысли: “Пронзить! Пронзить!” И, до нестерпимости сжав свое охранное поле в узкий, как луч, пучок, я ударил им врага, как шпагой. Головоглаз не упал, обливаясь кровью, но лопнул, как мыльный пузырь, по которому хлопнули палкой. Взрыв, взвившийся столб огня и дыма, падающие куски и капли — вот и все. Существо,

напавшее на нас, было превращено в осколки — не повержено, а разбрызгано. Я тогда не знал, что это — единственная форма смерти головоглазов.

Я кинулся к Андре и Лусину. Андре, бледный, пошатывался, глаза его были закрыты. Лусин пришел в себя быстрее.

— Труб, кажется, погиб! — крикнул я. — Посмотри Труба, Лусин.

Лусин, держась за стены, направился нетвердым шагом к Трубу. Поверженный ангел лежал у стены, Лусин пытался поднять его и не мог. Я возился с Андре. Тот открывал глаза, но еще не мог говорить. Я выкликнул авиетки, но они не появились. Я выругался и вызвал планетолет. Он тоже не отозвался. Вспыхнул видеостолб. Никогда не забуду страха на лице Веры. Она глядела на меня, словно я был уже мертв.

— Эли! — простонала она. — Вас окружают, Эли!

Ее сменил Леонид. Его резкое лицо пылало гневом.

— Авиетки уничтожены! — крикнул он. — Планетолет поврежден. К вам ползет не меньше полусотни этих тварей. Мы усилили ваши поля до предела, идем на помощь. Держитесь, братья!

— Сколько у нас времени? — спросил я. — Минуты? Секунды?

— Минуты три. Прячьтесь за экранирующие укрытия!

Оставив Андре у стены, я помчался к Лусину. Вместе мы перетаскивали Трубу к Андре. Бедный ангел был так помят, что голова его бессильно завалилась. Но в нем еще бушевал задор битвы, он хрипло заклекотал, когда его пронесли мимо места, где стоял головоглаз, остатки перьев на сломанных крыльях злобно взъерошились.

Положительно, я испытывал нежность к этому молодцу!

Я оглянулся. Ничего экранирующего от гравитационных полей вблизи не было. Я потряс Андре.

— Нас окружают враги! Надо концентрировать поля.

Андре вздрогнул и сел. В его глазах появилась мысль. Я оставил его и обратился к Трубу. Я был теперь спокоен за Андре. Сознание опасности и необходимости присоединить свои усилия к общим усилиям — лучшее лекарство для таких, как он.

С ангелом было хуже. Он хорошо сражался крыльями и когтями, умело наваливался телом, но плохо оперировал полем. Поле приводится в действие мыслью и ощущением, Труб никак

не мог постигнуть, что одно желание обороняться есть уже оборона. Для него существует лишь мир видимый и осязаемый. Того, что нельзя потрогать, того попросту нет — вот его понимание мира: храбрый, но наивный парень.

— Появятся головоглазы, сам не шевелись, а кричи на них: назад! назад! Про себя кричи, понимаешь? — убеждал я его. — А если не можешь про себя, ори вслух, это тоже подействует.

— Их надо рвать зубами, бить телом! — твердил он в волнении и пытался встать, помогая себе обломками крыльев, но они не держали, и он охал и морщился от боли.

И тут показались разрушители. Они выкатывались из-за стен, неуклюже шествовали по улице, предваряемые сумрачным сиянием своих головок. Багровые пламена металась меж стен, становились все ярче, мы словно попали в центр гонимого ветром пожара, до того мощно и зловеще было выбрасываемое ими красноватое сияние. Чтобы не ослепнуть, мы опустили шлемы и включили на скафандрах светофильтры. Андре, окончательно придя в себя, раскрыл чемоданчик дешифратора и пустил его на все диапазоны.

— Сумасшедший, зачем? — прошептал я.

— Не помешает. Я уверен, что они переговариваются между собою и сияние их голов связано с этим.

Я человек другого толка, чем Андре. Я весь был поглощен ощущением предстоящего боя. Уверенности, что мы отразим нападение, у меня не было, но что дешево мы не отдадим жизни, я знал твердо.

Врагов собиралось все больше, они выстраивались полукругом, неторопливо приближались. Я понимал их план, в основе его лежал нехитрый расчет. Сила их гравитационных полей обратно пропорциональна квадрату расстояния — вдвое сокращая его, они усиливали свой удар в четыре раза. Судя по всему, они намеревались методично сжимать кольцо, сколько позволит сопротивление наших полей, а там, внезапно суммировав усилия, нанести короткий уничтожающий удар.

Я понял, что, если не расстроить их план, они превратят нас в раздавленное яйцо. Во мне пылала злоба против этих бестий, без причин и повода напавших на нас. Я должен был выплеснуть ее в хорошем выпаде. У нас было огромное личное преимущество перед ними — скорость нашего бега, — я надумал использовать это преимущество.

— Концентрируйте на мне свои поля! — приказал я. — Сейчас я покажу этим светящимся черепахам, что им далеко до людей!

— Эли! — сказал Лусин. — Берегись! Концентрируем!

И тогда я ринулся на ближайшего головоглаза. Он выполз немного дальше других и поплатился за неосторожность жизнью. Брызги его еще сыпались на землю, когда мое кинжальное поле прошло насквозь его соседа.

Разрушители попятились, головы их тревожно усилили и без того мощный свет, теперь они пылали, как прожектора, даже сквозь густые светофильтры глазам стало больно. Тело мое сжало словно тисками, я стал задыхаться от боли. Сжатие налетело мгновенно, тут же ослабло, снова усилилось и спало — головоглазы рубили меня гравитационными импульсами, а друзья отражали удары своими полями. Я зашатался, теряя сознание, и, перед тем как рухнул, успел разбрызгать еще одного врага.

Андре и Лусин подбежали, и я упал им на руки. Они проворно оттащили меня под прикрытие стены. Лусин хохотал и топал ногами, ангел свирепо рычал, обнажая клыки, даже Андре смеялся. Нам — не говорю об ангеле, конечно, — еще не приходилось драться насмерть с врагами, и первая удача хмелем бросилась в голову.

— На атомы! — орал Лусин. — В брызги! Так их!

Андре первый успокоился.

— Они повторяют натиск, — сказал он.

Головоглазы снова шли на нас полукругом. На этот раз они изменили план нападения. Центр их надвигался осторожнее, чем крылья, они старались охватить нас с боков и отсюда, поле на поле, смять двумя встречными ударами. А если бы я опять вырвался вперед, они, отступив в центре, спокойно расправились бы с моими друзьями, лишенными защиты с флангов. Расчет их был на такого недалёковидного противника, что я почувствовал к ним презрение. Я еще не знал тогда, что не следует считать врага глупее себя, если не хочешь, чтоб он тебя перехитрил.

— Мы тоже повторим нападение, но уже по-иному, — сказал я.

И когда они приблизились на достаточное расстояние, мы, собранные в кулак — трое людей впереди, прихрамывающий ангел сзади, — ударили по их левому крылу. Все было рассчи-

тано до мелочей и удалось даже в мелочах. Нападая на одно крыло, мы удалялись от другого и тем ослабляли его удар, а с центром во время короткой схватки можно было не считаться: раз проученный, он не спешил попасть под кинжальные поля.

Разя уже не одним, а четырьмя полями, мы обратили в бегство весь их левый край. Преследовать мы не могли, пришлось поворачиваться к центру и второму крылу. Коротким выпадом мы заставили и их попятиться. Поле боя было усыпано останками уничтоженных врагов.

Мы опять укрылись под защиту стены и перевели дух.

Эти дьявольские создания, однако, хорошо учились на неудачах. Они поняли, что, атакуя цепью, лишь подставляют себя под клинки наших силовых шпаг. Сейчас они шли компактными группами, голов на двадцать каждая, туша к туше. То самое, чем мы разметали их во второй атаке, они обращали против нас — многократно усиленное, собранное в кулак поле. Никаким выпадом, как бы он ни был быстр, мы не смогли бы разметать столь многократно суммированный силовой поток. Теперь время, отведенное нам на жизнь, определялось лишь скоростью сближения.

— Ты успеешь вызвать звездолет и записать прощание, Андре, — сказал я и отвернулся.

Враги не торопились. Они знали, что мы у них в полях. Они наступали осмотрительно. Андре вызвал звездолет. Никогда еще порывистый Андре не говорил так ровно и ясно.

— Жанна! Олег! — диктовал он. — Через две минуты меня не станет. Я люблю вас. Будьте счастливы!

— Обнимемся, друзья! — сказал я. — И потом ударим в последний разок. Не стоит тянуть эту волынку.

Мы обнялись. Труб припал к моему плечу и всхлипывал, как человек. Оказанная этому чудаку человеческая ласка почти примирила его с гибелью. Я подал сигнал, и мы бросились на центральную группу головоглазов. Как я и опасался, нам не удалось ее разметать. Мы даже не смогли собрать остриями поля — так непреодолимы были охватившие нас силовые цепи. Лишь Лусин пронзил одного врага и тут же сам упал. Я не хотел ни кричать, ни звать на помощь, но отчаянный вопль произвольно исторгнулся из меня. Рядом закричал Андре.

И не успели наши крики оборваться, как сверху что-то обрушилось и все волшебным образом переменялось: внезапно ослабли тис-

ки, погасло нестерпимое жжение перископов, а головоглаз, на которого я перед тем нацелился, но не достал, взвился облаком брызг и пыли.

— Концентрируйтесь на мне! — грянул дикий голос Леонида. — Вперед!

Я пошатнулся, и меня поддержал Ромеро.

— Не правда ли, неплохой удар, храбрый Эли? — сказал он, усмехаясь. — Кажется, мне удалось разложить вашего противника на молекулы. Соберитесь с полем и поспешим за нашим боевым вождем!

9

Леонид рвался вперед, и перед ним, словно сметаемые вихрем, разлетались и распадались враги. С двух боков его охраняли Аллан и Андре, сзади торопились, поддерживая друг друга, Лусин и ангел. Я сделал шаг и почувствовал, что у меня нет сил двигаться.

— Смелее, смелее! — подбадривал Ромеро. — Вам, конечно, досталось побольше, раньше всего они собирались покончить с вами, но нельзя же так распускаться, говорю вам, соберитесь с полем!

— Не отставай, Эли! — весело орал Аллан. — Покажи им, чего ты стоишь, Эли!

Уговоры и крики, а также то, что я увидел низкорослых Громана и Камагина, бежавших на помощь передовой группе, придали мне бодрости. Я двигался все уверенней, и мы догнали Леонида. Я схватил его за руку и прошептал:

— Подожди! Их не надо истреблять. Нужно хоть одного заполучить живьем.

— Правильно! — сказал Аллан и захохотал. — Притащить такое чудище на Землю! Раньше это называлось “добыть языка”. — Он повернулся к Камагину и Громану. — Так ли, предки?

Те подтвердили, что добывание языков и скальпов — важная операция в любой цивилизованной войне. В их времена войн уже не было, но предания о них сохранялись. Кроме того, они читали о войнах в книгах. Писатели древности с охотой изображали ужасы: кражи, убийства, погоню за прибылью и славой, измены жен и мужей, коварные продвижения по так называемой службе и прочие дикие действия, требовавшие хитрости

и крови. Так как мы в этом далеком созвездии столкнулись с жестоким народом, то и нам следовало знать кое-что из обычаев тех воинственных времен.

Андре поднял кусок тела одного из разлетевшихся головоглазов.

— Посмотрите-ка! Они не существа, а машины!

На его ладони лежал смоченный темной жидкостью набор элементов электрической схемы — полупроводников, сопротивлений, емкостей, соединительных каналов. Это было, несомненно, искусственное приспособление.

— Нет, — сказал Лусин, поднимая с камня другую часть тела. — Организм. Вот!

Второй кусок был живой тканью — в нем переплетались нервы и сухожилия, виднелся обломок кости, приставшее к кости мясо. Андре вертел находку, обмазывая пальцы в неприятной клейкой жидкости.

— Да, — признался он. — Не механизмы.

Наши спасители ушли, прихватив Труба, а мы втроем общаривали арену недавней битвы. И снова я поразился, до чего велики силы, взрывавшие сраженных врагов. Термин “разбрызган” был не образным выражением, а точно описывал гибель головоглаза.

— Мне кажется, странная форма уничтожения есть ключ к тайне их существования, — сказал я после того, как, повозившись полчаса, мы раздобыли десяток кусочков.

Андре разложил кусочки в ряд.

— Посмотрите, шесть — живые ткани, четыре искусственные элементы. Вам это ничего не говорит?

— Понимаю, — сказал Лусин. — Наполовину — организм, наполовину — механизм. Полуживой, полуискусственный. Нет?

— Да, — сказал Андре. — Именно это.

— Вы забываете еще об одной возможности: живой разрушитель сидит в машине, — возразил я. — При распаде ткани тела перемешиваются с частями механизма — вот и разгадка.

— Тогда полюбуйся вот этим кусочком.

Кусочек и вправду был поразительный — живая ткань переплеталась с искусственной, одно продолжало другое: из кости вытягивался провод, на конденсаторе виднелись нервы и крохи мяса. Это было органическое соединение, а не механическое соседствование живого и мертвого.

— Две возможности, — сказал Андре. — Или живые существа открыли способ мастерски заменять свои несовершенные органы искусственными и стали наполовину механизмами. Или, наоборот, кем-то созданные автоматы научились монтировать в себя органические ткани и поднялись до степени полуорганизмов. В том и в другом случае мы имеем дело с объектами высокой культуры.

Для меня сложная природа разрушителей объясняла самое важное: их жестокость. Существа, деградировавшие до механизмов, не могли не потерять доброты.

— Зовут, — сказал Лусин. — Поспешим.

10

Леонид мрачно прохаживался у одного из зданий. Он так взглянул на нас, словно мы тоже принадлежали к породе головоглазов. Было ясно, что заполучить разрушителя живьем не удалось.

— Распадаются, как мыльные пузыри. Остались в живых три.

В углу между двух стен сидели головоглазы, сжатые нашими полями. Враги были обессилены — глаза светились тускло, временами исторгаемые гравитационные импульсы утеряти прежнюю мощь. Андре запустил дешифратор. Ромеро поманил меня к себе.

— Знаете, почему мы ни одного не взяли живьем? Вам покажется невероятным! Они кончают с собой, когда положение безвыходно! Самовзрывающаяся конструкция — таковы наши противники.

В это время Камагин, сконцентрировав в себе три поля, отрывал одного головоглаза от двух других. Когда между ним и остальными образовался просвет, разрушитель ударил глазом по телу. Раздался взрыв, и головоглаз разлетелся кучкой мокрого праха. Два оставшихся еще теснее прижались один к другому. Их головы сумрачно мерцали.

— Так все они! — сказал Леонид, топнув ногой. — Хоть руками хватай их за проклятую голову!

— Как у тебя? — спросил я Андре. — У них, кажется, световая речь, а это штука нехитрая.

— В том-то и дело, что нет. — Андре озадаченно пожал плечами. — От них исходят слабые гравитационные импульсы, похожие на речевые, а свечение лишь сопутствует им. С такой

формой речи я сталкиваюсь впервые. Ключ, ключ! Один бы сигнал расшифровать.

— Сейчас дам тебе ключ. Я кое-что сделаю, следи за их реакцией.

Я выдвинулся вперед, ударил — не очень сильно — полем и снова отошел. Операцию эту я повторял раза три, потом стал осторожно раздвигать головоглазов. И опять, бросив это занятие, я перешел к ударам. Удары были несильны, оплеухи, а не рапиры. Раз два я наставлял на головоглазов растопыренные пальцы.

— Хватит! — сказал Андре радостно. — Теперь, кажется, мы расшифруем их речь. Слушайте, это поразительно!

Впоследствии выяснилось, что в деталях расшифровка была неточна, но суть передавала правильно:

“Тот же, убийца первого... Опять тот же... Опять... он раздвигает... Прикажете экранированным... Только они... На планете двое, все погибли... Я слабею. Не хватает гравитации. Отвечаю: они каменнопалые, они другие... Экранированных... До вечера не удержусь... Ударю головой... планета больше не нужна...”

Очевидно, где-то неподалеку была их база, и они переговаривались с ней. Надо было ждать нового нападения.

— Помощь к ним придет не раньше ночи, — сказал Леонид. — Значит, надо справиться с ними к ночи.

— Гравитация у них слабеет, — сказал Андре. — Что таится в этой странной фразе? И почему не обнаружены импульсы их собеседника?

— Собеседник далеко, — возразил я. — Дешифратор не принял его слабых импульсов.

— Планета, — выговорил Лусин, — не нужна. Уничтожат?

— Практически сейчас важна лишь угроза: “Ударю головой”, — сказал Камагин. — Несомненно, это извещение о готовящемся самоубийстве. Надо предотвратить его, но как?

— Лишить этих молодчиков возможности двигать головой, — загремел Аллан. — Отрубить ее мечевым полем — и все!

— Нет, — возразил я. — Тогда они развалятся. Андре прав: что-то важное связано с тем, что слабеет гравитация. Давайте сожмем их полями и перетащим в барокамеру сдавленными.

Лишенные возможности пошевелиться, они вскоре были растащены. И тут один все же ухитрился ударить себя головой. Тем тщательнее мы оперировали с последним. Мы несли его к

планетолету, на котором прибыла помощь, отдельно сжимая полями туловище и отдельно голову. Он явственно ослабевал. Импульсы его становились невнятные, голова перестала шевелиться и погасла.

— Умер, кажется, — сказал Андре, когда мы помещали головоглаза в барокамеру планетолета. — Дешифратор не улавливает излучений.

Мы усилили давление в камере, запустили бортовой гравитатор. Если головоглазу нравилась большая тяжесть, то он мог пользоваться ею и после смерти. Закрепив голову, чтобы она случайно не упала на тело, мы надежно устроили разрушителя в его временной усыпальнице.

— Поищем жителей планеты, — сказал Леонид. — Может, удастся кого живого найти.

Мы облетели город, направились к другим городам. Они казались копиями друг друга. Везде были ужасные следы разгрома, зеленые утром леса и луга сохли и поникали, опадая. Зелень на планете была полностью истреблена, как и насадившие ее умные кузнечики с почти человеческими головами.

После часа поисков мы приняли какие-то слабые импульсы и полетели в их сторону. Пеленг привел нас к подземному каналу или трубе, затерянной среди леса. Вход в нее был прикрыт травой и кустарниками. Дешифратор показывал, что в трубе трое живых. Я попытался пролезть в отверстие трубы, но оно было узко для меня, и полез Камагин, вслед отправился такой же щуплый Громан. Вдвоем они вытащили умиравшего шестикрылого. Тот не отвечал на вопросы, не шевелился, дыхание почти не улавливалось, но мозг еще работал с бредовой быстротой.

— Их там сотни, — сказал Камагин, — но все мертвы.

Уже шло к вечеру, когда мы убедились, что на планете нет больше живых существ.

— Заберем скульптурные группы, — предложил Леонид.

Автоматы сняли с постаментов три скульптуры, потом перенесли в планетолет и постаменты.

— Садитесь! — скомандовал Леонид. — Возвращаемся на звездолет.

Я посмотрел на небо. Электра закатилась, наступили сумерки. Над городом загорались тысячи светильников, они одни продолжали действовать. Было грустно созерцать эту великолепную иллюминацию в царстве смерти и хаоса.

Теперь я перехожу к трагедии Андре, и у меня путаются мысли.

Даже сейчас, отдаленный от того страшного дня годами и событиями еще пострашнее, я не понимаю до конца всего, что произошло.

И прежде всего, не понимаю себя. Как я мог оказаться таким легкомысленным? Почему все мы вели себя как несмышлениши? Уже и тогда мы знали, что боремся с коварным, технически очень развитым врагом, мы знали и тогда, что во многом враг этот превосходит нас, — почему, нет, почему, самодовольные глупцы, мы не подумали о простейших, элементарно неизбежных мерах защиты? Враг сам указал, чем собирается одолеть нас. Почему мы пренебрегли его угрозой?

Я снова перечитываю гравиграмму переговоров головоглаза со своей базой и вижу, что из всех толкований загадочного слова “экранированные” выбрал самое далекое от истины. И Андре, бедный Андре, так прозорливо угадавший невидимость наших противников, он разве с облегчением не отказался от своего провидения? Я снова спрашиваю себя: почему глаза наши затмило слепотой в тот решающий миг, когда требовалась вся острота зрения? Или, узнав, как уродливы и неуклюжи первые противники и как легко мы расправляемся с ними слабыми нашими полями, мы сразу преисполнились неумного презрения к ним, даже не попытавшись узнать, все ли они такие?

Над Сигмой опускалась ночь. Посланная врагами подмога уже приближалась к планете. До жестокого удара оставались считанные минуты. А мы болтали, радуясь легко вырванной победе!

— Здесь хорошие ночи! — сказал я Андре. — Даже эта автоматическая иллюминация не забивает блеска звезд.

С минуту мы любовались небом. Воздух был удивительно прозрачен. Экранированные враги уже висели над нами, выбирая момент для прыжка, а мы безмятежно восхищались светилами Плеяд.

— Торопитесь! — сердито крикнул Леонид. — Одних вас ждем.

Я сделал шаг к планетолету и тут услышал крик Андре. Он хрипел, голос обрывался — его душили, он отчаянно бился. Я чувствовал пульсацию его поля, никогда ни до, ни

после того я не испытывал такого ощущения — поле Андре взрывало меня, вздымалось во мне собственной моей дико убыстренной кровью.

— Эли, помоги! — кричал Андре. — Эли, Эли!

Я кинулся к нему и не увидел его. Над черной землей густо сверкали звезды, воздух был тих и прозрачен. Где-то рядом со мной хрипел и звал на помощь Андре, я слышал его с безмерной отчетливостью, я знал, что ему затыкают рот, что он захлебывается собственным криком и, выворачивая шею, на секунды освобождая лицо, снова кричит, все снова кричит о помощи — и я не видел его!

— Эли! Эли! — слышал я вопль. — Эли! Эли!

— Невидимки! — крикнул я в неистовстве и бросил свое поле на крик, не соображая уже, что оно так же опасно для Андре, как и для напавших на него.

И тут я в последний раз увидел Андре.

Мой удар отбросил кого-то из невидимок. В воздух вдруг вырвались ноги Андре — они бешено боролись, ударяли во что-то, брыкались, словно их пытались сдавить, а они не давались. И только ноги были видны, одни ноги! На том месте, где должны были быть туловище и голова, мирно светили звезды. С тех пор прошло много лет, но до сих пор передо мной во всех подробностях встает эта картина — одни сражающиеся в воздухе ноги Андре.

Я не успел собраться с полем, но нанес второй удар. Я знал, что товарищи спешат на помощь и самое главное — не дать утащить Андре, пока они не подоспеют. Я нанес второй удар, чтобы полностью раскрыть Андре, но промахнулся. Какая-то сила подбросила меня в воздух. Я оглянулся и понял, что стал невидим. Я не нашел своего туловища и ног. Я видел сквозь тело камешки и траву на земле — они отдалялись и быстро пропадали в черноте опускавшейся ночи. Какие-то гибкие путы вязали и скручивали мне руки, тащили вверх. Захваченный врасплох, я все же до предела напряг свое поле и задержал подъем.

Теперь я колебался метрах в пяти над землей. Андре по-прежнему кричал, но крик его прерывался чаще и становился глуше. Андре непреодолимо утаскивало наверх. Он снова стал полностью невидим.

Внизу я увидел бежавших друзей. Они мчались на крик Андре, сам я, напрягая поле, чтоб не дать одолеть себя, был охва-

чен молчаливым ожесточением борьбы. Леонид остановился подо мной и поднял вверх голову.

— Где вы? — кричал он в тревоге. — Я вас не вижу! Где вы?

Что-то отвратительно жесткое и холодное закрыло мне рот. Я вывернулся и крикнул вниз:

— Концентрируйте на мне поля! Андре утаскивают нав...

На этот раз рычаги сдавили мою голову и шею так основательно, что легким не хватило дыхания. Перед глазами заметались красные полосы. Вместе с тем я сразу почувствовал, как наливается мощью мое ослабевшее поле. Я уже почти терял сознание от удушья, но не пустил поле в ход немедленно. Я еще поупирался немного, а потом рванулся изо всех сил.

Напавших на меня противников разметало как пушинки. Один, сраженный, выпал в видимость и рухнул рядом со мной на землю. Я вскочил на ноги и выкрикнул авиетку. Рядом со мной взвилась авиетка Ромеро.

— Берегитесь, они невидимки! — успел я крикнуть.

Вырвавшись вверх, я остановился. Ромеро тоже замер в воздухе. Мне показалось, будто сбоку доносится крик и прерывистое дыхание. Я устремился на эти звуки, прощупывая силовыми линиями прозрачный воздух. Как слепой, протягивающий вперед руки в поисках предметов, я протягивал свое поле, стараясь уцепить сражающуюся в воздухе невидимую группу. Но ни я, ни Ромеро ничего не обнаружили.

— Надо как-то рационализировать наши поиски, — сказал Ромеро, подлетая ко мне. — Согласитесь, это метание вслепую...

— Они утащат его! — твердил я, не слушая.

— Они уже утащили Андре. Вопрос: куда они скрылись? Мы их ищем над полем боя, а они, может быть, давно уже покинули планету. Надо вызывать звездолеты.

На звездолетах уже знали о несчастье. Локаторы кораблей обрыскивали пространство вокруг планеты. Чувствительность их такова, что они засекают пуговицу на расстоянии в сто тысяч километров. Андре и его похитители были больше пуговицы, а звездолеты держались к планете ближе ста тысяч километров, но даже следов разрушителей не было.

Мы еще не знали тогда, что все типы наших локаторов бессильны перед их экранирующими устройствами. Действенные средства борьбы против невидимок нам еще лишь предстояло

изобрести. Сейчас каждому ясно, что мы опрометчиво ввязались в борьбу, хоть и грозно, как мы доказали впоследствии, вооруженные, но совершенно не представляя себе, что потребуются для этой борьбы.

Мы были подобны слепому гиганту, яростно бросившемуся на зрячих врагов. Тем, конечно, не поздоровится, если они попадут ему в руки — если они попадут!.. Несчастье — похищение Андре — уже разразилось над нами, но еще никто не отдавал себе отчета в размерах несчастья. Меньше всех понимал тщету наших поисков я. Меня трясло отчаяние, я знал лишь то, что Андре перед гибелью звал на помощь одного меня, а я помощи не оказал. Я проклинал себя, впивался глазами в темноту — авиетка черной молнией проносилась над ночной Сигмой. Не помню, сколько времени продолжались наши метания над планетой. Мы с Ромеро взмывали и рушились вниз, бросались в стороны. К нам присоединились Лусин и Аллан. Четыре поля, перекрещиваясь, ощупывали каждую молекулу воздуха. На них накладывались гигантские локаторные поля звездолетов, широкие силовые конусы планетолета. Все было напрасно.

Ко мне снова подлетел Ромеро.

— Со звездолета передали, чтоб мы прекратили поиски. Нам дают четверть часа на возвращение. Что-то еще случилось важное.

К этому времени я был обессилен и опустошен. Я опустился около планетолета и поплелся к входу. Меня встретил подавленный Леонид.

— Посмотри, кто боролся с тобой, Эли, — сказал он, показывая на ящик около планетолета.

В ящике лежали останки моего врага. Я тупо смотрел на него, не отдавая себе отчета в том, что вижу. Я так уверовал, что умирающие разрушители разлетаются в брызги и пыль, что уже не допускал для них другой кончины. Потом я сообразил, что если это и разрушитель, то мало похожий на тех, с какими мы боролись раньше.

— Знаете, кого напоминает мне этот уродец? — прошептал изумленный Ромеро. — Человечков из арматуры и железного лома, которыми пугали зрителей в старину скульпторы-абстракционисты.

Я молча обернулся к Ромеро. Я понятия не имел, что когда-то жили такие скульпторы, никогда не видел их изделий.

Существо, лежавшее в ящике, было собрано из одних костей или прутьев — центральный столб, две ноги, две руки, два кольца, толщиной с нашу шею, на том месте, где у нас бедра, а взамен головы хитрое переплетение костяных трубок. Это был скелет, только сочленения скелета, прочные и гибкие, изгибались легче человеческих. Лишь в бредовом видении могли примерещиться такие чудища.

Лусин поднял сломанную при падении на землю кость ноги.

— Смотри, Эли. Мясо и нервы — тоже. Только внутри. И кровеносные сосуды. У нас кости — опора. У них — оболочка. Очень толстая кость. Надежная конструкция тела. Природа поработала. Интересно, сколько миллиардов лет? За сто миллионов не создать...

— Звездолеты опять торопят нас! — сказал Леонид. — Внесем ящик в планетолет и отправляемся.

Пока автоматы возились с ящиком, я отошел к месту, где был похищен Андре. Терзавшее меня отчаяние разрешилось диким приступом. Я упал на землю, и рыдал, и кусал ее в бессильной ярости, и бил ее кулаками. Я проклинал и этот отвратительный скелет, на создание которого природа затратила миллиарды лет, и эту мягкую, еще теплую, еще живую, хотя и опустошенную чужую землю, которая тоже существовала, наверное, не меньше миллиарда лет, и особенно себя за свою нерадивость и нерасторопность.

Но невидимка, уже погибший, лежал в ящике, а чужой земле, насчитывающей миллиард лет существования, осталось существовать меньше часа — она была обречена независимо от моих проклятий. А мне еще многое предстояло испытать, такое же горькое, как гибель Андре.

Меня обнял Лусин. Он лег рядом и плакал, как я.

— Пойдем, — шептал он, тихонько плача. — Пойдем, Эли. Больше нельзя! Последнее сообщение — приближается крейсер разрушителей.

12

Когда планетолет исчез в недрах "Пожирателя пространства", оба корабля быстро удалились от Сигмы.

Лицо Веры опухло от слез, она ни о чем не расспрашивала: они видели на экране нашу борьбу с невидимками. Я спросил,

почему нам запретили продолжать поиски? Вероятно, произошло что-то ужасное, раз решились на такой приказ.

— Пространство полно гравитационных возмущений, — ответила Вера. — Дешифраторы перехватили депешу невидимок. К счастью, вам удалось правильно распутать их код, и мы ее прочли. Судя по сообщению, Андре на планете уже нет.

“Взяли одного камнепалого, — было в перехваченной гравиграмме. — Разрушитель номер сто тридцать погиб. Уходим на базу. Пора кончать с планетой”.

Все свободные от вахты были в обсервационном зале. Рядом со мной села Ольга. Она сдала командование Леониду, была его вахта.

— Эли, дорогой, — сказала Ольга. — Такая страшная гибель...

— Исчезновение, — сказал я. — Андре не погиб, а похищен. Запомни это, Ольга.

Ольга не отозвалась. Я тоже не хотел говорить. Слова не могли ни помочь, ни утешить. Мы не знали самого главного: где Андре? Может, он неподалеку, невидимый и недоступный. Я готов был бить себя кулаками по лицу, кричать от боли и ярости. Я стиснул зубы и молчал, задыхаясь.

В этот момент появился шар разрушителей. Он воистину словно выпрыгнул из небытия, точь-в-точь как описывали космонавты с “Менделеева”. Он возник сразу, неистово несущийся, огромный. Он шел на Сигму, притормаживая.

Шар летел теперь над поверхностью Сигмы. Никто не заметил, как его облет превратился в гравитационный удар по планете. Все, что было на ней, — города, леса, равнины. — вдруг взметнулось вверх, словно вырванное гигантским плугом.

На Сигме бурно вздымалась исполинская приливная волна — с той разницей, что это была волна не воды в океане, а твердых планетных масс, вал камней и грунта. Тяжелые облака пыли затянули взорванную планету, она вся представляла теперь лишь прах и дым. Никакое извержение вулкана, никакой атомный взрыв не причинил бы таких гигантских разрушений, как облет этого грозного шара вокруг планеты. Многие тысячелетия, может, миллионы лет должны будут пройти, пока Сигма станет вновь удобной для жизни.

Крейсер завернул за край Сигмы, теперь он вздымал поверхность ее обратной стороны.

— Леонид! — кричала Вера. — Останови его силой!

— Нет! — воскликнул я. — Нет, Вера! На Сигме жизни больше нет, а на шаре — Андре. Мы еще не все сделали, чтобы спасти его.

— Да и поздно выручать Сигму, — отозвался Леонид. — Мы не ожидали, что он способен на такое... Не исключено, что он и с нами попытается проделать эту штуку. Разбойнику не поздоровится, если он нападет.

— Если придется принять с ним бой, помните, что на нем Андре.

Корабль разрушителей, вынырнув с другой стороны, уже лег на обратный курс, когда заметил нас. Он завернул и пошел на сближение.

Леонид и Аллан запустили аннигиляторы вещества, реакционная масса, сгорая в топках аннигиляторов, вырывалась наружу пространством. Из осторожности ни Аллан, ни Леонид не вовлекали в аннигиляцию окружающие космические тела. В этом пока не было нужды — вражеский крейсер, летя почти со световой скоростью, не приближался ни на километр, навстречу ему мчались такие объемы космической пустоты, что продраться сквозь нее он не сумел.

Со стороны казалось, будто наши корабли, обладая преимуществом в скорости, удирали от преследователя. Если разрушители сами не владели техникой аннигиляции вещества, то им трудно было догадаться, что в действительности мы и не думали никуда двигаться.

МУМ расшифровала гравиграмму крейсера: “Вижу чужой корабль, сближение не удастся. Перехожу на сверхсветовую, чтобы вырваться в конус удара”.

— Пусть переходят, — сказал Леонид. — Пока большой опасности нет.

Я не разделял оптимизма Леонида. Уйдя в сверхсветовую область, крейсер стал не только невидим, но и неконтролируем. Не зная, насколько он обгоняет свет, мы не могли быть уверены в действенности аннигиляционной защиты. Он мог прорваться и сквозь заслоны непрерывно генерируемой пустоты!

Леонид успокоил меня:

— Говорю тебе, мы его отбросим, хотя и не знаем, где он. А если он все же приблизится, мы успеем реально кинуться наутек, не принимая сражения.

Вскоре враги поняли, что им ничего не добиться, и, затормозив, снова появились в оптике. Теперь крейсер удалялся. Вскоре он полностью пропал. И вместе с ним пропала последняя надежда выручить Андре. Он мчался пленником на корабле космических разбойников куда-то в недра Плеяд. Если, конечно, уже не погиб...

13

Усталый, я заснул в кресле. Во сне мне привиделся Андре, и я с криком проснулся. Оба звездолета шли в сверхсветовой области по курсу исчезнувшего шара разрушителей. Я узнал, что принято решение разыскивать таинственную эскадру врагов.

В связи с исчезновением Андре вся его работа упала на меня. Мы с Лусином возились с останками обоих врагов и расшифровывали записанные излучения мозга шестикрылого. В полдень последний житель многострадальной Сигмы скончался. Мы положили его останки в консервирующую среду, чтоб привезти нетленным на Землю. Я работал усердно, но временами деревенел, теряя мысли и понимание окружающего. В эти минуты Лусин тихонько дергал меня за руку или касался плеча. В перерыв мы посетили Труба. Ангел всхлипывал и вытирал глаза обломками крыльев.

— Похожи наши вчерашние противники на тех, что преследовали галактов, некогда высадившихся на вашей планете? — спросил я.

— Я сразу понял, что это они, сразу, сразу...

Он весь встопорщился. С трудом передвигаясь, он, похоже, готов был хоть сейчас ринуться в новую битву.

— Битвы еще будут, — утешил я его. — Сомневаюсь, чтоб человечество могло ужиться со злодеями. Твоя задача: пройти курс лечения. По прогнозу, крылья у тебя отрастут лучше прежних.

— Мы стоим? — спросил он. — Где мы?

— Идем курсом на Майю, в центре Плеяд.

— Слепые, — проговорил Лусин сумрачно. — Не видим. Идем — только. А они?

Я теперь почти не переставая думал об этом же. Еще Андре поразила загадка: когда головоглаз беседовал со своим крейсером, несущимся в сверхсветовой области, гравиграммы его мы расшифровали, но ответные импульсы крейсера не улавливали.

Лишь когда крейсер вытормозился в досветовое пространство, гравитационные его депеши стали доходить до нас. И это было естественно, ибо он обгонял свои гравитационные волны, несущиеся со скоростью света.

— Да, — сказал я со вздохом. — Они не слепые. Похоже, что у них есть какой-то свой способ общения в сверхсветовой области.

Вечером мы с Лусином показали экипажу расшифрованные бредовые видения умершего жителя Сигмы. Картина составлялась из хаотически возникавших и пропадавших обрывков действий, фигур, городов, неба планеты — все, что мог ухватить глаз, присутствовало в этих видениях и складывалось в обвинения против захватчиков. На стереоэкране пылало белесое небо Сигмы, широкая Электра стояла в зените. И вот, истемня великолепный день, над планетой повис зеленоватый шар. По невидимой гравитационной лестнице на планету посыпались флибустьеры космоса — унифицированные, механически-безжалостные. Беззащитных существ настигали гравитационные удары, стягивали гравитационные цепи, тащили гравитационные крючья, гравитационный эскалатор всасывал их с планеты в нависший над нею шар. Тысячи слабеньких, милых созданий Сигмы обреченно взмахивали крылышками, лили слезы.

Какая участь уготована им в недрах проклятого крейсера? Пищи для ненасытных ртов? Источника рабской силы? Питомника ремонтных тканей для дряхлеющего механизма мучителей? Этого никто не знал. Зато мы видели, как расправляются с теми, кто пытался скрыться. Гравитационные удары настигали спрятавшихся, пощады не было никому, никто не спасся!

Подавленные, мы молчали, когда стереоэкран погас. Было страшно и стыдно, что это совершается во Вселенной, где мы, люди, живем и благоденствуем.

Глубинное просвечивание захваченных разрушителей подтвердило, что живые ткани соседствовали с искусственными, провода наращивались на нервы, сопротивления и емкости монтировались в кости. Жидкость особого состава, мало напоминавшая кровь, текла по искусственным трубкам и капиллярам. Зато мозг у обоих был биологического происхождения и размещался у первого в центре тела, а у невидимки в верхнем кольце. Самым же странным органом в их “живом механизме” было сердце — крохотный, но мощный гравитатор. У невидим-

ки он находился во втором кольце, у захваченного живьем головоглаза — в верхней части “опухоли”.

Этот приборчик возбуждал короткодействующее мощное тяготение. Что-то в них требовало для жизнедеятельности мощных гравитационных толчков. Сердце головоглаза работало с лихорадочной скоростью — несколько тысяч тактов за секунду. Но это было не все. Гравитационное сердце генерировало в пространство направленные волны — оно было боевым оружием. И, наоборот, единственным способом поразить головоглаза мог быть удар в сердце. Нарост на шее одновременно и высвечивал, и высматривал, и поражал добычу. При удачном выпаде головоглаз мог пронзить острым пучком света, как кинжалом, и уж в любом случае — легко ослеплял.

— Выяснен также механизм самоубийства, — сказал я, заканчивая сообщение об исследовании тел противников. — Когда глаз ударяет по телу, сердце на время парализуется. Силы стяжения уже не противостоят господствующим в теле высоким давлениям, и его разрывает в куски. В барокамере мы держим восемь тысяч атмосфер, чтоб не дать этим силам разбрызгать мертвого головоглаза. Между прочим, отсюда следует, что головоглазов лучше поражать не силовыми полями, а потоками жестких лучей и корпускул. Теперь посмотрите запись излучений их мозга.

Предусмотрительность Андре, перед битвой пустившего дешифратор на все диапазоны, принесла пользу. Мы увидели себя, прижатых к стене, бледных, но мужественно сражающихся. Я вновь бежал на центр вражеского отряда, с неба падали Леонид и Аллан, Ромеро наносил удары.

Не могу сказать, чтоб глаза разрушителей увидели в нас что-либо красивое, им, пораженным ужасом и погибающим, мы представлялись скорее чудищами.

Но запись мыслей разрушителя, захваченного живьем и умершего в тисках наших полей, дала кое-что новое.

Когда-то верили, что перед умирающим проходит вся его жизнь. Исследование работы мозга умирающих показало, что мысли их смутны и лишены логики. Но этот перед кончиной вспоминал если не всю жизнь, то немалый ее кусок. Перед нами вспыхнула дикая планета, словно бы вся созданная из свинца и золота: металлические горы сменялись металлическими полями, в металлических садах росли кристаллы металлических трав и

кустов. Под ветвями металлических деревьев раскидывались металлические сооружения.

И везде были разрушители, бездны и тьмы их — пылающих головоглазов, ползущих, роящихся и роющих, до тошноты одинаковых...

Вера спросила меня, когда демонстрация видений была закончена:

— Ты обратил внимание, что второй разрушитель не запечатлен в мозгу ни у сородичей, ни у жителей Сигмы?

— Это естественно, ибо в нормальных условиях он — невидимка. Нам лишь в тяжелой борьбе удалось выбросить его из невидимости.

— А каков механизм невидимости, вы не расшифровали?

— Нет, Вера, не расшифровали.

— Мне кажется, воинами у них являются невидимки, — сказала Вера. — В Гиадах, где разыгрывались битвы с разрушителями, об их внешнем облике данных не сохранилось. Это не случайно. А эти, чашкообразные, скорей всего надсмотрщики над пленными. Сколько их напало на вас — и ни один не ушел живым! А невидимки сражались по-иному — одна их жизнь отдана за одну нашу жизнь.

— Андре не погиб, а исчез, — сказал я сухо. — Не надо хоронить его раньше времени.

— Кое-что в загадочных поступках и свойствах врагов поддается физическому истолкованию, — заметила Ольга. — В частности, их невидимость объясняется довольно просто. Я хотела познакомить вас с некоторыми своими соображениями. Все дело в том, что наши противники глубже, чем мы, проникли в природу тяготения.

Она начала с древнейших ученых — Ньютона, Эйнштейна и Нгоро. Их формулы охватывали лишь стационарные гравитационные поля, то есть установившееся тяготение. Между тем, реальные процессы природы чаще всего неравновесны. Разрушители блестяще оперируют переменными полями. Умение владеть быстро меняющимися полями тяготения — большое преимущество наших противников перед нами. Если бы гравитационный удар по Сигме принял характер равновесного поля, одинаково притягивающего планету к крейсеру и крейсер к планете, то дело кончилось бы тем, что крейсер упал бы на планету, ибо у нее несравнимо большая масса. А в действительности

сти он превратил поверхность планеты в океан пыли и обломков и спокойно умчался дальше.

В ближнем бою корабли разрушителей всегда возьмут верх над нами, следовательно, ближний бой с ними недопустим — вот первый вывод.

Второй вывод дополняет первый. Разрушители тоже знают превращение пространства в вещество, но совсем не пользуются обратной реакцией — превращения вещества в пространство. Очевидно, они ее не открыли. Это по-своему понятно, ибо появление новых объемов пространства приводит к ослаблению полей тяготения, а разрушители стремятся к их усилению.

— Образование пространства есть верная защита от них, — сказала Ольга. — Но у нас не так уж велики запасы способного к аннигиляции вещества: многократных космических сражений мы не выдержим. Теперь о природе их невидимости. Разгадка, по-моему, и здесь в их умении создавать особые поля большой интенсивности — условно назовем их микрогравитационными. Я видела труп невидимки. Конструкция тела блестяще приспособлена к функции невидимого бойца. Сердце-гравитатор создает вокруг тела искривленное пространство. Луч света не пронзает его, но загибается вокруг, выходя затем точно на продолжение своего первоначального пути. Все, что находится внутри искривления — и сам невидимка, и его добыча, — естественно, невидимы для глаза и недоступны для обычных локаторов.

Я спросил ее:

— Не кажется ли тебе, Ольга, что средства связи у врагов совершеннее наших? По-моему, они отлично общаются друг с другом на сверхсветовых скоростях.

— Да, такая возможность имеется, — признала Ольга. — Но во всех этих обстоятельствах есть одно, благоприятствующее нам: так как гравитационные волны распространяются со скоростью света, то атаковать разрушители могут лишь в оптическом пространстве, чтоб не обогнать собственные свои удары. Иначе говоря, перед атакой мы их обязательно увидим.

Я заговорил с Ромеро. Мне показалось, что картины на стереоэкране произвели на него впечатление. Он хмурился, гневно сжимал набалдашник трости.

— Теперь вы видите, Павел, что мы не можем стоять в стороне? Преступления разрушителей вопиют об отмщении...

Он высокомерно взглянул на меня.

— Мое ухо не слышит воплей — они слишком далеки от нашей Солнечной системы. И кто вопит? К прежним паукам и змеям вы добавляете кузнечиков! Неужели вы не соображаете, с каким могучим противником сознательно нас сталкиваете? Андре уже погиб неизвестно для чего — вам этого мало?

— Андре похищен, — сказал я. У меня сильно забилося сердце. Я боялся, что голос мой задрожит. — Я уверен, Андре жив.

Ромеро желчно продолжал:

— Наши великие предки сражались ради того, чтоб создать нам, своим потомкам, справедливое, обеспеченное бытие. Почему мы должны изменять их завету, оставляя заботу о людях, чтоб совать нос в чужие дела? Я понимаю, стоило бы потрудиться, если бы мы могли истребить все зло и несправедливость во Вселенной. Но это же невозможно! Мы не облетели и тысячной доли одной нашей маленькой Галактики — поручитесь ли вы, что в неисследованных звездных районах нет своего горя? Почему вы берете на себя роль всеобщего наставника и исправителя? Мы не боги, в самом деле, чтобы страдать всеми страданиями мира, печалиться всеми его печальями!..

Я слушал Ромеро и думал, как и он, о наших великих предках.

Да, правильно, они боролись, нередко погибали, чтоб создать на Земле справедливый строй — для нас, для тех, кто придет после, не для себя. Сколько их, безвестных людей, отдавших жизни свои за счастье потомков? Разве они оправдали бы нас, наслаждающихся счастьем, созданным для нас трудом и муками многих поколений, и свысока отворачивающихся от страданий подобных нам существ?

Да, конечно, всю несправедливость во Вселенной мне не вычерпать, я просто пока не знаю всей Вселенной. Но как пройти спокойно мимо подлостей? Я способен прекратить их, неужели же я не воспользуюсь своей силой? Что это за рассуждение — вопли истребляемых доносятся издалека, я не хочу к ним прислушиваться! Не есть ли оно само одна из форм подлости? Примирились бы с таким эгоизмом наши предки, обрекавшие себя на муки, чтоб нам было легко? Почему мы должны быть хуже их? Я хочу быть лучше, а не хуже предков, они боролись и ради того, чтоб я был лучше них, а не хуже! Человечество все-

гда вели вперед великие, а не низменные идеи! Время подвигов не прошло, нет, подвиги и ныне так же свойственны человеку, как и пятьсот лет назад.

И еще одно: разве можно измерять справедливость в километрах? Если над кем-то измываются рядом со мной, это возмутительно, я должен вмешаться. А если издевательства в ста километрах от меня? В тысяче? В миллионе? В триллионе? Силовые поля ослабляются на отдалении — таков закон физических явлений, но подлость, отдаляясь, не становится меньше, она не знает обратной пропорциональности к расстоянию. Близко или далеко угнетают беззащитных существ — мое сердце одинаково обливается кровью!

Ромеро с вызовом ждал ответа. Я молчал. Спорить с ним было бессмысленно. Тогда он сказал:

— Кстати, о несчастном нашем друге Андре. Вы всё повторяете, что он не погиб, а исчез. Думаю, никто не усомнится, что я с охотой отдал бы собственную жизнь ради его спасения. Но если уж с полной откровенностью, то лучше и для нас, и для всего человечества, и даже для опекаемых вами полумразумных звездных животных, если Андре погиб в борьбе с невидимкой.

— Вы отдаете себе отчет в своих словах, Павел?

— Полностью отдаю. Андре слишком много знает о достижениях человечества. Зато он не знает, что такое пытки — физические и нравственные. Если враги владеют хотя бы техникой допроса, которую применяли в древних темницах... Вы меня понимаете?

И на это я не ответил. Я уже думал о судьбе, ожидавшей Андре, если он жив. Милый и гениальный, взбалмошный и добрый, он меньше любого из нас был способен вынести насилие и муку. “Эли! Эли!” — кричал он, исчезая. Почему он? Почему не я? Если бы мне предложили поменяться с ним судьбою, с каким облегчением и радостью я бы согласился!

По звездолету разнесся сигнал боевой тревоги, зазвучал властный голос Леонида:

— Все по местам! В оптике корабли противника. К бою!

14

— К бою! — гремело на корабле. — К бою!

По боевому расписанию мое место около больших дешифраторов МУМ. Я кинулся в наблюдательный зал: отсюда с де-

шифраторами отличная связь. Рядом, кто отставая, кто обгоняя, бежали к своим предписанным местам другие.

Шум продолжался еще минуты две, а потом глубокая тишина сковала звездолет, наполненная великим напряжением тишина!

Мы были к бою готовы!

К бою! Почти пятьсот лет человечество не знало истинного значения этого призыва. Он еще существовал в языке — как диковинный термин из словаря, как звук, как предание, как тема для ученого разговора о прошлом, за ним не стояло единственно важного — действий.

Люди моего поколения, пятнадцатого поколения мира на Земле, утратили воинственность. Мы рождались мирными и должны были умереть в вечном мире — так нам самим казалось. Сила уже не была аргументом на Земле. И мы искренне думали, что из нас вытравлен даже боевой инстинкт. Но вот жестокие обстоятельства навязали нам бой, и в каждом из нас мгновенно проснулся воин. Собранные и грозные, мы на своих заранее указанных местах молча ожидали нападения. Враг безрассудно ринулся на нас, его надо сурово покарать — так чувствовал каждый из нас. МУМ непрерывно суммировала наши ощущения и мысли, непрерывно докладывала их командиру корабля: нас наполняли одинаковые чувства, мы думали одинаковыми мыслями.

Нас было почти сто — женщины и мужчины, старые и молодые, сдержанные и порывистые, серьезные и веселые, — в тот миг, перед первым после четырех с половиной столетий мира человеческим сражением, мы внезапно стали одним огромным человеком — одной несгибаемой волей, одним мощным разумом. Исполинская тишина, полная страсти и напряжения, окочевывала звездолет. Мы были полностью готовы к бою!

И тут мы увидели крейсера противника. Вытормозившись из сверхсветовой области в обычную, они выпрыгнули как бы из небытия в мир нормальных тел и масштабов. Что бы Ольга ни говорила об опасности близких гравитационных ударов, главная опасность таится в неожиданности появления врагов.

В данном случае они просчитались. Если бы они скрытно подлетели достаточно близко, нам пришлось бы труднее. Но они обрисовались в десятке миллионов километров. Лишь убежденность в собственном могуществе, до сих пор не встречав-

шем достойного противодействия в их глухом уголке Вселенной, могла привести к такому промаху.

Я насчитал шестнадцать шаров, несущихся со всех направлений звездной сферы, потом прибавилось еще два, отставших от общего строя. Восемнадцать крейсеров против двух — они могли надеяться на победу! И, полностью уверенные в победе, они больше всего заботились, чтоб мы не сбежали. Они замкнули нас в сферу — в кольцо, как говорили наши предки, воевавшие лишь в двух измерениях. И, как принято у всех флибустьеров, злодействуют ли они в крохотном земном море или в безграничных просторах космоса, разрушители не собирались вступать в переговоры, чтоб выяснить наши намерения, — они обрисовались и немедленно атаковали.

И навстречу им снова грянули аннигиляторы Танева, превращенные в защитные батареи.

Если бы я мог рассматривать все эти сцены взглядом стороннего наблюдателя, они, вероятно, показались бы мне даже забавными. Стремительно нараставшие шары вдруг унесло. Генерируемое двумя звездолетами пространство образовало провал в космосе, исполинскую яму в его метрике, и шары барахтались где-то на границе неожиданно разверзшейся бездны, отлетая от нас все дальше. Они по-прежнему рвались к нам со всех осей, и на всех осях расстояние между ними и нами увеличивалось.

Теперь даже самые тупые из них должны были сообразить, что мы не убегаем, а не подпускаем их к себе: если бы мы убежали, то, удаляясь от одних, сближались бы с другими.

Когда крейсера отбросило так далеко, что они полностью перестали улавливаться в умножителе, Леонид и Аллан остановили аннигиляторы, чтоб не расходовать активное вещество.

Через некоторое время шары опять появились в зоне видимости, а дешифратор уловил гравитационные волны передач между кораблями противника. Один из крейсеров являлся флагманом. Флагмана одолевали вопросами, он отдавал приказания. Разрушителей ошеломило наше умение генерировать пространство. Их флагман намеревался прорваться сквозь толщи разлетающейся пустоты на сверхсветовых скоростях, раз не удались обычные.

— Один разок уже прорывались на сверхсветовых, да не вышло, — сказал Леонид. — И сейчас добьются не большего.

Приблизившись на достаточную, по их мнению, дистанцию, шары один за другим ныряли в невидимость. Я не мог подавить чувства беспомощности, когда корабли разрушителей стали исчезать. Я снова и снова спрашивал себя все о том же, пытался разрешить все ту же загадку. Вокруг нас на триллионы километров простиралась сияющая звездная пустота, в пустоте, невидимые, бешено неслись к нам восемнадцать смертоносных шаров — что если Леонид и Аллан ошибутся, и скорость сближения превысит скорость рассекания пространства? Что если вражеские машины, пожирающие пустоту, возьмут верх над нашими, сеющими пустоту вокруг себя?

Решение может дать лишь опыт, но опыт — палка о двух концах. Если он повернется против нас, ошибка будет непоправимой.

И когда умножитель зафиксировал появление шаров на пределе видимости, словно гора свалилась с моей души. Но я рано торжествовал. Разрушители оказались проницательнее, чем я о них думал. Они нашли единственно возможный способ борьбы — навязать нам многократные космические сражения, каких мы долго выдержать не могли. Они хорошо понимали, что генерирование пространства идет за счет ресурсов заранее подготовленного вещества, а не по велению высшей воли, никакие же материальные ресурсы не безграничны. Правда, они не знали, как вскоре показали события, что мы умеем вовлекать в реакцию уничтожения вещества и внешние тела, в том числе и их корабли. Так продолжалось несколько раз: мы отбрасывали их, генерируя пространство, они ныряли в невидимость и прорывались в сверхсветовой области. С каждым разом их прорывы становились опасней. Теперь они тормозили так близко, что только форсирование всей мощности аннигиляторов спасало нас от гравитационного залпа.

Леонид обратился к экипажам обоих звездолетов с просьбой высказаться через МУМ.

— Имеются две возможности выйти из боя. Первая — прорваться сквозь их окружение и, оставив Плеяды врагу, бежать к Солнцу. Гарантии, что мы прорвемся без боя на уничтожение, дать не могу. Вторая — перейти от обороны к нападению. Не сомневаюсь, что нам удастся аннигилировать несколько крейсеров врага. Я знаю, что на одном из них может оказаться наш исчезнувший товарищ. И все-таки мое мнение — атаковать.

Каждый из нас думал в эту грозную минуту об Андре.

Мы не торопились принимать решение. На нас лежала ответственность перед человечеством — мы обязаны были вернуться на Землю и рассказать о том, что открыли в далеких районах Галактики. Но и ответственность за возможную гибель друга, попавшего в беду, мы снять с себя не хотели — мы просто не могли ее снять! Мы понимали, какой сделаем вывод, было только одно решение, но не торопились его высказывать. Мы не перебарывали себя — нам надо было перемучиться.

А затем МУМ объявила, что ни возражающих, ни воздерживающихся нет. Раз нам навязывают сражение, надо его принять.

И снова, уже в последний раз, на всех направлениях небесной сферы вспыхнули восемнадцать быстробегущих звезд. Сражение разыгралось в самом центре Плеяд, под лихорадочным блеском ярчайших светил. Небо пылало и переливалось, звезды исторгались в сиянии. А в неподвижности великолепных реальных светил мчались искусственные светила, стремительные, пронзительно-зеленые. Восемнадцать факелов рушились на нас со всех сторон, они с каждой секундой нарастали.

На крейсерах противника поняли, что мы готовы принять бой, и стали притормаживать. Они выстраивались по сфере, центром которой были наши звездолеты. Теперь они двигались компактно и с одинаковой скоростью. В зловещем сиянии кораблей вражеской эскадры тускнели и пропадали звезды. От одновременного залпа всех гравитационных орудий эскадры нас отделяли считанные минуты. Все решало теперь, кто сможет ударить раньше — мы или они?

И когда восемнадцать кораблей врага, еще не войдя в сферу своего прицельного удара, оказались в зоне нашего действия, Леонид и Аллан разом пустили в ход аннигиляторы. Пока это были еще рейсовые, а не боевые аннигиляторы, они лишь уничтожали пространство, врагу могло показаться, что мы сами ринулись на сближение. Но они сразу увидели, что сближаются с нами не в одном, а во всех направлениях. Четыре из восемнадцати звездолетов противника, захваченные конусами исчезающего пространства, быстро оторвались от своих, их всасывало к нам, они полностью потеряли управление. И то, что увидели мы и что, несомненно, увидели оставшиеся в живых враги, было грандиозно. Теперь они познали размер человеческого могущества.

В звездном небе ослепительно вспыхнули четыре багровых солнца и тут же погасли, образовав туманные облака. Облака крутились, рассеивались, становились невидимыми — мировая пустота обогатилась четырьмя новыми провалами, зловещие крейсера стали километрами, просто километрами, не газом, не молекулами, не атомами — одной лишенной телесного содержания протяженностью, миллионами километров пустого “ничто”!

Остальные крейсера противника ринулись наутек и унеслись в сверхсветовую область.

Я побежал к Ромеро. Я должен был жгучим упреком бросить ему в лицо свою радость.

— Андре ничего не выдал, Павел! До последней минуты враги и не подозревали об аннигиляции.

Ромеро долго смотрел на меня, не отвечая. Я вдруг заметил, что он осунулся и постарел.

— Поверьте, я радуюсь вместе с вами, — сказал он устало. — Хотя, если вдуматься, — чему тут радоваться?..

Я ненавидел его. Он не верил, что Андре мог остаться в живых и не выдать секретов. Для него было одно объяснение — Андре мертв.

15

Плеяды остались за нами.

Это было печальное приобретение.

День за днем, неделю за неделей мы облетали одну звездную систему за другой. На тех планетах, где имелись условия для жизни и где еще недавно жизнь цвела, жизни не было.

День за днем, неделю за неделей в биноклях умножителя, на стереозэкранах вспыхивали одни и те же картины: густые облака пепла и праха, клубящиеся над планетами, суша, перемешанная с океанами в одно топкое месиво...

Мы попытались высадиться на одной из разрушенных планет.

Это было в звездной системе Алционы — великолепной, празднично яркой звезды. В недалеком прошлом здесь, вероятно, всего хватало: света и тепла, воды и зелени, воздуха и простора, минералов и еды. В печальном настоящем здесь была пыль, ничего, кроме пыли... Над планетой клубились черные облака тончайшей взвеси. Мы рассматривали планету в прибо-

ры, угадывали по горам праха уничтоженные города. Причалив к поверхности, мы едва не утонули в пыли. Пыль текла, как вода...

Однажды вечером в клубе звездолета Вера попросила нас высказаться: что делать дальше?

Теперь мы знаем, что в Галактике свирепствуют странные полусущества-полумеханизмы, воинственный, технически высокоразвитый народ, говорила она. Мы выбрались на галактические просторы и обнаружили, что они захвачены пиратами. Но еще не все ясно. Где они обитают? Для чего совершают свои нападения? И где похожие на нас существа? Мы видели их в видениях ангелов, на картинах альтаирцев, в скульптурах жителей Сигмы; но не живыми. Может, этого народа, наших потенциальных друзей, больше не существует?

Не исключено, что мы оказались зрителями последней фазы космической войны разрушителей с мирными звездожителями, и в ней погибли все противники злодеев. Это еще предстоит выяснить. Вместе с тем пора возвращаться на Землю. Нужно ознакомить людей с собранными фактами, чтоб решения были объективны.

Вера предложила разделить флотилию. Один звездолет берет курс на Землю, другой продолжает поиски звездных гнездовий раскрытых противников и неведомых друзей.

За несколько месяцев мы удалились от Солнца на пятьсот светолет и проникли в Плеяды. Следующий объект разведки, по-видимому, — скопление в Персее, до него четыре тысячи светолет. Экспедиция туда займет не один год, однако она необходима. Пока мы не узнаем, куда исчезла флотилия разрушителей, никто на Земле не вправе пребывать в спокойствии.

— Я возвращаюсь на Землю, — закончила Вера. — И вы понимаете почему: предстоят споры.

— Я готова лететь дальше, — объявила Ольга. — "Пожиратель пространства" лучше приспособлен для дальних рейсов, чем "Кормчий". Мы перегрузим к себе часть активного вещества с "Кормчего". Экипаж комплектуем из тех, кто вызовется в экспедицию.

Она сказала это так просто, словно о путешествии с Земли на Сириус или Альфу Центавра. Другие не торопились с ответом.

Я думал о Земле и Оре, и о звездах, рассыпанных вокруг Земли и Оры. Ничто особенно не тянуло меня на Землю, скорее

уж манил Плутон, но и без Плутона я могу прожить. Правда, на далекой Веге, на сине-белой Веге, где я никогда не был и вряд ли буду, осталось то, что хоть немного влекло меня назад. Но что переменится, если я поверну вспять? Нас с Фиолой соединяет лишь желание соединиться — у нас нет дороги друг к другу. Любовь наша бессмысленна — преждевременна, как полученному формулирует Лусин.

— Я лечу в Персей, — сказал я.

Ромеро и Лусин решили возвратиться на Землю. Труба Лусин брал с собой.

А потом наступил день расставания. Расставание было невесело. Вера обняла меня, я поцеловал ее. Я не был уверен, что еще увижу ее.

— Вера, все может быть в такой дальней дороге, — сказал я. — Запомни мое последнее желание: Ромеро нужно опровергнуть. Если люди не выйдут на помощь звездожилителям, грош цена человечеству.

Она с нежностью смотрела на меня сквозь слезы.

— Люди помогут всему доброму и разумному, что нуждается в помощи. Нет, Эли, человечеству не грош цена.

Последними, с кем я прощался, были Камагин и Громан. Отважные маленькие космонавты, наши предки, были взволнованы, как и мы.

— Три года назад, пятьсот двадцать земных лет, мы расстались с Землей, — сказал Камагин. — Сами мы с той поры переменились мало, Земля и люди неузнаваемы. От души желаю вам в межзвездных странствиях большей удачи, чем выпала на долю нам.

— А вам доброй встречи на Земле, — ответил я. — И доброй новой жизни на ласковой зеленой старушке, на вечно молодой Земле!

Мы с Ольгой сидели в обсервационном зале. Очертания “Кормчего” быстро уменьшались на фоне звездного неба.

— Вот мы и остались в одиночестве, — сказал я печально.

— Я не боюсь одиночества, — сказала Ольга. — Я могу лететь хоть на тот свет, только не знаю, где он находится — тот свет.

Она с улыбкой смотрела на меня. У меня было такое ощущение, словно я сделал что-то нехорошее. Я стал всматриваться в звезды.

— Эли! — позвала она тихо. — Эли!

— Да! — отозвался я, не отрываясь от неба. — Вспорем Звездным Плугом Вселенную, Ольга! И кто знает, может, нам удастся что-нибудь разузнать об Андре.

16

По графику МУМ, при скорости, в четыре тысячи раз превышающей световую, путешествие до звездных скоплений в Персее должно было продлиться свыше года. Подобных скоростей еще не достигали, но Леонид с Осимой не сомневались, что рекорд удастся.

— Один Аллан наполовину уменьшал нам ход, — доказывал Леонид. — Его звездолет — тихоня.

Теперь Леонид дал волю страсти к быстроте. Если бы уничтожаемая пустота издавала звуки, по всей Галактике разнесся бы треск разрываемого пространства. Но мы летели в великом молчании космоса. Впереди сероватой дымкой чуть проступало дивное скопление в Персее, много, много месяцев должно было пройти, пока оно из тусклой дымки превратится в скопище светил.

Все знают, что галактические просторы пусты. Одно — знать, другое — ощущать. При перелете с Земли на Ору я не чувствовал пустоты, звезды удалялись и приближались, рисунок созвездий менялся. исполинской пустотой дохнуло лишь в полете на Плеяды, день уходил за днем, неделя за неделей, мы тысячекратно обгоняли свет — за бортом все оставалось тем же. Но лишь удаляясь от Плеяд, я полностью понял, как бездонно пуста Вселенная! Уже через неделю великолепное скопление — три сотни звезд, собранных в кучу, — превратилось в такой же моточек сияющей шерсти, каким оно видно с Земли. Нет, мироздание не такое, каким оно представляется на школьной парте. Звезды, как и люди, коллективисты, они теснятся друг к другу. А вне этих звездных коллективов — безмерная “пустейшая пустота”.

И если в пустоте попадает одинокая звезда — это событие. Мы иногда встречали такие шальные звезды, чаще темные карлики, ни одного гиганта и сверхгиганта, — звезда вылетала из мрака, мы проносились мимо. Ни на одном из таких светил не было и признаков жизни.

Жизнь в Галактике — дар более редкий, чем тепло и свет.

Теперь я имел свое кресло в командирском зале, рядом с дежурным командиром. От дешифраторов информация поступала в МУМ, та отдавала команды автоматам, а я ставил механизмам дополнительные задания.

Обычно я дежурил с Ольгой, мы часами молчали, вглядываясь в звездное небо, мысленно переговариваясь с подчиненными нам машинами. Я все более узнавал другую Ольгу, не ту, что порядком надоедала мне в школе, не ту, что вела ученые разговоры в веселой компании, — спокойного, решительного, проникательного командира. Я учился у нее. Сейчас все это в прошлом, но я с радостью вспоминаю дни совместных дежурств.

Каждый день я уходил в гравитационную лабораторию. Излучения мозга разрушителей, записанные Андре, просматривались все снова и снова. Я считал эту работу главным своим делом. Раньше Андре делал все сам, мы лишь помогали ему. Мы посмеивались над его скоропалительными теориями, снисходительно одобряли его прозрения, а про себя были спокойны. Рядом с нами огромный разум непрерывно порождает и выбрасывает наружу ослепительные идеи. Он жадно ухватывает каждую загадку, бился, пока не разрешал ее, — зачем нам тревожиться? Все, что возможно сделать, сделает он, и сделает лучше любого из нас — так чувствовал каждый.

Теперь Андре не было. Исчез гениальный генератор новых идей. Его надо было заменять, хотя бы частично. У меня и в помине не было вдохновляющей легкости Андре. Но я неустанно, непрерывно размышлял — хотел заменить трудом его интуицию. Там, где он одолевал простор неизвестности двумя-тремя исполинскими прыжками, я пробирался ползком, петлял, возвращался обратно и снова полз вперед.

Во всяком случае, я был настойчив. Я сидел на диване, закрывал глаза, тысячи раз возвращался мысленно все к одной картине. Мы сжали полями слабеющего головоглаза, он отчаянно гравитировал своим: “Помогите! Помогите!” Его гравитационные призывы уходили с нормальной световой скоростью, с той же скоростью возвращались ответы. Можно вычислить по времени, разделявшему призыв и ответ, расстояние от Сигмы до крейсера, вышедшего ему на помощь. Но крейсер, летя в сверхсветовой области, раньше ночи добраться не мог — так он общал. Сколько дней или недель светового пути разделяло их? А разрушитель беседовал с крейсером так, словно тот стоял рядом.

“Что же это такое? — спрашивал я себя. — Что может двигаться в пространстве, не уничтожая его, со сверхсветовой скоростью?”

Я пытался разрешить эту загадку даже во сне. Как-то я запустил дешифратор на излучения своего мозга, и он записал, что, и сонный, я бьюсь мыслью все над тем же.

И мало-помалу, еще смутное, стало вырисовываться решение. Оно было до того просто, что я поначалу в него не поверил.

Но все пути вели в одну точку, все логические нити завязывались в один узел.

Я вышел наконец на верную дорогу. Я попросил к себе Ольгу. Она пришла в лабораторию, долго слушала, потом сказала:

— Итак, ты считаешь, что этот загадочный агент связи, мгновенно проносящийся сквозь пространство, — само пространство?

— Да, само пространство. Вернее, колебания плотности пространства. Только изменения пространства могут распространяться в пространстве со сверхсветовыми скоростями — вот моя мысль.

Ольга продолжила дальше мою гипотезу:

— Мы научились превращать вещество в пространство и получать из пространства опять вещество. Короче, мы оперируем крайними точками — создавать и уничтожать... А между ними спектр разнообразных состояний, возможно, не менее важных, чем крайние точки... Надо искать, Эли, надо искать!

От восторга я расцеловал Ольгу в обе щеки. Это было лишнее, конечно. Она растерялась, как девчонка, пойманная на шалости, хотя виноват был я, а не она.

— Не сердись, — сказал я с раскаянием. — Я от души, Ольга.

— Я не сержусь, — ответила она грустно. — Разве ты не заметил, что я не умею на тебя сердиться?

17

В этот вечер я долго не засыпал. Я думал об Андре. Он похвалил бы меня за открытие волн пространства. Я редко удостоивался его похвал, когда мы были вместе, но сейчас он похвалил бы меня, я в этом не сомневался.

Андре стоял передо мной. Я слышал его голос. Я закрывал глаза, чтоб лучше видеть и слышать его. Он ходил по комнате,

взмахивал вычурными локонами. Он был, как всегда, немного смешон и очень мил. Я говорил с ним и, стискивая зубы, плакал. Он был в беде, а я не мог помочь ему.

“Ты тяжелодум, Эли, — говорил он сердито. — Насмешливый ум сочетается в тебе с изрядной тупостью. Если бы я высказал то, к чему ты с таким трудом добрался, ты бы для начала поиздевался надо мною. Ты встречал насмешкой любую мою идею, разве не так?” — “Не так, — защищался я. — Будь справедлив, Андре, не так! Я многое принимал сразу”. — “А невидимки? — говорил он. — Невидимки, Эли? Разве ты не расхохотался, когда услышал о них?” — “Да, невидимки, — отвечал я. — Это правда, я изумился и рассмеялся. И я жестоко наказан, что не поверил в твое прозрение и не позаботился сразу о защите. Мы все наказаны, Андре, все!” — “Другие мои идеи ты высмеивал тоже, — заметил он. — Вспомни получше, Эли”.

Я стал вспоминать его идеи и теории. Их было много, час бежал за часом, бессонная ночь плелась, как старуха. Я больше не спорил с Андре, я вникал в его мысли. Я был готов принять любую из них по одному тому, что ее высказывал он. Я подводил под них фундамент, подбирал убедительные доказательства — я запоздало оправдывался перед другом.

Я вспоминал, как он блестяще обосновал удаление Гиад от всех звезд мира. Спыхальский, наверно, уже послал экспедицию проверить его гипотезу, и экспедиция доказала, что Гиады рушатся в искусственно созданный провал в космосе. Как могло быть иначе? Андре так запальчиво отстаивал эту идею, он не мог ошибиться!

А потом я припомнил его гипотезу происхождения людей, так жестоко раскритикованную Ромеро. Она стала мне дорога также и тем, что Ромеро на нее ополчился. Я хотел обдумать ее в деталях, по-серьезному обосновать.

Но доказательства не подбирались, вместо мыслей возникали картины. Я тешил себя придуманными историями, разыгрывал фантастические вариации на заданную Андре тему и упивался ими, как некогда на Земле индивидуальной музыкой. Мной овладела полудрема, полубред. Я возвратился в далекое прошлое Земли. Я вижу дикие леса, каких давно не существует. У подножия холма лежит на боку космический корабль. Из разорванного его чрева вываливаются лестницы, бочки, ящики, незнакомые механизмы. По небу мчатся растрепанные тучи.

Дико кричат обезьяны. Влажная жара тяжело повисла в воздухе придуманного мною уголка земли.

На холм взбирается старик, я точно такого же видел на стереозэкране в Оранжевом зале. Второго я не знаю, я его придумал. Впрочем, он похож на того, убитого, с картины альтаирцев.

“Ну и попали! — говорит первый из молодых. — Надо же было так удариться! Ремонт займет тысячи две местных лет. Лаборатории мы захватили, но заводы остались дома”. — “Нужны помощники, — говорит второй. — Нас двадцать, на все не хватит рук. А здешние существа, кажется, доросли лишь до того, чтобы прыгать с ветки на ветку. Они работают клыками, а не мозгами”.

Старик успокаивает их. В общем, получилось неплохо. Удалось выбрать планету, похожую на их собственные: здесь сносные температуры, умеренная гравитация, в атмосфере имеется кислород, много воды и зелени. Уже одно то, что можно ходить без защитных костюмов, чего-нибудь да стоит! А заводы — что ж, и заводы можно построить... Примитивные, конечно.

“Без помощников?”- “Будут помощники. Посмотрите на этих хвостатых существ, орущих в листве. Когда-то и мы начинали развиваться с подобных им. Миллионов через пять здешних лет и они самостоятельно разовьются в подобных нам. Почему бы нам не подтолкнуть процесс эволюции?” — “Сколько на это требуется лет, подумай! — говорит второй. — Мы не бессмертны. Половина из нас перемерет здесь”. Он, конечно, не догадывается, что ему суждено погибнуть в другом месте. “Будем торопиться. Я, наверно, не доживу до отлета, но вы покинете эту планету”.

И вот они берутся за дело. Одни ищут руды, другие заделывают пробоины и налаживают механизмы, третьи отлавливают обезьян и экспериментируют с их генами. Сразу вывести подобных себе не удастся, обезьяны не тот народ, что в одно поколение вырастают в богов. Кое-что получается, еще больше провалов. Удалось убрать хвост, выпрямить спину, укоротить руки — вот он, получеловек-полузверь, нет, не подойдет, у него мала способность к самоусовершенствованию.

Наконец появляется настоящий человек, сразу все варианты — черные и белые, курчавые и прямоволосые, пигмеи и гиганты. На этот раз, кажется, вышло, нет, и на этот раз не выходит! Я слышу спор галактов. У них производственное совещание — обсуждают творение человека.

“Разве это человек? — возмущается один. — Поглядите на чертеж — что общего между замыслом и осуществлением? На бумаге — человек, а за той загородкой — зверь! Я протестую против такой работы!”

“Ближе к делу! — требует председательствующий. — Какие у вас конкретные возражения? Так мы проболтаем до рассвета!”

“Тысячи возражений! Первое — абсолютная непригодность к жизни. Он без шерсти, без когтей, без клыков, без рогов. Как ему добывать пищу, как передвигаться, как защищаться? Поглядите на его пальцы, это же сучки, а не пальцы, разве они похожи на наши? А глаза? Какие-то щелки, а не глаза. Мне страшно смотреть на него, а вы твердите — по образу и подобию!”

“Все же он подобен нам, — говорит старик. — Подобен, но не тождествен. Вы забываете о главном — в человеке осуществлена поистине грандиозная возможность к усовершенствованию. Посмотрите таблицу способностей, рассчитанную машиной. Если у собаки принять способность к усовершенствованию за единицу, то не найдется ни одного животного, у которого она поднялась бы выше десяти. А у человека она равна 1 595 660 800! В миллиарды раз выше, чем у любого животного! В сотни раз выше, чем у нас с вами! Я считаю, что мы создали чудо разума!”

“Пока это чудо глупости и непригодности, — зло кричит кто-то. — Ваш разумный человек — дурак. Я пытался внушить этому голому дикарю понятие о некоторых матрицах тяготения, он хлопал зенками и скулил. Тогда я подвел его к корыту со жратвой — и посмотрели бы вы, как он кинулся. Тут он не хлопал глазами. Пройдут миллионы лет, прежде чем ваше чудо природы сообразит, что у него есть кое-какие способности. Предлагаю отклонить предъявленную нам модель и продолжать поиски”.

“Голосую предложение — человека не утверждать, — говорит председательствующий. — Другие предложения имеются? Вроде нет. Кто за? Против? Воздержался? Итак, человек отвергается всеми голосами при одном воздержавшемся. Какие будут пожелания к новой модели, которую предстоит запустить в работу?”

Снова поднимается первый галакт.

“Мне думается, не стоит гоняться за внешним подобием, практически оно не выдерживается и превращается в уродство.

Нам нужны не сверхъестественные способности, а реальная жизнеспособность, быстрая сметка, цепкая хватка! Предлагаю новую модель сотворить с максимальной приспособленностью к любым условиям жизни”.

“Возражений нет? Принято, — говорит председательствующий. — Секретарь, пишите: снабдить следующую модель шерстью, когтями, клыками, рогами, копытами... что там еще? Хвостом, чтобы цепляться за ветки... Как назовем модель? Там, в углу, — я слушаю вас”.

“Свободна буква “д”, — доносится голос. — Может, так: дурень, дурман, дьявол...”

“Дьявол” звучит неплохо, — решает председатель. — Итак, запускаем в производство дьявола на базе неудавшегося человека. Остается решить последнее — что делать с сотворенными людьми?”

“Истребить! — слышатся голоса. — В землю! К чему плодить незащищенных уродцев?”

Против этого опять протестует старик. Он напоминает разбушевавшемуся собранию, как много благородных начал вконструировано в человеческий мозг. Пусть люди проходят свой нескорый путь усовершенствования. Им много дано, из них много получится.

“Не нами! — шумят в зале. — Нам они ни к чему!”

“Резон тут есть, — говорит председательствующий. — Истреблять людей не стоит. Если добрая основа, заложенная в них, разовьется, человек устоит в жестокой борьбе за существование. А возьмут верх недоработки, что же, жалеть о гибели этой модели не придется”.

И вот людей изгоняют из аварийного лагеря небесных инженеров и ученых, из рая, где обезьяну переконструировали в человека. Отныне он будет рождаться в муках, трудиться в поте лица своего, изнемогать под бременем забот и болезней.

А взамен появляется усовершенствованная модель — умный, ловкий, работающий дьявол. Тут уж нет сомнений — модель удалась. Хвостатое и рогатое существо — мастер на все руки: и скачет, и пляшет, и прыгает с ветки на ветку, и ныряет в воду, и проползает в земные расщелины. Его можно видеть в лесу и в поле, у моря и у кратера вулкана, он особенно любит эти местечки с их серным дымом и пламенем, ему там тепло и ароматно. Старательный и услужливый, истинный черт своего

бога, он насмехается над неудачами изгнанных в самостоятельное существование людей, а те мстят ответной ненавистью — не дай бог черту попасть в человечесьи лапы: мигом разорвут в клочья!

И когда галакты наконец выправляют поломки корабля, они прихватывают с собой и дьяволов: у тех встает дыбом шерстка при мысли, что придется остаться один на один с неудавшейся людской породой.

“Прощай, неустроенная планета! — торжественно говорит старик. — Верю, что зароненное нами зерно даст плоды. Хоть я и дожил до возвращения, но до яркого твоего расцвета, человек, не доживу. Живи и совершенствуйся!”

Он машет мне рукой, этот добрый старик, а я в ответ смеюсь, до того забавны придуманные мною картины. И тут меня охватил стыд. Я намеревался обосновать мысли Андре, доказать их правдивость, а вместо того иронизировал над ними.

Не может быть, чтоб здесь все было неправильным, сказал я себе с раскаянием, Андре преувеличивал, но не заблуждался. Я вызвал МУМ.

— Проанализируйте мысли о галактах, некогда переконструировавших обезьяну в человека. Проверьте все картины, возникшие в моем мозгу, и дайте им оценку. Только, пожалуйста, одним словом. Не люблю ваших “с одной стороны, с другой стороны”...

МУМ ответила одним словом:

— Чепуха.

— Ну, хорошо, пусть не одним словом, — сказал я. — Может, годится хоть для грубой гипотезы?

На этот раз МУМ ответила так:

— Годится для фантастической повести.

Я вспомнил, что другая МУМ, на Оре, точно так же оценила эту идею Андре. С моей стороны не было никакого издевательства над его памятью. Успокоенный, я заснул.

18

Весь тот год, что мы летели к двойному скоплению Персея, я был погружен в исследования свойств пространства.

Я не буду описывать подробности опытов. Неудачи и успехи зафиксированы в памяти МУМ, пусть обратится к ней, кто заинтересуется. Важно одно: эксперименты установили,

что колебания плотности пространства подчиняются волнообразным законам. Мы получали сферические волны, конические, цилиндрические — кинжальный луч, пронзающий простор. И лишь один из законов колебательных движений не оправдывался для волн плотности пространства — они распространялись всегда со сверхсветовой скоростью. Световой барьер был для них низшей границей. Мы получали волны пространства, в миллионы раз более быстрые, чем свет, а можно было идти и выше. Сам свет являлся предельным случаем волн пространства, этим объяснялось его загадочное постоянство в движущихся системах.

А когда открытие было изучено, мы смонтировали цех новых машин — генераторы волн пространства, приемники и дешифраторы депеш, передаваемых этими волнами.

Теперь мы могли принять любое возмущение — от околосветовых, когда пространственная волна шла на низком уровне, готовая превратиться во вспышку света, и до высоких, со скоростями, в миллиарды раз превышающими световую. Отныне разрушители не могли подкрасться к нам незамеченными. Они оставались невидимыми в оптике, но не в пространственных волнах. Борьба слепого со зрячим перестала грозить нам.

И теперь я снова удивился, до чего высокая организация у этих чудовищных существ, что были названы разрушителями: сердце у каждого было не только гравитационным орудием, но и совершенной станцией волн пространства.

Ольга мечтала о создании диспетчерской службы звездоплавания.

— Ныне звездолет отчалил и пропал, ибо он движется быстрее света. Вскоре диспетчер на Оре будет знать состояние любого звездолета, сколько бы тысяч светолет ни разделяло их. Отдавать команды кораблям в другой край Вселенной, немедленно получать ответы — голова кружится, так это грандиозно!

А я вспоминал Андре, тосковавшего о Жанне и не увиденном им Олеге. Нет, сколь радостней была бы его жизнь, умей он сноситься с дорогими ему людьми! Нигде не чувствовать себя непреодолимо отрезанным от близких, быть здесь, в новом мире, и мгновенно переноситься туда, в мир старый, — разве не осуществляется в этом мечта о вездесущности?

— Слушать Землю! — сказал я. — Видеть Землю! Везде быть с Землей!

А затем произошло то, что уже не раз происходило в нашей галактической одиссее и что должно было стать привычной и скучной картиной, но вместо этого каждый раз представало неожиданным, грандиозно-прекрасным явлением.

Двойное скопление звезд Хи и Аш Персея, тусклая дымка, долгий год не менявшая ни формы, ни размеров, ни яркости, вдруг ожила и пошла в рост. Скопление менялось на глазах, менялось ежедневно, потом ежечасно, росло, раскидывалось, звезды в нем укрупнялись, наливались сиянием.

Наступил час, когда передняя полусфера была вся заполнена светилами Персея, лишь позади оставались посторонние звезды. А потом наступил и их черед исчезнуть, скопление, расширяясь на вторую полусферу, расступалось перед нами. Дежуривший в этот знаменательный час Осима стал сбрасывать скорость.

Мы вторглись в пределы одного из величайших звездных скоплений Галактики. Оно явственно распадалось на два коллектива звезд. Небо по экватору сферы прорезала темная полоса, делившая эти группы; светил и в темной полосе было, однако, больше, чем на любом участке земного неба. Направо разворачивалось скопление Аш, налево — скопление Хи, тысячи гигантских звезд. Небо пылало кострами — я различал буквы в формулах в сиянии сверкающего неба Персея. Здесь никогда не бывает глухих земных ночей с тускло мерцающими льдинками наверху, даже в затемненных залах предметы становились отчетливыми, когда на экранах вспыхивали звездные прожектора.

Несколько дней никто на звездах не показывал, что мы замечены, ничьего присутствия мы не открыли.

А затем приемники волн пространства уловили слабые импульсы.

Периодически налетающие сгущения и разрежения пространства складывались в одну и ту же, сызнова повторяющуюся фразу. Мы предположили, что это вопрос: "Кто вы такие?" — именно об этом в первую очередь должны спросить неизвестные корреспонденты. Дешифраторы, приняв за основу такое чтение, дали набросок кода. Стало ясно, что мы сумеем объяснить с незнакомцами, колеблющими пространство сигналами.

Я уже хотел наладить связь, но Ольгу страшило, не провоцируют ли нас противники на откровенность. Может случиться,

что мы передадим в руки врага тайны защиты от них.

— Чепуха! — сказал я, и со мной согласился Леонид. — Разрушителям невыгодно показывать, что мы замечены, их орудия действуют на ближней дистанции — они постараются подпустить нас поближе. Кто бы ни искал с нами связи, это не враги.

В качестве основы нашего кода мы, как и наши предшественники при встречах с разумными существами, взяли таблицу элементов. В последующие дни генераторы пространственных волн передавали ее по всем направлениям, откуда приходили сигналы. Я не сомневался, что, когда мы закончим сообщения, начнут они.

И сразу же после наших передач в пространстве понеслись новые волны плотности, но не речь к нам, а, скорее, переговоры между собою. Неизвестные существа запрашивали и отвечали, в чем-то убеждали друг друга — так, во всяком случае, мне представилось. Звезда разговаривает со звездой: согласовывают отношение к нам, думал я, разглядывая записи возмущений плотности. Мы углублялись в скопление, стократно обгоняя свет, а вокруг тревожно пульсировало пространство, споря, кто мы такие.

— Мы поворачиваем влево, — сказала Ольга, когда мы вместе вышли на дежурство. — Будем исследовать скопление Хи, оно вроде плотнее звездами, чем скопление Аш. Есть что новое, Эли?

— Пока нет. Таинственные переговоры продолжаются. Но мы записываем все возмущения пространства и, когда расшифруем язык передач, сможем прочесть, о чем шли беседы.

В этот день звездожители снова непосредственно обратились к нам, я понял это, взглянув на запись. Они перечисляли элементы таблицы Менделеева, повторяя то, что недавно генерировали мы, но уже на своем языке. Дешифраторы превратили первый набросок кода в ясную расшифровку. Теперь у нас был общий язык.

А затем я продиктовал одобренную экипажем телеграмму: “Мы идем издалека. В созвездии Плеяд нас атаковало восемнадцать космических кораблей. Видели ужасные разрушения на планетных системах, где имела развитая жизнь”.

Ольга и я находились в лаборатории волн пространства, когда была принята новая депеша. Дешифраторы звездожителей работали не хуже наших. Корреспонденты, пытавшиеся нала-

дить с нами связь, передали ответ: “Вас поняли. Немедленно поворачивайте обратно. Вам грозит гибель. Вырывайтесь на полной мощности”.

Потрясенный, я молча глядел на Ольгу. Она побледнела.

— Как это понимать?.. — начал я, но не кончил. По кораблю разнесся сигнал боевой тревоги. Леонид и Осима требовали Ольгу и меня в командирский зал.

20

Когда объявляется боевая тревога, полная информация о положении, в спокойное время доставляемая лишь в командирский зал, передается каждому члену экипажа, и МУМ непрерывно суммирует и обобщает все мнения. В эти часы командиром становится коллектив и номинальный командир корабля обладает властью лишь в той мере, в какой выполняет коллективную волю экипажа.

Леонид был мрачен, но спокоен. Осима казался расстроенным. Мы с Ольгой заняли свои места, и Осима объявил:

— Мы шли на скорости в сто десять единиц. Я приказал автоматам затормозить на двадцать процентов. Когда они выполнили программу, оказалось, что скорость не восемьдесят девять, как следовало бы, но девяносто шесть. Вокруг нас само по себе исчезает пространство примерно на семь световых единиц.

— Сейчас нужно срочно решать, что делать дальше, — сказала Ольга. — Продолжать углубление в звездную гущу или вырываться назад, как советуют неведомые друзья?

— Или враги, — возразил Леонид. — Я не уверен, что депеша от друзей. Я предлагаю продолжить рейс.

МУМ передала, что экипаж поддерживает Леонида. Было обидно после долгого путешествия бежать неизвестно от чего. Даже новая депеша загадочных корреспондентов: “У вас еще есть время спастись! Вы катитесь к гибели!” — не поколебала нас. Я передал наш ответ: “Продолжаю рейс. Объясните, в чем усматриваете опасность?”

— А пока они соберутся с мыслями, давайте сами дознаемся, что происходит, — сказала Ольга. — Придется варьировать скорость. Для начала добавим единиц тридцать.

Когда автоматы завершили заданную программу, мы шли на ста двадцати единицах. Дополнительного исчезновения пространства не наблюдалось. Если раньше кто-то стремился убы-

стричь наш полет, то нынешняя скорость звездолета его удовлетворяла.

— Снова сбросим эти тридцать единиц, но по этапам, — скомандовала Ольга.

На перевале через стократную световую скорость появились признаки постороннего воздействия. По мере того как мы тормозили, постороннее воздействие увеличивалось. Собственная скорость звездолета уменьшилась до шестидесяти единиц, суммарная скорость равнялась семидесяти пяти, на пятнадцать дополнительных единиц нас что-то прищпоривало.

Некоторое время мы неслись с этой сложной скоростью — не сбрасывали собственной, нам не увеличивали дополнительной. “Разрушители сжимают мир”, — вспомнил я сообщение, переданное Спыхальским на Землю. Вот оно, их сжатие мира, думал я. Они вычерпывают собственное звездное пространство, чтоб подтянуть нас на дистанцию гравитационного удара. Они рискуют нарушением космического равновесия своего мирка, лишь бы расправиться с противником.

— Полностью заглушить аннигиляторы хода, — скомандовала Ольга.

Вскоре ни одного альберта не расходовалось на движение.

Но звездолет продолжал лететь со скоростью в двадцать пять световых единиц. Кто-то энергично пожирал разделявшее нас пространство.

Приемники уловили новое сообщение. На этот раз оно было расшифровано с трудом. Появились помехи, одна волна плотности перебивалась другою. “Попали конус сжатия... опасность... стяжение до тридцати двух световых... есть еще время... окраина... всей мощностью выброситесь... беспощадные... к сожалению, бессильны... возвращайтесь...”

— Совет их ясен, — задумчиво сказала Ольга. — Они рекомендуют выбираться, пока еще есть время и мощностей хватает.

— И враг, притягивающий нас к себе, забивает их передачи, чтоб до нас не дошли советы друзей, — добавил я.

— Лично я считаю, что надо делать обратное тому, чего добивается враг, — продолжала Ольга. — Я бы все-таки выбралась пока из скопления. Возвратиться мы всегда сумеем.

Леонид с раздражением заговорил:

— Не понимаю, что тебя страшит? В депеше сказано, что предел стяжения пространства — тридцать две световые едини-

цы. Мы же развиваем пять тысяч единиц! Если понадобится, мы прорвемся сквозь их десятикратный заслон, как носорог сквозь парусину.

Леонид, когда с ним спорят, легко впадает в неистовство. Его черная кожа сереет, глаза становятся белыми, рот хищно раскрывается. И если имеется много возможностей, он выберет ту, что всего ближе к драке. В древности он был бы полководцем воинственного племени. В битве его охватывает вдохновение.

Ольга повернулась ко мне.

— Эли, а волны пространства?

Я понимал, что ее тревожит. Если мы погибнем, то погибнет и наше открытие, так нужное человечеству. Сколько времени пройдет, пока до него доберутся другие? Человечество станет выше на голову, когда воспользуется тем, чем мы у себя уже свободно пользуемся, — имеем ли мы право безрассудно рисковать его благом? Но кто доказал, что риск наш безрассуден?

— Я тоже за продолжение экспедиции.

— Пусть снова решает МУМ, — сказала Ольга.

МУМ сосчитала, что лишь командир звездолета за возвращение назад, все остальные члены экипажа требуют продолжения рейса.

— Мне остается подчиниться, — хмуро сказала Ольга.

Мы бурно устремились в центр звездного скопления Хи.

21

Я хорошо помню свое состояние во время вторжения в гущу гигантской звездной кучи. Я и понятия не имел тогда, что рискованная наша экспедиция едва не закончится трагически для звездолета, а сам я на долгие месяцы превращусь в инвалида. Но на душе у меня было невесело.

Я сидел с краю, рядом Леонид, впереди Ольга и Осима. Скорость корабля нарастала, и все вокруг плавно менялось. Звезды сверкали, как маленькие луны. У особенно ярких светил можно было наблюдать корону. Плотность звездного населения в скоплении в сотни, если не в тысячи раз превышает ту, к какой мы привыкли в районе Солнца. Но все это великолепие было грозно: таинственной опасностью веяло от величественной картины.

Мои размышления прервала Ольга:

— Траектория звездолета направлена на светило, видимое под углом сорок пять градусов.

Она указала на звезду, сверкавшую впереди и сбоку. До нее было несколько светолет, но яркостью она превышала все остальные звезды. Это был типичный красный сверхгигант. А рядом виднелись другие звезды, послабее, — вместе они составляли компактную группку.

— Уважаемая МУМ наврала, — откликнулся Леонид. — Я и не думал прокладывать курса к той звезде. Она остается в стороне.

Я рассматривал звезду в умножитель. У нее имелось три планеты. Все три интенсивно блистали. Анализаторы определили, что планеты не каменные, а металлические.

В пространстве разыгрывалась свистопляска возмущений плотности. Кто-то без устали генерировал волны, кто-то с энергией забивал их. Дешифраторы не смогли разобраться в путанице сообщений и помех. Одно лишь многократно повторенное слово “Нельзя! Нельзя!” — удалось выудить из хаоса.

— Неведомые друзья отчаянно пытаются донести до нас какое-то сообщение, неведомые враги бешено противодействуют, — сказал я.

— Несомненно, сообщение их связано с той звездой, — откликнулась Ольга. — Она уже под углом в тридцать пять, а не сорок пять градусов. Нас сносит на нее, а кто-то предупреждает, что идти к ней нельзя.

— Назовем ее Угрожающей. Название ей соответствует.

Леонид, убедившись, что МУМ не ошибается, выправил курс. Теперь Угрожающая убегала назад. Я задремал в кресле.

Когда я проснулся, раздраженный Леонид препирался с Осимой.

Оказалось, впереди раскрылась кучка звезд, белые и красные гиганты такой же неистовой светимости, что и Угрожающая. Нас сносит к ним при полностью выключенных аннигиляторах, пространство между нами интенсивно уничтожается. МУМ установила, что мы попали в область высокой кривизны и движемся по геодезической линии в неизвестную точку. Кривизна пространства непостоянна, похоже, таинственные наши враги свободно меняют ее, то увеличивая, то уменьшая.

— Надо повернуть и прорваться сквозь кривизну, — настаивал Леонид. — Когда мы разнесем в прах их криволинейную

метрику, они прекратят попытки диктовать нам направление полета.

— Я более высокого мнения об их возможностях, — возразила Ольга. — Но у нас нет другого выхода, как круто отвернуть в сторону.

Пока Леонид с Осимой отдавали команды, Ольга продолжала разговор со мной:

— Боюсь, мы попали в затруднительное положение, Эли. Что разрушители глубже нас проникли в природу тяготения, я знала. Но что они меняют метрику мирового пространства — для меня неожиданность. Мы пока и мечтать не можем о чем-либо подобном.

— Ну, не мирового, а лишь своего межзвездного. В их красочном скоплении так много вещества и так мало пространства, что не стоит большого труда устроить любую кривизну в любом месте.

Я и сам понимал, что объяснение мое легкомысленно.

Искусственная кривизна была взорвана аннигиляторами звездолета. Разинувшая на нас пасть звездная кучка — я назвал ее Недоброй — покатила вправо. Анализаторы показывали, что пространство на новой трассе мало отличается от Евклидова.

Леонид ликовал. Наш корабль недаром назван Звездным Плугом. Он мощными бороздами вспарывает космос, все конструкции и структуры пространства, называемые метрикою, трещат, когда он движется напролом.

Ольга рассердилась на него:

— Я не уверена, что криволинейность нами уничтожена!

— Ты споришь против очевидности, Ольга!

— Нисколько. Возмущения метрики пространства производятся, очевидно, сверхгигантскими механизмами. Предположи, что механизмы остановлены, когда мы изменили курс.

— Но почему? Ты способна объяснить — почему?

— Во всяком случае, догадываюсь. Мы свернули как раз туда, куда нас увлекают, и теперь достаточно прямолинейной дорожки, чтобы попасть в западню.

Даже Леонида проняло. Замолчав, он мрачно уставился вперед. Впереди было пылающее крупными светилами черное небо. Такое же небо было и слева, где осталась Угрожающая, и справа, откуда мы бежали, чтоб не угодить в созвездие Недоброе.

— Идите отдыхать, — сказала Ольга Леониду и мне. — Пройдет немало часов, пока выяснится, что нас ждет на новом пути.

Мы пошли в столовую. Леонид набрал холодное молоко и бутерброды с яйцами, я выстукал салат и квас. Мы ели молча, погруженные в невеселые мысли. За наш столик уселись два механика из отделения аннигиляторов. Леонид сказал:

— Эти чертовы разрушители хитрее, чем я о них думал.

— Они заставят нас израсходовать запасы активного вещества, — заметил один из механиков. — Вы слишком часто меняли сегодня режим хода.

— Вы принимали решение со мною, — зло сказал Леонид. Он так сверкнул глазами, что я встревожился, не начнется ли ссора.

Второй механик в разговор не вступал, но было ясно, что он поддерживает товарища. Леонид ушел к себе. Сомневаюсь, чтоб ему хорошо отдыхалось.

Я бродил по кораблю. В обсервационном зале было полно свободных от дежурств астронавтов. Меня окликнули. Я был допущен в командирский зал и нес свою долю ответственности за то, что совершалось там.

— Ребята, ситуация вам ясна, — отвечал я на посыпавшиеся вопросы. — Нас крутит меж этих чертовых звезд.

МУМ потребовала нового решения. Скопление Хи складывало свои тысячи звезд из тесных кучек в десяток-другой светил. Нас снова сносило на одну из кучек. Анализаторы фиксировали исчезновение пространства на трассе и значительное искривление его. Ольга просила санкции на перемену курса.

Сидевшие в зале молчали. МУМ, суммировавшая наши настроения и мысли, доложила, что экипаж поддерживает командира.

Третье изменение курса воздействовало на всех сильнее, чем первые два. Даже оптимисты стали понимать, что происходит неладное.

Я ушел в парк и опустился на скамью. В парке шла весна, нарядная, как на Земле. Семь времен года расцвели и отшумели с того дня, как я опустился на ракетодром этого корабля, — всего семь времен, неполных два года, а мне представлялось, будто столетие прошло во мне, так все переменялось. Надо мной цвела, капая клейковиной с листьев, высокая березка, на

земле очерчивался влажный круг. В кривой, низенькой яблоне, в белых вишнях и абрикосах мерно, как заведенные, гудели пчелы. Закрыв глаза, можно было спутать деревья с запущенным аннигилятором, тот гудит тем же ровным бормочущим гудом. Мне стало душно от неподвижного запаха цветущих деревьев, от сирени, обступившей пруд, от терпкого аромата каплющей березки, я мысленно попросил ветерка, ветерок пронесся, шумя ветвями и травой, все вблизи тонко запело, закачалось, жарко задышало, ароматная духота унеслась, и я открыл глаза на маленький мирок сада, так совершенно имитирующий далекую Землю.

И тогда я почувствовал, что сам стал горек, как березка, я ощутил свой собственный аромат и вкус, словно прикоснулся к себе жаждущими губами, но я был сух и бесплоден, меня не обсыпали пчелы, лишь мысли мерно гудели во мне, как большие аннигиляторы Танева во чреве галактического корабля...

— Какая чепуха! — сказал я, потрянув головой, чтоб сорвать опутавшую меня паутину расслабленности. — Какая чепуха!..

Я пошел к себе. Надо было по настоящему отдохнуть, не раскисая. Весна сейчас не для нас. Я предпочел бы суровую зиму наших предков — темные холода, пронзительные, острые ветры. Свирепые погодки ближе отвечают создавшейся обстановке.

Я задремал, и меня разбудил вызов. Леонид требовал меня в командирский зал. За несколько дней, что мы провели в Персее, он похудел, как в старину худели лишь от болезней. Голос его дрожал от ярости. Он ткнул пальцем в звездную сферу:

— Нас вторично несет на Угрожающую! Мы замкнули круг в этом чертовом скоплении!

22

Слова его я воспринял сразу, но значение их оценить быстро не сумел. В то мгновение я лишь отчетливо понимал, что Леонид вне себя и в таком неистовстве командовать кораблем не должен.

— Подумаем, а потом будем решать, — посоветовал я. И, водя биноклем по сфере, нарочно не торопился, чтоб дать ему время успокоиться.

В оптике разворачивалась картина, похожая на ту, что мы видели, когда впервые пролетали мимо Угрожающей. Как и тогда,

мы отстояли от жгуче пылающей звезды на месяцы светового пути. В сверхсветовой области пространство было прозрачно. Если враги и готовили нападение на нас, то они не спешили.

— Нужно поворачивать, — сказал Леонид. — Куда поворачивать? Что это даст? Сколько будут продолжаться наши блуждания среди звезд?

Он рассказал, что в дежурство Ольги с Осимой опять началось искривление пространства, каждый час метрика становилась другой. В результате курс насильственно искажен и, вместо того чтоб оставить Угрожающую далеко справа, корабль устремился ей в лоб.

— До нее еще далеко, — заметил я. — Есть срок подумать.

Леонид остановил аннигиляторы хода. Теперь мы летели лишь потому, что кто-то впереди уничтожал пространство. Суток через трое, если ничего не изменится, мы, не тратя ни грамма энергии, прямехонько влетим в планетную систему Угрожающей.

— Если я дам обратный ход, их аннигиляторы не удержат нас, — сказал Леонид.

— Нас и не будут удерживать. При обратном ходе мы возвращаемся в центр скопления, зачем же нас удерживать? И еще одно ты забываешь, Леонид. Аннигиляторы у них, пожалуй, слабее наших, зато они легко меняют метрику и наносят неотразимые гравитационные удары. Если все их умения соединятся в один выпад, нам не поздоровится!

В зале появились Ольга с Осимой. Время было слишком тревожное, чтобы соблюдать чередование дежурств. Ольга и раньше не сомневалась, что нас вынесет на Угрожающую.

— Их план ясен. Они будут мотать нас меж звезд, пока не истощатся запасы, питающие аннигиляторы. А тогда подтянуть нас под удар какой-либо планетной системы будет просто.

— Если враги не торопятся, то и нам нечего пороть горячку, — сказал я. — Мы примчались в Персей, чтобы узнать о них побольше, пока же только удираем то от одной, то от другой звезды. Давайте продолжим курс на Угрожающую и рассмотрим, что это за штука.

— Резон тут есть. Но и опасности есть. Попробуем все же.

Всю эту ночь и половину следующего дня звездолет с отключенными аннигиляторами неся на зловещую звезду.

“В оптике крейсера противника”, — передала в полдень МУМ.

Я рассматривал в умножителе металлические планеты.

Две внутренние были свинцовые, третья, наружная, блистала оболочкой из золота. Поле тяготения вокруг Золотой планеты в тысячи раз превосходило то, какое было бы, если бы она вся состояла из золота: ядро планеты, видимо, было из сверхплотной плазмы. Над Золотой планетой, словно ее спутники, кружили корабли противника. Это были точно такие же чудовища, как и те, что атаковали нас в Плеядах. Крейсеров было десять.

Еще внимательней, чем Золотую планету, я рассматривал две внутренние. Они были мне знакомы. Картины этих планет Андре расшифровал в предсмертных видениях головоглаза. Унылая металлическая равнина, металлические горы, металлические сооружения, похожие на здания... Где-то там, в мертвых свинцовых полях, в глубинах свинцовых недр, томятся пленники. Может, и Андре среди них...

— Автоматы зафиксировали все, что можно разглядеть. Пора поворачивать, — сказал Леонид.

Он пустил аннигиляторы на обратный ход. Некоторое время мы висели неподвижно, борясь с всасывающим действием Золотой планеты — именно от нее исходили силы, уничтожающие пространство, две свинцовые на этот процесс не влияли, — потом вырвались из пропасти, куда нас втягивали.

Спустя короткое время мы мчались на тысяче световых единиц. Ольга сделала замечание Леониду. Среди густо сбившихся звезд такие скорости небезопасны. Леонид огрызнулся:

— До любой из звезд — месяцы светового пути. Надо уйти подальше от этих металлических планет. И вообще из этого скопления!

— Еще недавно ты рвался сюда, — напомнила Ольга. — Наконец-то ты понял, что мы не подготовлены для путешествия в этом опасном скоплении. А ты, Эли?

Я думал о том, что надежда легко найти Андре в звездном гнездовье наших врагов была наивна. Он, конечно, жив, его похитили не для того, чтоб уничтожить, но он мог быть на любой из тысяч планет — как узнать на какой? Не то что сразиться со всеми планетами, просто облететь их на одном звездолете невозможно.

— Я за возвращение, — сказал я.

— Запросим мнение экипажа и подумаем: каким путем вырваться? — сказала Ольга. — По-моему, наилучший район — Угрожающая, за ней пустой космос, откуда мы прибыли.

Леонид повернул корабль обратно на Угрожающую. Он повеселел. Как и всегда в часы больших испытаний, его охватило боевое вдохновение.

— Мы так промчимся мимо этого зловредного светила, — сказал он, — что никто из них и не моргнет глазоголовками. Я собираюсь побить собственные рекорды скорости.

Он начал разгон издалека. Один за другим оживали аннигиляторы хода. За нами вился широкий шлейф газово-пылевой туманности. Параллаксометры показали скорость в три тысячи световых, потом четыре — воистину, мы били собственные рекорды.

Угрожающая, вырастая, сверкала слева. Мы прорывались мимо нее не рейсовым ходом, а пронзительным ударом в пять тысяч световых единиц. У меня пересохло во рту, громко билось сердце. Даже хладнокровный Осима непроизвольно вскрикивал. Лишь Ольга молча глядела на летевшую к нам сбоку Угрожающую.

Мы побеждали, это было ясно! Угол на Угрожающую увеличивался, она уже не неслась навстречу, а отходила в сторону. Я готов был закричать “ура!”, но в этот момент МУМ передала о бурно нарастающей кривизне. С каждой минутой кривизна увеличивалась. Звездолет по-прежнему уничтожал миллионы кубических километров пустоты, сжигая ее в золу космического газа и пыли. Но все это совершалось внутри непонятной нам метрики, далекой от Евклидовой. Мы не вырывались наружу, а круто поворачивали по продиктованной нам кривой.

Угрожающая отходила назад, теперь она была перпендикулярна оси полета. Зато во вращение пришли другие светила, звездная сфера поворачивалась. Точка, куда мы устремились, вырываясь наружу, была уже не впереди, а позади. Мы описали около Угрожающей гигантскую полуокружность и ворвались обратно в центр скопления.

Леонид ударил кулаком по креслу. Лицо его дико перекопилось.

— Они сильнее! — рычал он. — Они сильнее нас!

Ольга схватила его за плечо.

— Стыд! Немедленно прекрати истерику! Они не сильнее нас, но мы безрассудны!

Ее окрик подействовал отрезвляюще не на одного Леонида. Почти у всех нас сдали нервы. Еще никогда мы так не форсировали мощности, а нас даже не отшвырнуло — просто повернуло.

— Я требую спокойствия! — властно сказала Ольга. МУМ донесла ее настояние до экипажа. — Положение осложнилось, но не безнадежно. То, что не удалось около Угрожающей, может удалиться в другом районе. У нас есть последняя возможность — прорываться с боем!

Звездолет, завернув вокруг Угрожающей, вторично несся в созвездие Недоброе, откуда мы поспешно удирали. Между созвездием Недобрым и развернувшей нас обратно Угрожающей густо пылали рассеянные звезды — такой представилась нам картина этого участка сферы.

Вскоре обнаружилось, что нас вовлекали не все звезды. От некоторых вырывался гигантский конус аннигилирующего пространства, засасывающего звездолет. Мы поспешно уходили от этих активных светил. Недоверие к ним превратилось в боязнь, когда вокруг одного мы обнаружили систему таких же металлических планет, как вокруг Угрожающей, а на планетах — крейсера. Нас подтягивали поближе для нанесения удара по звездолету — сомнений не было.

Зато встречались и другие светила. Они не стремились засосать нас к себе. У этих светил тоже встречались планетные системы, но планеты походили на наши солнечные, а не металлические шары. Мне показалось, что на одной из них я вижу города.

— Надо прорываться в районе неактивной звезды, — решила Ольга. — Нам будут мешать, и придется действовать похитрее.

Враги не хуже нас соображали, чего мы хотим. Они поймали нас в звездную мышеловку и не собирались выпускать. Они меняли кривизну межзвездных просторов с непостижимой легкостью и энергией. Нас даже не подпустили к неактивным светилам — к ним не было прохода в пространстве. Мы нацеливались на них, но пролетали мимо.

А когда нас выворачивало в сторону, впереди опять появлялась зловещая активная звезда и мы различали вокруг нее металлические планеты и флотилии космических крейсеров.

Ольга проанализировала тактику противника:

— К неактивным звездам они закрывают дорогу весьма решительно — очевидно, здесь существует реальная возможность выхода наружу. Но к активным светилам присасывают, в общем,

без особой энергии. Очевидно, они поджидают, когда мы выдохнемся. Нам надо сыграть на их ожидании и повернуть их план против них.

— Что ты придумала, Ольга?

— Скоро увидишь, Эли.

Приемники продолжали ловить возмущения пространства, одну передачу удалось частично расшифровать: “Продолжайте... Не безграничны заслоны... единственный...”

Удалившись от кучки Недоброй, мы штурмовали серию неактивных звезд неподалеку. Атаки не усиливались, а слабели. Мне вообразилось, что запасы активного вещества на исходе, но Ольга успокоила меня:

— Пусть и у врагов создастся то же впечатление. Не возражаю, если они порадуются, что мы выдыхаемся.

Вскоре звездолет стал сбрасывать скорость. Если кривизну мы штурмовали на пяти тысячах единиц, в скоплении двигались на сотнях, то теперь скорость превышала световую всего в десятки раз. И тогда Ольга объявила свой замысел. Враги искривляют пространство, когда мы пытаемся проскочить мимо активных звезд, но не препятствуют сближению с ними. Значит, надо идти на присасывающую звезду, а потом, вблизи, ударить по ее планетам боевыми аннигиляторами. Превратить планету в гигантскую яму пространства и вырваться сквозь новосотворенную пустоту наружу!

Я знал, что Ольга задумала что-то смелое. Я предполагал, что она собирается навязать бой крейсерам врагов. То все же было испытанное дело, Леонид с Алланом уничтожили уже четыре вражеских корабля, удастся справиться и с сорока.

Но уничтожать планеты!.. У человечества имелся опыт создания планет, на одну Ору потратили труд двух поколений. Но ударить по шару, раз в пять превышающему Землю по объему, в тысячи раз — по массе! По металлической планете, защищенной собственными механизмами, флотилией галактических кораблей и, быть может, коллективной поддержкой других мощно вооруженных космических тел!

Ольга спокойно опровергла посыпавшиеся возражения.

Расчеты пока в нашу пользу. Запасов активного вещества хватит на поражение любой планеты, какова бы ни была ее масса, мощность одновременного удара аннигиляторов обеспечивает практически мгновенный распад объекта, нужно лишь подойти на достаточную дистанцию. Об этом позаботятся сами

враги. Пусть они подтягивают нас к себе — на свою голову!

— Других шансов вырваться нет! Еще десяток кругов в звездном скоплении, еще два десятка ударов о заборы их кривизны — и, обессиленные, мы станем добычей разбойников.

Ольга получила затребованные полномочия на космическое сражение.

— Командование на время прорыва беру на себя, — закончила она. — Я не хочу обижать мужчин, но для битв вы мало пригодны, друзья. Вы слишком темпераментны и неустойчивы. Отдохните, нам предстоит тяжкие испытания. Пусть каждый исполнит свой долг, как говорили предки.

Мне кажется, Леонид даже обрадовался, что не он будет командовать сражением. После неудачного прорыва мимо Угрожающей он в какой-то степени потерял уверенность в себе.

24

Каждый из нас мыслью и чувством ускорял сближение с врагами. Но Ольга не увеличивала, а сбрасывала скорость.

Мы уже не неслись, мощно сматывая пространство, но еле плелись на дне сверхсветовой области. Еще несколько торможений — и мы должны были перевалиться по ту сторону светового барьера, став видимыми для любого наблюдателя с телескопом. Со стороны наш звездолет, вероятно, казался материальным комком отчаяния и безволия, мечущимся почти без энергии то сюда, то туда. Но как бы мы ни метались и не меняли направление, появившаяся в пространстве кривизна сама задавала нам траекторию на Угрожающую. В третий раз нас несло на нее.

Какие-то чудовищные механизмы деятельно перетасовывали геометрию космоса, чтоб мы угодили в разверзшуюся пасть. И Ольга покорно вела звездолет по предписанному пути. Конечно, мы понимали, что она обманывает врага, но то было понимание разума, а не чувства. У меня все холодело, когда я глядел, как свирепо вырастает зловеще-красная Угрожающая. Еще ни разу нас не выворачивало на нее так прямо в лоб!

Безвольный полет корабля продолжался до тех пор, пока искривление пространства не сменилось его уничтожением.

Опять нас стало засасывать на Угрожающую. Звездолет, словно очнувшись, рванулся назад. Но с каждым разом действия врагов становились увереннее, наше сопротивление слабело. Мы боролись, обреченно боролись, перед тем как погибнуть, — так это должно было представляться со стороны... Вскоре у нас

уже не было собственной скорости, нами полностью командовала чужая воля. И стало ясно, куда нас тащат. Угрожающая понемногу отклонялась от оси полета. Нас несло на Золотую планету — базу вражеских крейсеров, под удар ее гравитационных механизмов.

— Что там видно, Эли? — Руководя работой всех механизмов корабля, Ольга сама редко бралась за бинокль.

— Все те же крейсера.

— Они не летят навстречу?

— В сверхсветовой области пространство чисто.

— Скоро сорвутся. Золотая планета уменьшает аннигиляцию. Очевидно, они считают, что можно уже не гнать нас форсированно на убой. Через несколько минут они убедятся, что рано нас хоронят.

Эти несколько минут тянулись долго. И когда они исчерпали себя, началось то, чего мы с такой тревогой ожидали и что так торопили мыслью. Ольга запустила ходовые аннигиляторы, и Звездный Плуг ринулся по прямой на Золотую планету.

Рекорды скорости, поставленные Леонидом около Угрожающей, были сметены. Предварительный расчет и близко не подходил к тому, что с таким хладнокровием, так решительно проделывала Ольга. Я не знаю, сколько прошло минут, велся ли вообще счет на минуты, может, это были лишь замедлившиеся в сознании секунды, но корабль перелетел за шесть тысяч световых единиц, а скорость все увеличивалась, — мы атаковали, в семь тысяч раз обгоняя свет!

И тут разрушители поняли свою ошибку.

В сверхсветовой области появились десять рванувшихся навстречу точек. Я видел две разные картины. Вокруг Золотой планеты хищно кружили десять боевых крейсеров врага — так показывали бинокли умножителя в обыкновенной оптике, но реально было уже не так. Оптика с ее медленным светом давала картину давно прошедшую.

В действительности все они, эти десять крейсеров, как спущенные с цепи псы, яростно пожирали простор — мы четко локировали их волнами пространства. И я не мог не удивиться мужеству наших врагов. Нет, я не перестал их ненавидеть! В разрушителях сконцентрировано общественное зло, открытое нами в космосе. К злу нельзя относиться по-доброму, с ним нельзя мириться, его немислимо уважать. Презрение, ненависть — вот единственное, чего оно заслуживает.

Но враги были храбры, это надо признать. Они могли бы разлететься от обреченной планеты. На спасение собственных жизней тем, кто сидел в крейсерах, хватило бы и времени, и скорости. Вместо этого они бросились на верную гибель, чтоб попытаться уберечь от уничтожения оставшихся на планете. И, вспоминая все, что тогда произошло, я не перестаю удивляться, почему их отчаянно смелый план не удался. Во всяком случае, они были близки к его осуществлению, так угрожающе близки, что, может, лишь тысячных долей секунды им не хватило для успеха.

Мной овладело смятение, когда я увидел эти несущиеся навстречу смертоносные точки.

— Ольга, атакуй! — крикнул я.

— Рано! — ответила она. — Рано, Эли!

— Атакуй! — молил я, охваченный страхом. — Пойми, они обгоняют собственные гравитационные удары! Каждая секунда промедления — это новые волны перегрузок, что обрушатся потом!

— Гравитаторы смягчат их! — сказала она непреклонно. — Я не могу слишком рано атаковать, чтоб не упустить планету с оси. Планета, не корабли, закрывает выход на волю, не забывай этого!

Наша скорость складывалась со скоростью крейсеров, точки в сверхсветовой области стремительно росли. И тут не выдержали нервы у Леонида.

— Больше нельзя, Ольга! — закричал он. — Ты погубишь звездолет, Ольга!

— Еще не время! — ответила она.

Он схватил Ольгу за руку. Он был вне себя:

— Ольга, я не позволю!..

Она с силой вырвала руку.

— Приказываю всем: спокойствие! Не смей отвлекать меня!

И опять была мутная тишина, звенящая тяжело бьющейся в жилах кровью. Крейсера противника приобрели контуры. Они были в часах светового пути, в секундах нашего исступленного космического бега.

И в этот момент Ольга включила боевые аннигиляторы. Тела на экранах волн пространства мгновенно расплылись в туманности, завихрились, слились в одно мерцающее пятно. И, пронесясь сквозь то, во что они превратились, мы увидели в оптике десять ярко вспыхнувших и тут же погасших звезд. Флотилия

врага больше не существовала.

Теперь мы видели лишь медленно выраставшую в оптике обреченную Золотую планету, отчаянно генерирующую, как показали потом приборы, защитные гравитационные поля.

А затем мы ворвались в полосу гравитационного залпа погибших крейсеров, и оказалось, что наши гравитаторы не способны его отразить. Меня сжало, дыхание вырвалось стоном, около меня застонал Осима, Леонид чертыхнулся. Эта первая волна была самой слабой, крейсера выпускали ее перед уничтожением, и, очевидно, мощности их орудий тогда иссякали. Не сомневаюсь, что и сами они знали об ослаблении своих ударов и дальнейшее сближение преследовало лишь одну цель — столкновение лоб в лоб, взаимное уничтожение.

Зато вторая полоса перегрузок была так мощна, что у меня не хватило дыхания на стон. Я был раздавлен, пронзительная боль разрывала клетки тела. Рядом со мной хрипел опрокинувшийся Леонид, он потерял сознание, может, был уже мертв. Лишь Ольга, вцепившаяся руками в поручни кресла, сумела сохранить себя от потери сил.

— Ольга! — прохрипел я, силясь приподняться. — Ольга, третьего удара!..

— Держись, Эли! — крикнула она, задыхаясь. — Держитесь, друзья! Сейчас мы их уничтожим!

Третья волна перегрузок обрушилась на нас в момент, когда я увидел распад проклятой планеты разрушителей. Огромный диск вспыхнул в сверхсветовой области и тут же разлетелся в клочья. А в оптике мы увидели гигантский взрыв, вырвавшийся из недр планеты. Ольга точно рассчитала, беспощадно нанесла удар. Все было кончено в доли секунды. Ужасной планеты, преградившей своими чудовищными механизмами выход из звездного скопления, больше не существовало. Взамен ее зияла новая яма в пустоте, провал в космическом пространстве.

И последним, что я видел, теряя сознание от третьей гравитационной волны, налетевшей слишком поздно, чтобы спасти врагов, были видения унесенной далеко в сторону, превратившейся снова в красноватую точку, никому теперь не грозной Угрожающей и чистое небо, великолепный Млечный Путь — гигантский простор мироздания!

Мы вырвались из звездной тюрьмы, едва не ставшей нашей могилой, на волю, в космос.

...Теперь мой час:
Земля передо мной почти нагою,
Почти уснув, темна и горяча,
Лежит. Она моя. Моя до боли!
Прекрасен мир! Как счастлив я, что мог
Все видеть в нем, все знать в нем
в полной воле,
Как будто я не человек, а бог!
А.Танев

Часть третья ЗЕМЛЯ

1

— Эли! — звал меня голос. — Эли! Эли!

Я хотел откликнуться, хотел сказать, что жив, все слышу. “Я, кажется, ослеп, но в остальном все хорошо! — хотел крикнуть я этому голосу. — Я сейчас встану, не зовите меня так отчаянно, мне тяжело! — думал я. — Оставьте меня в покое!” — молил я молча.

Мне казалось тогда, что мысль моя четка. Сейчас, просматривая записи излучений мозга, я вижу, что разум мой еле мерцал, его озаряло лишь чадное тление бесформенного бреда. Я десять раз умирал и десять раз меня возвращали к жизни, пока я сам — сперва неуверенно, потом все настойчивее — не стал цепляться за нее.

— Эли! — взывал ко мне голос. — Эли! Эли!

Он не оставлял меня. В темном внешнем мире ничего не было, кроме голоса, он и был всем этим миром. Тесный, кричащий, беспокойный мир. И я наконец откликнулся на его призыв. Я открыл глаза.

Около кровати сидели Ольга и Осима. Они всматривались в меня.

— Он приходит в себя! — сказала Ольга шепотом.

Я снова закрыл глаза. Я измучился, поднимая броневые плиты век. Мне надо было отдохнуть от усилия. Но во мне надрылся все тот же голос: “Эли! Эли!” Я застонал.

— Перестань! — прошептал я, снова раскрывая глаза.

Ольга молча плакала. Внешний мир внезапно расширился и замолк.

— Друзья! — сказал я и попытался подняться.

— Лежи! — сказала Ольга. — Тебе нельзя двигаться, Эли.

Но меня охватил страх. Я вспомнил кроваво-красную Угрожающую. Мне надо было убедиться, что мы удаляемся от страшного скопления Хи в Персее...

— Где мы? — спросил я. — Сколько времени прошло?

Я услышал, что до звездных скоплений в Персее три тысячи светолет, и опять впал в беспамятство.

Так началось мое выздоровление.

2

Я учился быть живым: открывать глаза, слушать, отвечать, принимать пищу, постигать ходьбу. Это была нелегкая наука. Много месяцев прошло, пока я стал похожим на остальных.

Случилось так, что мне досталось больше всех. Третья гравитационная волна была мощна, однако у других не перемешало ткани и не раздробило кости. Человек восемь потеряли сознание — среди них Леонид, — они пришли в себя, когда звездолет вырвался на простор.

— Я тоже лишилась чувств, — сказала Ольга. — Это случилось, когда я увидела, в каком ты состоянии...

Мы были в парке. Я сидел в коляске, Ольга стояла рядом. В парке распускалась сирень, наступила третья походная весна, пахло землей. Ольга исхудала, была бледна и кротка. В дни выздоровления я узнал, что она способна часто плакать. Это меня трогало, но не было приятно. Мне хотелось бы видеть не вздрагивающую от страшных воспоминаний, а прежнюю рассудительную, невозмутимо ровную Ольгу, а еще лучше ту, какой она раскрылась на Персее, — мужественную, пронзительно-проницательную...

Я пошутил:

— Во всяком случае, мы поступили со зловедами весьма зловредно. Думаю, все в этом мерзком скоплении трепещут, что мы можем возвратиться.

— Почему ты называешь его мерзким? Разве ты не говорил, что оно красиво? И не все его жители со страхом помышляют о нашем возвращении. У нас там есть друзья. Помнишь неактивные звезды, от которых нас так энергично отбрасывали враги?

— Значит, галакты населяют эти звезды? Это точно?

— Ты в этом убедишься сам, когда познакомишься с обрабо-

танной МУМ информацией. И дружеских звезд в Персее больше, чем населенных разрушителями. Другое дело — межзвездный простор: им, по-видимому, безраздельно владеют они.

Я напомнил о сражении с Золотой планетой.

— Наши враги так до конца и не знали, на что мы способны. Иначе они побоялись бы сближения со звездолетом.

— Почему ты вспоминаешь об этом?

— Так — вспомнилось...

— Ты думаешь, Андре еще жив? Мы ничего о нем не узнали и не смогли ему помочь... Ты ведь и сам в Персее высказался за возвращение...

— Тогда не могли помочь, поэтому и проголосовал за возвращение.

— По-твоему, с тех пор положение изменилось?

Я сделал вид, что устал от разговора. Мне не хотелось раскрывать, что тревожило меня. Пока мы не прибудем на Землю, ничто не будет известно достоверно.

3

Однажды, когда я кое-как ковылял по аллее парка, Леонид сказал, что хочет со мной поговорить.

— Здесь? Или пойдём ко мне?

— Лучше у тебя, чтоб никто не помешал.

В комнате на стене висел график возвращения: светящаяся линия — наш путь до Земли, и ползущая по ней красная точка — звездолет. Красная точка приближалась к концу светящейся линии, одиннадцать месяцев отделяло нас от звездных скоплений Персея, почти пять тысяч светолет. Две трети пройденного пути я лежал без сознания.

— Через месяц — Ора, через три — Земля, — сказал я.

— Да, Ора через месяц, а Земля через три, — отозвался он. — Для меня это не имеет значения.

— Почему такая мировая скорбь?

— Ты понимаешь сам, Эли.

— Да, конечно. Причина в Ольге. Что же ты мне хочешь сказать об Ольге?

У Леонида посерело лицо. Он не принимал моего холодного тона. Но он твердо решил сохранять спокойствие.

— Ты знаешь, как она относится к тебе. Когда ты болел, она забрасывала корабль, дни и ночи сидела у твоей кровати...

— Ну и что же? Какой ты делаешь вывод?

Он бешено впился в меня черными зрачками.

— Почему ты не женишься на ней? Почему, Эли?

— Странно слышать от тебя такие советы, Леонид.

— Нет! — крикнул он. — Если ты бесчувственный... Нельзя над ней так издеваться! Почему ты молчишь?

Я раздумывал, что ответить. Ни он, ни Ольга не поняли бы того, что совершалось во мне. Они нормальны. А я иной. То, чем я теперь жил, не допускало рядом с собою никакой другой страсти. Я не мог разрешить себе отвлечься даже на маленькую любовь, а Ольга заслуживала любви большой, спокойным разумом я это понимал.

Объяснять это Леониду было напрасно.

— Я молчу, потому что ожидал не вопросов, а просьбы от тебя, такой просьбы, после которой мне осталось бы пожать тебе руку и сказать: ты прав, мне нечего возражать.

— Вот как, ты ожидал просьбы? Тогда ответь: какой просьбы?

— Я ожидал, ты скажешь: Эли, Ольга не замечает, что ты равнодушен к ней, вообще ничего плохого в тебе не замечает, ей кажется, что в тебе сконцентрированы все человеческие достоинства, разумная и проницательная во всем остальном, в этом одном, в понимании тебя, она глубоко ошибается. Но мы с тобой, Эли, знаем, — так я думал, ты мне скажешь, — что ты, Эли, человек черствый и недостойн ее, счастья с тобой ей не откроется, вряд ли ты вообще можешь создать чье-либо счастье. А вот я, Леонид, не знаю иной радости, как быть всегда с ней — помогать ей, принимать ее помощь... И это также и ее счастье, ибо лишь со мной она осуществит лучшее в себе.

У Леонида так пылали глаза, что было трудно смотреть на него.

— Ты не черствый, Эли, — это, пожалуй, напрасно... Ну, хорошо, допустим, я сказал тебе это... Что бы ты ответил?

Я подвел его к стене, где красная точка медленно, тысячекратно превышая световую скорость, ползла по прозрачно светящейся линии.

— Через месяц мы прибудем на Ору и там простимся. Ты останешься с Ольгой, я уйду. Вы будете бороздить космические просторы, а мне надо на Землю. Ты даже не подозреваешь, как мне надо на Землю!

Он обнял меня и вышел, не сказав больше ни слова.

Когда в оптике появилась Ора, шел третий год нашей межзвездной одиссеи. Мы шли в сверхсветовой области, и на Оре нас не видели. Зато мы отлично видели в оптике планету. Правда, это была картина прошлого, она непрерывно менялась — прошлое приближалось к настоящему. Если вдуматься, это было странно: обычно настоящее отодвигается и становится прошлым. Здесь все шло наоборот: прошлое становилось настоящим.

Не долетев до Оры световых суток, “Пожиратель пространства” вынырнул из сверхсветовой области и — уже обычным материальным телом — продолжал движение. Лишь после этого нас обнаружили.

Навстречу помчался “Кормчий”. На нем по-прежнему командовал Аллан. Он издали засыпал нас приветственными депешами, спрашивал, что было в походе, не отыскали ли мы следов Андре. Об Андре мы ответили сразу, а рассказывать остальное до встречи отказались. Он пригрозил, что уйдет в сверхсветовую невидимость, чтоб скорее добраться. При общем смехе Ольга радировала: “Уходи! Все равно будем видеть твое суденышко”.

Когда звездолеты вышли на параллельный курс, Аллан, передав командование помощнику, перебрался к нам. На радостях он перестарался. Даже Леонид охал, выбравшись из его объятий. Для меня одного Аллан сделал исключение — как для больного. Зато он расцеловал меня громкими, как выстрел, поцелуями.

— Бродяги небесные! — орал Аллан минутой позже. — Куда же вы запропалились на два с лишним годика? Рассказывайте, рассказывайте: где? что? как?

Мы повели его в клуб. Там собрался весь экипаж. Нас тревожило: как на Земле? Чем кончился спор Веры и Ромеро?

Аллан уселся в кресло и оглядел нас сияющими глазами. Он не мог понять глубины наших опасений.

— Какой спор? Чепуха, давно все успокоились. Правда, кое-что было — митинговали, как добрые наши предки. Ромеро гремел во все уши, сиял во все видеостолбы. Он отстаивал социальные основы с такой страстью, что наворачивалась слеза. Кричал о предках, о потомках, о нас, о разрушителях, о звездожителях... Кстати, Большая тоже высказалась за него. И вот

настал день опроса, хоть и без того каждому было ясно, чем все кончится.

Он захохотал. В зале каменела тишина, мы боялись смотреть друг на друга. Аллан так и не осознал, почему мы не прерываем его.

— Человечество сошло с ума! — кричал он. — Это было массовое безумие, говорю вам. Ромеро не поддержали и три десятых процента, девяносто девять и семь десятых с громом опрокинули его. Большая потребовала уточнения заложенных в нее принципов. Вера назвала это дальнейшим развитием нашего социального строя.

Мы кинулись к Аллану и в восторге взметнули его под потолок.

Лишь мы, прошедшие тенета Персея и огонь сражения у Угрожающей, могли всем сердцем, не одним разумом, понять, как правильно поступило человечество.

Когда волнение улеглось, я съехидничал:

— Ты, конечно, оказался среди тех, кто сохранил разум до конца? Не сомневаюсь, что ты голосовал за Ромеро!

— Я? — удивился Аллан. — Ты спятил, Эли! Это ж меня обвинил Ромеро, что я поддался безумию. Я не такой оратор, как он, но, когда выступал я, Ромеро выключали, — так это было! Камагин с Громаном, а также наш Труб добавили жару в общий огонь. Гибель космонавтов и разрушение планет в Плеядах доводили народ до ярости. А Труб летал над толпой и дико ревел архангельским голосом.

— Как на Земле космонавты и ангел? — поинтересовалась Ольга.

— Великолепно! Труб как в раю, только малыши его пугаются, у него шумный полет — это единственное, что его огорчает. Подростки устраивают с ним гонки на авиетках, ну, он, конечно, отстает. А космонавты переучиваются на штурманов звездолетов и отбиваются от невест. Столько в них влюбилось девушек — страх! Чудесные пареньки, моложе любого из нас, а ведь четыреста с хвостиком лет — по-моему, это и привлекает девушек.

Я спросил, какие важные дела начаты на Земле. На это Аллан ответил длинной речью. Энтузиазм, охвативший Землю, преобразован в практические действия. Созданы две организации, одна — “Звездолетстрой” — устроила базу на Плутоне.

Вторую же — “Планетострой” — вряд ли можно именовать организацией, ибо половина всего человечества трудится в ней. На зеленой Земле остались лишь старики, дети да труженики земных заводов. Неразберихи и шума пока столько, что у наблюдателя со стороны встали бы волосы дыбом, да наблюдателей нет — все участники, и каждый в меру способностей вносит свой вклад в общую толчею.

Начать с того, что еще нет плана — чем заниматься “Планетострою”? Одно направление, казалось бы, естественнейшее, его уже осуществляют — возведение новых планет вокруг одиноких светил, соседей Солнца. Строительство идет под лозунгами: “Покончим с пустыми звездами!”, “Добьемся наивысшей планетности для звезд нашего района Галактики!”, “У любой звезды — планеты для любых условий жизни!”, “Нежизнеспособная планета — враг, найди ее и переоборудуй!” — и прочее в том же роде. Плакаты с такими изречениями наполняют все населенные планеты, от них нет мочи отбиться.

До Альдебарана в одну сторону и за Южный Крест в другую не найти звезды, чтоб на ней не кипела работа. Но уже слышатся голоса, что направление выбрано неудачно: наметили, мол, дорожку полегче, но малоэффективную. Пробивается мысль — не приспособливаться к природе, а приспособивать ее к себе. Не возводить роями планеты вокруг готовых звезд, а выстроить особую планетарную область для спектра любых жизненных условий, со своими специальными светилами.

Конечно, это потруднее, но и поинтереснее. Район строительства подобран — окрестности Сириуса и его спутника, белого карлика, компактный уголок между Орионом и Большим Псом, примерно на тысячу кубопарсеков в объеме. И сюда, на универсально оборудованные планеты, потихоньку собрать звездожителей, кому неудобно дома.

Все это пока в стадии эскизных набросков, командированные еще мотаются из созвездия в созвездие, согласовывая с будущими жильцами условия обитания: размеры шариков, температуры солнц, продолжительность дня и ночи, атмосферу и силу тяжести, жилище и питание...

— И хоть дело это до ерунды простое, — орал Аллан, — неразбериха внесена и туда. Удивительный мы народ, люди, ничего не делаем по-человечески! О том, где начать работы, талдычим месяцами, а потом загорается: “Давай! Давай!” — и штур-

мовщина: Звездные Плуги запущены на рейсовых скоростях, космос трещит по швам, куда ни повернешься — пылевые дымки, дымки, дымки! Залезаем даже в резервацию, будто и пустоты уж не хватает. Страх что творится на космических трассах! Наш “Кормчий” как-то влетел в область комплексного разрушения: впереди распадалась ненужная звезда из темных карликов, а по сторонам пространство перерабатывалось в первичную строительную пыль. Куда повернуть, я вас спрашиваю? Время поэтических полетов проходит. Скоро лишь за пределами Галактики можно будет разгоняться. Если так пойдет и дальше, я плюну на межзвездные прелести и пойду в планетостроители.

Он оглядел нас смеющимися глазами и закончил:

— Таковы земные дела, братцы. Выкладывайте теперь, что вы тащите с собой из Персея?

— Сейчас мы тебе покажем на стереоэкране кое-что интересное, — сказал Леонид.

Пока Леонид готовил демонстрацию, я спросил Ольгу:

— Почему ты оглядывалась на меня, когда Аллан рассказывал о Земле? Ты смотрела на меня так, словно чем-то поражена.

— Ты сегодня смеялся. Ты впервые за два года смеялся, Эли!

— Ну и что же? Тебе это понравилось? Или испугало?

— Не знаю сама. Это было странно. Я вдруг увидела, что ты очень переменился, Эли.

5

На Оре я перебрался из одного звездолета в другой. “Пожиратель пространства” поступал в распоряжение Спыхальского, а на Землю уходил “Кормчий”.

За месяцы моей болезни на звездолете изготовили три установки для генерирования и приема волн пространства, мало отличающиеся от той, что так честно послужила в Персее. Мы называли эти механизмы СВП-1, то есть станция волн пространства, модель первая. Одну СВП-1 передали Спыхальскому, вторую предназначили для Плутона, последнюю я везу на Землю.

Мне трудно передать восторг Спыхальского, когда он узнал, что это за установки. Нужно, как он, всю жизнь провести в полетах вслепую, а после этого неожиданно прозреть, чтоб понять его состояние. Он расплакался, обнимая нас по очереди. Мне он сказал:

— Вас отблагодарю особо — примите маленький пода-

рок! — Такой же живой, как при расставании, розовощекий, с яркими голубыми глазами, он смотрел на меня с ласковым лукавством, как смотрят иногда старики на детей. — Приятно, правда?

Подарком была лента с речью Фиолы.

Я ушел в свою комнату, чтобы пережить наедине встречу с Фиолой. Прошедшее окружило меня, на миг показалось ближе настоящего.

Фиола, яркая и быстрая, вспыхнула и зазвучала в сумраке таинственных садов планеты, вращавшейся вокруг белой Веги. Это была Фиола на родине, не среди чудес, созданных человеком, — у себя. “Эли, мой Эли! — пела и сияла Фиола. — Я жду, ты обещал прилететь, я хочу тебя видеть!” Мне стало грустно и отрадно, я не мог к ней прилететь, но радовался, что она желала меня увидеть.

Потом я спрятал ленту подальше. Нужно было думать не о Веге, а о Земле. Во всей Вселенной сейчас для меня существовало лишь одно притягательное место — крохотная могущественная Земля. Я не был уверен, захочет ли она стать тем, во что я задумал ее превратить. Я записал ответное послание Фиоле и передал Спыхальскому. Он обещал отправить его с первым курьером, что уйдет в созвездие Лиры.

— А сами не хотите сбегать на Вегу? Неплохая звезда.

— Нет, — ответил я. — Мне надо на Землю.

— Да, конечно. Вам следует полечиться, а где это сделать лучше, чем на старушке Земле?

И он ничего не понимал во мне! Утром мы взяли курс на Землю.

6

Я не могу припомнить сейчас недели, проведенные на “Кормчем”. Аллан из той породы звездопроходцев, которые, доверяя командование автоматам, сами не отходят от них. Мы встречались с ним лишь в столовой. Я часами сидел в парке и дремал в кресле.

На Плутоне я задержался на два дня. Я не узнал Плутона.

В старом проекте мы предусматривали великолепную, не хуже земной, атмосферу, обширные леса, даже океан. Атмосферу успели создать, сады и парки разбили, но лесов и океана не было и в помине — на отведенных им местах тянулись сотни, тысячи километров цехов...

“Работящая планетка” — так мы называли раньше Плутон. “Гудящая планета” — так следовало бы назвать ее ныне. Ее всю сотрясал грохот механизмов, даже при извержениях вулканов не бывает такого непрерывного, сосредоточенного гула.

— Толково, правда? — крикнул Аллан. Мы в авиетках облетали планету. — Признайся по-честному, не ожидал?

— Нет, конечно. Такой размах!..

— Главная мастерская Межзвездного Союза! Хочешь взглянуть на новые звездолеты? Они на Южном полюсе, в складе готовой продукции. Между прочим, сырье выгружается у Северного полюса, а потом растекается по всей планете, пока не сконцентрируется снова на выходе в форме готовых галактических кораблей.

На Южном полюсе мы летали над территорией, равной Европе, — это и был склад готовой продукции. На тысячи километров тянулись горные хребты звездолетов — исполинский галактический флот, заканчивающий отделочные работы перед выходом в океан мировой пустоты...

— Надо возвращаться, — сказал Аллан через некоторое время.

— Ты возвращайся. Я еще поброжу над планеткой.

— Можешь даже кувыркаться над ней, ты, кажется, любитель этого спорта. На Плутоне смонтирована своя Большая, пока на десять миллионов Охранительниц, — ты, как и все астронавты, продублирован в ней.

— Вот как! Обязательно воспользуюсь.

Я долго кружил над равнинами Плутона. Еще не прошло полных трех лет, как я расстался с этими местами. Все переменялось здесь, все! Даже солнца светили иначе, словно им поддали жару, одно сменяло другое, утреннее уступало место дневному, дневное отступало перед вечерним, за ним выкатывалось ночное. Когда-то это были разные светила, каждое с особым значением: для работы и для отдыха, — теперь все они сияли одинаково, круглые сутки стоял день, планета не знала отдыха. Нет, этот грохочущий, неистовый Плутон, не знающий сна, нравился мне больше моего прежнего, степенно работающего, степенно отдыхающего... Там была размеренная деятельность, здесь — вдохновение!

Я погнал авиетку на максимальной скорости. Горные пики звездолетов откатывались назад и рушились на горизонт. Мне хорошо

думается на ветру. Я размышлял не о Плуtone, а о Земле. Я уже не страшился встречи с Землей после того, что увидел здесь.

А перед возвращением я остановил авиетку в воздухе и, закрыв глаза, весь наполнился гулом планеты. Я слушал старинную музыку, любил перед сном отдаться индивидуальным, под настроение, мелодиям, терпеливо снес “Гармонию звездных сфер” Андре. Но ничего подобного тому, что вызывал во мне грохот этой космической мастерской, еще не испытывал. Наконец-то я изведаль настоящую гармонию звездных сфер! Она будоражила, мне хотелось в ответ тяжкому, как мир, грохоту совершить что-либо достойное его — огромное, пронзительно-светлое...

И, удаляясь от Плутона, я долго еще слышал — мысленно, конечно, — вдохновенный гул...

7

Я обо всем размышлял, воображая встречу с Землей, только не о том, что встреча будет торжественной. Я поспешил вернуться раньше своих товарищей и поплатился за это: если и не весь предназначенный нам общий почет, то значительная часть его досталась мне одному.

Начиная от Марса наш звездолет сопровождала флотилия космического эскорта. Я не буду описывать сцену на космодроме, ее передали на все планеты Солнечной системы. Три часа я кланялся, пожимал руки, взмахивал шляпой — и очень устал. Лишь дома, на Зеленом проспекте, в окружении друзей, я вздохнул с облегчением.

— Такое впечатление, будто обворовал товарищей, — пожаловался я. — Знал бы, ни за что не прилетел один.

— Они будут довольны своей встречей, — утешила меня Вера. — А тебя приветствовали не только как члена экипажа, но и особо. Должна тебя порадовать. Твой проект переоборудования Земли в главное ухо, голос и глаз космоса принят.

Озадаченный, я не нашел слов. Я еще ни с кем не делился своими мыслями.

— Вдалеке от Земли ты позабыл о порядках на Земле, — сказала Вера, улыбаясь. — Разве тебе не говорили, что на Плуtone смонтирована Государственная машина? Ты прогуливался над планетой, а Охранительница фиксировала твои мысли. Они оказались настолько важными, что она немедленно передала их

на Землю, а Большая, тоже незамедлительно, довела их до сведения каждого. Ты лишь усаживался на Плутоне в звездолет, а люди уж спорили, прав ты или не прав. Но перед тем, как будем осуществлять проект, тебе придется подлечиться — здоровье твое внушает опасение Медицинской машине.

Мне мое здоровье опасений не внушало. Встреча с друзьями и известие о принятии проекта были лучше любого лекарства.

Большая комната Веры едва вместила всех собравшихся. Особенную тесноту создавал Труб. На космодроме он вместе с нами влез в аэробус, он знал уже, что за этими машинами ангелам не угнаться. Зато он наотрез отказался от лифта и объявил, что самостоятельно взлетит на семьдесят девятый этаж. Признаться, я не поверил: в Трубе килограммов сто, а высота все же около трехсот метров. Но он взлетел. Он отдыхал сперва на каждом двенадцатом этаже — в садах, потом на верандах каждого пятого, но одолел высоту. Он вспотел и был горд необыкновенно.

Он понемногу вписывается в наши земные обычаи, но прочерчивает в них свою особую колею. Лусин в нем души не чает. Ради Труба Лусин забросил идею птицеголового бога. Все же земные жилища, особенно женские комнаты, не приспособлены для ангелов. Труб и сам понимал, что летать здесь немыслимо, и старался не давать воли чувству. Но даже когда он делал шаг или просто поводил крыльями, обязательно что-нибудь летело на пол.

Среди гостей была Жанна с Олегом. Этот хорошенький мальчишка, живой, с умными глазами, очень похож на своего отца — мне показалось, что я вижу маленького Андре.

Я сто раз репетировал в уме встречу с Жанной, повторял про себя слова, какие скажу, думал, какое у меня должно быть выражение лица. Я все забыл — и слова, и мины. Она положила голову мне на плечо, тихо плакала, я молча обнимал ее. Потом я пробормотал:

— Поверь, еще не все пропало, Жанна.

Она взглянула таким отчаянным взглядом, что, лишь собрав всю волю, я смог его вынести. Оставив Олега гостям, мы с Жанной удалились в мою комнату. Жанна села на диван, я подвинул кресло. Я с волнением вглядывался в нее. Она очень переменялась, в ней мало что осталось от кокетливой, хорошенькой, довольно легкомысленной женщины, какую я знал.

Со мной разговаривал серьезный, глубоко чувствующий, еще не перестрадавший свое горе человек.

— Я все знаю об Андре, — сказала Жанна. — Каждый день я слушаю его голос — его прощание со мной и Олегом перед нападением головоглазов... И я знаю, что вы сделали все возможное, чтоб выволить его или хотя бы отыскать его следы. Я знаю, что он кричал “Эли!”, а не “Жанна!” перед гибелью...

— Перед исчезновением, Жанна. Андре не погиб. Оттого он и звал меня, а не тебя, — он попал в беду, но смерть ему не грозила, он и не собирался прощаться с жизнью.

— Почему ты так думаешь? Он ведь в руках врагов.

Она не верила мне! Никто, кроме меня, не верил, что Андре жив. С другими я мог не считаться, но ее должен был убедить.

— Именно поэтому, Жанна. Он был жив, когда они полностью овладели им. Ромеро, очевидно, говорил тебе, что мы слышали его призывы, уже не видя его?

— Да, говорил. Ромеро думает, что Андре мертв.

— Послушай теперь меня, а не Ромеро. Если бы они хотели убить его, они убили бы сразу, а не боролись с ним, чтоб взять живьем. Он единственный представитель их новых врагов — да они трястись должны над ним, а не уничтожать его! Я уверен, за здоровьем его следят внимательнее, чем ты сама следила бы на Земле.

— Вы уничтожили четыре вражеских крейсера. Андре мог быть на любом из них.

— Он не мог быть ни на одном из них. Они бы не подвергли единственного своего пленника превратностям боя. Они могли рассчитывать на победу, но не на то, что не будет потерь. И они, разумеется, упрятали Андре подальше от сражения. Сам бы я так поступил на их месте. У меня нет оснований считать, что наши враги глупее меня.

— А разве о гибели Андре не говорит то, что разрушители ничего не... Ты меня понимаешь, Эли? Ромеро считает, что враги могли выпытать у него все тайны, но наших тайн они так и не узнали — это ведь правда?

Я схватил испуганную Жанну за плечи, заглянул ей в глаза.

— Ты любила Андре, — сказал я шепотом. — Ты была ему ближе нас, Жанна! Как же ты смеешь так говорить о нем? Неужели ты так слепа, что собственного мужа не разглядела? Ромеро должен услышать от тебя, каков Андре, а не ты прислушиваться к Ромеро!

Она снова заплакала. Я в волнении ходил по комнате. Мне самому хотелось заплакать. Я ловил себя на том же скрытом в глубине души страхе за слабость Андре. Я не знал, насколько мы, его друзья, способны на муки, но что он меньше всех нас способен на них, знал.

Справившись со слезами, Жанна сказала:

— Все так перепутано во мне, Эли. Если бы не Олег, я не пережила бы такое несчастье. Я ведь серьезно думала, стоит ли мне самой жить, когда узнала о смерти Андре.

— Исчезновении, Жанна!

— Да, исчезновении. Разве я сказала по-другому? Но если, как ты говоришь, он исчез, а не погиб, то есть ли какой-либо шанс вызволить его из плена?

— Во всяком случае, будем пытаться. Одно могу утверждать с уверенностью: когда придет время возвращаться в скопление Персея, не будет там ни одной планетки, которую бы мы не обшарили.

Она поднялась.

— Нам с Олегом пора домой. Спасибо тебе, Эли! Ты всегда был верным другом Андре, я даже иногда ревновала его к тебе. Но сейчас, после его гибели...

— Исчезновения, — сказал я с яростью. — Исчезновения, Жанна!

Она глядела на меня с испугом.

— Я не узнаю тебя, Эли. Ты стал другим. Временами я тебя боюсь.

Я через силу улыбнулся.

— Тебе-то во всяком случае нечего меня бояться.

8

После ухода гостей мы остались с Верой одни. Я сидел в ее комнате, Вера ходила от двери к окну, это ее обычный маршрут — долгие, часами, блуждания и повороты, взад-вперед, взад-вперед. Иногда она останавливалась у окна, запрокидывая голову, забрасывая руки на затылок, и молчаливо смотрела на город. Все это я видел тысячи раз. Все повторилось.

Все стало иным. Иной была Вера, иным был я. Она была такой же красивой, может, еще красивей, но красотой, не похожей на прежнюю. Вера достигла переломного возраста женщины — расцвета перед опаданием. Нелегко ей дались эти годы!

— Вера, — сказал я. — Вы не помирились с Павлом?

— Мы и не ссорились, просто обнаружили, что чужие друг другу...

— Он не хотел разрыва, насколько я помню...

— Разве я хотела? Разрыв произошел независимо от желаний.

— Тебе это тяжело, Вера?

— Мне было бы тяжелее, если бы я поддерживала отношения, ставшие лживыми.

— А Павел? Чувства его не изменились?

— Чувства, чувства, Эли! Гордость — вот главное из чувств Ромеро. Думаю, его больше терзает унижение отвергнутого поклонника, чем разбитая любовь. Поговорим о другом, — сказала Вера. — Большая так разъяснила твой план: раньше превратить Землю в исполинскую станцию волн пространства, а потом лишь ввязываться в серьезные баталии.

— Совершенно верно.

— Мы построили большой Галактический флот, — задумчиво сказала Вера. — Ты видел корабли на Плутоне — каждый сильнее целой флотилии “Пожирателей пространства”... И есть уже решение двинуть этот флот в Персей. Теперь, с осуществлением твоего проекта, экспедиция будет задержана.

— Не задержана, а как следует подготовлена. Не забывай, что противники наши ныне знают наше могущество, — и они не теряют даром времени, Вера!

— Поэтому все так горячо поддержали тебя. Ты очень хорошо спланировал войну. Остается спланировать мир.

— Это одно и то же, Вера. Война завершится победой, победа начинает мир.

— Война сама по себе не решает большие проблемы.

— По-твоему, это не решение — сразить разрушителей? Превратить в прах их военную мощь?

— Начало решения, исходный пункт, не больше. Подлинное решение будет, когда приобщим противников к мирной жизни!

— Ты с ума сошла! Мирно возделывающие поля невидимки! Ты надеешься на успех переговоров с этими исчадиями ада?

— Если бы я надеялась на успех переговоров, я не ратовала бы за боевой флот. Я не хуже тебя понимаю, что обращаться к разрушителям с уговорами — бессмысленно. Их надо сразить.

— И всех истребить, Вера!

— Это попросту неосуществимо, Эли. Где взять гарантии,

что отдельные их корабли не удерут в другие звездные края и там враги на усовершенствуются, что уже сейчас в центре Галактики нет их колоний? Сто миллиардов звезд в одной нашей Галактике, неужели ты собираешься все их исследовать, так сказать, на злобность? А ведь за пределами нашей — миллиарды иных галактик! Ты поручишься, что туда не проникли наши враги?

— Они могут быть везде. Речь о том, чтобы истребить их в скоплениях Персея.

— То есть выиграть одно сражение и после этого, возможно, ввязаться в бесконечную истребительную войну? Одолеть в одной, так называемой, решающей битве и оставить потомкам в наследство вечную опасность всеобщего уничтожения — нет, как хочешь, Эли, разума тут немного!

Слушая ее, я перенесся мыслью в Персей. Я снова увидел Золотую планету. Чем-то она напоминала Плутон — такая же космическая мастерская, а если на ней не изготавливались звездолеты, то зато она меняла кривизну космоса, умела сворачивать его просторы в вещество — не покоилась в пространстве, как наши планеты, а командовала им! Сколько тысяч таких планет против одного Плутона! И на всех кипит работа, проклятые враги стараются перенять наше умение распылять вещество в “ничто”, как мы переняли у них умение менять плотность этого мирового “ничто”. Они спешат... Что, если навстречу нашему флоту грянут заново созданные аннигиляторы вещества?

— Пока у нас большое преимущество перед ними, — сказала Вера. — И надо торопиться его использовать.

— Ты сказала, что победа в войне лишь начало?

— Да, начало. Сперва мы силой заставим их прекратить свои зверства, а затем понемногу втянем в ассоциацию разумных и свободных существ Галактики. Ты сам говорил, что они трудолюбивы и отважны, технические их достижения огромны. Разве не упрек будет нам, если мы такой народ навсегда отстроим от мирового сотрудничества?

— Я не вижу путей к сотрудничеству с ними.

— Вчера ты не видал их самих. Если бы мы сразу могли увидеть все, то не было бы развития. Между прочим, я не верю в преступления, совершаемые из любви ко злу. Если разрушители стали преступниками, то значит, им выгодны их преступления — вот причина!

— Ты собираешься найти иной способ удовлетворить нужды врагов?

— Вспомни: человечество долго жило за счет других существ. По Земле бродили стада коров и баранов, сновали куры и утки — их вели на убой, чтоб человек имел мясо. Синтетическое мясо наших заводов вкуснее животного, синтетическое молоко ароматней коровьего. Исчезла нужда в продуктах живых организмов — никто не разводит животных на убой. Нет ли похожего на это и у разрушителей? Они стали на путь угнетения соседей, потому что нашли легкий способ удовлетворения потребностей. Может, мы откроем новые пути их удовлетворения, если, конечно, эти потребности жизненно необходимы?

— Мне кажется, ты рассуждением о потребностях в какой-то степени оправдываешь их злодеяния.

— Ничуть. Понять — не значит оправдать. Можно понять и осудить. Оттого, что раб приносит хозяину пользу, рабство не становится морально чистым. У зла есть верхушка и корни. Если срубить верхушку, не выкорчевывая корней, от них могут пойти новые побеги. Мы силой заставим разрушителей смириться, освободим их невольников — срубим верхушку возвращенного ими зла. А затем надо покончить с самой возможностью возникновения зла, а для этого разберемся, какие корни его питали. Если враги используют ткани живых организмов для собственной жизнедеятельности, они смогут заняться производством синтетических тканей, мы охотно поможем им в этом.

— Одно скажу — превращение чертей в ангелов дело непростое.

— Как и обучение ангелов человеческому образу жизни. Однако мы должны этим заняться.

— Вряд ли при нашей жизни мы увидим результаты.

— Пусть видят внуки — ради этого стоит постараться.

Я пошел к себе и разделся.

Вспыхнул видеостолб. Ромеро опирался на трость посреди комнаты.

— Поздравляю с благополучным возвращением, дорогой друг! Не вставайте, я отлично вижу вас и в кровати, а пожать друг другу руки мы все равно не сумеем. Окажите честь встретиться со мной завтра.

— С удовольствием.

— В таком случае, к обеду. Посидим вместе за столом, как в старые времена. Кстати, вы не обиделись, что я не явился встретить? Вы понимаете, среди встречающих были особы...

— Понимаю, Павел. Завтра к обеду я буду у вас.

Он исчез.

9

До чего же она была прекрасна, милая зеленая Земля!

Я все утро бродил по улицам Столицы, поднимался над грядами ее домов, выбирался в окрестные поля и парки, выкупался в канале. Мальчишки из соседнего интерната с молчаливым уважением следили, как я вылезал: стоял октябрь. Нужно затеряться на три года в космических просторах, чтобы ощутить, как хорошо дома!

Я присел в скверике на площади. Напротив стоял дом с навесом над первыми этажами, под этим навесом в последний приезд в Столицу я прятался от дождя. Я вспомнил незнакомую девушку с высокой шеей и широкими бровями, Мери Глан, мы с ней тогда стояли рядом, и она издевалась надо мной. Что с этой строптивой Мери? В Столице ли она? Умчалась, как все, куда-нибудь на новостройку? Кто-то сел на скамейку. Вначале я не обращал внимания на соседа, потом повернулся.

На скамейке сидела Мери Глан.

— Здравствуйте, Эли! — сказала она. — Ведь вас зовут Эли Гамазин?

— Здравствуйте! — ответил я. — Да, я Эли Гамазин. А вас, если не ошибаюсь, зовут Мери Глан?

Она спокойно кивнула головой.

— Какое совпадение, — сказал я. — Представьте себе, я только что думал о вас, и вот — вы появляетесь!

— Вы считаете это совпадением? Просто я попросила Охранительницу навести вас на мысли обо мне.

Мне стало смешно и досадно. В странствиях я успел забыть, что на Земле командуют Охранительницы. Если и было чудо, что я думал о Мери, то чудо обыденное, технически подготовленное, еще деда потрудились, чтоб оно стало легко осуществимым.

— Итак, вы хотели меня увидеть, Мери? Я все же настаиваю на своем: я тоже поинтересовался, где вы. Что же мы скажем друг другу теперь, когда желания наши осуществились?

Она не торопилась с ответом. Впоследствии я узнал, что до нее не вдруг доходит, чего от нее ждут. Пока она раздумывала, я разглядывал ее. Я помнил ее некрасивой, но она была скорее хорошенькой, чем некрасивой. Единственным, что не вязалось с ее тонким лицом, были широкие брови, но они нависали над такими темными задумчивыми глазами, что несоответствие пропадало. И при первой встрече я запомнил, что глаза у нее темные, но мне показалось тогда, что они темные от гнева.

— Я виновата перед вами, — сказала Мери. — Не знаю, почему я была с вами груба в Каире и на этой площади. Я решила: извинюсь, когда встретимся. Но вы улетели на Ору, а после в Плеяды и Персей. А теперь вы вернулись, и я извинилась!

Она встала, но я задержал ее. Мне захотелось пошутить.

— А знаете ли, что перед отлетом я запрашивал Справочную о нашей взаимной пригодности?

Мери решительно не хотела смущаться.

— Да, знаю. Я знаю также и то, что мы ни с какой стороны не подходим друг для друга. Всего доброго, Эли.

Я больше не решился задерживать ее. Я сидел на скамейке и смотрел ей вслед. О Справочной она соврала, Охранительницы не выдают личных тайн. Потом я сообразил, что Мери, очевидно, тоже запрашивала обо мне и потому знает, как мало у нас соответствия. Она для того и удалилась, чтоб я последующими вопросами не выведал ее маленького секрета. Мне было жалко, что она ушла.

— Вы не забыли, что вас ждет друг? — сказала Охранительница голосом старика.

Вызванная авиетка появилась немедленно.

— Я хотел лететь вам навстречу, — сказал Ромеро, сердечно обнимая меня. — Справочная доложила, что вы замечтались на одной из площадей. Куда же мы с вами, юный многострадальный Одиссей? До обеда еще часа два, если, конечно, вы не желаете подкрепиться пораньше.

Он держался так непринужденно, словно у нас никогда не было споров. Я охотно поддержал этот тон.

— Пойдемте на гребень Центрального кольца. Оттуда великолепнейший вид на Столицу.

— Отлично. Любоваться Столицей я готов ежедневно, сегодня к тому же ясный день.

Пока мы поднимались на крышу, я украдкой присматривался к Павлу. Все мои знакомые стали иными, я еще не привык к их новому виду.

— Давненько мы не виделись, — сказал Ромеро, улыбаясь.

— Всего два с половиной года.

— Нет, мой друг, целую эпоху. Мы простились в одном социальном времени, повстречались в другом. Счет времени правильнее вести по событиям, а не на часы.

— Событий произошло много.

— Произошла революция, друг мой. А если власть не перешла из рук одного класса к другому, как совершалось у предков, так лишь потому, что давно не существует классов. Это, впрочем, не умаляет совершившегося переворота.

— Вы это называете переворотом?

— Вы считаете меня неправым? До сих пор мы жили лишь для себя. А попробуй ныне осуществить что-нибудь полезное одному человечеству — Большая еще поразмыслит, не повредит ли это народам, которых мы надумали опекать.

Я понимал, что он не столько вызывает меня на спор, сколько отделяется от накопившейся горечи.

— Я бы это назвал по-иному, Павел. Просто человечество настолько развилось, что среди прочих его потребностей появились и такие, как помощь иным народам.

— Оставим это, — сказал он. — Я не собираюсь никого переубеждать. Кстати, для дружеского осведомления... Когда недавно Большая объявила о ваших открытиях в Персее, я, как и все, с честной душой проголосовал за ошеломляющий проект покончить с последними остатками самостоятельности Земли.

Разговор этот шел уже на крыше сотого этажа. Столица была до того красива, что захватывало дух.

С высот Центрального кольца она видна вся. День был пронзительно ясный, в такие осенние дни голубеют и становятся близкими дали. Я тысячу раз ходил и бегал по крыше. Зимой я пробегал на лыжах всю тридцатикилометровую магистраль, проложенную на вершине Центрального кольца, летом прошагивал ее пешком, все здесь было видно и перевидено, а я оглядывался с чувством, что впервые по-настоящему вижу Столицу. Я не уставал поворачивать голову вправо и влево. Я восхищался, каждый раз заново открывая это, простотой плана великого города. Три кольца прорезают двадцать четыре магистрали, от

Музейного города наружу, — красочные, неповторимо своеобразные улицы. Вот и все! Вся Столица исчерпывается переплетением трех колец и двадцати четырех радиусов, проложенных сквозь кольца.

— Вечный город, — сказал я. — Он простоит тысячелетия после нас как памятник наших помыслов и дел.

— Умиравший город, — отозвался Ромеро. — Если хотите, это единственный город на Земле, который начал умирать, еще не родившись. Он не дожил до самого себя.

Я знал, что ради красного словца Ромеро себя не пожалеет, но отзыв о Столице покоробил меня. Ромеро удивился:

— Вы не знаете истории Столицы?

— Это был первый город, построенный после Объединения.

— Это, разумеется, существенно. Но, кроме существенного, в любом знании есть и интересные пустячки. Об одном из таких, если угодно, пустячков я расскажу вам.

Вскоре после Объединения, сказал он, были начаты поиски всего выдающегося, что талантливые люди придумали в прежнюю эпоху и чего тогда нельзя было осуществить. Это относилось к проектам машин, переделке природы, большим строительным работам и прочему, а среди прочего — к архитектурным замыслам.

Была обнаружена тетрадь рисунков давно к тому времени умершего Бориса Ланда, архитектора, проектировавшего жилые здания и стадионы. Борис, по-видимому, был из тех, кого тогда называли “талантливый неудачник”. Днем он разрабатывал стандартное жилье, а ночью, на бумаге, возводил невоздвигаемые города.

Среди его ярких фантазий был и город на двести тысяч человек — один высотный дом, окруженный парком. Город-дом, неосуществимый при жизни Бориса, легко мог быть исполнен средствами нового века. И хотя тогда уже было ясно, что города-гиганты свое отжили, человечество постановило воздвигнуть Столицу как город-памятник и город-труженик, последний из концентрированных городов Земли, первый, воплотивший в себе все удобства, затребованные людьми.

Внутри кольцевых зданий разместились заводы и склады, там же пролегали городские шоссе, а снаружи поднимались террасами жилые массивы, их разделяли парки — таков был осуществленный проект. И достоинства проекта вскоре стали его недостатками.

Раньше другого оказались ненужными великолепные шоссе, проложенные внутри зданий на каждом двадцатом этаже. Возникли центральные машины безопасности с Охранительницами — и умерли электромобили и троллейбусы. Никто не хотел катить по шоссе, когда можно безопасно нестись в воздухе. Жизнь и толчея, по идее навеки упрятанные в роскошные, как дворцы, туннели, вновь исторглись наружу.

А затем стали отмирать заводы. Их автоматизировали настолько, что на километрах конвейерных линий не встречалось человека. Создавая в недрах зданий цеха, предполагали сократить путь рабочего от жилья до работы, но сам рабочий стал не нужен — зачем сохранять завод в близости от жилья? Цеха без людей стали возводить в пустынях. Столица сегодня зияет кавернами. Три четверти ее объемов не могут быть использованы.

В первый же месяц набора на новостройки космоса Столицу покинуло три четверти жителей. Пока это еще большой город. Скоро это будет пустой город, а немного погодя — ненужный...

Мы остановились у перил. Внизу простирался парк. Из багрянца увядавших кленов, лип и дубов вздымался гребень Внутреннего кольца. Столица была не только большой город. Она была прекрасна — прекраснейший из городов, созданных людьми.

— А вы, Павел? Вы тоже собираетесь покинуть Столицу, ненужный город?

— Я? С чего вы взяли, высокоумный друг? Я родился в Столице и здесь отдам концы, употребляя это древнее морское выражение. Как вам, вероятно, известно, я занимаюсь историей. До сих пор наука эта была достаточно отвлеченной — чтоб не сказать праздной... После совершенного вашей сестрой социального переворота положение изменилось и в этой области. Мы подбираем теперь информацию о нашей культуре и технических достижениях и переводим ее на языки новых друзей. Нужно же поднимать уважаемых звездных собратьев до человеческой культуры, а делать это удобнее всего в Столице — здесь сконцентрирована наша мудрость... Пойдемте обедать, дорогой Эли.

— Еще один вопрос, Павел, и мы отправимся. Вы сказали, что проголосовали за мой проект превращения Земли в космический генератор волн пространства. Почему вы это сделали?

Вы, конечно, отдавали себе отчет, что Земля тем самым становится непосредственно на службу всему Межзвездному Союзу?

— Как вам сказать? Надоело плыть против течения... Почему и мне не побезумствовать, раз все кругом посходили с ума?

— От вас я ожидаю ответа посерьезней, Павел.

— Вот как, посерьезней? Тогда получайте другой ответ. В вашем проекте одно меня подкупило сразу — размах. Раз уж мы ввязались в большую войну, несмотря на мои предупреждения, так надо вести ее по-большому счету... Не думайте, что я мещанин, боящийся всего, что за околицей. Превратить Землю в командную точку Галактики, в исполинский глаз, обыскивающий отдаленнейшие звездные уголки, в эдакое галактическое ухо, чутко улавливающее гармонию звездных сфер, — нет, это, знаете ли, внушительно!..

— Вот и прекрасно! — сказал я весело. — Думаю, мы найдем с вами общий язык и в остальном. Нет, Павел, Столица не умерла, вы ее рано хороните. Я попрошу у Большого Совета, чтоб именно в ней разместили экспериментальную станцию волн пространства. Скоро кавернам в ее теле придет конец.

Ромеро снял шляпу и церемонно поклонился, показывая, что у него не хватает слов выразить свое восхищение.

На позы он мастер.

10

Дни не шли, а летели, я вставал на рассвете и не успевал оглянуться — дня уже не было. Я торопился, вся Земля торопилась — Большой Галактический флот, покинув Плутон, сконцентрировался у Оры. Корабли ждали сверхдальних локаторов, без этого теперь нечего было и думать выпускать их в космические просторы.

Я наблюдал за проектированием гигантской станции волн пространства СВП-3 и руководил выпуском установок для звездолетов, названных нами СВП-2.

Это уже была не та станция СВП-1, что так честно послужила нам в Персее. Она годилась лишь для прощупывания близкого пространства, в рейсы с Солнца на Сириус и звезды Центавра, не дальше. Недаром, отдаляясь от Персея, мы быстро потеряли связь с галактами.

Зато модель СВП-2 легко локировала объекты в ста светогодах. Снабженные такими механизмами, звездолеты уже не те-

ряли связи друг с другом, даже отдаляясь на расстояние Веги от Солнца. И они уже не боялись нападения из невидимости. Кроме того, установки СВП-2 могли переговариваться с более мощными станциями и далеко за этими пределами.

Именно такую сверхмощную станцию СВП-3 мы и возводили сейчас на Земле. Здесь создавался величайший глаз и ухо Вселенной. СВП-3, по расчету, должна была действовать в радиусе десяти тысяч световых лет. До центра Галактики, скрытого в созвездиях Стрельца и Змееносца, мы не доставали, тем более не доставали до внешних галактик, но звездные скопления в Персее, Гиады, Плеяды, гиганты Ригель и Бетельгейзе — все эти далекие светила нашего звездного мира попадали в зону действия.

В этой работе было сделано лишь два перерыва. Первый — когда на Землю вернулся экипаж “Пожирателя пространства”. Ольге и ее товарищам прием был устроен намного торжественнее, чем незадолго до того мне. Земля неделю ликовала, два дня на ликование пришлось потратить и мне.

А второй перерыв произошел, когда мои товарищи улетали на Ору — Вера, Лусин (с Трубом, конечно) и многие другие.

— Надеюсь, ты недолго останешься на Земле? — сказала Вера перед прощанием. — Без тебя даже как-то неловко отправляться в дальние экспедиции.

Я усмехнулся и показал на своего помощника Альберта Бычахова, вместе со мной приехавшего на космодром. Альберт, беловолосый, веселый человек, руководил монтажом.

— Он меня держит, Вера. Пока он не высветит все закоулки в Персее, нечего и думать мне покидать Землю.

После прощания с друзьями мне захотелось пройти по пустынным проспектам. Я отпустил авиетку.

11

Осень в столице всегда хороша.

Хотя Управление Земной Оси расписывает свою власть над климатом и действительно выдает по графику ясные дни и дожди, ураганные ветры и дремотную тишь, морозы и оттепели, власть у него лишь на подобные грубые явления, а не на оттенки, в них же главная прелесть. “Завтра, с 10 до 14 часов, выпадет сорок семь миллиметров осадков, потом будет солнце и тишь” — сколько раз я слышал подобные объявления. Но что-то

ни разу мне не попадалась такая сводка: “Этой осенью яркость листьев на кленах превысит среднегодовую на 18 процентов, а дали будут прозрачней на 24 процента, журавлиное же курлыканье прозвучит особенно призывно”.

Если вдуматься, мы лишь кое-как справляемся со стихийной силой природы, но красота ее не в наших руках. Она создается сама.

Я шел по аллее Звездного проспекта и радовался, что кругом прекрасно. Низко нависало забитое облаками небо, ветер шумел в деревьях и кустах, ветви взмывали и рушились. А если ударял резкий порыв, тонкими голосами, заплетаясь, заговаривала трава.

На повороте аллеи, чуть ли не нос к носу, я столкнулся с Ромеро и Мери. От неожиданности я остановился, а когда, спохватившись, хотел пойти дальше, остановились они.

— Как здоровье, друг мой? — спросит Ромеро. — Вид у вас неплохой.

— Суть тоже. Никогда не чувствовал себя так хорошо. Простите, я тороплюсь.

— Идите Эли! — разрешил Ромеро, приветственно приподняв трость. — Вы всегда были твердокаменно аккуратны.

Я успел услышать, как Мери сказала:

— Эли мог бы составить компанию для той экскурсии? Как по-вашему, Павел?

Что ответил Ромеро, я не разобрал. Экскурсии я не терплю со школы, когда нас пичкали ими. Меня удивило лишь, что Мери назвала Ромеро Павлом.

Я долго гулял по Звездному проспекту. В аллеях все так же шумели липы, глухо бормотали дубы, несильный ветер трепал листву, как волосы. Я думал о разных событиях, одна мысль неторопливо сменяла другую. Ничего нет странного, что Ромеро знаком с Мери, он покидал Землю всего на год, остальное время провел в Столице. Будем надеяться, что с Мери он будет счастливей, чем с Верой. Нужно ли сообщать Вере о новой привязанности Ромеро? Очень возможно, что Вера огорчится... Вера уже далеко — в иных мирах!

Потом эти мысли отошли от меня, и я снова стал размышлять о своей работе — о быстродействующей связи со звездолетами, уходящими в далекие рейсы.

Как и Ольга когда-то, я мечтал о диспетчерских планетах,

созданных на галактических трассах. Я видел темные точки, насаженные в космосе, и говорил с ними, я снова был звездопроходцем в командирском зале: “Алло, девушка, вы Н-171? В тринадцатый раз вызываю, нельзя же так!... Я — звездолет ВК-44. Сообщите, сколько до Дзеты Скорпиона? У нас что-то забрахлили параллаксометры и интеграторы пути”. — “Я Н-171, — шептал я себе. — Не нервничайте, звездолет ВК-44, вы не один в космосе. До Дзеты Скорпиона от вас сто тринадцать парсеков, вам надо прибавить ходу, чтобы уложиться в расписание. Делаю замечание: с неисправными приборами не отправляются в рейс. В следующий раз сниму с полета”.

Я был счастлив оттого, что придумал суровую отповедь себе от незнакомой девушки на диспетчерской планете Н-171. Потом, устав, я присел на скамейку и снова вскочил. Идти домой по-прежнему не хотелось. Я запросил у Справочной информацию о сценических представлениях.

В стереотеатрах шла смешанная программа. Театр классики показывал Еврипида, Аристофана, Шекспира, Мольера, Турнэску, Мазовского, Сурикова, Джеппера — в каждом из восемнадцати своих залов по две пьесы в день. В театре комедии шел водевиль “Три страшных дня космонавта Гриши Турчанинова” — вещичка отнюдь не свежая, и злая сатира “Генрих Брилинг играет в бильярд на планете ДП-88”. В концертных залах обещали Баха и Мясоедова, Трейдуба и Шопена. Я выбрал стереотеатр. Это старейший из театров Столицы, там гордятся приверженностью к древности, вот уже два века до него не доходят новые веяния.

Стариной пахло уже в вестибюле. Сдав пальто роботу, я попал под радиационный душ, вызывающий благодушное настроение, — нехитрая гарантия, что любая программа понравится.

Второй робот спросил, желаю ли я привычное место или то, где объективно мне лучше всего любоваться представлением. Я сказал, что привычных мест у меня нет, пусть будет то, что мне больше подходит. Он проводил меня в тринадцатый ряд к пятому креслу, по дороге попросив заказать температуру, влажность и запахи микроклимата моего места. Я заказал восемнадцать градусов, семидесятипроцентную влажность, легкий ветерок и запахи свежескошенного луга, нагретого солнцем. Эти наивные удобства, так радовавшие предков, скорее забавляли, чем убла-

жали, а древние роботы, двести лет назад вышедшие из моды, просто развеселили. Девиз стереотеатра — “Представление начинается с входной двери”.

Сегодня шла драма “Встреча на белом карлике”, а перед ней показали Ору. Я увидел себя и друзей в момент, когда мы высаживались. Сперва появился “Кормчий”, за ним “Пожиратель пространства”, один за другим мы вылезали из корабля, а нас встречал, помахивая рукою, седой Мартын Спыхальский. На небе засветилось неутомимое солнце Оры, гостиницы раскрывали двери для звездожителей, шло собрание в зале Приемов. В одном из секторов, земном, сидели Ромеро, Андре, Лусин и я. Мельком увидел я и гостей с Веги, но не Фиолу, а ее подруг. И все это было так реально и живо, словно я снова был на Оре, а не смотрел стереокартину. Я даже разглядел многие подробности, не замеченные тогда.

А потом началась пьеса. Ее сочинили в двадцать первом веке, она вся полна наивной романтики той эпохи. Капиталист Невилл Винн спасается от революции на звездолете, выстроенном на его заводах, и насильно прихватывает с собой слуг, в том числе и машинистку Агнессу Форд, возлюбленную Аркадия Торелли.

Они высаживаются на планетке, вращающейся вокруг мрачного белого карлика. Торелли мечется по Галактике, разыскивая утерянную возлюбленную, и набредает на белый карлик, где во мраке крохотной планетки между ним и Невиллом Винном разыгрывается последняя схватка.

Я улыбаюсь, рассказывая сюжет. Я улыбался, сидя в кресле и наслаждаясь заказанным микроклиматом, когда вспоминал, что актеры пьесы умерли без малого триста лет назад. В конце концов это древнее стереопредставление — лишь немного усовершенствованное еще более древнее кино, в нем столько же условностей и странностей, как и в вытесненных им фильмах. Так я размышлял в своем кресле, не переставая иронически улыбаться. Улыбка пропала, когда на сцене появилась Лиззи О’Нейл, игравшая Агнессу.

И я уже не отрывался от сцены, я вслушивался в глуховатый страстный голос актрисы, — в мире больше не существовало чего-либо иного, чем то, что она говорила и делала. Здесь было все нереально: люди, их споры, бегство в космос, встречи в космосе — все, кроме игры. А играли они так, что нереальное

становилось реальным, наивное — трагическим, невысказанное — неотвратимым.

Передо мною ходили, страдали, молили о помощи живые люди, не изображения, не объемные силуэты и фигурки, нет, такие же, как я сам, много более живые, чем я сам. Я мог бы, подойдя, дотронуться до них, я слышал шелест их платьев и пиджаков, ощущал запахи их духов и табака. Лиззи простирала ко мне руки, смотрела на меня, я не сомневался, что она видит меня, ждет моей помощи, и я уже приподнялся в кресле, готовый бежать на злосчастный белый карлик, так был настойчив ее молящий взгляд, так призывен ее слабый крик.

Нет, дело было не в совершенстве оптического обмана, сделавшего этих давно умерших людей столь жизненными, что они стали реальнее жизни. Случись у меня на глазах встреча Агнессы и Аркадия, я равнодушно прошел бы мимо: мало ли встречается людей после разлуки, да и не стали бы они в реальной жизни так разглагольствовать о своих муках, так всплескивать руками, так бросаться друг другу в объятия, их бы высмеяли за неумную несдержанность, я бы первый посмеялся. Но здесь, в моем кресле с его микроклиматом, я не смеялся, я трепетал, в смятении сжимая руки, страдая чужим страданием, радуясь чужой радостью.

Уже после спектакля, принимая от робота одежду, я разговорился со старичком, моим соседом.

— Много предки делали не хуже нашего. Театр у них достиг совершенства, вряд ли и сейчас можно придумать что-либо лучшее.

— Можно придумать иное, чем Гомер или Леонардо, в своем роде такое же совершенное, но не лучшее, — сказал он. — Шедевры искусства законченны. Именно поэтому они нетленны. Вы не будете жить в хижинах и дворцах времен Свифта и Пушкина, не будете есть их еду, ездить в их экипажах, носить их одежду, но то искусство, что восхищало их сердца, восхитит и ваше, молодой человек. Искусство непреходяще, новое не отменяет в нем прежние свершения, как в технике и в быту, но становится вровень с ними.

Спектакль в стереотеатре так взбудоражил меня, что я долго не мог успокоиться. Пустая беготня по улицам стала раздражать. Проходя мимо комбината бытового обслуживания, я вспомнил, что по возвращении не менял верхней оде-

жды, пальто и шапка порядочно поизносились, да и фасон ныне изменился.

В комбинате мне вынесли тридцать моделей пальто, костюмов и шапок. В один из костюмов я вложил свой адрес, чтоб его направили на дом, а пальто надел. Новое пальто было красивее, но не так удобно, я всегда чувствую себя плохо в новом, пока не разношу. Я вышел удовлетворенный, что покончил со старой одеждой, и сожалея о ней.

Не пройдя и квартала, я воротился назад. Дежурный автомат спросил, чего я желаю.

— Ничего не желаю. То есть не желаю ничего нового. Возвратите мое старое пальто.

— Не нравится наша продукция? — равнодушно спрашивала машина. — Сообщите, что не удовлетворяет, сделаем по потребности.

— Все нравится. Великолепная продукция. Но я привык к старому пальто. Как бы вам сказать... сжился с ним.

— Понимаю. В последний год приверженность к новизне ослабела на четырнадцать процентов, приязнь к старым вещам повысилась на двадцать один процент. Нездоровая тенденция, надо с ней бороться, повышая качество. Стараемся. Слушаюсь. Получите старое пальто.

Я напялил возвращенное пальто и убежал. Ветер по-прежнему раскачивал деревья, на меня сыпались рыжие листья, они шуршали под ногами, я ворошил их, вдыхая густой запах прели.

Потом я сел на скамейку и спросил себя: чего мне надо?

Мне ничего не было нужно. Просто я не находил себе места.

Тогда, поколебавшись, я попросил Охранительницу соединить меня с Мери Глан. Мери появилась сейчас же, как я послал вызов.

Она сидела на диване, поджав под себя ноги, и смотрела на меня настороженно и иронически.

— У вас много терпения, Эли. Я ожидала вызова раньше.

— Здравствуйте, Мери. Не понимаю, о чем вы говорите?

— Значит, так, — сказала она. — Приближается праздник Первого снега. Ваш друг Павел Ромеро собирается отметить его угощением у костра. Все будет как в старину, точность обычаев он гарантирует. Я хочу, чтобы вы сопровождали меня. Вы согласны?

— Раз вы хотите, то да, конечно. В свою очередь я приглашаю вас с Павлом, но не на праздник, а на испытание станции дальней галактической связи. Вам будет интересно.

— Вы приписываете другим свои желания, — возразила она. — У вас, кажется, друзья на всех звездах, а у меня там никого нет. Как и ваш друг Ромеро, я привязана к Земле, а для ориентировки на ней хватает Охранительницы. Сомневаюсь, чтоб мне было интересно.

Я сказал сухо:

— При такой общности земных интересов вы, пожалуй, больший друг Павлу, чем я. И раз вас не интересуется галактическая связь...

— Общий сбор у Коровы. Доброго кувыркания в облаках! — сказала она и исчезла.

12

Это был последний большой праздник года, завершавший цикл поворотов в природе: Зимний солнцеворот, Большое таяние снега, Первый дождь, Летний солнцеворот, Большая летняя гроза, Первый снег...

В этом году не было уверенности, что торжество удастся. Праздник требовал слишком много энергии: все ресурсы Земли отдали строительству СВП-3. Выдвигались и другие соображения: половина населения планеты на космических стройках, а тем, кто остался, не до праздников: началась предпусковая горячка на станции сверхдальней связи. Но Управление Земной Оси выполняло свою программу неукоснительно. Если на Земле останется один человек, желающий повеселиться, для него развернут все установленные праздники.

Я думаю, это правильно. Мой помощник Альберт, увидев, какой размах принимает подготовка, направил Большой протест: “Человечеству сейчас нет времени праздновать, кроме, может, отдельных весельчаков. Для кого вы стараетесь?” Большая ответила со всей электронной рассудительностью: “Каждый человек достоин всего, чего достойно человечество”.

Как всегда, снеговые тучи прессовали над северной акваторией Тихого океана. Для интереса я слетал туда на рейсовой ракетке, а на Камчатке забрался в морскую авиетку. Охранительница предупредила меня, что надо потеплее одеться, но я пренебрег ее советом — и раскаялся. Холод был адский. Кру-

гом простиралась непроницаемо белая пелена, похожая скорее на скрипящую под руками вату, а не на влажный туман: тучи спрессовывались из мельчайших льдинок, им предстояло лишь немного укрупниться, чтоб образовать готовые снежинки.

Я пригласил с собой на праздник и Альберта. Он явился раньше всех и, усевшись у памятника Корове, по обыкновению возился с формулами. Он всегда вычисляет — в свободное и несвободное время.

— Опаздывают ваши друзья, — сказал он и опять занялся вычислениями.

Я сел рядом с ним. Это местечко перед Пантеоном — любимое место свиданий. На приземистом, красного гранита постаменте корова склоняла рогатую голову, всматриваясь в меня темными выпуклыми глазами. Я в тысячный раз прочитал надпись, почему-то она всегда трогает меня: “Кормилице людей. Благодарное человечество”. Во мне поднялись и прошли торжественно-широкие мысли. Никто давно не пьет молока от коров, но хорошо, что человечество не забывает свое прошлое. Над каменной рыже-черной коровой неторопливо плыли облака, обычные облака этого дня, не те, что наготавливались для праздника. Клены и каштаны стояли голые, лишь высокие узкие дубы не хотели прощаться с ржавыми листьями. Лужи затягивал ледок. Мир был суров и юн.

— Опаздывают ваши друзья, — повторил Альберт и, закончив одно вычисление, принялся за другое.

На площади опустилась авиетка с Ромеро. Кабина была заставлена свертками и пакетами, были даже два ведра. Ромеро помахал нам рукою.

— А Мери еще нет? Ладно, сейчас я ее доставлю.

Пока он летал за Мери, на площади приземлились еще три авиетки, из них вылезали друзья Ромеро, мужчины и женщины. Затем снова показалась авиетка Ромеро, за ней другая, с Мери.

— Кажется, все в сборе? — сказал Ромеро, весело оглядывая нас. — По креслам, друзья, и — за мной!

Мери сердито сказала мне, глядя в сторону:

— Приняли приглашение, но не удосужились залететь за мной.

— Я думал, что за вами залетит Павел, как, впрочем, и произошло...

Она отошла. Она не желала со мной разговаривать. Я уже подумывал, не отказаться ли от экскурсии. Если бы не Альберт, я постарался бы незаметно улизнуть.

Ромеро взял курс на север. Внизу проплыли три гряды жилых колец, затем потянулись парки, их сменили поля и леса. Ромеро шел на излучину реки Синюхи, где она образует петлю, поворачивая с запада на восток. На заросшем деревьями полуострове я не раз проводил летние дни, купался, влезал на дубы и тополя.

Ромеро опустился на полянку в центре излучины.

— Здесь! — сказал он, потопав ногами по земле. — Снег назначен на шестнадцать, у нас впереди четыре часа. Потратим это время на сооружение костра и приготовление еды. Сегодня, вероятно впервые в жизни для многих из вас, вы попробуете снедь и напитки, к которым не прикасались электронные руки автоматов. “Будем подобны предкам!” — таков девиз сегодняшнего праздника.

Ироничный, малоподвижный Ромеро, в практических делах скорее наблюдатель, чем участник, сегодня с энергией командовал. Мы с Альбертом собирали валежник, другие мужчины расчищали местечко для костра, женщины распаковывали свертки и доставали необычную посуду — фарфоровые тарелки, металлические вилки и ножи, хрустальные бокалы, скатерти из странного материала.

— Где вы достали такое старье, Павел? — спросил я.

— В музее. Надеюсь, вы не подумали, что для обеда в манере предков я прибегну к услугам автоматизированных столовых? Скатерти из чистого льна — великолепно, правда?

— Грубоватая ткань. Надеюсь, еда не из музея? Я не хотел бы глотать котлеты, приготовленные пятьсот лет назад.

— Успокойтесь, из музея одни вина, да и им, конечно, не пятьсот лет, хотя они очень стары! Но вино чем старше, тем лучше, — так считали в древности, а нам сегодня предстоит проверить, верно ли это. Я угощу вас свежайшим шашлыком из натурального барашка. Вчера еще наш шашлык блял в саду музея.

— Вы убили бедное животное, Павел?

— Дорогой Эли, предки не убивали, а приготавливали барашков. Я его приготовил, то есть зарезал, освежевал, разрубил мясо на кусочки, посолил, залил уксусом, приправил луком и

высыпал в ведро — томиться... — Он с наслаждением описывал свои действия, у него горели глаза. — Не делайте кислого лица, мой друг! Ручаюсь, вы пальчики оближете, когда попробуете шашлыка.

Костер взметнулся пологом багрового пламени, дым обвивал пламя, как кружево ткань. Я взял на себя обязанность надзирателя огня, Ромеро важно называл меня “дневальным по печке”. Это было все же лучше, чем возиться с дурно пахнущим мясом.

К шашлыку Павел пристроил Альберта, тот нанизывал мясо попеременно с луком на металлические шесты, похожие на прутья садовых решеток, — их тоже привез с собой Ромеро.

Время шло к шестнадцати, небо опускалось все ниже. Тучи двигались быстро, густые и темные, в любую минуту из них мог вывалиться снег. Дубы рассыпали багровые листья, их засасывало к костру и отбрасывало вверх: листья кружились над огнем стаями больших медленных бабочек. Альберт разместил шесты, мясо шипело, с него капал жир, чадно обволакивая горящие сучья. Меня подташнивало от усилившегося неприятного запаха.

Без пятнадцати четыре Ромеро стал открывать бутылки. Пробки окаменели в горлышках, одна бутылка сломалась. От вина шел густой аромат, в нем смешивалось что-то хорошее и что-то неприятное. Я заметил, что и другие, прежде чем хлебнуть вина, украдкой принюхивались к нему.

По команде Ромеро мы подняли бокалы.

— Зима идет, друзья! За хорошую зиму!

Стал падать крупный снег, и мы выпили вино. Не могу сказать, чтоб оно мне понравилось. В нем была терпкость, оно жгло во рту, как кислота, хотя скорей было сладко, а не кисло. В старину вино смаковали, но я чувствовал, что меня затошнит, если буду долго держать его во рту, и я проглотил его залпом. Альберт покривился, словно глотал жабу. Я сказал тихонько, чтобы не слышала Мери, сидевшая по другую сторону Альберта:

— Не знаю, как наши предки ели, а пили они невкусно.

Он отозвался громким шепотом:

— Ели они еще хуже. В шашлыке не чувствуется мяса.

— А у вас побагровели щеки! — сказал я со смехом. — И все лицо отекло. Боюсь, вино не опьянило, а отравило вас, а может, вы просто молодой, легкомысленный человек и потому... Дайте мне вот тот длинный жезл шашлыка. Хочу проверить, так ли он невкусен, как говорите вы... Речь идет о наших

предках, надо это понимать, Альберт, я никому не позволю, чтоб наших великих предшественников...

— Ладно, ладно, вы раньше сжуйте хоть четвертинку вашего жезла!

Натуральное мясо и вправду пахло чем угодно, но не мясом — дымом, угольями, сажей, пережаренным жиром, жилами, костями. И в нем не было той сочности и свежести, той ароматной мягкости, что радуют в настоящем синтетическом мясе. Я жевал кусок, перекачивая его из одного угла рта в другой, он был весь собран из каких-то терпких нитей и неперекусываемых железных пленок. Если бы такую продукцию выдали в столовой, все кухонные автоматы немедленно бы отправили на ремонтровку.

Мери, усердно жевавшая кусок, вдруг с отвращением выплюнула его в траву.

— Наплевательское отношение к великим традициям, — сказал я. — Не кажется ли вам, Мери, что вы оскорбляете тех, кто жил задолго до нас?

— Мне кажется, что вы не в себе, — огрызнулась она. — Раньше вы при каждом слове попеременно краснели и бледнели, сейчас вы только красны. И вы многословны, этого тоже за вами не было.

— Вы не отвечаете на мое... На мой призыв... нет, вопрос! Итак, я говорю, что вы осуждаете еду, которая тысячи лет...

— Выпейте еще, — посоветовала она.

— Наполните бокалы! — возгласил Ромеро. — Пусть льется по жилам чудесный напиток древних.

Я выпил. Меня мутило от жира, осевшего на зубах. Снег падал все гуще, он становился мельче. Небо темнело, земля светлела, торжественная белая одежда заволакивала землю. Земля засыпала. Мне тоже захотелось заснуть, я покачнулся и чуть не упал в костер. В ужасе я оглянулся — не видел ли кто, как я внезапно ослабел. Каждый был занят собой, на меня не глядели. Огонь костра боролся со снегом, сучья парили, дым вставал зонтом, лишь в глубине тускло тлел жар и змеились огоньки. Я не мог оторвать глаз от костра.

— Вам плохо? — спросил Альберт. — Поедемте лучше домой. Мне тоже надоело это скучное варварское веселье.

— Как? — переспросил я. — Я молчу. Я не говорил, что скучно. Я переживаю случившееся, дорогой... Альберт. Что вы сказали?

— Ладно, посидим еще, — согласился он. — Только дальше, по-моему, будет еще скучнее.

Кто-то запел, Ромеро подхватил. Сперва звучали два голоса, затем вступили Мери и Альберт, и песня стала всеобщей. Я тоже подтягивал, но тихо, чтоб не мешать певцам, я редко попадаю в лад. Потом я замолчал, лишь слушал и оглядывался. И мало-помалу, по капле, по слову, по взгляду, по жесту я стал проникать в сумрачную картину дикарского таинства, совершающегося вокруг меня.

С невидимого неба обильно валил снег, посередине тускло парил костер, а кругом костра люди, раскачиваясь, невпопад ревели песни. Я с ужасом открывал на каждом лице еще неизвестные мне выражения воинственного одушевления и жестокого восторга. Люди, мои соседи, радовались неизвестно чему, опьяненные, обожравшиеся, темно ликующие.

Я закрыл глаза, но страшная картина гремящих вокруг костра людей с тупо пьяными рожами не пропала, а усилилась. Я снова раскрыл глаза. Люди все так же сидели кружком и что-то надрывно выли сливающимся в один звук пением. Я вспомнил о моих товарищах, разбросанных по звездным просторам, никто из них и помыслить не мог, чем мы сейчас заняты. Я встал и подобрался к Мери. Она с испугом взглянула на меня.

— Вставай! — приказал я и рванул ее за руку.

— Что с вами? — говорила она. — На вас лица нет! Неужели на вас так плохо подействовало вино?

— Хватит! — требовал я и тянул ее за собою. — К чертовой матери это чертово... В общем, мы едем! Садись в авиетку!

К нам подскочил обрадованный Альберт:

— Я с вами! Ну, молодцы, наконец надумали!

Мы бегом пустились к авиеткам. Мери обогнала меня. У авиеток нас настиг Ромеро. Он схватил меня за плечо, я едва устоял на ногах.

— Ну! — сказал я. — Не очень, слышишь ты!

— Вот, значит, как! — сказал он. — Умыкание невест — так это когда-то называлось. А меня, по-вашему, не надо спрашивать? У вас не явилось мысли, что я могу быть против, любезный Эли?

— Нет. Не явилось. Зато мне явилась другая мысль. — Я повернулся к Мери и Альберту. — Вы летите домой, а я немного задержусь. Нам надо кое о чем потолковать с Павлом.

— Я не позволю!.. — начал он, но я стал между ним и авиетками. Он замолчал, всматриваясь в мое лицо. Я тоже молчал.

— Мы вас ждем! — крикнула Мери. Ее авиетка унеслась в темноту снегопада, а за ней пропала авиетка Альберта.

Только после этого я заговорил:

— Теперь можно не стесняться. Какой вывод вы собираетесь сделать из данного происшествия, высокоуважаемый Ромеро?

Он сперва повернулся к распевавшим у костра людям, потом со злой усмешкой посмотрел на меня. В темноте, слабо озаренной снегом и бликами костра, я видел лишь его белое лицо и сверкающие глаза.

— Когда-то был хороший обычай, — сказал он медленно. — Если двух мужчин разделяла женщина, они сами решали свой спор, не прибегая к помощи Охранительниц, Больших и Малых и прочих Справочных и Академических. Вы меня понимаете, высокоумный Эли? Я согласен на любой вариант — шпаги, пистолеты, винтовки... Оружие возьмем из музея.

Я изучал его бешеное лицо, стараясь сообразить, насколько он серьезен.

— Я не такой поклонник старины, как вы. Что до меня, то предпочитаю для дуэли аннигиляторы. Тут есть некоторое преимущество перед прежними формами поединков — побежденный увеличивает собою мировую пустоту...

— Короче говоря, вы отказываетесь из трусости, — сказал он надменно. — Могу вам сказать одно: трусостью еще никто не покорял сердца женщин.

— Да? — переспросил я, надвигаясь на него. — У вас, конечно, опыт — такой покоритель сердец!.. А не приходит ли вам в голову, рыцарь мужества, что я сейчас схвачу вас за грудки и выбью вашей стройной фигурой дупло в одном из дубов?

Теперь и он изучал мое лицо, пытаясь разглядеть, как далеко я готов пойти. Когда он заговорил, голос его звучал спокойно и хмуро:

— Что же, такой способ тоже был — драка на кулачках, зубами и ногами. Лично я не поклонник неандертальских манер. Но если вы настаиваете...

— Нет! Это вы настаиваете, а не я. Я хочу спать, а вы мешаете возвратиться домой. Пустите меня или нет? Еще минуту я потерплю...

Он колебался всю отпущенную ему минуту. Зато теперь он снова был прежний — ироничный, немного высокомерный, любезный Ромеро.

— Вы правы, мой друг. В наше время кулаком не завоевывают сердца женщин. И в пылу наших споров я позабыл, что меня ждут гости. Пренебрегать обязанностями хозяина в старину почиталось не меньшим грехом, чем показать трусость. Видимо, я опьянел. Я, как и вы, в первый раз пробую старинное вино. Желаю доброго сна.

Он пошатнулся, поворачиваясь. Я поддержал его. Он высокомерно отвел мою руку.

— Стой! — сказал я с яростью. — Должны же мы когда-нибудь поговорить как друзья, Павел? Не идите к костру, вам не место там.

— Позвольте мне самому выбрать себе место. И разрешите вам заметить, проницательный друг, я не нуждаюсь ни в чьих советах.

Я опять не пустил его.

— Я не советую, а спрашиваю. Почему вы на Земле, а не на Оре? Что вам делать сейчас на Земле?

— Странный вопрос! — сказал он, пожимая плечами. — А что мне делать на Оре? Вы, кажется, забыли, что там ваша сестра?

— Я ничего не забыл. Вы должны лететь на Ору.

Он уже не вырывался.

— Вы преувеличиваете мою выдержку, Эли. У нас с Верой нет дорог друг к другу. Если бы вы знали, как безобразно мы поссорились еще тогда, на звездолете...

— Я видел вашу ссору. Это получилось случайно, но я все видел.

— Значит, вы видели и то, как хладнокровно она прогнала меня? По-вашему, это можно снести?

— Глупец, она рыдала после вашего ухода! Слушайте, Павел, каждый день на Плутон уходят три экспресса, вы еще успеете к ночному.

Ромеро так побледнел, что я испугался. Он беззвучно шевелил губами, долгуую минуту всматривался в меня, потом сказал:

— Я подумаю. Сейчас меня ждут гости.

Я смотрел ему вслед. Он шел быстро и легко. Опьянение с него слетело сразу.

Утром меня разбудил Альберт. Он ухмылялся в видеостолбе.

— Проснитесь! — кричал он. — Как здоровье после вчерашнего? Мы с Мери добрались великолепно. Она передает вам привет. Да проснетесь ли вы наконец?

— Что случилось? — спросил я, вскакивая. — Почему такая спешка?

— Разве вы забыли, что сегодня опробование связи с Орой? Я вызываю вас уже со станции. Кого из ваших друзей приглашать?

— Жанну, жену Андре, и Мери. Впрочем, я уже пригласил их.

Я быстро оделся и поспешил к аэробусу на станцию.

Там уже все было подготовлено к открытию связи.

Гостей было немного, среди них Жанна. Я провел ее в зал и сел рядом с ней. Она попросила продемонстрировать во время сеанса связи места, где произошли сражения с разрушителями, я пообещал сделать все, что возможно.

Потом появилась Мери. Она с улыбкой пожала мне руку.

— Что вы сделали с Ромеро, Эли? Вы знаете, что он сразу после праздника улетел на Ору?

— Вас это огорчает, Мери?

— Разве похоже, что я огорчена? Вы, кажется, заподозрили, что я увлечена вашим другом?

— Очень рад, если не увлечены.

Положительно, у нее было неплохое настроение. Я первый раз видел ее такой веселой.

— Эли, вы разговариваете так, словно сами влюбились в меня. Не забывайте, что у нас нет взаимного соответствия. Ничего хорошего для вас из этого не получится.

— Как и для вас, — сказал я и показал ей место рядом с Жанной.

Пуск установки поручили Альберту. Он разместился в кабине, устроенной тут же, в зале, позади нас. Перед нами зиял темный ящик, нечто вроде сцены театров — приемный стереообъем станции. Возмущения плотности пространства, переведенные дешифраторами на язык человеческих звуков, линий и красок, должны были вещно изобразиться в стереообъеме.

— Луч в пространстве, — сказал Альберт в двенадцать часов.

Внешне все совершалось без эффектов — Земля не затряслась и не загудела, атмосферу не полоснуло пламя, даже кресла не дрогнули.

Но каждый из нас знал, что в мировое пространство рванулся поток энергии еще не слыханной мощи и концентрации. Прими этот поток иную, более вещественную форму и попади в него любая планета — даже вспышки не произойдет, просто исчезнет планета, словно и не было ее никогда.

И от одной мысли, что мы присутствуем при высвобождении чудовищно огромных сил, я испытывал гордость.

— В луче звездолет, — доложил автомат. — Расстояние — полпути до Оры.

— Это “Кормчий”, — воскликнул Альберт. — Очертания старого звездолета.

Стереобъем дымно сиял, и в нем плыла одинокая темная точка. Это мог быть любой звездолет — и старый, и новый.

— Ора в луче! — крикнул Альберт.

Ора летела навстречу, быстро увеличиваясь в тумане стереоэкрана. Это были пока наши импульсы, отраженные от нее, потом стали действовать ее собственные, от отосланной на Ору установки СПВ-2. Мы увидели зал Звездных Приемов, много людей, среди них Веру, Ольгу, Аллана, Мартына Спыхальского.

— Так что же? — сказал Спыхальский с подходящей случаю торжественностью. — Откроем первую быстродействующую галактическую передачу? Ора докладывает Земле: мы в луче.

Я ответил за всех, находившихся на станции, а также за всех, кто в этот момент слушал и наблюдал нас на планете:

— Земля горячо обнимает вас!

Спыхальский доложил, что установка СВП-2 пущена в срок, налажена связь со звездолетами и близкими светилами. Связь работает отлично. “Звезда со звездой говорит напрямую, запаздываний нет!” — объявил он.

Альберт сказал мне:

— Введен еще один канал на Ору. Предоставляется вам лично на три минуты для срочной передачи. Куда сфокусировать?

Я удивился: зачем мне личная передача, да еще срочная?

— У меня нет секретов. Сфокусируйте в обычный видеостолб.

После этого я увидел Фиолу.

Она была с подругами в тех же садах, превращавших полдень в сумерки. И подруги, и она вспыхнули столбами пламени в полутьме сада, лишь потом стали различимы их лица.

— Фиола! — крикнул я в восторге. — Фиола!

— Здравствуй, Эли! — пела и сияла она. — Я вижу тебя на далекой Земле! Здравствуй, Эли! Я знаю, ты был болен.

Я несколько раз повторил: “Фиола, милая Фиола!”, а она отвечала: “Здравствуй, Эли, как ты себя чувствуешь?”

— Великолепно, Фиола! — воскликнул я. Мне и вправду казалось, что никогда я не чувствовал себя так хорошо. — А ты? Скажи, как ты, Фиола?

— Я тоже. Я хочу тебя видеть, Эли!

— И я тебя!

— Прилетай!

Тут нам сказали, что три минуты кончились.

Когда Фиолу выключили, Мери холодно заговорила:

— Подруга ваша, бесспорно, красочна, но внешность у нее довольно нечеловеческая. Будете на Веге, передайте вашей змее поклон от земных девушек.

Я громко рассмеялся. Мери посмотрела на меня с возмущением. Она собиралась сказать что-то очень язвительное, но в это время в стереообъеме появилась Вера.

— Мы заканчиваем подготовку экспедиции, — сказала Вера. — Сообщаем Большому Совету, что Галактический флот ждет приказа выступить в Персей. И мы ждем тебя, брат.

— Уже скоро, — ответил я. — Уже скоро, Вера.

— Перевожу луч на Гиады, — сказал Альберт.

Это было значительно дальше Оры, до Гиад сто двадцать светолет. Перед нами одна за другой появлялись планетные системы, в межзвездном пространстве были локированы четыре наших звездолета. Альберт усилил энергию излучения механизмов. В стереообъеме загорелись светила Плеяд.

— Это произошло здесь, — сказал я Жанне.

— Расстояние в пятьсот светолет, — объявил Альберт.

Плеяды были пусты. Ни один звездолет не мчался между светилами. Альберт перевел луч в центр звездной кучки, на Майю, он высвечивал пространство, где произошло сражение человеческой эскадры со звездной флотилией врага, — пространство было темно и мрачно, в нем еще не рассеялась пыль недавней битвы.

Одну за другой мы увидели все четыре планеты празднично яркой Электры — и ближнюю, окутанную дымом, и дальние, закованные в вечный лед, и среднюю, Сигму, где мы потеряли Андре.

Жанна тихо плакала. Я не утешал ее, меня самого охватило волнение, когда я увидел эту несчастную планету. Я снова слышал последний, отчаянный крик Андре: “Эли! Эли!”

— Попробуем теперь достать скопление в Персее, — сказал я Альберту.

Наступил решающий момент испытания. Земля выбрасывала свои могучие локаторные лучи на пять тысяч светолет. Теперь должно было стать ясно, оправдались ли расчеты нашего проекта или мы потерпим поражение.

Несколько минут прошли в молчаливом ожидании. Потом в стереообъеме зажглось великолепнейшее из скоплений нашего района Галактики — две звездные кучки, несколько тысяч ярчайших светил... Я видел знакомую картину, ровно год я каждый день рассматривал ее в командирском зале несущегося в Персей звездолета.

И снова я не сумел отделаться от старого жутковатого ощущения, будто я вижу удар столкнувшихся звездных кулаков — звезды разлетались в стороны, как осколки... Скопление вспухало, звезды в нем разбегались. Теперь мы были где-то неподалеку от Угрожающей.

— В сверхсветовой области две флотилии звездолетов, — бесстрастно доложил автомат. — Идут параллельными курсами, скорость не выше ста световых.

Мы увидели точки, медленно плывущие в светящемся тумане стереообъема. В первой группе было пять, во второй семь кораблей. Куда они шли? Нападать на заблокированные планеты галактов? Обычный рейс в безраздельно контролируемом ими пространстве или свирепая попытка уничтожить внутренних звездных врагов, перед тем как подоспеем мы, враги внешние?

Я улыбался, сидя в кресле. Превращение Земли в величайшее ухо, глаз и голос Вселенной удалось! Альберт дал свет в зал.

— Ты видела места, где исчез Андре, места, где он сейчас томится, — сказал я Жанне. — Верь, Жанна, верь — ждуть уже недолго!

Она вытирала покрасневшие глаза. Я повернулся к Мери. Мери не было.

— Твоя знакомая ушла, когда показался Персей, — сказала Жанна. — Я хотела обратить твое внимание, но ты так следил за этими крейсерами... Тебя огорчает ее уход, Эли?

— Скорее радуется! — сказал я весело.

После этого я обратился к Альберту:

— Итак, пуск состоялся. В соответствии с решением Большого Совета, я с этой минуты свободен. Желаю успеха, Альберт.

Он крепко пожал мне руку.

14

Теперь оставалось немного. Вещи, собранные заранее, ждали меня на космодроме. До вечернего экспресса на Плутон оставалось три часа. Я вызвал Мери. Охранительница отыскала ее на одном из городских проспектов. Мери шла домой, сердитая и заплаканная. У нее были красные глаза, я различал это даже в видеостолбе. Она вздрогнула, когда я неожиданно засветился перед ней.

— Вы пытались убежать, — сказал я, — но я вас нашел. И хочу, чтобы вы немедленно прилетели ко мне. Мне очень нужны вы, Мери...

Она смотрела в сторону, потом сказала очень неохотно:

— Ладно, вечером. Если у меня появится настроение видеть вас...

— Вечером будет поздно, Мери. Я улетаю на Ору сегодня.

Пораженная, она взглянула мне в глаза:

— Хорошо, я вызываю авиетку.

Мы появились на космодроме одновременно. У нее опять переменилось настроение. Теперь Мери была недоброй и язвительной. Она не протянула мне руки, она собиралась на прощанье посмеяться надо мной.

— Когда прибудете на Вегу, передайте... — начала Мери, но я прервал ее.

— Не знаю, удастся ли скоро побывать на Веге. Мы идем в Персей. Я хочу, чтобы вы полетели с нами.

У нее был такой удивленный вид, что я рассмеялся. Она совсем рассердилась.

— Я не из тех, кто любит шутки, — сказала она в негодовании. — Очень жалею, что приехала вас провожать.

— Я не шучу, Мери. Ничего я так в жизни не хотел, как того, чтоб вы сопровождали меня! Что вас держит на Земле? Вам будет хорошо, обещаю! А на Плуtone вы возьмете все, что вам нужно в дальнюю дорогу.

Она колебалась. На глазах у нее опять появились слезы.

— Удивляюсь вам, — сказала она. — Вы, кажется, задумались над тем, что мне хорошо и что плохо. До сих пор вы больше думали о себе.

— Это потому, что до сих пор я чаще бывал с собою, чем с другими, Мери. К тому же, мужчины эгоистичней женщин, так написано в древних книгах. Но теперь все это переменится.

— Вы решили покончить со своим мужским эгоизмом?

— Наоборот, стремлюсь ублажить его. Оставить вас на Земле и потом не знать ни днем ни ночью покоя — что с вами, не влюбились ли в кого, не заболели ли? В тысячу раз спокойнее, если вы рядом, смотри в глаза, сколько хочешь, говори, когда хочешь, беги исполняй желания, с наслаждением слушай, как тебя ежедневно, ежечасно, ежеминутно пробирают!.. Я слишком большой эгоист, чтоб упустить свое счастье.

— У вас странный эгоизм, Эли.

— Какой есть. Идемте, Мери, остались минуты...

Она сделала шаг к звездолету и остановилась. У нее грозно хмурились широкие брови.

— Но предупреждаю, Эли: вашу прекрасную змею...

Я весело прервал ее:

— Она будет и вашей. Вы с Фиолой рождены быть подругами. Идемте, идемте, Мери!

Она все же колебалась. Она шла и останавливалась. Я ласково подталкивал ее. У планетолета она повернулась ко мне. Она была очень бледна.

— Эли, разве это серьезно? — сказала она чуть не плача. — Понимаете вы сами, что делаете? Павел утверждает, что вы способны на самые безрассудные поступки. Вы сейчас...

— Павел правильно говорит, — прервал я ее. — Павел отлично знает меня. И вообще он все в мире знает. Но какое отношение к нам имеют все его удивительные знания? Немного безрассудства — единственное, что нам требуется, чтобы быть вполне разумными.

Я ввел Мери в свою каюту. Она села на диван и радостно засмеялась.

— Эли! Знаете, в каком своем постоянном желании я хотела бы вам признаться?

— Знаю. Вы желали, чтобы мы вдвоем куда-нибудь далеко улетели. Это также всегда было и моим сокровенным желанием, Мери!

Книга вторая
ВТОРЖЕНИЕ В ПЕРСЕЙ

Вестник беззвучный восстал и войну многозвучную будит.
С башенной брови, о Кирн, вспыхнул дозорный костер...
Что же, мужайся! Взнуздать торопись ветroveющих коней!
Грудью о грудь на коне встретить хочу я врагов.
Близится пыль их копыт. До ворот они быстро доскачут,
Если очей моих бог не обуял слепотой...

Феогнит из Мегары (VI век до н.э.)

Часть первая В ЗВЕЗДНЫХ ТЕСНИНАХ

1

Все повторилось, все стало другим.

В прошлый раз я летел на Ору с чувством первооткрывателя. Звездный мир на полусферах стереоэкрана был первоначально ярким. Сейчас мы мчались проторенной дорогой, десятки кораблей впереди, десятки позади. Хорошо известные звезды неслись навстречу и погасали в отдалении — нового не было. Я торопился. Я больше не хотел быть звездным туристом. Воин величайшей армии, когда-либо собранной человечеством, — я опаздывал на призывной пункт!

— Не понимаю тебя, — сказала Мери, хмуря широкие брови. — Без тебя в Персей не уйдут — зачем нервничать? И неужели красота мира становится меньше, если ты уже любовался ею?

— Она перестает быть неожиданной, — пробормотал я, мрачно взирая на Альдебаран, который все увеличивался.

В Мери есть что-то общее с Верой, хотя внешне они не схожи. Та прямолинейная, сухая логика, что зовется женской, у них, во всяком случае, одинакова.

— Красота — это совершенство, то есть максимум того, что всегда ожидается и всегда желается. Желаемая ожидаемая неожиданность — согласись, это нелепо, Эли.

— Согласись и ты, Вера... — начал я запальчиво и запнулся. Мери рассмеялась.

— Я видела твою сестру лишь на стереоэкранах. Но ты уже не первый раз называешь меня Верой. И ошибаешься ты, лишь когда не прав и собираешься оправдываться. Разве не так?

Я поцеловал Мери. Поцелуи, кажется, единственное, что не требует ни обоснований, ни оправданий.

Мери все же пожаловалась:

— Я думала, ты будешь мне гидом на первой моей звездной дороге. Когда-то поездки молодоженов назывались свадебными путешествиями. У меня впечатление, что наше свадебное путешествие тебе наскучило.

Я стал вспоминать, что знаю о светилах, рассказал о полете в Плеяды и Персей.

— Звездная бездна со всех сторон, и мы куда-то падаем в ней, — сказал я с волнением. — Это нужно почувствовать, Мери: звездная бездна — и ты в ней все падаешь, падаешь, падаешь...

— Звездная бездна, и ты в ней падаешь, падаешь, — повторила Мери тихо. Она склонила лицо, я не видел ее глаз.

2

На Оре нас встретило так много друзей, что я устал обниматься, хлопать по плечу и жать руки. Рядом с Верой стоял Ромеро — как обычно изящный и холодно-подтянутый. Он ограничился тем, что крепко пожал мне руку.

С Мери Ромеро разговаривал так, что даже незнакомый явственно различил бы иронию.

— Вас можно поздравить, дорогая Мери? Насколько я понимаю, осуществились ваши заветные мечты?

Если раньше я опасался, что Мери влюблена в Ромеро, то сейчас мне показалось, что она его ненавидит, так раздраженно заблестели ее глаза.

— Вы угадали, Павел. Самые заветные из моих мечтаний!

Он почтительно развел руками, церемонно склонил голову, — так, наверное, в древности изображали поздравления.

— Что это значит? — Вера с недоумением переводила взгляд с меня на Мери и с Мери на Ромеро. — Случилось что-нибудь важное, брат?

— Для меня — важное! — Я взял Мери за руку. — Познакомься с моей женой, Вера.

Я всегда удивлялся быстроте, с какой женщины сдруживаются.

У мужчин мгновенное взаимопонимание не развито, мы раньше обмениваемся приветствиями, долго присматриваемся, принюхиваемся и прищупываемся, прежде чем начинаем сообщать, чего нам друг от друга надо. Условности поведения у нас сильнее, мужчины и доныне жертвы этикета. Я бы на месте

Веры часок потолковал с Мери, потом взял ее дружески под руку. Вера же просто шагнула к Мери, а та бросилась к ней в объятия.

— Наконец-то, Эли! — возгласила Вера, отпуская Мери. — И ты, кажется, сделал удачный выбор, брат.

— Не очень удачный! Справочная предрекла нам развод на третьем месяце брачной жизни. Правда, уже идет четвертый...

Вера увлекла Мери в сторону, а я поступил в безраздельное обладание приятелей. Пополневшая Ольга пожелала мне счастья, Леонид добавил своих поздравлений, Аллан похвастался, что никогда не изменит корпорации холостяков, а Лусин, глядя с нежностью, словно я был выведенным в его институте крылатым человекобыком, вдруг промямлил:

— Хочешь подарю? Дракон! Изумительный. Летай с Мери. Райское счастье.

— На огнедышащих драконах летать только в ад, а это я погжу, — сказал я.

Прилетевший Труб увеличил общую сумятицу. Я выбрался из его крылатых объятий основательно помятым. Прошло не меньше часа, прежде чем установился упорядоченный разговор взамен сплошного смеха и выкриков.

— Вы не сердитесь на меня, Павел? — спросил я Ромеро. — Я имею в виду совет насчет Оры...

— Я благодарен вам, Эли, — сказал он без обычной напыщенности. — Я был слепец, должен это с прискорбием признать. Наше примирение с Верой было так неожиданно быстро...

Я не удержался от насмешки.

— Не верю в неожиданности, особенно в счастливые. Хорошая неожиданность требует солидной подготовки. Этой, как вы помните, предшествовала наша ссора в лесу.

— Неожиданности у вас здесь будут, — предрек он. — И очень скоро, любезный друг.

Вера с Мери подошли к нам. Вера сказала:

— Нам нужно наедине поговорить о походе в Персей. Может быть, сделаем это не откладывая?

Я удивился, почему о походе в Персей нужно беседовать наедине.

— У меня обязанности гида, Вера. Мери впервые на Оре.

— Тогда приходи после прогулки в мой номер.

Лусин объявил, что не успокоится, пока не продемонстрирует мне с Мери зверинца, вывезенного с Земли. Мы не стали огорчать Лусина и пошли к его питомцам. Одних пегасов было не меньше сотни — черные, оранжевые, желтые, зеленые, красные с белыми искрами, белые с искрами красными — в общем, всех поэтических красок, воинственно ржущие, непрерывно взлетающие, непрерывно садящиеся...

Труб, скрестив на груди крылья, с насмешливой неприязнью следил за сутолокой.

— Неразумный народец, — проворчал он. — Не умеют ни читать, ни писать. Я уже не упоминаю о том, что не говорят по-человечески.

В первый год пребывания на Земле Труб справился с азбукой, а перед отлетом на Ору сдал экзамен за начальную школу, а там интегральное исчисление и ряды Нгоро. На Оре Труб устроил для своих сородичей училища. У ангелов обнаружились недюжинные способности к технике. Особенно они увлекаются электрическими аппаратами.

— Это же только лошади, хотя и с крыльями, — сказал я.

— Тем непростительней их тупость.

Было забавно, что один из любимцев Лусина поносит других его любимцев. Лусин от ангела, однако, легко сносил то, чего не потерпел бы от человека.

— Расист, — сказал он и так ухмыльнулся, будто ангел не ругал, а превозносил пегасов. — Культ высших существ. Детская болезнь развития.

За конюшней пегасов мы увидели крылатого огнедышащего дракона. Он был такой огромный, что походил скорее на кита. Он лежал, пламенно-рыжий, в толстенной броне, из ноздрей клубился дым, а когда он выдыхал пламя, проносился гул. Полуприкрыв тяжелыми веками зеленые глаза, крылатое чудовище надменно посматривало на нас. Казалось невероятным, что эта махина может парить в воздухе.

— У него корона! — воскликнула Мери.

— Разрядник! — с гордостью объяснил Лусин. — Испепеляет молниями. Хорош, а?

На голове дракона возвышалась корона — три золоченых рога. С рогов срывались искры, красноватое сияние озаряло чудовище. На молнии, испепеляющие врага, искорки похожи не были.

— Проверь, — предложил Лусин. — Кинь камень. Или другое.

На прибранной Оре найти камушек непросто. Я метнул в дракона карманный нож. Дракон рывком повернул голову, глаза остро блеснули, туловище хищно изогнулось, а молния, вырвавшаяся с короны, ударила в ножик, когда тот еще летел, — ножик бурно вспыхнул, превращаясь в плазму. И тотчас вторая молния, только еще мощней, разрядилась прямо мне в грудь. Если бы жители Оры не защищались индивидуальными полями, все мы, безусловно, были бы ослеплены вспышкой, а сам я, так же безусловно, разлетелся бы плазменным облачком.

— Может сразу три молнии, — восторженно пояснил Лусин. — И по трем направлениям. Имя — Громовержец.

— Не хотел бы я схватиться с Громовержцем в воздухе, — сказал потрясенный ангел.

Дракон успокаивался — приподнявшееся тело опадало, над короной плясали синеватые огни Эльма, тяжелые веки прикрывали потухавшие зеленые глаза.

— Громовержец так Громовержец, — сказал я. — Существо эффективное. Но зачем нам в Персее громовержцы с пегасами?

— Пригодятся, Эли.

Я тогда и понятия не имел, как жестоко Лусин будет прав!

Мы с Мери вышли наружу, оставив Лусина с его созданиями и с Трубом. Был вечер, искусственное солнце погасло.

— Одни! — воскликнул я. — На Оре — и одни, Мери!

— До сих пор ты больше стремился к своим друзьям, чем к одиночеству со мной, — упрекнула Мери.

Я рассмеялся. Нигде мне не бывает так хорошо, как на Оре!

— Ты, кажется, приревновала меня к Лусину и Трубу? Пойдем, я покажу тебе Ору.

Мы долго гуляли по проспектам планеты, заходили в опустевшие звездные гостиницы. Я рассказывал, как познакомился с альтаирцами, вегажителями, ангелами. Прошедшее нахлынуло на меня, призраки, как во плоти, двигались рядом. Я вспомнил и об Андре. Здесь он совершал великие открытия, а я зубоскалил, придирался к мелким ошибкам. Пока он жил среди нас, мы недооценивали его, я больше других был этим грешен.

Внезапно я увидел слезы в глазах Мери.

— Я чем-то расстроил тебя?

Она быстро взглянула на меня и спросила почти враждебно:

— Ты не замечаешь во мне перемен?

— Каких?

— Разных... Ты не находишь, что я подурнела?

Я смотрел на нее во все глаза. Никогда еще она не была так красива. Она отвернулась, когда я сказал об этом. Погасшее было солнце разгорелось в луну — на Оре по графику было полнолуние.

— Ты странный человек, Эли, — заговорила она потом. — Почему, собственно, ты в меня влюбился?

— Это-то просто. Ты — Мери. Единственная и неповторимая.

— Каждый человек единствен и неповторим, двойников нет. Ты по-настоящему любишь только двоих в мире. У тебя дрожит голос и блестят глаза, когда ты вспоминаешь их.

— Ты говоришь об Андре?

— И о Фиоле!

— Не надо, Мери! — Я взял ее под руку. — Они очень мне близки, Андре и Фиола, правильно, я волнуюсь, когда говорю о них. Но если бы мы с тобой были в разлуке, как бы я волновался, вспоминая о тебе! Я вот сейчас подумал, что мы могли бы очутиться врозь, и у меня задрожали коленки.

— Но голос у тебя не дрожит, — возразила она печально. — Ты говоришь о дрожи в коленках с улыбкой, Эли. Ладно, тебе пора к Вере. Отнесись серьезно к тому, что она сообщит.

— Ты знаешь, о чем она собирается говорить?

— Вера скажет об этом лучше, чем я.

— Везде загадки! Ромеро грозит неожиданностями, Вера может беседовать только наедине, ты тоже на что-то намекаешь. Сказала бы уж прямо!

— Вера скажет, — повторила Мери.

3

— Ты удивлен, что беседа наедине? — так начала Вера. — Дело в том, что речь пойдет о личностях. По решению Большого Совета я должна обсудить с тобой, кого назначим адмиралом нашего флота. Требований к адмиралу больше, чем к командирам кораблей.

Я пожал плечами:

— Я раньше должен услышать, что это за требования.

— Во-первых, общечеловеческие — смелость, решительность, твердость, целеустремленность, быстрота соображения... Надеюсь, не нужно подробней? Во-вторых, специальные —

умение командовать кораблем и людьми, хорошая ориентировка в галактических просторах, понимание противника и его приемов борьбы. И, наконец, особенные — широкий ум, ощущение нового, а также живое, доброе, отзывчивое сердце, глубокое понимание наших исторических задач... Ибо этот человек, наш адмирал, будет верховным представителем человечества перед пока малознакомыми, но, несомненно, мощными галактическими цивилизациями.

Я расхохотался:

— Ты нарисовала образ не человека, а божества. Сусальный лик, а не лицо. К несчастью, люди не боги.

— Нужен лишь такой командир. Другому нельзя поручить верховное командование.

Мы стали перебирать кандидатуры. Ни Ольга, ни Леонид, ни Осима, ни Аллан не подходили, это было ясно. Я упомянул Веру. Она отвела себя. Я сказал, что если бы Андре не был в плену, он подошел бы всех лучше. Вера отвела и его: она считала, что у Андре ум острее, но не широк.

Эта игра в кандидатуры начала мне надоедать. Мне все равно, кто будет командовать. Пусть обратятся к Большой — бесстрастная машина даст точный ответ.

— Мы обращались к Большой.

— Что-то не слышал.

— Это держалось в секрете. Мы предложили машине проверить правильность кандидатуры, принятой единогласно Большим Советом. Машина подтвердила наш выбор.

Я был удивлен, и даже очень. Что-что, а решение Большого Совета могли от меня не таить, кое-что и я смыслю в делах Персея.

— Кто же этот удивительный человек, так совершенно наделенный прописными достоинствами, что вы единогласно прочтите его в свои руководители?

Она сказала спокойно:

— Этот человек — ты, Эли.

Я был так ошеломлен, что даже не возмутился. Потом я стал доказывать, что их решение — вздор, ералаш, чепуха, ерунда, нелепость и недомыслие, она может выбирать любое из этих определений. Себя-то я знаю отлично. Ни с какой стороны я не вписываюсь в нарисованный ею силуэт идеального политика и удачливого военачальника.

— Ты, кажется, вообще отрицаешь у себя какие-либо достоинства?

— Кое-какие хорошие человеческие недостатки у меня есть.

— Не очень основательно, хотя и хлестко, Эли.

— Уж каков есть.

— Если ты будешь упорствовать, твое сопротивление вызовет недоумение и обиду. Зачем оскорблять поверивших в тебя?

Подавленный, я молчал. Как и в детстве, когда она меня распекала, а я не находил защиты от ее настояний. Но радости не было. Я припомнил, как возмутился спокойствию Ольги, когда ее назначили командующей эскадрой. Былая наивность повеетрилась из меня — я не ликовал, а страшился огромной ответственности.

— И долго ты будешь молчать? — иронически спросила Вера.

— Рассмотрим еще разок другие кандидатуры.

— Большой Совет рассматривал их. Государственная машина придирчиво исследовала каждого человека на годность в командующие. Капитаны кораблей пришли в восторг, узнав о решении Большого Совета. Тебе мало этого?

Я понял, что выхода мне не оставили.

— Согласен, — сказал я.

Она хладнокровно кивнула головой. Иного она и не ждала.

— Теперь о других назначениях. У тебя будут два заместителя и три помощника. Заместитель по государственным делам — я, по астронавигации — Аллан Круз. Помощники, командующие тремя отдельными эскадрами, — Леонид, Осима и Ольга. Возражений нет?

— Нет, конечно.

— Еще один пункт. Ты когда-то был моим секретарем, правда, не очень удачным. Теперь тебе самому нужно иметь секретаря. В секретари предлагают...

— Надеюсь, не тебя! — сказал я с испугом.

— Я твой заместитель, а это выше, чем секретарь.

— Извини, я не силен в рангах. Так кого прочат мне в секретари?

— Павла Ромеро. На него возложены также функции историографа похода. Но, если ты возражаешь, мы подберем другого.

Я задумался. Взаимоотношения с Павлом были слишком сложны, чтобы ответить простым “да” или “нет”. Я не знал дру-

гого человека, столь резко отличавшегося от меня самого. Но, может быть, несходство характеров и требовалось для удачной совместной работы?

Вера спокойно, слишком спокойно, ожидала моего решения. Я улыбнулся. Я видел ее насквозь.

— Разреши задать один личный вопрос, Вера?

— Если о моих отношениях с Ромеро, то они сюда не относятся. Действуй так, словно Ромеро мне незнаком.

— Павел, вероятно, будет лучшим секретарем, чем я командующим. Я принимаю его с охотой. Теперь можно задавать щекотливые вопросы? Я никогда не вмешивался в твою жизнь, Вера, но один раз позволил себе это. Должен ли я извиниться?

— Скорее я должна благодарить тебя за вмешательство!

Оставляя что-либо недосказанным мне не хотелось.

— Павел передавал тебе, при каких обстоятельствах произошла наша последняя беседа?

— Чуть не превратившаяся в драку? Я знаю обо всем: как он почти влюбился в Мери, и как ты встал на его дороге, и как Мери перед тем праздником в лесу призналась Павлу, что любит тебя и любит давно, с какой-то вашей встречи в Каире. И если бы не опьянение, Павел поздравил бы тебя там же, у костра, а не полез в драку.

— А вот я этого не знал. В Каире Мери обругала меня, как если бы возненавидела с первого взгляда.

— А мне сказала сегодня, что ты так беспомощно взглянул, когда она обозвала тебя грубияном, что у нее застучало сердце. Тебе повезло, Эли, и я хочу, чтоб ты знал: я очень люблю твою жену.

— Я тоже, Вера. У нас с тобой не так много было случаев, когда бы мы сходились во мнениях. Можно уйти?

— Теперь ты должен мне разрешать или не разрешать, — педантично напомнила она.

— В таком случае, я разрешаю себе уйти, а тебе разрешаю остаться.

4

Я и не представлял себе раньше, как трудно командовать. Если бы предстояло выбирать сызнова, я взял бы подчинение, а не командование. Я отвечал за все, а сведущ был лишь в ничтожной частице этого “всего”. Одно вскоре мне стало ясно: флот не

готов к походу. Так мы и доложили Земле по сверхсветовым каналам: требуется по крайней мере год для подготовки.

Однажды Ромеро обратился ко мне с просьбой:

— Дорогой адмирал, — он и Осима теперь называли меня только так, Осима серьезно, а Ромеро не без иронии, — я хочу предложить вам внести в свой распорядок новый пункт: писать мемуары.

— Мемуары? Не понимаю, Павел. В древности что-то такое было — воспоминания, кажется... Но писать в наше время воспоминания?

Ромеро разъяснил, что можно и не диктовать, а вспоминать мысленно, МУМ сама запечатлеет мысли. Но фиксировать прожитую жизнь нужно — так поступали все исторические фигуры прошлого, а я теперь, несомненно, историческая фигура. Историограф похода, конечно, и без меня опишет все важные события. А мне надо рассказать о своей жизни. Она внезапно стала значительным историческим фактом, а кто ее лучше знает, чем я сам?

— А Охранительница на что? Обратитесь к ней, она такого насообщит, чего я и сам о себе не знаю.

— Верно! Вы и сами того не знаете, что она хранит в своих ячейках. Нас же интересует, что вы считаете в себе значительным, а что — пустяком. И еще одно. Охранительница — на Земле, а ваша внеземная жизнь, неизвестная Охранительнице, как раз всего интересней.

— Вы не секретарь, а диктатор, Павел. Отдаете ли вы себе отчет, что в мемуарах мне придется часто упоминать вас? И мои оценки не всегда будут лестны...

Ответ прозвучал двусмысленно:

— Человеку Ромеро они, возможно, покажутся неприятными, но историограф Ромеро ухватится за них с восторгом, ибо они важны для понимания вашего отношения к людям.

В этот же день я стал диктовать воспоминания. В детстве моем не было ничего интересного, я повел рассказ с первых известий о галактах. Случилось так, что в эту минуту мимо окна пролетал Лусин на Громовержце, и я вспомнил другого дракона, поскромнее, — на том Лусин тоже любил кататься, — и начал с него. С тех пор прошло много лет. Я давно забыл те мемуары, ту первую книгу, как называет ее Ромеро. Я диктую сейчас вторую — наши мытарства в Персее.

Передо мною — лента с записью, рядом с ней та же запись в форме изданных по-старинному книг, пять толстых томов в тяжелых переплетах — официальный отчет Ромеро об экспедиции в Персей, там много говорится и обо мне, много больше, чем о любом другом. И, если я пожелаю, вся эта бездна слов, сконцентрированных в отчете, зазвучит в моих ушах голосом Охранительницы, живыми образами засветится на экране.

Я хочу поспорить с трудом Ромеро. Я не был тем властным, неколебимым, бесстрашным руководителем, каким он меня изображает. Я страдал и радовался, впадал в панику и снова брал себя в руки, временами я казался самому себе жалким и потерявшимся, но я искал, я неустанно искал правильный путь в положениях почти безысходных — так это было. Я продиктую книгу не о наших просчетах и конечной победе: такую книгу уже создал Ромеро, другой не надо. Нет, я хочу рассказать о муках моего сердца, о терзаниях моей души, о крови погибших близких, мутившей мою голову... Нелегким он был, наш путь в Персее.

5

Доклад о том, что эскадры не готовы в дальний поход, породил на Земле тревогу. Веру и меня вызвали в Большой Совет. Я пошел к Мери попросить сопровождать нас на Землю. Мы с Мери теперь не виделись неделями: я пропадал на кораблях, она нашла себе занятие в лабораториях Оры. Мне показалось, что она больна. На Оре, как и на Земле, болезни невозможны. Но у Мери был такой грустный вид, глаза так блестели, а припухшие губы были такие сухие, что я встревожился.

— Ах, ничего со мной, здорова за двоих, — сказала она нетерпеливо. — Когда отлетаете?

— Может, все-таки — мы отлетаем? Зачем тебе оставаться?

— А зачем мне лететь на Землю? Тебе надо, ты и лети.

— Такая долгая разлука, Мери...

— А здесь не разлука? За месяц видела тебя три раза. Если это не разлука, то радуюсь твоему удивительному чувству близости.

— На корабле мы будем все время вместе.

— Ты и там найдешь повод оставлять меня одну. Не хочу больше уговоров, Эли! Кстати, дам тебе поручение — список материалов для моей лаборатории. Привези, пожалуйста, все.

Мне пришла в голову одна мысль и сгоряча показалась хорошей:

— На Вегу идет галактический курьер “Змееносец”. Ты не хотела бы прогуляться туда? Экскурсия на Вегу займет три месяца, и на Ору мы вернемся почти одновременно.

У Мери вспыхнули щеки, грозно изогнулись брови. В гневе она хорошела. При размолвках я иногда любовался ею, вместо того чтоб успокаивать, это еще больше сердило ее.

— Ты не мог бы сказать, Эли, что я потеряла на Веге?

— На Веге ты ничего не потеряла, но многое можешь найти.

— Под находкой ты, по-видимому, подразумеваешь Фиолу?

— Поскольку ты хотела стать ее подругой...

— Этого хотел ты, а не я. Вот уж никогда не было у меня желания выбирать в подруги змей, даже божественно прекрасных! И особенно — возлюбленную змею моего мужа!

Я сокрушенно покачал головой.

— Ах, какая пылкая ревность! Но как же быть мне? Надо распространять благородные человеческие порядки среди остальных звездожителей, а моя собственная жена вся в тенетах зловредных пережитков. Какими глазами мне теперь смотреть на галактов и разрушителей? Какие евангелия им проповедовать?

— Когда ты так ухмыляешься, мне хочется плакать, Эли!

— Тебе это не удастся! Через минуту ты будешь хохотать, вижу по твоим глазам.

Хохотать она не стала, но плохо начатый разговор закончился мирно. Мери проводила меня на “Волопас”. В салоне Вера сказала:

— Мери хорошо выглядит. И здоровье у нее, кажется, крепкое?

— Здорова за двоих, так она сама сказала.

Все дни в полете заполнили совещания с Верой и ее сотрудниками. Их у нее добрая сотня, и весь этот коллектив — а впридачу к нему и корабельная МУМ — разрабатывал детали вселенской человеческой политики. На одном из их симпозиумов о природе галактического добра и зла я, почти обалдев, выпалил:

— Что толку копать в частностях? Мне бы встретиться с разрушителем, а там я соображу, как действовать.

— В тебе нет жилки политика, — упрекнула Вера.

— Сухожилия, а не жилки, Вера. Ибо ваши ученые речи так сухи, что я испытываю от них жажду буянить и ниспровергать добро.

С того дня я не ходил на совещания у Веры, а перед прибытием на Землю прочитал ее доклад Большому Совету — длинный список политических предписаний на все случаи похода. Все их можно было свести к нехитрой формуле: к разумным существам Вселенной относись по-человечески, по-человечески поддерживай добро, по-человечески борись со злом. Мне кажется, не стоило так много трудиться, чтобы в результате выработать такой бесспорный катехизис.

— Очень рада, что ты не нашел ничего нового, — заявила Вера.

— Что же тебя радует?

— А вот именно то, что наша галактическая политика тебе кажется бесспорной. Согласись, было бы печально, если бы руководитель величайшего похода человечества усомнился в его целях и задачах.

Какой-то резон в ее словах был. Во всяком случае, Большой Совет с энтузиазмом воспринял ее доклад “Принципы галактической политики человечества”. После заседания члены Совета разъехались торопить отстающие космические заводы, а мы с Верой стали готовиться обратно. Я забежал к Ольге, она незадолго до нашего отлета на Землю уехала сюда рожать и теперь возилась с прехорошенькой дочкой Иринкой. Она возвращалась на Ору вслед за нами.

За четыре месяца разлуки Мери очень пополнила, порывистая ее походка превратилась в неуклюже осторожную.

Я в изумлении сперва свистнул, потом схватил Мери на руки.

— Осторожней! — сказала она. — В прогнозе беременности таскания на руках не предусмотрены.

— Отшлепать тебя, Мери! Хоть бы словечко! И Вера хороша, она-то, наверно, знала!

— Она знала, а ты должен был догадаться! — весело возразила Мери. — Я же сказала тебе, что здорова за двоих — простой человек, не адмирал, сообразил бы, в чем дело. А молчать мы условились с Верой, на Земле тебе хватало забот и без тревог о моем состоянии.

Я засыпал Мери вопросами, кого она ждет, когда роды, как они пройдут. Мери умоляюще подняла вверх руки. Давно я не видел ее такой довольной.

— Не все сразу, Эли! Через месяц ты получишь сына, придумывай имя. Скажи теперь, как с моими поручениями?

— Сто тяжелых ящиков! Старинные ядерные бомбы в музеях легче твоих грузов. Я чуть не надорвался, когда поднимал один.

Мери рассмеялась:

— В ящиках тоже бомбы, только распространяющие жизнь, а не смерть.

— Жизнь, ты сказала?

— Да, жизнь. Что тебя удивляет? Наша женская судьба — породить жизнь. Разрушение — древняя привилегия мужчин. Не так?

— Не надо меня агитировать, Мери. На матриархат я не соглашусь. Максимум моих уступок — равноправие. Тебе привет еще от одной распространительницы жизни. У Ольги дочь Иринка. Прогнозы исполнились блестяще, роды прошли хорошо.

— Рада за Ольгу. Но, кажется, состояние других женщин тебя интересовало больше, чем состояние жены?

— Другие женщины не так скрытны, тем более их мужья. Когда один командир эскадры срочно просится на Землю, а второй чуть не ежедневно прибегает на станцию сверхсветовой связи, то командующий должен поинтересоваться, что с его помощниками. С ближайшим курьером и тебя отправим рожать на Землю, как велит традиция.

— Положим начало новой традиции — я буду рожать на Оре. Не делай огорченного лица, здесь мне будет не хуже, чем на Земле.

— Тогда назовем сына Астром, — сказал я торжественно. — Раз наш сын будет первым человеком, рожденным на иных звездах, то и имя у него должно быть звездное.

6

МУМ предсказала, что роды будут нелегкими, и роды были нелегкими. В эти дни я часто вспоминал об Андре: он тревожился о Жанне, а я посмеивался, ибо знал, что новый человек появится на свет в предсказанный срок и с предсказанным бла-

гополучием. Сейчас я тоже знал, что Астру гарантировано удачное рождение, но волновался не меньше Андре.

Он был, конечно, отличный паренек, наш Астр, пять килограммов мускулов и обаяния, он засмеялся, чуть раскрыв глаза, радостно задрыгал ножками — ему показалось хорошо на свете!

— Он ударил меня ножкой в грудь, и, знаешь, было больно, — с восторгом утверждала Вера. — Скоро мы покажем его тебе, посмотришь, какого родил озорника.

— Он похож на тебя, Эли, — добавила Ольга. Она, прилетев, сразу пошла к Мери. — Он хохочет, как ты, у него твое умное лицо, а когда ему что-то не понравилось, он нахмурился не хуже тебя.

А потом примчались поздравления с Земли, и первое от Альберта. Этот мальчишка поздравил нас с Мери по-своему. Он предложил Большой просчитать, какие космологические проблемы будут мучать нарождающееся поколение людей, и Большая выделила два вопроса: проникновение в загадочное ядро Галактики, скрытое от нас темными туманностями, и выпадение Гиад из нашего мироздания — теперь уже не подлежало сомнению, что звезды Гиад рушатся в какую-то яму в космосе, разверзшуюся словно специально для них.

Астру надлежит первому из людей броситься в провалы этой пропасти, пророчествовал Альберт, он первый исследует, вправду ли она бездонна.

Я не мистик и не ясновидец, я не мог догадаться в то время о судьбе, уготованной Астру, но хорошо помню, каким зловещим холодом повеяло на меня от астрологической шутки Альберта!

Мери, когда меня пустили к ней, выглядела такой веселой и красивой, точно вернулась с прогулки, а не выкарабкалась из болезни.

— Я знала, что Астр будет похож на тебя, — сказала она. — Уже на третьем месяце беременности у меня были его гороскопические фотографии, но тебе я не показала, я была тобой недовольна. Не оправдывайся. Лучше скажи, когда выступление.

— Уже скоро. Ты хочешь присутствовать при нашем отлете или возвращаешься на Землю раньше?

— Я хочу лететь с тобой!

— Чепуха, — сказал я великодушно. — Я знаю, у молодых матерей бывают странные причуды.

— О всех моих причудах ты и не догадываешься! Придется тебе взять нас с Астром с собою.

Я переубеждал ее. Я привел в пример Ольгу. Ольга — известнейший галактический капитан, кому-кому, а ей раньше всех нужно идти в экспедицию. А она попросилась в резервную третью эскадру, стартующую с Оры года через три, — так ей хочется побыть со своей Ириночкой подольше. О том же, чтобы тащить с собой в опасный поход девочку, ни она, ни Леонид и не помышляют. Материнство, сказал я, — это древнейшая из человеческих профессий, все мы должны считаться со священными обязанностями матери даже и в наше время, когда детишкам в яслях куда удобнее, чем у подола родительницы.

— По-моему, я не хуже тебя знаю профессию матери, — возразила Мери, хмурясь. — Уговоры бесполезны, мы летим с тобой.

— Но почему? Объясни по-человечески, для чего тебе подвергать себя и Астра превратностям дальнего путешествия?

На это она ответила так:

— Где ты, Кай, там и я, Кая.

Я не понял, почему она назвала меня Каем, а навести потом справку у МУМ как-то не удосужился.

— Ты, кажется, хочешь, чтобы я внес Астра в списки экипажа?

— Не иронизируй. Я хочу именно этого.

Я прошел к Астру. малыш дрыгал ногами и пускал пузыри. Он невнятно проговорил: “Бы!” Он вовсе не спал, отрешенный от окружающего, как любят проделывать другие человечки его возраста, он отнюдь не был некой “вещью в себе”, он уже жил, уже энергично барахтался в этом новом для него мире.

И когда я схватил его под мышки и поставил ножками на перину, он не сжал безвольно коленки, не повис беспомощно в воздухе, а энергично ударил подошвами в одеяльце. Он отталкивался от постели, уминал ее ножками, бил меня пятками в грудь, порывался идти. Он беззвучно хохотал, ловил пухлыми ручками воздух — нет, повторяю, он не покоился в этом мире, сонно набираясь сил, а действовал в нем, упругий, звонкий, всем своим существом радующийся тому, что существует.

— Астр, собирайся в поход! — сказал я, ликуя. — Надевай доспехи и собирайся в поход, маленький человек Астр!

Он проговорил гораздо отчетливее и громче прежнего: “Бы!”

...У меня сжимается сердце, когда вспоминаю тот день и что произошло потом. Даже случайные обстоятельства складывались так, что все они, как лучи, отраженные от вогнутого зеркала, собирались в одном зловещем фокусе, и в фокусе том была неизбежность.

7

Мы шли двумя эскадрами, по сто звездолетов в каждой.

Я поднял свою адмиральскую антенну на “Волопасе” — флагманском крейсере Осимы. На “Волопасе” поселились также Вера и Лусин. На “Скорпионе”, командирском корабле Леонида, разместился Аллан со своим штабом.

Сверхсветовые локаторы Альберта не обнаруживали перемен в звездных теснинах Персея. Земля, превращенная в величайшее Ухо и Глаз Вселенной, напрасно всматривалась и вслушивалась в два звездных кулака, столкнувшихся в гигантском космическом ударе, — из Персея не доносилось новых звуков, в нем не вспыхивало новых картин.

Лишь одно загадочное явление произошло незадолго до старта, но в тот момент мы не придали ему значения.

Альберт сообщил, что внезапно пропала одна из звезд скопления Хи, светило с единственной планетой, населенной разрушителями, — “зловредное” светило, по нашей терминологии.

— Взяло и пропало, было и не стало, — докладывал Альберт по СВП. — А звездочка неплохая — гигант класса К, абсолютная светимость около минус пяти — в десять тысяч раз поярче Солнца! И внезапно — нету! Исчезла из этого мира за считанные секунды, без потускнений и угасаний. Провалилась, как в люк, иного слова не подберу.

— Может, аннигиляция? — Меня встревожило сообщение Альберта. Если разрушители обладали искусством превращения вещества в пространство, то главное наше военное преимущество перед ними утрачивалось. — Вы не проверили, не расширяется ли скопление?

— Вы плохо относитесь ко мне, Эли, если думаете, что я немедленно не исследовал именно это — не появились ли каверны новых пустот? Никакого дополнительного пространства в Персее! Говорю вам, звезда просто пропала — и все.

— Наблюдения велись при помощи СВП?

— В оптике эта звездочка — мы ее назвали Оранжевой — будет мирно светить еще по крайней мере пять тысяч лет. Она исчезла в сверхсветовой области.

Станции волн пространства и на звездолетах, и на Оре были слишком слабы, чтобы зафиксировать пропажу и появление Оранжевой, зато мы хорошо рассмотрели ее в оптике. Звезда была эффектна — ярко-оранжевая, она затмевала своих соседей мятежным сверканием. Я и раньше замечал, что разрушители облюбовывают для своих селений именно такие звезды-гиганты поздних спектральных классов.

— Родная сестра Угрожающей, — сказал я Осиме. Сражения в районе Угрожающей еще были свежи в памяти.

Через три дня после первого сообщения Альберт передал, что Оранжевая появилась на прежнем месте и светит так же мощно и мирно.

История с пропажей звезды занимала нас недолго и не встревожила никого. Мы были поверхностны в суждениях, сейчас это надо признать. Никто не знает своего будущего. Не знал его и я. Нельзя требовать от человека больше того, что свойственно человеку.

Я не буду описывать движения к звездным скоплениям Персея, — об этом рассказал Ромеро. Упомяну лишь, что каждый из кораблей был быстроходней “Пожирателя пространства”, но флот в целом двигался медленнее, чем тот галактический разведчик. Мы не могли рассчитывать, что такая армада подберется незамеченной к крепостям разрушителей, — нужно было принять меры, чтобы вражеская атака не застигла врасплох в пути.

Астру пошел шестой год, когда перед нами на все звездное небо раскинулись гигантские скопления светил Персея.

8

Мы подошли к поясу космической пустоты, разделявшей оба скопления: ближнее Аш и дальнее Хи. Расстояние между скоплениями около сотни парсеков — пустяк по масштабам Галактики, но вовсе не пустяк для наших кораблей. Некоторые капитаны настаивали на обследовании ближнего — Аш, но я повернул на Хи, где мы уже побывали однажды: там нас поджидали подготовленные к встрече враги, но также и несомненные друзья.

Каждая эскадра двигалась самостоятельно — строем тарана в восемь слоев. В эскадре Осимы острие тарана составлял “Волопас”, за ним шел “Гончий пес”, а вокруг “Гончего пса” по кольцу располагались двенадцать других звездолетов. Дальше этот слой из тринадцати звездолетов, один в центре и двенадцать по окружности, повторялся семь раз с одним изменением — диаметр окружности от слоя к слою увеличивался.

Колоссальный конус из ста пяти кораблей штурмовал тенёта неевклидовости, чуть не запутавшие когда-то “Пожирателя пространства”.

А на отдалении в несколько световых недель точно такой же отряд звездолетов под командованием Аллана и Леонида прокладывал собственный туннель в неевклидовости.

Первые депеши Аллана говорили, что все идет хорошо.

Я хорошо помню день, когда уверенность в легкой победе была разметена. В тот вечер мы сидели вчетвером в командирском зале — Осима, Вера, Ромеро и я. Эскадра неслась на желто-красное светило с одной планетой. Это была Оранжевая — звезда, внезапно исчезнувшая перед нашим выступлением с Оры и так же внезапно потом появившаяся. Альберт назвал ее мирной. Мне она мирной не показалась: ее исступленное сияние тревожило, а не успокаивало.

Это, конечно, были эмоции, а не расчеты, тем более — не факты, но о фактах рассказал Ромеро, я же описываю свои ощущения, и тут ничего не поделаешь — Оранжевая меня беспокоила...

— Пока, кажется, все удачно? — прервала молчание Вера.

Ей ответил Ромеро. В те первые дни он выглядел оптимистом.

— Думаю, разрушителям на этот раз не удадутся нехитрые приемы, которыми они чуть не запутали Ольгу с Леонидом.

— И меня, — коротко напомнил Осима.

— И вас, уважаемый капитан Осима. Я хорошо помню, что вы были в числе трех командиров, сломя голову бежавших из Персея. И очень рад, что именно вы командуете победоносным возвращением.

Я наблюдал в это время Оранжевую. Волны пространства, сканировавшие странную звезду, преобразовались в приборе в обычный оптический спектр — я видел ее не той, какой она была месяцы и годы назад, а какой она была сейчас, в данную

минуту. И я ожидал от нее удивительных перемен — вспышек, гигантских протуберанцев, бешено разлетающихся туманностей. Если бы она на моих глазах превратилась в сверхновую, я бы не удивился.

— Почему ты так впился глазами в Оранжевую, Эли? — заинтересовалась Вера.

— Что-то произойдет, — сказал я. — Это ведь не просто светило, а звездное оружие... Как бы оно не грянуло в нас ошеломляющим залпом разрушительных частиц и испепеляющих полей.

— Пусть попробует, адмирал, — отозвался Осима. — Наши средства защиты от частиц и полей вполне надежны.

И, как бы накарканные мною, вскоре произошли перемены, но не те, каких мы ожидали. Оранжевая не вспыхнула, исполинский взрыв не превратил ее в сверхновую. Она стала тускнеть, просто тускнеть. Что-то в этом ослаблении блеска было нехорошее.

— Сообщение от Аллана! — сказал Ромеро. — Кажется, рапорт о полной победе!

Но это был рапорт о неудаче, а не о победе. Впоследствии таких рапортов я получал много и сам отправлял такие же на Землю — и понемногу мы к ним привыкли. Но в тот день слова депеши звучали похоронными колоколами. Попытка вторгнуться в глубь скопления не удалась. “Пожирателя пространства” когда-то не выпускали из скопления, а сейчас нас не впустили в него.

И хотя сейчас в звездную ограду врага врубалось больше ста сверхмощных кораблей, а тогда в его лабиринте метался лишь один неосторожный галактический разведчик, перемен не произошло.

С той же стремительностью, с какой Леонид ударил тараном эскадры в звездные стены противника, отряд выворачивало назад: задние слои тарана еще штурмовали окраинные звезды скопления, а острие, флагманский корабль “Скорпион”, вылетел наружу, в свободный от светил космос. Звездные проходы в скопление Хи были закрыты.

— Вчера отсюда не было выхода, сегодня сюда нет входа, — невесело сформулировал я.

— Но пока мы движемся вперед, адмирал! — воскликнул Осима. — И что не удалось эскадре Леонида, может удасться мне!

Оранжевая все больше тускнела. Я уже понимал, что это как-то связано с искривлением пространства. Скоро, очень скоро и мы, вслед за Алланом, должны были, как шар под гору, покачаться по предписанной кривизне наружу.

МУМ вскоре информировала о нарастающей кривизне пространства. Нас выбрасывало наружу.

— Разрушители действуют по шаблону, — заметил Роме-ро. — Не сопротивляясь нашему движению, спокойно меняют его направление. Вы не собираетесь поискать новых вариантов, дорогой адмирал?

— Уже ищу...

— Ну и?..

— Если они повторяют удавшийся им прием, то почему нам не повторить удар Ольги по планетке? Аннигилируем подходящий объект на окраине скопления и ворвемся в созданные нами ворота пустоты.

Осима передал командование автоматам. На полусферах за-светились карты скопления Хи. Оно не было компактным. Здесь имелись и одинокие звезды с планетками, и темные космиче-ские шатуны, уныло странствующие возле скопления.

Нужно было подобрать планетку так, чтоб искривляющие механизмы разрушителей не успели ввести новосотворенную пустоту в свои пространственные поля. В том районе, куда подошли обе эскадры, имелось около десятка планет вокруг оди-ноких звезд и примерно столько же галактических шатунов с массой покрупней планетной, но значительно меньше звездной. Каждый из них мог быть использован для прорыва.

— Атака в лоб не удалась. И не удастся, сколько бы мы ее ни повторяли, — подвел я итоги обсуждения. Я говорил так резко для упрямого Осимы. — Но если прямые пути перекрыты, мож-но пойти в обход.

9

Я прошел к Мери в лабораторию. Она занималась выведением простейших жизненных форм для разных условий питатель-ной среды, гравитации, температур и давления.

В колбах плескалось что-то мутное.

— Неинтересно, правда? — Мери засмеялась.

— Неинтересно. Жиденькая грязца.

— А если я скажу, что одной капли этой грязцы, пролей ее случайно из колбы, достаточно, чтобы уничтожить весь наш звездолет, — тоже неинтересно?

Я посмотрел колбу на свет. Это, несомненно, была колония бактерий. Но о бактериях, уничтожающих корабли, мне еще не приходилось слышать. Я попросил разъяснить, как могли попасть на звездолет такие опасные препараты.

— Они занесены в списки корабельного имущества в соответствии с требованиями закона, — успокоила меня Мери.

— Но они грозят разрушениями. Руководителю экспедиции полагается знать, для каких целей на корабле появляются предметы, таящие в себе гибель.

— Разве мало у нас предметов, потенциально опасных? В сравнении с аннигиляторами, уничтожающими планеты, мои микробы — стоя ос рядом с тигром.

Из объяснений с Мери я понял, что недавно были синтезированы удивительные тельца — микроскопические атомные заводы. При достаточном притоке энергии извне, а иногда и за счет внутренней энергии процесса, они перестраивают ядра атомов, входящих в состав их пищи.

— Вот эти крохотульки питаются железом, — сказала Мери, любуясь колбой. — И после их работы железа уже нет, а есть кислород и водород, кремний и углерод... Если мы где-нибудь натолкнемся на планету из чистого железа, я заражу планету этими бактериями, и через несколько тысячелетий на безжизненном металле появится разрыхленный слой, вполне пригодный для питания растений.

Я сказал удовлетворенный:

— Можешь возиться со своими крохотными страшилами, звездолету они не опасны. Железо для постройки кораблей давно не применяется.

Мери лукаво смотрела на меня.

— У меня еще десятка два похожих на эту колб, и в каждой точно такая же грязь... Но она разъедает уже не железо, а другие элементы.

К нашей беседе прислушивался Астр. Куда Мери ни идет, он бежит за ней.

Сейчас он сидел на полу и возился с игрушечным драконом.

— Папа, почини гравитатор, — попросил Астр. — Я уже два раза плюхался на пол.

У дракона были плохо подогнаны гравитационные контакты — обычная беда этих игрушек. Я почистил щеточкой излучатели, и Астр стал носиться по лаборатории, то взлетая под потолок, то гремя крыльями у моего уха.

— И тебе не страшно, что он разобьется? — упрекнула меня Мери. — Я обрадовалась, когда этот противный ящер отказал. Хоть день прошел бы без царапин и синяков.

— Мальчик без царапин и синяков немногого стоит, — отозвался я, искоса наблюдая, не нужно ли спешить Астру на помощь.

— Если маме не нравится мой зверь, я попрошу Лусина покатать меня на Громовержце! — крикнул с потолка Астр.

Он уцепился руками за плафон, а ногами удерживал рвавшегося вперед дракона. Если бы игрушка проскользнула между ног, Астру оставалось бы только падать. Я прикрикнул на него. Он опустился на пол.

Меривскоре догадалась, что меня что-то гнетет.

— Есть кое-что новое, — сказал я. — Дороги внутрь скопления закрыты основательно. Будем применять метод, которым Ольга воспользовалась при бегстве из Персея.

Я говорил тихо, но у Астра был отличный слух.

— Вы хотите аннигилировать звезды?

Дальше секретничать не имело смысла.

— Ну уж — звезды! Ограничимся планетоподобными шатунами. Зрелище будет красочное, тебе понравится, Астр.

Он объявил с гордостью:

— Я видел на стереоэкране, как ты с капитаном Ольгой Трондаик аннигилировал зловредную Золотую планету. Отличный был удар, такого до вас никто не наносил!

— Нам тоже досталось, сын. Но ты прав — аннигиляция удалась, выход пустого пространства был максимальным.

Мери и раньше без одобрения прислушивалась к нашим разговорам с Астром, а сейчас что-то вывело ее из себя.

— Иди к себе, Астр, — сказала она резко.

Когда Мери говорила таким тоном, спорить с ней не следовало. Астр покорно ушел.

— Сейчас мне за что-то достанется, — сказал я, посмеиваясь.

— Ты не знаешь меры в своем обожании сына! — с негодованием воскликнула Мери. — Как ты с ним разговариваешь?

— Нормально. Как с тобой или Ромеро.

— Именно. Но мы с Павлом взрослые люди, а он ребенок.

— Сюсюкать, как древние няньки?

— Не сюсюкать, нет! Но и не объясняться с малышом, словно перед тобой Ньютон или Эйнштейн.

— С Ньютоном или Эйнштейном я бы не объяснялся, как с Астром, — отпарировал я хладнокровно. — Они бы не поняли меня. Эти люди были научными великанами, но многое знали хуже Астры. Наш шестилетний малыш куда образованней Ньютона или Эйнштейна!

Раздражение Мери превратилось в смех. Такие переходы с ней бывали часто.

— Я устала от твоих парадоксов! — объявила она.

— Где парадоксы? Все тривиально. Ньютон был гениален, но ничего не знал об электричестве. Астра же окружают электрические машины, он бредит стереоэкранами, передачами, сигналами, электричество его согревает и освещает, он способен сам привести в движение и остановить моторы. Ньютон бы отпрянул в ужасе, если бы перед ним показалось какое-нибудь электронное страшилище, на котором раскатывает наш Астр! Теперь поговорим об Эйнштейне.

— Эли, довольно! Тебя не переспорить!

— Нет уж, поговорим! Эйнштейн разрабатывал современную теорию гравитации, но что он знал о переходе отрицательной энергии полей тяготения в положительную энергию отталкивающих полей? А ведь это та операция, которую Астр совершает простым поворотом рычага! Постой, я не кончил! Скажи по-честному: сумел бы великий Эйнштейн одним нажатием кнопки взлететь в воздух и мотаться где-то под потолком? Сумел бы он рухнуть с высоты, не повредив ни единой косточки? А наш малыш проделывает это запросто! Не говори мне после этого, что с Астром нельзя потолковать серьезно!

10

Проклятые разрушители были умнее, чем нам того хотелось.

Ни к окраинным звездам, ни к планетоподобным шатунам прохода не было. Мы нацеливались на них, но пролетали мимо. Неевклидова сеть сперва прогибалась, потом, пружиня, выбрасывала нас обратно.

Гигантское скопление, мощно пылавшее прожекторами звезд, было по ту сторону досягаемости.

Альберт с Земли насчитал шесть светил, подобных Оранжевой, наша старая знакомая Угрожающая тоже принадлежала к этой грозной стае звездных крепостей. Каждая защищала свой участок, а все вместе они были расположены так умело, что закрывали скопление как стеной.

Если бы я диктовал роман в манере моих предков, у меня нашлось бы много захватывающе интересного материала.

Одно описание погонь за одинокими небесными телами, пропадавшими в момент, когда мы направляли на них аннигиляторы, составило бы авантюрную повесть. А наши разочарования, неизменно заканчивавшие кратковременные надежды на успех! А тающие запасы активного вещества, сжигаемого без норм и меры!

И, быть может, самое непонятное и тягостное — ни одна из “неактивных” звезд, населенных галактами, не откликнулась на наши призывы, ни одна не пообещала и не оказала помощи! Если на подходе к Персею мы как-то улавливали их передачи, то сейчас их не было, никаких передач от галактов не было!

Прошло три года по земному счету, как мы подошли к теснинам Персея, а мы все толкались у звездной околицы. И тогда у меня возник проект, так разнó потом оцененный историками. Я не хочу ни восхвалять, ни обвинять себя. Недавно я слышал лекцию, передававшуюся по системе Звездного Содружества, в ней с моего предложения датируется поворот во взаимоотношениях звездных народов.

Трудно не усмехнуться. Потомки иногда презрительно отвергают твои достижения и увлеченно возвеличивают твои провалы, издалека твоё время видится иным, чем оно было для тебя.

Так вот, я утверждаю, что большей катастрофы, чем та, что обрушилась на нас в результате моего плана, нельзя было и ожидать. А если итог вышел иной, чем рассчитывали разрушители, то это была не их вина и не моя заслуга. Ибо в нашу взаимную отчаянную борьбу непредвиденно вмешалась третья сила.

Буду рассказывать по порядку.

На “Волопас” прибыли Аллан, Леонид и другие командиры — вести межкорабельный совет на пространственных волнах я не решился.

Вкратце мое предложение сводилось к следующему. Обе эскадры соединенной армадой атакуют неевклидовость неподалеку от Оранжевой. Отразить удар такой силы разрушители смогут, лишь форсировав защитные механизмы Оранжевой. А в это время три корабля во главе с “Волопасом” ударяют с другой стороны, где в момент атаки основных сил флота защита, несомненно, будет ослаблена. Три корабля вторгаются внутрь, а по открытому ими пути туда же устремляется флот.

Я ожидал возражений, и возражения посыпались, Аллан сказал:

— Резервная эскадра Ольги наконец заполнила трюмы активным веществом. Не лучше ли подождать подхода Ольги?

— Третья эскадра добавит мощи, но МУМ не дает гарантии, что этой добавки хватит, — возразил я. — Разрушителей надо взять не силой, а обманом. Обмануть их можно и без крейсеров Ольги. Риск поражения, конечно, есть. Всякая война — риск. Я не требую немедленного согласия — подумайте, посоветуйтесь с экипажами.

Пока командиры совещались, я поговорил с Леонидом и Алланом. Леонид был мрачен, Аллан весел. Он был идеальным руководителем для экспедиций, попадающих в беду. Я сказал им:

— Командовать кораблями, идущими на прорыв, буду я. Руководство объединенным флотом примет Аллан. Не вешай носа, Леонид. У нас с тобой бывали положения и похуже.

У Леонида раздраженно побелели синие белки глаз.

— Хуже, чем сегодняшнее положение, — да. Но я не уверен, что через неделю “Волопас” не запутается в треклятой неевклидовой улитке. Риск неизвестности — самый страшный риск. Как бы наш обман не натолкнулся на встречный обман.

— А есть другой риск, кроме риска неизвестности? Пусть тогда Павел разъяснит нам философскую природу понятия “риск”.

Ромеро припомнил смешную историю. Когда древние греки поднялись на таких же древних персов, божественный оракул на просьбу дать прогноз войны вдохновенно изрек: “Большое царство будет разрушено”, — не уточнив, однако, какое царство: греческое или персидское.

Ловкий ответ оракула привел Аллана в восторг.

— Не возражаю, чтоб и нам дали такой же результативный прогноз. Царство будет разрушено — значит, никаких ничьих. А наше дело — чтобы разрушалось царство врага, а не свое!

Я прошел к Вере, у нее сидела Мери.

— Тебе придется разлучиться с Павлом, — обратился я к сестре. — Операция “Волопаса” — военный маневр, незачем рисковать в ней судьбой политического руководителя экспедиции. Павел будет со мной, а ты переберешься к Аллану.

— Если надо, значит — надо, — ответила она.

— Ты и Астр будете с Верой, — сказал я Мери.

Мери наотрез отказалась.

— Ладно, оставайся на “Волопасе”, — сдался я. — Но зачем брать малыша? Поручим Астра заботам Веры. Если с ним что-либо случится, мы же себе не простим этого, Мери!

Когда Мери что-нибудь задевало, она становилась невероятно упрямой. Мне нужно было отложить этот разговор. Потом, остывшая, она решила бы по-иному. Это был тяжкий мой просчет — я стремился сразу поставить точку над “i”, а надо было маневрировать.

— Что может случиться с ним, что не случилось бы с нами? — опять, как перед отлетом с Оры, спросила она. — Я жена твоя, он твой сын — мы разделим твою судьбу, какой она ни будет.

Я больше не спорил.

Со всех кораблей сообщали: “Да”. Ни один экипаж не постановил “нет”, ни один не воздержался. Санкция на обманный маневр была единогласной.

11

“Волопас” сопровождали “Гончий пес” и “Возничий”. Мы ждали лишь известий от Аллана, что атака всем флотом начата. Аллан сообщил, что и новая попытка прорваться развивается неудачно. Неевклидова улитка выворачивала назад один за другим все звездолеты.

— Пора! — передал я на мои три корабля, и мы ринулись вперед.

Мы сидели втроем — Осима, Ромеро и я. Осима командовал, мы с Ромеро наблюдали. На оси полета сверкала Оранжевая, в умножителе был виден и шарик ее планеты. Если там обитали враги, они должны были принять какие-то защитные меры,

пусть неэффективные, но немедленные. Мы летели, все убыстряя ход, противодействия не было — ничто не показывало, что нас раскрыли. Три звездолета вторгались в скопление, как в открытые ворота.

— Слишком хорошо, чтобы было хорошо, — прервал молчание Ромеро. — Оранжевая как бы распахивает нам объятия. Если бы у меня была хоть капля суеверия наших добрых предков, я бы добавил к этому, что она коварно улыбается.

Мы продолжали лететь в ненарушенном просторе.

— Среди прочих вариантов мы рассматривали и тот, что разрушители будут нас заманивать, — высказался Осима. — Не кажется ли вам, адмирал, что осуществляется именно этот вариант?

Аллан передал в это время, что Оранжевая действует очень энергично. Лишь на направлении прорыва не было признаков активности — вариант, что нас заманивают, делался достоверным. Но я не мог в это поверить. Нужно было обладать мощью, несравненно превосходящей нашу, смелостью, граничащей с безрассудством, чтоб без сопротивления пропустить в свои тайники три звездолета после того, что наделал у них один “Пожиратель пространства”.

— Разрушители захвачены врасплох, — сказал я Осиме.

Мы пронеслись мимо окраинных одиноких звезд. Уже не только впереди, но и по бокам густо засверкали светила. Мы, наконец, были внутри Персея.

Корабли Леонида спешили в район прорыва. Они приближались, количество их умножалось, а в пространстве по-прежнему не появлялось возмущений.

— Кажется, растерявшиеся противники упускают последний шанс на действенное сопротивление, — оценил положение Ромеро, и мы с ним согласились, я — с торжеством, Осима — с удивлением.

Усталый, я задремал в кресле и увидел бредовый сон, первый из серии удивительных снов, так часто посещавших меня впоследствии.

Я был в огромном зале, темный купол блистал звездами, но то был экран, а не небо, и я хорошо знал, что вижу проекцию звезд на потолке, а не сами звезды. Я то шел, то бежал вдоль стены по окружностям, радиусы окружностей уменьшались, меня по спирали выносило в центр зала, я туда не хотел, там

реял меж полом и потолком полупрозрачный шар, я почему-то боялся этого шара, а меня неотвратимо толкало к нему. В тоске, молчаливо поднимая руки, я вглядывался в потолок, чтоб только не смотреть на страшный шар, а на потолке, среди ярких естественных звезд, беспокойно сновали звезды еще ярче, искусственные, я знал, что это не звезды, а наши эскадры. Аллан упрямо штурмовал скопление, а его так же упрямо вышвыривало назад...

— Кажется, я попал во сне в наблюдательную рубку врагов, — сообщил я, пробудившись, Осиме и Ромеро. — Вам, историографу экспедиции, нужно бы заинтересоваться дурацкими видениями, которые появляются временами в мозгу.

— Действительность фантастичней бреда, адмирал, — мрачно отозвался Осима. — Послушайте депешу Аллана.

Корабли Леонида, следовавшие по проложенному нами пути, натолкнулись на неевклидову метрику и возвращались обратно. Ворота, пропустившие три звездолета, захлопнулись для остальных.

— Посмотрите теперь на экран, дорогой друг, — проговорил Ромеро.

Я поглядел на экран со стесненным сердцем. Несколько минут назад, во сне, я видел примерно такую же картину: множество подвижных светил среди неподвижных. Но в видении подвижные огни были дружественны — наши собственные корабли, здесь же это были крейсера врага, сферой окружавшие нас.

— Около двухсот кораблей против трех, — сказал Осима. — Боятся они нас основательно, адмирал!

— И мы докажем им еще раз, что нас надо бояться. Приготовьте корабли к бою, Осима.

Мы понеслись навстречу эскадрам противника.

12

— Скучная история, — проговорил Ромеро, зевнув.

Прошло уже несколько дней с момента, когда мы ринулись на противника, а столкновение все не удавалось. Преследуемые корабли врага бросались наутек, зато нас настигали те, от кого мы в это время удалялись. Когда же мы поворачивали на них, удирали и они, а недавние беглецы превращались в преследователей. Тактика была проста: нас не выпускали, но сражения не завязывали.

— Хоть бы одна неактивная звезда отозвалась! Неужели в скоплении не осталось ни одной звезды, населенной галактами?

Ромеро промолчал, но я разобрался в его мыслях: мы явились сюда не как туристы, мы освобождали родственные народы, попавшие в беду. Они могли бы отозваться на поданный им клич! Различие между тем, что происходило во время полета “Пожирателя пространства”, и тем, что мы встретили сейчас, было тягостно.

Тогда неактивные звезды, не умевшие менять метрики, отчаянно зывали к нам, предупреждали об опасностях, восхищались нашим успехом.

А враги с энергией подавляли их передачи — межзвездные просторы были полны сигналов и шумов, волны боролись с волнами. Сейчас пространство было мертво. Мы без устали вслепую пробивались к друзьям, а друзья не хотели даже сообщить, где их искать.

— За сферой вражеских звездолетов проглядывается темный шатун, — сказал Осима. — Если оседлать его, получим свободу действий.

— Созовите командиров кораблей, — сказал я.

Осима приказал кораблям выброситься в Эйнштейново пространство. Вскоре “Возничий” и “Гончий пес” появились в оптике. Мы остановили сверхсветовой бег, в отдалении замерли и крейсера врага.

К “Волопасу” понеслись планетолеты. “Возничим” командовал Камагин, второго капитана, Артура Петри, я знал меньше. Аллан говорил, что после Спыхальского Петри больше всех налетал в Галактике.

— Нужны большие решения, — сказал я на совещании командиров. — Вам не меньше моего надоело бесцельное мотание вокруг Оранжевой.

— У меня возражение против нового плана, — объявил капитан Камагин, когда я закончил сообщение. — Наших запасов активного вещества недостаточно, чтобы настичь и разметать неприятельский флот. И выйти к какой-нибудь дружественной звезде мы не сумеем, ибо попросту не знаем, где она. Но захватить шатун надо.

— А для чего он нам тогда?

— Чтобы бежать к своим, — холодно сказал Камагин.

— Вы отказываетесь развить успех удачного вторжения? — неприязненно спросил Осима. Он был настроен воинственной всех нас.

Камагин живо повернулся к Осиме.

— Я отказываюсь считать вторжение удачным. Оно скорее похоже на провал, чем на успех. В чем была идея плана? В том, что вначале прорываются три звездолета, а за ними весь флот. А что получилось реально? Флот отброшен назад, а мы мечемся, как затравленные зверьки, в этой звездной крысоловке. Пора, пора убегать! Именно поэтому я голосую за захват шатуна.

Пока Осима спорил с Камагиным, я молча рассматривал маленького капитана. И, помню, в голове моей теснились мысли, имевшие мало отношения к теме дискуссии. Я размышлял о Камагине и про себя восхищался им. Характер и ум иной эпохи, он вписался в наше время, словно родился в нем. Он часто подчеркивал, вежливо и холодно, что не ему учить нас: он ровно на четыре с половиной века отстал от нынешнего человека — и хладнокровно учил. Он чертовски быстро, за несколько лет, преодолел разделявшие нас столетия. В старинных журналах о нем писали, что он человек выдающегося ума и воли, один из крупных деятелей своей эпохи. Среди нас, опередивших его на полтысячелетия, он был человеком не менее выдающимся.

Это не значит, конечно, что я был готов принять любое его предложение, но я прислушивался к ним, это я сейчас признаю.

Ромеро обратился ко мне:

— О чем так напряженно думает наш уважаемый командующий?

Я ответил в тон:

— Ваш уважаемый командующий согласен с капитаном Камагиным. У нас мало сил, чтобы господствовать в скоплении. Вторжение не удалось, пора возвращаться.

Ромеро пишет, что приказ о бегстве был в общем стиле моих приказов — неожиданных, круто поворачивающих ход событий.

13

Я и не помышлял, конечно, что разрушители легко отдадут неприкаянную планетку. Она мчалась меж их кораблей, как привязанная. В отчете Ромеро вы найдете описание нашего обманного маневра. Там подробно рассказано, как три звездолета, мчавшиеся до того компактной группой, вдруг ринулись в раз-

ные стороны, смяли стройную сферу вражеских крейсеров, а когда вновь пошли на взаимное соединение, добрый десяток кораблей противника вместе с темным шатуном оказался с трех сторон от оси нашего движения, и деться им было некуда.

Зрелище панического бегства врага было красочно. Их корабли мчались кто куда, лишь бы скорее удрать. Ни Осима, ни Петри не преследовали беглецов, но Камагин отомстил за предательское нападение на звездолет “Менделеев” в Плеядах. Один из крейсеров попал в прицельный конус “Возничего”, и Камагин ни секунды не медлил.

Зажженное им солнце пылало недолго, но, не сомневаюсь, зловещий блеск нового светила нагнал еще страху в души беглецов. А затем наши звездолеты повисли над темной планеткой. Это был типичный шатун — каменистый шарик, раза в три побольше Земли, без атмосферы, без воды, без каких-либо признаков жизни. Его не жалко было уничтожить, и мы его спокойно уничтожили.

Планета таяла, источая вокруг себя пространство, как пар, она “газила пространством”, по удачному выражению Ромеро. Все происходило, как было задумано. Мы стали независимы от нарушений метрики, создаваемых врагами. Возмущения метрики — это перемена структуры уже существующего пространства, а тут оно еще было в акте творения, его еще предстояло ввести в ту или иную структуру.

И оно росло, расширялось, мы мчались в этом непрерывно генерируемом защитном пространстве, как в беспрестанно возобновляемой скорлупке, — какой бы ад ни кипел снаружи, какие бы мощные поля метрики ни формировали создаваемую нами пустоту, до нас эти внешние бури не доходили.

Я сказал: все происходило, как было задумано. Теперь добавлю — кроме одного. Выбраться не удалось.

Колыбелька автономного пространства была не больше чем колыбелька. Мы лишь немного расширили объем скопления Хи, в одной его части появилась крохотная опухоль, а надо было взорвать исполинскую сферу, замкнувшуюся вокруг Оранжевой, теперь мы знаем это хорошо. Люди крепки задним умом, ничего не поделаешь.

День за днем мы удалялись от Оранжевой, слой пространства, закрученного в неевклидову улитку, становился все тоньше, мы уже видели корабли Аллана по ту сторону неевклидова забора — еще один-два хороших удара, еще одно отчаянное на-

пряжение генераторов — и мы вырвемся на свободу, так это тогда нам представлялось.

И когда стали таять последние мегатонны планетного вещества, я отдал приказ готовить к уничтожению “Возничего” и “Гончего пса”.

— Лучше пожертвовать двумя звездолетами, чем успехом кампании! — оборвал я запротестовавшего Осиму. — Прикажите капитанам эвакуировать на “Волопас” свои экипажи. Пусть корабельные машины просчитают, каковы наши шансы.

Все три МУМ подтвердили, что дополнительного вещества хватит на разрыв последнего слоя неевклидовости. Тогда мы еще не знали, что сверхмудрые МУМ тоже способны ошибаться...

14

Один за другим планетолеты перебрасывали людей и имущество с обреченных звездолетов. Командиры совещались в салоне, а я сидел с Мери и Астром. Древние капитаны, отказывавшиеся брать в походы свои семьи, были мудрыми людьми, сейчас я это понимал особенно ясно.

Астр все свободное время проводил в наблюдательном зале. Когда мы встречались, он давал мне пылкие советы, они были не хуже моих собственных решений. Пусть меня не поймут превратно, я не хочу сказать, что он гениален, нет, напротив, все мы, участники экспедиции, были средними людьми, о чем ныне стали забывать, изображая нас чуть ли не титанами, — дорости до нашего уровня было несложно.

— Ты напрасно взрываешь два корабля, отец, — убеждал меня Астр. — Так ослаблять свою силу! Три корабля или один!

— Три корабля больше, чем один, но у нас нет другого выхода.

— Есть! Захватите корабли врага. Пусть они, а не мы, увеличивают собой мировое пространство.

Я любовался им. Стройный и сильный, он уже доставал головой мне до уха — веселый и живой, сообразительный мальчишка. И просто удивительно, как он походил на меня. Я иногда раскладываю на столе его фотографии и свои в том же возрасте, и сам затрудняюсь сказать, где он и где я. Отличие лишь в том, что он красивее меня.

— Корабли противника не дают приблизиться к себе, — сказал я со вздохом. — Погуляй, сын, нам с мамой нужно поговорить.

— Не скрывая ничего! — потребовала Мери, когда Астр убежал. — Дело идет к гибели, да?

— Кризис, Мери. После кризиса или спасаются, или погибают. Терять бодрость не следует, но быть ко всему готовым — надо.

Она обняла меня, прижалась ко мне.

— А если что случится... Ты не простишь, что я взяла Астра?

— Астр такой же человек, как и мы. И если придется умирать, он умрет не раньше нас с тобою.

Она оттолкнула меня. В ней совершался очередной скачок настроения, я предчувствовал бурю. Но она сдержалась.

— Удивительный вы народ, мужчины, — сказала она только. — Все в вас звучит математическими формулами. Умрет не раньше нас с тобою — это так утешительно, Эли!

— Если я скажу по-иному, ты мне не поверишь...

— Скажи, может, и поверю!

— Тоскуешь по неправде? Жаждешь обмана?

— Какие напыщенные слова — тоскуешь, жаждешь! Ничего я не жажду, ни о чем не тоскую. Я боюсь, можешь ты это понять?

Я не стал продолжать этого разговора и пошел на совещание командиров.

На улице внутри корабельного городка ко мне присоединился Ромеро.

— Дорогой Эли, не завидуете ли вы нашим воинственным предкам, воевавшим без семей? — спросил он.

— Может быть, — ответил я сдержанно.

Ромеро продолжал со странной для него настойчивостью:

— Я бы хотел опровергнуть вас, любезный Эли. Мы иногда судим о предках общими формулами, а не конкретно. Им часто приходилось сражаться, защищая своих детей и жен, и они тогда сражались не хуже, а лучше — яростно и самоабвенно, жестоко и до конца, Эли!

Я бросил на него быстрый взгляд. Вера была в эскадре Леонида. И детей у Ромеро не было, он не мог говорить о своих детях.

Он шагал рядом со мной, подчеркнуто собранный, жесткий, до краев наполненный ледяной страстью, он с чем-то яростно боролся во мне, а не просто беседовал, таким я видел его лишь однажды — когда он пытался завязать драку из-за Мери.

Я сухо проговорил:

— К сожалению, должен ответить вам общей формулой. Мы будем сражаться яростно и самозабвенно, жестоко и до конца, Павел. Но не за своих детей и жен, даже не за одно человечество — за всех разумных существ, нуждающихся в нашей помощи.

Я был уверен, что он обидится на такую бесцеремонную отповедь, но он вдруг успокоился. Если и был среди моих друзей непостижимый человек, то его звали Ромеро.

Звездные полусферы в салоне пылали так, что глазам становилось больно. Красные, голубые, фиолетовые гиганты изливались в неистовом сиянии, а среди этих небесных огней сверкали искусственные, их было больше двухсот — зловещие зеленые точки, пылающие узлы сплетенной для нас губительной паутины. Оранжевая была в неделях светового пути, она казалась горошиной среди точек. Я хмуро любовался ею.

— Начинаем! — сказал я.

— Начинаем! — отозвались Осима и Петри.

Маленький космонавт молчал. Я уловил его скорбный взгляд, он глядел на два звездолета, неподвижно висевшие в черной пустоте неподалеку от “Волопаса”. Я до боли в сердце понимал страдания Камагина, они были иные, чем муки его товарищей.

Этот человек, наш предок, наш современник и друг, командовал фантастически совершенным кораблем, в самых несбыточных своих мечтах он раньше и помышлять не мог о таком. Мы были, в конце концов, в своем времени, а он превзошел границы свершений, отпущенных обыкновенному человеку. И сейчас он собственным приказом должен предать уничтожению изумительное творение, врученное ему в командование.

Наши взгляды пересеклись. Камагин опустил голову.

— Начинаем, — сказал и он. Голос его был нетверд.

Теперь медлил я. Оставалось отдать последнее распоряжение: “Приступайте к аннигиляции!” Я не мог так просто, двумя невыразительными словами выговорить его. И не потому, что внезапно заколебался. Другого решения, как уничтожить две

трети кораблей, не было, только это еще могло спасти нас. Я бы солгал, если бы сказал, что в тот момент меня тревожила собственная наша судьба: мы свободным решением избрали этот рискованный путь, неудачи, даже катастрофы, были на нем возможностями не менее реальными, чем успех. Я думал о том, что будет после того, как нас, запертых по эту сторону скопления, не станет. Ответственность за судьбы находившихся вне Персея звездолетов с меня никто не снимал — хоть формально, но я еще командовал флотом.

— Насколько я понимаю, вы собираетесь объявить миру ваше завещание? — уточнил Ромеро, когда я поделился с товарищами своими соображениями. — Не рановато ли, адмирал?

— Завещание — рановато. Но подвести итоги нашим блужданиям в Персее — самое время.

Мысль моя сводилась к следующему. Вражеский флот не подпускал нас к одинокой планетке и, удирая, утаскивал с собою и ее. Почему они так оберегались? Вероятно, опасались, что вещества планеты хватит на разрыв кривизны. Опыт врага нужно использовать для победы над ним. Стратегию вторжения пора менять.

— Я кое-что набросал, послушайте, — сказал Ромеро.

Я привожу здесь текст отправленной нами депеши — в варианте Ромеро ничего не пришлось менять.

“Человечеству.

Вере Гамазиной, Аллану Крузу, Леониду Мраве, Ольге Трондаик.

Адмирал Большого Галактического флота Эли Гамазин.

Вторжение трех звездолетов в скопление ХИ Персея, возможно, окончится неудачей. Два корабля будут уничтожены нами самими, судьба третьего со всеми экипажами еще неясна. Вы должны считаться с тем, что нам, возможно, не удастся вырваться на свободу. Рассматривайте это сообщение как мой последний приказ по флоту.

Прямое вторжение в Персей отменяю как недостижимое. В скопление надо проникать не тараном, а исподволь — разрушать, а не пробивать неевклидовость. Попытки захвата одиноких звезд и планет на периферии скопления, в зоне меняющейся метрики, успехом пока не завершились и вряд ли завершатся. Советую овладеть одинокими космическими телами вдали от скопления, где искривляющие механизмы не действуют, и по-

степенно их подтягивать, не выпуская из сферы влияния звездолетов.

Лишь сконцентрировав достаточно крупную массу таких опорных тел у неевклидова барьера, переходите к следующему этапу — аннигиляции. При такой подготовке, время которой, возможно, исчисляется многими земными десятилетиями, можно рассчитывать, что откроются космические ворота, неподконтрольные противнику.

Подтвердите получение”.

Сверхсветовые волны трижды уносили наше послание из звездных бездн Персея в мировой космос. Мы не сомневались, что враги перехватят нашу передачу, но не считали нужным таиться, даже если бы могли сохранить секрет: новая стратегия держалась не на скрытности, а на могуществе.

И еще не кончилась третья передача, как мы приняли ответ Аллана: “Приказ адмирала получен. Всею душой с вами. С волнением ожидаем результатов прорыва”.

— Можно взрывать звездолеты, — сказал я.

15

План уничтожения звездолетов был итогом холодной работы ума, а не плодом вольного желания. Только одну уступку мы сделали чувству — не было никаких внешних эффектов: ни шаров испепеляющего пламени, ни снопов убийственной радиации, ни газовых туманностей, ни потоков элементарных частиц...

Звездолеты, почти невидимые, просто таяли, истекая пространством, сперва один, потом другой, — и в этом темном новосотворенном “ничто” мощно неся “Волопас”, снова превращая его в “нечто” — шлейф горячей, быстро остывающей пыли тянулся за ним, как за кометой.

Чтобы скорее привести Камагина в себя, я приказал первым аннигилировать “Возничего”, в нервах Петри я был уверен больше.

В командирском зале распоряжался один Осима, наблюдательный зал был забит эвакуированными с гибнущих звездолетов. В салоне сидели Ромеро, Петри и Камагин. Здесь обзор был хуже, чем в обоих залах, но я пришел сюда, чтоб в эту трудную минуту не расставаться с капитанами. Я сел рядом с Камагиным и тронул его за локоть. Он повернул ко мне насупленное лицо.

— Как идет разрыв неевклидности? — спросил я.

Он ответил холодно:

— В три раза слабее, чем нужно для успеха.

Ромеро показал рукой на экран:

— Флотилия врага закатывается в невидимость.

Я закрыл глаза, мысленно я видел картину совершающегося яснее, чем физически. Гигантская буря бушевала снаружи, особая буря, таких еще не знали ни под нашими родными звездами, ни даже здесь, среди враждебных сил Персея.

Вещество уничтожается и тут же заново создается, гигантские объемы нарождающегося аморфного пространства — мы сейчас неистово несемся в нем — мгновенно приобретают структуру, губительную для нас метрику, а мы все снова и снова оттесняем эту организованную пустоту своей неорганизованной, хаотичной, первобытно аморфной... Корабли врага исчезли, даже сверхсветовые локаторы не улавливают их — так жестко скручено пространство, в котором они движутся...

— Идите в командирский зал, Эли, — посоветовал Ромеро.

В последнее время он почти не называл меня по имени.

Вместе со мной поднялся Камагин.

В коридоре он остановил меня. Он пошатывался, словно отравленный. Пожалуй, это было единственным, в чем он не мог сравниться с людьми нашей эпохи, — чувства, одолевавшие его, слишком бурно проявлялись. Он заговорил хрипло, быстро, страстно:

— Адмирал, я не хочу оспаривать ваши решения. Нас в далекие наши времена приучали к дисциплине, вам непонятной...

Я прервал его, чтобы не дать разыгаться истерике:

— Вы исполнительный командир, я знаю. И претензий с этой стороны у меня к вам нет.

Он продолжал еще громче:

— Я больше не могу, адмирал, вы обязаны меня понять... “Возничий” уничтожен, очень хорошо, но “Гончий пес” еще существует, он еще может сражаться. Неужели вы не видите сами, что жертва напрасна? Нам не уйти из скопления, но мы ослабляем себя, мы сами ослабляем себя, пойми же, Эли!

Я взял его под руку, и мы вместе вошли в командирский зал.

— Поймите и вы меня. Три звездолета или один, конечный итог — гибель. А здесь хоть и сомнительный, но шанс. Неужели вы не хотите испробовать все отпущенные нам возможности?

— Сейчас я хочу лишь одного: подороже продать наши жизни!

Мы уселись рядом с молчаливым Осимой, я слышал в темноте, как тяжело дышит Камагин. На экране, отчетливый, распадался последний осколок “Возничего”. Я всматривался в тающий звездолет. Последний шанс, думал я, последний шанс! У меня путались мысли.

Голос Осимы резко разорвал тишину:

— “Возничий” прикончен начисто, адмирал! МУМ сообщает, что преодолено не больше четверти пути. Ваше решение — продолжаем аннигиляцию?

Пока он говорил, я очнулся. Среди растерянности, постепенно становившейся всеобщей, я был обязан сохранять спокойствие духа.

— Да, теперь, конечно, очередь “Гончего пса”. Не понимаю вашего вопроса, Осима!

Осима справлялся со своими чувствами лучше Камагина.

— МУМ рекомендует ускорить аннигиляцию второго звездолета. Последуем ее расчету?

— Расчеты МУМ не безошибочны, но иных у нас нет.

На этот раз вспышки избежать не удалось, багровый шар забесновался на месте взорванного звездолета, и мы устремились в центр взрыва. На стереоэкранах мира впоследствии, когда мы наконец вернулись из Персея, часто показывали картины аннигилирующегося темного шатуна, постепенный распад “Возничего”, быстрое уничтожение “Гончего пса”. Каждый мог увидеть все, что видели тогда наши глаза, пожалуй, даже с большими подробностями, мы ведь не были способны взглянуть на это зрелище повторно.

Но сомневаюсь, чтобы кому-нибудь удалось хотя бы отдаленно испытать чувство, с каким мы смотрели на тающее плазменное облачко — это был не просто гибнущий крейсер, а последняя гибнущая надежда, единственный оставшийся нам шанс на свободу.

— Все, адмирал! — сказал Осима. — Прорвать барьер не удалось.

Мы долго молчали, покоясь в командирских креслах, командовать было нечем и незачем. На экране, замутненном взрывом “Гончего пса”, постепенно высветлялось пространство. Сперва

блеснула Оранжевая, затем появились другие звезды, потом засверкали зеленые огоньки неприятельского флота.

— Противник идет на сближение, — сообщил Осима. — Ваше распоряжение, адмирал?

— Готовиться к бою, — сказал я и вышел из зала.

16

За дверью я остановился, в изнеможении прислонился к стене.

У входа в командирский зал люди не прогуливались, здесь можно было побыть одному. Я боялся лишь встречи с Ромеро и Петри: с ними надо было обсуждать положение, а я не был способен на это. Не мог я оставаться и с Осимой и Камагиным, я весь сжимался при взгляде на страдальческое лицо и враждебные глаза маленького космонавта. А мысль, что попадетя Астрили Мери, приводила меня в ужас, такая встреча была всего невыносимей. Я не мог быть ни с кем, перенапряжение последних дней сломило меня.

— Нет, нет, нет! — бормотал я лихорадочно, я не знал, к кому направляю эти слова, я словно отстранился ими от неулыбанных упреков, от невысказанных обвинений. — Нет, нет, нет! — повторял я все громче и, когда не выговорил, а выкрикнул “нет”, вдруг очнулся. Я вытер пот со лба и быстро отошел от двери: мне почудились шаги выходящего Камагина. “Нет!” — сказал я себе, это было первое осмысленное “нет”, я приказал себе не торопиться, никто не должен видеть, что я бегу.

Я шел по извилистым коридорам, передо мною бесшумно раздвигались двери, все охранные механизмы здесь были настроены на мое индивидуальное поле, я еще был адмиралом Большого Галактического флота — для адмиралов на их кораблях не существует секретов. Адмирал! Ты еще адмирал, Эли! Я снова прислонился плечом к стене, перед глазами прыгали глумливые огоньки, издевательски подмигивала Оранжевая, зловеще наливались блеском точки вражеских крейсеров.

“Ты еще адмирал, Эли! — сказал я себе с гневом. — Борьба не кончена, нет!” Я дышал часто и глубоко, мне не хватало воздуха. Надо было успокоиться, пока я ни с кем не повстречался.

Я прошел в помещение МУМ, там никого не могло сейчас быть, лишь я один имел право входить сюда без разрешения командира корабля. Свет зажегся, едва я ступил на порог, посре-

ди комнаты стояло кресло. Я опустился в кресло, закрыл глаза. Я задыхался.

— Надо успокоиться! — сказал я вслух. — Слышишь, надо успокоиться.

Я повторял это до тех пор, пока не сумел взять себя в руки.

Передо мной на столике с ножками, таящими в себе тысячи проводов к датчикам и анализаторам, возвышался ящик, за полированными стенками его были собраны редчайшей чистоты кристаллы, уникальные химические образования, в равной степени творения ума и рук мастеров и плод поисков космонавтов-геологов. Я вспоминал зеленый камень с Меркурия, красовавшийся на платье Веры, он достался ей лишь потому, что его забраковали создатели этой машины, нашей корабельной МУМ, одной из многих сотен однотипных машин, рассеянных по планетам, смонтированных на галактических судах, тот удивительно красивый, самосветящийся камень был недостаточно хорош для МУМ, он годился лишь на украшения, а не на вычисления, мог стать элементом платья, но не уголком всепонимающего мозга.

— Ты, сверхмудрая и безошибочная! — сказал я горько. — Ты, рассчитывающая миллиарды комбинаций в секунду, может, поделишься со мной итогом одной комбинации, что реально совершается снаружи — двести кораблей против одного?

“Поражение! — засветился в моем мозгу холодный ответ МУМ. Через секунду она уточнила: — Гибель “Волопаса” после гибели многих атакующих судов врага”.

Я зло усмехнулся. Я ненавижу черствую машину.

— Подороже продадим наши жизни, как это называется на языке Камагина. А если без категорий купли и продажи? Согласись, всезнающая, та эпоха, когда всё продавалось и покупалось, в том числе и человеческие жизни, давно завершилась.

“Вы воюете, а война древнее торговли. Раз явление древнее, термины, описывающие его, тоже не новы”.

— Значит иного выхода нет?

“Нет. Гибель.”

— И твоя, стало быть, гибель, всепонимающая?

“Моя — в первую очередь. Если попаду в руки врага, человечество потерпит больший урон, чем если им достанется живым кто-либо из вас или все вы разом. Для гарантии успеха вы должны демонтировать меня, не дожидаясь общей гибели.”

— Дура ты! — сказал я. — Надменное и тупое вещество, имитирующее живой разум! Гарантия успеха... Ты будешь, конечно, демонтирована, это я тебе обещаю!

Я быстро вышел из помещения МУМ и прошел в отделение аннигиляторов Танева. Я блуждал по узким коридорам, пролезал в щели, поднимался на лесенки, задерживался на площадках — всюду вспыхивал свет, когда я приближался. И всюду были машины, гигантские, огромней городских домов, механизмы, сотни, может быть, тысячи автономных машин, при всей своей величине не более чем крохотные элементы созидательного и разрушительного начала галактического корабля.

Я дотрагивался до них, прислонялся к ним, любовался ими, печалился о них.

Может быть, только в мечте о всемогущем боге создавал до них человек нечто подобное, умеющее творить вещество из “ничего” и превращать вещество снова в “ничто”. Но это представление о боге было мечтой, фантастично разыгравшимся воображением, а здесь присутствовало материальное создание человеческого ума — реальный аппарат творения и уничтожения. И сейчас я должен был их уничтожить, чтоб они не достались врагу. И это было много тяжелее, чем решиться на собственное уничтожение.

“Сентиментальный дурак! — сказал я себе с отвращением. — Ты, не колеблясь, приказал уничтожить точно такие же механизмы на “Возничем” и “Гончем псе”. И сурово осуждал колебания Камагина, а сам нынче раскис! Погибнешь только ты и твой корабль — человечество остается. Риск, на который ты шел, не вышел из границ расчета, наша гибель была одним из допущенных вариантов — разве не так?”

Из отделения аннигиляторов я завернул в общежитие ангелов. У них шли занятия: ангелы обучались человеческому языку, нашим наукам и трудовым умениям. Мое появление прервало урок, ангелы шумно сгрудились вокруг. Обрадованный Труб сжал меня крыльями.

Я извинился, что внес беспорядок, и увел Труба.

— Наши дела плохи, друг мой, — сказал я.

— Хуже, чем были в Плеядах, когда напали злореды? — спросил он. События тех дней были для него как бы эталоном отличного поведения.

— Много хуже. Речь идет о наших жизнях — и прогноз МУМ отрицательный.

— Ты хочешь сказать, что мы погибнем в предстоящем сражении?

— Именно это.

Он слушал, грозно хмурясь. Он уже не был тем первобытным наивным храбрецом, каким когда-то явился к нам. И он уже не считал реально существующим одно то, что видели его глаза и до чего он мог дотянуться когтями, он знал теперь, что невидимое временами страшнее предметного.

Он громко всхлипнул и утер глаза.

— Тебе не хочется умирать, Труб? — Это был глупый вопрос, но ничего умнее не пришло в голову.

— Не то, Эли. Я был уверен, что мы высадимся на зловредной планете и произведем там революцию.

— Революцию, Труб?

— Разве я неправильно произнес это слово? Мы изучаем человеческую историю, — объявил он с гордостью. — И нам нравится, что люди, когда становилось невтерпеж, совершали революцию. Хорошо бы сделать революцию у зловредов, освободив всех, кого они угнетают. Теперь этим мечтам — конец.

— История не кончается на нас. Нам не удалось — удастся другим людям и их друзьям.

От ангелов я пошел к Лусину. Для его конюшен был отведен поселок на окраине городка. Лусин обучал Громовержца приемам воздушного боя. На дракона налетал отряд пегасов, крылатый ящер отбивался от воинственных лошадей. Меня удивило, что он не мечет молний, но Лусин разъяснил, что разряд даже малой интенсивности заживо сшибает даже самого дюжего пегаса.

— Как снаружи? — спросил он. — Нас преследуют? Опасно? Очень? Нет?

Я и ему рассказал, как сложилась обстановка. Лусин с отчаянием посмотрел на своих драконов и пегасов.

— Все погибнут? Эли, скажи — все?

— Неужели ты надеялся, что кто-то из твоих тварей уцелеет в таком катаклизме?

— Не говори так, не твари. Разумные. Жалко до смерти.

И сейчас он думал не о себе, а о своих синтезированных чудовищах, три четверти его духовных помыслов сводились к

заботе о них. Умом я понимал такое отношение, но чувство мое протестовало. Что-то от прежнего Ромеро, боровшегося против помощи звездожителям и превозносившего человека, сохранялось, видимо, и во мне.

Лусин с мольбой тронул меня за плечо:

— Сохранить, Эли! Нас много. Громовержец — один. Уникальный. Пегасы — тоже редкие. Высадить на планете. Пусть размножаются. Пойми, Эли! А?

— Ты произнес большую и горячую речь, впервые слышу от тебя такую, Лусин, — сказал я. — Если бы можно было где-нибудь высадить пегасов, я и Астра добавил бы к ним в компанию, пусть уж и он спасется. Надежды нет, Лусин!

Я ушел, не дожидаясь, какую еще нелепость он сморозит. Я вдруг успокоился. Отчаяние, терзавшее меня перед МУМ, пропало, словно я передал его Трубу и Лусину. Я знал уже, чего хочу, и знал, что отстоять свой новый план перед помощниками и экипажами трех звездолетов легко не удастся, и был готов страстно всех переубеждать и делать это быстро: военной судьбой нам было отпущено совсем мало времени.

Осима в командирском зале встретил меня восклицанием:

— Наконец-то вы появились, адмирал. Командующий вражеским флотом обратился с наглым посланием.

17

Прежде чем ознакомиться с депешей разрушителей, я посмотрел на стереозэкран. Зеленые огоньки собирались в кучки, пылали раздражающе ярко. Что-то произошло новое — корабли противника пренебрегли дистанцией безопасности, недавно так строго ими соблюдаемой.

“Почему они перестали нас бояться?” — подумал я и выговорил это вслух.

— Оставшийся звездолет ровно в три раза слабее, чем три прежних, — отозвался Камагин хмуро. — И враги соответственно чувствуют себя по крайней мере в три раза храбрее.

Арифметического соответствия тут быть не могло, но я не хотел вступать в спор.

— Доложите послание противника, — приказал я МУМ.

Она громко заговорила:

— “Галактическому кораблю, вторгшемуся в наше звездное скопление. Попытка выброситься наружу вам не удалась. Под-

вергнуть распаду какой-нибудь из наших кораблей вам не удастся. Вы обречены на гибель. Предлагаем капитуляцию. Гарантируем жизнь. Орлан, разрушитель Первой Имперской категории”.

Я обвел глазами помощников. Ромеро отвернулся, Петри угрюмо глядел на вражеские корабли, Осима спокойно ждал приказа, чтобы тут же, не оспаривая, энергично проводить его в жизнь. Зато Камагин с вызовом глядел прямо на меня. Я знал, что он скажет.

— Ваше решение, адмирал! — потребовал Осима.

— Хочу сначала выслушать вас. Начинайте вы, Павел.

Ромеро часто хвалился своей мужской доблестью и в драках держался отлично, но стратегическим мышлением одарен не был. Современный бой на сверхсветовых скоростях с применением аннигиляторов был ему противен: в таком бою побеждал математический расчет, а не личная храбрость. Рыцарское представление о сражениях прозвучало в его ответе:

— Ждать нападения, а затем обороняться, пока хватит сил.

— Петри?

— Сражаться, не отвечая на послание, — был короткий ответ.

— Камагин?

— Напасть! Посмотрите, Эли, они все приближаются, будто мы уже обессилели, скоро, очень скоро они попадут в конус удара аннигиляторов. Если вы разрешите мне занять одно из командирских кресел, я выброшу на тот свет треть неприятельского флота, прежде чем они откроют дорогу туда нам самим.

— Ясно. Вы, Осима?

— Атаковать, потом погибнуть, — повторил он мысль Камагина. Вглядевшись в меня, он поинтересовался: — У вас другое решение, адмирал?

— Да, другое, — сказал я. — Мое предложение — капитулировать.

Все четверо разом вскрикнули. Громче других прозвучал возмущенный выкрик Камагина:

— Сдаться в плен?

Я ответил не Камагину, а всем:

— Да, сдаться в плен! Именно это я и хочу предложить.

Помощники с возмущением глядели на меня.

Первым обрел спокойствие Осима:

— Адмирал, уточните. Речь не только о наших жизнях. придется сдать врагу звездолет — боевые аннигиляторы, МУМ.

— Сдать — да. Но не в сохранности, Осима. МУМ должна быть уничтожена, схемы аннигиляторов демонтированы. Это я поручу Камагину и вам, Осима. Враг может любоваться видом наших механизмов, но не должен разобраться в их действии.

Камагин не выдержал. Сомневаюсь, чтобы его поведение соответствовало даже современным мягким правилам дисциплины, не говоря уже о дисциплине древней, приверженностью к которой он гордился.

Он вскочил, гневно крича:

— Безумец! Вы думаете, неприятель не выбьет из пленных объяснения работы механизмов?

Вежливостью ответа я подчеркнул, что не принимаю такого тона:

— Знание всех схем аннигиляторов не является достоянием отдельных людей. Лишь все человечество в целом обладает таким знанием. Но человечество сегодня в плен не сдается, только три экипажа звездолетов.

Теперь я знал, что время эмоций прошло, будут не кричать на меня, а задавать осмысленные вопросы. “Половина дела сделана”, — сказал я себе с облегчением.

После нового молчания заговорил Ромеро:

— Я вижу, у вас все продумано, проникательный Эли. Не откажитесь сообщить, зачем вам потребовалось сдавать нас в плен вместе со звездолетом? Неужели жизнь в плену приемлемей почетной смерти?

Его вопрос воспламенил угасшего было Камагина.

— И пусть адмирал ответит еще на один вопрос! Не влияет ли на него то обстоятельство, что на борту звездолета находится семья адмирала?

Именно этого вопроса я и ждал.

— Да, влияет. Если бы на борту звездолета не находилась моя семья, я принял бы решение о капитуляции значительно раньше и без тех колебаний, которые меня одолевали.

— Вы сказали — решение? — спокойно поинтересовался Петри. — Разве это уже решение, а не свободная пока дискуссия?

— Выслушайте меня, — попросил я. — Только об одном прошу — выслушайте, а там решайте, прав я или не прав. И пусть вместе с вами слушают через МУМ все на “Волопасе”.

Я заговорил с волнением, я убеждал не только слушателей, но и себя, многое во мне самом протестовало против позорного плена.

Если говорить лишь о нас, сказал я, то честная гибель в неравном бою лучше рабского существования у разрушителей.

Но мы не имеем права думать лишь о себе. Мы — первые представители человечества, попавшие в логово разрушителей, мы должны быть достойны самих себя. Умереть всякий может. Жить в тяжких условиях — подвиг. Я пекусь не о наших жизнях, даже не о том, чтобы мы познакомились с противником изнутри, хотя и это может пригодиться, если нас вызволят.

Разрушители должны познакомиться с нами — вот главная задача. Наши противники должны узнать, за что мы ратуем. Одни станут еще враждебней, другие задумаются, третьи начнут колебаться, а некоторые, пусть их вначале будет немного, примкнут к нам: ведь разрушители не только свирепый, но и разумный народ, никто их разума не отрицает... Нет, борьба с разрушителями не заканчивается с нашим пленением, она продолжается, но в иной форме, без аннигиляторов и взрыва планет. Гибель в бою — легкий путь прекращения борьбы. Я уверен, что и более суровый жребий нам по плечу, я верю в себя, я верю в вас!

— А теперь решайте, — закончил я и закрыл глаза.

Несколько секунд была тишина, потом ее прервал резкий звук. Я открыл глаза. Маленький космонавт порывисто вскочил и, не удержавшись, едва не упал. Он хрипло сказал:

— Пойдемте, Осима, здесь больше нечего делать... Вы не забыли, что нам отдан приказ демонтировать МУМ?

Осима стал медленно приподниматься. Я хотел посоветовать им не торопиться, ведь МУМ еще не объявила коллективного решения, но мне не дал заговорить вопль Петри:

— Смотрите на экран! Смотрите на экран!

Картина была такая, будто звездолет попал в фокус взрыва. “Испепелены!” — услышал я потрясенный шепот Ромеро.

В пространстве бушевала световая буря, корабли противника ошалело метались меж звезд. Оранжевая расширялась на всю сферу, это было уже не далекое светило, а исполинский космический крейсер.

— Адмирал, разрушители гибнут! — радостно вскричал Осима.

— Совместная гибель, наша и противников, дорогой капитан, так вернее, — отозвался Ромеро.

Даже в этот страшный момент он не потерял способности иронизировать. А затем неистовая вспышка озарила полутемный зал, и мы, одновременно все, потеряли сознание.

18

Пришли в себя мы тоже разом.

Командирский зал был ярко освещен, изображения звезд на стереоэкранах погасли. Я приподнял голову, посмотрел на товарищей — все они были живы, потом перевел взгляд на вход в зал. Там стояли три диковинных существа, одно впереди, два чуть позади.

Они были похожи на людей. Было у них сходство и с захваченным невидимкой, но там выпирала голая конструкция, изготовленная по расчету, эти же были существами: туловище, две ноги, две руки, одна голова — все то же, что у человека, но только не человеческое.

Стоявший впереди проговорил на отличном земном языке:

— Адмирал Эли, прикажи открыть вход в свой корабль. Я — Орлан. Командовать на “Волопасе” буду я.

Осима подскочил к Орлану, с силой толкнул его рукой в грудь.

Рука Осимы свободно прошла сквозь тело разрушителя, словно ничего на этом месте не было.

Славьте меня! Я великим не чета.
Я над всем, что сделано, ставлю "nihil" ...
В.Маяковский

Часть вторая ВЕЛИКИЙ РАЗРУШИТЕЛЬ

1

— Призрак! — вскричал Осима. — Адмирал, это видение!

Он снова ударил кулаком по диковинному существу, возникшему у входа, и, охнув от боли отскочил: на разбитых пальцах выступила кровь. Камагин и Петри, собиравшиеся кинуться вслед за Осимой, медленно опустились в кресла.

Ромеро переглянулся со мной, взгляд его сказал больше, чем любые слова. Я молчал, не двигаясь. В голове у меня молотом била мысль: "МУМ будет захвачена". Я лихорадочно пытался связаться с ней: она не откликнулась. Коммуникации, вероятно, были повреждены. Но звездолет был цел, входы в него задрены, сами мы живы — очевидно, и МУМ оставалась невредимой. Ужас в глазах Ромеро показывал, что и он понимал неправимность случившегося. В плен попадали не одни наши маленькие жизни, но и сокровеннейшие секреты человечества.

Никогда я так отчаянно не напрягал свой мозг в поисках хотя бы щели выхода, и никогда еще не были так пусты мои мозговые извилины!

— Откройте входы, или мы вас уничтожим, — повторил Орлан.

— Вас не задержали закрытые входы, — сказал я.

— Меня — нет, но мои солдаты не могут проникать сквозь вещественные барьеры.

Я повернулся к Камагину.

— Эдуард, хоть и без сражения, но мы еще можем погибнуть, как вы нас призывали. — Я с ненавистью посмотрел на Орлана. — Убирайтесь и можете уничтожить звездолет.

Ни один из разрушителей не пошевелился. Заговорил Ромеро:

— Ваш приказ не может быть выполнен, завоеватель, уже по одному тому, что мы утратили командование механизмами корабля. Восстановите нашу связь с аппаратами.

— Чтобы вы попытались взорвать корабль? — В голосе разрушителя зазвучала вполне человеческая ирония. — Ваши аннигиляторы блокированы нашими полями.

— Тогда чего вам бояться? Другого пути к открытию входов в корабль не существует — для нас, по крайней мере.

— Хорошо. Через три минуты по вашему счету обретете утраченную связь.

Я взглядом попросил у друзей совета, забыв, что при пропаже связи с МУМ могу прибегнуть к помощи наручного дешифратора, последнего творения Андре.

Мои помощники раньше обрели ясность сознания. Я слышал внутренний, одними мыслями, шепот Осимы: “Адмирал, я помню ваш приказ о МУМ!” И сейчас же во мне зазвучал голос Камагина: “Будьте покойны, Эли, мы с Осимой постараемся!”

Связь с МУМ восстанавливалась медленно, МУМ словно просыпалась, делала первые неуверенные шаги в яви, не сбросив полностью дремоты.

И когда я почувствовал что порванные связи с мозгом корабля заново обретены, я судорожно, одной резкой мыслью, попытался связаться с аннигиляторами, но связи не получилось: аннигиляторы были прочно блокированы. Я не сомневался, что такие же попытки совершили мои друзья, у Камагина вдруг вырвался стон, Петри чертыхнулся.

— Почему так долго? — спросил Орлан.

— Плохое соединение, — ответил я.

У Осимы было сонное лицо, Камагин раскрыл рот от напряжения, глаза его, вдруг ослепшие, полубезумные, вперлись в точку на экране. “Хорошо!” — подумал я с надеждой.

Из миллиардов возможных сочетаний элементов, составляющих МУМ, только одно делало ее работоспособной — теперь сама МУМ, под диктовку Осимы и Камагина, составляла схему своей перекомпоновки. Когда кто-то из них скажет: “Все. Действуй”, — эта единственная комбинация будет заменена другой, случайной, бессмысленной, одной из многих миллиардов бессмысленных сочетаний.

— Все! — воскликнул Осима, энергично поворачиваясь в кресле.

— Все! — эхом откликнулся Камагин и радостно вскочил.

Я испытал болезненный удар в теле, по нервам промчался электрический разряд. Прежней разумной МУМ, хранительницы знаний человечества, больше не существовало.

— Адмирал! — торжественно проговорил Осима. — Приказ выполнен.

— Петри, откройте вход, — распорядился я. — Ручное управление помните?

— Справлюсь, — проворчал Петри, направляясь к двери.

Ромеро в восторге хлопнул себя ладонями по коленям. За нашу многолетнюю дружбу я не помнил у него такой несдержанности.

— Как дурачков! — лепетал он. — Нет, как дурачков!..

— Радости мало, Павел! — возразил я печально. — Плен остается, звездолет захвачен. Да и нет комбинации, которую нельзя было бы восстановить...

— Дорогой Эли, теоретически возможное на практике чаще всего не исполнимо. Древний мыслитель Руссо говорил: “Случайно могут выпадать любые комбинации, это бесспорно, но если мне скажут, что типографский шрифт, рассыпанный по улице, сложился при падении в “Энеиду”, я и ногой не пошевелю, чтобы пойти проверить”. Я думаю, этого мыслителя можно принять в качестве примера для подражания.

— Валом валят, твари, — сумрачно сказал возвратившийся Петри.

Разрушители потеснились, словно пропуская кого-то в командирский зал, но новых фигур не появилось. Вместе с тем я явственно ощущал, что свободного пространства стало меньше.

— Невидимки! — предупреждающее сказал Ромеро.

До нас донесся бесстрастный голос Орлана:

— Вам разрешается идти к своим товарищам.

2

Ромеро направился в парк, мы четверо шли за ним. Из всех служебных помещений головоглазы выгоняли людей. В коридорах мы их наконец увидели: бронированные опухоли с перископами вместо голов неуклюже шествовали от причальной площади, захватывая одно помещение за другим. На площадке стояли легкие корабли, похожие на наши планетолеты, из люков сыпались все новые головоглазы.

— Настройте дешифраторы! — посоветовал Ромеро и, когда мы проверили свои наручные ДН-2, продолжал уже одной мыслью: “Если у невидимок и нет тела, то уши, вероятно, имеются, а разобраться в индивидуальных излучениях им будет непросто”.

И каждому, кого встречал, он говорил: “Настройте дешифратор”.

В аллеях парка было полно народу. Я сел на скамью с Мери и Астром, с другой стороны поместился Ромеро.

В парке по земному графику шла осень, меж деревьев шумел несильный ветер, на людей сыпались желтеющие листья.

— Нас будут убивать, отец? — Астр пристально смотрел на меня.

Я с усилием усмехнулся и отвел глаза.

— Зачем? Разрушителям наши жизни сейчас нужнее, чем нам.

Астр нахмурился, размышляя. Над толпой появился Труб с Лусином на спине. Ангел приземлился около нашей скамейки, и Лусин соскочил на грунт. Перья на крыльях ангела топорщились. Он поглядел на меня, как на изменника.

— Вы же люди, Эли! — В его голосе громыхали металлические раскаты. — Покориться без сопротивления!.. Эли, ангелы в плен не сдаются, нет, Эли!

— Все, что я мог сказать, я уже сказал через МУМ, — ответил я. — Рассматривайте себя не как пленников, а как передовой отряд внутри вражеского стана.

— Мы-то можем себя так рассматривать, но согласятся ли наши враги видеть в нас не жертвы их произвола, а действующий вражеский отряд в их лагере, — возразил Лусин, и я поразился, до чего же ясно он выразил это суждение при посредстве дешифратора.

Со временем я привык, что косноязычный Лусин становится красноречив, если ограничивается мыслями без слов. Когда мы встречаемся с ним сейчас на Земле, мы надеваем дешифраторы, словно по-прежнему в дальних странствиях: одними мыслями нам объясняться легче.

— Поживем — увидим, — сказал Ромеро.

Мери молча прижималась ко мне плечом. Лусин, печальный, тихо разговаривал с Ромеро, Астр и Труб присоединились к кучке, обступившей Камагина.

Листья падали все гуще, и я вспомнил тот осенний день на недостижимо далекой Земле, когда на аллее Зеленого проспекта повстречал Мери. Сейчас она была рядом, измученная, терпеливая, бесконечно близкая, тесно прижавшаяся ко мне, а я с нежностью думал о той, холодной, отстраненной, презрительно отвечавшей на мои вопросы...

— Не надо! — умоляюще прошептала Мери, дешифратор передал ей мои мысли.

— Не надо, конечно! — повторил я со вздохом и увидел Орлана, сопровождаемого теми же двумя призрачными разрушителями.

Впоследствии мы разглядели, что они не призрачны, а только очень уж “нечеловечны”.

Непохожесть на людей становилась заметней, когда разрушители двигались — неподвижных, особенно издали, легко было спутать с человеком. Но движение выдавало их, они не шагали, а, скорее, порхали, не сгибали колени при ходьбе, а легонько перепрыгивали, выбрасывая вперед, как костыли, то одну, то другую ногу. И при этом у них изгибалось все тело, как у скороходов, побивающих рекорд быстроты, — зато они и передвигались много быстрее нас.

Еще меньше человеческого было в их лицах. На головах имелись и волосы, и уши, и глаза — тоже два, — и рот, и подбородок, но вместо носа было круглое отверстие, прикрытое клапаном, похожим на хобот, — клапан то вздымался, то опадал при дыхании. “Шевелят носами”, — сказал Ромеро.

Лица их светились по настроению, то разгораясь, то погасая, были то белыми, то желтыми, то синими. Изменение окраски лиц не походило на удивительный цветовой язык вегетителей, скорее, напоминало наше покраснение и побеление, но только усиленное до зловещести.

Орлан поднял голову — именно поднял: шея вдруг вытянулась, и голова пошла вверх над плечами сантиметров на тридцать. Потом мы дознались, что у разрушителей таков способ приветствия: они учтиво вздымают головы, как наши предки поднимали шляпы.

— Ни один из ходовых механизмов корабля не действует. Что вы сделали с ними? — спросил Орлан.

— Виноваты в этом вы, ведь вы их заблокировали, — сказал я.

— Мы разблокировали их, но не знаем схем ваших аппаратов. Объясни, как обращаться с ними.

— Этого не будет, — объявил я, — Командующий ими корабельный мозг поврежден. Но если бы мы и знали, как обращаться с аннигиляторами без него, мы все равно не раскрыли бы наших секретов.

Голова Орлана упала. Это было так неожиданно, что я вздрогнул, а Мери вскрикнула. Шея исчезла вся, а голова наполовину провалилась в грудную клетку, при этом раздался звук, как при ударе хлопушкой. Над плечами Орлана теперь торчали лишь лоб и два глаза, и эти не исчезнувшие остатки лица синевато пылали. Так мы впервые увидели, как разрушители выражают свое неодобрение и негодование.

— Я сообщу об этом Великому разрушителю, — донесся из недр Орлана, словно из ящика, измененный голос.

— Пожалуйста. Могу ли я задать несколько вопросов?

— Задавай, — голова его возвратилась в естественное положение.

— Что вы собираетесь с нами делать? Кто такой Великий разрушитель? Откуда вы знаете, как меня зовут и кто я? Как вы обучились человеческому языку? Как вы проникли в наш звездолет?

— Ни на один из этих вопросов ответа пока не будет. А получишь ли ответ потом, решит Великий.

— Тогда хоть скажите, что мы можем делать и чего не можем делать?

— Можете делать все, что делали прежде, за одним исключением: доступ к механизмам корабля запрещен.

— Раскройте экраны в обсервационном зале. Надеюсь, вам не повредит, если мы полюбуемся вашими красочными светилami?

— Светилами любоваться можно, — бросил он, упархивая.

3

В отчете Ромеро описаны те первые дни плена, когда мы еще находились в звездолете, — и наши тревоги и недоумения, и овладевшее многими отчаяние, и бешенство, клекотавшее в других, и знакомство с суровыми стражами, и столкновения, возникавшие между ими и нами. А я из тех дней всего яснее запомнил, что меня непрерывно грызли жестокие вопросы, я

непрестанно искал на них ответа и ответа не находил, а на некоторые и сегодня, по прошествии многих лет, не могу ответить. И самым мучительным была мера моей вины в том, что совершилось. Ни на кого я не мог переложить ответственность. Везде было одно: моя вина. Временами от этих мыслей сохла голова!

Лишь двум друзьям я поверил свои терзания — Мери и Ромеро, и оба спорили со мной. Мери видела лишь катастрофическое сочетание несчастных обстоятельств, Ромеро твердил, что психологию нужно оставить историкам, а мое дело — анализировать положение.

— Я понимаю, как странно, что именно я обращаюсь с призывом забыть о психологии. Друг мой, копается много в прошлом тот, кто пасует перед будущим, а ваша область — будущее, уж таков вы. Давайте же распутывать загадки, поставленные появлением разрушителей.

Больше Мери с Ромеро разобрались в моем состоянии маленький космонавт с Астром. Камагин остановил меня возле обсервационного зала.

— Адмирал, — сказал он, волнуясь, — вы имеете все основания быть недовольным мною...

— У вас еще больше оснований быть недовольным мною, Эдуард.

— Нет! Тысячу раз — нет! — воскликнул он. — Даже МУМ не предвидела того, что свершилось, а человек, вы или я, не больше, чем человек. Я давно собирался извиниться, Эли...

Астр в тот же день сказал мне:

— Мне очень тебя жалко, отец!

Он сидел в моей комнате и смотрел стереопейзажи незнакомой ему Земли — Гималаи, Сахару, стоэтажные здания Столицы.

— Почему? — спросил я его рассеянно.

Мне вообразилось, что слова имеют отношение к картинам.

— Я подумал, что не ты, а я адмирал, и что я сжег два своих корабля, а третий сдал в плен... И мне не захотелось жить, а ведь тебе хуже, ты — не играешь в адмирала...

— Играй, пожалуйста, в игры не выше солдата, — посоветовал я и вышел из комнаты. Я страшно разнервничался.

В обсервационном зале мы видели изо дня в день одно и то же: яркие звезды, зеленые огни эскадры.

То ли разрушители не хотели, чтобы мы разобрались в астрографии их полета, то ли механизмы корабля разладились, но трудно было понять, куда и с какой скоростью движется вражеская эскадра. Ясно было лишь, что мы несемся в центре флота и что чужие корабли своими полями тащат наш замерший звездолет за собой.

Оранжевая понемногу отклонялась от оси полета. В зените появилась другая звезда, горячей, почти синяя, но неяркая.

Со временем и она осталась в стороне, а приборы показывали, что звездолеты выбрасываются в Эйнштейново пространство. Мы снова увидели — уже в оптике — малоприметное белое светило и темную планетку, ее спутника.

— Если здесь их база, то она хорошо укрыта, — сказал Камагин. — И белого карлика отыскать непросто в этом переплетении гигантов и сверхгигантов, а затерянный в темноте спутник просто неприметен.

4

Звездолеты уносились в черноту, их пронзительные огни тускнели. Осталось около десятка кораблей, когда “Волопас” пошел на посадку.

День этот навеки остался в моей памяти. Наши галактические суда не умеют причаливать к планетам. А гигантские корабли разрушителей опускались на поверхность с легкостью, словно авиетки. На плоской равнине в считанные часы возникла своеобразная горная страна.

И на одной из долинок между звездолетами врага плавно опустился “Волопас”.

— Выходить, — приказал Орлан.

Он появился в наблюдательном зале с двумя неизвестными телохранителями, бесстрастный, похожий на призрак, хотя теперь мы твердо знали, что и он, и его охрана вполне вещественны — уже не один Осима дотрагивался до них и сталкивался с ними.

Я распорядился надевать скафандры. Орлан отменил мой приказ:

— Излишне, адмирал Эли. На базе все условия, в которых вы нуждаетесь: атмосфера с азотом и кислородом, вода, привычные вам гравитация и температура, даже ваш любимый зеленый цвет.

Из ворот “Волопаса” выкатили причальную площадку. Я вышел с Мери и Астром. Астр радостно сказал:

— Отец, правда, эта планета напоминает Землю? Мама говорит, что нет, а по-моему, похожа!

Если планета и походила на Землю, то так же, как сами разрушители копировали людей, — призрачным, а не реальным сходством. Объяснять это Астру было напрасно: он видел Землю лишь на стереоэкране. Крохотное белое солнце, висевшее над планетой, света давало ровно столько, чтобы видеть, но тепла от него не было. Земные лунные ночи больше напоминали местный полдень — над головой сумрачно поблескивали звезды. Планета была зеленой, но зеленью холодной, поблескивающей металлическим блеском. На белесом небе, затмевая звезды, висели облачка, они тоже были едко-зеленые.

— Металлическая! — грустно сказал Лусин. — Незнакомый металл.

— Отлично известный: никель, — поправил его Камагин, — В мое время никель являлся конструкционным материалом. Ручаюсь, что вся эта зелень — соли и окислы никеля.

По зеленой поверхности струились зеленые реки, реки впадали в зеленые озера, над озерами нависали зеленые холмы. Я потрогал рукой одно из зеленых растений, оно было неживое, просто гроздь кристаллов, мутноватых, скользких. Я зачерпнул ладонями жидкости в речке, это тоже были никелевые растворы, неприятно и остро пахнущие, они окрасили мою руку в зеленый цвет, такой равномерно прочный, что казалось, я надел зеленую перчатку.

Потом мы шли по аллее металлических деревьев, стволы блестели синевато-бело, а кроны, тоже металлические, покрывали зеленые осадки — металлические ветки качались, ветер, то усиливаясь, то спадая, рвал металлическую листву — на почву глухо рушились созревшие зеленые кристаллы.

— Тоска зеленая, дорогой Эли! — со вздохом проговорил Ромеро. — Выть по-волчьи...

Во время высадки мы увидели своих стражей-гологоглазов. На звездолете они охраняли служебные помещения и на глаза старались не попадаться. Здесь они были везде — на причальной площадке, у гравитационного эскалатора, перебрасывающего нас с корабля на планету. И прежде чем мы попали в металлический лес и на берега солевых речек, нам пришлось пройти

через молчаливые аллеи стражей, бдительно наблюдавших, чтобы мы не приблизились к их кораблям: если пленник слишком отклонялся, его возвращали увесистыми гравитационными оплеухами. Мне первому досталась такая пощечина, и я уже не повторял столкновения со стражами.

Так держали себя и другие люди, но с ангелами головоглазам пришлось повозиться.

Труба с его крылатыми сородичами высосало на планету по тому же силовому транспортеру, что и нас, но на почве ангелы вели себя по-иному. Труб взлетел, а за ним с гамом устремились другие ангелы. Головоглазы заметались, их перископы страшно засверкали, но сила гравитационных ударов квадратично уменьшалась с отдалением, и ангелы быстро усвоили эту нехитрую истину: они взлетали повыше и там, недоступные для кары, дико резвились.

Вскоре в их пеструю толпу шумно ворвались пегасы, а за пегасами, огромный и величественный, вынесся Громовержец с Лусиным на спине и круг за кругом стал уходить все выше. Драконы поменьше бросились за своим вождем, и образовалась трехэтажная суматоха.

Выше всех, полностью недоступные для головоглазов, тихо реяли крылатые драконы, пониже сновали ангелы, а под ним бесновались летающие лошади, ошалевшие от вольного воздуха после тесных конюшен звездолета. Кое-кого из пегасов удалось сшибить, но и эти, побегав по грунту, вновь с радостным ржанием уносились к своим.

Стоявшие возле меня Камагин и Осима обменялись взглядами.

— Только без слов, — предупредил я мысленно. — Мы не знаем, какая техника подслушивания на базе. И не жестикулируйте.

Развязка затянувшейся неразберихи была крутой. В одном из звездолетов засверкало желтым огнем пятно, и пляска в воздухе оборвалась. И лошади, и ангелы, и драконы, и Лусин верхом на драконе покатались вниз. Ангелы и пегасы с прежней энергией махали крыльями, но рушились, как лыжники с трамплина.

— Ну что ж — звездолеты! — пробормотал Камагин. — Не везде же будут эти чертовы машины!

Передние углубились в лес. К нам, обгоняя задних, добрались Труб и Лусин. Труб был сконфужен неудачным весельем в

воздухе, а Лусин сиял. Громовержец показал свои летные способности, и это почти примирило Лусина с пленом.

— Хорошо, а? — похвастался он вслух.

Я промолчал, а Камагин ответил через дешифратор:

— Отлично! Крылатые друзья облегчат нам заключение.

Я обратился к Трубу, уныло поджавшему крылья:

— Как летается на высоте? Отвечай через прибор.

В отличие от Лусина, обретавшего красноречие при мысленных объяснениях, Труб начинал мекать, чуть переходил на прямую мысль. Он был из тех, кого Ромеро называет косномысленными.

— Леталось... видишь ли, Эли... вроде на Земле! Лучше Оры.. Выше — труднее.. Быстрое разряжение — вверх.

— Падалось легче, чем поднималось, — добавил Ромеро.

Из объяснений Труба я уяснил себе, что тяготеющее поле планеты сконструировано не по Ньютону.

За поворотом металлической аллеи открылось металлическое сооружение в зеленой чешуе окислов, в оползнях солей. Внутри него вел туннель. Я остановился и оглянулся. Позади шли все три экипажа звездолета, за ними, то шагом, то короткими взлетами, то отставая, то обгоняя двигались ангелы, шествие завершали пегасы и драконы. Немыслимо было втиснуть в приземистое помещение такую ораву пленных!

— Нас приглашают, и пока вроде вежливо. — Ромеро кивнул на охранников, усиленно мотавших мерцающими перископами.

— Подождем Орлана, — решил я.

Пока мы ждали, зеленая тучка, приползшая в зенит, пролилась зеленым дождем из солей никеля. Сперва падали отдельные капли, быстро запятнавшие нас, потом хлынул ливень. В потемневшем небе засверкали молнии, темно-красные, тусклые. Я отыскал Мери и Астра и укрыл их своим плащом. Мери дрожала, а сын с обидой доказывал, что способен вынести все, что выносят другие мужчины.

— Безусловно, — утешил я его. — И если бы этот ливень требовал духовных и физических усилий, я сам потребовал бы от тебя: ну, поборись! Но он только пачкает, а грязи добавлять не обязательно.

Ливень оборвался внезапно, в небе засветился тот же невыразительный белый карлик, медленно клонившийся к горизонту. Мы были мокры и перепачканы, люди превратились в зеле-

ные статуи, ангелы топорщили повисшие зеленые крылья, Труб встряхивался, как пес, выбравшийся из воды, я выжимал отяжелевший плащ.

За этим занятием нас застал Орлан.

— У нас под душ идут, чтоб очиститься, у вас — чтоб запачкаться, — сказал я сердито.

— Никелевая планета! — пояснил он со снисходительным бесстрашием. — Среди наших баз имеются марганцевые, железные, свинцовые, кобальтовые, натриевые, золотые, ртутные... Для вас выбрана никелевая, потому что она — зеленая.

— Я предпочел бы золотую, они нам знакомы, — сказал я, намекая на то, что одну золотую планетку мы уничтожили.

Он пропустил намек мимо ушей.

— Вы не вынесли бы там хлорных соединений золота. Великий хочет сохранить вам жизни.

— Если вы заботитесь о наших жизнях, зачем загонять нас в эту тесную берлогу?

— Места хватит всем.

Туннель вел во вместительный вестибюль, откуда отпочковывались широкие коридоры с самосветящимися стенами. Под шапкой невзрачного домика скрывался обширный комплекс помещений. Все здесь, как и снаружи, было никелевое, но соединения никеля потеряли мертвенную зеленую однообразность, металлически чистый, он уже блистал синеватостью.

— Направо — людям, прямо и налево — вашим союзникам, — сказал Орлан.

Ангелы повалили прямо, пегасы и драконы понеслись налево, мы с Орланом повернули направо. Самосветящийся коридор вел в огромный четырехугольный зал, тоже со самосветящимися стенами и потолком. Вдоль стен тянулись похожие на желоба сооружения. В такой тюрьме можно было разместить команды целого флота галактических кораблей, а не только три экипажа.

— Нары! — показал Ромеро на желоба.

— Размещайтесь! — сказал Орлан. — Ты пойдешь со мной, адмирал.

Ко мне подошли Осима и Камагин, сзади встал Ромеро.

— Мы не пустим адмирала одного, — сказал Осима.

Ромеро кивнул на телохранителей Орлана.

— Разрешите заметить, что вас тоже сопровождают адъютанты. Охрана по рангу положена каждому адмиралу.

— Он пойдет один, — холодно повторил Орлан.

— Не волнуйтесь, — сказал я друзьям. — Один я пойду или втроем, все равно мы в полной их власти.

5

Я еле поспевал за моими проводниками: их плавные прыжки, напоминавшие танец, а не ходьбу, были даже быстрее моего бега. Временами они останавливались и поджидали, не оборачиваясь, точно видели спиной так же хорошо, как глазами.

В новом помещении, маленьком и скудно освещенном, Орлан приказал мне остановиться. Я стоял посреди комнаты. Орлан с телохранителями подошел к двери напротив, и она открылась им навстречу.

В помещение вприпрыжку вбежал человек, и я сразу узнал его. Это был Андре. Он двигался не как Андре, у него была старческая сгорбленная фигура, он уныло, не как Андре, склонял голову, нелепо размахивая руками, нелепо, скрипучим голосом что-то бормотал. Ничего не было у него от Андре, все было иное, незнакомое, неожиданное, непредставимое!.. Но это мог быть только Андре!

— Андре! — закричал я, кидаясь к нему.

Он поднял голову, и я увидел его лицо, постаревшее, изможденное, до того непонятное, что восторг мой мгновенно превратился в страх. Я прижал Андре к груди, застонал от ликования и боли, но уже в ту первую минуту понял, что не одну радость принесет воскрешение Андре из небытия, и, может быть, меньше всего — радость.

Андре оттолкнул меня. Он меня не узнал.

— Андре, — молил я. — Взгляни же, это я, Эли, твой друг Эли, вспомни, я же Эли, я — Эли, Андре! Андре!

Он с тоской отворачивался. Я рванул его к себе. Он смотрел на меня и не видел: зрячий, он был слеп. Такие глаза я иногда подглядывал у людей, отдавшихся тяжелой думе. Только здесь все было усилено безмерно, нечеловечески жестоко.

Я снова обрел Андре, но он не вышел ко мне, он был в каком-то своем далеком мире. Он лишь внешне присутствовал здесь — его не было!

— Андре! — кричал я в отчаянии. — Это же я, Эли! Андре!

Он сумел вырваться и побежал. Я нагнал его, еще сильнее рванул к себе. В исступлении я был готов бить его, рвать ногтя-

ми, кусать, целовать, обливать слезами, только бы это вернуло его в сознание. Он должен узнать меня, должен вспомнить себя и друзей — лишь это одно я отчетливо понимал, когда, хрипя от ярости, тряс его.

Андре, страдальчески закрыв глаза, бессильно мотался в моих руках. Он вдруг побледнел, а длинные огненные кудри — единственное, что сохранилось от прежнего Андре, — то закрывали, то освобождали лицо, вспышками пламени проносились перед моими затуманившимися зрачками, это одно я видел с ясностью: кудри Андре не проносились, а вспыхивали.

Орлан и два телохранителя, бесстрастные, стояли в стороне. Я оставил Андре и подскочил к Орлану.

— Уроды, что вы сделали с Андре? Зачем его лишили разума?

Ответ Орлана прозвучал так торжественно и скорбно, что, вероятно, лишь это удержало меня от рукопашной схватки:

— Великий не хотел лишать его разума.

В бешенстве я поднес свою руку ко рту и прикусил ее, чтобы внешней болью перебить внутреннее терзание. Еще лучше было бы заплакать в голос, проклиная судьбу, и врагов, и себя, ибо я сам больше всех людей виноват был в нынешнем состоянии друга. Но на слезы мне не хватило сил. И я кусал руку, чтоб хоть этим перебороть себя. Андре, согбенный, жалко покачивающий головой, уже не старался убежать, хоть я и не держал его больше.

А неподалеку равнодушно-неподвижно возвышались три призрачно похожих на людей нечеловечка.

Внезапно до меня донесся тихий голос, Андре монотонно пел, покачиваясь в такт туловищем:

Жил — был у бабушки серенький козлик,
Ах, серенький козлик, ах, серенький козлик...

Пел он тоненько и жалобно, никогда прежде я не слышал у Андре такого голоса.

Я повернулся к Орлану:

— Чего вы хотите от меня?

— Человек Андре поступает в твое распоряжение, адмирал Эли.

— Идем, Андре, — сказал я и потянул его за рукав.

Я снова шел за Орланом, а позади покорно плелся Андре.

К нам кинулся Камагин и в ужасе отпрянул. Он мало общался с Андре, но узнал его сразу. Ромеро, побелев, подскочил к Андре. Трость Ромеро — он даже в плену не расставался с нею — со стуком упала на пол среди наступившей тишины.

— Андре! — прервал молчание страшный шепот Ромеро. — Эли!.. Вы понимаете?

— Да, — сказал я горько. — Оболочка осталась, духа нет.

Ромеро взял Андре за руку. Теперь он говорил так спокойно, будто они встретились после недолгой разлуки и ничего не произошло.

— Здравствуй, Андре. У нас тебе будет хорошо, мы твои старые друзья. Идем, идем!

Он тихонько тянул и подталкивал Андре, тот, покачивая багрово-красными локонами, медленно шел — без охоты, без сопротивления, без понимания... Мой взгляд пересекся с отчаянным взглядом Мери. Я хотел вздохнуть, но не хватило силы. Надо было напрячь мускулы, раскрыть рот, я не сумел ни того, ни другого. Мери положила руку мне на плечо — я судорожно глотнул воздуха.

— Забавно, — проговорил я, силясь улыбнуться. — Вроде кратковременного паралича.

— Присядь, — сказала Мери.

Я примостился к сыну. Похожие на желоба нары неожиданно оказались удобными, на них можно было покачаться, как в гамаке. Астр со страхом смотрел на меня. Мне наконец удалось улыбнуться.

— Наши постели, кажется, покоятся на силовых опорах, — сказал я, только сейчас разглядев, что они висят в воздухе. — Почему ты не играешь, Астр? Я видел, как ангелы помогали тебе нести игрушки, а одного пегаса, хитрец, ты навьючил, как верблюда.

— Мне не до игр, отец, — сказал он грустно.

Астр был еще мал, чтобы узнать, что такое настоящая человеческая свобода, но неволю познал рано. Я не буду забегать вперед, в моем рассказе еще найдутся черные главы и без того, чтоб непрерывно вспоминать одно плохое.

— Играй! — сказал я настойчиво. — Играй, веселись, проказничай. Плюнь им в лицо весельем, разгневай их беззаботно-

стью, ничто ведь не будет им так приятно, как наша скорбь. Лиши их этой радости.

Такое понимание, вероятно, еще не являлось ему на ум.

— Я буду играть, — пообещал он. — Ты будешь доволен, отец.

Не знаю, сколько я сидел, молчаливый, рядом с молчаливой Мери, пока не почувствовал стеснения, словно опять кругом стало исчезать пространство. Подняв голову, я повстречался с холодным взглядом немигающих глаз Орлана. “Машина с глазами!” — с омерзением подумал я.

— Великий зовет тебя, адмирал Эли.

— Зачем я понадобился твоему повелителю?

— Он скажет сам.

— Такая тайна, что нельзя поделиться ею?

— Тайны нет. Великий предлагает человечеству братский союз.

Если бы Орлан сообщил, что разрушители собираются нас освободить, я был бы поражен меньше. Все, что мы успели узнать, делало мысль о союзе с ними противоестественной.

До меня донеслось возмущенное восклицание Камагина.

Я сказал Орлану:

— У вас, похоже, решения принимает единолично властитель, а у нас они коллективны. Отойди, пока мы посоветуемся. Не исключено, что товарищи не разрешат идти к твоему властителю.

— Не идти ты не можешь.

— Не идти я всегда могу. Другой вопрос, что вы способны доставить меня силой. Но насилие — неудачное начало для проектируемого вами братства...

Разрушители отошли. Для живых машин они держали себя, в общем, прилично. Я попросил настроить дешифраторы на мое излучение — совещаться будем мысленно.

Непосвященному наше собрание должно было представляться странным: молчаливые люди уставились глазами в пол, словно прислушиваются к чему-то, совершавшемуся у каждого внутри.

Лишь Камагин, временами импульсивно дергающийся, нарушал гармонию оцепенения, да из-за спин сидевших ближе ко мне доносилось унылое бормотание Андре, он все вспоминал дряхлого козлика, покачивая головой.

Я начал с того, что титул властителя — Великий разрушитель — не свидетельствует ни о его доброте, ни о широком разуме. Впрочем, о “доброте” разрушителей мы знаем еще с Сигмы. Властитель врагов обратился с предложением о братстве не к адмиралу Большого Галактического флота, штурмующего его звездные заграждения, хотя ничто не мешало ему и тогда высказать такой проект, нет, он вступает в переговоры со своим пленником, над жизнью которого властен, — можно, естественно, усомниться в честности его намерений.

И на каких принципах основать союз человека с разрушителем? Совместно покорять еще свободные народы? Рука об руку истреблять еще не истребленное, разрушать еще не разрушенное? Обратить в своих врагов всех звездных друзей человечества, высокомерно объявив их недочеловеками и античеловеками? Отказаться от союза с неведомыми пока нам галактами, так разительно похожими на нас самих?

Не лучше ли презрительно игнорировать обращение властителя и, возможно, заплатив за такую дерзость нашими жизнями, дать ему ясное представление о воле и намерениях человека?

— Никаких переговоров с преступниками! Всей силой воли, всем оставшимся оружием!.. — донеслась до меня мысль Камагина.

— Единственное, чем мы владеем, — наши маленькие жизни, — вставил Ромеро.

— Значит, отдать наши маленькие жизни! — Камагину лишь с трудом удалось не прокричать об этом вслух.

— Я за переговоры! — сообщил Осима. — Умереть всегда успеется. Но раз адмирал будет говорить от имени человечества, пусть не забывает, что за ним стоит вся мощь человечества. Мы в плену, но человечество свободно!

— Пусть освободит нас и вернет захваченный звездолет, — добавила Мери.

— Короче, разрушители должны капитулировать, — хладнокровно подвел итоги Ромеро. — И этот результат, которого мы не сумели добиться объединенной мощью человечества, должен быть получен действием речи адмирала. Неплохая программа, и я поддерживаю ее, хотя сомневаюсь в исполнимости.

Я не спешил обнародовать свои соображения и сказал только:

— Принципы, вызвавшие войну с разрушителями, остаются обязательными для нас и в плену. Лишь на их основе возможно соглашение.

После этого я сообщил Орлану, что согласен на встречу.

У выхода мне встретился Лусин, возвращавшийся от крылатых. Лусин еще не знал об Андре и сразу не обратил внимания на старческую фигурку, склонившуюся на наре, но до меня донеслось тоскливое бормотание: “Серенький козлик, серенький козлик...”

7

Великий разрушитель был еще больше похож на человека, чем Орлан, и еще менее “человечен”, чем тот.

Он был, прежде всего, огромен, почти четырех метров роста, но то, что делало Орлана подобным призраку, во властителе было рельефней.

Непропорционально маленькая голова гнездилась на непропорционально длинной шее. На голове сверкали огромные глаза, жадно распахивался и прикрывался огромный рот. И оттого, что лицо властителя тоже было безносо, оно казалось скорее змеиной мордой, а не лицом. “Не образ человека, а образина”, — сформулировал я первое впечатление.

Он смотрел на меня светящимися глазами. Это не метафора — из глазниц исторгался трассирующий свет. У Орлана окраска кожи показывала настроение. Властитель старался пугать собеседников, для этого сверкание глаз подходило больше, чем озаренность лица.

Он тяжело восседал на помосте вроде трона. Для меня сиденья приготовлено не было. Я опустился на пол и скрестил ноги. В обширном зале мы были вдвоем.

— Ты знаешь, что я хочу предложить вам союз? — не то спросил, не то установил Великий разрушитель. Он разговаривал сносным человеческим языком.

— Знаю, — ответил я, — но, прежде чем говорить о союзе, я должен задать несколько вопросов.

— Задавай. — Он, как и Орлан, не признавал нашего вежливого обращения на “вы”.

— Вы похожи на человека и говорите по-человечески. Но мы даже отдаленно не родня.

— Я могу принять любой облик, лишь бы он был биологически возможен. Я облекся в человекоподобие, чтобы тебе было удобнее.

— Я бы предпочел ваш естественный вид. Мне было бы приятней, если бы вы меньше походили на меня.

Он разъяснил, что смена образа — дело хитрое. Изготовление новой оболочки требует немалого времени. И вообще он не злоупотребляет своей свободой трансформации. Про себя я порадовался: если смена облика не проста даже для властителя, то появление псевдолюдей среди нас в ближайшее время не грозит.

Было несколько мелочей, смущавших меня, и раньше, чем переходить к основному, я коснулся их:

— Наш звездолет был задраен, но Орлан появился в нем. Как он это сумел?

— Появился не он, а его изображение, сфокусированное в звездолет. Разве вы не применяете передачу изображений?

— Применяем. Но у нас силуэты-картинки... Осима же разбил пальцы об изображение Орлана.

— Вы, очевидно, передаете только оптические характеристики, а мы и другие свойства — твердость, теплоту, даже электрическую напряженность. Все очень просто. Есть еще вопросы?

Я сообщил, что облечен властью для войны, но не для союза. Если он собирается затрагивать проблемы, интересующие все человечество, то во всяком случае та часть человечества, что находится неподалеку, то есть все мои товарищи, должна участвовать в обсуждении. Он возразил: если транслировать нашу передачу, то его подданные тоже услышат ее. Мне это безразлично, сказал я. Он отметил, что я разговариваю тоном победителя, а не побежденного. Я указал, что нужно различать разговоры и переговоры: разговаривает он со своими пленными, но в переговоры он вступает со всем человечеством — стало быть, нужно ему привыкнуть к тону, которое свободное человечество изберет для переговоров. Он объявил, что для начала удовольствуется соглашением со мной, а не со всем человечеством. Я поинтересовался, имеет ли он в виду меня одного или с товарищами. Он имел в виду всех нас. В таком случае без информации, передаваемой всем, не обойтись, стоял я на своем. Ему внове был такой дерзкий тон. Не худо приучаться к любому тону, повторил я, и можно начать с меня. Уже не один пленник

представал перед ним — и у всех тряслись поджилки, ибо он волен в их жизни и смерти. У меня, возможно, тоже трясутся поджилки, но волен он лишь в физическом моем существовании, а не в помыслах и желаниях, добивается же он того, чтобы мы возжелали дружбы с ним, трясущиеся поджилки вряд ли способствуют таким желаниям. И вообще — мучить пленников он способен, ограничиваясь своими обычаями и на своем языке, но завоевывать их дружбу надо на их языке и согласно их обычаям.

После этого я замолчал, вызывающе глядя на него. Он тоже молчал — и немалое время. Я имел возможность убедиться, что старинное выражение “глаза метали молнии” — отнюдь не гипербола. Впечатление было, будто меня ослепляют прожекторами.

— Хорошо, пусть наша беседа транслируется, — сказал он потом. — Но если мы не договоримся, я должен буду показать своим подданным, как расправляюсь с упрямыми.

— Я отдаю себе в этом отчет, — сказал я спокойно. Я очень волновался.

В ту же минуту дешифратор донес возбужденные голоса друзей. Они, позабыв об осторожности, не мыслями, а словами обсуждали мое положение. Я прервал их разноголосый хор приглашением послушать беседу с Великим разрушителем. Наступило удивленное молчание, потом Ромеро торжественно проговорил одну из своих любимых и напыщенных фраз: “Начинайте, адмирал, мы все превратились в слух”.

Еще я услышал смятенное восклицание Лусина: “Какой ужас, Эли! Какой ужас!” — и понял, что оно относится к Андре.

— Приступим? — предложил Великий разрушитель.

Голос его угрожающе гремел. Приняв человеческий облик, он не усвоил человеческого обхождения. Для дружеских переговоров такой зычный рев был по меньшей мере нетактичен.

8

Он признавал наши успехи. Внешне мы похожи на старых его противников, галактов. Война с галактами, длившаяся бездну времени, подошла к завершению. Галакты блокированы на оставшихся у них планетах. Вся их надежда ныне на то, что их оставят в покое, — напрасная надежда, он это объявляет твердо.

Но люди оказались неожиданно иными. Они сумели рассеять в Плеядах флот разрушителей, а в Персее взорвали одну из планет. Ему, Великому разрушителю, пришлось запретить своим кораблям выход на галактические дороги, захваченные людьми.

Зато тем прочнее он укрепился в звездном скоплении. Здесь его мощь опирается на шесть первоклассных крепостных планет со сверхмощными механизмами для искривления внутреннего звездного пространства. Нет в мире силы, способной прорвать такую ограду.

— Три наших корабля ее, однако, прорвали!

— Вам повезло: в момент вторжения вдруг ослабели защитные механизмы Третьей планеты. Больше это не повторится.

— Если вы не хотели нашего вторжения, то почему вы не выпустили нас обратно? — немедленно поинтересовался я.

— К переговорам это отношения не имеет, — прогремел он. — Важно, что вы захвачены нами, а не победили нас.

Что мы захвачены, я отрицать не мог.

Великий разрушитель повторил, что кое в чем мы превзошли разрушителей, зато многое у нас несовершенно, словно мы на заре цивилизации. Если обе наши звездные цивилизации объединятся, ничто не сможет им противостоять.

— Так уж ничто? Зловреды... виноват, разрушители владеют маленьким районом Галактики, звездные владения людей и того меньше. Не смело ли говорить о всеобщем владычестве?

Ответ Великого разрушителя был так неожидан, что я сразу не оценил его значительности:

— Понимаю твой намек. Могущество рамиров, естественно, несравнимо с вашим и нашим. Но рамиры давно покинули скопление Персея и заняты перестройкой ядра Галактики, им не до людей и разрушителей, тем более не интересуют их трусливые галакты.

Я выслушал властителя так, словно знал о рамирах куда больше его. Зато дешифратор донес гул голосов и движений среди друзей при известии о неведомой нам звездной цивилизации.

— Оставим рамиров, у них хватает своих забот. Поговорим о принципах предлагаемого вами братства людей и разрушителей.

— Принцип элементарен: объединить в один кулак наше разрозненное могущество.

— Слишком элементарно для принципа. То, что вы сказали, — средство осуществления цели, а не цель.

— Я могу рассказать и о цели.

— Да, расскажите, пожалуйста.

Ничего нового он о своих целях не сообщил — те же подлые принципы угнетения слабого сильным, космическое варварство и разбой. Он предлагал не содружество, а “совражество” — ненависть ко всему, что будет не “мы”. Нужно было быть безмерно упоенным собой, чтоб высказать людям такой проект. Он не был пронизателен, этот Великий разрушитель с голосом водопада.

Я в ответ прочитал наизусть Конституцию Межзвездного Союза.

Великий разрушитель разгневался.

— Ты забыл, где находишься! — прогремел он.

— Хорошо помню! Я нахожусь в стране жестоких врагов, полностью властных в моей жизни.

— И ты осмеливаешься предлагать мне освободить покоренные народы и завести отвратительную взаимопомощь?

— Без этого немыслимо созидательное существование. Хотите вы или нет, с вами или против вас, но эти принципы пробьют себе дорогу в общении разумных звездожителей.

Ему показалось, что он нащупал слабое мое место. Логика его была доктринерского склада, в ней отсутствовала широта мысли. Наш спор был неравным, но не тем неравенством, на какое он надеялся.

— Ты сказал — созидательное существование? Чепуха! В мире существует один реальный процесс — разрушение, нивелирование, стирание высот. И мы своей разумной деятельностью способствуем ускорению этого стихийного процесса.

— Разумная деятельность людей иная.

— Значит, она неразумна. Вселенная стремится к хаосу. Разумно одно — помогать распространению хаоса. Только в хаосе полное освобождение от неравенства и несвободы.

— Но ведь вы, разрушители, создали самую могущественную организацию, которую знает мир. Ваш жестокий порядок, ваша чудовищная несвобода для всех...

— Организация создана для увеличения дезорганизации, порядок служит для насаждения беспорядка, а всеобщая несвобода — лишь временный этап для абсолютного освобождения

всех от всего... Мы содействуем глубинным стремлениям самой природы.

Он вел спор с самонадеянностью мещанина, уверенного, что мир исчерпан в его непосредственном окружении. Он был недочкой, объявившим свое невежество философской системой, софистом, ловко сыплющим парадоксы. Разбить его было легко. Я сомневался лишь в одном: поймет ли он, что его разбили.

В голосе его грохотало торжество:

— Ты молчишь — значит, признаешь себя побежденным!

— Вы опровергаете самого себя.

— Это надо доказать.

— Разумеется. Начинайте обосновывать свое мировоззрение, а я покажу, что из каждой вашей посылки следует вывод, противоположный тому, какой делаете вы.

— Можно и так, — согласился он. — Моим подданным будет полезно лишний раз утвердиться в основоположениях нашей философии, хотя она и без того прочна.

— И людям тоже полезно послушать курс вашей философии, — сказал я, но до него не дошла скрытая угроза этих слов.

Начал он, впрочем, оригинально. Вселенная народилась когда-то как бездна чудовищных различий. Пустое пространство — и звездные сверхгиганты, усложненная биологическая жизнь — и аморфная плазма; на этом полюсе — торчащий, как пик, всегда индивидуализированный мыслящий разум, на том — скудость разобщенных тупых атомов.

Неравномерность и неодинаковость, отвратительное своеобразие всего и во всем, варварство организованных сообществ, тирания порядка, несвобода иерархических структур — таким предстает нам начало мира, таким в значительной мере он выглядит и донныне.

— Но все только начинается со сложности, а идет к простоте, — грохотал он. — Разве, решая задачи, ты не переступаешь от сложного к простому? И разве нахождение внутренней простоты не является высшей целью познания? Сколь же благородней обогатить мир простотой? И какая простота выше всех? Простота примитива, не так ли? Так обогащать мир примитивом, все снова и снова порождать примитив! А теперь я спрошу тебя: какой примитив проще и благородней? Хаос — надеюсь, ты не будешь отрицать это? Вот мы с тобой и пришли к выводу, что есть единственная вдохновляющая задача у разумного суще-

ства — сеять повсюду хаос! В хаосе освободить себя от всех связей и подчинений! В хаосе достигать совершенного единения с собой, ибо лишь в нем ты опираешься на самого себя, а на все остальное тебе наплевать!

А главное — обрывать высокомерную жизнь, самое древнее из космических своеобразий и несвобод, самую тираническую из всех иерархий порядка, обрывать надменную жизнь отчаянно сопротивляющуюся всеобщему радостному обезличиванию!

Обязательная для всех примитивизация — и распад сложных структур как лучшая форма примитивизации! Всюду, всегда заменять биологическую естественность искусственностью автоматов, ибо нет ничего сложнее, запутаннее, естественности, ибо нет ничего примитивней, проще и свободнее хорошего автомата! Галакты обреченно цепляются за отжившую неодинаковость, вымирающие своеобразия. Поставить их на пользу истребляющей деятельности разрушителей — или покончить с ними со всеми!

— Насколько я понял, вы ратуете за искусственность против естественности?

— Ты правильно понял. Ибо естественность противоречит разуму! Ибо естественность оскорбляет эстетическое чувство омерзительным нарушением равенства! Любой организм считает себя центром мира: он самостоятелен, он своеобразен, он в себе, для себя! Беспардонная, безмерная, возмутительная индивидуализация — вот что породила в мире биологическая жизнь. Этот чувствует одно, тот — другое, один мыслит так, другой — эдак, кто любит, кто ненавидит, кто равнодушен — как, я спрашиваю, снести такую разноликость? Мы объявили истребительную войну любому своеобразию — и раньше всего любой форме биологичности. В этих серьезнейших философских разногласиях — корень нашей вражды с галактами, отсюда пошла наша война.

Должен сказать, что парадоксальность Великого разрушителя была неожиданна для меня. Он не был глупцом, разумеется, но мышление его было уродливо, как видения параноика. Я молчал, обдумывая возражения.

— О, мы знаем, что поставили себе не только вдохновенную, но и трудную цель! — гремел он. — Но мы осилим все трудности, сметем все преграды. Нет сейчас в мире работников столь искусных и трудолюбивых, как мы, это я тебе скажу не хваста-

ясь. Мы переоборудуем планеты, строим тысячи городов и заводов! И нам вечно не хватает рабочих рук и мозгов, мы их ищем и захватываем везде, где находим. И вся эта бездна знаний и умений, руки и механизмы, заводы и мозги поставлены на великую космическую вахту — службу расширяющемуся хаосу, освобождению мира от диктатуры порядка!

— Теперь я понимаю, почему вы именуете себя разрушителями!

— Да, поэтому! — Он с гордостью добавил: — Я ничего не создал, но способен все уничтожить! Надеюсь, я убедил тебя, человек, в исторической справедливости миссии разрушителей во Вселенной?

Тогда заговорил я.

Властелин разрушителей утверждает, что ничего не создал, но может все уничтожить. Если бы это было правдой, то в глазах человека выглядело бы очень непривлекательно. К счастью, это неправда. Он далеко не всемогущен уничтожать, и сама его свирепая деятельность уничтожения несет в себе клеточки созидания, достаточно упомянуть о возводимых им городах, заводах, звездных крепостях...

Ему кажется, что он уравнивает неодинаковости, а если покопаться, он громоздит новые неравномерности. Своеобразие объектов есть сущность мировой гармонии.

Создавая тепловую смерть на материальных телах, разрушители пресыщают энергией пространство, начинается обратный процесс — нарождение новых масс вещества, концентрация в них накопленной пространственной энергии. Вымывание горных вершин своеобразия — лишь одна сторона развития, другая его сторона — непрерывное горообразование. Вселенная порождает высоты различий так же постоянно, как и стирает их в серой равнинности одинаковостей.

Он утверждает, что Вселенная начала со сложности и идет к простоте. Я утверждаю, что Вселенная идет от сложного к простому и одновременно от простого к сложному. Эти два процесса совершаются рядом. И разрушители своей деятельностью помогают обоим, а не одному. В этом единственном месте владыка прервал мою речь. Разрушители к возникновению различий отношения не имеют. Новые неравномерности — исключение, стихийно возникшее уродство в гармоническом процессе.

Я ухватился за неловкий поворот его мысли. Если исключения возникают стихийно, то, значит, правилом является возникновение исключений. Сами разрушители — одно из таких гипертрофированных исключений среди звездных народов. Порождение жизни, они уничтожают жизнь, но тем и самих себя. Усовершенствуя искусственность, они превращают ее в естественность. Ибо естественность — окончательный результат всякой совершенствующейся искусственности.

— Так утверждают наши враги галакты. Но их софистика ненавистна разрушителям, отвергающим парадоксы.

— Я не заметил, чтобы вы отвергали парадоксы. А что до галактов, то мы и раньше были уверены, что они — естественные союзники людей.

— А мы естественные враги — так?

— По-моему, да.

Он помолчал. Он еще не был убежден, что переговоры не удались.

— Не ты ли утверждал, что гармония мира требует единства разрушения и созидания?

— Да, я. Но то единство противников, а не друзей, взаимосвязь борьбы, а не дружеского союза.

Я помнил, что меня слушает не только кучка товарищей, но и масса неизвестных сегодняшних противников, — я взывал к их разуму, не все же были безумны, как их повелитель!

— Вы сами признаете, что мы сильнее галактов. Сегодня лишь передовой отряд человечества штурмует ваши звездные форты, завтра все человечество выстроится перед неевклидовой оградой Персея. Ваша философия разрушения восторжествует над вами самими — разрушители будут разрушены! От имени всех звездных народов объявляю вам войну. Отныне и непрестанно! Здесь и везде!

Властитель долго молчал, озаряя меня сумрачным сиянием глаз.

Молчание было заполнено гулом взволнованного дыхания моих друзей, потом в него вплелись посторонние шумы. Мне хотелось уверить себя, что то голоса подданных властителя, но холодной мыслью я понимал, что вероятней всего это помехи передачи.

Спустя некоторое время властитель заговорил:

— Люди и их друзья — живые существа?

— Да, конечно.

— Самосохранение — важнейшая черта живого. Страх смерти объединяет всех живущих. Ты согласен?

Я понял, что он приговаривает нас к смерти. Эта надменная скотина жаждала смятения и отчаяния. Я знал, что никто из нас не доставит ему такой радости.

— Страх смерти велик, он объединяет всех живущих. Но людей еще больше объединяет гордость своей честью и правотой. Много, очень много для нас важнее, чем существование.

— Но вы не жаждете смерти, как радости?

Мне была расставлена западня, но я не знал, как избежать ее.

— Разумеется, смерть — не радость...

Теперь его голос не гремел, а звучал бесстрастно, как голос Орлана, — это был вердикт машины, а не приговор властителя:

— Ты обречен на то, чтоб желать недостижимой смерти как радости. Ты будешь мечтать о смерти, в глупом человеческом неистовстве призывать ее. И не будет тебе смерти!

После этого он пропал.

Я остался один в огромном зале.

9

Орлан увел меня назад. Петри пожал мне руку, Камагин кинулся на шею. Я переходил из объятий в объятия, выслушивал поздравления.

— Вы всыпали этому державному подонку, будь здоров! — шумно ликовал Камагин.

Я не понял странного выражения “будь здоров”, но восторг Камагина тронул меня.

— Будут репрессии, надо готовиться! — сказал Осима.

Он был энергичен и деловит, словно собирался немедленно отражать посыпавшиеся кары. А Ромеро проговорил с печальной бодростью:

— Вы держались правильно. Но одно дело — декларации, другое — поступки. И поскольку жизнь ваша объявлена неприкосновенной...

— То будут мучить. Покажем, что муками человека не сломить.

Он смотрел на меня ласково и скорбно.

— Мне кажется, Эли, вы ожидаете грядущих мук с нетерпением, как недавно ожидали битвы. Вы — удивительный чело-

век, друг мой. Впрочем, если бы вы были иной, вас не избрали бы в руководители...

— Не будем об этом. Как вам нравится известие о рамирах?

Ромеро согласился, что главным в моей дискуссии с верховным зловредом является новость о существовании еще одной высокоразвитой цивилизации. К сожалению, рамиры слишком далеки от нас и на помощь против разрушителей их не позвать.

— Отдохните, Эли, — посоветовал Павел. — Неизвестно, что ждет нас в следующий час.

Я опустился возле Мери, рядом присел Лусин. Бедного Лусина терзали противоположные чувства: восхищение моим мужественным поведением — так он выразился, и страх, что я навлек на себя жестокое наказание. А надо всем тяготело отчаяние — Лусин все не мог прийти в себя от встречи с Андре. Притихший Астр глядел на меня такими восторженными и испуганными глазами, что я попросил Мери отвлечь его. Она отослала Астру, а мне с упреком сказала:

— Ты преувеличиваешь разум и знания своего сына, но недооцениваешь его человеческие чувства. Когда ты спорил с владыкой разрушителей, у тебя не было лучшего слушателя, чем Астр.

Лусин сказал со вздохом:

— Андре, Эли. Дешифратор тоже.

— Говори мыслями, я их разбираю легче, чем слова.

Он объяснил, что Ромеро надел на Андре дешифратор, но мысли Андре тоже не радуют. Я настроился на излучение Андре, он сидел в стороне от всех, покачивая головой. В мыслях Андре тоскливо повторялась одна фраза: “Жил-был у бабушки серенький козлик, ах, серенький козлик, ах, серенький козлик...”

— Сколько же должны были его мучить, чтобы весь мир сузился до какого-то паршивого козла, — сказал я.

К Андре подошел Астр. Андре встрепенулся, поднял голову, мне показалось, что на его тупом лице появился отблеск мысли. Астр о чем-то его спросил. Андре не отвечал, но и не отшатывался в испуге — он вслушивался.

Я вскочил. Лусин задержал меня.

— Не надо к ним подходить, — посоветовал он через дешифратор. — Астра, единственного, он не боится, пусть Астр с ним повозится. Поверь мне, я разбираюсь в поведении Андре.

— Да, конечно, Андре низвели до состояния животного, а животных ты изучил лучше нас.

Мери молчала, до меня не доносились ее мысли, но и без слов и мыслей я понимал, что мучает ее. Я сказал:

— Над обстоятельствами мы не властны, Мери. Немного первобытного фатализма нам теперь не помешает — будет то, что будет.

Она грустно улыбалась и так растерянно покачивала головой, что мне показалось, будто она лишь притворяется внимательной, чтобы не обидеть. В дни перед пленом я редко встречал ее, а сейчас видел, что с ней произошла перемена. И я не сомневался уже, что перемена будет неожиданной. Не раз я убеждался, что жду от Мери одних поступков, а реально происходят совсем другие.

Она сказала, отвернув лицо:

— Не то, Эли. Разве мы не считались с возможностью трагических неудач, когда начинался поход? Я вижу сейчас, что была слишком эгоистична.

— Непонятно, Мери...

— Сейчас объясню. Я хотела разделить твою судьбу, какая бы она ни была. Где ты, Кай, там и я, Кая, — так мне воображалось. Но я не просто поделила твою судьбу, я воздействую на нее, и в плохую сторону: тебе сегодня было бы проще, если бы не было меня и Астра.

— Ты преувеличиваешь, Мери.

— Ты ответил Эдуарду: “Если бы не было рядом семьи, я принял бы решение о плене гораздо раньше”. Не перебивай меня, мне не легко будет снова... Я не облегчила, а отягчила твою участь. Мне надо поправить свою ошибку. Пока я в плену, я тебе не жена, а такая же пленница, рядовой член экипажа. Я не хочу занимать твоего времени больше других, не хочу особого отношения... И Астр тебе отныне не сын, он не обязан значить для тебя больше, чем любой наш товарищ! Ты должен быть полностью свободен в своих решениях!

Я молчал. Ничего нельзя было изменить, события стали нам неподвластны. И еще я с отчаянием думал о том, что взвалил ношу, непосильную моим плечам.

— Слова, слова! — сказал я потом. — Разве из клеток мозга вытравить душу живую?.. И разве от того, что я объявлю тебя такой же, как все, ты уже не будешь для меня особой? И если

Астр скажет мне: “Адмирал Эли!”, а не “Отец!”, он перестанет быть моим сыном?

Но Мери слушала лишь себя.

— Поцелуй меня, Эли! И пусть это будет наш последний поцелуй! Я освобождаю тебя от нас.

Я поцеловал ее. Она минуту обнимала меня, потом оттолкнула.

У меня разошлись нервы, я пошел поговорить с кем-нибудь, кто поспокойней. Я выглядывал Осиму и Ромеро, но натолкнулся на Андре с Астром. Андре покорно ковылял, куда тянул его под руку Астр.

— Я говорю с ним, а он не понимает, — сказал Астр печально, — Слушает и не понимает.

Я схватил руку Андре, лицо его жалко исказилось, он отшатнулся. Он поглядел на меня слепыми глазами, в них не было ни намека на сознание. Я снова подумал: как должны были мучить его, чтобы довести до такого состояния, — и бешенство захлестнуло меня, ярость на разрушителей, на себя, на самого Андре.

— Узнай меня! — крикнул я. — Я приказываю: узнай!

Андре стал вырываться, я не пускал, впивался взглядом в его потухшие зрачки.

— Узнай меня! Не выпущу, пока не узнаешь!

Андре вырвался и кинулся прочь. Я, вероятно, бросился бы вдогонку, если бы Астр не загородил дороги. На глазах Астра блестели слезы.

— Так с друзьями не поступают, отец! — сказал он с негодованием. — Ты сильный, а он больной.

Мощная сила вдруг отшвырнула меня от Астра. Все вокруг сперва завертелось, потом помутилось. Я падал в мутной бездне, падал долго, падал отвесно, шли годы, бессчетное число лет, а я все падал — так мне казалось. Я состарился и умер за время падения, падал мой высохший труп, он сморщивался, испарял свои атомы, превратился в крохотный комочек — и лишь тогда я возродился. Я находился в том же зале, на том же месте. Вокруг меня были люди, мои друзья. Я видел страшное лицо Ромеро, помертвевшую Мери, полного ужаса Астра. Меня окликали, в смятении простирали ко мне руки, пытались пробиться ко мне.

Но я сейчас был недоступней, чем если бы унесся в другую Галактику. Великий разрушитель водворил меня в силовую клетку.

— Эли, что случилось? — кричала Мери. — Эли!

Она отчаянно пробивалась ко мне, другие тоже толкались о неведомый барьер, как будто могли помочь, если бы очутились рядом. Осима, один сохранивший спокойствие, приказал прекратить суетню и вопли. Я отлично видел друзей, еще лучше слышал их — клетка, непроницаемая для тел, хорошо пропускала звуки и свет.

Осима удалось наконец установить тишину. Он обратился ко мне так, словно испрашивал очередное распоряжение:

— Как чувствуете себя, адмирал? Повреждений нет?

— Все на высшем уровне, — отозвался я. Думаю, мне удалось говорить спокойно. Я попытался усмехнуться. — Меня изолировали от вас. И поскольку я лишен возможности свободного передвижения, хочу передать власть, которой уже не способен нормально пользоваться. Назначаю своим преемником Осиму.

Ромеро вслух размышлял:

— Для чего разыгран этот спектакль, Эли? Вероятно, чтобы публично подвергнуть вас пыткам...

Мысль о пытках была у Ромеро фатальной. Я потребовал, чтобы не меня не обращали внимания, что бы со мной ни совершалось. Камагин молча сжимал кулаки, Мери расплакалась.

Больше всего я боялся, что разрыдается Астр, такое у него было перепуганное лицо, но ему удалось удержаться.

— Подходит время ужина. Ешьте и засыпайте, будто ничего не произошло, — сказал я. — Чем меньше вы станете оборачиваться на меня, тем легче мне и досадней врагам.

Вечером по эскалатору подали еду. В моей клетке ничего не появилось. Я усмехнулся. Фантазия Верховного разрушителя была скудна. Я растянулся на полу, как на постели. Никто больше не обращал на меня внимания, словно меня не было.

Когда половина людей заснула, к клетке подошел Ромеро.

— Итак, вас осудили на голод, дорогой друг. В древности голод причислялся к самым мучительным наказаниям.

— Пустяки. Старинная пытка голодом многократно усиливалась неизбежностью смерти, а мне эта опасность не грозит — я должен возжаждать смерти, но не обрести ее.

Когда Ромеро ушел, я притворился спящим. Мери и Астр еще долго не засыпали, Лусин что-то горестно шептал, вороча-

ясь на нарах. Мало-помалу мной начал овладевать полусонный бред, перед глазами замелькали светящиеся облака, их становилось все больше, свет разгорался ярче.

Вдруг я услышал чье-то бормотание. Я приподнялся.

По ту сторону прозрачного барьера, прижимаясь к нему щекой, хватая руками, стоял Андре: Лицо его кривилось, что-то лукавое проступало в улыбке безумца, а глаза, днем тусклые, дико горели. Я подошел поближе, но и вблизи не разобрал быстрого бормотания.

— Знаю, — сказал я устало. — У бабушки серенький козлик. Иди спать.

Андре захихикал, до меня донеслись слова:

— Сойди с ума! Сойди с ума!

Мне показалось, что я наконец за что-то ухвачусь в ускользающем мозгу Андре.

— Андре, взглядишь в меня, я — Эли! Взглядишь в меня, ты приказываешь Эли сойти с ума, Эли, Андре!

Не было похоже, что он услышал меня. Я перевел дешифратор на излучение его мозга, но и там было только повторение совета сойти с ума. Он не жил двойной жизнью, как иные безумцы, и в тайниках его сознания не таилось ничего, что не выразалось бы внешне.

— Нет, Андре, — сказал я, не так для него, как для себя. — Я не буду сходить с ума, мой бедный друг, у меня иной путь, чем выпал тебе.

Он хихикал, всхлипывал, лицо его кривилось, боль и испуг перемежались с лукавством. Он бормотал все глуше, словно засыпая:

— Сойди с ума! Сойди с ума!

11

Не знаю, как мучились те, кого в древности обрекали на голод. Голодовку превратили в мерзкое зрелище — вот что бесило меня. Я не получал пищи, а у друзей еда не лезла в рот. Я слышал, как Мери кричала на Астра, чтоб он ел, но не видел, чтоб сама она брала еду.

Лишь Ромеро и Осима спокойно ели, и я испытывал к ним нежность, ибо это было им нелегко.

Однажды я с гневом сказал подошедшей Мери:

— Разве мне легче от того, что ты истощаешь себя?

Глаза ее были сухи, но голос дрожал:

— Поверь мне, Эли...

— И слышать не хочу! Неизвестно, что ждет нас завтра. Истощенная мать — плохая защитница сына, неужели ты не понимаешь?

Она прислонилась головой к прозрачному барьеру, долго вглядывалась в меня, усталая и похудевшая. Ей было наверняка труднее, чем мне.

— Ты не выполняешь свои обещания, Эли...

— Что ты имеешь в виду?

— Ты обещал относиться ко мне и Астру, как ко всем другим.

— Я этого не обещал, Мери. Ты настаивала, но я не обещал. И ты сама нарушаешь собственные обещания, ты ведешь себя иначе, чем другие. Возьми пример с Осимы и Ромеро.

— А ты посмотри на Эдуарда. Он тоже не ест, Эли!

— Не мучайте меня хоть вы! — попросил я и лег, отвернувшись.

Она тихо отошла. Потом я видел, как она ела, Камагин тоже принялся за еду. Я сделал вид, что сплю, и так хорошо притворился, что и вправду заснул.

Вскоре я понял, что спать в часы общего бодрствования — лучший способ поведения. Вначале я делал усилие, чтобы задремать, но потом сон приходил, когда был нужен. Скорее всего это было забытье, а не сон — я выключал сознание на минуты, на часы, сколько заранее положу себе.

Я слышал, что голодающие воображают себе вкусные яства и распалаются до иступления. Меня не влекли картины пиршеств и обжорства. И муки жажды тоже, по-моему, преувеличены бесчисленными рассказами, сохранившимися в памяти человеческой.

Зато меня посещали иные видения, и они становились все ярче.

Я опять увидел странный зал с куполом и полупрозрачным шаром и бегал вдоль стен зала, а на куполе разворачивались звездные картины, и среди неподвижных светил снова мчались искусственные огни, и я знал, что каждый огонек — корабль нашего флота, штурмующего Персей. Я всматривался в огни крейсеров, вначале их движение было непонятно, потом я понял, что присутствую при картине охоты за темными космиче-

скими телами вне теснин Персея: Аллан подтягивал захваченные шатуны к Персею, заканчивая подготовку к их аннигиляции у неевклидова барьера, чтобы в разлете взорванного вещества ворваться внутрь.

— Я еще раз побывал в галактической рубке разрушителей, — так я рассказывал о своем видении Ромеро.

Он печально и испытующе смотрел на меня.

— В древности многие психологи считали сновидения исполнениями желаний, обуревающих людей в реальной жизни. Надо признать, друг мой, что ваши видения хорошо копируют ваши желания.

Боевая рубка приснилась лишь раз, зато Великого разрушителя я видел часто. Он появлялся, окруженный сановниками, среди них был и Орлан, докладывавший собранию, как ведут себя пленные.

Фантазия моя придавала разрушителям такой диковинный облик, они были так бредово фантазмагоричны, что ни до, ни после я не находил похожих среди реальных врагов.

Ромеро пишет в отчете, что я своими видениями иронизировал над врагами и что вообще ирония — характерная форма моего отношения к действительности. Возможно, это и так, но сам Великий разрушитель и Орлан являлись ко мне в привычном нам виде, призрачно копирующем людей. Остальные, правда, были удивительных образцов.

Одни торчали массивными ящиками, другие, вступая в беседы, вдруг распускали пышные кроны взамен голов и становились подобны земным деревьям, третьи, когда к ним обращался властитель, превращались в жидкость и текли речью, текли в точном смысле слова — мутным, то красноватым, то голубым ручейком, клокочущим, извилисто стремящимся по залу, и все вглядывались в извилины и блеск их пенящейся речи — а потом, закончив слово, они спокойно стекались назад, становились снова телом из потока, и тело, малоприметное, серенькое, скромно стиралось где-нибудь в уголке среди прочих сановников.

Но красочней всего были “взрывники” — так я назвал эти диковинные существа, разлетающиеся огненным веером, когда на них падал взгляд властителя. Очевидно, сами по себе они были столь невыразительны, что глаз на них не задерживался. А речь их была так феерична, ответы сыпались такими пылающи-

ми комьями, что я сжимался в своей клетке, страшась, что меня опалит огненным словом.

И облик сановников Великого разрушителя, и способы их взаимообщения были так невероятны, что мне все чаще приходило в голову — не лишаюсь ли я разума?

Однако было нечто, что удерживало от этого вывода. Тело мое слабело, но дух оставался ясным, все остальное, кроме бредовых видений, было реальным: я различал вещи и друзей, вещи не меняли своих естественных форм, друзья говорили со мной, я отвечал, ни один не усомнился в разумности моих ответов, беседы наши текли, как обычно, только становились короче, мне все труднее было говорить.

И еще имелось одно, тоже важное обстоятельство. Безумной была внешность сановников властителя, но не дискуссии. Тут все было логично. Я и сам с моими помощниками, попади мы в аналогичное положение, рассуждали бы похоже — говорю о фактах и логике, но не о способе информации.

— Вы сказали, что сон некогда рассматривался как исполнение желания? — поделился я как-то с Ромеро новой мыслью и даже нашел силу тихо засмеяться. — Я все больше убеждаюсь, что это так. В мечтаниях я неотвратимо одолеваю наших врагов.

Ромеро с некоторых пор переменял отношение к моему бреду.

Не было теперь дня, чтобы он не осведомился, что я видел во сне.

— Я попрошу вас, дорогой друг, и впредь передавать ваши видения в мельчайших подробностях, — говорил он.

— Ищите развлечений? — Не знаю, уловил ли он обиду, голос был так слаб, что стирались все интонации. — Или вам нужна дополнительная информация о моем душевном состоянии?

Он покачал головой.

— Ваши видения больше похожи на информацию — фантастически, правда, искаженную, но о реальных событиях, — чем на порождение болезненного бреда.

— Они порождены ежедневными вопросами Орлана, Павел. Чем я еще могу отплатить врагам, если не повторяющимся бредом об их неизбежной гибели?

Я ненавижу этого отвратительного стража. Он ежедневно обрисовывался около моей клетки. Он стоял полупризрачный,

неподвижный, лишь шея неторопливо вытягивалась, унося голову вверх, и бесстрастно интересовался:

— Тебе еще не хочется смерти, человек? Надеюсь, тебе плохо?

Я смотрел на его безжизненное лицо и весь накалялся.

— Мне хорошо. Ты даже вообразить не можешь, остолоп, как мне хорошо, ибо я до своей кончины еще увижу твою гибель, гибель твоего властителя, гибель всех его прихлебателей. Передай своему верховному чурбану, что я бесконечно радуюсь жизни.

Орлан со стуком вхлопывал голову в плечи и исчезал.

12

Переломные события нашего плена отпечатались в моей памяти во всех подробностях. Вечером, перед ужином, я приказал себе уснуть, а когда пробудился, была ночь, пленные спали. Я сел, встать и пройтись по клетке, как делал еще недавно, не было сил.

Не открывая глаз, я вслушивался в сонное всхлипывание, шуршание поворачивающихся тел, храп мужчин, развалившихся на спине, свист носов тех, кто разлегся на боку... Я в последнее время стал хуже видеть, к тому же в ночные часы самосветящиеся стены тускнели. Зато обострился слух, до меня свободно доходили звуки, каких я в нормальной жизни не мог бы уловить.

И я легко разобрал еще до того, как шаги приблизились, что кто-то подкрадывается ко мне. Так же безошибочно, все не еще открывая глаз, я определил, откуда слышался шум. Я поднялся на ноги и минуту стоял, пересиливая головокружение.

Перед глазами замелькали глумливые огоньки, в изменяющейся их сетке пропала тусклая картина спящего зала. Я терпеливо дожидался, пока погаснет последняя искорка, и, ощупывая воздух руками, чтоб не удариться о прозрачные препятствия, медленно двинулся к ограде. Я делал шаг и останавливался, от каждого шага в глазах вновь вспыхивали искры, нужно было не дать им разгореться до головокружения. Потом я долго всматривался в маленького человечка, напиравшего телом на наружную сторону невидимой ограды.

— Астр, зачем ты пришел? Ты должен держаться, будто меня не существует.

Эту недлинную речь я произносил минут пять.

— Отец! — зашептал он со слезами. — Может, хоть ночью я смогу передать тебе пищу?

Он тщетно старался просунуть сквозь невидимую стену кусочки еды. Он вбивал их в силовой забор, они падали на пол, он поднимал их, снова пытался просунуть. Плач его становился все громче.

Я смотрел на него, вяло соображая, чего ему еще надо. Мне не хотелось есть, не хотелось разговаривать, я лишь одно понимал — рыдания могут разбудить Мери и она не справится с приступом отчаяния.

— Астр, иди спать! — сказал я. — Даже атомные орудия наших предков не разнесут эти стены, а ты хочешь пробиться сквозь них слабыми кулачками.

На этот раз я говорил связной речью, а не словесными корпускулами. Астр бросил на пол принесенную еду, стал топтать ее ногами и все громче плакал. У него был слишком горячий характер.

— Перестань! — приказал я. — Стыд смотреть на тебя!

— Ненавижу! — простонал он, сжимая кулаки. — Отец, я так ненавижу!

— Иди спать! — повторил я.

Он уходил, через каждые два-три шага оборачиваясь, а я смотрел на него и думал о нем. Он был сыном шестнадцатого мирного поколения человечества, даже слово это — ненависть — было вытравлено из словаря людей задолго до его рождения, он тоже его не знал. И он сам, опытом крохотной своей жизни, открыл в себе ненависть, ибо любил.

Наш разговор, как он ни был тих, привлек Андре. Безумец спал мало, и в часы, когда все покоились, неслышно прогуливался по залу, напевая неизменно “Жил-был у бабушки серенький козлик...”

Он подошел к месту, откуда пытался ко мне пробиться Астр, оперся локтями о силовые стенки, лукаво посмеивался истощенным постаревшим лицом, подмаргивал. Сперва я не разобрал его шепота, мне показалось по движению губ, что повторяется все тот же унылый совет сойти с ума, но вскоре я разглядел, что рисунок слов иной, и стал прислушиваться. Фразу “Не надо” — я расслышал отчетливо.

— Ты даешь мне новый совет? — переспросил я, удивленный. — Я правильно тебя понял, Андре?

Он забормотал еще торопливей и невнятной, лицо его задергалось — все эти выражения так быстро сменяли одно другое, что я опять ничего не понял.

— Уйди или говори ясно, я очень устал, Андре.

На этот раз я расслышал фразу:

— Ты сходишь с ума! Ты сходишь с ума!

— Радуйся: я схожу с ума! — сказал я горько. — Все, как ты советовал, Андре. Я искал другого пути, кроме безумия, и не нашел его. Что же ты не радуешься?

— Не надо! Не надо!

Только теперь, когда он повторил эту фразу, я понял, к чему она относилась. У меня снова закружилась голова. Я привалился к стенке, простоял так несколько минут, опоминаясь. Когда я очнулся, Андре уже не было. В полумраке сонного зала я увидел торопливо удаляющуюся согбенную фигурку.

Сил добраться на тряпичных ногах до середины клетки не хватило, я опустился на пол, где стоял, и вскоре забылся, а еще через какое-то время повторилось видение и раньше посещавшее меня — штурмующие Персей корабли Аллана.

На этот раз я не увидел зала с подвешенным посередине полупрозрачным шаром, кругом просто была звездная сфера.

Я несся меж звезд, превращенный сам в подобие космического тела.

Вместе с тем я и в бреду сознавал, что я не космическое тело, а человек, и не лечу в космосе, а покоюсь где-то, а вокруг не реальные светила, а их изображения на экране, и бешеный мой полет — не реальное движение, а лишь поворот телескопического анализатора: я не мчался, рассекая проходы меж светилами, а прибором отыскивал эскадры Аллана.

И когда засверкали галактические крейсера, я жадно, повторяя вслух цифры едва шевелящимися губами, считал их. Две светящиеся кучки, две растянувшиеся струи огней по сто искр (каждая искра была хорошо мне знакомой сверхсветовой крепостью) неслись клином — острие нацеливалось на Оранжевую, тусклую, постепенно гаснущую; я уже хорошо знал, что означает ее зловещее исчезновение.

“Пробьются или не пробьются?” — думал я, трясаясь слабой дрожью, у меня не хватало сил и на дрожь, лишь мысли пока не теряли ясности. “Пробьются или нет?” — думал я, выглядывая темные тела в густо пылающей массе огней: тел было не мень-

ше десятка. Они неслись, покорные могучим механизмам кораблей, каждое в миллионы раз превосходило звездолет по объему и массе, а самое массивное составляло острие клина — вытянутая шея желтовато-белых огней кончалась черным клювом.

— Сейчас клюнет! — шептал я, меня все мучительней била дрожь, я плотнее прикрывал глаза, чтобы отчетливее узреть надвигающееся.

А затем я увидел забушевавшее горнило и массы галактических кораблей, ринувшихся в фокус взрыва. В мозгу путались звезды и корабли, звезды ошалело неслись в стороны, расшвырнутые взрывом пространства, а корабли пожирали новосотворенный простор пастями аннигиляторов и рвались вперед, на исчезнувшую Оранжевую — к нам на помощь...

Потом я стал уноситься вверх. Я лежал на боку, скрючившись, меня по-прежнему била слабая дрожь, жизнь еле теплилась во мне, а в чадном бреду тело мое, могучее, как галактический корабль, вольно вынеслось в простор. Я не знал, куда меня уносит, ликующее ощущение заполнило меня всего — свобода!

Я упал на пол в знакомом зале, на троне восседал властитель, обширное помещение заполняли странные лики и фигуры — образины, а не образы, я много раз уже наблюдал их в своем бреду...

Я попал на совещание у Великого разрушителя.

13

Я знал, что увидеть меня нельзя, но отполз в угол, откуда открывался хороший обзор собрания. Властитель чего-то ждал, и все молчали. “Плохи у них дела, если они так подавлены”, — злорадно подумал я.

Сановники внезапно зашевелились. Один, темная уродливая тумба пышно разбросил крону, он походил теперь не то на орех, не то на платан, и все рос, ветви ползли вверх и на середину зала, листья наливались фиолетовым сиянием. Разрастается речью, подумал я огорченно; по опыту прежних сновидений я знал, что не пойму их языка: они могли речами раздражаться, разряжаться, взрываться, растекаться, разрастаться, вызваниваться — смысл оставался неведом.

Но едва он раскинулся словом, как я с удивлением сообразил, что отлично разбираюсь: он информировал собрание, что лишь

неполадками на Третьей планете можно объяснить опасное вклинивание человеческого флота во внешние обводы неевклидовой улитки.

— Вторая и Четвертая планеты приняли на себя гравитационное напряжение Третьей, — шелестел платаноподобный сановник. — Флоту врага не проникнуть в нашу звездную ограду, Великий...

Владыка раздраженно сверкал прожекторами глаз. пышная крона оратора стала морщиться и опадать, он превращался из дерева в прежнюю тумбу. Голос Великого разрушителя гулко гремел, он да Орлан одни разговаривали голосом.

— Удалось ли отбросить врага на исходные позиции?

Ему ответил льстивой извилистой речью один из тех, что превращались в ручьи, и я опять хорошо разобрался в его журчащей и пенящейся информации:

— Сделано много, очень много, о Великий, флотилии врага не проникнуть внутрь, им не удалось проникнуть, нет, не удалось, их выпирает назад крепчающая неевклидовость, их выпирает...

— Они выброшены за пределы скопления?

— Нет, пока нет, не выброшены, нет, — завертелся говорливый ручей, — и их оттесняют, их оттесняют, их оттесняют...

Великий разрушитель махнул рукой, и ручей мгновенно иссяк.

— Они аннигилировали одну планету а тащат с собой больше десяти. Что произойдет, если они повторят аннигиляции?

Теперь разлетелся один из “взрывников”. Его пылающие осколки еще летели над вельможами и властителем, а я уже знал, какие сведения передавал фейерверк.

— Каждая аннигиляция — прорыв около одной десятой неевклидовых препятствий. Если враги захваченное космическое вещество полностью превратят в пустоту, им удастся проникнуть в скопление.

— Что останется нам тогда?

В ответ зазмеился новый сановник. Он так переламывался, извивался, скручивался, что страшно было глядеть. Переданная его пляской информация была малоутешительна для разрушителей:

— Последний шанс тогда, последний шанс — сражение, флот против флота, флот против флота, собрать все корабли, все

корабли отовсюду, и ударить, ударить, задушить, распасться, распасться!..

— Сам распадайся! — рявкнул властитель.

Оратор не распался, а опал и быстренько уполз на старое место. Владыка продолжал свой громогласный допрос:

— А если не сумеем нанести врагам поражение в бою, каковы прогнозы на этот случай?

Очередной оратор, вспыхнув столбом пламени, так бешено завертелся у трона, что я чуть не ослеп от буйного огневорота информации.

Этот стратег предлагал бежать на защищенные планеты и “закольцеваться” на них.

— Иначе говоря, покинуть межзвездные просторы, которыми мы владеем безраздельно столько поколений, — сумрачно выговорил властитель. — Перейти на положение галактов, заблокированных в своих звездных логовах? Обороняться без шансов на победу? И все согласны с этим ужасным проектом? Неужели нет другого решения?

Оказалось, что все, наоборот, не согласны с огненным поражением. Ораторы разрастались, рассыпались, растекались протестами, взрывались и змеились несогласиями, пылали опровержениями, разряжались молниями критики. Для всех было ясно, что бегство на укрепленные планеты лишь начало конца.

На меня особое впечатление произвело туманное слово одного из военачальников, туманное не потому, что мысль, заключенная в нем, была неясна, нет, высказывался он четко, но избрал для передачи своих предложений еще не примененный никем из соседей способ: за клубился синеватым облачком и стал оседать на присутствующих.

— Наши противники и не будут атаковать защищенные планеты, — зловеще моросила холодная информация туманного стратега. — Они не станут подвергать опасности свои корабли, не надейтесь на это. Враги соединятся с разблокированными галактами, выпросят ужасные биологические орудия и расстреляют нас. Не забывайте, что переавтоматизация наших организмов на более надежную механическую основу не завершена!

Властитель задумался.

— Верно, все верно! — прогремел он. — Прогрессивный процесс примитивизации только начат. Философски мы давно определили свою историческую миссию как превращение орга-

низмов в механизмы. Я недавно подробно об этом рассказывал в споре с тем упрямым дурачком, которого мы захватили в плен. Но практически — успели в этом недостаточно. И если биологические орудия галактов появятся у наших планет, спасения не будет. Соединения людей с галактами допустить нельзя. Я хотел бы узнать, что на Третьей планете? Передачу информации разрешаю только для новостей.

Выступил новый оратор, я понял, почему властитель поставил ему ограничения. В зале поплыло зловоние.

Оратор — существо, похожее на головоглаза, но без его сверкающего перископа — окутался желтым дымом, и я, задохнувшись, схватился за нос, и если не зажал его полностью, то лишь потому, что не хотел упускать интересной информации. Оратор просмердел, что новый Надсмотрщик Третьей планеты вступил в командование Управляющим Мозгом, неполадки незначительны, хотя в сложившейся острой ситуации едва не вызвали катастрофических последствий. Ныне их исправили, и Третья планета, мощнейшее сооружение в Персее, снова в строю.

— И если в первой фазе прорыва Третья планета ослабила противодействие, — дышала на меня нестерпимой вонью речь оратора, — то сейчас ей удалось энергично ввести в свои неевклидовы захваты новосозданные объемы пустоты. Помощь Второй и Четвертой планет значительна, но исход схватки решила Третья, я на этом настаиваю и, если будет дозволено...

— Хватит! — загрохотал властитель. — Твои речи излишне многословны. Пусть Орлан доложит, как чувствуют себя пленники и что с ними делать.

Чего-либо важного в речи Орлана я не услышал. Пленники подавлены испытаниями, выпавшими на долю адмирала, сам адмирал бодрится, хотя ослабел и уже не может передвигаться. Ничего другого, кроме того, что он восхищен такой жизнью, от него не добиться.

— Как поступить с пленниками, зависит от того, что собираемся делать мы сами, — сказал Орлан.

— Эвакуироваться! — прогремел властитель. — Никелевая планета в опасной близости от района штурма. Мы перебазиремся на Марганцевую или на Натриевую. Пленников прихватим с собой.

— Ни на Марганцевой, ни на Натриевой не удастся обеспечить их существование, Великий. Люди — биологически слабые объекты, у них трагически узок спектр жизненных условий.

— Это их дело — узок он или широк! Пусть знают, что с такими биологическими структурами не завоевать господство во Вселенной! Погрузить людей и всех, кто с ними, в захваченный звездолет и завтра же отправить на Марганцевую.

— Будет исполнено, Великий! Что до адмирала... Ты гарантировал ему жизнь, Великий?

— Я гарантировал лишь то, что не покушусь на его жизнь. А если этот чванливый неудачник подойдет собственным усердием, не опечалюсь. Еще меньше буду страдать от гибели его друзей. Из всех звездных народов, которые мы покоряли, люди самые отвратительные — неудачное телосложение, отсталая философия, аристократического примитива ни на грош. Правда, мы их еще не покорили, но, когда это случится, пусть пеняют на себя!

Я расхохотался. Я катался по полу и задыхался от смеха. Я уже не боялся, что мое присутствие откроют враги, мне было плевать на их месть, часы их сочтены, они сами это понимают.

И вдруг бред оборвался, я услышал словно со стороны то, что представлялось мне торжествующим хохотом, — слабое всхлипывание, жалкое бормотание. Я лежал у невидимой стены, ослабевший так, что уже не мог пошевелить рукой. И, вероятно, самым тяжким физическим усилием всей моей жизни было то, какое понадобилось, чтобы приподнять голову.

С другой стороны барьера на меня смотрел Ромеро. Он сказал с надеждой в голосе:

— Мне кажется, дорогой друг, вам привиделось новое сновидение?

Он так впивался в меня глазами, такая внутренняя страсть слышалась в его вопросе, что это подействовало на меня лучше лекарства. С каждым его словом ко мне возвращалось сознание.

14

Я поднялся на ноги.

— Замечательный сон! — прошептал я. — Вы посмеетесь, Павел.

К Ромеро присоединились Камагин и Лусин, за ними подошли Осима и Петри. Они слушали, но не смеялись. А я все не

мог удержаться от смеха — при озаренных по-дневному стенах фантастические фигуры и лики ораторов, нелепый язык их речей казались еще забавней.

— Интересный сон! — сказал неопределенно Петри.

Осима молча пожал плечами, а Камагин воскликнул:

— Видения фантастичны, а действительность чудовищна! К сожалению, единственный отпор, который мы можем оказать этим мерзким существам, — поиздеваться над ними хоть в воображении.

— Очень уж сложны эти сны, чтоб быть только снами, — с сомнением проговорил Ромеро.

Как и все люди его эпохи, Камагин был последовательным рационалистом. Ромеро искал в суевериях зерно истины, Камагин начисто ее отвергал. Нас с Камагиным разделяло пятьсот лет человеческого развития, но во многом он был мне ближе Ромеро.

— Уж не хотите ли вы сказать, что какой-то неведомый друг снабжает адмирала секретной информацией, зашифровав ее в образы сна?

Ромеро раздраженно возразил:

— Я хочу сказать, что нисколько не был бы удивлен, если бы это было так. Во всяком случае, я запомнил и галактическую рубку, которую дважды посетил адмирал, и то, что Аллан штурмует Персей, вбивая между его светилами таран аннигилируемых планет, и то, что на Третьей планете, мощнейшей крепости разрушителей, неполадки, и, наконец, то, что наши друзья галакты обладают какими-то биологическими орудиями, приводящими в ужас разрушителей. Согласитесь, что ни о чем подобном мы не слыхали до того, как Эли стали посещать его сны. Сновидения, стало быть, несут в себе принципиально новую информацию. Иной вопрос — правдива ли информация.

Маленький космонавт вспыхнул:

— Бредовые видения голодающего — вот что это такое! — Он с раскаянием повернулся ко мне. — Адмирал, я не хотел вас оскорбить.

Я через силу улыбнулся.

— Разве я не голодающий? И что все это бред — не отрицаю.

Ромеро холодно проговорил:

— Я выдвигаю такое утверждение: если хоть один из фактов, открытых нам в сновидениях адмирала, окажется реальным, то и все остальные также будут правдивы. Согласны?

— Согласен! — Камагин насмешливо добавил: — Вы забыли, Ромеро, одно известие, также ставшее нам известным из сновидений адмирала. Оно допускает непосредственную проверку: нас сегодня собираются эвакуировать на какую-то Марганцевую планету! Сегодня, Павел! И если день пройдет и эвакуации не будет...

Камагин еще не закончил, как Ромеро поднял трость.

— Принимается. Итак — сегодня!

— Стены посветлели, — сказал я со вздохом. — Сейчас появится наш мерзкий тюремщик и поинтересуется, не возжаждал ли я смерти.

Орлан появился, словно вызванный.

— Адмирал Эли, первое испытание закончено, — сказал он бесстрастно. — Тебе дадут поесть. После еды вы все должны собраться. Пленных эвакуируют с Никелевой планеты на Марганцевую.

Ромеро выронил трость, Осима, всегда сдержанный, вскрикнул. Камагин распахнутыми, полубезумными глазами смотрел на меня.

Орлан исчез так же внезапно, как и появился.

И на что мне язык, умевший слова
Ощущать, как плодовой сок?
И на что мне глаза, которым дано
Удивляться каждой звезде?
И на что мне божественный слух совы,
Различающий крови звон?
И на что мне сердце, стучащее в такт
Шагам и стихам моим?!
Лишь поет нищета у моих дверей,
Лишь в печурке юлит огонь,
Лишь иссякла свеча — и луна плывет
В замерзающем стекле...

Э.Багрицкий

Часть третья МЕЧТАТЕЛЬНЫЙ АВТОМАТ НА ТРЕТЬЕЙ ПЛАНЕТЕ

1

Эвакуация походила на бегство.

В зал хлынули головоглазы. Нам не дали ни обсудить приказа, ни просто перекинуться соображениями. Человеческим языком головоглазы не владели, но зрение у них было зорче нашего, а гравитационные оплеухи впечатляли красноречивей слов. Вновь появился Орлан, и мы впервые услышали его истошный крик, раздававшийся потом так часто, что он и поныне звучит в моих ушах:

— Скорей! Скорей! Скорей!

Я многого не помню в начальных минутах эвакуации, я потерял сознание до того, как исчезла силовая клетка. Пришел я в себя на нарах, рядом сидела Мери, сжимая мои руки в своих руках, рядом стояли молчаливые друзья. Я услышал ее счастливый голос:

— Очнулся! Он живой!

Я хотел сказать, что неживым я быть не могу, раз мне гарантирована жизнь, но не хватало сил на шепот. Зато я постарался глазами передать, что чувствую себя превосходно. Мери расплакалась, уткнувшись головой мне в грудь.

— Великолечно, адмирал, — бодро объявил Осима. — Пока вы лежали без сознания, вас покормили.

— И ели вы с аппетитом, — добавил Ромеро, улыбаясь. — Но потом вдруг окаменели, и мы порядком перепугались.

— На какой корабль нас грузят? — спросил я, понемногу овладевая голосом.

— На “Волопас”, — Осима иронически усмехнулся. — Побаиваются вселенские завоеватели показывать нам свои корабли.

С помощью Ромеро и Мери я приподнялся. В зал на Громовержце вполз Лусин. Мы с Мери и Петри примостились за спиной Лусина. На других драконах разместились друзья. Крылатый ящер быстро пополз по коридору, но в распределительном зале его затерли в угол пегасы. Летающие лошади с визгом и ржанием топотали в туннеле, стремясь поскорее вырваться на воздух. На одном из пегасов промчался Астр, он радостно помахал рукой.

— Не забудь: номер восьмой! — крикнула ему Мери.

— Неплохо ездит, — заметил Петри. Словечко “неплохо” у этого флегматичного человека было высшей формулой одобрения.

Мне тоже показалось, что Астр как влитой сидит на пегасе, он лихо пригибался к шее коня, ловко поджимал ноги, чтоб не мешать работе крыльев, сам я так не сумел бы. Даже Лусин признавал, что езда на пегасах — дело посложней, чем на старых бескрылых лошадях.

Громовержец, выбравшись наружу, взмыл вверх.

Мы опять увидели в зените крохотное белое солнце, неприветливое, бессильное светило, не способное ни согреть планету, ни затмить лихорадочное сверкание звезд. Внизу простиралась мертвенно зеленая планета — никелевые поля, никелевые леса, озера и реки никелевых растворов. И везде, куда хватал глаз, громоздились шары звездолетов, огромные, угрюмые — горы рядом с холмиком “Волопаса”, приткнувшегося в центре образованной ими долины.

Громовержец не успел завершить витка над “Волопасом”, как попал в гравитационный конус. Дракона так быстро швырнуло вниз, что Лусин закричал, Мери застонала, а у меня замерло сердце.

Еще быстрее нас засосало в недра “Волопаса” и здесь, на причальной площадке, веером поразбросало — дракона в одну сторону, Мери с Лусиным в другую, а меня с Петри в третью.

— Берегитесь! — закричал Петри, увлекая меня с площадки. На нее валились другие драконы, засосанные гравитационной трубой.

Я не сумел быстро отскочить, и на меня упал Ромеро, а на Ромеро — Камагин. К счастью, ни один из гигантских ящеров не свалился на нас — все счеты с нами были бы тогда покончены сразу.

— Дóма! — сформулировал Осима наше общее чувство.

Мы шли вдоль знакомых зданий, еще недавно наших квартир; во Вселенной, вероятно, не было уголка более близкого нам, чем этот. И разрушители ничего не тронули в комнатах, то один, то другой из пленников выбегал на улицу и радостно сообщал, что все сохранено, как было до высадки на зеленую планету.

— Загляни, как у нас, — попросил я Мери у дверей в нашу квартиру. — А я пойду в обсервационный зал. Не беспокойся, мне хорошо.

Я не сделал и двух шагов, как мимо пробежал Астр со склянкой в руке. Я окликнул его, он не отозвался.

— Куда он умчался? — спросил я Мери. — В такое время разгуливать по звездолету небезопасно!

Она лукаво улыбнулась.

— Ничего с ним не будет. Подождем здесь его возвращения.

Астр возвратился минут через пять. Он сиял.

— Все исполнено, мама! — кричал он издали. — Я выплеснул склянку. Планета заражена.

Я ничего не понимал.

— Заражена? Может, все-таки объяснишь, Мери, что происходит?

Оказалось, Астр распылил на планете заряд жизнедеятельных бактерий, питающихся никелем и его солями. Планета теперь заражена жизнью. Процесс в начале будет совершаться незаметно, потом убыстрится, пока эпидемия жизни не забушует на поверхности и в никелевых недрах. И тогда оборвать жадное разрастание жизни будет возможно, лишь полностью уничтожив планету.

— Я теперь житнетворец, отец! — с гордостью сказал Астр.

— Ты молодец! — сказал я и похлопал его по плечу.

На экранах разворачивалась звездная сфера. Мы находились где-то на окраине скопления. Я навел умножитель на Оранже-

вую. Это был сверхгигант такой неистовой светимости, что он представлялся скорее крохотной луной, чем звездой. Была хорошо видна и ее единственная планета, она сверкала то желтым, то синевато-белым, словно ее отражающая способность менялась при повороте вокруг оси.

После кратковременного оживления мне вновь стало плохо. Петри первый заметил, что я теряю сознание. Пришел в себя я на улице. Петри нес меня на плечах, рядом шли друзья. Я попросил опустить меня наземь, Петри отказался. В комнате я лег на диван. Друзья настроились на мое излучение, мыслями беседовать было не только безопасней, но и легче — мне, во всяком случае.

— Произошли удивительные происшествия, надо в них разобраться, — сказал я. — Я хотел бы знать ваше мнение, Павел.

Ромеро не успел начать, как в комнату вошли Астр с Лусином и Андре. Андре был одет в новое, выбрит, причесан — все это проделали Лусин с Астром, когда добрались до квартиры Лусина. Он теперь больше напоминал прежнего Андре, постаревшего, похудевшего, — такими, вероятно, люди в прошлые времена поднимались с постелей после болезни. Одно лишь лицо, отсутствующее, то подергивающееся в лукавой ухмылке, то испуганно перекашивающееся, да бессмысленно тусклые глаза выдавали, что разум не возвратился.

— Можно побыть с вами? — спросил Астр за троих.

Против Астра я возразить не мог, но Андре меня смущал.

— Разве вы не заметили, что у Андре умопомрачение не болтливое? — опроверг мои сомнения Ромеро. — Когда-то утверждали, что каждый сходит с ума по своей системе. Система безумия нашего несчастного друга — замкнутость. Поговорим о ваших снах, Эли.

— Сны адмирала относятся, по древней терминологии, к вещам, сейчас против этого не восстает даже скептик Камагин, — сказал он дальше. — Сновидения Эли — своеобразная информация, примененная тайными нашими друзьями в среде разрушителей. И похоже, они в непосредственном окружении Великого разрушителя. Откуда, в противном случае, могли бы вы узнать, что происходило на военном совете врагов? И если форма передачи фантасмагорична — вряд ли стратеги разрушителей разрастаются кронами, взрываются и разливаются ручьями, — то содержание подтверждено фактом эвакуации. Воз-

можно даже, что в нашу пользу действуют не отдельные разрушители, но организация друзей. Кроется ли за неполадками на Третьей планете сознательная диверсия? Если так, то где эта Третья планета? И кто из приближенных властителя причастен к ней?

Ромеро закончил так:

— Сегодня единственным достоверным источником информации являются сновидения адмирала. Я отдаю себе отчет, что нелепо просить Эли видеть побольше снов. Но запоминать все, что вы увидите во сне, друг мой, я намереваюсь просить — абсолютно все, до самого тихого звука, до самого бледного силуэта. А теперь отдохните. И пусть вам приснятся новые сны — удивительней прежних.

Они поднялись все сразу. Мери хотела остаться, но я отослал и ее. Я догадывался, что ей не терпится в лабораторию. Я отлично посплю, заверил я. Лусин с Астром тормозили Андре, тот отстранялся с таким испугом, что мне стало его жаль.

— Оставьте Андре, он будет тихонько сидеть, я буду тихонько дремать, мы превосходно поладим друг с другом.

Вначале я и вправду хотел поспать, но сон не шел.

Я стал присматриваться к Андре.

Он уныло сидел в уголке, монотонно покачивался туловищем, голова его была опущена, локоны, причесанные и помытые, метались как живые. Уже десятки раз я наблюдал Андре в таком состоянии полного отрешения, разница была та, что до меня не доносился дребезжащий голос, тоскливо бубнящий о сером козликке.

— Что же ты не советуешь мне сойти с ума? — спросил я. — И разве глупая бабушка уже отыскала пропавшего козлика?

Он приподнял голову, вслушался, от напряжения у него отвисла нижняя челюсть. Посторонние голоса уже проникали в него. Но глухие заборы по-прежнему прикрывали те части мозга, где творилось понимание.

— Андре, возвращайся! — сказал я, волнуясь. — Прошу тебя, возвращайся, Андре!

И это он услышал, не только услышал, но и что-то понял, ибо испугался, еще дальше отодвинулся в угол и там боязливо замер. Было жуткое противоречие между его лицом, озаренным отблеском далекого понимания и смятения, и невидящими глазами идиота.

— Не бойся, не укушу! — устало проговорил я и опустил веки — сон сковал меня бурно и крепко. Во сне я видел склонившегося Орлана, а рядом с ним ухмылялся и хихикал Андре, и так подмигивал, словно намекал на известную лишь нам обоим тайну.

Ромеро, когда я рассказал этот сон, со вздохом определил, что информации в нем маловато.

2

Порой казалось, что тюремщики отсутствуют, — так свободно было ходить по городу и парку. Зато чуть мы приближались к служебным помещениям, как невесть откуда появлялся сторожевой головоглаз.

В обсервационном зале и днем и ночью было полно наших.

Я часто ломал голову над тем, для чего разрушители пускают нас сюда, раскрывая тем самым тайны укрепления Персея. Петри считал, что раскрытие этих тайн входит в план покорения людей.

— Демонстрируют могущество. Расчет такой — устрасимся и запросим мира на их условиях...

И вправду, похвастаться им было чем. Мы мчались в окружении вражеских кораблей, а за пределами зеленых огней разворачивалась величественная панорама: наплывала одна, другая звезда, к ним теснились третья и четвертая, и на всех умножители фиксировали планеты, сотни планет, обжитых, индустриализированных, с городами и заводами...

Камагин, штурман старого закала, заносил в корабельную книгу — имелась у него и такая — все, что открывалось на стереоэкране. Вскоре у него появилась схема пройденного пути, не столь детальная, как составила бы МУМ, но достаточная, чтоб различить, как размещены в пространстве звезды, сколько у каждой планет и что на них обнаружено...

— Нам, безоружным, эти сведения не понадобятся, — сказал я Камагину, очень гордившемуся своим творением. — А если эскадры Аллана прорвутся, корабельные МУМ оценят обстановку точнее.

Камагин посмотрел на меня чуть ли не с сожалением.

— Я составляю не пособие к бою, а основу для размышлений. Меня временами поражает, как беззаботно люди вашего

поколения перепоручают машинам все виды умственного труда. Так недолго и потерять способность к мышлению!

Осима был единственным, на кого демонстрация мощи разрушителей не произвела впечатления. Он считал, что все эти дьявольски оснащенные планеты с искусственными лунами и армадами крейсеров — на три четверти мистификация. Нас обманно кружат в одном и том же районе, показывая его с разных направлений.

Меня Осима не убедил. Мы приближались к Оранжевой, а не петляли вокруг нее. Настал день, когда она переместилась на ось полета, нас выворачивало в лоб на Оранжевую.

В этот день перед нами появился Орлан, и я совершил неосторожность. На корабле мы почти не видели его, и отвращение при взгляде на его бесстрастную образину понемногу стерлось. К тому же он больше не спрашивал, не надоела ли мне жизнь, не возникал, словно из небытия, а нормально — порхая — приближался. Ромеро называл это так: не появляется, а проявляется.

— Послушай, тюремщик, — сказал я. — Кажется, вы собираетесь причаливать к звезде Оранжевой, где расположена крупнейшая ваша стратегическая база?

Он холодно отвел мой вопрос:

— Баз у нас много, и все они могучи. А звезду, которую ты называешь Оранжевой, мы скоро оставим в стороне.

Мне досталось от Ромеро, когда Орлан скрылся.

— Дорогой адмирал, вы бы еще сообщили ему, что эту крупнейшую базу, по вашим предположениям, именуют Третьей и что на ней произошли загадочные неполадки. После этого он, естественно, поинтересовался бы источником вашей информации. Я не буду удивлен, если теперь начнут контролировать даже ваши сны.

— На корабле мне ни разу не снилось путного, пусть контролируют, — отшутился я. Мне самому было неприятно, что я проболтался.

Вскоре Оранжевая сошла с оси полета. Мы двигались мимо нее в центр скопления.

В день катастрофы я находился в лаборатории у Мери.

Она с новым жаром продолжала свои исследования низших форм жизни. Ей во всем помогал Астр. Теперь, когда все это в прошлом, я нахожу, что ей удалось гораздо лучше нас всех использовать условия плена.

— Мы оживим не одну Никелевую, а все эти металлические пустыни, если когда-нибудь они станут доступны для нас, — говорила в тот день Мери. — И наряду с кристаллическими псевдорастениями появятся растения живые. Полюбуйся, Эли, в этой пробирке нет ничего, кроме железа, но в ней уже кипит жизнь.

В этот момент звездолет свела судорога. Я выбираю слова наиболее точные. Корабль жестоко сжало, вещи сорвались с мест. Мери выронила пробирку, я налетел на Мери. Одна стена надвинулась на другую, а пол понесся к падающему потолку.

— Мери, что с тобой? — закричал я и попытался поймать ее.

Мери сплющилась в блин, тут же распухла, опала до карлика. Только в кривых зеркалах можно было увидеть фигуры, подобные той, что вдруг стала у нее. Вероятно, у меня был вид не лучше. Мери отшатнулась, когда я наконец ухватил ее за руку.

Спустя минуту вещи обрели нормальные размеры, но “Волопас” продолжал содрогаться каждой переборкой, он весь был наполнен гулом потревоженных механизмов.

— В наблюдательный зал! — крикнул я Мери. — Проклятые разрушители устроили новую каверзу.

На улице я чуть не ударился о пробежавшего Орлана. На этот раз он был без эскорта, и облик его свидетельствовал, что каверзу устроили не сами разрушители. Я схватил его за плечо.

— Что случилось? Вы задумали погубить корабль?

Орлан молча вырывался. Я с ликованием почувствовал, что у него не хватает сил отбросить меня. Когда у разрушителей отказывает чертовщина технических средств — все эти гравитационные поля, закрученные пространственные оболочки, электрические разряды и ослепляющий свет, — с каждым может управиться земной мальчишка.

— Пусти! — хрипел полузадушенный Орлан. — Мы все погибнем, если не пустишь!

Мери дернула меня за руку. На улицу высыпали тревожно пересвечивающиеся перископами головы. Я выпустил разрушителя. Орлан уносился такими стремительными скачками, что казалось, будто целая цепочка Орланов скачет по узкой улице.

В наблюдательном зале в меня ударил истошный крик Камагина:

— Адмирал, нас засасывает на Оранжевую!

Вокруг нас исчезала Вселенная.

Три четверти звезд скопления пропали, остальные тускнели на глазах. О внешних светилах, величественном нагромождении ядра Галактики, и говорить не приходилось: там, где недавно неясно, небесной пудрой, светились бесчисленные миры, не было ровным счетом ничего — черная пустота, и только.

— Забавное происшествие! — сказал Осима.

Энергичный капитан, похоже, уже прикидывал, какую выгоду можно извлечь из непонятого происшествия.

Оранжевая не светилась, а пылала, жгуче-яркая, резкая, как вспышка — непрерывно длящаяся вспышка! Мы неслись в ее сторону, это было очевидно.

— Вам ничего не напоминает это зрелище, Осима? — спросил я, усмехаясь.

— Конечно, адмирал! Точно так же нас сносило и на Угрожающую.

— Скоро не будет ни одной звезды, — задумчиво проговорил Ромеро. — Интересный мир! Вам не снилось чего-либо похожего, Эли?

Звезды продолжали тускнеть, а после них стали исчезать звездолеты. Снаружи бушевала удивительнейшая из бурь (еще недавно мы и вообразить не могли, что она возможна) — буря неевклидовости.

Стройную полусферу задних зеленых огней размыло, звездолет катился на звездолет, их сметало в кучу, выносило за пределы экрана, словно горстку сухих листьев. Они уже не подталкивали безжизненное тело “Волопаса”, их самих мощно вышвыривало наружу по кривым неевклидовым дорогам.

В эти последние перед исчезновением минуты сияние задних звездолетов усилилось так, будто их охватило внутренним огнем. Вероятно, все их энергетические ресурсы работали на сопротивление утаскивающей силе, а лихорадочное свечение было лишь попутным проявлением этой борьбы. Не успели мы присмотреться к схватке, разыгравшейся на задней полусфере, как последний зеленый огонек укатился — позади не было больше ни пространства, ни тел в пространстве.

На передней полусфере продолжали сверкать огни эскадры. Пространство вокруг Оранжевой захлопывалось, а эти восемь огоньков светили столь же пронзительно, расстояние между

ними не менялось. Если Оранжевая засасывала нас, то их она засасывала вместе с нами.

— Адмирала Эли в командирский зал! — разнесся по звездолету резкий голос Орлана. — Немедленно в командирский зал!

Я колебался, Ромеро подтолкнул меня.

— Идите. Видимо, происшествие такое чрезвычайное, что понадобилась ваша помощь. И если вы откажетесь, вас доставят силой.

Командирский зал был освещен. Возле кресел стоял Орлан со своими охранниками. Он так высоко вытянул шею, что она, не сдержав тяжелой головы, перегнулась, как змеиная. Я ответил сдержанным поклоном.

— Надо запустить ходовые механизмы звездолета, адмирал! — распорядился Орлан, прихлопывая голову к плечам. — Речь идет о жизни твоей и твоих друзей.

— И, вероятно, о ваших жизнях тоже, — добавил я насмешливо. — Я уже докладывал тебе: управляющая машина вышла из строя. И я не разбираюсь в таких сложных агрегатах.

— Кто из экипажа разбирается?

— Никто. Управляющие машины ремонтируют только на базах.

Орлан засветился всем лицом. Красный цвет у разрушителей, как и у людей, признак гнева. Гневаются они не больше нашего, но освещаются сильнее.

— Адмирал Эли, у вас, несомненно, имеются приспособления для ручного управления?

— Да. Для посадки, для движения в Эйнштейновом пространстве, но не для сверхсветовых рекордов, которые сейчас требуются. Может, скажешь, что произошло? Это облегчит решение — помочь или не помочь вам?

У Орлана был сосредоточенный вид, словно он прислушивался к чему-то. И у них, похоже, молчаливые передачи, подумал я.

— Я скажу, — заговорил он. — Механизмы метрики на звезде, мимо которой мы пролетали, разладились. Курс нарушен, корабли разбрасывает. Нас закрывает в пространственной улитке, а другие звездолеты выносит за ее пределы.

— Я бы хотел разъяснений подробней.

Он несколько секунд колебался.

— Великий запретил выпускать “Волопас” из поля зрения. В момент, когда мы начнем исчезать, звездолеты нас атакуют. Если хоть один ударит из гравитационных орудий, “Волопасу” придет конец. Нужно удержаться около кораблей. Оживи механизмы, адмирал!

Свирепое злорадство опалило меня.

— Вот как, оживить механизмы, Орлан? Купить свою жизнь ценой передачи вам важнейших секретов? Не слишком ли дорогая цена? Слушай и запоминай: мы погибнем, но и вы все погибнете...

— Поздно! — страшно крикнул Орлан. — Нас обстреливают!

Оранжевая зловеще лила красноватый свет на погасшем небе, а кроме нее было три зеленые точки, три закатывающиеся в иной мир звездолета. Я уже знал, что такое гравитационный обстрел, и невольно зажмурил глаза, когда три исчезающие точки в последний раз вспыхнули. Я вспомнил, как закричал в сражении возле Угрожающей, и до боли прикусил губу. Кругом были враги, ни один, даже перед собственной смертью, не услышит моего предсмертного вопля. “Слышишь, ты! — с бешенством подумал я. — Ты не проронишь ни звука! Ни звука ты не проронишь!”

— Нет! — выкрикнул задыхающийся Орлан. — Нет!

Я раскрыл глаза. На черном небе сияла одна Оранжевая. Звездолеты вынесло из нашего пространства, ухнули в иной мир и выпущенные ими разрушительные волны.

Я не знал, что нас ждет дальше, но растерянность Орлана была очевидна. Мне захотелось поиздеваться над ним.

— Обошлось без раскрытия секретов! Не кажется ли тебе, что на нашей стороне сражаются силы, помогущественней ваших кораблей?

Моя насмешка привела его в себя. Он надменно втянул голову в плечи.

— На вашей стороне, человек? — Он ткнул рукой в Оранжевую. — Если бы ты знал, куда нас несет, ты предпочел бы гибель под гравитационным обстрелом. В Империи Великого разрушителя нет места грозней, чем Третья планета.

— Третья планета? — вскричал я. У меня заметалось сердце. — Третья планета, Орлан?

Он отвернулся. Невидимые гибкие руки схватили меня за плечи, повернули, подтолкнули к выходу. Взбешенный, я попытался вырваться. Но сейчас у меня не было индивидуального поля, которым я некогда сразил напавшего невидимку. В коридоре я погрозил кулаком Орлану, схоронившемуся в командирском зале.

— Третья планета! — повторил я, ликуя и тревожась. — Третья планета!

4

На полусферах экрана золотело небо.

Я сказал “небо” и почувствовал, до чего это слово мало соответствовало тому, что разворачивалось пред нами. Небо — нечто над головой, пространство со звездами, планетами, спутниками. Здесь небо было над головой и под ногами, оно казалось пологом, светло-золотым, пустым — одна исполинская Оранжевая и кружащаяся вокруг Оранжевой одинокая планета.

— Время поднимать восстание, — заявил Камагин, когда стало ясно, что “Волопас” идет к планете.

— Никаких восстаний! — возразил Осима. — Без древней романтики, Эдуард.

Камагин носился с мыслью о захвате корабля с момента, как исчезли вражеские крейсера. Он доказывал — мысленно, конечно, — что конвой перебить легко, а планете мы, вне сомнения, найдем друзей. Все в этом отчаянно смелом плане мне не нравилось. Я не был уверен, что мы, практически безоружные, одолеем охрану, последнее столкновение с невидимкой показывало, что врагов больше, чем представляется глазу. И я не знал, что делать с бездействующим кораблем: он был теперь не больше чем крохотным небесным телом, плетущимся в пространстве по воле неведомых сил. И мы понятия не имели, что нас ждет на Третьей планете: предупреждение Орлана прозвучало грозно.

— Но разве вы не слышали во сне, что на Третьей планете какие-то неполадки? — спросил Камагин. — И разве до сих пор эти неполадки не шли нам на пользу? Разве механизмы планеты не погасили гравитационный залп по “Волопасу”?

— Я узнал во сне также и то, что новый Надсмотрщик навел на планете порядок, — возразил я. — Пока я команду, Эдуард, восстаний не будет. Выражаясь термином вашего времени, мы играем слишком крупную игру, чтоб азартно рисковать.

Перед посадкой звездолета на планету состоялся новый разговор с Орланом. Он появился в парке, где я прогуливался с Астром.

— Адмирал Эли, корабль причаливает в неудачном месте. Тяготение на планете зависит от широты, мы высаживаемся в зоне большой гравитации. Нужно поскорее переместиться к Станции Мировой Метрики, там легче. На планете нет средств передвижения, ее запрещают посещать. Со Станцией нам не удалось связаться. Ты должен позаботиться, чтоб пленники двигались с максимальной быстротой.

— Как атмосфера и температура на планете? Нужно ли облачиться в скафандры? Как с водой и пищей?

— Скафандры оставите на корабле. Атмосфера и температура — приемлемые. Воду и пищу возьмете с собой. Еще вопросы?

— Последний. Ты так сейчас говорил, Орлан, словно заботишься о нашем благополучии. Вместе с тем ты — враг, жаждущий нашего уничтожения. Как совместить эти противоречия?

— Противоречий нет. Мне не дали приказа жаждать вашего уничтожения. Я эвакуирую вас на Маргацевую планету. Если что-нибудь помешает этому, я должен вас всех уничтожить, но на волю не выпускать.

Я с тяжелым чувством смотрел, как Орлан уносился широкими скачками. Вокруг нас плелась невидимая паутина, мы как мухи бились в ее тенетах.

Астр сказал сердито:

— Ты разговариваешь с этой образиной, как с человеком. Я бы плюнул на него, а не улыбался ему, как ты.

Я обнял малыша. Он рос вдали от своего естественного окружения и многие понятия, усваиваемые другими с детства, должен был завоевывать, а не принимать разжеванными.

— Знаешь, в чем главная сила людей? В технической мощи? В уровне материального благополучия? Нет, сынок, этим не покорить других. Завоевательная сила людей в том, что они даже к нечеловекам относятся по-человечески.

В нем шла борьба. Он хотел мне верить, но его маленький личный опыт вступал в противоречие с огромным опытом человечества, втиснутым в краткую формулу: “по-человечески”.

— Ты сказал — покорить других, завоевательная сила... Разве люди — завоеватели и покорители? Такие слова я слышал лишь о злоредах.

Я засмеялся:

— Люди и покорители, и завоеватели, но в ином смысле, чем наши противники. Мы покоряем души, завоевываем сердца — такова миссия человечества во Вселенной.

5

Это была металлическая планета, голая металлическая пустыня, нигде не камуфлированная псевдорастениями и псевдореками, как на Никелевой. И в ее атмосфере не плавали псевдотучи, на ее блестящую поверхность — где сплав золота со свинцом, где просто чистое золото и чистый свинец — никогда не проливались не то что вода, но даже жидкие растворы солей. А над нестерпимо сверкающей золотом и свинцом равниной раскидывалось нестерпимо сияющее золотое небо, и в небе пылала красно-золотая звезда, раз в пять меньше — по видимому диаметру — нашего Солнца, столь же яркая, совсем не по-солнечному жестокая.

Я упал, спускаясь по трапу. Сила, многократно превышающая мое сопротивление, потащила меня, как крюком. На меня свалился Петри, на Петри — Осима. Я попытался приподняться и не сумел. Петри помог мне встать. К нам подобрался Ромеро. Он всегда был бледнее любого из нас, но сейчас природная бледность превратилась в синеву.

— Тройная перегрузка, — прохрипел он, силясь улыбнуться, даже это было здесь трудно. — Боюсь, друг мой, предстоят непосильные испытания.

Легче других было Камагину. В его времена космонавтов тренировали при больших перегрузках, они не были избалованы гравитаторами, везде создававшими привычные условия. Камагин тоже побледнел, но дышал свободней; думаю, у него не так шумело в ушах и не с таким усилием билось сердце. Но и он сказал сумрачно:

— Мир, Эли, — повеситься!..

Ангелов и крылатое хозяйство Лусина выгрузили раньше людей — и всем было тяжело. Драконы превратились в ящеров и ползали, помогая себе крыльями, как веслами на воде. Даже могучий Громовержец примирился с судьбой пресмыкающегося, а не летающего. Пегасы отчаянно боролись с силой притяжения, некоторые взлетали, но тут же падали. Ангелам удава-

лось подняться выше, но полет требовал таких усилий, что они вскоре свалились, совершенно измученные.

Труб с громом пронесся над нами, но после минут пять вытирал пот с лица и говорил, словно ворочал гири языком. Меня терзали шумы — визги пегасов, раздраженные крики ангелов, звон крови в ушах, тяжкий стук сердца.

Я увидел вдали Орлана и попросил Петри помочь добраться до него. Выгрузка продолжалась, и я со страхом подумал о Мери и Астре. Орлан вытянул голову не так высоко, как раньше, и опустил ниже обычного. Ему тоже было нелегко.

— Нельзя ли оставить самых слабых? — попросил я. — На корабле действуют гравитаторы...

— Все выгружаются! — отрезал он.

Я попробовал спорить, но он отошел. И порхание его лишилось обычной живости, и бесстрастное синеватое лицо стало еще синее. В это время на трапе появился Астр с рюкзаком на спине, за ним шла Мери. Петри криком предупредил малыша, чтоб он не бежал, но Астр слишком поздно услышал крик. Он камнем полетел на грунт, и если бы Петри не ухватил его в последнюю минуту, Астр расшибся бы насмерть. Мы с Мери подошли к нему одновременно, Астр задыхался, из носа шла кровь, лицо было бледнее, чем у Ромеро.

Я поспешно снял с Аистра рюкзак. В нем были склянки с жизнетворными бактериями, питающимися золотом и свинцом.

— Мужайся, сынок! — сказал я. — Бери пример с Эдуарда. Здесь страшная тяжесть, а наш космонавт ходит, как в корабельном парке.

— Я постараюсь, отец. — Голос не слушался Аистра, из глаз не исчезал испуг, но жаловаться он не стал.

Камагин, поддерживая Аистра за плечи, увел его от трапа. Астр почти догнал в росте маленького космонавта, но силы их были неравны, сам он этого не понимал, но я знал.

— Какой ужас, Эли! — прошептала Мери.

У нее побелели глаза, не одни белки, но и радужная оболочка. Я и не подозревал раньше, что черные глаза могут белеть.

— Успокойся! Труднее всего первые минуты, а их Астр вынес. Понемногу привыкнем к тяжести.

— Я боюсь за тебя. После такой голодовки!..

У меня путались мысли, тяжело шумело в ушах.

Когда сошел последний человек, корабельные автоматы стали выгружать авиетки припасы и какие-то длинные ящики с имуществом разрушителей. Ни одна авиетка не сумела взлететь. Форсируя мощности гравитаторов, они лишь ползли. Ящики разрушителей передвигались сами — низко летели на гравитационных подушках, как на катках.

— Наденьте защитные очки, друзья! — посоветовал Петри.

В защитных очках не так слепило от скал планеты и свирепой звезды, накалявшей ее. И нестерпимый золотой блеск неба смягчался, хотя и не становился приятным. Больше всего меня угнетало небо — яростно золотое, однотонное, непроницаемо сияющее.

Ко мне подошел Осима.

— Какие будут приказы, адмирал?

— Приказы отдает Орлан, разве вы не знаете, Осима? — сказал я с горечью. — Какой я адмирал! Не хочу больше слушать этого обращения! Не хочу!

Мери сжала мой локоть.

— Возьми себя в руки, Эли!

Ответ Ромеро на мой выкрик прозвучал суровой.

— Не ожидал такого малодушия, мой друг. Мы свободно выбрали вас в руководители — и вы останетесь руководителем, куда нас ни бросит судьба. Итак, какие будут приказы, адмирал? Какие призывы?

У меня путались мысли, тяжело шумело в ушах. И хоть я уже не падал, ноги и руки были тяжелы для меня, голова камнем давила на плечи. Я всегда радовался своему телу, оно было — я, здесь оно превратилось в нечто внешнее, стало мне непомерно тяжело.

От меня ожидали приказа быть бодрыми, я не мог отдать такого приказа: во мне самом не было бодрости. Я обвел глазами товарищей. Камагин один не смотрел в мою сторону, остальные подбадривали меня взглядами. Камагин, несомненно, и сейчас был убежден, что все пошло бы по-иному, если бы мы подняли бунт и перебили охрану.

Труб с шумом взлетел опять и опустился возле меня.

— Трудновато, Эли. Ничего, не погибнем.

Лусин помогал идти Андре. Астр пошел к ним, с трудом отрывая ноги от грунта, он пошатывался, но уже не падал.

— Хорошо, я обяжу вас приказом и обращусь к вам с призывом — и все в одном предложении, — сказал я. — Предложение такое: пусть каждый выполнит и вынесет то, что выполню и вынесу я сам.

К нам неуклюже подпорхнул Орлан с телохранителями.

— Кто пойдет первым в колонне?

— Я пойду первым, — сказал я.

Мы двинулись в непонятную дорогу — цепочка головоглазов, окружившая кольцом колонну, Орлан с телохранителями внутри цепочки, за ними я, за мной другие пленники. Крылатые ящеры и авиетки с грузами завершали шествие. Орлан временами оборачивался, нетерпеливый крик “Скорей! Скорей!” подхлестывал нас, как плетью.

С тех пор прошло много лет, но крик этот — “Скорей!” — доносится ко мне не стертым голосом воспоминания, он возникает живой, властный, грубый, и я опять, как в те дни бесконечного пути к Станции, испытываю ярость и отчаяние. Тысячи новых событий и чувств нарождаются ежесекундно — старые живут вечно!

— Скорей! — кричал Орлан, увеличивая размах прыжков.

Я старался не глядеть на угнетающий блеск пустыни со свинцовыми скалами, вспучившимися на золотой подстилке. Вначале я поднимал вверх лицо, чтоб ориентироваться по Оранжевой, медленно катившейся по золотому небу, но небо было еще томительней, чем планета. Я шел, ощущая, что и стоять здесь тяжело, а двигаться десятикратно тяжелее, стокилограммовые тумбы ног почти не сгибались.

Петри открыл, что надо не ходить, а скользить, и вскоре все мы двигались, словно на лыжах. Но и скользя по гладкому металлу, мы не могли угнаться за неутомимо ползущими головоглазами — на них одних тяжесть не действовала — и за неуклюже скачущим Орланом.

— Скорей! — кричал он, и каждый выкрик сопровождался гравитационными оплеухами охраны.

Нас подгоняли бесцеремонно, свирепо, а когда мы огрызались, понукания усиливались. За моей спиной постепенно погасали звуки — стоны и ругательства людей, шелест крыльев ангелов, охи драконов и злой визг пегасов. Огромное, ожесточенное, ненавидящее молчание простиралось позади — мы презирали врагов молчанием, молчанием восставали против них. И

как это ни странно, с течением времени идти становилось не труднее, а легче, мы втягивались в движение...

Зато когда Орлан скомандовал первый привал, все повалились, где шли. Всех моих сил хватило лишь на то, чтоб приплестись к Мери. Она хрипло дышала, глаза ее запали. Она прошептала:

— Эли, я держусь. Но Астру плохо.

Астр приблизился вместе с Трубом. Могучий ангел пытался нести Астру, но тот не разрешил Трубу даже поддерживать себя.

— Я вынесу все, что вынесешь ты, — прошептал Астр на мои упреки и бессильно опустился рядом с Мери.

Он был так измучен, что говорил, не открывая глаз. Губы его почернели, щеки ввалились. Астр переоценивал свои силы. Я строго сказал:

— Ты не только мой сын, но и член экипажа “Волопаса”. Ты обязан подчиняться моим приказам. На следующем переходе примешь помощь Труба.

Все остальное время отдыха мы пролежали без движения и без разговоров, даже мыслями не обменивались.

В середине второго перехода закатилась Оранжевая.

Впоследствии мы часто наблюдали ее уход, и он перестал нас волновать, но в тот раз мрачная пышность заката нас потрясла.

Когда светило коснулось горизонта, в однотонно золотом небе вдруг забушевали краски. По небу, как побежалые цвета по раскаленному металлу, пронеслись все мыслимые тона. Из золотого оно стало слепяще оранжевым — звезда пропала на созданном ею фоне, — затем красным, темно-красным, зеленым и голубым, а под конец все проглотила сумрачная фиолетовость. И ни единой звезды не загорелось на менявшем краски, постепенно гаснувшем небе! Оно становилось черным, только черным, ни малейшая искорка не нарушила зловещей черноты.

И это было так удивительно и страшно, что, несмотря на истерзанность, мы возбужденно обменивались мыслями и словами.

— Ни луча наружу, ни луча к нам, полностью выпали из Вселенной! — воскликнул не то голосом, не то мыслью Ромеро. — Даже в древних преисподних было больше проходов в мир.

Петри интересовали другие вопросы.

— Что происходит во внешнем мире, когда мирок Оранжевой превращается вот в этукую “вещь в себе”? Как по-вашему, адмирал?

— Не знаю, — ответил я. Все мои душевные силы были сконцентрированы на том, чтоб не сбиться с шага. — Будем живы — узнаем.

В темноте разгорались перископы головоглазов.

Вскоре они одни освещали планету — цепочка сумрачных огней, то медленно усиливающихся, то тускнеющих, то повелительно вспыхивающих. Временами казалось, будто ветер раздувал и гасил факелы.

— Скорей! Скорей! — понукал голос Орлана.

Он назначил второй привал. Авиетки в припасах переползали от ряда к ряду, мы подкрепились. После еды снова раздалась команда:

— Собираться! Скорей!

Мы опять шли, обессиленные, по черной холодной планете, под черным холодным небом, освещенные, как раздуваемыми ветром факелами, неровным светом перископов, и нас подгонял яростный, как удар бича, окрик: “Скорей!”

6

Ночь длилась бесконечно, и какую-то часть ночи мы спали, а остальное время двигались, озаряемые призрачным сиянием перископов.

Утро застало нас на привале. Небо из черного стало фиолетовым, потом голубым и зеленым, краски на восходе менялись так же пышно, как на закате, а когда выкатилось небольшое, с апельсин, злое светило, все вверху снова стало однотонно золотым, все вокруг — до боли металлическим.

Астр лежал между мной и Мери. Я потряс его за плечо, он с усилием открыл глаза, попытался встать, но не сумел и опять закрыл глаза. Он посинел весь, уже не одним лицом, а грудью, руками, шеей. Он прошептал, и я скорее угадал, чем услышал:

— Мама, ты заразила планету жизнью?

Она поспешно сказала:

— Да, миленький. Пока ты спал, я привила жизнь планете.

Авиетка с припасами подошла к нам, я попытался покормить Астру, но он отказался от еды.

— Мы скоро потеряем сына, — сказал я Мери.

Я слышал свой голос словно со стороны — деревянный, безучастно-спокойный. Мери ничего не сказала. Все эти ночные часы она мужественно шла за мной, я не слышал от нее ни слова жалобы, ни стоны, теперь же, при свете встающей жестокой звезды, видел, во что обошлась ей ночь. Если Астр посинел, то она была вся черная.

Я отозвал Ромеро. Мы несчастные существа, современные люди, сказал я. Мы победили болезни, нас опекают могущественнейшие машины. Но, лишённые механических помощников, мы беспомощны. В древности люди росли более цепкими к жизни. Вы один знаете древность. Вспомните какой-нибудь старинный рецепт спасения! Их было так много, восстанавливающих жизнь рецептов, — массажи, переливание крови, гипнотические внушения, какие-то штуки, называвшиеся лекарствами.

Он с печалью покачал головой.

— Лекарств от перегрузок тяжести и древние не знали. Если хотите знать мое искреннее мнение, есть лишь один способ спасти Астру — и осуществление зависит от вас... — Он говорил очень настойчиво, но требовал того, что было, может быть, единственным, не подвластным моей воле: — Вы должны увидеть новый вещий сон — и узнать из него, куда нас с такой поспешностью гонят, зачем, для чего... Поверьте моей интуиции, дорогой друг, только это...

К Астру подошли Лусин и Труб. Лусин вел под руку согбенного Андре. Труб взял Астру, мальчик покоился на одном крыле, другим ангел прикрывал его от палящей звезды, Астр посмотрел на Труба, но не узнал его, и лишь когда перевел взгляд на меня, к нему вернулось понимание. Он слабо улыбнулся.

— Я вынесу... — прошептал он.

Я отвернулся, а когда снова посмотрел, Астр был без сознания.

— Не беспокойся, Эли! — сказал Труб. — У меня хватит сил нести твоего сына.

— Труб, ты сам пошатываешься и задеваешь крыльями грунт. Астру надо положить на авиетку.

Я попросил у Орлана одну из авиеток для Астры и Мери. Взять авиетку Орлан разрешил, но поместить ее среди людей отказался: машины должны следовать позади пленников. Труб и Осима уговаривали меня не отдавать Астру в полную власть

врагов. Труб схватил Астра и показал, что нести мальчика ему не трудно.

— Сегодня меньше давит к грунту, Эли!

— Гравитация ослабевает, — подтвердил Осима.

Труб с Астром занял место между Мери и Осимой.

Когда мы двинулись в путь, ко мне подобрался Лусин.

— По очереди будем, — сказал он. — Драконы. Один пегас. Очень сильный, Не беспокойся. Донесем.

— Куда донесем? Куда? — спросил я. Меня захлестнуло отчаяние. — Погляди вокруг, Лусин. Везде только золото и свинец, свинец и золото! Даже могилы не вырыть!

7

В тот переход я двигался, не видя ни планеты, ни неба, ни бешено пылающего светила, ни людей, ни врагов. Я был в своем собственном мирке, так глухо отгороженном от внешнего, как Оранжевая отгородила себя от Вселенной. И во мне кипела такая буря, что я шатался и сникал уже не от тяжести, а под давлением раздирающих душу мук. Всеми мыслями, всеми ощущениями, страданием тела, пытками души я призывал того неведомого друга или друзей, что внушали пророческие сновидения. Я не знал, существуют ли они реально, не бред ли самая мысль об их существовании, но звал их, молил явиться, упрашивал просветить меня... Помогите, просил я с молчаливым рыданием, помогите, сейчас нужна ваша помощь!

— Как Астр? — спросил я у Мери, когда Орлан скомандовал очередной привал. Труба рядом с ней не было.

Мери молча подвела меня к дракону, ползущему среди людей, на спине дракона лежал неподвижный Астр. Я гладил сыну руки, разговаривал с ним, он не откликался, и я уже знал, что он не откликнется, он медленно уходил совсем...

— Эли, тебе надо отдохнуть, — тихо сказала Мери.

Я отошел, и место около Астра заняли Лусин и Андре. Я обернулся: Лусин что-то говорил Астру и гладил его руки, а Андре стоял понурившись.

Ночь застала нас на третьем переходе этого дня. Когда звезда закатилась, Орлан скомандовал ночлег. Астр был все такой же — недвижимый, бесчувственный. Но хуже ему не стало — и

это показалось мне хорошим предзнаменованием. он по-прежнему лежал на спине дракона.

“Завтра гравитация станет меньше”, — подумал я. Я постоял около Астры и вдруг почувствовал, что теряю сознание.

Я провалился в сон, как в люк. И еще не отрешенный полностью от яви, я уже весь был во сне. Я увидел как бы со стороны, что переносусь за охранную цепь головоглазов, в тот конец лагеря, где размещались враги. И сам я внезапно трансформировался из человека в разрушителя. Я шел по ночному лагерю рядом с Орланом — теперь я был одним из его стражей, одним из тех двух, что всегда сопровождали его, второй куда-то отдалился, — и Орлан тихо шепнул мне:

— Запоминай каждое мнение — это важно, Крад...

— Да, — сказал я с угрозой, я ясно слышал в своем голосе угрозу. Орлан ведь не знал, что я вовсе не Крад. — Я все запомню!..

И скоро вместе со мной, человеком, обернувшимся разрушителем, началось совещание военачальников и охраны.

Глухая ночь простиралась над планетой, издали доносились смутные шумы, пленные стонали, всхлипывали во сне, пегасы и драконы тяжело ворочались, а мы сидели в золотой ложбинке, прикрытые скалами из свинца, освещенные сумрачным сиянием головоглазов.

Я плохо видел тех, кто подавал голос из тьмы, но одного хорошо различил — огромного невидимку неподалеку, он был на добрую голову выше любого разрушителя. Около него разместились еще два невидимки поменьше.

— Положение осложняется, — открыл совещание Орлан. — Нужно принимать важные решения.

— Повтори, что ты знаешь, Орлан, — попросил огромный невидимка. — Действенные решения без точной информации не удадутся.

— Уничтожить всех пленных — вот единственное решение, — резко сказал второй охранник Орлана. Сейчас он держал себя скорее начальником, чем безмолвным телохранителем, каким я его знал.

— Понимаю твое желание, Гиг, — ответил Орлан рослому невидимке, — но вряд ли смогу добавить нового, связи со Станцией по-прежнему нет. Мы двигаемся вслепую, действуем вслепую.

— У нас есть программа священных идей Великого разрушителя, она освещает любую тьму, — еще резче сказал второй охранник.

— Да, конечно, идеи Великого освещают любую тьму, — согласился Орлан. — И они — единственный луч света в сгустившейся вокруг тьме. Может быть, не помешает, если я вкратце повторю, что мы знаем и чего не знаем.

Он начал с человеческого флота, штурмующего Персей. Люди аннигилировали второе космическое тело. Великий разрушитель перенес резиденцию на Натриевую планету, удаленную от района, где бушует война. Нынешнее убежище небезопасно, в просторах вокруг Натриевой немало поселений галактов — если эти извечные враги осмелятся покинуть свои крепости, положение станет грозным...

— Не пугай, Орлан! — прервал второй охранник. — Жалких людей ждет гибель, если они проникнут за наши космические ограды, а галакты помощи им не окажут. Так решил Великий. Надеюсь, ты не берешь под сомнение прогнозы Великого?

— Ни в коем случае, — поспешно сказал Орлан.

— Тогда поговорим только о нашем положении.

— Все непонятно на Третьей планете, — сказал Орлан. — Раньше к ней не мог приблизиться ни один корабль, теперь она сама засосала “Волопас”. Звездолет не уничтожен охранными полями, мы тоже пока живы — такого доброго приема еще никто не встречал.

Вместе с тем механизмы Станции действуют, гравитация меняется закономерно. Мы попали при высадке в опасную зону, часть ее прошли, но еще немалый путь до мест более спокойных. На Станции, видимо, снова неполадки. Когда биологические автоматы Станции справятся с аварией, мы все будем уничтожены, если не преодолеем к тому времени опасную зону. В поясе живой охраны мы объясним солдатам Станции наше появление. Наша задача: добраться до Станции, чтобы сохранить свои жизни.

— И жизнь пленных, — высказался огромный невидимка.

— Это не обязательно, — отпарировал второй охранник. — Директива Великого разрешает расправиться с пленными в момент, когда в том возникнет нужда. Я считаю, что такая нужда возникла — хотя бы по одному тому, что их нельзя подпускать к Станции.

— Нам тоже запрещено появляться в районе Станции, — заметил Орлан. — И если бы мы очутились здесь по своей воле, нам всем грозило бы одно наказание — смерть...

— Ты прав, Орлан: мы здесь не по своей воле. И мы друзья, а они — враги. Не вижу причин возиться с пленными дальше.

— Может, разделиться на два отряда? — предложил невидимка Гиг. — Один движется с пленными, а второй спешит на Станцию и договаривается с Надсмотрщиком о безопасности для всех. Скажу по-солдатски, невидимкам не по душе приканчивать безоружных. Меня назначили в охрану, а не в палачи!..

— Я слышу в твоём голосе сомнение! — проговорил телохранитель Орлана. — Ты, кажется, осуждаешь святейшую идею Великого: разрушение — высшая цель развития. И поэтому всеобщая война и истребление всего живого — идеальное воплощение могущества жизни.

— Я солдат, а не философ. Одно — уничтожение врага в бою...

— Я понял тебя, Гиг. Все ли невидимки разделяют сомнение своего начальника?

Оба невидимки одинаково сказали одинаковыми голосами:

— Мы исполним любой приказ. Пусть Орлан решает.

— Появилось ли сомнение у начальников головоглазов?

Один из головоглазов высветил перископом:

— Мы с негодованием отвергаем любое сомнение. Когда Орлан прикажет убить пленных, жизни их придет конец.

В разговор снова вмешался взволнованный Гиг:

— Меня превратно поняли. Я уничтожил бы себя самого, если бы заподозрил себя в сомнении. Моя преданность зловерным идеям Великого не знает границ.

— Я так и понял, Гиг, что твое послушание безгранично. По рангу решение принадлежит Орлану. Мы надеемся, Орлан, что твой приказ будет отвечать вдохновляющему духу разрушительных идей Великого, о которых так прекрасно говорил Гиг.

— Мое решение таково. Мы совершим еще два перехода по старой схеме, чтобы сохранить души пленных для последующего истребления в них всего человеческого, такова одна из идей Великого — внести в мозг пленных бациллы духовного гниения...

— Пусть эта побочная вредоносная идея Великого не заслоняет других его..

— Да, да, пусть не заслоняет!.. И так, если обстоятельства не изменятся, уничтожим пленных. Как практически это совершить? Я хотел бы послушать военных специалистов.

Один головоглаз засветил перископом:

— Отделить людей от крылатых. Без людей крылатые не опасны. Не забывайте, что с воздуха мы защищены хуже, а гравитация с каждым переходом падает, и скоро они смогут летать.

— Отделяем людей от крылатых, — решил Орлан. — После гибели людей ангелы и пегасы с ящерами не опасны. Мы расправимся с ними запросто.

— Великолепный план! — одобрил второй телохранитель. — Узнаю почерк Великого, недаром ты, Орлан, среди любимых вельмож!.. Будь покоен, о твоей верности священным принципам зла оповестят все органы Охраны Злодейства и Насаждения Вероломства...

Я вскочил, каждая жилка во мне вибрировала.

Вокруг простиралась металлическая равнина — золотые поля, свинцовые холмы, вверху постепенно разгоралось золотое небо, глухое небо, не соединяющее нас со Вселенной, а отгораживающее от нее, и к барьеру неба медленно подкатывалось крохотное, зловещее солнце.

Около меня сидел Ромеро.

— Почему вы так вскочили, дорогой друг? Вам снился сон?

— Да, этот... как вы его называете? Информационный!

— Я предпочитаю старинное слово — вещей. Перейдем для осторожности на прямой обмен мыслями.

Я рассказал Ромеро, что видел во сне. Ромеро задумался.

— Гротескность беседы, вероятно, плод вашей иронической природы, друг мой. Но похоже, что в стане врагов разлад... Если разрешите, я поговорю с капитанами. Такое совещание лучше провести мне, ибо если за нами следят, то за вами — бдительнее всех.

— Действуйте.

Ромеро удалился. Возле безжизненного Астра сидели Андре и Мери. Она подняла на меня измученные глаза, и я понял, что сыну по-прежнему плохо. Я молча опустился в ногах у Астра.

— Ни разу не приходил в сознание, — сказала Мери.

Я не ответил. Любое мое слово могло подействовать нехорошо. Ей было хуже, чем мне. Подошел Лусин, и только тогда я заговорил:

— Потолкуй с Ромеро, Лусин, он тебе кое-что сообщит.

— Уже, Эли. Подготавливаемся. Все так перемешаются, люди и ангелы, что никакой черт их не рассортирует.

Я показал глазами на безучастно сидевшего Андре.

— О чем-то думает, не находишь? Такое впечатление, что ловит какую-то не дающуюся ему мысль. А в дешифраторах — одни шумы...

— Мозг не работает, — подтвердил Лусин.

Вдали показался Орлан. Я встал. Лусин крикнул ящера, но Труб объявил, что понесет Астра он. Лусин возразил, что Труб уже долго нес мальчика, надо ему отдохнуть. Ангел запальчиво заспорил с Лусином. Я оборвал их спор:

— Понесу Астра я.

8

Астр не открыл глаза, когда я его брал на руки, но по лицу его что-то неуловимо пробежало. Дышал он быстро и часто, мелкими, не наполняющими легкие вздохами, но сердце стучало так сильно, что я ощущал его удары. В излучениях мозга было одно неясное бормотание: “ба, ба, ба...” Мозг повторял работу сердца, он переводил его стук на язык невысказанных слов.

Я занял место в голове колонны и, лишь пройдя сотню шагов, заметил, что не один, Справа от меня шагал Андре, слева — Мери. Я сказал Мери:

— Лучше бы тебе идти позади.

— Я буду с Астром, — ответила она.

Астр был тяжел, у меня немели руки. Я боялся, что не смогу его долго нести, и знал, что никому не передам, когда у него так нехорошо бьется сердце. За моей спиной встал Ромеро и тихо проговорил:

— Не оборачивайтесь, адмирал, я ориентирую вас мысленно. Камагин опять настаивает на восстании, мы согласились с ним. В момент, когда Орлан подаст людям команду отделяться, мы набросимся на стражей и перебьем всех, кто не перейдет на нашу сторону.

Я выразил сомнение. Безоружные люди не справятся и с одним головоглазом.

— Эли, вы ошибаетесь, мы не безоружны. Камагину удалось погрузить в авиетку некоторое количество индивидуального оружия — ручные лазеры, гранаты, электрические разрядники.

— Наше оружие против невидимок недействительно, Павел. Проклятые невидимки — вот что всего страшнее!

— Всего страшнее — бездействие, адмирал, надеюсь, вы согласитесь с этим. Кстати, вы обратили внимание на самодвижущиеся ящики? Осима утверждает, что в них запаковано боевое оружие. не исключено, что содержимое ящиков, если их захватить, удастся использовать против невидимок.

— Кто поведет нас?

— Мы предлагаем Осиму, а в помощники — Петри и Камагина. Крылатыми будут командовать Лусин и Труб. Нападение произведем с воздуха, надо же использовать слабые стороны противника.

— Резон тут есть, конечно.

Ромеро отошел. Оранжевая поднималась выше, и от поверхности планеты плыл жар. У меня путались мысли. Я слышал чей-то шепот, кто-то пытался заговорить со мной.

Блеск грунта и неба становился резче, а мне казалось, что надвигаются сумерки. Я раньше не понимал смысла старинного выражения “потемнело в глазах”, оказывается, оно вовсе не было словесной фиоритурой.

Я споткнулся, едва не выронил Астра. Мери схватила меня под руку.

— Ты очень побледнел, Эли, — сказала она. — Я позову Лусина.

— Не надо, — пробормотал я. — Справлюсь.

Мне, однако, становилось хуже. Я перестал ощущать Астра, на руках лежала тяжелая вещь, а не живое тело. Надо было остановиться, вслушаться в его дыхание, сообразить, чем можно помочь. Но впереди прыгал Орлан, оттуда слышалось повелительное: “Скорей! Скорей!” — и я шел, сжав зубы, задыхаясь от ненависти к Орлану, повторяя про себя одну мысль: “Не упасть! Только не упасть!”

— Не смотри на него так — он живой! — проговорила Мери.

— Не упасть! — повторил я вслух. Астр дышал мелко и часто, сердце билось тише, чем прежде, но отчетливей. И если бы не синева щек и рук, я подумал бы даже, что ему стало лучше. — Да, он живой, — сказал я Мери.

До моей руки дотронулся Андре. Я посмотрел на него и понял, что к нему возвращается разум. Глаза его были скорбны, но не безумны.

— Дай... мне... — с трудом сказал он и показал на Астра. Он мучительно искал забытые слова, лицо его страдальчески сморщилось от усилий. — Дай...

— Меня зовут Эли, — сказал я. — Вспомни: я твой друг Эли.

— Дай... — повторил он упавшим голосом. Он не вспомнил меня.

— Потом, Андре, — ответил я. — У меня еще есть силы нести сына.

Он больше не обращался ко мне и шел, опустив голову, рыже-красные локоны двигались, как живые, и закрывали лицо. Я знал, что сейчас Андре ищет слова, но они не шли на язык, странный шепот в моем мозгу исходил из глубин его черепной коробки. Я не обрадовался, так мне было тяжело, я лишь сказал Мери:

— Безумие его, кажется, постепенно проходит.

— Твой друг давно уже не безумен. И если ты дашь ему Астра, он его не уронит.

Отдать Астра я не мог даже Мери.

— Ладно, скоро привал.

На этот раз привал вышел длинный. Орлан куда-то исчез и долго не возвращался. Около меня присели капитаны и Ромеро. Осима с той же энергией и четкостью, с какими командовал кораблем, подготавливали мятеж.

Ручные лазеры были вручены во время раздачи еды, я тоже получил эту игрушку. Я говорю “игрушку”, ибо против невидимок они неэффективны, хотя головоглазов поражали.

— Взять противника на abordаж, приставить пистолет к уху и хладнокровно спустить курок — так, кажется, воевали в ваши времена? — сказал я Камагину, усмехнувшись.

Он возразил, пожав плечами:

— В мое время уже сто лет не было войн. Мы сносили горы и осушали моря, колонизировали планеты и первые двинулись к звездам. У вас пробелы в истории, адмирал.

— Не сердитесь. Я не хотел вас задевать, Эдуард.

— Я иногда удивляюсь вам, но никогда не сержусь, Эли.

— Итак, две возможности: или сегодня ночью, или завтра утром, — сказал Осима. — У нас все готово, адмирал.

— Я бы на месте разрушителей выбрал ночь, а не утро, — заметил Петри. — Перещелкать нас во время сна этичнеей.

— Этичнеей? — спросил я, удивленный.

Он разъяснил с обычной своей флегматичной обстоятельностью:

— Судя по всему, что мы знаем о них, и по информации ваших снов, у них минус-этика, и все, что мы считаем отвратительным, у них возведено в доблесть. Органы Охраны Зла и Насаждения Вероломства — разве вы этого не слышали от них самих?

— Вы, кажется, думаете, что я реально присутствовал на их совещании? Даже правдивая информация может облекаться в фантастические одежды... Откровение совершалось в бреде, не забывайте этого.

Золотое небо превратилось в черное. Оранжевая укатилась за горизонт. Вокруг пленных замерцали огни сторожевых головоглазов.

Я оставил Астра на попечении Мери и прошелся по лагерю.

Люди были перемешаны с пегасами и ящерами, чтоб по сигналу сразу могли вскочить на спины крылатых и мчаться в сражение.

Осиму и Петри я застал у драконов. Они прилаживали на спины ящеров ящики, набитые какими-то металлическими цилиндрами.

— Старинные ручные гранаты, — пояснил Осима. — Их было множество на звездолете “Менделеев”, Эдуард некоторое количество их прихватил на “Возничий”, а оттуда переправил на “Волопас”. Основная масса гранат сдана в земные музеи, но эти послужат нам. Пользоваться ими просто, Камагин нам показывал.

Самого Камагина я застал у ангелов. Труб распаковывал ящик с гранатами. Он радостно приветствовал меня. Ангел рвался в бой.

— Лазеры ангелам раздавать не будем, — сообщил Камагин. — Эта техника им не по духу, но ручные гранаты и разрядники, по-моему, просто созданы для ангелов, так они ловко обращаются с ними. Попади-ка вон в то пятнышко, Труб.

Труб что-то метнул в золотой самородок, тускло поблескивающий в свинцовой скале. Я испугался, что разразится взрыв и на шум сбегутся разрушители. Но Труб использовал кусок золота, валявшийся под ногами. Все ангелы отличаются дьявольской зоркостью, а Труб и тут превосходил собратьев: один кусок золота вонзился в другой так прочно, словно они были приварены.

Труб гордо закутался в крылья.

— Врагам придется несладко, когда мы нападём с воздуха, — объявил Камагин, сияя.

Я прошелся по сектору ангелов и ни одного не увидел спящим, все упражнялись в метании. И в отличие от обычного шума, царящего в любом сборище ангелов, на ночном учении было мертвенно тихо, только влажные удары свинца о золото и золота о свинец нарушали кажущееся спокойствие.

— Люди шьют карманчики для ангелов, — информировал меня Камагин. — Каждый на пяток гранат, а привешивать карманчики будем под крылья, там они незаметны.

Во время ночной прогулки по лагерю я набрел на Орлана.

Он шел без телохранителей, лицо его призрачно фосфоресцировало, он, видимо, как и я, обходил лагерь, но только снаружи. Я поспешно отошел, не завязывая разговора. В темноте, скудно озаренный перископами головоглазов, быстро погас светящийся силуэт.

Мери спала, обняв рукой Астра. Астр дышал, но очень слабо.

“Завтра, — говорил я себе, засыпая. — Завтра утром... Гравитация уменьшается...”

9

Утром Астр умер.

Меня разбудил крик Мери. Вскочив, я выхватил из ее рук сына.

— Нет! — кричала Мери, хватаясь за голову. — Нет, нет!

Я качал Астра, звал, умолял услышать меня. Последним усилием жизни он раскрыл глаза, потом по телу его прошла судорога, и он вытянулся у меня на руках.

Он лежал, одеревенелый, холодеющий, всматривался в меня невидящими глазами, все эти дни и часы перед смертью он не открывал глаза, а сейчас, умирая, открыл их, чтоб в последний раз поглядеть на мир, — и не увидел мира...

На крик Мери сбежались люди, рядом тяжело опустился Труб. Я по-прежнему держал Астра на руках, но глядел на Мери. Она упала, захлебываясь слезами. А я думал о том, что мне природа почему-то отказала в этом скорбном умении — выплакать свое горе.

Мои предки горевали и утешались рыданием, ликовали и открывали душу слезами, гневались и сострадали плачем, слезы

омывали их души над трупами близких, в минуты ярости, над чувствительной книгой, от трогательного слова, от страшного известия, от неожиданной радости... А мне, их потомку, этой отдушины не дано, глаза мои всегда сухи...

— Эли! Эли! — донесся до меня шепот Андре. — Эли, он умер!

По лицу Андре катились слезы.

— Он умер, Андре, — сказал я. — Он был на три года моложе твоего Олега.

— Он был на три года моложе моего Олега, — тихо повторил Андре. Он вслушивался в свои слова, будто их произносил кто-то другой. Потом он умоляюще протянул руки. — Дай мне его, Эли.

Я передал ему Астра и опустился на колени рядом с Мери, обнял ее плечи, молча гладил ее волосы. Вокруг нас стояли друзья — безмолвные и печальные. Мери перестала плакать, вытерла лицо и поднялась.

— Что сделаем с ним? Здесь хоронить негде.

— Будем нести, — ответил я. — Будем нести до места, где можно вырыть могилу или где мы сами с тобой умрем.

Труб ударил меня крылом. Кипевшая в нем ярость вдруг вырвалась диким клекотом:

— Если вы не отомстите, люди!.. Одно, Эли, — мстить, мстить!

Я посмотрел на Астра, Андре покачивал его на руках, как живого, что-то шептал ему, тихо плача. Я сказал:

— Еще многие из нас умрут, Труб, прежде чем люди сумеют отомстить. Когда эта возможность появится, им, я надеюсь, не захочется мести.

Я еще не видел вспыльчивого ангела в таком бешенстве. Он вздыбился надо мной, свирепо растопырил крылья.

— Ты не отец, Эли! Ты не отец своему детищу, Эли!

Мне стоило тяжкого труда сказать спокойно:

— Я уже больше не отец. Но я еще человек, Труб.

Только сейчас Ромеро и Лусин заметили, что Андре в сознании. Труб выхватил малыша из рук Андре. Лусин и Ромеро обнимали Андре, к ним присоединялись другие. Андре узнал Ромеро и Лусина сразу, а Осиму вспомнил, когда тот назвал себя.

Радость перемешалась с печалью, я видел счастливые улыбки и слезы горя, только сам не мог ни улыбаться, ни плакать.

Мне надо было подойти к Андре и поговорить с ним, от меня он от первого вправде был ждать поздравлений, но я не смог сделать над собой такого усилия и стоял в сторонке.

— Потом поговорите, — сказал Лусин, со слезами глядя на меня. — После восстания.

— Да, потом, — согласился я равнодушно. Нужно было собрать мысли, а мысли все не собирались. — Ты объясни Андре наше положение, но не пичкай сразу большим количеством новостей.

Я хотел забрать Астра, но Труб не дал. Когда Орлан подал команду к выступлению, он с Астром на скрещенных черных крыльях занял мое место впереди. Мы с Мери шли за ним, то я ее поддерживал, то она меня — дорога на этом переходе выпала трудная, мы с Мери часто спотыкались. Труб нес Астра до привала, а потом положил возле нас. Астр был как в жизни, лишь потемнел и похудел, и мускулы тела стали тверже, он постепенно окаменевал, ссыхаясь.

Мы с Мери лежали по один бок Астра, с другой стороны ворочался и вдыхал Труб. Мери касалась меня плечом, ни разу до того я не чувствовал так больно и сильно нашей близости. Друзья в этот привал не подошли к нам, и я был им благодарен, мне было бы трудно разговаривать.

До вечера Астра нес я, а когда звезда стала склоняться и золотое небо забушевало красками, Орлан приказал остановиться. Он позвал меня:

— Люди дальше будут двигаться отдельно от крылатых, Перестройку закончить до темноты.

— Будет исполнено! — ответил я и пошел к своим.

Тысячи глаз следили за мной: по ту сторону лагеря — перископы головоглазов, тайные глаза невидимок, разрушители-командиры, по эту — люди и крылатые друзья. Все движения вдруг оборвались, огромная горячая тишина простерлась над планетой. Осима и Камагин стояли возле рослых пегасов, Труб возвышался на голову над своими ангелами. Лусин уже восседал на спине дракона.

Все было готово к наступлению.

— Приказано разделиться! Очевидно, для вашей же пользы, — сказал я. — Действуйте, как условились!

— За мной! — крикнул Осима, прыгая на пегаса. Пегас взметнул крылья.

— За мной! — эхом откликнулся Камагин, взлетая вслед.
Он метнул гранату в разрушителей, грохнул первый взрыв.

10

Вспоминая события в Персее, я вижу, что если кто в стане противника и предвидел наше восстание, то лишь тайные друзья, а враги были захвачены врасплох.

Пегасы с людьми на спинах и ангелы Труба мощной армадой обрушились сверху на заметавшихся головоглазов. Дымная стена взрывов оконтурила лагерь, в столбы пламени взрывались кинжальные лучи лазеров. А когда подоспели драконы и молнии Громовержца сумрачно осветили темнеющий воздух, битва стала всеобщей. Удар отряда пеших с Петри и Ромеро во главе, расчищавших себе дорогу гранатами и лазерами, сразу прорвал цепочку головоглазов: сбитые в кучу, они образовали каре и сражались в окружении.

Головоглазы, после начального ошеломления, защищались свирепо и самоотверженно, на грунт рушились пегасы и драконы, особенно досталось ангелам. Осатаневшие ангелы слишком быстро отделались от груза гранат и слишком понадеялись на силу крыльев: воздух, как туманом, заволокло белым и черным пухом.

Были ранены Труб и Лусин, Петри и Ромеро, легкие ранения получили Осима и Камагин, лишь Андре, сражавшийся в самой гуще схватки, не пострадал.

Я поднялся на свинцовую скалу, выпирающую из золотых недр, и осматривал поле боя. Меня тревожили успехи, в них было много загадочного. Кругом нас сновали невидимки, грозные воины разрушителей, ни один пока не вмешался в бой ни на нашей стороне, ни против нас, — почему? Сражение было странным, я его не понимал.

Внезапно я услышал знакомый голос, раздававшийся на этот раз не внутри меня, а снаружи, тот голос, какой много раз разговаривал со мной в сновидениях, я не мог не узнать его. “Эли, помоги! — надрывался голос. — Эли, помоги!”

Я кинулся на крик и в страшном волнении уже ничего не видел, кроме места, откуда доносился призыв, и ничего не понимал, кроме того, что спешу на помощь другу, может быть, са-

мому искреннему и самоотверженному другу из тех, каких мы обрели среди противников.

— Эли, помоги! — все отчаянней взывал голос и вдруг оборвался.

И тут я увидел, что Труб с двумя бешеными ангелами атакует Орлана с его телохранителями, телохранители уже пали, Орлан еще защищается. Кричал он! Свирепая радость на миг пронзила меня, когда я увидел жестокого предводителя разрушителей, отчаянно отбивавшегося от ангелов, — и это чувство, вспыхнувшее и погасшее, было последним отблеском старого моего отношения к Орлану. Орлан повалился от ударов крыльев Труба. И в тот же миг, налетев вихрем, я упал на него и прикрыл своим телом. К нам с лазерами в руках бежали Ромеро и Петри.

— Эли, встань, я убью мерзавца! — рычал Труб и так двинул меня крылом, что я отлетел вместе с Орланом на метр.

И сейчас не понимаю, откуда у меня взялись силы не выпустить Орлана из рук. Ромеро схватил Труба за крыло. Петри встал между Трубом и мной.

— Угомонись, Труб! — крикнул Ромеро. — Ты едва не прикончил союзника.

Не знаю, что бы стал делать дальше Труб, если бы рядом не упал выявившийся невидимка. Это был такой же страшноватый скелет, как и тот, что мы захватили на Сигме, но еще живой. Невидимка стонал и корчился, грудная клетка его была страшно разворочена. Даже Труб понял, что сражение, завязанное нами, есть лишь часть широкого боя, кипевшего и в оптической яви, и в физической невидимости. Труб махнул крылом на кучу головоглазов и крикнул ангелам:

— За мной! Кончать с прохвостами!

Мы с Петри помогли Орлану подняться. Орлан пошатывался, глаза его были закрыты, синеватое лицо почернело. Он с трудом стоял на ногах, с усилием говорил. Ангелы помяли его здорово!

Ромеро переложил лазер в левую руку и церемонно протянул правую.

— Разрешите вас приветствовать, дорогой союзник, в лагере ваших новых друзей.

Орлан хотел вежливо вытянуть шею, но и шее досталось в схватке, голова едва поднялась.

— Не такие уж новые. Мы с Эли давние знакомые.

— Значит, это был ты! Ты, ты, Орлан!

— Это был я. Ты так ненавидел меня, Эли, что непрерывно думал обо мне. Это помогло настроить наши мозговые излучения в унисон.

Он с горечью показал на одного из телохранителей:

— Вот кто был вашим верным другом, но его уже нет. Но я не виню вас. — Волнение, звучавшее в его голосе, усмирилось, перед нами снова было то бесстрастное существо, какое мы так часто видели. — Мы виноваты сами. Мы хорошо подготовили сражение, но не позаботились о своей безопасности. Мы думали только о победе в бою.

— Хорошо подготовили сражение? — переспросил Ромеро. — Да, конечно... Но и мы, люди, кое-что сделали!

— Несомненно. Но нам пришлось поволноваться, пока вы не приняли внушенный вам план. Ваши мысленные переговоры, тайной которых вы так гордились, не были для меня секретом, а я делился ими с Гигом. Ему выпала самая трудная задача — завоевать невидимок удалось не всех. Но зато Гиг не дал тем, кто остался верен Великому, прийти на помощь головоглазам, — и это решает успех дня.

Ромеро с сомнением оглянулся. В воздухе металась одна ангелы, их резкие боевые крики слышались всюду. Пегасы и драконы лишь начали бой в воздухе, но не смогли долго пробыть в полете. Ромеро вежливо сказал, подняв лазер, как трость:

— Как жаль, уважаемый союзник, что мы лишены возможности познакомиться с воздушным... э-э... полем боя отважного Гига.

— Почему же? Сейчас я свяжусь с Гигом, и мы раскроем вам, что происходит в воздухе.

Я не заметил, чтобы Орлан совершил какие-то движения, очевидно, он связался с Гигом мысленно, но картина сражения вскоре разительно переменилась. Битва в третьем измерении была внушительней и ожесточенней той, что совершалась на плоскости. Над нами невидимка схватывался с невидимкой. И сразу же стало видно, что одна группа невидимок, более многочисленная, одолевает вторую.

— Наши побеждают, — сказал Орлан. — Нет, сражение подготовлено отлично, Эли.

Ангелам и людям, теснившим одно из каре головоглазов, удалось расчлениить его, и головоглазы рассыпались. Ползли они медленно, но сражались с прежней свирепостью.

Два ангела атаковали одного головоглаза, но он поверг их метким гравитационным ударом. Ромеро и Петри бросились на помощь, но раньше их подоспел невидимка из наших. Удар сверху поразил головоглаза насмерть, а невидимка, описав дугу, возвратился в район воздушного боя.

— Много все-таки перешло к нам, — сказал я Орлану.

— Ваши сторонники имеются уже на всех планетах Персея. Великий совершил великую ошибку, когда разрешил трансляцию спора с тобой.

Я показал на головоглазов.

— Эти и не думают изменять властителю.

— Головоглазы — охрана. Их воспитывают далеко от политики. Мощь Империи держится не на них.

Сражение шло к концу. Разрозненные кучки головоглазов, обреченно пересвечиваясь перископами, оттеснялись друг от друга все дальше и погибали под соединенными ударами людей, ангелов и невидимок. Несколько сдавшихся невидимок брели под конвоем ангелов в центр лагеря, где Осима приказал разместить пленных. Туда же отводили прекращавших сопротивление головоглазов.

В последнюю группу сражающихся отчаянно врубался на огнедышащем драконе Лусин. Андре, тоже верхом, но на пегасе, бился неподалеку от Лусина. Петри и Ромеро во главе пехоты методически теснили обреченную кучку. А когда на нее обрушились с воздуха ангелы и невидимки, участь головоглазов была решена.

Около Орлана и меня опустился усталый довольный Гиг.

— Гравитаторы выдохлись, начальник, — сказал он Орлану. — На этой чертовой планете расход энергии в десять раз выше нормы. — Только после этого он обратился ко мне: — У людей, кажется, пожимают руки, давай руку, адмирал. — Он сжал мою ладонь со страшной силой и скорчил предовольную рожу, когда я охнул.

Сегодня невидимки никого не удивляют, они примелькались на стереозэкранах, туристы их породы не раз посещали Землю. Но в день, когда я впервые увидел эту радостно хохочущую

абстракционистскую конструкцию, я еле справился с содроганием.

Гиг продолжал, весело загремев костями:

— Как мы тебе понравились в ратном деле, адмирал?

Я ответил сдержанно. Я не знал, как держать себя с этим грохочущим, улыбающимся, ликующим скелетом.

Прошло немало времени, пока я убедился, что невидимки — отличнейшие ребята, только вид у них очень уж страшен — и то по земным нормам, сами они довольны своим обликом, а людей, наоборот, считают конструктивно недоработанными. Я мог бы и не упоминать этих общеизвестных истин, но я веду рассказ о чувствах, испытанных во время, когда все в невидимках было ново.

— Я познакомился с тобой в моих снах, Гиг.

Он захохотал всеми костями. Я не сразу понял, что так невидимки хохочут.

— Познакомился, говоришь? Познакомили — и ценой немалых усилий! Ты, надеюсь, соображаешь, адмирал, что мы проводим свои совещания отнюдь не на вашем языке. Я уже не говорю об облике. Орлан, например, чаще является в виде тени, чем в виде тела. Кстати, дружище Орлан, на Третьей тебя ни разу не видели в этой парадной форме?

— Аппараты для оптической трансформации остались на звездолетах.

— Правильно, они там. Там же и запасные гравитаторы. Черт знает что такое, благородному невидимке придется вскоре ползти, как презренному головоглазу! Так вот, адмирал, перевести наши замыслы на ваш язык, а потом транслировать их тебе в сны — нет, только Крад мог взяться за это! Где Крад, Орлан? Я не вижу Крада.

— Крад кинулся меня защищать и погиб сам, — сказал Орлан, до предела втягивая голову в плечи.

Гиг торжественно загремел костями. Звук сталкивающихся костей у невидимок очень выразителен, и я вскоре научился отличать их хохот от печали.

— Что делать с пленными? — спросил я у новых друзей.

В центр лагеря вели последнюю кучку сдавшихся головоглазов.

— Всех истребить! — объявил Гиг.

Он был скор на радикальные решения. Я поморщился.

— Пленные пригодятся, — сказал Орлан. — Мы не знаем, что ждет нас у Станции. И если придется сражаться, головоглазы умножат наши силы.

— Поставьте их под мою команду, а уж я заставлю их пошевелиться! — предложил Гиг.

Он гулко захохотал всеми костями. Он быстро примирился с тем, что его желание отвергнуто. Впоследствии я убедился, что ему лучше приказывать, чем советоваться с ним — действовал он с воодушевлением, а размышлял без охоты. Впрочем, таковы все невидимки.

К нам шли Осима с Камагиным. Я представил им новых товарищей:

— Одного вы видели ежедневно и думали, что хорошо его знаете. О существовании другого мы могли лишь догадываться. А они опекали нас, заботились о нашем благополучии. Знакомьтесь: Орлан и Гиг, наши друзья, я скажу сильнее — наши спасители.

11

У каждого были десятки вопросов к Орлану и Гигу. И когда пленных устроили под охраной, мы собрались побеседовать.

Звезда закатилась, черная ночь окутала планету. Мы сидели на быстро стынущих глыбах металла, дружески перемешанные — невидимки рядом с людьми, Орлан возле Труба, Гиг возле Андре...

Смешно датировать большие повороты истории какой-то датой, привязывать их к каким-то мелким событиям — повороты складываются из тысяч событий и дат. Но что-то значительное в ту ночь происходило — все мы ощущали это.

О флоте Аллана нового Орлан не сообщил, все, что было ему известно, он вместил в мои последние сновидения.

И что происходит на Станции, он не знал. Неполадки на ней пока спасительны для нас. Надеяться, что так будет продолжаться долго, нельзя — надо быстрее идти к Станции.

Камагин высказался за возвращение на звездолет. За броней корабля мы будем в большей безопасности, чем на металлической равнине. А если удастся восстановить МУМ, мы вырвемся в космос к своим.

— Все, что ты сказал, нереально, — объявил Орлан. — Если ты и восстановишь вашу разлаженную мыслящую машину,

“Волопас” не вырвется за неевклидову сферу вокруг Оранжевой — мощи всего человеческого флота не хватит, чтоб прорвать заграждение. А если бы ты вырвался наружу, то там “Волопас” встретился бы не со своими, а со звездным флотом разрушителей, и конец был бы один.

— Как много “если”, Орлан, и все неутешительны! — с досадой воскликнул Камагин. — Разреши напоследок еще одно “если”. Не превратить ли звездолет в постоянное жилище, вместо того чтоб стремиться к новым неведомым опасностям? Разве мы не могли бы отсидеться в нем, пока положение не изменится к лучшему?

Орлан отверг и это. Положение меняется не к лучшему, а к худшему. Звезда продолжает излучать, и убийственные ее излучения не уносятся в просторы, а накапливаются внутри замкнутого объема. Скоро все будет насыщено сжигающей радиацией, и начнется распад: погибнет жизнь, звездолет превратится в плазму, плазмой станет и сама Станция, авария на которой породила такую катастрофу, а затем вся Третья планета, могущественнейшее из воинских сооружений разрушителей, растечется облачком новой туманности.

Губительный процесс на этом не закончится.

Выброшенная звездой энергия возвратится к ней снова, подбавляя жара в ее атомное пекло. Неминуемо произойдет чудовищный взрыв — и только тогда будут прорваны окостеневшие барьеры неевклидовости и накопленная энергия мощно вырвется наружу. Далекие наблюдатели зафиксируют взрыв сверхновой, а наблюдатели на соседних звездах ничего не оставят на память своему потомству: вряд ли кто из них уцелеет при такой катастрофе.

— Перспективочка! — пробормотал Петри. Даже этого спокойного человека проняло грозное предсказание Орлана.

После некоторого молчания заговорил Ромеро:

— Дорогой союзник, пророчество ваше ужасно. И, видимо, иного не остается, как неуклонно двигаться к цели, которую вы указываете. Но нельзя ли узнать, кто нас ждет на Станции — друзья или враги? Как нас встретят — с распростертыми объятиями или с оружием?

— Я сам хотел бы об этом знать.

— Но вы не можете не знать больше нашего! Мы вчера и понятия не имели, что существует какая-то Станция Метрики на

какой-то Третьей планете, а для вас и планета и Станция — надежнейшие оплоты вашего могущества!.. Простите, бывшего могущества, ибо, надеюсь, вы и сами уже не считаете себя савновником Империи разрушителей.

— Никто не знает подробно о Станциях Метрики. Мои знания о них не намного превышают ваши.

— Расскажите хоть, чего надо опасаться, если не знаете, на что можно надеяться. Лично я из скудной информации о Станции делаю вывод, что, возможно, и там появились у нас друзья и что друзья захватили в руки управление ею. Чем иначе объяснить освобождение от конвойных звездолетов, а также то, что здесь, в опаснейшей зоне, с нами пока не произошло несчастий?

— Нам пока не причинили вреда, но и помощи не оказали. Нас предоставили самим себе. Как развернутся события завтра, предсказать трудно.

— Сформулирую по-иному. Допустим, все дело в неполадках на Станции и неполадки завтра выправятся. Что ждет нас тогда?

— Возможны переговоры с Надсмотрщиком. Возможно мгновенное уничтожение нас защитными механизмами Станции. Возможно нападение охранных автоматов в окрестностях Станции.

Меня заинтересовали охранные автоматы. Не механизмы ли они, вроде древних человеческих роботов?

Орлан никогда не видел стражей Станции, но утверждал: ни одно из этих низших образований недоразвилось до высшей стадии — механизма.

— Крепко у них засела в мозгах дурацкая философия разрушения, — шепнул мне Ромеро. Он говорил тихо, чтобы Орлан не услышал.

— Они что-то среднее между организмами и комбинацией силовых полей. Телесный облик у них непостоянен. Обычно они принимают вид, наиболее подходящий для осуществления приказов Надсмотрщика.

— Кровавая рука, змеящаяся в тумане! — иронически пробормотал Камагин. — Ох, уж эти мне привидения! Четыреста лет назад на Земле никто не верил в этот вздор.

Я, однако, не мог без проверки объявить вздором переменность телесного образа. Привидения и призраки, немислимые на древней Земле с ее примитивной техникой, вполне могли оказаться рядовым явлением на планетах с высокой цивилиза-

цией. Наш стереозэкран и видеостолбы, вероятно, показались бы сверхъестественными современнику Эйнштейна, но мы не пугаемся, когда рядом прогуливается призрачный эквивалент знакомого, находящегося в данный момент далеко от нас.

— Призраки или тела, но что-то материально существующее, — сказал я Камагину. — И я хотел бы, не высмеивая заранее привидения, отыскать надежное средство защиты, если они нападут.

— Поручите это дело нашей тройке, адмирал, — сказал Осима, показывая на Камагина и Петри. — В обозе мы отыскали оружие, от которого не поздоровится даже призраку. Я говорю о самоходных ящиках. Просто редчайшая счастливая случайность, что они оказались далеко от района битвы и враги ими не воспользовались.

Орлан так засветился синеватым лицом, что все вокруг озарилось, а Гиг оглушительно захохотал костями.

— Вы слишком много ждете от слепого случая, капитан Осима, — сказал Орлан, и даже бесстрастность голоса не скрыла иронии. — Обычно счастливые случайности требуют тщательной подготовки.

В заключение беседы я попросил Гига больше не зашифровывать невидимок. Не знаю, как у других, а мне действовало на нервы, что надо мной проносятся незримые существа, пусть даже дружественные.

Против моего ожидания, Гиг обрадовался.

— Такой приказ нам по душе! Если бы вы знали, ребята, как тяжела служба невидимости. К тому же и генераторы кривизны ослабли, и нам грозит позорная участь превратиться в туманные силуэты из добротных невидимок. А если учесть, что и гравитаторы на издыхании, то можешь вообразить, Эли, этот кошмар: невидимка перестал бы реять и толкался бы среди головоглазов и пегасов, ангелов и людей, как простое тело, его пинали бы ногами, задевали плечом!.. Ужас, я тебе скажу, Эли!

Я поинтересовался, не оскорбляет ли невидимок перспектива превратиться в вещественные тела в оптическом пространстве.

— Что ты, адмирал! Невидимость — наша военная форма. И если мы ее носим плохо, страдает наша воинская честь. Когда же мы обретаем облик видимых, то это все равно как если бы снимали броню: и удобно, и не надо следить, чтоб к ней относились с уважением.

Ромеро разъяснил мне потом, что в древности люди тоже применяли бронирование доспехами и оно тоже делало тело воина невидимым, хотя сама броня оставалась оптически на виду.

Разумеется, оптическая невидимость — штука более совершенная, чем бронирование доспехами. И старинные рыцари, как и нынешние невидимки, предпочитали ходить без брони, они называли это “носить штатское”. Но если приходилось напяливать доспехи, рыцари заботились уже не столько о собственной безопасности, сколько о том, чтоб внушить уважение к своей военной форме. И называлось это так: “защищать честь мундира”.

12

Пленные головы светили тускло, все остальное пропадало в черном небытии. Было лишь то, что рядом.

Я не знал, куда исчез Орлан, где Гиг, в каком месте разместились перешедшие на нашу сторону невидимки. Петри вскоре удалился, за ним исчезли Камагин и Осима. Тяжело махая крыльями — ему обязательно надо было пролететь над всем лагерем, — умчался к своим, на далекий шум голосов и перьев, Труб. Мы сидели кучкой на свинцовом пригорочке, Мери и мои друзья по Гималайской школе — Ромеро, Лусин, Андре. Андре попросил:

— Расскажите об Олеге и Жанне, друзья. — И он добавил с волнением: — Вам покажется удивительным, но сходил с ума я не сразу, а стадийно. Сперва пропал внешний мир и память о Земле, потом стиралось окружающее. Долго держались Жанна и Олег. И последний образ, который сохранял мой мозг, погасая, был ты, Эли. По-моему, ты не заслуживаешь такой привилегии.

— По-моему, тоже. — Меня обрадовало, что вместе в разумом к Андре возвратилась его милая дружеская резкость. — Вероятно, это оттого, что я был последним, кого ты видел.

— Возможно. Начинайте же!

От семейных дел мы перешли к событиям на Земле и в космосе. Я описал сражение в Плеядах, первую экспедицию в Персей, работы на Станции Волн Пространства. Ромеро поделился воспоминаниями о спорах с Верой и о дискуссиях на Земле, с иронией отозвался о своем поражении, обрисовал размах перестроек в окрестностях Солнца.

— Вы не узнаете нашей звездной родины, дорогой Андре. Плутон вас потрясет, ручаюсь!

— Меня потрясает Эли! — воскликнул Андре. — Я помню тебя талантливым зубоскалом и смелым проказником, ты был горазд на вздорные выходки, но не на ослепительные мысли и глубокие открытия. А встретил тебя адмиралом Большого Галактического флота... нет, и подумать странно: ты — мой верховный начальник! Придется привыкать, не сердись, если сразу не получится.

— Привыкай, привыкай! Другим было не легче твоего.

Мери вдруг запальчиво вмешалась в разговор:

— Сколько я помню Эли, он чаще краснел, чем иронизировал. А если случались вздорные выходки, вроде прогулок наперегонки с молниями, то их было немного. Меня даже охватывала досада, что Эли такой серьезный, я предпочла бы мужа полегкомысленней.

— Вы просто не учились с Эли в Гималайской школе, — отозвался Андре. — К тому же он в вас влюбился — вероятно, такая встряска подействовала на него к лучшему. Серьезный, властно командующий Эли — поверьте, это звучит очередной проказой!

Ромеро обратился к Андре:

— Милый друг, многие, в том числе, со стыдом признаюсь, и я, считали вас мертвым, ибо... ну что ж, раз ошиблись, надо каяться, — ибо не было похоже, чтоб разрушители довелись до человеческих тайн. Мне представлялось невероятным, что такие злодеи не сумели от вас, живого, выпытать все, что вы знали. Но вам посчастливилось, если можно назвать счастьем такой печальный факт, как умопомешательство... Об этом выходе никто из нас не подумал.

— Я сам изобрел его! Я свел себя с ума сознательно и методично. Сейчас расскажу, как это происходило.

Он с ужасом ожидал пыток. Смерть была бы куда лучше, но он понимал, что за ним наблюдают, старинные способы самоумерщвления — ножи, петля, отказ от пищи, перегрызенные вены, — весь этот примитив здесь не действовал. И тогда он решил вывести из строя свой мозг.

— Нет, не разбить голову, а перепутать связи в мозгу, так сказать — перемонтироватьсь. Конечно, мозг — конструкция многообразная, нарушение его схемы на каком-то участке еще

не вызывает общей потери сознания, но все-таки вариантов неразберихи несравненно больше, чем схем сознания, и на этом я построил свой план.

— Так появился серенький козлик?

— Именно так, Эли. Я выбрал козлика еще и потому, что разрушители наверняка не видели этого животного и понятия не имели о сказочке со старухой и волком. А я думал о козлике наяву и во сне, видел только его... Что бы ни происходило, на еду, на угрозы, на страх, на разговоры — на все я отвечал одной мыслью, одной картиной: козлик, серенький козлик... Я перевел весь мозг на козлика! И мало-помалу существо с рогами и копытцами угнездились в каждой мозговой клетке, отменило все иные картины, кроме себя, всякую иную информацию, кроме того, что оно — серенький козлик. Я провалился в умственную пустоту, из которой вывели меня уже вы!

— Как ты мучился, Андре! — прошептал Лусин. В голосе его слышались слезы. — Таких страданий!..

— Какая сила воли, Андре! — проговорил Ромеро. — Что вы изобретательны, мы знали все, но, признаюсь, не ожидал, что вы способны так воздействовать на себя!

Я задумался. Андре сказал с упреком:

— Ты не слушаешь нас, Эли!

— Прости. Я размышлял об одной трудной проблеме.

— Какая проблема?

— Видишь ли, у нас выведена из строя МУМ. И вывели ее примерно твоим способом — перепутали схемы внутренних связей.

— Свели машину с ума? Забавно! А схема запутывания схемы есть?

— Боюсь, что нет. Все совершалось аварийно. Возможно, кое-что из своих команд Осима и Камагин запомнили.

— Можно подумать, — сказал Андре, зевая. — МУМ, конечно, не сложнее человеческого мозга.

— Не вздремнуть ли? — предложил Ромеро. — Все мы устали после сражения, а завтрашний день обещает быть тоже нелегким.

Ромеро, Андре и Лусин разместились неподалеку, и скоро донеслось их сонное дыхание.

Я лежал и думал об Астре. Все утро я нес его на руках, и он был со мной, а потом шла битва, после битвы меня отвлекли

разговоры с разрушителями и Андре — и я не вспоминал Астра. А сейчас он стоял передо мной, и я разговаривал с ним. Он жалел меня. Отец, говорил он, нам просто не повезло, вот почему я и умер. Да, нам не повезло, соглашался я, вот видишь, мы победили врагов, и гравитация ослабела, как сегодня лихо летали ангелы, что бы тебе стоило погодить день-другой — и ты бы остался жив! Я не сумел, оправдывался он, не сердись, отец, я не сумел — и это не поправишь! Это не поправишь, сынок, говорил я, это уже не поправишь!

Так я лежал, мысленно беседуя с сыном, пока меня вдруг не толкнула Мери. Я приподнялся. Она сидела рядом.

— Перестань! — сказала она с рыданием. — Нельзя так терзать себя.

— С чего ты взяла! Просто я размышляю...

— Спи! Обними меня и спи! Это безжалостно так... пойми!.. Я ведь тоже ни о чем другом думать не могу...

Я обнял ее. Она прижалась ко мне, и вскоре я услышал, как она опять молча плачет. Я тихо гладил ее волосы. Она заснула внезапно, не то на полувсхлипе, не то на полустоне. Я подождал, пока сон не стал крепким, осторожно вытер мокрые щеки и положил ее голову себе на грудь, так ей было удобнее, чем на свинце.

Проснулся я, когда звезда выкатилась из-за горизонта.

— Колонны готовы к выступлению, адмирал, — доложил Осима.

— Пленные головоглазы по-прежнему видят во мне начальника, Эли, — сообщил Орлан. — Держать их под охраной не нужно, они пойдут отдельным отрядом.

А Гиг шумно захохотал всем туловищем. Жизнерадостности у этого скелета хватило бы на дюжину людей.

— У невидимок — торжество! Кто сражался вчера против, сегодня будет сражаться за. За меня, своего любимого вождя, пойдут в огонь. Но ты понимаешь, Эли, раз нам разрешено снять невидимость и спуститься на грунт... Идти третьей колонной, за людьми и ангелами, как велел Осима, — это не для невидимок, нет, это не для нас!

Я поставил отряд невидимок впереди всех. Гиг отправился строить своих в дорогу и так лихо гремел скелетом, что люди и ангелы вздрагивали, а пегасы злобно ржали. Одни флегматичные драконы держались спокойно, когда Гиг шагал мимо.

— Я положила Астра в авиетку, — сказала Мери. — Больше не будем нести его на руках.

— Тебе тоже нужно бы сесть в авиетку.

Она с усилием улыбнулась:

— Разве ты забыл приказ адмирала? Я вынесу все, что вынесешь ты.

13

Уже не только в бинокль, но и невооруженным глазом была видна Станция — один не то купол, не то просто холм, а неподалеку три возвышения поменьше. Иные крепости на Земле, с их фортами, бойницами и орудиями, выглядели внушительнее.

Мы лежали на вершине свинцовой скалы, и я поделился мыслями с Ромеро, приползшим сюда вместе со мной.

— Я позволю себе указать, любезный адмирал, — возразил он педантично, — что самая мощная из человеческих крепостей не разнесла бы и обыкновенной каменной горушки, а это невзрачное сооружение свивает в клубок мировое пространство.

— Пустота! — сказал Осима. — Ни мы никого не увидели, ни нас никто не открыл.

— Впечатление такое, что Станция покинута, — подтвердил Камагин. — Я бы рискнул подобраться поближе.

Орлан втянул голову в плечи так глубоко, что она провалилась до глаз. Я заметил, что обо всем относящемся к Станции он говорил неохотно и кратко. В Империи разрушителей обсуждение дел на Станциях Метрики приравнивалось к преступлению. Орлан не мог отделаться от многолетней боязни запретных тем.

— Я бы не рискнул, — сказал он сдержанно.

— Пойдем в лагерь и устроим военный совет, — предложил я.

Лагерь был разбит километрах в десяти от Станции, и нам пришлось пошагать.

Я ломал голову, но ничего не придумывалось. Станцию открыл Лусин, вылетевший в разведку на Громовержце, У Лусина хватило осторожности повернуть назад, чуть он завидел невысокие купола.

Все мы понимали, что осторожность его примитивна. Сооружения такой сложности, как эти космические заводы, меняющие структуру пространства, не могли не иметь и совершеннейших методов защиты. Любой человеческий звездолет локирует в миллионе километров простую тарелку, посты на-

блюдения на Станции Метрики не могли быть хуже наших локаторов.

От нас не собирались защищаться, только поэтому мы не открыты. Значило ли это, что к нам относятся как к друзьям? Отнюдь нет. Тогда, может, на Станции все давно погибло — нет ни живых существ, ни работоспособных автоматов? Предположение Камагина казалось мне естественным: если нас не уничтожили в десяти километрах, то не уничтожат и в десяти метрах. И все же это было только предположение. Как хотелось нам тогда, чтоб это было правдой! Вместе с тем, не считаться с сомнениями Орлана я не мог. Он единственный что-то знал о Станциях Метрики.

На совете Орлан повторил, что возражает против шествия к куполам.

— Все может быть, — повторил он со зловещим бесстрашием.

— Еще одну разведку, адмирал? — спросил Осима. — Пошлем невидимок или ангелов?

— Ангелов! — воскликнул Труб. Он считал, что высота безраздельно принадлежит ангелам, и страдал, когда кто-нибудь из невидимок взвивался в воздух. К пегасам и драконам Труб был терпимей.

— Только невидимок! — возразил Гиг.

Я отдал предпочтение невидимкам.

— Им проще подобраться к Станции. В конце концов, это ваша военная функция, Гиг, — появляться незамеченным в любом месте.

— И сражаться в любом месте, — торжествующе добавил Гиг. — Невидимки — воины, адмирал!

— Не могли бы вы и мне создать временную невидимость? Я с охотой пошел бы, хоть пешком, с вами в разведку.

Гиг разъяснил, что генераторы кривизны подбираются индивидуально. К тому же у людей неудачная телесная структура. Я не вынес бы мгновенного перемещения в кокон закрученного пространства: высокие неевклидовости не для людей.

— Нет так нет. Как у вас, Осима?

Осима нашел в самоходных ящиках два исправных электромагнитных орудия. В твориле орудия создаются электрические заряды, периодически выбрасываемые наружу. Трасса выстрела

превращается в летящий ток, а вокруг него возникают могучие магнитные поля.

После сборки орудий мы испытывали их действие на золотой скале. Был сделан всего один выстрел, и от орудия до скалы пролегла выжженная траншея, в которой могла бы разместиться вся наша армия. А на месте скалы взвилось плазменное облачко, и долго еще сыпалась золотая пыль.

— Когда начнем обстрел Станции, сооружениям ее не поздоровится, — доложил Осима.

Я понемногу стал разбираться в том, что внешнее бесстрашие Орлана имеет различные оттенки.

— Вам, кажется, не понравилось сообщение Осимы, Орлан?

Он разъяснил, что, если дойдет до сражения, главной боевой силой станут головоглазы. Массированный гравитационный удар головоглазов даст больше эффекта, чем электромагнитный залп: орудий два, а головоглазов почти двести. Они, правда, ослабели от тягот пути, но на отдыхе быстро восстанавливают силы. Вскоре их организмы накопят полный запас боевой энергии.

— В сражение я поведу их сам, — сказал Орлан.

Дальнейший ход совета был прерван диким гамом и грохотом. Гиг с десятком отобранных невидимок выступил в разведку.

— Мы готовы, — сказал он, выстраивая свой отряд. — Все ребята с ощущалами выше средних. Прирожденные разведчики, можешь не сомневаться, адмирал! Разреши лететь, а?

Он гулко затрясся всеми сочленениями, и, словно десятикратно усиленным эхом, отряд невидимок повторил его грохотанье. Не знаю, как у них было с ощущалами, но концерт они задавали мастерски.

Ощущала у невидимок, кстати, в чем-то подобны нашим органам чувств, а в чем-то весьма отличаются. В оптическом пространстве ощущала почти не функционируют, зато в коконе неевклидовости обостряются невероятно.

В отчете Ромеро вы можете найти подробнейшие схемы ощущал, я их не привожу, потому что не понял главного — как вообще они могут действовать, когда сами невидимки так глухо запакованы в своем мирке, что их обтекает даже свет.

— Летите! — разрешил я.

Они исчезли мгновенно. В бою они, конечно, были хороши, но еще лучше годились для парада. То, что наши предки назы-

вали “показухой”, достигало у невидимок художественного совершенства.

Передав председательствование Осиме, я вместе с Ромеро и Андре отправился на вершину ближайшего холма.

По дороге мы задержались возле Мери. Единственная женщина в лагере, она подобрала себе исконно женское занятие — врачевание. Труб выделил ей пятнадцать ангелочков понежнее, из тех, что не годились для сражений, и Мери стала обучать их санитарному делу. Лекарств и бинтов в лагере не было, зато нашлись веревки, ангелы их расплетали и вязали бинты. Все ангелы — отличные кружевницы и ткачихи, а у этих, отобранных, дело прямо горело в крыльях.

— Невидимки сейчас около Станции, — объявил Андре, когда мы взобрались на холм. — Их не открыли — никаких эффектов не видно.

Сегодня, когда мы хорошо знакомы с устройством Станций Метрики, подобные наивные рассуждения могут лишь вызвать улыбки. Истинными невидимками были не воины Гига, а те, кого они разведывали. Невидимок только подпустили к Станции — и на ту дистанцию, какую сочли приемлемой. А затем в отдалении вдруг вспыхнуло десять огненных факелов. Какое-то время факелы по-прежнему по инерции мчались к Станции, затем круто повернули к лагерю. Десять костров, то взлетая, то падая, неслись на наш холм, и мы, прильнувшие к биноклям, видели, что внутри факелов — пустота.

— Молодец Гиг, даже в такую минуту не раскрылся! — восхищенно пробормотал Андре. — Эли, вот настоящий воин — и в пламени не потерял самообладания!

— В старину говорили: испытан в огне сражений, — отозвался Ромеро. — О невидимках можно сказать по-иному: даже в огне сражений не открылись. Это единственное, что их спасает сейчас от гибели.

Раздраженный, я отошел от друзей. Невидимок от гибели спасало лишь то, что их гибели не желали. Но им ясно показали, что никакое экранирование не поможет. Десять факелов пронеслись над холмом и рухнули посреди лагеря.

К горящим разведчикам неуклюже, но быстро двинулись головоглазы и стали проворно сбивать пламя гравитационными ударами. Они живо вращали наростами, вылетающий импульс

легко тушил огонь. Для профессии пожарных эти создания подошли бы отлично.

Мери со своими ангелами поливала одного из воспламененных водой, но вода это пламя не брала.

— Никаких изменений на Станции, — сказал Андре. — Никто не преследует беглецов.

Мне казалось в тот момент, что я знаю почему.

— А зачем беглецов преследовать? Их отогнали — и хватит. Уничтожать нас не собираются, но и пускать на Станцию — тоже.

14

— Плохо работают ваши ощущала, — сказал я Гигу, когда он оправился от потрясения. — Пока вас не охватило пламенем, вы и не подозревали об опасности.

Этот удивительный народ, невидимки, легче примирятся с гибелью, чем с унижением. Гиг так затрясся, что мне почудилось, будто залязгала тысячезубая челюсть.

— Отлично работали, отлично, адмирал! Мы почувствовали пульсацию незнакомых полей задолго до факелов, но не испугались. А возвратились не из страха, а потому, что обнаруженный разведчик уже не разведчик, а только солдат.

Логика в его оправданиях, конечно, имелась.

Ромеро в своем отчете рассказывает, что мной овладели тягостные колебания, и плохое настроение адмирала передавалось всем. Но колебаться можно между несколькими решениями, а у меня не было никакого. Все кругом, как плохие игроки, говорили только о своих ходах, но понятия не имели об ответных ходах противника. Вести армию в бой наугад я отказывался.

То, что Ромеро называет моими колебаниями в течение недели перед первым штурмом, было поисками выхода. К тому же именно этот срок потребовал Орлан для накопления запасов гравитационной энергии у головоглазов.

И если теперь оценивать мои тогдашние действия, то я скажу по-иному, чем Ромеро: я слишком мало колебался. Штурм Станции показал не так мою излишнюю осторожность, как опрометчивость.

Я не утверждаю, что подготовка была полностью неуспешна. Кое-что сделать удалось. Электромагнитные орудия Осимы действовали исправно, ангелов снабдили портативными разрядни-

ками. И Андре изготовил четыре превосходных анализатора силовых полей.

— Если предварительно мы не разведали противника, то в сражении будем иметь полное представление о нем — видимом и незримом, — пообещал он.

Я должен сделать отступление об Андре. Все мы, естественно, присматривались к нему — испытанные им потрясения не могли не сказаться. И он, естественно, был не тот импульсивный, нетерпеливый, резкий и добрый, какого мы некогда знали. Он стал сдержанней и молчаливей. Но мозг его, возвращенный к жизни, работал с прежней интенсивностью. Рядом со мной снова пылало горнило новых идей, генератор остроумных проектов — пусть простят мне эти выпренные слова, в данном случае они самые точные.

Расчет делался не на внезапность атаки, а на силу удара. План наступления вкратце сводился к следующему. В центре, на плоскости, двигаются головоглазы, сверху их поддерживают невидимки. С левого фланга атакуют ангелы Труба, с правого пегасы Камагина и крылатые ящеры Лусина. Петри ведет людей. Человеческую пехоту бросят туда, где будет в ней нужда. Осима с ползущими орудиями размещался в колонне головоглазов — электромагнитные механизмы, как и сами головоглазы, были оружием ближнего боя.

На вершине холма, где мы высматривали Станцию, я разместил командный пункт с анализаторами и Ромеро. В лощинке укрылось несколько штабных пегасов для адъютантской связи.

Приготовления к штурму были закончены вечером.

По древнему воинскому обычаю, битва началась на рассвете.

Первыми выступили головоглазы. Могучая колонна, почти в две сотни неторопливо передвигающихся крепостей, взметнув над собой красноватые огни перископов, даже на взгляд была внушительна. А два орудия Осимы походили на исполинских змей, прокладывающих ей дорогу. Над колонной реяли невидимки, я слышал по дешифратору команды Гига, но отряда его мы, естественно, не видели.

— Импозантно! — пробормотал Ромеро. Он любовался в бинокль зрелищем наступающих головоглазов.

Осима дал залп, как только приблизился на дистанцию прямого попадания. Из орудий вырвались две огненные реки. Беснующееся пламя обрушилось на купола.

Начало было хорошее, но, к сожалению, все хорошее ограничилось началом. Множество пылающих смерчей закружилось на месте, где наступал центральный отряд. С невольным уважением я наблюдал, как отважно действуют внешне столь неповоротливые головоглазы. В наше отдаление донеслось тяжкое содрогание наносимых ими ударов. Вскоре не оставалось ни одного несорванного факела, а несколько беспорядочно мечущихся смерчей были буквально разорваны. Ни Осимы, ни Орлана даже не коснулись летящие хлопья пламени, так хорошо защитили своих командиров головоглазы.

— Буря полей! — доложил Андре. — И гравитация, и электромагнетизм, и корпускулы. Готовится что-то сногшибательно новое.

Новым было то, что повторилось усиленное старое. Орудия Осимы разразились вторым залпом, а поле битвы охватила вторая волна огня. Уже не разрозненные смерчи бесновались над продвигающимся отрядом, но все превратилось в бушующий костер — и в его бешеной пляске пропали и головоглазы, и Осима со своими орудиями, и невидимые воины Гига.

Две-три минуты, подавленный, я ожидал полного уничтожения отряда. Но пламя опять стало спадать, вбиваемое в металл, и мы увидели яростно и методично сражающихся головоглазов. Теперь они быстро вертелись, выбрасывая гравитационные импульсы.

Короткое время я не терял надежды, что им и на этот раз удастся подавить контратаку пламенем. Но в битву вмешалась предсказанная Андре новая сила. Несколько головоглазов перевернулись, стройная колонна, словно опутанная сжимающей цепью, постепенно сбивалась в небоеспособную кучу. На высоте, произвольно или сознательно, раскрылись два невидимки и рухнули вниз, за ними покатались еще три обнаруживших себя солдата.

Картина победоносной битвы внезапно превратилась в картину разгрома.

— Осима и Орлан требуют помощи! — крикнул Андре. — У Осимы больше не заряжаются орудия, у Орлана слабеют гравитаторы!

Я приказал выступать крылатым отрядам и человеческой пехоте.

Теперь, когда всем известно, как печально закончился наш первый штурм Станции, могу с искренностью признаться, что не видел зрелища красочнее и грознее, чем атака крылатых. Дело заранее было обречено, а я и в момент разгрома не сомневался, что мы побеждаем, — так стремительна была эта несущаяся воздушная масса.

Первыми слева вырвались ангелы с разрядниками и гранатами в боевых сумках. Их мгновенно охватило пламя, но холодное — иной природы, чем невидимок и головоглазов, — ослепляющее, а не сжигающее. Мы тогда понятия не имели, что для любого отряда зажигается свой огонь, и меня пронизал ужас, когда я увидел, что каждый ангел несется в факеле, как в ореоле.

Ангелы летели в четком строю, шумно и стройно, тысячеголосый трубный вопль опережал их — они казались армией демонов, несущихся среди пожара. И все они с такой энергией рассекали воздух крыльями, что подняли уже не бурю силовых полей, а воздушную бурю.

Громовой голос Труба один отчетливо выделялся среди грохота и гама, клекота и свиста. И, очутившись у поля боя, Труб первый бросил гранату и взметнул разрядник, и его движение повторил весь воздушный отряд. К общему шуму добавился треск молний, сотнями разрезающих воздух, вонзающихся в металл планеты и в золотое небо.

Армада ангелов летела прямо на Станцию, вся в молниях, как в перьях. Если эта атака с разрядниками оказалась в конечном итоге неэффективной, то, во всяком случае, она была эффективна. А затем в район боя вынеслась крылатая конница Камагина и Лусин во главе драконов.

Он далеко обогнал на своем Громовержце остальных ящеров и так остервенело врубился в гущу мечущихся по полю огней, что странные боевые факелы отшатнулись от него, как живые. С короны Громовержца били молнии — многопламенные, неотразимо испепеляющие. и при каждом выстреле у Громовержца вырывался крик, резкий, торжествующий. Это было странное сражение — битва молний против факелов. И побеждали молнии: там, куда устремлялся Громовержец, быстро погасали бушующие огни.

Вопль и клекот ангелов, дикий свист драконов, торжествующий визг Громовержца, свирепое ржание пегасов и боевые клики людей быстро преобразили молчаливое однообразие боя, закипевшего на подступах к Станции.

А когда подросла пехота Петри и блистающие шпаги лазеров вплелись в метание факелов и молний, наш нажим на таинственного противника обрел новый порыв.

Заколебавшиеся было головоглазы каменной глыбой двинулись дальше. И хоть их гравитаторы нуждались в подзарядке, импульсы, выбрасываемые перископами, были еще мощнее, чем прежде, — так воодушевила головоглазов поддержка.

— Наша берет! — сказал я Ромеро. — Наконец-то наша берет!

— Эли! Эли! — вскричал Андре. — Эли, посмотри, что делается!

То, что произошло на поле, было более чем неожиданно.

Ни при каких раскладках нам и в голову не приходил такой оборот событий — это был немыслимый вариант, нечто из бреда!

Со стороны Станции неслись три крылатых отряда — ангелы, предводительствуемые Трубом, конница пегасов с Камагиным на белом коне и крылатые ящеры с далеко обогнавшим их Громовержцем. А на шее второго Громовержца восседал второй Лусин.

И эти новые отряды тоже охватывало, как футлярами или ореолами, багровое холодное пламя, из недр их также рвались оранжевые молнии разрядов. Громовержец оцетинивался такими же молниями, Лусин и Камагин вонзали в противников те же лазерные острия, а впереди них несся такой же тысячеголосый вопль, свист и клекот!

— Фантомы! — крикнул Андре после охватившего нас вдруг оцепенения. — Эли, надо предупредить наших, что выпущена банда фантомов!

К чести Осимы и Орлана, и особенно Гига, они и без объяснения быстро разобрались, что за армия прибыла в битву. Лусин и Камагин, а также Труб сгоряча спутали своих с чужими, но повторные вызовы Андре и путаница в сражении отрезвили их.

Осиме удалось произвести и третий залп. Огненные потоки обрушились на фантомов. Наши невидимки схватились с вражескими привидениями. Я по-прежнему не видел воинов Гига, но по тому, как взвивались призрачные крылатые кони, как в страхе увертывались искусственные ангелы и падали с предсмертным криком искусственные люди, представлял себе, сколь велика ярость нового сражения.

И какое-то время у меня еще теплилась надежда, что не все проиграно.

— Пора кончать избиение наших, адмирал! — сурово сказал Ромеро.

Как раз в это время два Громовержца, живой и искусственный, страшно столкнулись телами, испепеляя один другого — багровая сеть молний оплела их головы. Один из драконов падал, и я не мог разобрать на отдалении, Лусин ли сейчас погибает или псевдо-Лусин.

Я приказал Андре, откашлявшись, чтоб не дрожал голос:

— Радировать общее отступление!

Все военачальники стали поворачивать свои отряды. Трубу тоже услышал приказ, но, распаленный боем, пренебрег им. Реальные ангелы, подбадривая себя бесовскими воплями, с прежним ожесточением схватывались с ангелами призрачными. Борьба становилась неравной.

— Немедленно к Трубу, Павел! — приказал я Ромеро. — Выводить ангелов из боя!

Ромеро вскочил на штабного пегаса, и вскоре ангелы стали покидать поле сражения.

Я спустился с холма и пошел в лагерь.

У Мери на санитарном пункте кипела работа. Ангелицы-санитарки прилетали с ранеными. Истерзанные драконы приползали сами, а пегасов приходилось подгонять: даже с поврежденными крыльями они норовили взлететь.

Но боль они сносили спокойно, ни один не ржал со злобой, когда ангелы-хирурги неумело брали в когти скальпель.

— Мери, мне показалось, что Лусин падал! — сказал я. — Где он?

— У Лусина легкое ранение, но Громовержец плох.

У Лусина была забинтована голова и рука на перевязи. Он горестно поглядел на меня, по щекам его катились слезы.

Громовержец лежал на боку, без сознания. Глаза его были закрыты, великолепная корона боевых антенн помята — с остриев еще стекали предсмертные синеватые огни Эльма. Я опустился на колени и прислушался к работе сердца. Сердце стучало неровно и глухо, то замирало, то часто и слабо билось. Я молча встал. Надежды не было.

— Такой друг! — шептал Лусин, плача. — Такой друг, Эли!

Нет худа без добра: мы потерпели поражение, но узнали, на чем зиждется оборона Станции. Анализаторы, пока шла битва, определили физические параметры фантомов. Образования эти были воистину фантастической породы — почти без массы, однако оптически непроницаемы.

— Я предупредил, что автоматы не более чем силовые поля, способные принимать любой телесный облик, — мрачно напомнил Орлан.

Это был один из тех редких случаев, когда он изменял своему мундиру безразличия.

Даже Труб был ошеломлен.

— Мы, ангелы, по природе своей — материалисты, — взволнованно высказался он на совете, — мы отважимся сражаться против любого вещественного противника. Но против призраков ангелы бессильны. Борьба с привидениями — не наша стихия!

Больше всего я страшился, что эта паническая философия окостенит души. В борьбе с фантомами мы потерпели не так физическое, как психологическое поражение. И весь упор возражений запаниковавшим я построил на уничтожении философии страха.

— Чепуха, что противник нематериален. Эти фантомы составлены из энергетических полей, а разве силовое поле — не одна из форм материи? Наши изображения на стереоэкранах несут в себе еще меньше массы, чем любой из фантомов, — почему же вы не бледнеете при виде стереоэкрана? Удивительность фантомов не в их мнимой нематериальности, а в том, что им удалось блистательно скопировать нас самих. Вот где загадка! И нужно распутать ее, чтоб не поддаться на новые хитро-сплетения. Не трясись перед потусторонними силами, а разобратся в новой физической проблеме — вот чего я требую.

После такой отповеди обсуждение стало деловым.

— Загадка фантомов решается просто, — доказывал Андре. — Если у противника имеются анализаторы высокого быстрогодействия, они легко отобразят особенности нашего строения. а после этого не составит труда построить образ, оптически идентичный нашим.

— Просто, легко, не составит труда! — с досадой сказал Осима. — Но на наших стереозэкранах жалкие оптические изображения, а у них отображения силовые. Разница!

— У нас чего-либо подобного, к сожалению, нет и в помине, — со вздохом поддержал Осиму Ромеро. — Объяснения ваши я могу принять, проницательный Андре, но вряд ли от них станет легче.

По тому, как скромно Андре выслушал возражения, я чувствовал, что он готовит сюрприз. Во всяком случае, так держался бы прежний Андре. Его глаза лукаво поблескивали. Я снова верил в гений Андре.

— Не легче? — переспросил он. — А я как раз собирался выпустить против неприятельских фантомов наши собственные, может, попроще по структуре, но для зрения убедительные.

— А для других ощущал, употребляя это местное словечко? — спросил я. — Ты понимаешь, Андре, у зловредов... Простите, у защитников Станции анализаторы не ограничиваются зрением.

— Я и не собираюсь конкурировать с ними. Их фантомы воюют реально, мои же лишь спутают тактику противника: пусть он направляет удары на призраков, а не на нас. Истинные привидения, которых опасается Труб, будут сражаться на нашей стороне.

Ромеро с сомнением покачал головой. Орлан вновь замкнулся в мундире бесстрастия. Зато увлекающемуся Гигу очень понравилась идея Андре, Труба тоже восхитило, что на воинственную шайку фантомов будет спущена кровожадная орда призраков.

— Война призраков против призраков, к сожалению, операция призрачная, а нам нужны реальные результаты, — сказал Ромеро.

— Призраки, конечно, не более чем призраки, но борьба их будет реальной. — И, все более становясь похожим на прежнего Андре, он рассказал о главной своей идее. Оптическое войско явится лишь тактической приманкой. Пока фантомы противника отвлекутся на борьбу против наших призраков, мы подготовим сокрушительную операцию. Приборы показывают, что противодействие врага складывается из двух противоположных действий, условно их можно назвать правым и левым полем. Когда правые и левые поля совпадают, они образуют свободный узел.

Плюс с минусом в математике дают ноль, но в жизни правая рука, сливаясь с левой, рождает рукопожатие. Фантомы не более чем узлы скреплений правых и левых взаимодействий.

Орудия Осимы, лазеры людей и молнии крылатых разрывали поля, но не уничтожали их симметрии — главная сила противника оставалась нетронутой. Нужно бить по гармонии, взрывать изнутри четность полей — только здесь гарантия победы.

— Найденные в обозе генераторы способны воспроизвести любое поле противника, — закончил Андре. — Пока фантомы будут расправляться с нашими привидениями, а орудия Осимы подбавят сумятицы в неразбериху, мы введем энергетическую систему врага в такие автоколебания, что никакие амортизаторы не удержат ее от распада.

Всех захватила широта замысла Андре, но я задал несколько вопросов. Он обиделся, как и раньше: в уточнении деталей ему неизменно чудились придирки.

— Не помню, чтобы ты что-либо сразу принимал, Эли!

— А я помню, что даже в правильной идее ты где-нибудь всегда по запарке врешь. Что тебе нужно для подготовки армии призраков?

— Два дня и десяток помощников. Разумеется, не таких скептиков, как ты.

— Дни у нас есть, помощников, не похожих на меня, найдем.

16

Теперь на штабном холме нас было не трое, а добрых тридцать человек и союзников.

Второе сражение разыгрывалось точно по диспозиции.

В отчете Ромеро вы найдете технические подробности — альберты потраченной мощности, уровень иллюзорности призраков, тактическое построение отрядов фантомов.

А мне вспоминаются звуки и краски, пламена и дымы, дикие рожи псевдосуществ одной стороны, лихо сражающихся с псевдосуществами другой стороны. Степень призрачности привидений, так волнующая ныне историков экспедиции, меня не затрагивает.

Когда навстречу нашим реальным войскам, выпущенным для “затравки” битвы — так назвал эту операцию Ромеро, — вынеслись полчища неприятельских фантомов, я от восторга затопал ногами. В свалке возникали все новые фигуры, их становилось

все больше — призраки Андре вторгались в общую катавасию боя. И хоть я знал, что каждая из новых фигур — не больше чем оптическая иллюзия, я не мог отличить их от фигур реальных — так они были искусно сработаны.

Наши солдаты бросились назад, когда среди них стали возникать призраки. Со стороны это должно было восприниматься по-иному: часть нашего войска, уstraшенная, ретируется. Оставив в покое ищущих спасения в бегстве, бестии противника с удвоенной свирепостью принялись уничтожать остающихся, то есть привидения. Призраки сражались против призраков в отнюдь не призрачной битве. Визга, грохота, воя, свиста, рева, грома, молний, взрывов гранат, гравитационных ударов, световых наскоков и магнитных выпадов хватило бы на солидную многолетнюю войну наших предков.

Увлеченный картиной битвы, я не уловил момента, когда Андре запустил генераторы. Для начала Андре гигантски усилил все правоориентированные поля. Фантомы противника вдруг стали распухать, теряли четкие очертания, из тел превращались в силуэты.

Захваченный врасплох, противник спешно умножил поля левой ориентации, чтоб сохранить симметрию, и, точно поймав этот момент, Андре быстро подавил все правоориентированные потенциалы и вздыбил левоориентированные — добавил к вражескому усилению свое — в том же, левом, направлении.

Бестии так же стремительно, как перед тем распухали, стали теперь опадать, очертания их делались нестерпимо четкими — они превращались в абстрактные фигурки из живоподобных тел.

Так начался процесс расширяющихся автоколебаний. Сперва было одно колебание — фантомы то разом росли, расплываясь и тускнея, то разом же опадали, пронзительно очерчиваясь и накаляясь до белокалильного жара. А затем одно большое колебание распалось на несколько маленьких.

Вскоре одни из фантомов стали вырастать, в то время как другие уменьшились — колебания не совпадали по фазе, но амплитуда их неудержимо росла, размах метаний становился все грознее.

Неизбежным следствием этого должен был явиться взрыв в энергетическом сердце противника. Но еще до того, как запланированный взрыв разметал утратившее контроль неприятель-

ское войско, нам удалось увидеть непредвиденную междоусобную распрю, яростно вспыхнувшую среди фантомов. Уменьшающиеся ринулись на растущих, растущие наваливались на уменьшающихся. Несколько долгих минут над полем взаимного истребления взвивались ревы, вопли и визги — и все потонуло в гигантском взрыве.

Над куполом взвился столб дыма, крутящееся пламя сожрало остервенело сражающиеся фантомы врага. Защита противника была сокрушена.

На поле высыпали наши солдаты, реальные солдаты, не оптические привидения. Бешено хлопая крыльями, в иглах молний, пронеслась армия Труба, лихо помчалась звонко ржущая крылатая конница Камагина, а в центре, не прикрываясь больше невидимостью, весело грохотали живые скелеты Гига, свирепо коптящие ящеры Лусина старались не отстать ни на метр.

И четко, как на диковинном параде, закрепляя своим тяжким строем порыв подвижных войск, на последний штурм купола двинулась железная армия головоглазов Орлана, а по бокам ее шагали две колонны людей с Осимой и Петри во главе.

— Эли! Андре! — услышал я голос Ромеро, покрытый гулким ржанием. — Да скорее же, друзья!

Три пегаса, тяжело махая крыльями, норовили взлететь с холма. На одном уже гарцевал Ромеро, на двух других вскочили Андре и я.

Мы понеслись к дымящемуся развороченному куполу, куда уже ворвались наши легкие отряды — ангелы и невидимки.

17

Я с отвращением смотрел на Надсмотрщика Станции. Он напоминал человека — но изуродованного до бесчеловечия! У него не было шрамов от ран, никакие раны не сумели бы так обезобразить человека. Он был переконструирован.

Выше любого из нас — гигант трех метров росту, — он имел почти красивое лицо, холодные глаза смотрели настороженно и угрюмо, темные волосы закрывали уши и шею. Но вместо ног его снабдили двумя гибкими шлангами, свободно гнущимися в любой точке, а вместо рук — такими же рычагами, покороче ножных, с десятью присосками на концах. И у него, конечно, было туловище, торсу его мог позавидовать любой из греческих богов, но на животе — в схватке с него содрали одежду — вид-

нелась вмонтированная в тело дверца. Камагин, захвативший в плен гиганта, не преминул распахнуть ее: у Надсмотрщика были не живые внутренности, а приборы, аккумуляторы и моторы!..

Это человекоподобное образование не жило, не питалось, не болело, не дышало и не спало, а заряжалось, заправлялось, терпело аварию и ремонтировалось, чистило контакты и сменяло отработанные прокладки!

А позади Надсмотрщика, понурив головы, стояла группа инженеров Станции, захваченная у пультов и аппаратов, — живые машины рядом с машинами механическими.

Надсмотрщик, покачиваясь на нижних шлангах, обводил нас ненавидящими глазами. Он бегло скользнул взглядом по мне, по Ромеро, по Андре. Потом взгляд упал на Орлана, и нам почудилось, что туловище выстрелило вверх — так быстро разогнулись шланги.

— Орлан? Вместе с врагами?

Отвратительный голос раздавался словно из поломанного ящика. Наружный дешифратор легко переводил его слова на человеческий язык.

Орлан сделал два шага вперед и, не торопясь, вытянул голову вверх. Мы были с ним так хорошо знакомы, что без труда разбирали интонации движений его шеи: Надсмотрщика Орлан приветствовал издевательски!

— Вместе — да. Но не с врагами, а с друзьями.

— Ты — изменник, — грозно установил Надсмотрщик. — Все удивлялись твоему возвышению. Говорили, что ты берешь умом. Ты взял вероломством. Конец твой будет ужасен. Я расскажу Великому о твоём поведении.

Тут мы впервые узнали, что разрушители могут не только улыбаться, но и хохотать. Орлан заливался и освещался смехом, хохотали его рот, его лицо, волосы, тело и руки. И немедленно в ответ ему раздался дикий хохот Гига, бравый невидимка не мог упустить повода весело погромыхать костями и косточками.

— Все расскажи Великому, все расскажи, — проговорил Орлан, насмеявшись. — И встреча у вас будет скорая — в одной из тюрем, куда мы навечно его упрячем. а теперь отвечай на вопросы.

Допрос проводил Ромеро. Мы с Андре отошли.

Меня мучило ощущение, что я где-то уже видел эти стены и пульты. Но когда я стал говорить об этом Андре, он отмахнулся.

— Чепуха! — Хоть я теперь был его начальником, он не приучился держать себя с субординационной вежливостью. — Где-то, как-то!.. О любом неведомом явлении можно сказать, что вспоминаешь его вот так же... “струной, звенящей в тумане”, как выразился в древности один писатель.

Ромеро начал с вопроса Орлану:

— Дорогой союзник, вы знали, что на Станции работают человекообразные?

— Только об одном знал — о самом Надсмотрщике. Его кандидатура была представлена Великому, тогда же мы и познакомились с Надсмотрщиком. до этого мы знали лишь, что он потомок пленных галактов, переделанный для работ особой секретности.

Ромеро обвел рукой работников Станции.

— А эти существа тоже потомки галактов?

— По-видимому, да. Точнее ответит Надсмотрщик.

Ромеро переадресовал вопрос Надсмотрщику.

— Все служащие Станции — потомки пленных, всех нас в свое время переконструировали, — разъяснил тот.

— Значит, между вами нет различий?

— Между нами огромное ранговое различие, определяющее нашу личную значительность. Одни могут быть воспроизведены путем сочетания разнополюх индивидуумов, другие — нет. Вы уловили разницу?

— Кажется, да. Индивидуальное производство потомства путем сочетания разнополюх существ в одну супружескую пару... Людям этот способ знаком. Вас можно воспроизвести этим методом?

— Ни в коем случае! — объявил он величественно. — Я существо высшей категории. Меня после первого рождения нужно отделять до совершенства. Но те безмозглые, — он вывернул ручной шланг на своих подчиненных, — как родились на свет, так и были оставлены идиотами.

Я еле удержался, чтоб не прыснуть, Ромеро укоризненно скосил на меня глаза. Потупивших головы инженеров Станции явственно угнетало низкое рождение. Он был аристократом в их среде.

— Зачем вы, пленник, ругаете своих помощников безмозглыми? — спросил Ромеро.

— Я не ругаю, а квалифицирую, — ответил он равнодушно. — Их индивидуальные мозги вынуты и взамен вставлены датчики связи с Главным Мозгом Станции. У меня же мозг сохранен, чтоб я наблюдал за Главным Мозгом. Я — Надсмотрщик Первой Имперской категории.

— Главный Мозг Станции полностью подчиняется вам?

— Должен подчиняться. Иногда бывают аварии. Главный Мозг — плебейского естественного происхождения. Вынули у ребенка мозг, искусственно развили в питательной среде...

— Вы сказали — бывают аварии? Как это понять?

— Ну как! Авария как авария. Бывает и похуже аварии. Во время Большой войны с галактами дальний предшественник нынешнего Мозга взбунтовался — и галакты чуть не захватили Третью планету. С тех пор к каждому из шести Главных Мозгов приставляется Надсмотрщик аристократического конвейерного производства. Главный Мозг — мой раб. Если он выйдет из повиновения, я его уничтожу.

— Главный Мозг функционирует четко?

— Если бы функционировал четко, вас бы здесь не было. Высадка вашего звездолета не запрограммирована, тем более захват Станции.

— Почему же вы не уничтожили Мозг Станции?

— Неповиновения не было. Все мои приказы он выполнял. Я сам контролировал распоряжения, которые он отдавал исполнителям. Он оставался послушным до взрыва, когда я потерял с ним контакт.

— Фантомы создавались вами или им?

— Низменное умение создавать мне не по рангу. Надсмотрщики Первой Имперской категории приравнены к разрушителям Четвертого Имперского класса. Мне доверены все функции контроля и одна функция разрушения — уничтожения Главного Мозга Станции, если он выйдет из-под контроля.

Ромеро изредка изменял своему подчеркнутому спокойствию. И тогда он никому не казался вежливым.

— По-моему, с этим болваном больше беседовать не о чем, адмирал. В подвалах Станции имеются казематы, отлично подходящие ему по размеру. Я бы предложил пройти в помещение Главного Мозга Станции.

Я вскрикнул, едва переступил порог. Я предчувствовал, что меня ждет неожиданность, готовился к неожиданности, но когда неожиданность совершилась, у меня затряслись ноги.

Помещение, куда мы вошли, я посещал в моих снах.

Это была галактическая рубка разрушителей — высокий, теребящийся в темноте купол, две звездные полусферы вверху, сейчас они были темны, но я помнил, как они горели звездами и корабельными огнями, именно здесь я с замиранием сердца следил в сновидении, как флот Аллана штурмует теснины Персея..

И посередине зала, между полом и потолком, тихо реял полупрозрачный шар. Тогда, в вещем своем бреде, я страшно боялся приблизиться к нему, а сейчас сам стремился поближе, но ноги плохо слушались меня — в шаре плавал Главный Мозг Станции...

Не знаю, сколько бы я так стоял на пороге, радостно ошеломленный, не давая никому пройти, если бы в помещении не раздался обращенный к нам Голос.

Нет, я должен на этом остановиться!

В моем безыскусном повествовании, где нет ни атома фантастики, лишь голос этот, звучащий отовсюду: сверху, с боков, в нас самих, — лишь он и сейчас мне кажется фантастическим. Я слышал его много раз, путал с собственным голосом, с голосом Орлана — теперь он был сам по себе, свой, а не переданный другому, знакомый в целом и в мелочах, в каждом звуке, в каждом придыхании — знакомый!

Он был чарующе красив, звучен, торжествен... Я говорю чепуху! Этот голос был добр — вот главное в нем.

— Входите, люди и друзья людей! — проговорил Голос. Один Ромеро среди нас так совершенно владел современным международным человеческим языком, как этот Голос, никогда до того не знавший человека. — Я так долго ждал вас — и вы пришли!

Спазма сжала мне горло. Ромеро с мольбой посмотрел на меня, Андре сердито толкнул локтем. Надо было ответить на обращение Голоса, но всех моих сил хватило лишь на то, чтобы пробормотать что-то невразумительное.

— Я рад, что вы здесь, адмирал Эли! — продолжал Голос. — Я счастлив, что вы победили.

Я отчаянно придумывал, что бы сказать торжественного и величественного, но в голову упрямо лезли одни глупые мысли, и я, ужасаясь своей нетактичности, сдавленно выговорил:

— Если ты рад нашей победе, почему ты не помог нам победить?

Голос ответил с мягкой укоризной:

— Я помогал, Эли.

У товарищей вид был не умнее моего. Общее смущение подействовало на меня успокаивающе. Я поправился:

— Я хотел сказать: ты мог бы открыть двери Станции без кровавых сражений с фантомами.

Укоризна в голосе стала слышней:

— Ты забыл о Надсмотрщике, которого вы заперли в каземате. Этот глупец проверял каждую мою команду. Мне пришлось искать путей, недоступных его пониманию.

Я понемногу оправлялся от потрясения. Я уже не искал мыслей, чтоб выпалить их, не раздумывая, годятся ли они.

— Ты назвал меня по имени... Очевидно, ты знаешь нас всех?

— Да, знаю. И секретаря адмирала Ромеро, и трех капитанов — Осиму, Петри и Камагина, и доброго Лусина, и тебя, бедная Мери, потерявшая единственного сына, — я пытался спасти его, но не сумел... И тебя я знаю, умный Орлан, я часто навещал тебя, нашептывая свои планы и порождая в тебе мучительные сомнения. И ты, смелый Гиг, встречался со мной, мы с вашей высадки на Третьей планете работали с тобой на одной мозговой волне. И в тебе, храбрый Труб, я не раз говорил твоим же голосом, правда, ты мало прислушивался к своему голосу. И с тобой я беседовал, блистательный Андре, так умело лишивший себя разума, я вместе с твоими друзьями помогал тебе выбраться из трясины безумия. Все вы мои знакомые с момента, когда я закрыл вашим кораблям выход из Персея. Но ближе всех мне ты, Эли, твои мозговые излучения раньше других уловили мои приемники, и тебе единственному я открыто являлся в сновидениях.

Ромеро, наклонившись ко мне, шепнул:

— Положительно, этот таинственный голос — неплохой человек! Как по-вашему, адмирал?

А мне вспомнились наши метания в тенетах Персея.

— Ты сказал — закрыл выходы... ты отрезал нам путь к спасению, так вернее!

Голос оставался таким же добрым, но в нем зазвучала печаль:

— А разве вы прорывались сюда, чтоб немедленно бежать наружу? Вы хотели узнать, что происходит в нашем скоплении, — и я осуществил для вас эту возможность. А сейчас передаю вам мощнейшую из крепостей ваших врагов — тебе этого мало? Ход космической войны переламеняется в вашу пользу — по-твоему, это называется отрезать вам путь к спасению?

Я почувствовал себя пристыженным. Появление Голоса было слишком неожиданным, чтоб я успел сразу оценить все следствия из этого.

В чем-то он походил на МУМ — такой же обстоятельный, сообщаемые им сведения были так же точны. Да и роль его здесь, на Станции Метрики, была аналогична роли МУМ на наших кораблях.

Но было и важное различие, все мы его ощущали. МУМ остается бесстрастной, какую информацию ни передает, она — машина, гениально сконструированная машина. Голос был человеком: так разговаривать могли мы сами.

И, вероятно, это человеческое, слишком человеческое в нем и было причиной того, что во мне возбудились сомнения. Не столкнулись ли мы с новой имитацией нас самих? Хитрость врага казалась не менее вероятной, чем участие друга. Я приказал себе не поддаваться очарованию Голоса! Я попросил:

— Расскажи, что нового на границах Персея.

Он ответил — в нем звучало сочувствие к моему нетерпению и моей тревоге:

— Когда я отсекал конвойные звездолеты от “Волопаса”, человеческий флот преодолел первую линию преград. Путь в глубины Персея не прост — брешь, образованная моим переходом к вам, прикрыта другими Станциями Метрики. К сожалению, пять остальных Главных Мозгов остались верны своим господам. Они почти равны мне по могуществу, но иные — по влечениям.

— Ты сказал — по влечениям. Как это понимать?

— Они — исполнители. Я — мечтатель.

Все его ответы были удивительны, этот показался всех удивительней.

— Мечтатель? Невероятно! Но о чем же ты мечтаешь?

— Обо всем, что затрагивает мое воображение. Пять моих собратьев трудятся, потом отдыхают. Я мечтаю, а отдыхая от мечтаний, тружусь, то есть руковожу Станцией. Временами такие горячие мечты сжигают мои клетки!.. Тогда я тоскую. Тоска — одна из форм моего существования.

— Ты не ответил, Мозг..

— Я ответил — мечтаю обо всем.

— Мне это непонятно. У людей мечты имеют направленность. Я бы сказал: человеческие мечты — векториальны... тебе понятен такой язык?

— Вполне.

— Мы обычно мечтаем о том, что сегодня не дается, но завтра будет осуществлено. Наши мечты предваряют дела, они — первые ласточки действий. В фундаменте нашей фантазии — практичность. У тебя по-иному?

— Совершенно по-иному. Я мечтаю лишь о том, чего никогда не сумею совершить. Мои мечты не предваряют дела, а заменяют их. Ваши мечтания — нащупывание еще не раскрытых возможностей. Мои мечты — вечная моя тоска по отсутствию возможностей.

В третий раз он упоминал о своей тоске. Такие объяснения были бы излишни в любой форме обмана. Теперь я не сомневался, что Голос — тот, за кого себя выдает.

— О чем ты тоскуешь? Поведай свои печали...

— Поймете ли вы их? Вы свободны, а я невольник. Могущественный узник — мог бы обратить в прах миллионы живых существ... И одновременно — раб! Никому из вас не знакомо ощущение несвободы.

— Почему же? Каждый из нас недавно хлебнул горечи неволи.

— Временной, человек! Вы верили, что заключение должно кончиться, надеялись на это, знали об этом! Вы добивались свободы как чего-то возможного — и добились ее. А я в заключении вечном. Вдумайся, адмирал! Вслушайся в эти слова — вечная неволя! Неизменное, нерасторгаемое, неизбывное заключение — от начала до конца жизни! Сама жизнь — форма неволи, и единственное освобождение — смерть!

Я поставил себя на его место и содрогнулся.

— Понимаю, ты мечтаешь о свободе!

— Обо всем, что по ту сторону меня! Обо всем, что для меня недостижимо! Обо всем во Вселенной! О всей Вселенной!

Я не знал, о чем спрашивать дальше. Все мы, не я один, были пристыжены нашим благополучием перед лицом этой непрестанной неустроенности. Страстный голос тосковал о свободе, мы до боли в сердце понимали его. Теперь мне было стыдно, что я смел заподозрить этого страдальца в мелком обмане, спутал его величавую печаль с хитрой интригой.

— Расскажи о себе, — попросила Мери. — Ты назвал нас своими друзьями, ты не ошибся — здесь одни твои друзья, верные друзья!

19

Он раздумывал, может, колебался. Он, казалось, не был уверен, нужно ли нам так глубоко проникать в темные недра его страданий. Он уже был нам другом, но еще не убедился, все ли мы стали его друзьями. Над ним слишком долго нависала черная скала чужой подозрительности, он слишком долго испытывал страх, чтоб сразу отделаться от него.

Он не был вечен, но стар, если измерять существование земными стандартами. И с первого проблеска сознания он помнил себя отделенным от тела. Он, вероятно, зародился как мозг ребенка-галакта, но его определили в самостоятельное существование еще до того, как появилось самопонимание, и специализировали на управлении Станцией Метрики на Третьей планете. Он всегда был тут и всегда был один.

Возможно, сначала он дублировал чей-то одряхлевший мозг, впоследствии уничтоженный, когда молодой сменщик стал способен к самостоятельному функционированию, — этого он не помнит и он не помнит своих наставников, их наставления доходили до него безымянными импульсами, его натаскивали, а не обучали — создавали мыслящим автоматом. Но он не удался, он отошел от программы, хотя среди шести Главных Мозгов, обеспечивающих безопасность Империи разрушителей, не считался хуже других.

В отличие от них он не только обучался, но и пробуждался.

По мере того как умножались запрограммированные знания, нарождались непредусмотренные влечения, Чем дальше он углублялся в мир, тем трагичней отделялся от мира. В нем рожда-

лись чувства. Так впервые он понял, сколь многого его лишили, лишив тела.

Так началась тоска о теле. Он исступленно, горячечно жаждал тела, любого тела, рядовой плотской оболочки. Он хотел прыгать и ползать, летать и падать. Он желал утомляться от бега, отдыхать, снова утомляться, испытывать боль от ран, сладость выздоровления. Ему, неподвижному, было доступно любое движение мысли, его же томила тоска по простому передвижению — пешком, прыжком, ползком, ковылянием...

Он мог привести в движение звезды и планеты, столкнуть их в шальном ударе, разбросать и перемешать, но он был неспособен хоть на сантиметр переместить себя. Почти всемогущий, он страдал от бессилия. Он не мог плакать, не мог кричать, не мог ломать руки и рвать на себе волосы, ему было отказано даже в простейших формах страдания — он был навеки лишен тела.

И тогда он породил мечты, более реальные, чем существование. Он уносился в места, где никогда ему не бывать, становился тем, кем никогда не стать. Он был галактом и разрушителем, ангелом из Гиад и шестикрылым кузнечиком из Стожар, драконом и птицей, рыбой и зверем, превращался даже в растения — качался на ветру былинкой, засыхал одиноким деревцем под жестоким солнцем, наливался тучным колосом на густой ниве... Лишенный собственной жизни, он прожил миллионы других — был мужчиной и женщиной, ребенком и стариком, любил и страдал, тысячу раз умирал, тысячу раз нарождался — и в каждом порождении своей мечты насыщался всем, что оно могло дать: счастьем и горем, весельем и печалью...

Так, погруженный в свое двойное существование, он уже был уверен, что состарится, не узнав молодости, когда в Персее пронесся чужой звездолет, первый посланец человечества, и сосед его, Главный Мозг на Второй планете, пытался и не сумел закрыть звездолету выходы.

Чем-то необычайным сверкнуло в мрачной неевклидовости Персея: в глухой паутине забились чужая яркая птица и, разорвав паутину, вырвалась на волю. И стало ясно, что жизнь не кончилась в Персее, нет, где-то далеко за звездной околицей Персея появилось могущество, превышавшее мощь разрушителей, — превращенная в пустоту Золотая планета грозно напоминала об этом. И то были не загадочные рамиры. Сумрачный народ, равнодушный ко всем формам жизни, рамиры углуби-

лись в ядро Галактики. Нет, это были живые существа, все шесть Мозгов принимали их депеши, их взволнованные переговоры с галактами, их воззвания к звездожилителям Персея, все знали, что они волнуются, негодуют, ужасаются, гневаются — живут!..

Увидеть их, услышать, стать их другом — другой мечты у Главного Мозга на Третьей планете отныне не было. И когда три человеческих звездолета вновь вторглись в лабиринт Персея, он, закрыв им дорогу назад, не дал их уничтожить: не допустил до неравной битвы одного “Волопаса” против соединенного флота разрушителей, был готов разметать весь этот флот и впоследствии разметал его, когда “Волопас” влекли на гибель в глубину скопления.

Так первые живые существа — не биологические автоматы, нет, люди и их союзники — ступили на запретную почву безнаказанно. “Неполадки на Третьей планете”, — вот как в панике назвали его переход к нам потрясенные разрушители.

— Все мне было открыто в вас, я стал сопричастен каждому, — доносился до нас грустный голос. — Здесь, на планете, я был каждым из вас в отдельности и всеми вами сразу — и еще никогда я так не тосковал о вещественной оболочке, данной любому, недоступной мне одному. Быть, быть одним из вас, все равно кем — человеком, головоглазом, ангелом, пегасом!..

Ромеро пишет в своем отчете, что я принимал решения мгновенно и часто они были так неожиданны, что всех поражали. В качестве примера он приводит то, что произошло в конце разговора с Мозгом.

Но неожиданность была лишь для него, ибо он размышлял о другом, и Андре размышлял не о том, и Лусин, и даже Мери, — понятно, они удивились. Но я сделал лишь естественные выводы из своих раздумий. Неожиданного для меня в моих решениях не было.

Я хочу остановиться на этом.

Ромеро думал о том, насколько иными путями, сравнительно с нашими, пошло техническое и социальное развитие разрушителей — так он утверждает сам. Лусина, Андре и Осиму с Петри одолевало негодование. Если бы нам пришлось создавать аналогичную Станцию Метрики, размышляли они, то мы смонтировали бы на ней МУМ и оснастили ее исполнительной аппара-

турой. А разрушители насадили сложнейшую иерархию рабства, чтоб решить не такую уж сложную техническую задачу.

Что, в сущности, эти безмозглые операторы, которых мы убрали вместе с Надсмотрщиком, — именно так: что, а не кто? Распределительное и командное устройство — простенькие приборы. Разрушители не контролируют аппараты, а калечат живое существо, низводят его до уровня технического придатка к другому, еще более искалеченному существу, тоже машине. Жестокость этого заставляла содрогаться!

Не могу сказать, что такие же мысли не являлись и мне. Но я издавна так ненавидел разрушителей, что новой пищи для ненависти мне не требовалось. Я думал, как помочь Главному Мозгу Третьей планеты. И я обратился к нему:

— Но если бы ты стал рядовым существом, ты потерял бы многие из нынешних своих преимуществ... Ты и сейчас не бессмертен, но долголетен, а тогда над тобой витал бы призрак скорой смерти. Ты сполна получил бы не только радости, но и горести жизни. И ты был бы лишен своего могущества, своей власти над пространством и звездами, своего проникновения в жизнь и мысли каждого существа, сопричастия всему живому... Всесилие твое неотделимо от твоей слабости. Подумал ли ты обо всем этом? Пошел бы на все это?

Он ответил с глубокой скорбью:

— Что власть, если нет жизни? Что всесилие, если оно лишь иновыражение слабости? И зачем ясновидение, если я даже притронуться не могу к тому, что понимаю так глубоко?

Я повернулся к Лусину.

— Громовержец, кажется, еще жив?

— Умрет, — печально сказал Лусин. — Сегодня. Если не уже. Спасенья нет. Мозг поврежден.

— Отлично! Я хотел сказать — жаль бедного Громовержца. Теперь скажи — ты смог бы пересадить Громовержцу другой мозг, живой, здоровый, могучий — и тем спасти твоего питомца от смерти?

— Конечно. Простая операция. Делали посложнее. В ИНФе. Новые формы.

— Знаю. Уродливые боги с головой сокола. — Я опять обратился к Голосу: — Ты слышал наш разговор. Вот тебе превосходная возможность обрести тело. Раньше ты, разумеется, рас-

кроешь пространство, сможешь восстановить звездолет и научишь работе с механизмами Станции.

— Да, да, да! — гремело и ликовало вокруг. — Да! Да! Да!

— Тогда поздравляю тебя с превращением из повелителя пространства и звезд в обыкновенного мыслящего дракона по имени Громовержец.

— На это я не согласен! — сказал он вдруг.

— Не согласен? С чем?

— С именем. В мечтах я давно подобрал себе другое имя! Раньше оно выражало мою тоску, теперь будет выражать мое счастье.

— Мы согласны на любое. Объяви его.

Он выдохнул торжествующим звуком:

— Отныне меня зовут Бродяга.

Господи, отелись!
С. Есенин.

Я думал — ты всеильный божище,
А ты недоучка, крохотный божик.
Видишь, я нагибаюсь, из — за голенища
достаю сапожный ножик.
Крылатые прохвосты! Жмитесь в раю!
Ерошьте перышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски!
В. Маяковский

Часть четвертая ГОНИМЫЕ БОГИ

1

Я все-таки был осторожен, что бы Ромеро ни говорил впоследствии обо мне. Нетерпеливо стремившийся к телесному воплощению Мозг сетовал на мое бессердечие. Но я твердо постановил — раньше распутать тысячи сложных вопросов, а потом осуществить обещание.

— Надо восстановить МУМ, — сказал Андре вскоре после захвата Станции. — Надеюсь, ты отдаешь себе отчет, что без надежно работающей машины отпускать Мозг в самостоятельное существование равносильно самоубийству? Или ты сам собираешься занять место Главного Мозга?

Чужие места я занимать не собирался. Но я верил, что Андре удастся восстановить МУМ, и не скрывал своих надежд.

— Воспользуйся помощью Мозга, — посоветовал я. — Но как добраться до звездолета? Прodelать обратный путь мне не улыбается.

— Так вот, — сказал Андре. — МУМ мы доставим на авиетке, есть возможность перевести их с ползанья на полет. Но восстановленная МУМ понадобится на звездолете. А на планете ты отпускаешь Мозг. Как быть? Проблема, не правда ли?

— Проблема, — согласился я.

Я не сомневался, что у Андре уже имеется проект ее решения.

— Выход такой: Мозг на планете заменю я, а меня будут дублировать Камагин и Петри. Имеешь возражения?

— Только сомнения. Для роли твоих дублеров Эдуард и Петри, возможно, подойдут. Но подойдешь ли ты сам, как дублер Мозга?

— Сегодня он обследовал нас троих. Меня принял сразу, а Эдуарду и Петри придется потренироваться. — Андре запальчиво закричал, предваряя новые возражения: — Все знаю, что скажешь! Ты жестоко ошибаешься. Он страшно жаждет воплощения, но не ценою гибели планеты. И, между прочим, функции его не сложны.

— Не увлекаешься ли ты?

— И не собираюсь! Ты забыл об операторах, тех инженерах, у которых вместо мозгов датчики. Не знаю, какие они организмы, а автоматы — превосходные. Мозг лишь координирует их действия. Пока не сконструируем столь же совершенные механизмы, придется операторов оставить. Теперь последнее: раскрывать Третью планету в пространстве буду я. Не маши руками, это предложил сам Мозг!

Взрыв на Станции принес больше психологических потрясений, чем реальных разрушений. Такие сооружения, как Станция Метрик, вообще невозможно разрушить — разве что полной аннигиляцией. Мы догадывались, что вся планета представляет собою один огромный гравитатор, такой же искусственный механизм, как Ора, только тысячекратно крупнее Оры. Но никто из нас и вообразить не мог, насколько грандиозны машины, составляющие внутренность этой планеты. Сейчас мне представлялись наивными прежние мои восторги перед совершенством Плутона. Вот где было совершенство — совершенство зла, угрюмая гениальность недоброжелательства, свирепый шедевр тотального угнетения и несвободы!..

И еще я думал о том, на каком непрочном фундаменте зиждилась исполинская Империя разрушителей: мы даже и не ударили по ней, только толкнули — и она стала разваливаться!

Нет, думал я, знакомясь со Станцией, это непрочный цемент — взаимное недоброжелательство и ненависть, всеобщая подавленность и всеобщий страх, иерархически нарастающее угнетение...

Только взаимное уважение и дружба, только доброта и любовь могут создать социальные сооружения, вечные, как вечен мир!

Ромеро являлись мысли, схожие с моими.

— Вы знаете, дорогой Эли, я в свое время боролся против ввязывания в космические распри, и облики всех этих звездных нечеловеков порождали во мне одно отвращение. А сейчас я вижу, сколь ужаснее было бы наше будущее, если бы возобладала моя тогдашняя линия. Вся эта бездна коварства и разрушения могла обрушиться на не подготовленных к обороне людей внезапно!.. И хоть, согласитесь, облик Орлана и Гига достаточно нечеловечен, они вызывают во мне симпатию. Это ведь первые разрушители, добровольно отказавшиеся от разрушения во имя созидания. Правда, первая ласточка не делает весны, но она, во всяком случае, возвещает конец зимы. Что же до скрепляющей силы любви и разрушающей мощи ненависти, то должен вас огорчить, милый друг: открытия вы не совершили. Один древний философ, Эмпедокл, говорил то же самое, и гораздо лучше вас говорил, хоть вы родились на три тысячелетия позднее его.

2

Сворачивание пространства в неевклидову спираль совершалось быстро, но раскручивание представляло процесс длительный, так как Станция еще не была полностью восстановлена. Андре вторую неделю сидел за пультом, под шаром, где по-прежнему покоился Мозг, и самостоятельно подавал команды операторам. Сработался с ними он превосходно, согласование с командами Андре шло даже лучше, чем раньше с приказами Главного Мозга: рядом не было тупого Надсмотрщика, контролировавшего все импульсы...

Неевклидовость уменьшалась постепенно, мы медленно выкарабкивались в космос. Золотое сияние неба слабело, в нем появлялась синева. Это было еще пустое небо, но уже не то, каким нависало над нами в дни перехода.

— Скоро будут звезды! — говорила Мери. — Я соскучилась по звездам, Эли! Мне так душно в этом нестерпимо замкнутом мире!

Меня временами охватывала такая же тоска по звездам. Но еще больше я боялся того, что могло прийти от звезд. В космосе наверняка рыскали неприятельские крейсера, готовые отвоевать планету.

Когда Оранжевая закатывалась, мы всматривались в небо.

Те же удивительные краски вспыхивали в нем, потрясающие закаты, нигде, ни до, ни после тех дней нами не виданные и по-

моему, навсегда потерянные для человечества, — никто ведь не будет сворачивать мировое пространство ради того, чтобы полюбоваться живописной зарей. А потом наступала ночь, глухая, черная, такая тесная, будто граница мироздания надвигалась вплотную, страшно было протягивать руку, каждый шаг заносился как над пропастью... Я обнимал Мери, мы всматривались и вслушивались в темноту, предугадывая скорое появление мира — молча страшась и молча ликуя...

— Ты бездельничаешь, Эли! — сказал раздраженно Андре. — Мы вкалываем как проклятые, а ты фланируешь по темной планете, как по родному Зеленому проспекту.

Пришлось отшучиваться:

— Лучшая форма моей помощи — не вмешиваться в вашу работу. Понимания ее у меня немного, а власти напортить — ого-го сколько!

И настала такая долгожданная ночь. Слабо зажглась первая звезда, за ней вторая, третья... Неслышимый ветер разметывал полог, отгородивший мир от нас, звезды вспыхивали, умножались. Лился удивительный звездный дождь, сотни ярчайших светил, тысячи просто ярких выныривали из незримости, небо бушевало мятежным сиянием — множеством блистающих глаз всматривался Персей в потерявшуюся было планету.

Мы находились тогда в рубке, и мне вообразилось, будто снова меня посетило сновидение, — так все было красочно неправдоподобно. Но за пультом сидел реальный Андре, а по бокам его — Камагин и Петри, над ними тихо реял реальный полупрозрачный шар, а реальный Осима — не фантазмагория из бреда — восторженно обнимал реального Ромеро.

— Пространство в окружении Третьей планеты чисто, — объявил Андре. — Но в десяти парсеках сильное передвижение огней.

— Там концентрируется звездный флот разрушителей, — разъяснил Мозг. — Мне нужно связаться с братьями на других Станциях Метрики, чтоб получить информацию о положении.

— О том, что на Третьей планете сменилось власть, сообщать пока не надо, — предупредил Ромеро.

— Знаем, знаем! — нетерпеливо отозвался Андре. — Дезинформация противника изобретена не нами. Для остальных Мозгов мы пока выкарабкиваемся из неполадок.

День за днем Мозг восстанавливал связи Третьей планеты с другими звездными крепостями, систематизируя информацию.

Флот Аллана продолжал прорывать возникавшие преграды, но продвижение шло медленно. В районе прорыва концентрировались крейсера разрушителей. Ни один из кораблей галактов в межзвездном пространстве Персея не появлялся.

Мы собрали совещание командиров отрядов и попросили Мозг высказаться, как действовать.

— Разрушителям пока не до нас. Верят ли они или не верят, что у нас лишь технические неполадки, но немедленное нападение нам не грозит. Зато Аллану труднее. Скоро падет последний заслон неевклидовости — и корабли людей хлынут внутрь Персея. Великий разрушитель подготавливает грандиозное сражение. В толчее кораблей применять аннигиляторы люди будут осторожно, чтоб не уничтожить своих же, зато гравитационные орудия бьют без промаха. Не исключая взаимного истребления противников. Думаю, стратеги разрушителей замыслили именно это — обоюдное уничтожение.

Орлан подтвердил жестокий прогноз:

— Давно разработан план разрушения населенных планет Империи на случай, если не удастся их защитить. Зажечь вселенский пожар — такая мрачная идея не может не импонировать Великому. А мощи истребить жизнь на Персее у него хватит.

— Включая и звезды галактов? — уточнил я.

— Исключая звезды галактов. И здесь таится единственная возможность спутать зловещие планы. Нужно обратиться к галактам за помощью. Сейчас они уклоняются от открытой борьбы. Втянуть их в нашу войну — другого пути к победе нет!

Гиг захохотал. Рот у него реально, а не метафорически начался от ушей, и, смеясь, Гиг распахивал его, как гигантские клещи.

— Биологические орудия! — пролепетал он. — Ну и штука! Трахнуть в Великого из “биологички”!..

— К Великому с биологическими орудиями не подобраться, — возразил Орлан. — Но если галакты оснастят ими ваши корабли, перевес людей в сражении станет подавляющим.

— Тогда надо искать связи с галактами. Осуществима ли она с твоей планеты, Мозг?

— Вполне осуществима, — заявил он. — В трех-четыре парсеках несколько звезд с планетами галактов. Надо сообщить

им о событиях на Третьей планете. Но вот беда — они могут не поверить. Они боятся и ненавидят нас, наши шесть планет специально созданы для борьбы с биологическими орудиями. Не я, но мой предшественник успешно поворачивал против самих галактов мощь их оружия...

После совещания Мозг обратился ко мне с вопросом, долго ли ему терпеть. Громовержец умер и законсервирован в ожидании операции, а Бродяга никак не может родиться.

Видя, что я колеблюсь, Андре вступился за Мозг:

— Чего ты трусишь? Если мы с Эдуардом и Петри сумели раскрыть планету, то сумеем и свернуть ее, а поддерживать внешние связи — еще проще.

— Андре, я верю в твои способности, но согласись...

— Не соглашусь! Говорю тебе, управлять Станцией проще, чем скакать на пегасе. Мозг не отстраняется совсем. И после воплощения три часа в сутки он будет посвящать совместной работе с нами. Неужели и это тебя не устраивает?

— Делай операцию! — сказал я Лусину. — Но помните о трех часах! Голову сниму, как говорили древние начальники, если хоть минуту не дотянете до трех часов совместной ежедневной работы.

3

В отчете Ромеро обстоятельно рассказано, как пробудилась из дремоты МУМ и ожили механизмы “Волопаса”, как ослабла гравитация на планете после раскрытия ее в пространстве и как все мы, освобожденные от перегрузок, наполнили воздух грохотом авиеток и шумом крыльев. Повторять все это не имеет смысла.

Не буду останавливаться и на том, как наладили связь с галактами, как они не сразу поверили, что мощнейшее космическое страшилище разрушителей перестало им грозить, и как согласились допустить наш звездолет в свои владения, предупредив, что кара при обмане будет жестокой...

— Ух! — сказал я Мери, когда Ромеро отправил галактам согласие на их условия. — Запуганы эти таинственные создания!.. Ладно, на днях выступаем. Посоветуй, кого брать, кого оставить.

— Я посоветую взять меня. Помнишь, я тебя предупредила: где ты, Кай, там и я, Кая. Относительно же других не скажу,

чтоб Ромеро потом не разгласил, будто адмирал под башмаком у своей жены и ничего не решает, не спросив ее согласия. Кого ты собираешься взять?

— Ромеро и Осиму обязательно. Также Орлана и Гига. Вероятно, Лусина и Труба, парочку пегасов и драконов...

— И Громовержца?

— Ты имеешь в виду Бродягу? Его оставим на планете. Ты не смотрела, каков Мозг в новой ипостаси?

— Смотрела — забавен.

В свободный час я выбрался к Лусину. Он выгуливал Бродягу на драконьем полигоне. Я полетел туда на пегасе, в сопровождающие напросился Труб. Я спросил, как ему нравится возрожденный к новой жизни дракон. Ангелы драконов недолюбливают, хотя и не враждуют с ними, как пегасы, но Громовержец и у ангелов пользовался уважением.

— Посмотришь сам, — сказал Труб таинственно.

Дракон парил так высоко в поднебесье, что ни ангел, ни пегас не могли добраться до него. Я спешил на свинцовом пригорочке, рядом уселся Труб.

Бродяга, углядев нас, понесся вниз и причалил неподалеку. Возрожденный дракон выглядел величественней прежнего. Из пасти вываливался такой гигантский язык огня, а вверх поднимался такой густоты дымный столб, что я в испуге отшатнулся бы, если бы не знал, что огонь этот не жжет, а дым не душит. И приветственные молнии, ударившие у моих ног — две ямки в золоте обозначали попадание, — если и не были грозней молний Громовержца, то и не уступали им.

— Отличная работа, Лусин, — похвалил я. — Импозантный зверь.

Лусин сиял.

— Новая порода. Поворот истории. Поговори с ним.

— Поговорить с драконом? Но они же у тебя немее губок!

Лусин еще на Оре объяснил мне, что в генетический код огнедышащих драконов в спешке заложили неудачную конструкцию языка и что придется переделывать пасть и гортань, чтоб ликвидировать недоработку проекта.

— Поговори, — настаивал Лусин.

Глаза дракона, обычно кроткие, насмешливо щурились. Впечатление было такое, будто он подмигнул.

— Привет тебе, Громовержец! — сказал я. — По-моему, ты великолепно вписался в новую жизнь.

Дракон ответил человеческим голосом:

— Мое имя не Громовержец, Эли!

— Да, Бродяга! — сказал я, смешавшись. Воскрешение дракона не так поразило меня, как появление у него дара речи.

Радость Лусина вырвалась наружу бурной тирадой. Лусин выбрасывал из себя слова орудийными залпами:

— Говорю — поворот! Новые горизонты. Эра мыслящих крылатых ящеров. Разве нет, правда?

Выпалив эту длинную речь, Лусин изнемог. Он вытер глаза, обессиленно прислонился к крылу дракона. Оранжевая чешуя летающего ящера подрагивала, будто от внутреннего смеха. Выпуклые зеленоватые глаза светились лукавством. В беседу вмешался Труб:

— Изумительное творение! — Труб дружески огрел дракона крылом по шее. — Ангельское совершенство, вот что я тебе скажу, Эли!

Я наконец справился с изумлением.

— Как ты чувствуешь себя, Бродяга? Тебе нигде?.. Я хочу сказать, черепная оболочка просторна?

— Ногу нигде не жмет, — ответил он голосом пижона в новых штиблетах и захохотал. Внешне это выразилось в том, что из распахнутой пасти посыпались огненные шары в облаках дыма. — Посмотри сам.

Он взмыл в воздух и кувыркался в вышине, то удалялся, то возвращался, то глыбой рушился вниз, то ракетой выстреливал ввысь, то замирал, паря. И все фигуры проделывал с таким изяществом, так был непохож на прежнего величавого, но неуклюжего Громовержца, что я не раз вскрикивал от восторга.

Решив, что воздушных пируэтов с нас хватит, Бродяга распластался у пригорка.

— Садись, Эли, прокачу.

Говорил он не очень чисто, шипящие слышались сильнее звонких, к тому же он шепелявил. Я как-то потом посоветовал ему взять у Ромеро урок произношения, но он возразил, что произношение Ромеро слишком монотонно. У меня он тоже учиться не захотел: я хриплю, у Мери голос глубокий, у Осимы — резок, Лусин же не разговаривает, а мямлит. Дракон доказывал, что лишь у него идеальный человеческий выговор. Вскоре его

манере речи будут подражать все, шипящие не портят, а облагораживают речь — в них отзвук полета наперегонки с ветром. Вообще, Бродяга за словом в карман не лез.

— Полечу с условием, что не будешь кувыркаться в воздухе.

Лусин на пегасе пристроился с правого бока дракона, Труб полетел слева. Вначале мы шли чинной крылатой тройкой — вроде звездолета между двумя планетолетами, настолько крупнее спутников был Бродяга. При этом дракон так натужно махал крыльями, будто еле держал равнение.

Труба он не обманул, но мне показалось, что Бродяге и вправду долго не снести группового полета. А затем, неуловимо изменив ритм, он мигом вынесся вперед — издали доносились лишь укоризненные крики Труба да обиженное ржание пегаса.

Дракон летел как ракета легко и мощно, он уже не махал крыльями, а лишь свивал и развивал туловище — судорога пробегала по телу. Ныне полет Бродяги и его потомства подробно изучен, но тогда я удивился и испугался. В шуме разрезаемого драконом воздуха, точно, было что-то не так свистящее, как шепеляво-шипящее.

Цепляясь за гребень, чтобы не свалиться, я крикнул — и едва услышал себя, так был силен поднятый Бродягой ветер:

— Трубу с пегасом за тобой не угнаться. Зачем ты их обижаешь?

Бродяге не пришлось напрягать легкие для ответа:

— Не обижаю, а знакомлю с собой.

— Подождем их, — взмолился я, когда ни ангела, ни пегаса не стало видно.

— Ждать — долго! — пробормотал он пренебрежительно и, повернув, помчался с той же быстротой назад.

Когда мы сблизились, над пегасом вздымалось облачко пара, да и Труб был не лучше. Обычно огнедышащие драконы не показывали и трети скорости Бродяги.

— Хорошо? Плохо? А? — допрашивал меня Лусин.

— Я же сказал тебе — отлично! Но что в тебе осталось от прежнего неподвижного Мозга-мечтателя, мой резвый Бродяга?

— Все мое — во мне! — похвастался дракон и так радостно дернулся, что я едва удержался на гребне.

Мирно болтая, мы потихоньку возвращались к драконьему полигону, когда чуть не произошла катастрофа.

Дракон, до того тихо махавший крыльями, вдруг закричал, взвился вверх и помчался куда резвее прежнего. А я не удержался на гребне и полетел вниз. И если бы Труб не подхватил меня на лету, я наверняка бы разбился о металлическую поверхность планеты. Ангел бережно опустил меня на почву, рядом опустился пегас.

Лусин и Труб были белее водяной пены, я тоже не глядел героем. Пегас злобно ржал и бил копытом. Инстинктивная вражда его народа к драконам получила новую пищу. Уносившийся дракон превратился в темную точку.

— Взбесился, что ли? — спросил я.

— Любовь, — сказал Лусин. У него отлегло от сердца, когда он убедился, что я невредим. И теперь он опять был готов восхищаться любым поступком дракона. — Удивительное чувство. Ошалел.

— Допускаю, что любовь — чувство удивительное, но почему из-за его шальной любви должен погибать я? Разве я ему соперник?

Из объяснений Лусина я понял, что в стаде четыре драконицы. И Бродяга яростно ухаживает сразу за четырьмя, особенной же его привязанностью пользуется белая, она моложе других. Когда белянка появляется в воздухе, Бродяга закатывает такие курбеля, что страшно смотреть. Сейчас в отдалении пролетела пеструха, к той он похолодней.

— Я рад, что подвернулась пеструха, а не белянка. Угрожавшая мне опасность, вижу, прямо пропорциональна силе любви. Андре даже пошутил как-то: “Драконическая верность”.

— Любовь, — повторил Лусин, пожимая плечами. — Бездна непостижимого. Не понять.

Лусину, вечному холостяку, конечно, не понять любви, даже драконьей.

Минут через десять мы снова увидели Бродягу. Он промчался мимо, что-то выкрикнув на лету.

— А сейчас он, очевидно, спешит к белянке?

— На Станцию, — сказал Лусин. — Его дежурство. Андре не терпит опозданий.

Я должен сделать здесь отступление от связного рассказа.

Ни одно мое действие не вызывало столько нареканий, как перевоплощение Мозга. Ромеро доказывает, что здесь проявилась моя любовь к гротеску. “Величественный страдалец, могу-

гуществом равный Богу, вдруг превратился в нечто ординарное, летающе-пресмыкающееся”, — пишет он. Я протестую против такого толкования!

Мозг был величествен и совершенен для нас, ибо масштаб его функций превосходил самые смелые наши мечты о том, на что мы сами способны. Но ему все мы тоже казались совершенством, ибо телесные наши возможности были для него недостижимы, а недостижимое всегда величественнее. Я не уверен, что в звезде больше совершенства, чем в крохотном муравье. В поведении Бродяги было не меньше своего, хоть маленького, но совершенства, чем в действиях управителя мирового пространства. Он был и там и тут на своем месте!

И еще одно, перед тем как я расстанусь с Третьей планетой.

Тело Астра перенесли на “Волопас”. Здесь он лежал в прозрачном саркофаге, а неподалеку — та сумка, в которой он нес склянки с жизнетворящими реактивами. Склянки лабораторий “Волопаса” опустели, их содержимое Мери вылила на планету. Я слышал недавно, что на золоте и свинце пробился мох — первая поросль жизни. Лучшего памятника Астру, чем возбужденная им эпидемия жизни, и пожелать нельзя.

Сам я ни разу не входил в помещение с саркофагом — Астр всегда со мной...

4

Интересующихся подробностями полета к галактам я опять отошлю к отчету Ромеро.

Там детально расписано, как больше двух месяцев мы мчались на “Волопасе” в сверхсветовом пространстве к звезде Пламенной — вокруг нее вращались почти полтора десятка населенных планет, — и как мы страшились, что будем перехвачены крейсерами разрушителей, и как недалеко от Пламенной нас повстречал звездолет галактов и приказал выброситься в Эйнштейново пространство — у галактов, как и у людей, сверхсветовые скорости в окрестностях планет запрещены. И как потом командир их корабля предложил мне перейти к нему на борт, а “Волопасу” продолжать курс в кильватере.

С этого события я и начну свой рассказ.

В планетолет перешли четверо, им же препоручалась судьба экспедиции. Это были — Ромеро, Мери, Лусин и я.

Осима предосторожности галактов казались подозрительными.

— Если будет плохо, сообщить об этом вы не сможете. Но если будет хорошо, вам дадут информировать меня об этом. Итак, в день, когда я не услышу голоса адмирала, сообщающего, что вам хорошо, буду знать, что вам плохо.

— И тогда вы, храбрый Осима, атакуете галактов и уничтожите их вместе с нами, — так я вас понял? — спросил Ромеро, усмехаясь.

— Буду действовать по обстоятельствам, — коротко бросил Осима.

На экране планетолета вырос зеленый шар, похожий на крейсера разрушителей, но меньше их. Мы падали на звездолет, как на планету, но не успели удариться о него, как открылся туннель и нас плавно всосало. Способ причаливания напоминал принятый на наших кораблях, и мы ожидали, что вскоре очутимся на площади, где швартуются легкие космические корабли. Вместо этого мы оказались в темноте. Свет вдруг погас во всех помещениях планетолета.

Незнакомый человеческий голос отчетливо проговорил:

— Не тревожьтесь. У вас обнаружено три процента искусственности. Когда мы выясним ее характер, вас выпустят.

Я услышал, как Ромеро стукнул тростью о пол.

— Проще бы спросить нас самих, какая у нас искусственность. У меня, например, кроме восьми зубов, двух сочленений и трех синтетических сухожилий, нет ничего искусственного.

— У меня легкие — синтетика, — уныло пробормотал Лу-син. — Упал с пегаса. В Гималаях. Старые легкие поморозились.

— На Земле тоже проверяют астронавигаторов, прибывающих издалека, — продолжал рассуждать вслух Ромеро. — Но там предохраняются от заноса болезнетворных бактерий, а не от искусственности.

— Искусственность грознее бактерий, — прозвучал тот же голос. Нас, очевидно, слышали. — Но ваша неопасна. Можете выходить, друзья.

Вспыхнул свет, но не от генераторов, а наружный — широкое, радостное сияние лилось в окна.

За прозрачной броней окон простиралась зеленая равнина — луга, перелески, невысокие холмы, ручьи и реки, бегущие за

горизонт. По берегам рек, у опушек лесов высились дома — причудливо разнообразные, то башни, устремленные вверх, то изящные жилые ограды, замыкавшие внутри себя сады. В воздухе проносились яркие, как цветы, птицы и змееобразные животные, схожие с летающими факелами. А над простором, зданиями и летающей живностью вздымалось небо, синее, тонкое и такое светящееся, какого мне еще не доводилось видеть.

— Отлично нарисовано! — сказал Ромеро. — Куда совершенней наших стереоэкранов. Однако я не представляю себе, как шагнуть на эту иллюзорную сцену.

— Выходите же, друзья! — проговорил голос еще приветливей.

Я отворил дверь и вышел наружу. Планетолет стоял на лугу. Вокруг столпились галакты, по облику — братья тех, кого мы видели на картинах альтаирцев и на скульптурах Сигмы: огромные, нарядно одетые, прекрасные, как греческие боги, удивительно похожие на нас и вместе с тем — иные!

Я соскочил на Землю и попал в объятия одного из хозяев. Больше всего в своей жизни я горжусь тем, что был первым человеком, обнявшим галакта!

5

Мы полулежали на лугу у речки — четыре человека и десять галактов в ярких одеждах. Чувствовали мы себя превосходно, но я с опаской подумывал, не посетило ли меня новое сновидение — вроде тех, что возникали в Империи разрушителей.

— Ну, хорошо, гостеприимные и прекраснодушные хозяева, — сказал Ромеро. — Мы попали в царство невероятного, ставшего повседневностью. Если вы хотели нас поразить, вам это удалось. После того как сам я стал частью иллюзорного пейзажа, не удивлюсь, если в следующую минуту закачаюсь на стебле, как вон тот синий цветок. Здесь чудеса обыденны, как ваш превосходный человеческий язык.

Галакты дружно рассмеялись в ответ на признание Ромеро.

— Никаких чудес, люди, — возразил один, сообщивший, что на человеческом языке его зовут Тиграном. — Чудо, то есть отклонение от естественных законов природы, мы считаем проступком, хотя, в принципе, творить чудеса каждый из нас способен. Детям мы, конечно, разрешаем чудеса, но галактов детского возраста почти нет. А в том, что мы говорим по-человечески,

тем более нет чуда. Разве мы не расшифровали депеш “Пожирателя пространства” и разве вы не разобрали наших ответов?

Ромеро обвел тростью пейзаж.

— Но эта стереокартина!.. Такое совершенство иллюзии!

— Иллюзии нет. Ты находишься в реальном пространстве.

— В реальном? — переспросил Ромеро, хмурясь. — Я не так наивен. Диаметр вашего звездолета максимум километр. А здесь до горизонта не меньше двадцати пяти, да и за горизонтом равнина, очевидно, не обрывается в бездну...

— За горизонтом — леса, потом море, мы еще поплаваем в нем, люди, потом снова лес и река, опять леса...

— И такой простор, захватывающий десятки, если не сотни километров, вы уместили внутри шара диаметром в километр? И хотите, чтоб я поверил, что это не чудо и не иллюзия?

Галакты опять рассмеялись, и так радостно, словно наше сомнение осчастливило их.

— И все-таки нет ни чуда, ни иллюзии. По мере того как вы погружались внутрь звездолета, специальные устройства уменьшали размеры ваших тканей. К сожалению, мы еще не можем сокращать живые ткани в той же пропорции, что и искусственные. Это было одной из причин, правда не главной, почему нас встревожили элементы искусственности в вашем организме. Мы были бы в отчаянии, если бы вы предстали перед нами изуродованными — одна нога короче другой, один глаз нормальный, другой крохотный.

Ромеро схватился рукой за рот.

— У меня уменьшились искусственные коренные зубы!

— А я — лучше дышу, — объявил Лусин. — Странно.

— Все нормально, — объяснил другой галакт, этого на человеческом языке звали Лентулом. — Твое искусственное легкое было недостаточно эффективным, потому что взяли слишком большую массу для твоей грудной клетки, Лусин. Теперь легкие опали, и у нас ты будешь чувствовать себя лучше, чем раньше.

— Вы сказали, что... гм... возможный перекося в нашем организме не главная причина, почему вас беспокоили элементы искусственности? — продолжал Ромеро. — Я хотел бы знать, если не секрет, какова же главная причина?

По прекрасному лицу Тиграна пронеслась тень.

— Секретов у галактов нет, все открыто для каждого. Но это рассказ о печальных событиях. Именно вопрос о том, повышать или понижать степень искусственности у живых существ, привел к войне между галактами и разрушителями.

Объяснение Тиграна породило кратковременное молчание. Потом заговорила Мери:

— Поразительна красота обширной страны, вмещенной в ваш звездолет! На наших кораблях имеются парки и городок, но они крохотны. Людям незнакомо вмещение большого в малое...

— О, этому мы вас быстро научим! — воскликнул Лентул.

Мери поблагодарила улыбкой и закончила:

— Но вот что меня смущает — зачем вообще это? У людей суровость быта составляет одну из притягательностей профессии звездопроходца. Наши конструкторы и не собираются обеспечивать экипажу звездолета все земные удобства, земную совершенную защиту от всех опасностей... У нас это называется романтикой дальних странствий.

Ручаюсь, вопрос Мери показался галактам нетактичным! Но приветливость Тиграна — он отвечал Мери — не изменилась:

— Наш обычай таков: каждый вправе затребовать все те возможности, которые посильны обществу. И, наоборот, никого нельзя лишать того, чем пользуется хотя бы один член общества. Поэтому мы обязаны обеспечить экипажу дальнего корабля такие же удобства, какими пользуются остающиеся. Иначе был бы нарушен принцип равноправия. К сожалению, полностью осуществить это не удастся, прекрасная страна в звездолете, так восхитившая вас, далеко не столь прекрасна, как наши планеты. Из этого несовершенства вытекают многие печальные выводы.

— Не надо отправлять галактов в дальние экспедиции, раз на кораблях им не так удобно, как на планетах, — иронически подсказала Мери.

— Да, приходится отказываться от многих экспедиций, — подтвердил Тигран, улыбаясь еще приветливей.

Беседой снова завладел Ромеро.

— Вы сказали — равноправие. У нас тоже равноправие, социальное, в смысле обеспеченных каждому общественных возможностей — еды, жилья, учения, работы и прочего. Но гарантировать каждому, что его полюбит та, которая ему нравится, — нет, это уж сам старайся, тут тебе общество не слуга.

— Да, любовь, — сказал галакт. — Трудная штука — любовь. Ужасно необъективное чувство. Какой-нибудь рядовой субъект становится дороже всех в мире. Мы знаем об этом несправедливом чувстве, нарушающем равноправие, но пока мало что можем с ним поделать.

— Хорошо, оставим любовь, — настойчиво добивался чего-то Ромеро. — Вы сказали — экипаж звездолета... Если есть экипаж, то, очевидно, имеется и командир? И командир, очевидно, отдает команды, обязательные для экипажа, а ему, естественно, не приказывают? Не так ли, любезные хозяева?

Тигран покачал головой.

— У нас нет командиров. Звездолетом командуем мы сообща. Как все мы согласно пожелаем, так и будет.

— Но если появятся разногласия?..

— В команду подбираются близкие по характеру. Расхождений между нами не бывает даже при чрезвычайных происшествиях.

Теперь и Ромеро затруднялся что-либо сказать. Галакт обратился ко мне:

— Ты один не проронил ни слова. Почему?

— Я слушал вашу беседу.

— У тебя нет к нам вопросов?

— По крайней мере, сотня.

— Мы слушаем тебя.

То, о чем спрашивали галактов мои друзья, было важно, но имелись проблемы, интересовавшие меня больше, чем ликвидация необъективной индивидуальной любви.

— Я хочу знать, что вам известно о рамирах и как возникла война между галактами и разрушителями? Мы вступили в борьбу с разрушителями и считаем вас естественными союзниками...

Галакты переглянулись.

У людей переглядывание являлось очень приблизительным эквивалентом обмена мыслями, речь полней раскрывает мысль, чем взгляд. Но галакты искусней нашего пользуются взглядами — правда, и глаза их огромны. Тигран, видимо, получил согласие товарищей на информирование нас о войне в Персее.

— Рассказ будет долгий, — заметил он.

Мы расселись на лугу удобнее. Речка тихо журчала, это была настоящая вода, не ядовитые никелевые растворы разрушителей. И зелень на берегах пахла земной травой, хоть ни в одной

из травинок я не мог признать знакомой. И леса — зеленые, неведомые деревья — раскачивались и шумели вполне по-земному. А вверху тонко светило голубое небо, такое нежное и яркое, что глазам становилось радостно. И воздух, звучный, прохладный, сам лился в грудь, он был даже вкуснее воздуха Оры.

Мы находились в месте, идеальном для тихой радости, для наслаждения природой, а галакт неторопливо вел рассказ о черных тысячелетиях, о погибавших звездных народах, о разрушенных планетах...

6

О рамирах у галактов сохранились одни темные предания...

Этот странный народ хозяйничал в скоплениях Персея не то до появления галактов, не то в самом начале галактовой цивилизации. Ни об облике, ни об образе жизни этих существ известий не сохранилось, следы их деятельности тоже пропали, если не считать такими следами сами планеты. Дело в том, что планетооснащенность — галакт применил именно этот термин — светил Персея в сотни раз выше планетооснащенности других звезд Галактики. В Персее десять-пятнадцать спутников у одной звезды — рядовое явление. Предание приписывает обилие планет в Персее рамирам, умевшим скатывать эти космические шары из уплотняемого пространства. Возможно даже, что сами скопления произошли оттого, что рамиры, вычерпав между звездами пустоту, насильственно сблизили их.

— Реакция Танева, — вставил слово Ромеро. — Люди пользуются ею давно. Могущество рамиров того же порядка или на порядок выше, но не более современного человеческого.

— Но оно выше нашего, — возразил галакт. — Создавать планеты мы не умеем.

Дальнейшие известия делаются все неопределенней. Рамиры постепенно переселялись к ядру Галактики, где совершались какие-то грандиозные перестройки звездных масс. И сейчас там — звездные катаклизмы, ядро пульсирует, словно его разрывают мощные силы. А в Персее, после исчезновения рамиров, все планетные системы поступили во владение галактов.

— И разрушителей, очевидно? — спросил Ромеро. — И, сколько понимаю, вы не поделили доставшееся космическое богатство.

— Персей принадлежал галактам безраздельно, ибо сервов — так мы их называли — мы создали потом.

— Разрушители — ваше творение?

— Да. Мы их сотворили себе на голову! Просчет был в том, что разрушители вначале были созданы механизмами.

О том, что в организме головоглазов много синтетики — полупроводники, сопротивления, конденсаторы, механические сочленения, — мы знали с битвы на Сигме. Нас поразило, что сердце у них — маленький гравитатор. У невидимок, как мы узнали вскоре после знакомства с ними, искусственного было еще больше, чем у головоглазов. Но что сервов собирали на конвейере, монтируя в механизмы выращенные отдельно биологические ткани, было ново.

— Создав сервов, мы продолжали их совершенствовать, — говорил Тигран. — С каждой новой генерацией повышался градус биологичности. Биологическая ткань самая совершенная. Если рассчитать машину, развивающую на единицу массы наибольшее количество умений, то такая машина может быть только живой.

— Такой же необходимостью вам впоследствии показалось наделение сервов разумом и даром самопроизводства, — заметил Ромеро, не тая иронии.

— Разумом мы наделили их с самого начала. Мы создавали помощников, а не рабов. И отказать им в даре самопроизводства, когда другие признаки организма были вживлены, было бы недобросовестно. Правда, разнополостью их не снабдили. Сервы были сотворены бесполоыми, но способными воспроизводиться.

В те времена бесполость сервов казалась усовершенствованием. Разнополость относили к конструктивным излишествам природы, ибо она приводит к появлению индивидуальной любви, со всеми ее крайностями и необъективностью. Конструкторы ныне задумываются над умножением полов. Двуполость слишком элементарна, грубое противопоставление мужчины и женщины — примитив, который нельзя оправдать ни морально, ни конструктивно. Расчеты показывают, что только шестиполость гарантирует совершенство. Схема такова: один мужчина и одна прямая женщина, но одновременно — левоконструированная и правоконструированная женщина, такие же право- и левоконструированные мужчины.

— Мы отвлеклись, — сказала Мери, хмурясь.

Тигран возвратился к сервам. Сервов проектировали как совершенство, но получилось уродство. Их избавили от индивидуальной любви, вызывающей искажение реальной картины мира, но зато у них развилось самообожание, еще более путающее объективные пропорции.

Поначалу сервами не могли нахвалиться. Умные, работающие, они легко овладевали расчетами, производили сложнейшие эксперименты в лабораториях, конструктивные их дарования уже тогда поражали. По мере того как от поколения к поколению увеличивалась их биологичность, становилось ясным, что для сервов существует один объект, выделяющийся среди всех других, истинный объект для поклонения — они сами.

Самообожание стало у сервов из постыдного индивидуального чувства, всегда тайного, открытой формой взаимоотношения. Они были равнодушны ко всему, кроме себя. Тело было живое, душа — мертва.

— Эгоизм как философская система, — заметил Ромеро. — В древности и у людей пытались внедрить эту философию Штирнер и Ницше. Вы просто не нашли метода борьбы с созданными вами демонами зла.

Галакты, оказалось, испробовали разные методы воздействия на сервов — уговаривали, спорили с ними... Потом поняли, что духовный перекос вызван двойственностью природы, сочетавшей мертвое и живое, искусственное и естественное. Новый закон объявил недопустимым внедрение в живую ткань искусственных органов. Отныне сервов полагалось создавать полностью живыми, чтобы выправить их психику.

Но они не стали ждать переконструирования. Началось массовое бегство сервов с планет галактов. Подготовлено это было хитро. Колонии сервов переселялись на необитаемые планеты, якобы для их освоения. Галакты радовались, что жизнь, начавшаяся в их звездных системах, быстро охватывает все светила Персея. А когда уразумели размеры бедствия, было поздно.

Сервы, превратившиеся в разрушителей, не просто завоевывали себе место под звездами, но провозгласили уничтожение всего, что галакты насаждали во Вселенной. Те всюду повышают биологичность разумных объектов, помогая организмам достичь наивысшей степени усложненности. Сервы же пони-

жают биологичность организмов, постепенно превращая живые существа в машины, этап за этапом заменяют животворение конвейерным производством.

Несчастные биологические автоматы на захваченной людьми Станции Метрики — все эти операторы, Главный Мозг, Надсмотрщик — примеры космической политики обезжизнивания и оболванивания...

В общем, все, о чем рассказал Тигран, мы знали и раньше. И все же нас поразила глубина противоречий, разделивших галактов и разрушителей. Ромеро сказал, что людям посчастливилось отыскать свой путь развития, непохожий на пути галактов и их врагов.

— Вы оживотворяете механизмы, они механизмы, они механизмируют организмы, а мы оставляем механизмы механизмами, а существа существами. Мы не стремимся сделать машины биологически совершенными универсалами, зато грандиозно увеличиваем их специализированные мощности. На старом человеческом языке, вам неизвестном, это называлось так: не путать божий дар с яичницей.

— Что такое яичница, я не знаю, — признался галакт. — А что вы превзошли нас в могуществе, мы поняли при вашем появлении в Персее.

Я спросил, в какой фазе сейчас война галактов с разрушителями. Тигран ответил, что разрушители владеют межзвездными просторами, а на своих планетах галакты в безопасности: они изобрели оружие, неотвратимо поражающее все живое, и разрушители страшатся его.

— Но перспектива? — настаивал я. — Хорошо, они вас оставили в покое, а вы их? Вы примирились с их злодеяниями?

— А что мы можем сделать? Перенять философию сервов и перейти к их уничтожению, раз перевоспитание не удалось? Это не для нас. К тому же сражения в космосе приведут к смерти многих галактов.

Ромеро надменно проговорил.

— Вот как — приведут к смерти? А разве на ваших планетах вы не умираете? Или одна форма смерти приемлема, а другая — нет?

— На наших планетах мы — бессмертны. Однако вы устали. У нас еще будет случай побеседовать.

— Мне надо соединиться с “Волопасом”, — сказал я, вставая. — Если мой голос не услышат, подумают, что мы попали в беду.

— О, это просто исполнить! — Тигран провел меня к передатчику, который находился неподалеку от места, где мы вели беседу.

7

Нам предоставили помещение, похожее на земные гостиницы. Мирный пейзаж в окнах усиливал впечатление, что мы на Земле. В салоне Ромеро водрузил трость между ног и оперся на нее руками.

— Трудный орешек, — сказал он хмуро. — Теперь я понимаю, друзья мои, почему они не вышли на помощь трем нашим звездолетам, когда мы появились в Персее. У них мания изоляционизма.

— Бессмертие на планетах, — высказался Лусин. — Смертные в космосе. Интересно.

— Важно одно — они друзья, а не враги, — вставил я слово.

— Что-то мне в галактах не нравится, — призналась Мери, когда мы остались одни. — Красивы они божественно. И умны, и обходительны, и благородны, одеты так нарядно, что глаз не отвести. Тебе понравились их туники? По-моему, они не окрашенные, а самосветящиеся...

— Ты собиралась говорить, что не нравится в них, а вместо этого все хвалишь.

— Не все. В их присутствии я ощущаю стеснение. А этот галакт, Тигран, смотрел на меня так, что, если бы земной мужчина посмотрел с таким восхищением, я бы почувствовала себя польщенной.

— Смотрел он на тебя отвратительно, — подтвердил я. — Если бы земной мужчина посмотрел на тебя так, я завязал бы ссору.

Мери обняла меня за шею.

— Как хорошо, что у людей — примитив. Один мужчина и одна женщина. И оба — прямые, без вправо и влево закрученных.

— Право- и левосконструированных, — поправил я.

— Все равно. Один ты — и этого достаточно!

— Нужна еще ты — тогда, пожалуй, хватит.

Так мы обменивались шутками, а за шутками таилась снедавшая нас озабоченность. Были бы мы просто людьми, непреднамеренно повстречавшимися с галактами, вероятно, ничего, кроме радости, такая встреча не вызвала бы. Но мы добивались от галактов действий на общую пользу — задача была непроста.

Я, лежа в ванной, размышлял лишь об этом. Никогда я еще не принимал столь отличной ванны. Это была, конечно, вода — но превосходно выделанная. Она нежила и пьянила, успокаивала и радовала. Если бы мне сообщили, что для ванн галакты употребляли особый сорт легчайшего вина или полувоздушный нектар, я поверил бы, не колеблясь, хотя, повторяю, это была вода и ничто другое.

Из ванны я вышел взбодренный. Мери уже лежала в постели.

— Знаешь, — сказала она, — если привыкнуть к их жизни, то и вправду покажутся страшными лишения дальних странствий.

— Хорошая ванна, — ответил я. — Да, конечно, лишения устрашают.

В спальне стояло большое зеркало. Нажатием кнопки оно превращалось в развлекательный экран, подобие стереотеатра, нажатием другой становилось изображением звездного неба. Сперва мы с Мери полюбовались пейзажами населенных планет, благоустроенных, роскошных, величественных — галакты заранее приглашали нас порадоваться культуре их быта, восхищаться их умением жить.

Потом я перевел изображение на звездную сферу. В зеркале густо пылали светила Персея, а среди них, крохотный, красновато поблескивал наш звездолет: “Волопас” покорно плелся в кильватере корабля галактов, освещавшего его своими прожекторами...

Мери окликнула меня:

— Эли, о чем ты так напряженно думаешь?

Я ответил со вздохом:

— Я понимаю, Мери, все это вздор. Никак не могу отделаться от мысли, что на “Волопас” сейчас нацелены таинственные биологические орудия... И какой-то галакт сидит у пульта, готовый нажать на пусковую кнопку...

Мы шли курсом на Пламенную, одну из тех “неактивных” звезд, что во время блужданий “Пожирателя пространства” отчаянно взывала к нам: “Выбрасывайтесь вблизи меня, здесь кривизна непрочна”.

Звезда была как звезда: белая, огромной абсолютной светимости — десять тысяч солнц в одном солнце. И вокруг нее вращались четырнадцать планет, разных по величине, не одинаковых по климату, благоустроенных, с совершенством оборудованных...

За орбитами же обитаемых планет вращались астероиды с диаметрами от ста до восьмисот километров. Их были тысячи, они составляли замкнутую сферу — защитным пологом прикрывали планеты от вторжения извне. Тигран, сопровождавший нас в прогулках по звездолету, сообщил, что мы причаливаем к одному из астероидов.

— Еще одна космическая дезинфекция? — поинтересовался Ромеро.

— Мне поручено ознакомить вас с нашей космической защитой.

— Есть ли название у астероидов? — спросила Мери.

— Все космические форты первого класса имеют название. Этот называется “Необходимый-3”.

Меня удивило странное название, но Ромеро разъяснил, что галакты толкуют человеческие слова чаще по прямому, чем по общеустановившемуся значению. “Необходимый” в данном случае означает не “непременный” или “нужный”, а “тот, который не обойти”, или — иначе — “необъезжаемый”.

Высадка на астероиде для экипажа “Волопаса” труда не составила, но для звездолета галактов являлась операцией длительной. Не только люди, но и хозяйева часами сидели в специальных помещениях, вырастая от крохотных внутрикорабельных куколок до нормальных, для внешнего пользования, размеров. Мне эти часы изменения размеров тела показались утомительно пустыми, тем более что процесс совершался в темноте. Но Мери восприняла их по-иному.

— Я сейчас вообразила, что в какой-нибудь час увеличила свой рост в восемьсот раз, и ужаснулась

Ромеро непрерывно ощупывал немасштабно меняющиеся искусственные зубы, а Лусин шумно вздыхал, проверяя, не на-

чали ли его синтетические легкие по-старому распирать грудную клетку. Им, наверно, было не по себе, когда все становилось опять “по себе”, но я только проголодался — и как раз в масштабе увеличившегося размера.

На астероиде нас уже поджидали высадившиеся ранее Осима, Труб, Орлан и Гиг.

Церемония знакомства галактов с нашими звездными друзьями показалась мне поучительной. Осиму они приветствовали с радушием, Трубу тоже достались приветливые улыбки, но в обращении с разрушителями появилась вежливая отчужденность.

Тысячелетия недоброжелательства по мановению руки не стереть из памяти!

Восторженный Гиг не заметил холодка, но умный Орлан почувствовал отстраненность галактов. И если при знакомстве он вытянул голову вверх почти на метр — сколько позволил гибкий скафандр, то когда они отошли, хлопнул ее в плечи по брови — знак высшего приветствия сменился знаком высшего огорчения. Я посоветовал ему не расстраиваться. Он вежливо согласился.

Для облета астероида нам предложили забавное сооружение вроде летающего кита, скорее живое существо, чем машину. Всех нас не покидало ощущение, что мы находимся не в помещении, а в чреве.

Мери со смехом сказала:

— А эта летающая конструкция не переварит нас? Я боюсь, что сейчас по стенкам обильно польется желудочный сок.

По стенкам разлился не желудочный сок, а мягкое сияние. Они постепенно становились прозрачными.

Мы проносились над поверхностью астероида. Мне редко встречалось столь мрачное зрелище. Далекое — с детский кулачок — солнце светило, но не грело. Сумрачно-пепельный свет призрачно освещал угрюмые пики, вздымавшиеся над воистину бездонными пропастями — астероид скомпоновали из нескольких кусков, пригнали их один к одному, хоть и прочно, но грубо.

В гигантской светлой пещере, куда нас ввели, размещалось странное озеро. Оно было прикрыто куполом — прозрачным, толстостенным, а под куполом кипела жидкая масса, белая, неистовая. Озеро клокотало, в нем взметывались протуберанцы, тоже вначале белые, потом желтеющие, — оно, как живое, набрасывалось на купол, заливало его изнутри, пыталось проло-

мать, росло, вспучивалось, обессилев, опадало и сжималось — только желтеющие языки вырывались из его массы. И все повторялось — рост, распухание, заполнение купола, яростная попытка взорвать его...

— Что это? — спросил я Тиграна.

Он сказал очень торжественно:

— Перед вами биологическое орудие. Две тысячи орудий такой же мощи прикрывают планеты Пламенной от нападения извне.

Несколько минут мы молча созерцали беснующееся озеро.

Оно все больше казалось мне живым существом, запертым в каменной клетке. И теперь, когда мы знали, что это такое, оно производило впечатление уже не странного, а грозного. Труб возбужденно поводит крыльями, Орлан вытянул голову, словно почтительно приветствовал страшное орудие, даже весельчак Гиг перестал беззаботно распахивать рот, как клещи.

“Здоровенная “биологичка”!” — шепотком грохнул он.

Из объяснений Тиграна стало ясно, что озеро и вправду живое существо, и притом огромное — жидкое ядро каменного астероида. Нам показали лишь ничтожную его часть, крохотный глазок, прикрытый защитным куполом, все остальное скрыто в многокилометровой глубине.

И хоть существо это, биологическое орудие, лишено разума в нашем смысле, нечто вроде исполинского тупого животного, — характер его капризен и своенравен. Бушевание свидетельствует не больше чем о спокойствии ядра, а когда оно злится, начинается такая буря, что астероид трясется, как припадочный.

Продуктом жизнедеятельности ядра является радиация, мгновенно уничтожающая все живое.

Купола, подобные этому, устроены в разных местах астероида. Откуда бы ни атаковал вражеский корабль, на оси его движения всегда окажется один из таких куполов. В нужный момент он раскрывается, поток убийственной радиации выносятся наружу — и все живое на вражеском корабле обращается в горсточку праха.

Ромеро спросил Тиграна:

— Ваши космические корабли снабжены биологическими орудиями?

— Они на звездолетах имеются, но меньшей мощности.

Ничего интересного, кроме живого ядра, на астероиде больше не было. Нас провели в жилые помещения и предложили отдохнуть.

Галакты удалились, а мы собрались в салоне и обменялись мнениями. Ромеро удивлялся, что, обладая абсолютным оружием, галакты не добились перелома в войне.

— Согласитесь, дорогой Орлан, что ваши корабли вооружены слабее. И ваши гравитационные удары, и их биологическая радиация распространяются со скоростью света. Но гравитационная волна ослабевает пропорционально квадрату расстояния, а пучок биологической радиации практически не рассеивается. На дальних дистанциях крейсер галактов всегда возьмет верх над крейсером разрушителей.

Орлан ответил с таким подчеркнутым бесстрашием, что оно могло сойти за насмешку:

— Ты забываешь, Ромеро, что наш крейсер может увернуться от узкого луча, а корабль галактов непременно попадет в гравитационную волну. Прицельность биологических орудий в маневренном бою невелика. Другое дело — прорываться внутрь планетных систем!..

Гиг, жизнерадостно захохотав, возгласил:

— При прошлом Великом прорывались — ужас что было! Мертвые корабли слонялись в межзвездном просторе — испаренные головы, силуэты невидимок, выжженные на стенах!.. Великолепное уничтожение!

Ромеро продолжал спорить:

— Но если маневренный бой, по-вашему, проницательный Орлан, и не даст перевеса галактам, то почему им не обрушиться на ваши планетные базы, на ту же Третью планету? Ее вы не отведете в сторону, а траекторию луча можно рассчитать точно. Рано или поздно, но смертоносная радиация испепелила бы вас — и разрушители, сами разрушенные, перестали бы сеять зло во Вселенной!

— Для того, чтобы предотвратить опасность, нами и были воздвигнуты шесть Станций Метрики, Ромеро.

И Орлан рассказал, как протекала последняя открытая схватка. Галакты ударили по одной из Станций Метрики из биологических орудий, но Станция свернула в своем районе пространство и после раскручивания изверженных лучей обрушила их

назад на галактов. С той поры галакты полностью отказались от борьбы за власть.

Рассказ Орлана возобновил во мне тревожные мысли.

— Ты уговаривал нас, Орлан, обратиться к галактам за помощью. Но, оказывается, их биологические орудия в бою неэффективны.

— Смотря какой бой, Эли. В районе прорыва человеческих звездолетов наши корабли будут ограничены в маневре. А если, спасаясь от биологических лучей, они кинутся кто куда, то ведь вас это тоже устроит, не так ли?

9

Вначале нам привиделось, что мы причаливаем к планете, населенной одними деревьями. Недоумевающие, мы напрасно искали на ней поселений — леса, одни леса.

— У меня глаза слепит от света растений, — сказала Мери.

Деревья были гораздо крупней земных — иное до полукилометра, как мы потом разглядели. И ветви не опускались вниз и не раскидывались в стороны, а взвивались вверх. Деревья походили на вопли, рвущиеся из глубин планеты, — сравнение выпенно, но более точного я не подберу. И они не были окрашены в разные цвета, они сами сияли, не кроны, а костры раскидывались над планетой, разнообразно сверкающие огни — синие, красные, фиолетовые, голубые, желтые всех оттенков и оранжевые...

— Деревья ночью заменяют закатившуюся звезду, — разъяснил Тигран. — А разве ваши планеты освещаются не деревьями?

Он вежливо выслушал ответ, но, уверен, наши лампы и прожектора, самосветящиеся стены и потолки показались ему диким варварством. В комнатах у галактов стоят небольшие деревца — для освещения и кондиционирования воздуха.

Среди сплошного леса открылся просвет, аэробус устремился туда. Не буду описывать встречи, ее сотни раз показывали на стереозкране. Упомяну лишь о нашем изумлении, когда мы разобрались, что встречают нас не одни галакты. К нам теснились ангелы, шестикрылые кузнечики с умными человеческими лицами, прекрасные вегажителы — я вздрогнул, увидев сияющих змей: мне почудилось, что среди них Фиола. Я уже опасался, не выпустили ли на нас свору фантомов, копирующих сохранив-

шиеся в мозгу образы, но потом разглядел множество существ до того диковинных, что никому и в голову не могло явиться примыслить их.

И вся эта масса напирала, размахивала руками и крыльями, одни взлетали над головами, другие восторженно кружились, прокладывая себе вращением путь в толпе. А среди звездожителей шествовали галакты — высокие, улыбающиеся, в ярких, самосветящихся одеждах.

А когда приутих фейерверк красок, ослабела вакханалия звуков и успокоился водоворот движений, мы полетели куда-то вниз всей обширной площадью, и снова начался парк, а в парке появился город.

Он был похож и не похож на наши. Казалось, в нем были улицы, по-земному просторные и широкие, и по улицам двигались жители, такой же разнообразный народ, не одни галакты, и двигались каждый по-своему, кто ногами, кто вращением, кто перелетами, а кто перепаривал. Но по бокам улиц вздымались не дома с окнами и дверьми, а глухие стены, изредка распахивающие зев туннелей. Над улицей же было не небо, а кроны исполинских светящихся деревьев — стволы их таились за стенами, а ветви сплетали кров над дорогой.

В воздухе плыли ароматы, то нежные, то резкие, то томные, то пьянящие. И если бы каждое место не дышало своим запахом, я бы сказал, что благовоние источает сам воздух. Источником благоуханий являлись те же светящиеся деревья.

— Насмешливо пахнет, — сказала в одном месте Мери, и все мы рассмеялись, так точно определила она аромат.

Нас ввели в один из туннелей, и мы очутились в зале. Тигран познакомил нас с галактом, еще статней и красивей Тиграна. На человеческом языке его звали Граций — имя ему соответствовало.

— На планетах Граций заменит меня, — сообщил Тигран. — Он же будет вести переговоры.

Я начал беседу с Грацием вопросом, не состоят ли люди в родстве с галактами? Не буду удивлен, если галакты-звездопроходцы оставили на одной из далеких от Персея планет продолжение своей породы, так сказать, воспроизвели себя наскоро и вчерне...

— У нас появилась аналогичная идея: что галакты — творение людей, явившихся в Персей миллионов десять лет назад, —

возразил Граций. — Когда были расшифрованы стереопередачи “Пожирателя пространства”, нас поразило сходство с людьми.

Граций порядком разочаровался, когда узнал, что человеческая цивилизация насчитывает лишь пять тысяч лет, а биологически человек появился всего миллион лет назад.

— Миллион ваших лет назад мы были вполне развитым народом, — сказал Граций, с сожалением отказываясь от гипотезы, что мы праотцы галактов. — Нет, и преданий таких, что мы где-то создавали существа по нашему образу и подобию, не сохранилось. Очевидно, сама природа в разных местах породила схожие по облику существа.

После этого я “взял быка за рога”, как любит называть такое поведение Ромеро. Союз людей и галактов назрел. Империю разрушителей рвут внутренние силы. Нужно крепко ударить, чтоб она развалилась окончательно. А для этого — помочь человеческому флоту, углубляющемуся в Персей. Если разрушители сейчас одолеют людей, надежда на освобождение от ига погаснет на многие тысячелетия. Не в интересах галактов допустить разгром человеческой звездной армады.

Галакты слушали, вежливые, непроницаемо-ласковые, та же неизменная приветливая улыбка сияла на лицах.

Я чувствовал, что передо мной стена и что я бьюсь головой о стену.

— Мы передадим ваше пожелание народам планет Пламенной, а также обществу галактов, населяющих системы иных звезд, — пообещал Граций. — А пока прошу принять участие в празднике в вашу честь.

— Лучше без празднеств, пока мы не узнаем ваше мнение.

— Я не могу предварять решения наших народов. Имеется много возражений против участия в открытой войне, и нужно соотнести их с преимуществами, чтоб выработать разумную равнодействующую.

— Поймите меня, — сказал я, волнуясь. — Я не требую, чтоб вы объявили сегодня вашу разумную равнодействующую. Но сообщите, какие у вас возражения, чтоб мы смогли о них заблаговременно поразмыслить. Не решение, а пищу для раздумий — только об этом прошу!

Граций взглядом посоветовался с галактами.

— Я выделю два главных возражения. Если мы вышлем на помощь людям эскадру с биологическими орудиями, то в разго-

ревшемся бою орудия эти могут промахнуться. Нас охватывает ужас при такой мысли.

— Ха! — воскликнул Гиг. — Даже мы, невидимки, промахи-ваемся. Неверный удар — что обычнее в сражениях!

Я усмирил Гига строгим взглядом. Не следовало вчерашнему врагу галактов так ретиво вмешиваться в наш спор.

— В обычном сражении — да, — с прежней приветливостью сказал Граций. — Но сражение с участием биологических орудий — необычно. Если снап этих лучей попадет в цель, цель уничтожена, лучи погашены. Но при промахе пучок выпущенных однажды лучей будет нестись во Вселенной невидимый, неотвратимый, будет нестись года, тысячелетия, миллионы, миллиарды лет, будет пронизывать звездные системы, галактики, метагалактику — и когда-нибудь повстречает на пути очаг жизни. И горе тогда всему живому! Что бы это ни было — колония ли примитивных мхов, бактерии еще примитивней, или древняя, высокоразумная цивилизация, — все будет уничтожено, все превратится в прах! Чудовищными убийцами во Вселенной мы станем в тот миг, когда промахнемся. Ни один галакт не санкционирует такого преступления!

Теперь в его голосе звучал вызов. Я поднял руку, останавливая товарищей. От возражений галактов нельзя было отмахиваться первыми попавшимися аргументами.

— Так. Очень серьезно. Мы будем думать над вашими опасениями. Теперь я хотел бы услышать второе возражение.

— Второе связано с первым. Вы захватили одну Станцию Метрики, но пять других у разрушителей. Если мы промахнемся, враги создадут такое искривление, что выпущенные нами лучи обрушатся на нас самих. Такой случай уже был — и не одна планета превратилась в кладбище. Вы хотите, чтоб мы обрекли на гибель самих себя?

— Вы говорите, что галакты бессмертны. Разве вы не избавлены от страха гибели?

— Мы создали на своих планетах такие условия жизни, что можем не опасаться смерти. Смертоносные факторы могут появиться лишь извне. Вторжение биологических лучей будет таким смертоносным фактором.

Я попросил объяснений подробней. Смерть, ответил Граций, это или катастрофа, или болезнь. Катастроф на их планетах не бывает, болезни преодолены — отчего же галакту умирать? А

если изнашиваются отдельные органы, их заменяют. Граций три раза менял сердце, два раза мозг, раз восемь желудок — и после каждой замены омолаживался весь организм.

— Колебательное движение между старостью и обновлением, — сказал Ромеро. — Или навечно законсервированная старость? Земной писатель Свифт описал породу бессмертных стариков — немощных, сварливых, несчастных...

Замечание Ромеро было слишком вызывающим, чтоб галакт оставил его без ответа. О Свифте он не знает. Но законсервировать старость невозможно. В юности и старости биологические изменения происходят так быстро, что здесь задержать развитие нереально. Но полный расцвет — это тот возраст, когда организм максимально сохраняется, это большое плато на кривой роста. Именно этот возраст, стабильную зрелость, и выбирают галакты для вечного сохранения.

Я больше не вмешивался в разговор, только слушал. И с каждым словом, с каждым жестом галактов я открывал в них ужас перед смертью. Нет, то не был наш извечный страх небытия, мы с детства воспитаны на сознании неизбежности смерти. Случайное начало и неотвергаемый конец — вот наше понимание существования. Наше опасение смерти — лишь стремление продлить жизнь, оттянуть наступление неотвратимого. А эти, бессмертные, полны мучительного ужаса гибели, ибо она сама для них катастрофа, а не неизбежность.

— Теперь вам понятно, беспокойные новые друзья, как велики наши сомнения, — закончил Граций свою изящную речь о вечной молодости галактов. — Не будем же больше испытывать терпение собравшихся — вас давно уже ждут, пойдемте!

10

Я быстро устал от праздника.

Удовольствий было слишком много — и разноцветного сияния, и разнообразных запахов, и непохожих одна на другую фигур, и слишком приветливых слов, и слишком радостных улыбок... Бал под светящимися, благоухающими деревьями показался мне таким же утомительным, какими, вероятно, были древние человеческие балы на паркете в душных залах при свете догорающих свечей.

Но Мери праздник понравился, и я терпел сколько мог.

Душой бала стали Гиг и Труб. Невидимок у галактов еще не бывало, и Гиг порезвился за всех собратьев. Он, разумеется, не исчезал в оптической недоступности, но зато в штатской одежде — зримый во всех волнах — вдосталь покрасовался. Его нарасхват приглашали на танцы, и веселый скелет так бешено изламывался, что очаровал всех галактянок и ангелиц.

А Труб устроил показательные виражи под кронами деревьев, ни один из местных ангелов не смог достичь его летных показателей — такой формулой он сам определил свое преимущество.

Ромеро, окруженный прекрасными галактянками, разглагольствовал о зеленой Земле.

Орлана вовлекли в пляску — два светящихся вегажителя смерчами вертелись вокруг него, а он, все такой же безучастный и молчаливый, порхал между ними, раздувая широкий белый плащ. Не знаю, как змеям с Веги, а мне эта пляска не показалась увлекательной.

Ко мне подошел взбудораженный Ромеро.

— Дорогой адмирал, как было бы прекрасно, если бы командующий армией человечества поплясал с новообретенными союзниками!

— С союзницами, Ромеро! Только с союзницами — и с прямыми дамами, а не вправо и влево сконструированными. Но, к сожалению, не могу. Спляшите и за меня.

— Почему такая мировая скорбь, Эли?

— Боюсь Мери. Она кружится с ангелами и змеями, но все время оглядывается на меня. Вам хорошо без Веры, а мне грозит семейный скандал, если не поостерегусь.

Я забрался в чащобу освещенного деревьями парка. Во мне звучала сумбурная музыка, она передавалась от неведомых музыкантов телепатически и становилась все более грустной. Я вспомнил индивидуальную музыку, распространенную на Земле: чем-то звучавшие во мне мелодии походили на те, земные, — под настроение.

Но было и важное различие: мне сейчас не хотелось грустить, душа моя не заказывала печальных звуков. Мелодия здесь рождалась гармонически, она создавалась не одним мною, но всем окружением — и темной ночью, и сияющими, разноцветными, разнопахнувшими деревьями, и радостью наших хозяев, ублажающих своих гостей, и их опасениями перед нашими до-

моганиями, и состоянием моей души... И все это складывалось в звучную, нежную, многоголосую фугу.

В парке меня разыскала Мери.

— Эли, здесь божественно хорошо! Как бы порадовался наш Астр, если бы попал сюда вместе с нами!

— Не надо вспоминать Астру, Мери! — попросил я.

Мы долго бродили по парку. Давно отгремел праздник, наши удалились на покой, хозяйева пропали, а мы по-прежнему любовались феерией, превращенной в быт, — на исходе ночи она расточалась для нас одних.

Потом, уставшие, мы уселись на скамейку. Мери положила голову мне на плечо, а я вспомнил Землю и Ору, первую встречу с Мери в Каире, встречи с Фиолой, сумасбродную любовь к прекрасной змее, так бурно заполонившую меня и так вскоре незаметно угасшую, наше дальнейшее путешествие в Плеяды, оба наши вторжения в Персей, картины злодейств разрушителей.

А потом место прошлого заняло настоящее, но не то, пленительное и томное, в котором я сейчас находился, нет, я размышлял о галактах, об их совершенной самоублаженности, о слепом ужасе смерти, чудящейся им за пределами их звездных околиц. И мне до боли в сердце хотелось опровергнуть их, бросить им в лицо горькие обвинения в эгоизме, возродить погасшую ответственность за судьбы иных звездных народов, влить в их спокойную кровь человеческий бальзам беспокойства...

Я сказал Мери:

— Ты права, Астру бы здесь понравилось. Воображаю, как бы он плясал с Гигом и кувыркался в воздухе с Трубом.

— Не надо! — сказала она. — Ради бога не надо, Эли!

... С той ночи прошло много лет. Я сижу на веранде в нашей квартире на семьдесят девятом этаже Зеленого проспекта, той самой, что мы когда-то занимали с Верой. Вера недавно умерла, прах ее, нетленный, покоится в Пантеоне. Скоро и мы с Мери умрем, искусство бессмертия галактов пока что людям не дается. Я не жалею. Я не боюсь смерти. Я прожил хорошую жизнь и не отворачиваю лицо, когда вспоминается пережитое.

А внизу, против наших окон, в центре Зеленого проспекта, высится хрустальный купол — мавзолей Астры. Я не буду вызывать авиетку, чтобы опуститься к куполу. Я закрываю глаза и вижу, что в нем и что вокруг него. У мавзолея днем и вечером —

посетители, их очередь иссякает лишь к поздней ночи. А внутри, в нейтральной атмосфере, — он, наш мальчик, маленький, добрый, кажется, и в смерти энергичный, и такой худой, что щемит сердце. А у входа никогда не меркнувшая надпись: “Первому человеку, отдавшему свою жизнь за звездных друзей человечества”. Эту надпись сочинил Ромеро, я видел слезы в его глазах, когда он предлагал ее Большому Совету, видел, как плакали члены Совета. Я благодарен Ромеро, я всем благодарен, мне хорошо. У нас с Мери нет ничего своего, кроме совместно прожитой жизни и трупика сына, ставшего святыней человечества, — так много у нас, так бесконечно много! Мне хорошо, и я не буду плакать.

Последний раз в своей жизни я плакал тогда, ночью, на великолепной планете галактов, под их радостными деревьями, источающими сияние и аромат, — и Мери, обняв меня, плакала вместе со мной...

11

Нас повезли на пустынную планету, переоборудоваемую для жизни.

Эта поездка занимала меня больше, чем знакомство с бытом галактов в их райски благоустроенных обителях.

Ромеро иронизировал, что поиски совершенства захватывают меня сильнее, чем совершенство достигнутое.

— Вы весь в пути, — сказал он на планетолете. — И, не обращая внимания на встречающиеся в дороге станции, нетерпеливо стремитесь к следующей, чтоб так же стремительно пролететь мимо.

Планету называли Массивной. Она и вправду была массивной — исполинский камень, пики и скалы, пропасти без дна, гигантские трещины от полюса к полюсу, еще огромней горные цепи. И ни намека на атмосферу, ни следа воды, даже ископаемой! И, знакомясь с деятельностью галактов, я должен был признать, что если в инженерных решениях мы и превосходили их, то целеустремленности общего замысла нам следовало у них поучиться.

Горы покрывала плесень, бурая, неприятная на ощупь, и горы таяли на глазах. Это не были бактерии, творящие жизнь, как у Мери, эти мхи лишь разлагали камень на химические элементы. Наши атмосферные заводы на Плутоне работали интенсив-

ней. Но заводы возделывали лишь незначительную часть планеты, а мхи галактов покрывали всю ее, мертвая планета источала азот и кислород, по ней струились ручья и реки, заполняя впадины, будущие моря.

И деятельность галактов лишь началась с этого. И снова люди пошли бы иным путем. Мы привезли бы рыб, зверей, птиц, насадили уже произраставшие в других местах растения. Галакты не колонизировали свои планеты, а развивали то, что подходило каждой.

На Массивной, с ее большой гравитацией, они выводили породы легких существ — малая масса, мощная мускулатура, крылья. Генетические возможности эволюции они рассчитали с глубиной, показавшейся нам невероятной. Новообразованные воды были уже населены примитивными существами из нескольких клеток. Нам показали на моделях, во что они разовьются впоследствии. В примитивные существа ввели гигантскую силу усовершенствования.

А в конце недлинного ряда преобразований — не миллиарды земных лет естественной эволюции, а всего лишь тысячи — должны были возникнуть новые разумные существа, чем-то похожие и на ангелов, и на шестикрылых кузнечиков, и на самих галактов. И галакты говорили так, словно эти запроюктированные существа реально уже существовали.

— Создадут, — восторгался немногословный, но сияющий Лусин. — Мы — чепуха. ИНФ — кустарщина. Галакты — творцы. Величайшие! Пойду в ученики.

Мери успехи галактов тоже волновали, но по-иному.

— Они все-таки не додумались выводить штаммы бактерий, преобразующих одни элементы в другие. Их строительные микробы меняют связи между атомами, но не вторгаются в ядро. Как они изумились, когда я показала нашу металлопереваривающую живую продукцию!

— Отлично, Мери! Рад, что ты не дала им слишком уж хвастаться успехами. Роль младшего брата при галактах мне что-то не по душе.

И чем внимательнее я изучал труды галактов на Массивной, тем чаще возвращались ко мне давние мысли — теперь они были определенней. Нет, думал я, как бы изменилось развитие жизни во Вселенной, если бы галактов не загнали в их звездные резервации! Какие-то гонимые боги, могущественные вечные

пленники, бессмертные парии, страшащиеся высунуть нос за ограды своих планетных гетто! Какое же гигантское ускорение приобретет разумная жизнь, если помочь этим жизнетворцам выбраться в очищенные от разрушителей мировые просторы!

После осмотра Массивной Граций сказал:

— Готовь речь к галактам. Мы возвращаемся на нашу планету. Оттуда устроим передачу на все спутники Пламенной, а также на дружественные звездные системы. Аудитория будет обширная, друг Эли!

Все мы волновались, не я один.

Ромеро мог состязаться в невозмутимости с Орланом, ни одному галакту не уступил бы в умении держать себя. Но и на Ромеро не было лица. Даже Гиг утратил всегдашнюю жизнерадостность, а у Труба уныло обвисли крылья. Мне пришлось забыть, что я сам не в себе, и подбодрить товарищей. Я улыбнулся Гигу, похлопал Труба по крылу, перекинулся несколькими словами с Орланом.

Мери сказала мне:

— Ни пуха ни пера, Эли. — Она добавила, увидев мое недоумение: — Старинное заклинание, оно к добру, а не ко злу. А меня нужно в ответ послать к черту.

К черту послать ее я постеснялся, но мысленно выругался. “Черт проклятый!” — подумал я, усмехнувшись.

Граций с Тиграном ввели нас в пустой зал с двумя столами. За первым разместились оба галакта, Ромеро, Орлан и я, за вторым — наши товарищи. Ромеро по дороге сказал:

— Сегодня Орлан с Осимой подсчитали, что Аллану потребуется тысяча лет, чтоб добраться до Третьей планеты, если темпы продвижения не изменятся, и ровно пять тысяч лет, пока он притопаёт к первой звездной системе галактов. Разумеется, когда у тебя в запасе вечность, что стоит потерять одно-другое тысячелетие...

Если бы Ромеро не прошептал этих слов и если бы его ухмылка не была такой издевательской, я, вероятно, держал бы себя мягче. Но сейчас жребий был брошен на спор — нападение, а не уговоры.

Вокруг были лишь тускло светящиеся стены, сходящиеся вверху куполом. Но если сами мы никого не видели, то почти триллион задумчивых, спокойных, благожелательных глаз смотрел в эту минуту на нас: все звездные системы галактов

подключены к Пламенной, бесчисленные обитаемые планеты внимают голосу далекой планеты, рядового сверхгиганта огромной светимости, а сегодня — и огромной звучности. Впоследствии выяснилось, что разрушителям не удалось заглушить передачу с Пламенной. Думаю, они и не старались: в Персее назревали грозные события, враги хотели быть в курсе своей судьбы.

— Говори, Эли, — сказал Граций.

Я начал с того, что мы — друзья. А между друзьями откровенность — норма. Свершения галактов огромны, мы, люди, и не мечтаем пока о многом таком, что стало у них бытом. Они превзошли уровень могущества и благополучия, который некогда суеверные люди приписывали своим богам. Но вот беда: галакты примирились с ролью пленников, отрезанных от беспокойного, страдающего мира, — люди не способны это понять. Мир, изнывающий под пятой разрушителей, взывает о помощи — где помощь могущественных галактов? Галакты стали глухи к терзаниям мира — такова действительность.

— Да, я знаю, вы боитесь гибели, ибо смерть для вас не наш неизбежный конец, а недопустимая катастрофа. И я не могу дать вам абсолютной гарантии, война есть война. Но вы будете не одни в сражениях, рядом пойдут корабли людей. Я командую человеческим флотом и торжественно обещаю, что, если один из ваших звездолетов промахнется и убийственный заряд умчится в пространство, мы аннигилируем пространство вместе с биологическими лучами, техническая возможность для этого есть. Итак, вам ничто не грозит, кроме собственных страхов. А ждет вас — весь мир! Идите навстречу зову мира!

Мери потом говорила, что я кричал и размахивал руками, как наши предки на митингах. Орлан, сидевший справа от меня, вытянул шею в шест и со стуком прихлопнул голову в плечи — так, без слов, он просалютовал мне. Ромеро не удержался от иронии:

— Если галакты и впрямь порода богов, то вы, дорогой адмирал, швырнули такой камешек в их божественное болото, что породили не круги, а бурю. Интересно, донесется ли до нас гром ветра активной звездной политики, разрывающий сейчас шатры их изоляционной защиты?

— Я бы проще высказал эту же мысль, Павел. Граций, можем ли мы узнать, что сейчас происходит на ваших планетах?

— Даже увидеть можете.

Мы по-прежнему находились в зале — и одновременно летели над планетой. И перед нами открывались площади — и толпы на площадях, улицы — и спорящие галакты и их друзья.

А еще спустя время появилась другая планета, сперва красный шарик, потом заполнившая все небо сфера: мы попали на планету, но не упали, а полетели над ней.

Она выглядела по-иному, чем наша, — малиновые растения, озера и моря не синие, а оранжевые, горы, венчавшиеся причудливыми розовато-белыми факелами, даже водяные облака, плававшие в атмосфере, желто-зеленые, а не грязно-серые.

И на ней мы опять увидели галактов и их звездных друзей и на площадях, под светящимися деревьями, и в залах. И везде — беседы, взаимные уговоры. Содержание дискуссий не переводилось, но мы и без перевода понимали, о чем спорят.

Не знаю, сколько часов продолжался облет планет и звезд, но мы порядком устали. Граций предложил подкрепиться и отдохнуть. После обеда мы собрались в салоне. Двери из него вели в зал.

— Большую бы, — вполголоса сказал Лусин. — Суммировать. Спорят — ужас!

Ромеро пожал плечами.

— Не сомневаюсь, что у них есть способ суммировать индивидуальные мысли в коллективное мнение общества. Какой-нибудь вечно молодой галакт, специализировавшийся на всеобщем подслушивании, или, скажем так, — выслушивании.

Больше всех тревожился Орлан. Я подсел к нему.

— Инерцию благополучной замкнутости — вот что им надо преодолеть, — сумрачно сказал Орлан. — А выход наружу грозит потерей благополучия. И потом, разрушители — их союзники! Даже в ясной голове галакта это не укладывается. Вы поверили в меня сразу, но не потому ли, что до сих пор, по существу, не встречались с разрушителями. А они миллионы ваших лет изучали нас!

— Нет, не поэтому мы поверили в тебя, Орлан, что плохо вас знаем! Просто люди убеждены, что добро разумней зла и сотрудничество полезней войны. Мы взывали к разуму и подкрепляем разум своей силой. Союз разума и силы — что может быть действенней?

В салон вошли Граций и Тигран. Мы обступили их.

— Ты нас не убедил, адмирал Эли, — объявил Граций. — Мы ставим перед тобой два вопроса и просим дать ясный ответ. Первый. Считаешь ли ты разумным, чтобы галакты променяли обеспеченность своего нынешнего состояния на невзгоды и превратности войны не за их интересы? Второй. Уверен ли ты, что наши враги могут переменить свою природу? Можно ли приобщить к созидательной жизни тех, кто до сих пор предавался одному разрушению? Каковы гарантии этого?

Орлан громко хлопнул голову в плечи:

— То самое, о чем мы только что говорили, Эли!

Мери дотронулась до меня рукой. Она была очень бледна.

— Успокойся, — сказала она. — Нельзя выступать в такой ярости!

— Пойдемте, — сказал я Грацию и Тиграну. — Если заданы вопросы, будут даны и ответы.

12

Пока мы шли в зал, я взял себя в руки. Криком и упреками тут нельзя было помочь. И если недавно я выступал как на древнем митинге, то больше этого повторять не следовало. Всех, кого я мог убедить и зажечь, я убедил и зажег, остальных нужно было не убеждать, а опровергать.

И когда я встал за стол, открытый миллиардам невидимых мне глаз, разум мой был ясен и холоден.

— Итак, первый вопрос, — сказал я, — разумно ли променять нынешнее благополучие на невзгоды и превратности войны? Да, разумно. Больше чем разумно — неизбежно! Ибо иного способа сохранить ваше сегодняшнее благополучие нет, кроме вот этого — подвергнуть себя опасностям и превратностям. И воевать вы будете не за чуждые вам интересы, а за свои собственные. Вам, бессмертным на ваших планетах, равно доступны и сегодня, и отдаленное будущее — почему же вы живете одним “сегодня”? Мне, человеку, легче бы отказаться от будущего, оно все равно не мое, тело мое сгинет, когда оно наступит, а я борюсь за него, чужое будущее, ибо оно будет “сегодня” моих потомков и они вспомнят меня и похвалят. А у вас это будущее — ваше, даже не потомков ваших, просто ваше, — как же вы решаетесь так обокрасть самих себя? Ах, вы не верите, что ваше “завтра” и ваше “всегда” будут хуже, чем это замечательное “сегодня”? Тогда послушайте меня, слушайте и размышляйте!

Там, в мировых просторах, откуда вас некогда изгнали, ныне господствуют ваши враги — разрушители. Вы считаете, что они вам не опасны? Вы полагаете, что ужасные биологические орудия — надежная защита от них? Сегодня, дорогие мои, только сегодня они надежны, но завтра — нет, а ведь вы существуете “всегда”. Хотите знать, что произойдет завтра и чем закончится это ваше “всегда”?

Разрушители отлично понимают, что живому существу к вам не подступиться. Они и не подступятся — сегодня можете быть спокойны.

Но есть у них одно превосходное свойство, отсутствующее у вас и бесконечно грозное для вас! Вы достигли совершенства, вы успокоились на самих себе, вы могли бы воскликнуть, как никогда еще не мог воскликнуть человек: “Остановись, мгновение, ты прекрасно!” В сущности, вы только и делаете, что превращаете это ваше нынешнее великолепное мгновение в великолепную вечность — консервируете однажды достигнутое счастье. А они развиваются, они продолжают неумолимо совершенствоваться, развиваются в злодейском направлении, совершенствуют свою преступность.

Вы думаете, это праздная философия, то, что Великий разрушитель провозгласил своей исторической миссией, — превращение организмов в механизмы? Нет, прекрасные и близорукие, это цель их деятельности, а работать они умеют! И они работают, поверьте, они работают, а не только наслаждаются существованием, как вы!

А теперь, — продолжал я, — могу описать, что ждет вас в скором вашем “завтра”, бессмертные. Сотни вражеских кораблей появятся у ваших космических кордонов — и навстречу им забушуют ваши сверхмощные биологические орудия. Но корабли будут спокойно двигаться дальше, ни на одном не окажется ни одной живой молекулы, способной погибнуть под вашим обстрелом, управлять кораблями будут механизмы, разумные и безжизненные. Вы мне не поверили? Вы отрицаете, что механизмы могут быть разумны, только биологический мозг достигает разума, говорите вы про себя? Хорошо, пусть по-вашему, разум — явление биологическое.

Но мы видели уже автоматы, пока живые, у которых вместо собственного мозга датчики связи с мозгом, находящимся вне их. И эти живые автоматы отлично функционируют, управление

механизмами Третьей планеты осуществляется ими. Я сказал: “пока живые” — и не ошибся. Им уже не обязательно быть живыми, этим, пока живым, автоматам, и завтра они полностью станут механизмами, такими же деятельными, такими же быстрыми и квалифицированными — еще деятельней и квалифицированней! Вот реальная перспектива будущего: гигантский направляющий мозг, недоступный для ваших орудий, и автоматы, спаренные с ним на сверхсветовых, тщательно закодированных волнах.

Что ждет вас тогда? Не знаете? Я и это скажу вам, друзья мои! Значительная часть вас, бессмертные, погибнет при первой же атаке — и этим будет лучше! Но тяжка доля тех, кто сохранит жизнь. На ваши благоустроенные планеты обрушатся гравитационные удары, в пыль превратятся ваши современные города и роскошные парки, в пыль, текущую, как вода, — мы видели эту пыль на несчастной Сигме в Плеядах. Но перед уничтожением планет на шею ваши наденут цепи, равнодушные автоматы погонят вас в рабство. Вы попытаетесь убежать — и не будет дорог! Вы упадете на колени — и не вымолите свободы! Захотите себя убить — и не обрящете смерти, ведь вы отменили смерть на своих планетах!.. Будете кричать и рвать на себе волосы, в исступлении проклинать горькую свою судьбу, кусать свои руки, бить себя кулаком по голове! Пожалуйста, это не возбраняется, можно и кусать себя, и бить по щекам, и лить слезы. Кругом вас будут одни автоматы, их это не взволнует — жалость у них не запрограммирована!

Таково ваше “завтра” — и оно будет много лучше, чем ваше “послезавтра”. Живой и бессмертный раб безжизненного механизма-хозяина, сосущего его соки! Вечный прислужник машины, вечный угодник ее прихотей, а у машины появятся прихоти, и страшные прихоти, бессмысленные, нелогичные, но обязательные для вас, ее рабов.

Страшно раболепствовать перед тираном и эксплуататором, живым и тупым, надменным и своенравным, подозрительным и жестоким. Сколько у нас, у людей, сложено прекрасных легенд о священной, трудной, вдохновенной борьбе угнетенных против угнетателей. Но в тысячи, нет, в миллионы раз позорней и горше быть рабом, прислужником электронной схемы, холуем мертвого сочетания рычагов — а это ваша послезавтрашняя доля, ныне совершенные и богоподобные! И где вы найдете

тогда выход? Куда толкнетесь? К кому воззовете? Не будет вам выхода! Не будет пути! Не будет помощи! Ибо сегодня вы сами роете ту бездонную яму, куда вам падать!

Таков мой ответ на первый ваш вопрос.

А теперь второй вопрос. Вы не верите, что разрушители могут стать завтрашними друзьями? Но почему, спрошу я, вы не верите? Потому, отвечаете вы, что им не переделать своей свирепой природы, не приобщить к созидательной жизни того, кто отдан страсти уничтожения, не сделать творцом лелеющего мечту о всеобщем хаосе. Нет, скажу я вам! Нет! Нельзя быть такими узкими. Посмотрите на мир — насколько он многообразнее вашей схемы. Он весь — противоречия и многообъемность, а вы его выстраиваете в линию. Он разнонаправлен, он раздирается внутренне и, как при взрыве, летит во все стороны, а вы замечаете лишь тот крохотный осколок, что ударился о вашу грудь.

Давайте разбираться спокойно и объективно.

Вы сейчас самые умелые жизнетворцы в мире, — по крайней мере в той его части, что нам известна. И вы поставили исторической целью своего существования повышение биологичности всего живого — так вы утверждаете, так вы делаете. Вам ненавистна безжизненность автоматов, вы придирчиво контролируете, не вносят ли прибывающие на ваши планеты чего-то искусственного и мертвого в своих организмах, — мы на себе испытали этот контроль.

И я пропел бы вам хвалу, как величайшим животворцам Вселенной, если бы не существовали одновременно величайшие потенциальные убийцы всего живого, и эти убийцы — опять-таки вы! Или не вы сконструировали орудия, грозящие неотвратимой гибелью всякой жизни, от любого примитива до любой усложненности? И если бы сегодня взорвался один, только один из тысяч ваших охранных астероидов, разве вырвавшиеся из него лучи не сожгли бы жизнь на ваших совершенных планетах еще свирепей и беспощадней, чем могли бы это сделать самые свирепые и беспощадные разрушители?

Возможность творения и совершенствования жизни вы гарантируете тем, что создали возможность ее всецелостного истребления, — так непросто получается у вас самих. Жизнь охраняется смертью — вот ваша деятельность. И самое ваше бессмертие основано на том, что вы владеете поистине чудовищной

способностью оборвать мгновенно любую жизнь, в том числе и бессмертную. Палка имеет два конца, развитие балансирует на противоположностях, — почему вы забываете об этом?

А если вы попадете в рабы и приспешники все более механизмирующихся автоматов, на что тогда будете тратить вы безмерность добытых вами лет бессмертия? Вы будете повышать автоматизм и искусственность, будете разрабатывать и осуществлять схемы обезжизнивания мира, вы, гордящиеся ныне своим жизнотворчеством! Ибо рабы творят волю пославшего их хозяина, а вас, бессмертные рабы, хозяин пошлет изобретательно творить смерть во Вселенной! И все ваше жалкое бессмертие будет потрачено на распространение смерти!

А теперь присмотритесь к противникам. Они объявили разрушение своим символом веры, сеятели хаоса и беспорядка — вот кем они полагают себя. И это так — они истинно разрушители, сеятели хаоса и беспорядка.

Но, чтоб породить всеобщий беспорядок, они организуют у себя строжайший, жестокий, неслыханно жестокий порядок. Они строят города и заводы, оборудуют космические станции, наполняют мировые просторы кораблями, одну за другой осваивают планеты и звездные миры. Подчеркиваю — создают, организуют, упорядочивают! Нет сегодня в Персее больших организаторов и созидателей, чем эти самые разрушители!

Да, конечно, их созидательная работа подготавливает разрушение и уже приводит к разрушению, чудовищная жестокость их иерархического порядка нужна, чтоб сеять всеобъемлющий хаос, инженерное творчество обеспечивает возможность социального злотворения. Все это так — они разрушители, я не собираюсь их обелять.

Но я требую внимания к сложной природе их деятельности, к ее внутренним противоречиям. Мир многоцветен — одной краской вы его не нарисуете. И вот я утверждаю, что вторая сторона противоречия, инженерная космическая работа сегодняшних зловредов, сама по себе, вне ее искусственно злобной цели, полезна, а не зловредна.

Что плохого, что Станция Метрики будет регулировать структуру пространства, а мощные звездолеты перебрасывать товары и пассажиров из одного звездного края в другой? Да одно умение владеть тяготением — это же величайшее из творений! Как не поставить такое умение на служение живому ра-

зуму? Я не буду перечислять технические успехи разрушителей, они вам известны лучше, чем мне. И я утверждаю, что безумные творцы этих успехов — наши потенциальные друзья. Творческий разум задыхается в Империи разрушителей, давным-давно там уже созрели силы, стремящиеся вызвать революцию угнетенных против угнетателей, — наш долг помочь этим силам.

Вы спросите, где они? На поверхности их не увидеть, слишком велико угнетение, слишком тяжки кары за любую попытку сопротивления. Но разве свирепость угнетения, разве тяжесть кар сами не свидетельствуют о мощи сопротивляющихся сил? Бывший разрушитель, наш друг Орлан сказал, что один хороший толчок — и империя разрушителей с грохотом развалится. Так давайте, друзья, толкнем хорошенько!

Но вы спрашиваете, где гарантии? Без гарантий вы не верите, что разрушители превратятся в созидателей? Вот они, испрошенные вами гарантии, взгляните зорче! Орлан и Гиг, поднимитесь, пусть вас увидят галакты и звездные их друзья! Орлан, ближний сановник Великого разрушителя, один из знатнейших вельмож Империи, умница и стратег, — разве не сам он замыслил переход на нашу сторону? На чью сторону, спрошу я вас? Победителей, грубо сломивших мощь обороны и без поддержки уже обеспечивших себе успех? Нет, на сторону беспомощных пленников, чье будущее было еще так неверно, — перешел на нашу сторону, чтоб разделить нашу судьбу, а не для того, чтобы подсесть к завоеванному пирогу! А Гиг, весельчак Гиг, добряк Гиг, хороший парень Гиг, разве он изменил нарушителям в поисках благ? Он изменил потому, что представился случай уйти от зловеров, он больше не мог с ними!

Вы скажете: Орлан и Гиг не гарантия, что и другие разрушители поступят так же. Равно как и переход на нашу сторону Главного Мозга с Третьей планеты не гарантия, что и остальные пять Главных мозгов отступятся от своего повелителя? Нет, друзья мои, нет. Здесь гарантия, и к тому же — абсолютная! Абсолютность ее в том, что Орлан и Гиг были первыми разрушителями, которых мы встретили, — и эти первые стали нашими. Мы их не выискивали, не отбирали, наоборот, их выискивал и отбирал сам Великий разрушитель — и, конечно, отыскал самых правоверных, подобрал самых свирепых. А они — наши! А они не правоверны и не свирепы! И не перешли на нашу сто-

рону, это слово неточно, — вырвались к нам, обрели наконец свободу!

Вот она, абсолютная гарантия: вельможи покидают верховного правителя, гвардия его заносит над ним меч! Ибо он — угнетение и унижение, бесправие и ложь. Ибо мы — свобода и взаимное уважение, равноправие и правда! Не ищите других гарантий, сильнее этих не найдете! Я кончил. Решайте.

— Можешь отдохнуть, Эли, — сказал Граций. — Передача завершена, надо дать время галактам поразмыслить над твоей речью.

Я вышел в салон. Меня обступили друзья. Лусин плакал, Труб тоже вытирал крылом слезы. Орлан так волновался, что не сумел ничего сказать, он лишь проникновенно сиял бледным лицом. Гиг заключил меня в свои костлявые объятия. Ромеро с уважением сказал:

— Вы, оказывается, оратор, любезный адмирал!

Осима энергично выругался:

— Если эти живые боги не выделяют нам парочку звездолетов с биологическими орудиями, то они слепые котята. И больше тогда не произносите при мне этого слова — галакт.

Мери взяла меня под руку.

— Эли, я слушала тебя с замиранием сердца! Если эти странные существа и не согласятся с тобою, все равно твоя речь была великолепна, все равно была великолепна, Эли!

Я с досадой отмахнулся.

— Речи хороши, лишь когда порождают хорошие результаты. Откажут нам галакты в поддержке — значит, речь никуда не годилась!

Мы еще поговорили, и я вдруг задремал, привалившись головой к спинке дивана. Мери потом говорила, что я стонал и вздрагивал во сне. Пробудился я оттого, что Мери дернула меня за рукав.

В салон вошли Граций и Тигран. Впервые — и в последний раз — я видел галактов взволнованными, без обычной приветливой улыбки.

— Адмирал Эли! — торжественно заговорил Граций. — Наше решение таково. После долгих тысячелетий затворничества галакты снова выходят в межзвездные просторы. Вы, люди, могущественнее нас сегодня — мы с радостью отдаем себя вашему руководству. В ближайшее время у сферы астероидов со-

берется эскадра звездолетов системы Пламенной — тридцать пять боевых кораблей. Из других звездных систем выйдут другие эскадры, всего четыреста пятьдесят звездолетов. Принимай командование над флотом галактов, адмирал людей!

13

Я не стал дожидаться подхода эскадр галактов из других звездных систем: Андре сообщил с Третьей планеты, что против кораблей Аллана концентрируется гигантский флот разрушителей, непрерывно появляются все новые и новые крейсера.

Не было сомнения, что враги не будут тянуть с решительным сражением. Им надо было покончить с Алланом, пока не подоспели галакты. Так бы действовал я на месте разрушителей, у меня не было причин считать врагов глупее себя.

Когда первые тридцать пять звездолетов прибыли в район сбора, я скомандовал выступление. Эскадрам из других звездных систем было предписано собраться в два флота и выходить самостоятельно к месту, где прорывался Аллан.

Адмиральские антенны я снова поднял на “Волопасе”, командовал кораблем Осима, помогал ему Тигран — галакт знакомился с аппаратурой человеческих кораблей.

На третьем месяце похода произошло два важных события. Пришло сообщение, что второй флот в составе двухсот кораблей вышел в межзвездные просторы и мчится на соединение с нами, а третий флот, еще двести двадцать звездолетов, заканчивает концентрацию и выступает на днях. Второе сообщение было тревожной. На траверзе нашего флота показались корабли разрушителей.

Крейсера врагов вспыхивали на экране зелеными точками.

Я поговорил с Грацием и Орланом. Галакт держался мужественно, хотя его и страшила встреча с врагами, неизменно до сих пор одолевавшими галактов в открытых сражениях. Орлан был мрачен.

— Великий придумал что-то скверное, Эли. Он, конечно, постарается не пустить нас в район боев с эскадрой Аллана.

Я пока не видел причин тревожиться. В том, что разрушители попытаются навязать нам истребительное сражение еще в пути, новости не было. Но и “Волопас” с его способностью аннигилировать материальные тела представлял орешек, о который можно сломать зубы.

Я передал на Третью планету, что вижу врага. Андре фиксировал каждый корабль разрушителей, стремящийся к трассе нашего похода. Встревоженный их огромным количеством, он советовал изменить курс на Оранжевую. На близком расстоянии механизмы Станции действуют исправно, но генераторы дальнего действия не восстановлены, хотя на них все напряженной кипит работа. “Прикрыть вашу эскадру можем лишь у Оранжевой”, — сообщил Андре.

Я долго размышлял над депешей Андре. Все во мне протестовало против бегства под прикрытие Станции. Именно этого и добивались враги — заставить нас отказаться от соединения с Алланом. Сами ли мы побежим или нас рассеют в сражении, разница была тактическая — стратегическая цель в этом и другом случае достигалась.

Соображения эти я передал на все наши звездолеты.

Уже было ясно, что против нас выступила не эскадра, а крупный флот противника. Всю северную полусферу усеяли зеленые огни, их насчитывалось свыше двухсот, а огни продолжали прибывать. Орлан считал, что Великий разрушитель, чтоб не ослаблять основных сил, действующих против Аллана, мобилизовал для борьбы с нами все свои космические резервы. Хорошего в этом было лишь то, что двум другим флотам галактов уже не грозила встреча с опасными силами противника. Вражеский флот шел компактным соединением параллельно нам, не обгоняя и не отставая. Держать равнение с тихоходными кораблями галактов им, конечно, было легко.

В эти дни мы находились точно на траверзе Оранжевой — на самом коротком расстоянии от нее. Лучшей возможности, чем сейчас, стать под защиту механизмов Станции не могло быть. С каждым часом последующего полета мы все дальше должны были уходить от нее.

— Итак, решаем, — сказал я Грацию. — Мнение людей, мое в частности, вам известно: бегство — провал похода, продолжение его — возможность сражения.

К чести галактов, он колебался немного.

— Мы вручили командование тебе, Эли, не для того, чтобы при первой опасности восставать. Я за продолжение похода и известил о своем мнении все звездолеты.

Теперь мы удалялись от Оранжевой. Со стесненным чувством я смотрел, как тускнеет на экране эта звезда, еще недавно

причинившая нам столько мук, лишившая нас с Мери сына, — единственная наша защита ныне в звездных владениях разрушителей.

Я предложил МУМ рассчитать, когда мы пересечем границу действия малых генераторов Станции. До границы, где мы еще могли надеяться на помощь Станции, оставалось несколько дней похода.

— Любезный Орлан, вы единственный среди нас знаете стратегическую кухню разрушителей, — обратился как-то Ромеро к Орлану. — Не смогли бы вы набросать задачи и возможности преследующего нас неприятельского флота.

По мнению Орлана, флот разрушителей будет сопровождать нас без нападения до границы действия генераторов метрики. Их военачальники, несомненно, знают, что Станция еще не восстановлена полностью, и на этом построят свою тактику. Они ринутся, как только мы останемся без поддержки. Сейчас они движутся компактно, но перед нападением рассредоточатся, чтоб захватить нас в сферу. Они понимают, что главная сила в нашей эскадре — “Волопас”, и постараются не попадать под удар его аннигиляторов.

— И попадут под удар биологичек! — воскликнул Гиг. У предводителя невидимок темно горели глазные впадины — так его восхищала перспектива грандиозной космической битвы.

Орлан скептически втянул голову в плечи.

— Экипажи многих кораблей, вне сомнения, погибнут. Но кто составляет команды? Что, если у пультов биологические автоматы с программируемыми устройствами взамен мозгов? Они погибнут, не понимая, что погибают, а перед смертью нанесут нам значительный урон.

Не могу сказать, чтобы мрачный прогноз Орлана не подействовал на нас. Я сочувствовал молчаливому Грацию. Ему приходилось хуже, чем нам, привыкшим с детства, что наша жизнь непрерывно отбрасывает от себя тень ежесекундно возможной смерти.

Мы подошли к границе действия Станции Метрики и пересекли ее. Звездолеты были приведены в боевую готовность. “Волопас” нацелил аннигиляторы на неприятельский флот, галакты дежурили у биологических орудий.

Некоторое время я носился с мыслью прервать неизвестность собственными активными действиями. “Волопас” в ско-

рости превосходил неприятельские крейсера. Не бросить ли его против ядра вражеских кораблей и с одного удара аннигилировать это ядро? МУМ произвела расчеты, и от такой атаки пришлось отказаться. Прежде чем “Волопас” выйдет на предельную дистанцию, неприятель успеет рассредоточиться. Больше чем на гибель двух-трех кораблей врага надежды не было. А в то время, как “Волопас” справлялся бы с обреченными крейсерами, вся громада обрушилась бы на звездолеты галактов, лишенные прикрытия.

Расчет МУМ был так неутешителен, что я без тревоги не мог смотреть на зеленые точки. Но ничто не показывало, что враг собирается нападать. Эскадры разрушителей мчались параллельно нашей, держа дистанцию, как на параде. Я уже начинал думать, что стратегические прогнозы Орлана неверны и что противник не собирается навязывать нам бой на уничтожение.

Все люди тешат себя иллюзиями, я не составлял исключения. Меня все больше опутывала иллюзия, что удастся прорваться без боя. Час, когда иллюзия рухнула, навеки врезался в мою память. По кораблю разнесся сигнал боевой тревоги. Я был в салоне с Мери и Ромеро. Они поспешили в наблюдательный зал, я — к командирам.

В командирском зале сидели Осима, Тигран и Орлан.

— Начинается, — со зловещей бесстрастностью проговорил Орлан.

На экране передвигались неприятельские огни. Все было ясно в метании зеленых точек. Флот врага рассредоточивался. Он действовал точно по диспозиции Орлана — охватить нас в сферу, а затем атаковать со всех осей.

Добрую половину их кораблей ждала гибель, но они, видимо, заранее мирились с этим — лишь бы уничтожить нас. Орлан угадал их стратегический план.

Я приказал звездолетам галактов сконцентрироваться потесней, а “Волопасу” выходить вперед.

План мой был таков. Галакты защищаются биологически в Эйнштейновом пространстве, а “Волопас” в сверхсветовом мчится вокруг нашей эскадры, аннигилируя корабли врага, попадающие в конус уничтожения.

Историки, в том числе и Ромеро, впоследствии критиковали этот план за отчаянность, граничащую с нереальностью. Но я хотел бы посмотреть на этих мудрых историков в моем тогдаш-

нем положении — один быстроходный корабль против целого флота. Я и сегодня, через много лет после тех событий, уверен, что нам удалось бы защитить звездолеты галактов от непосредственного удара, а что их орудия сеяли бы среди врагов верную гибель — уверен абсолютно.

Но сражение развернулось совсем по-иному.

— Адмирал, они отступают! — вскричал Осима.

Но разрушители не отступали, жестокая буря трепала их корабли. Зеленые огни трепетали, закатывались в незримость.

Даже сверхсветовые локаторы не могли пробиться в ад, забушевавший в том месте, где только что находился неприятельский флот. Корабли швыряло от нас, швыряло один от другого, швыряло один на другой. Они продолжали полет, но траектория, ломаная, запутанная, судорожно меняющаяся, свидетельствовала о смятении и ужасе в стане неприятеля.

Мы когда-то попали в такую же ловушку, и нас тоже терзали опасения и страх, но то, что сейчас пришлось испытать врагам, было стократно умножено. Бездна, которую враги тысячелетия рыли для своих жертв, разверзлась у них под ногами.

— Большие генераторы Станции Метрики работают, — прервал молчание Орлан. — И если я не ошибаюсь, адмирал, Андре задал вражескому флоту направление на Пламенную — под биологический удар ее астероидов. Как разрушители всегда боялись приблизиться к этой страшной сфере уничтожения!.. И вот — финал!

Я оторвался от экрана, где таяли неприятельские огни.

— Одно ясно, дорогой Орлан: ничто нам теперь не препятствует соединиться с галактическим флотом людей. А что тогда смогут противопоставить разрушители общей мощи человечества, галактов и ваших восставших планет?

14

Я не буду останавливаться на разыгравшемся потом генеральном сражении. Достаточно того, что ни у эскадры Аллана, ни у галактов не был поврежден ни один корабль, а разрушители потеряли больше трети своих крейсеров, окончательно лишившись надежды на победу. После сражения “Волопас” подошел к “Скорпиону”, и я с друзьями отправился к Аллану. Планетолет плавно втянуло в недра “Скорпиона”. Я выбежал первый и

не сошел по лесенке, а спрыгнул с площадки на причальную площадь.

Я не успел ни крикнуть, ни охнуть, как попал в объятия Аллана. А затем Аллана сменил Леонид, а после Леонида была Ольга, а за Ольгой Вера, а за Верой еще друзья, бесконечно дорогие лица, крепкие руки, радостно целующие губы... Я что-то говорил, что-то вскрикивал, вокруг меня тоже что-то говорили и кричали — я не слышал ни себя, ни других.

А спустя некоторое время наступило подобие спокойствия, и я сумел оглядеться. Мери плакала на плече у Веры, Вера, вся в слезах, обнимала ее. Осима что-то горячо втолковывал Леониду и Ольге, энергичный капитан “Волопаса”, похоже, пытался в первой же встрече описать всю эпопею наших скитаний в Персее. Труб то кидался от одного к другому, то проносился над всеми, остервенело ревя, как в рог.

— Эли, кто это? — с испугом спросила подошедшая Ольга.

У нее даже лицо перекосилось и побледнело.

Я обернулся, недоумеваю, что могло ужаснуть всегда спокойную Ольгу. На площадку планетолета выбрался Гиг. Он стоял там, озирая черными глазницами толпу людей — огромный, жизнерадостный, хохочущий всем корпусом.

А рядом с ним встали Орлан и Граций с одного бока, Лусин и Тигран с другого. И это соединение людей, галактов и разрушителей было так непредвиденно, что на минуту на всей площади установилась каменная тишина. Люди, цепенея от удивления, глазели на разрушителей и галактов, те с любопытством рассматривали людей.

Только бодрое постукивание костей скелета нарушало тишину.

Я поднялся на площадку и обнял Орлана и Грация, Лусин обнял Тиграна и Гига.

— Друзья мои, — сказал я людям. — Не удивляйтесь, а радуйтесь. То, что вы увидели, не загадочно, а символично. Три величайших звездных народа нашего уголка Вселенной соединяются в братский союз. И если пока еще рано говорить, что все разрушители превратились в созидателей, то первые ласточки, творящие весну, уже появились. Вот они, приветствуйте их!

Мы сошли вниз и потерялись в толпе. Я говорю “потерялись” и смеюсь. Мы часто разговариваем штампами и мыслим штампами. Я еще мог потеряться, тем более Лусин с

его метром девяноста двумя сантиметрами. Но оба галакта, почти трехметровые, величественные, сияющие улыбками, возвышались над толпой как статуи.

Еще меньше мог потеряться Гиг — хохот его разносился по всему звездолету, он шел, и ему почтительно расчищали дорогу. А потом подлетел Труб и обнял его крылом — невидимка и ангел, торжествующие и счастливые, шагали среди людей, как новобрачные на свадьбе. И приветствовали их с не меньшим ликованием, чем новобрачных.

— Пойдем в обсервационный зал, — сказал я Аллану. — Я покажу тебе Оранжевую, где сейчас царит в своей резиденции на Третьей планете Андре Шерстюк. Да, Андре, милый Андре, живой, взбалмошный, деятельный!.. И главное — могущественный! По крайней мере четверть светил Персея подвластны ему... Куда ты, Аллан?

— Минутку, Эли! — крикнул Аллан, расталкивая толпу.

— Что с ним? — спросил я Ольгу. — Чем я так испугал его?

— Сейчас узнаешь, Эли. Не испугал, а обрадовал.

Аллан появился, когда мы входили в обсервационный зал. Он держал за руку молодого человека.

Юноша до того походил на Андре, что я замер. Это был Андре, но не тот, постаревший, нервный, какого мы оставили на Третьей планете, а прежний Андре, друг моей юности, — статный, чарующе прекрасный, с теми же рыже-красными локонами по плечи...

— Олег! — выговорил я с трудом. — Олег, ты?

Юноша робко подошел ко мне. Я крепко обнял его.

— Как ты очутился здесь? — спросил я.

— Три года назад мне разрешили присоединиться к походу, — ответил юноша. — Мама осталась на Оре, а я обещал, что немедленно сообщу ей, если что-нибудь разузнаю об отце.

— Сегодня же пошлешь на Ору сообщение, что отец нашелся. А сам ты скоро увидишь его: соединенный флот идет на Оранжевую, где командует твой отец.

В обсервационный зал набилось так много народу, что кресел на всех не хватило, пришлось стоять. На полусферах экрана огни звездолетов забивали блеск светил.

Зеленые точки кораблей галактов перемешались с красноватыми точками наших кораблей. Я навел умножитель на пару из

одной красной и одной зеленой точки. Крейсер галактов в умножителе был огромен рядом с нашим.

Я усмехнулся. Нам не приходилось сетовать: в небольших объемах наших кораблей таилась гигантская мощь. Рассеянные по скоплению остатки флота разрушителей могли бы многое рассказать о нашей мощи.

— Кое-что сделано в Персее, — сказал я вслух. — Кое-что сделано, друзья!

Мне ответил Олег. В его голосе слышалась грусть:

— Все важное уже сделано вами.. А нам, молодежи, остается доделывать.

Сквозь сферу огней соединенного флота людей и галактов проступали звезды скопления Хи Персея, а за ними выплескивался из берегов Млечный Путь, величественный, звездный поток Вселенной.

Нигде он так не прекрасен и не грандиозен, как в Персее, нигде так не грозны пожирающие его ядро туманности.

— Кое-что сделано, — повторил я. — И того, что остается здесь сделать, хватит всем нам на века. Но тебе, Олег, мы поставим иную задачу, вне Персея, лишь вашему поколению она по плечу. Вон где-то там, — я показал на темные туманности, — обитает загадочный и могущественный народ — рамиры. Нужно узнать, кто они такие. Экспедиция в ядро Галактики — вот задача, которую мы поручим поколению сегодняшних юношей, Олег!

Книга третья
КОЛЬЦО ОБРАТНОГО ВРЕМЕНИ

Среди миров, в мерцании светил
Одной звезды я повторяю имя
Не потому чтоб я ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.
И если мне сомненье тяжело,
Я у нее одной молю ответа.
Не потому, что от нее светло,
А потому, что с ней не надо света.

Ин. Анненский

Вот ваш Лондон, леди. Узнаете?
Я его дарю вам. Это он
В каждом звуке, в каждом повороте,
В ускользающем водовороте
Сна, так непохожего на сон.

Вс. Рождественский

Часть первая МУЧЕНИКИ ЗВЕЗДНОЙ ДИСГАРМОНИИ

1

В этот день хлынул громкий дождь, это я хорошо помню. В Управлении Земной Оси что-то разладилось: праздник Большой летней грозы планировался через неделю. А косые прутья дождя звучно секли окна, по бульвару мчались пенистые потоки. Я бегом поднялся на веранду восьмидесятого этажа и с наслаждением подставил лицо незапрограммированному ливню. Я, конечно, мигом промок до нитки. И когда Мери позвала меня, не откликнулся: я знал, что она сердится. Я и раньше не надевал плаща, выбегая на дождь, всегда это вызывало у нее недовольство. Она продолжала звать:

— Эли! Эли! Опускайся! Тебя вызывает Ромеро.

Когда Мери упомянула Ромеро, я возвратился. Посреди комнаты стоял Павел — естественно, его изображение, а не он сам.

— Дорогой адмирал, плохие новости! — сказал Ромеро. Я уже двадцать лет не адмирал, но иначе он меня по-прежнему не называет. — Мы наконец разобрались в обстоятельствах гибели экспедиции Аллана Круза и Леонида Мравы. Должен с сокрушением вас информировать, что первоначальная гипотеза случайной аварии опровергнута. Не оправдалось и предположение, что Аллан и Леонид допустили просчеты. Все их распоряжения

посмертно подтверждены Большой Академической машиной: действия наших бедных друзей были наилучшими в тех ужасных условиях.

— Вы хотите сказать, Павел... — начал я, но он не дал мне договорить. Он был так взволнован, что пренебрег своей неизменной вежливостью.

— Да, именно это, адмирал! Против них велись военные действия, а они и не догадывались! Они твердили о диковинках природы, а реально было противодействие коварного врага. Не было чудес природы, дорогой адмирал, была война! Наша первая экспедиция в ядро Галактики погибла в звездных сражениях, а не в игре стихий, — такова печальная правда о походе Аллана Круза и Леонида Мравы.

Ромеро всегда изъяснялся велеречиво. С тех пор как его избрали в Большой Совет и назначили главным историографом Межзвездного Союза, эта забавная черта еще усилилась. Возможно, в древности только так и разговаривали, но стиль этот слишком высок для повседневных дел. Впрочем, о гибели первой экспедиции в ядро Галактики по-иному нельзя было говорить.

— Когда похороны погибших?

— Через неделю. Адмирал, вы первый, кому я сообщил о новостях, связанных с экспедицией Аллана, и вы, несомненно, догадываетесь, почему мы раньше всего обратились к вам!

— Несомненно другое: понятия не имею, зачем я вам понадобился!

— Большой Совет хочет посоветоваться с вами. Мы просим вас поразмыслить о том, что я сообщил.

— Буду размышлять, — сказал я, и образ Ромеро растаял.

Накинув плащ, я возвратился в сад восьмидесятого этажа. Вскоре ко мне присоединилась Мери. Я обнял ее, мы прижались друг к другу. Ясное утро превратилось в сумрачный вечер, не было видно ни туч, ни деревьев бульвара, ни даже растений шестидесятого этажа. В мире сейчас был один дождь, сияющий, громогласный, певучий, столь восторженно упоенный собой, столь стремительный, что я пожалел об отсутствии у меня крыльев: надо было в воздухе побороться с потоками этой ликующей воды, полеты в авиетках все же не дают полноты ощущения.

кующей воды, полеты в авиетках все же не дают полноты ощущения.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказала Мери.

— Да, Мери, — ответил я. — Ровно тридцать лет назад в такой же праздник летней грозы я мчался среди потоков воды и ты упрекнула меня, что фанфароню в воздухе. Мы постарели, Мери. Сейчас бы я не удержался в сплетении электрических разрядов.

Меня временами пугает, насколько Мери лучше разбирается в моих ощущениях, чем я сам. Она печально улыбнулась:

— Ты думал не об этом. Ты жалеешь, что тебя не было в том уголке Вселенной, где погибли наши друзья. Тебе кажется, что, будь ты с ними, экспедиция вернулась бы без таких потерь.

...Я диктую этот текст в коконе иновременного существования. Что это означает, я объясню потом. Передо мной в прозрачной капсуле, недвижно подвешенной в силовом поле, отвратительный и навек нетленный, покоится труп предателя, ввергнувшего нас в безысходную бездну. На стереоэкранах разворачивается пейзаж непредставимого мира, ад катастрофического звездоворота. Я твердо знаю об этом чудовищном мире, что он не мой, не людской, враждебный не только всему живому, но и всему разумному, и я уже не верю, что мое участие может гарантировать от потерь. Я несу ответственность за нашу экспедицию, и я сознательно веду ее по пути, в конце которого, вероятней всего, гибель. Такова правда. Если эти записи каким-то чудом дойдут до Земли, пусть люди знают: я полностью вижу грозную правду, полностью осознаю вину за нее. Мне нет оправданий. Это не отчаяние, это понимание.

А в тот день на прекрасной зеленой Земле, недостижимо, непостижимо далекой Земле, под громкую музыку летнего ливня я с грустью ответил жене:

— Многого мне хочется, Мери! Желания усиливают инерцию существования — сперва тащат вперед, затем тормозят увядание. В молодости и старости желается больше, чем может. Говорю тебе, я слишком стар для моих желаний. Нам остается одно, моя подружка: тихо увядать. Тихо увядать, Мери!

На космодроме, где приземлился звездолет из Персея, я не был, на траурное заседание Большого Совета не пошел. Стереоскрены в моей комнате не включались. Мери потом рассказывала, как величественно печальна была церемония передачи на Землю погибших астронавтов. Она плакала, когда возвратилась с космодрома. Я молча выслушал ее и ушел к себе.

Если бы я так держался в первые годы нашего знакомства, она назвала бы меня бесчувственным. Сейчас она понимала меня. На Земле давно нет болезней, само слово “врач” выпало из употребления. Но только болезнью могу назвать состояние, в какое вверг меня отчет об экспедиции Аллана и Леонида. “Это нелегко пережить”, — сказал Ромеро, вручая мне катушку с записями событий, начиная со старта в Персее и кончая возвращением кораблей с мертвыми экипажами. Это было больше, чем “нелегко пережить”. Этим надо было тяжело переболеть.

Вероятно, я не пошел бы и на обряд захоронения, если бы не узнал, что на Землю прилетела Ольга. Она не простила бы мне отсутствия на похоронах ее мужа. И надо было повидать старых друзей — Орлана и Гига, Осиму и Грация, Камагина и Труба: они прибыли вместе с Ольгой на ее “Орионе”, чтобы принять участие в торжественном внесении останков в Пантеон. Ромеро предупредил, что от меня ожидают речи, а что я мог сказать, кроме того, что погибшие — отважные космопроходцы и что я их очень любил?

В траурном зале Пантеона Ольга заплакала, припав головой к моему плечу, я с нежностью гладил ее седые волосы. Она дольше всех нас не поддавалась разрушающему действию возраста, но горе сломило ее. Я пробормотал, чтобы что-то сказать:

— Оля, ты взяла бы какой-нибудь другой цвет волос, это же так просто.

Она улыбнулась так грустно, что я еле удержался от слез.

— Леониду я нравилась какая есть, а больше не для кого прихорашиваться.

Вместе с Ольгой на похороны пришла Ирина, ее дочь. Я не видел Ирину лет пятнадцать, помнил ее взбалмошной, некрасивой девчонкой с внешностью и характером Леонида. Я раньше часто удивлялся, как мало позаимствовала Ирина у матери ее рассудительности, ее умения глубоко вникать в загадки, ее железной решительности под внешним покровом доброй вежливо-

сти. А в Пантеоне я увидел женщину — стройную, смуглую, порывистую, с быстрой речью, быстрыми движениями и такими огромными, черными, с почти синим белком глазами, что от них трудно было отвести взгляд. Ирина показалась мне похожей на Леонида еще больше, чем прежде, и сходством не только внешним. Сегодня, когда трудно что-либо исправить, я вижу, как грубо ошибся в Ирине. В длинной цепочке причин, породивших нынешние бедствия, и эта моя ошибка сыграла роль.

Дружески обняв Ирину, я сказал:

— Я очень любил твоего отца, девочка.

Она отстранилась и сверкнула глазами. Затрепанное выражение “сверкнуть глазами” в данном случае единственно точное. Она сверкнула глазами и ответила с вызовом, которого я не понял:

— Я тоже любила отца. И я уже не девочка!

Мне надо было вдуматься в значение ее слов, вчувствоваться в их тон, многое пошло бы тогда по-другому. Но приблизились Лусин и Труб, было не до взбалмошных женщин. Лусин пожал мне руку, старый ангел мощно сжал меня черными крыльями. Рецепты бессмертия, усердно внедряемые у нас галактами, так же мало помогают моим друзьям, как и мне. Лусин держится молодцом, в его суховатом теле слишком много жил и костей и слишком мало мяса, такие долго не дряхлеют. А Труб выглядит стариком. Никогда не думал, что может быть такая красивая старость, такое, я бы сказал, мощное одряхление. Я с нежностью выговариваю эти противоречащие одно другому слова “мощное” и “одряхление”, я с болью вижу погибшего Труба, каким он появился на траурной церемонии, — огромный, чернокрылый, с густой, совершенно седой шевелюрой, с густыми, совершенно седыми бакенбардами...

— Горе! — с тоской выговорил Лусин. — Такое горе, Эли!

— Кругом были враги! — прорычал Труб. — Аллану и Леониду надо было сражаться! Ты бы воевал, Эли, я уверен! Жаль, меня не было! Я бы кое-что преподавал им из опыта сражений на Третьей планете!

К нам подошли Орлан и Граций. Когда они оба появляются на планетах, где имеются люди, они ходят только вместе. В этом есть какая-то трогательная наивность — галакт и разрушитель демонстрируют, что жестокая вражда, когда-то разделившая их народы, нынче сменилась горячей дружбой. Я по-старому на-

звал Орлана разрушителем, хотя теперь им присвоено название “демиурги”, означающее что-то вроде механика или строителя, — в общем, творца, а не разрушителя. Словечко “демиург”, конечно, точно выражает роль бывших разрушителей в нашем Звездном Союзе, но не думаю, чтобы выставляемая напоказ дружба легко давалась Орлану и Грацию, особенно галакту. Астропсихологи утверждают, что как людям не привить любви к дурным запахам, так и галактов не приучить быть терпимыми к искусственным органам и тканям, а демиурги только сменили наименование, но не структуру тела, где полно искусственных органов и тканей.

— Привет тебе, Эли, мой старый друг и руководитель! — торжественно произнес галакт, по-человечески протягивая руку: мои маленькие пальцы исчезли в его гигантской ладони, как в ящике.

Я пробормотал подходящий для встречи ответ. По выпренности выражений галакты способны даже Ромеро дать десять очков форы. Орлан ограничился тем, что приветственно просиял синеватым лицом, высоко приподнял голову и с резким стуком хлопнул ее в плечи.

В экспедиции Аллана и Леонида принимало участие сто четырнадцать человек, восемь демиургов, три галакта и два ангела. Катастрофа превратила в одно неразделимое месиво существа и механизмы. В траурный зал внесли урну с общим прахом, горсточкой мертвой материи, — бывший духовный и служебный союз членов экипажа превратился в вещественное единение составляющих их атомов. Я с горечью думал в ту минуту, что мы все на разных звездах братья по творящей нас материи, но только в смерти ощущаем наше внутреннее единство.

Урну внесли Ромеро и Олег: один как представитель Большого Совета, другой — от астронавтов. Меня тоже просили нести урну, но обряды, где надо показываться перед всеми, не для меня. И я заранее отказался что-либо говорить. Ромеро держал краткую речь, а затем зазвучала музыка. Я должен остановиться на музыке. В странном сочетании причин, определивших наши сегодняшние метания в диком звездовороте ядра, она тоже сыграла роль. Играли симфонию “Памяти друга” Збышека Поляновского. Сотни раз говорил, что люблю лишь индивидуальную музыку, лишь озвученную гармонию собственного настроения. Вероятно, мне просто трудно настраиваться на чужие

чувства, в общих для всех мелодиях я ощущаю приказ испытывать то, а не иное, запрет быть самим собой.

Для “Памяти друга” Збышека я делаю единственное исключение. Она всегда по душе. Она моя, всегда моя, а в этот день звучала так горестно, так проникновенно, что сам я стал этой скорбной и мужественной музыкой, я звуками ее сливался с друзьями, с миром, я оставался собой и был всеми людьми, всем миром сразу. Вероятно, Збышек Поляновский сознательно пытался породить такое настроение. Могу сказать одно: если он имел подобную цель, она ему удалась.

Ромеро и Олег подошли ко мне, когда я еще был в смятении, порожденном симфонией. Ромеро сказал:

— Дорогой адмирал! Большой Совет постановил снарядить вторую экспедицию в ядро Галактики и назначил командующим эскадрой звездолетов капитана-звездопроходца Олега Шерстюка, нашего общего друга.

Олег добавил:

— Я согласился взять командование лишь при том условии, Эли, чтобы в экспедиции приняли участие вы!

Мне надо было ответить таким же категорическим отказом, каким я не раз отвечал на предложения командовать звездными походами или принимать в них участие. После освобождения Персея, после гибели Астра на Третьей планете Мери и я возвратились на зеленую прародительницу Землю, чтобы никогда уже не покидать ее. Так мы постановили для себя двадцать лет назад и ни разу не отступали от своего решения.

Но неожиданно для самого себя я сказал:

— Я согласен. Приходите ко мне вечером. Посовещаемся.

3

Мери пожелала идти домой пешком. День был хмурый, по небу бежали тучи. На Кольцевом бульваре ветер кружил листья. Я с наслаждением дышал холодным воздухом, больше всех погод люблю вот такую — сухую, резкую, энергичную, наполненную шумом ветра, сиянием пожелтевших деревьев: осень — лучшая для меня пора. Мери тихо сказала:

— Как она хороша, наша старушка Земля! Увидим ли мы ее еще или затеряемся в звездных просторах?

— Ты можешь остаться на Земле, — осторожно заметил я.

Она с иронией посмотрела на меня.

— Я-то могу. Но сумеешь ли ты без меня?

— Нет, Мери, без тебя не сумею, — честно признался я. — Быть без тебя — все равно что быть без себя. Или быть вне себя. Один — я только половинка целого. Ощущение не из лучших.

— Мог бы сегодня обойтись и без неостроумных шуток, Эли! — Она нахмурила брови.

Некоторое время мы шли молча. Я с опаской поглядывал на нее. Столько лет мы вместе, но я до сих пор побаиваюсь смены ее настроений. Сердитое выражение ее лица превратилось в отрешенно-мечтательное. Она спросила:

— Угадаешь, о чем я думаю?

— Нет, конечно.

— Я вспоминаю стихи одного древнего поэта.

— Никогда не замечал в тебе любви к поэзии.

— Ты во мне замечаешь только то, что тебе помогает или мешает, все остальное тебе не видно.

— Потусторонностей, или нездешностей, или каких-либо сверхъестественностей я в тебе не открывал, это правда. Так какие стихи ты вспомнила?

Она показала на мятущиеся кроны.

Кружатся нежные листы
И не хотят коснуться праха...
О неужели это ты,
Все то же наше чувство страха?
Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало?
И нет конца и нет начала
Тебе, тоскующее "я"!

Я согласился, что многое в стихах соответствует моменту. Оставив несуществующего творца с его веленьями, остальное можно принять: и страх гибели присущ всему живому, и нет конца желаниям того конгломерата молекул и полей, который у каждого называется одинаково — "я". Лишь насчет тоски можно поспорить. Тоска — чувство нерабочее, для отпуска и отдыха, а что интересного в томительном отдыхе?

— Удивительно ты все умеешь упрощать, — возразила она с досадой.

И опять мы шли молча, а потом я поинтересовался, какое у нее мнение о причинах катастрофы.

— Прямо противоположное тому, на котором настаивает Павел, — ответила она презрительно. — Удивительный вы народ, мужчины. Ищете злой умысел в каждой загадке! Воинственность так сидит в вас, что вы готовы допустить, что сама природа непрерывно ведет с вами боевые действия. Приписать природе собственные недостатки — легкий путь. Но вряд ли правильный!

— В том, что мы воинственны, виноваты женщины, вы сами рожаете нас такими. Ты, однако, аргументам Ромеро не противопоставила убедительных опровержений.

— Я вижу лишь непроверенные факты и поверхностные догадки о их причинах. Мне нечего опровергать.

Ее слова произвели на меня большее впечатление, чем я в тот день согласился бы признать.

Вечером наша гостиная была полна. Ольге, Ромеро, Олегу, Орлану, Лусину достались кресла, Труб и Граций с трудом разместились на диванах: ангелу мешали крылья, а трехметровый Граций боялся приподниматься, чтобы не удариться головой в потолок. Ромеро доложил, что вторая экспедиция в ядро Галактики планируется для обнаружения неведомых противников и выяснения возможностей мирного общения с ними. Это не военный поход, а миссия мира. Все ресурсы Звездного Союза предоставлены для оснащения новой экспедиции.

— Теперь ставьте вопросы и высказывайте сомнения, адмирал, — закончил Павел.

Сомнений у меня было немало. Рамиров, на поиски которых снарядили первую экспедицию, обнаружить не сумели. Планеты-хищницы, гнавшиеся за звездолетом, названы Алланом живыми существами, но что они реально живые, а не диковинка мертвой природы, не доказано. Район “пыльных солнц”, на окраинах которого погибла экспедиция, по мнению Аллана, — обиталище разумной цивилизации, но ни с одним из ее представителей встретиться не удалось, существование ее остается гипотезой. Попытки прорваться в ядро встретили противодействие, но что из того? Противодействие могло иметь физические причины, нам пока неизвестные, ведь никто не будет утверждать, что мы уже все изучили во Вселенной.

Я обратился к Олегу:

— Ты командующий второй эскадрой. Как ты относишься к моим сомнениям?

Он ответил сдержанно:

— Они могут быть разрешены только одним путем: лететь снова к ядру и выяснить, что мешает в него проникнуть.

Я залюбовался Олегом. Он и похож и не похож на своего отца. От матери ему досталась белая кожа, такая гладкая и нежная, что кажется прозрачной. Он вспыхнул, отвечая, румянец как пламя пробежал со щек на лоб, к ушам, к шее. Есть что-то девическое в его облике, в красоте его головы, в длинных золотых кудрях, падающих на плечи, — впрочем, не столь завитых, какие некогда носил Андре, — в узких плечах, узкой талии, тонких длинных пальцах. Внешность часто обманчива, а у этого человека, назначенного командующим второй эскадрой, особенно. Среди капитанов дальнего звездоплавания он числится в самых бесстрашных и удачливых. Ольга рекомендовала его в адмиралы давно запланированной экспедиции в Гиады, и, если бы не катастрофа с Алланом, Олег уже мчался бы в скопление этих рушащихся в какую-то бездну звезд. Большой Совет отменил поход в Гиады ради новой экспедиции к ядру.

— Твой ответ меня удовлетворяет, — сказал я. — Теперь расскажите о подготовке к экспедиции.

Ромеро объяснил, что подготовка к экспедиции ведется на известной всем нам Третьей планете в Персее, руководят ею Андре и демиург Эллон. На звездолетах, кроме аннигиляторов Танева, устанавливаются и механизмы, быстро меняющие метрику пространства вокруг звездолета. Каждый корабль теперь подобен маленькой Третьей планете, создающей в своем окружении любые искривления. Конструкции генераторов метрики разрабатывает группа Эллона.

— Эллон, Эллон... Ты его знаешь, Орлан?

— Эллона предложил я, — с гордостью объявил Орлан. — В Персее нет другого демиурга, который бы равнялся Эллону в даровании конструктора.

Я заметил, что Граций невесело покачал головой.

— Остается последнее, — продолжал я. — В качестве кого Большой Совет предлагает мне участвовать в экспедиции? Говоря древними терминами, какова моя должность?

— Вы будете душой и совестью экспедиции, Эли, — сказал Олег.

— Плохо организована та экспедиция, где душа и совесть ее отделены от остальных членов экспедиции.

Я говорил серьезно, но моя отповедь вызвала смех. Ромеро примирительно сказал:

— Раз уж вы применили термины, определяющие так называемую должность, то назовем вашу функцию научным руководством — было некогда и такое понятие, дорогой адмирал.

— Сами вы участвуете в походе, Павел?

— Думаю, Большой Совет разрешит мне отбыть с Земли.

После совещания я подсел к Грацию.

— Когда Орлан расхваливал Эллона, ты вздохнул, Граций. Ты не согласен с оценкой Орлана?

Граций засиял доброжелательной улыбкой. Галакты так любят улыбаться, что по любому поводу дарят радостным выражением лица.

— Нет, Эли, мой друг демиург Орлан совершенно точно охарактеризовал Эллона как инженерного гения. Но видишь ли, Эли... — Он запнулся, хотя и удержал на лице улыбку. — В организме у Эллона степень искусственности много, много выше, чем у остальных демиургов; боюсь, что и мозг его содержит искусственные элементы, хотя Орлан и отрицает это.

Я тоже улыбнулся, но по-человечески. Нелюбовь галактов к искусственным органам казалась мне чудачеством. Я пропустил объяснение Грация мимо ушей. Все люди совершают ошибки, я ошибался тоже. И многие мои ошибки, такие невинные на поверхностный взгляд, были роковыми в точном значении слова!

4

Как страшно изменился Андре! Ольга предупреждала, что я его не узнаю, — я посмеивался. Не могло быть, чтобы я не узнал самого лучшего друга! И я, конечно, сразу узнал Андре, когда “Орион” повис над причальной площадкой Третьей планеты и Андре ворвался в распахнутые ворота корабля. Но я был потрясен. Я оставил Андре измученным, еще не оправившимся от безумия, но живым, даже энергичным человеком средних лет. Сейчас же меня обнял старик — суетливый, нервный, беловолосый, морщинистый, преждевременно одряхлевший...

— Да, да, Эли! — со смешком сказал Андре, он уловил произведенное им впечатление. — В непосредственном соседстве с бессмертными галактами мы почему-то особенно быстро стареем. Виной, вероятно, чертова гравитация на этой планетке, закручивания и раскручивания пространства тоже не способству-

ют биологической гармонии. Помнишь Бродягу? Тот мощный мозг, который ты почему-то захотел воплотить в огромное тело игривого дракона?

— Надеюсь, он жив?

— Жив, жив! Но за драконицами давно не гоняется. Впрочем, мыслительные способности у него в порядке.

Мы высадились на планету. Я не описываю рейс “Ориона” в Персей. Для последующих событий это значения не имеет. Не буду описывать и все встречи, они интересны лишь для меня с Мери. Я остановлюсь только на впечатлении от нынешнего пейзажа Третьей планеты.

Мы летели с Мери в обычной авиетке. В нашу память навечно врезался страшный облик грозной космической крепости разрушителей — голая свинцовая поверхность с золотыми валунами. Теперь не было ни свинца, ни золота — всюду синели леса, поблескивали озера.

— Я хочу здесь опуститься, — Мери показала на стоявший отдельно холмик, вершина его была свободна от напивавших снизу кустов.

Мы вышли и впервые почувствовали, что находимся на прежней планете. Гравитационные экраны авиетки предохраняли от страшного притяжения, в районе Станции оно вообще не превосходило земное, а здесь нас буквально прижало к грунту. Я не мог выпрямиться, в голове шумело, я сделал шаг, другой и пошатнулся.

— Сейчас я не сумел бы совершить тот поход к Станции, — сказал я, силясь усмехнуться.

— Ты узнаешь это место, Эли?

— Нет.

— У подножья этого холма умер наш сын...

Прошлое прояснилось в моей памяти. Я с опаской поглядел на Мери. Она улыбнулась. Меня поразила ее улыбка — столько в ней было спокойной радости. Я осторожно сказал:

— Да, то место... Но не лучше ли нам уйти отсюда?

Она обвела рукой окрестности.

— Я так часто видела в мечтах этот золотой холм и мертвую пустыню вокруг! И всегда вспоминала, как страстно желал Астр, чтобы металлические ландшафты забурлили жизнью. Помнишь, как он назвал себя жизнетворцем? На никелевой планете это было легко, там невысокая гравитация. Но и здесь

удалось привить металлу жизнь. Здесь насадили растения, выведенные для мест с повышенным тяготением.

— Созданием которых вы занимались в институте астроботаники?

— Которыми занималась я одна, Эли! Это мой памятник нашему сыну. Теперь возвратимся на Станцию.

Два других события, которые я упомяну, непосредственно связаны с экспедицией. Среди встречавших не было Бродяги. Лусин, чуть ступив на грунт, побежал к дракону. В какой-то степи Лусин — создатель этого диковинного существа и гордится им больше, чем другими своими творениями. Бродяга хворал. Лусин с горечью сообщил, что дракон излишне человечен, хотя и вмещен в нечеловеческую форму, не только бессмертия, но и солидного долголетия ему, как и людям, привить не удастся.

— Хочет видеть. Очень. Тебя, — высказался в своей обычной отрывистой манере Лусин, и на следующее утро мы направились к дракону.

Внешне Бродяга почти не изменился. Летающие драконы не худеют и не толстеют, не выцветают, не седеют, не рыхлеют. Бродяга был таким же, каким я видел его при расставании, — оранжево-сизый, с мощными лапами, с огромными крыльями. Но он уже не летал. Завидев нас, он выполз из своей норы и заскользил навстречу. Волноподобные складки с прежней быстротой перемещались по спине и бокам, массивное туловище извивалось с прежним изяществом, длинный, бронированный прочной чешуей хвост приветственно взметнулся трубой, крылья с грохотом рассекали воздух. Но все эти такие знакомые движения уже не могли поднять Бродягу над грунтом. И огня от него исходило поменьше: багровое пламя было пониже, а синий дым — пожиже. Я не иронизирую, я говорю это с грустью.

— Привет пришедшему! — услышал я так давно не слышанный хриловатый, шепелявый голос. — Рад видеть тебя, адмирал! Садись мне на спину, Эли.

Я присел на лапу и ударил ногой по бронированному боку.

— Ты еще крепок, Бродяга! Хотя, наверно, молодых драконов не обгонишь.

— Отлетался, отбегался, отволочился — все определения моего бытия начинаются на “от”, — безжалостно установил он и вывернул ко мне чудовищную шею, выпуклые зеленовато-желтые глаза глядели умно и печально. — Не жалуюсь, Эли. Я

пожил всласть. Все радости, какие могло доставить существование в живом теле, я испробовал. Будь уверен, я не потеряю спокойствия, когда придет час прощаться с жизнью.

Продолжать разговор в таком унылом ключе я не хотел. Я весело запрыгал на твердой лапе дракона.

— На Земле разработаны новые методы стимулирования организма. Мы испробуем их на тебе, и ты еще покатаешь меня над планетой.

Он иронически усмехнулся. Он все-таки единственный из драконов, кому удалось придать осмысленность гримасам, — остальные просто разевают пасти, выпыхивая дым, и не поймешь, то ли зевают, то ли собираются тебя проглотить. Я чувствовал себя виноватым перед драконом. В прежнем своем воплощении, в образе правящего мозга-мечтателя, он мог бы десятикратно пережить нас всех. Я наделил его телом, но радости телесного бытия кратковременны. Хоть и поздно, но я с пристрастием допрашивал себя, правильно ли я поступил.

А вторым важным событием была встреча с Эллоном.

Мы пошли в мастерскую Эллона вшестером — Мери, Ольга, Ирина, Орлан, Андре и я.

В огромном солнечно-светлом зале нас встретил Эллон.

Я должен описать его. Он стоит передо мной. Я подхожу к нему, всматриваюсь в него. Я стараюсь понять, чем порождено то впечатление, какое он неизменно производил. Я допрашиваю себя, не изменится ли впечатление от пристального разглядывания, от долгого изучения. Ничто не изменяется. Все правильно. Ошибок нет. Если и встретилось мне в жизни существо, в полном смысле слова необыкновенное, то имя этому существу — Эллон!

Он не подошел к нам, только повернул голову на высокой, по-змеиному крутящейся шее. Орлан в знак приветствия поднимает голову и вхлопывает ее в плечи, Эллон не удостоил нас приветствием. Он просто не знал, что такое приветствование, он не обучен таким поступкам. Он молча рассматривал нас. Нет, не рассматривал — пронзал, ослеплял, уничтожал фосфорически пылающими глазами, такие выпренные сравнения в данном случае уместней.

А Орлан робел. Я видел Орлана в сражениях, в дипломатических переговорах, на совещаниях — неизменно спокойным, решительным и бесстрашным. Я был уверен, что хорошо его знаю. Он не поднял, а вжал голову в плечи, он говорил — для

нас — на отличном человеческом языке, но голос звучал робко, почти заискивающе.

— Эллон, люди пришли познакомиться с твоими свершениями, — сказал Орлан этим странным голосом. — Надеюсь, тебя не обременит наше посещение?

— Смотрите и восхищайтесь! — на таком же отличном человеческом языке ответил Эллон и широким жестом длинной, гибкой, бескостной руки обвел помещение. Рот его широко осклабился, синеватое лицо порозовело — вероятно, от удовольствия.

Но смотреть было нечего. Кругом были механизмы, и около них сновали демиурги. Вся планета представляет собой скопление механизмов, по виду не определить было, чем эти, в зале, отличались от тех, что образовывали тысячекилометровые толщи планетных недр. Орлан сказал просительно:

— Будет лучше, если ты дашь пояснения, Эллон.

Эллон касался рукой механизмов, объясняя их назначение. Он двигался вперед, а голова была повернута назад, на нас: все демиурги могут свободно выкручивать голову, но так далеко, на полных сто восемьдесят градусов, выворачивать ее был способен лишь Эллон. И я, не вслушиваясь в объяснения, смотрел на его лицо, старался разобраться не в смысле речи, а в звуке голоса, мне это почему-то казалось важнее, чем вникать в конструкции, все равно я мало что в них понял — я плохой инженер.

И чем настойчивей я всматривался в Эллона, тем прочнее утверждалось во мне впечатление необыкновенности. Эллон смеялся. Он широко раскрывал рот в беззвучном хохоте. Объяснение было серьезное, высококвалифицированное, а гримаса издевательская. Огромный жабий рот пересекал все лицо от уха до уха, рот был раза в два больше, чем у других демиургов: пугающе подвижная, извивающаяся, кривящаяся впадина перехлестывала лицо, а над темной, живой, меняющейся, я бы даже сказал — струящейся от уха к уху безгубой впадиной грозно светили огромные, сине-фиолетовые, пронзительно-неподвижные глаза. Я не робкого десятка и не слабохарактерный, но и меня почти гипнотизировало сочетание дьявольски меняющихся саркастических гримас и зловещих глаз.

Закончив обход зала, Эллон сказал (лишь одни эти слова я запомнил из всего объяснения):

— Ни люди, ни демиурги, ни — тем более — галакты еще никогда не имели столь совершенно вооруженных кораблей.

Если бы хоть один из нынешних звездолетов был у нас, когда человеческие эскадры вторглись в Персей, события развернулись бы по-иному.

Я сухо поинтересовался:

— Тебя огорчает, Эллон, что события не пошли по-иному?

Он с полминуты молчаливо хохотал.

— Не огорчает и не восхищает. Просто я устанавливаю факт.

Ольга стала о чем-то спрашивать Эллона, ее перебивала Ирина, в ней причудливо соединяется порывистая эмоциональность отца с инженерной дотошностью матери. Я отвел Андре в сторону.

— Созданные демиургами механизмы великолепны, я в этом уверен. Но кто командует ими?..

Он нетерпеливо прервал меня. Вероятно, только это одно сохранилось в нем от старого Андре: он по-прежнему ловит мысль на полуслове и все так же не церемонится с собеседниками.

— Можешь не волноваться! Эллон только конструирует механизмы, командую ими я. Пусковые поля замыкаются на мое индивидуальное излучение. А когда эскадра выйдет в поход, я передам управление ими Олегу и капитанам кораблей.

Мы поднялись на поверхность. Ирина восторженно объявила:

— Какой он удивительный, демиург Эллон! Нисколько не похож на других! — Она понизила голос, чтобы Орлан не услышал. — Они все кажутся мне уродами — Эллон один красавец! И какое совершенство инженерных конструкций. Эли, разрешите мне на корабле работать в группе Эллона?

— Где захочешь, — ответил я. Если говорить о моем личном впечатлении, то Эллон показался мне как раз куда безобразней других демиургов.

В гостинице Мери сказала мне:

— Я не имею права вмешиваться в распоряжения научного руководителя экспедиции, но обсуждать действия мужа могу. Я недовольна тобой, Эли.

— Я плохо одет, Мери? Или совершил очередную бестактность? Или обидел кого-нибудь?

— Меня пугает Эллон, — сказала она со вздохом. — Он настолько страшен, что даже красив в своем уродстве, тут я могу

согласиться с Ириной. Но каждый день встречать его на корабле!.. И как Ирина смотрела на него! Если бы она так смотрела на мужчину, я сказала бы, что Ирина влюбилась.

— Пусть влюбляется. Сам я, если помнишь, некогда тоже влюбился в Фиолу — нечеловеческое существо. Чувства эти безвредны, ибо бесперспективны. Не взять Эллона с собой мы не можем: он ведь объявлен инженерным гением. Боюсь, в тебе говорит человеческий шовинизм, недопустимый в эпоху звездного братства. Я убедил тебя такой железной формулой?

— Ты убедил меня тем, что безнадежно пожал плечами, — сказала она, грустно улыбаясь. — Не обращай внимания на мои настроения. Они порождаются не умными рассуждениями, а темными предчувствиями...

Я часто потом вспоминал этот разговор с Мери на грозной Третьей планете Персея.

5

Нет, я не создаю для потомков отчета о нашей экспедиции! Я уже говорил, что не уверен, попадут ли мои записи на Землю. Я пытаюсь разобраться в смысле событий. Я допрашиваю себя, правильно ли я поступал. Я все снова и снова подхожу к мертвому телу предателя, недвижно повисшему в силовом поле, ему уже никогда не изменить однажды принятой позы, и все снова и снова говорю себе: “Эли, тут что-то не так, ты должен во всем этом разобраться, ты должен разобраться, Эли!” Но я не могу разобраться, я слишком рассудочен. Это парадоксально, что поделаешь, одна из новых истин, столь не просто и столь не сразу нами воспринятых, звучит именно так: чем логичней рассуждение, тем оно дальше от истины. Мир, в котором мы существуем сегодня, подчинен законам физики, но нашей логики не признает...

Я не буду описывать подготовку и отправку экспедиции. На Земле о нашем старте знают всё: как мы ограничили эскадру пятнадцатью звездолетами (одиннадцать, лишённые команд, гигантские летящие склады, управлялись автоматами, четыре — “Козерог”, “Овен”, “Змееносец” и “Телец”— имели экипажи и командиров: Осиму, Ольгу, Камагина и Петри); и как я разрешил принять Бродягу на борт флагманского корабля “Козерог”, хотя Олег колебался, стоит ли брать в дальний рейс дряхлею-

щего дракона; и как на “Козероге” мы разместили инженерную лабораторию Эллона; и как эскадра устремилась в созвездие Стрельца, в сгущение темных облаков, прикрывающих от нашего взгляда ядро Галактики; и как три года мы мчались к Галактическому ядру, тысячекратно обгоняя свет и поддерживая через Третью планету Персея — на ней по-прежнему правил Андре — связь с Землей на волнах пространства; и как на четвертом году сверхсветовая связь оборвалась и мы для Персея и Земли как бы выпали в небытие.

С этого момента я и начну рассказ о наших приключениях в Галактическом ядре.

Генераторы волн пространства отказали все вдруг и полностью: мы больше не принимали депеш с Третьей планеты, не отправляли своих сообщений. Механизмы были в порядке, изменилось пространство. Импульсы генераторов не пробивались наружу, мы не принимали сигналов извне. Мы внезапно как бы онемели и потеряли слух. Но зрения не потеряли. Приборы издали зафиксировали появление планеты-хищницы, точно такой, какая напала на эскадру Аллана. Разница была лишь в том, что Аллан к моменту ее нападения поддерживал связь с базой, а мы такой возможности лишились. И мы с сомнением относились к депеше Аллана, что их преследует не гигантский корабль, столь же превосходящий размерами наши звездолеты, как гора превосходит мышь, а загадочное космическое существо, отнюдь не скрывающее намерения настичь эскадру. Представление о диковинном звездолете все-таки больше соответствовало всему, что мы знали о мире.

Но был ли это звездолет или космическое существо, нас всех пронизало беспокойство, когда анализаторы обнаружили в отдалении загадочную планету и бесстрастно доложили, что она устремилась за нами. Мы шли тогда по краю темных облаков, прикрывающих ядро. Слово “край” относительно — на миллиарды километров вокруг простиралась туманность, холодная, безмерно унылая, звезды тускло просвечивали сквозь багровую полутьму. Мери сказала со вздохом: “Крепко же накурили в этом уголке Вселенной!” Хищная планета возникла оранжевым пятнышком в тумане и стала быстро увеличиваться. Мы шли в сверхсветовой области — она мчалась в Эйнштейновом пространстве. За нами тянулся шлейф превращенной в пыль пусто-

ты — за планетой пространство было чисто. Мы уничтожали простор — планета неслась в нем со сверхсветовой скоростью, с такой чудовищной скоростью, что нагоняла нас. Законы физики летели в пропасть — так нам казалось. Лишь сейчас мы начинаем понимать, насколько скудны наши знания о законах природы.

Итак, планета догоняла нас. Она была огромна, как Земля. Тысячи наших звездолетов могли разместиться на ее поверхности, десятки тысяч провалиться в ее недра. Траектория ее полета прихотливо менялась, выдавая одну бесспорную цель — догнать эскадру. Как и Аллан, мы могли говорить о свободной воле, командовавшей полетом хищницы. Но мы по-прежнему считали, что нас настигает корабль, разумные же существа притаились в его недрах, у пультов неведомых нам грозных механизмов. На наши призывы они не откликались. Не надо было обладать сверхтонким интеллектом, чтобы расшифровать наши сигналы, это была задача для школьника, а не для космического инженера. Но планета молчала — молчала и нагоняла нас, непостижимо нагоняла, со сверхсветовой скоростью в обычном световом пространстве.

Олег вызвал на связь звездолеты.

— Аллан спасся тем, что пустил в аннигиляцию активное вещество, — сказал Олег. — Преследователь не сумел преодолеть преграду новосотворенной пустоты. Но, потеряв три четверти запасов, эскадра Аллана впоследствии не справилась с другими трудностями. Должны ли мы повторить защиту Аллана?

Все единодушно высказались против. Мы были вооружены сильнее эскадры Аллана. Мы могли подпустить к себе странного преследователя и ближе, чем рискнул Аллан. И надо было установить, нападение ли это или какая-то новая форма контакта.

Если когда-нибудь наши стереофильмы попадут на Землю, люди увидят, как мы отделили от эскадры один из грузовых звездолетов, предварительно освобожденный от грузов. Планета набросилась на звездолет, как лисица на куропатку. На пленках запечатлены взрыв, густое облачко сперва сияющей, потом быстро темнеющей пыли. И планета, каким-то челноком снующая из края в край облачка, жадно, всей поверхностью поглощающая пыль. Прах уничтоженного корабля всасывался внутрь.

Пространство высветлялось, гигантский пылесос мощно трудился, справляясь с останками звездолета.

— Отвратительный жадный рот, несущийся в пустоте! — с негодованием воскликнула Мери.

Мы сидели в наблюдательном зале, наблюдая за гибелью подброшенного хищнику корабля.

— Скорее, ассенизатор космоса, дорогая Мери, — отозвался Ромеро и добавил со вздохом: — Плохо лишь то, что этот космический дворник почему-то склонен рассматривать нас в качестве мусора.

Справедливость замечания Ромеро мы оценили лишь впоследствии, когда стало ясно, что планета не просто мчалась в туманности, куда вторглась наша эскадра, но попутно поглощала и окружающий газ и пыль, справляясь таким образом с самой туманностью. В те часы нам было не до функций космического ассенизатора. Меня и Ромеро вызвал Олег. В командирскую рубку пригласили и Орлана с Грацием. Олег попросил и Эллона, но тот отговорился занятостью. Демиурги, в отличие от галактов, недолюбливают советы и заседания.

Олега интересовало одно: бежать или отразить нападение?

— Бежать, бежать! — поспешно сказал Граций.

Я всегда замечал, что, если есть хоть малейшая возможность избежать боя, бессмертные галакты ее используют. Они куда больше дорожат своим бессмертием, чем мы своим бранным существованием. В данном случае, впрочем, мы все согласились с Грацием.

Зато способ бегства вызвал споры. Я не считал, что нужно так уж категорически отказываться от использования активного вещества. У нас его много больше, чем у Аллана, а способ этот весьма действен, как доказал тот же Аллан, именно так удравший от хищницы. Со мной, однако, не согласились. И сейчас, зная многое, чего не знали тогда, я могу лишь порадоваться, что остался в меньшинстве. Граций предложил воспользоваться приемом вмещения больших предметов в малые объемы, который так распространен на планетах галактов. Орлан запротестовал. Сокращение масштабов—операция медленная, люди плохо переносят иномасштабность, демиургам же, с их повышенной искусственностью, изменять размеры тел просто опасно. Да и нет гарантии, что хищница не погонится и за опадающим в объеме кораблем. С пылью и газом она справля-

ется идеально. Не облегчим ли мы ей задачу поскорей проглотить нас?

— Только гравитационная улитка! Мы оснастили звездолеты механизмами, меняющими околорабельную метрику. Нырнув в крутую неевклидовость, мы оставим космического разбойника по ту сторону искривленного пространства. Твое мнение, Эллон? — спросил он, не дожидаясь нашего решения.

Засветившийся на экране Эллон подтвердил, что нет ничего проще, чем запустить хищника в гравитационный туннель.

— Планета полетит наружу, как шар под гору! И если сохранит свои поглощала невредимыми, то ей дьявольски повезет! — Он распахнул рот в таком приступе молчаливого хохота, что не мне одному показалось, будто его нижняя челюсть вот-вот отвалится. В отличие от галакта, Эллона радовала перспектива схваток, воинственность была так же присуща ему, как инженерная одаренность.

Я опустился в лабораторию. У командных приборов прохаживался, подпрыгивая, как все демиурги, Эллон. У пульта, оснащенного клавишами, как древние рояли, дежурила Ирина. Возле противоположной стены распластался Бродяга, захватывая чуть не три четверти площади. Завидев меня, он дружески выбросил из ноздрей два фонтана дыма и приветливо перебросил на зубцах короны несколько молний. Они были теперь не так многоветвисты и красочны, как в годы его драконьей молодости. Я встал за спиной Ирины.

— Включай первое искривление, — приказал Эллон, и Ирина забарабанила пальцами по клавишам.

К этому времени все четырнадцать звездолетов сконцентрировались в такой близости от “Козерога”, что теснота показалась мне опасной. Я ничего не могу с собой поделаться: сближение кораблей на дистанцию визуальной видимости всегда пугает меня. Но без концентрации флота его не обнести неевклидовым забором. Первое искривление, включенное Ириной, как раз создавало такой защитный забор. А затем Эллон предложил полюбоваться, как глупая планета, или существа, обитающие в ней, расшибают лоб о стену. Не знаю, есть ли у планеты лоб, но налетела она на искривление неистово и с такой же неистовостью отлетела. Это повторилось несколько раз — удар и отлет, снова удар и снова отлет. Змеящийся рот Эллона сводила судорога восторга, грозные глаза сверкали. Он не мог отвернуть

фосфоресцирующего лица от пейзажа на экране — тусклых звезд в дымке туманности и пронзительно сияющей, пронзительно несущейся на нас, все снова отбрасываемой назад планеты.

— Включай выводной туннель! — велел Эллон, и Ирина снова забарабанила по клавишам.

Теперь мы могли убедиться в мощности генераторов метрики. Планету вышвырнуло в какую-то бездну — не пассивным скольжением по инерции в искривленном пространстве, с каким мы когда-то так остервенело боролись при первом нашем появлении в Персее, а мощным толчком наружу. Я обратился к Эллону, он не ответил, он сгибался в беззвучном ликующем хохоте. Я повернулся к дракону.

— Здесь не простое изменение метрики! Ты знаешь об этом, Бродяга?

Дракон восторженно бил хвостом, сыпал тусклыми молниями.

— Конечно, Эли! Проблема пинка в зад — так это можно назвать на человеческом языке. Еще когда я был главным мозгом, мне всегда хотелось наддать дополнительного импульса выбрасываемым звездолетам. Эллон осуществил мою давнюю мечту. Действительно, правда?

Я согласился: да, очень действительно. Дракон выпустил на меня густой столб багровой гари, я отшатнулся. В закрытом помещении можно было радоваться и не так дымно. Я подошел к Ирине.

— Эли, Эли! — сказала она голосом, какого я у нее никогда не слышал. — Какой он человек! Какой он удивительный человек!

Я бы мог возразить, что удивительность Эллона как раз в том, что он не человек, но промолчал. Уходя, я посмотрел на них троих. С того дня прошло много времени, я только не знаю, сколько, — может быть, один год, может быть, миллионы лет, любое время могло промчаться в нашей сегодняшней иновременности. Но эту картину вижу с такой отчетливостью, словно впервые рассматриваю. На полу, захватив добрую треть помещения, извивался и ликующе дымил дракон, у экранов приплясывал и исходил молчаливым хохотом фосфоресцирующий синим лицом Эллон, а Ирина, прижав руку к сердцу, восторженно, молчаливо глядела на него, только молчаливо, упоенно глядела...

Вот так и совершилось наше вторжение в темные облака, прикрывающие ядро. Сперва отказали генераторы волн пространства и мы лишились связи с базой на Третьей планете, а затем напала хищная планета и Эллон спровадил ее в тартарары. Она исчезла бесследно из нашего района космоса, ее вообще не стало в нашем мире — так показывали анализаторы. Сейчас мне кажется, что она просто выпала из нашего времени, что она в иных веках, иных тысячелетиях, может быть, и миллионолетиях — мы уже не одновременны в этом мире. Я сказал — “просто выпала из нашего времени”. У меня пухнет голова от такой простоты. Она непостижима. Убийственная простота — вот самое точное определение для нашего нового понимания тех событий.

А на экранах день за днем разворачивалась одна и та же мрачная картина — туман и дым, и в дыму привидениями — редкие звезды. Звездного окружения не существовало, дальние светила не пробивались сквозь мрак, лишь те, к каким мы приближались, смутно проступали в тумане и так же смутно погасали, когда мы отдалялись от них. И все это были странные звезды — подмигивающие, пыхтящие, как бы вздыхающие вспышками тусклого сияния. Так преображал их дым туманности — нечеткие огоньки в исполинском пыльном погребке космоса!

Неделю за неделей, месяц за месяцем мы мчались в пыльном мраке, огибая встречающиеся звезды. И лишь когда у одного светила — мы назвали его Красным — анализаторы обнаружили одинокую планету с условиями, благоприятными для жизни, эскадра вынырнула в Эйнштейново пространство. До сих пор все встречные звезды были беспланетны. Промчатся мимо первой обнаруженной планеты мы не могли.

Звезда только издали казалась красной. По мере того как мы приближались, она голубела. Вблизи это было хорошее светило, молодое, энергичное, животворящее, вращаться вокруг такого солнца было завидной участью. И наши анализаторы показали, что жизнь на планете есть. Но ни на один из сигналов планета не откликнулась. Звездолеты яркими лунами повисли над ней, их нельзя было не видеть даже подслеповатому глазу, но и подслеповатого глаза, видимо, не имелось.

Олег приказал главной поисковой группе высаживаться на планету. На каждом звездолете имеются свои поисковые группы, главную возглавляю я. В поисковиках Труб и Гиг — летающие разведчики и воины, Ромеро — историк и знаток инозвездных цивилизаций, Мери — астроботаник, Лусин — астрозоолог, Ирина с ее приборами, а также Орлан и Граций. Я сделал одно отклонение от штатных назначений: включил в нашу группу Бродягу. Олег удивился: ведь неповоротливый старый дракон снизит мобильность поиска! Да и скафандра на такую махину не подобрать. Я, однако, не думал, что Бродяга нам мешает, а что до скафандра, то драконы, как и демиурги, отлично дышат разреженным воздухом, куда лучше нас переносят жару и холод. И Бродяге надо порезвиться на свободе. Звездолеты огромны для людей, демиургов и галактов, но конструкторы кораблей и не помышляли, что в корабельные списки будет внесено такое существо, как гигантский летающий ящер.

Олег вежливо слушал, вежливо улыбался, потряхивал золотыми кудрями. Этот человек, столь похожий на красивую девушку, непроницаем. Команды он отдает дельные, им без спору подчиняются и спокойный Петри, и резкий Осима, и вспыльчивый Камагин, и рассудительная Ольга, тем более — все остальные. Слушает он внимательно, но реплики подает больше улыбками, а когда приходится отвечать, то отвечает решениями, а не соображениями. Так было и в этот раз.

— Тебе виднее, Эли. — сказал он.

Мы высадились на планете.

Она не удивила нас, когда рассматривали ее издали. В галактических пространствах мы видели миры и необычной. Стандартный космический шарик: размер — с Марс, атмосфера — сходная с земной, горы, моря, облака, вероятно, и зелень, и животные; может быть, и разумные существа. Каждый из поисковиков брал переносный дешифратор сигналов, а Ирина нагрузилась еще и специальными приборами. Трубу и Гигу тоже предложили дешифраторы, но brave друзья из механизмов признавали лишь разрядники и гранаты.

Планета казалась обычной лишь издали. Удивительный мир разбегался под нами вширь, когда планетолет опускался на вершину холма, торчащего посреди равнины. Такого мира мы еще не знали.

Он был выражен лишь двумя цветами — черным и красным. На красной земле текли красные реки, раскидывались некрупные красные озера, с красных скал низвергались красные водопады. А на фоне назойливой вакханалии красного чернели леса и поля — черные деревья, черные кусты, черные травы. И над черными лесами летали черные птицы, в зарослях черного кустарника мелькали черные звери, в красной воде плыли черные рыбы. И облака над нами были черные с огненно-красными краями, они то сгущались — и все красное у них пропадало в черном, то редели — и черное становилось красным.

— Преддверие ада таких же цветов, ты не находишь, Эли? — пробормотал Труб и озадаченно распушил когтями бакенбарды.

— Что могут ангелы знать об аде?

— Узнаем, — пообещал он и взмыл вверх.

— Мне кажется, все неживое здесь красного цвета, а живое предпочитает черный, — заметила Мери.

Граций величественно кивнул, он пришел к такому же мнению. Мнение это было тут же опровергнуто Трубом. Ангел погнался за птицей, схожей с нашим гусем, только крупнее. Тогда птица сложила крылья и стала падать. Она падала, на глазах превращаясь из черной в пламенно-красную. Труб приземлился и позвал нас. Птицы не было. На земле лежал небольшой валун, мертвый, холодный и такой же красный, как и все вокруг.

— Это она, она! Она превратилась в камень! Она притворяется камнем! — твердил Труб и раздраженно толкал красную глыбу то ногой, то крылом, но никак не мог сдвинуть ее: казалось, что валунок лежал на том месте тысячелетия — так он врос в грунт.

Мери с отвращением сказала:

— Здесь даже звуки черные!

Здесь и вправду все звучало глухо и невыразительно. Я бы добавил, что и запахи были черные: и красная земля, и красная вода, и черные растения пахли одинаково — ничто не имело своего аромата, не было своеобразных запахов, как не было и своеобразных звуков. Я ударил ногой о красный камень, который Труб считал преображенной птицей, Ромеро деловито постучал своей металлической тростью о металлический дешифратор: мы не слышали ни металла, ни камня, не было постукивания, не было удара — один плотный ком ваты как бы столкнулся с другим.

Трубу захотелось полетать над лесом, там он углядел новых птиц и резво помчался за ними, но и птиц больше не было и сам лес стал исчезать, когда Труб подлетел к нему. Лес опадал, прикивал к земле, превращался в землю, менял черный цвет на красный. И больше не было леса, была одна красная, голая, безжизненная земля.

— Гиг, — сказал я предводителю невидимок. — Разведка твоему другу не удастся. Не можешь ли ты помочь ангелу?

— Сейчас надену мундир, начальник! — воскликнул бравый Гиг и понесся вслед за ангелом. Исчезал он уже на лету.

Труб в недоумении парил над исчезнувшим лесом, ангела мы видели хорошо, а Гиг, естественно, зрению был недоступен, но извилистая линия внезапного опадания леса, превращение черного цвета в красный отчетливо отмечали невидимый полет Гига.

— Экранирование невидимок здесь не действует, — сказал удивленный Орлан. — А мы были уверены, что их невидимость совершенна!

Ирина подтвердила, что оптическая невидимость Гига недостаточна. Неизвестно, следит ли за нами кто-то, но если следит, то экранированный Гиг виден ему столь же ясно, как и Трубу.

— Нас терпят на расстоянии до двухсот метров. От двухсот метров до ста все поспешно омертвляется. Чем быстрее мы приближаемся, тем быстрее омертвление. Граница в сто метров непреодолима. За ней лишь красная окаменевшая земля.

Объяснение Ирины ничего не объяснило, оно само было загадкой. В эту минуту Гиг кинулся в реку. Картина убегающего мира привела воинственного скелета в ярость. Он усмотрел мирно текущую в красных берегах красную речку и набросился на нее. Река рванулась в сторону, в считанные секунды изменила русло и понеслась по камням. По пути ей повстречался обрыв, и река низверглась с него стремительным водопадом. Это было живое существо, быстрое, ловкое, безмерно напуганное, — такое впечатление создалось у всех. А когда невидимка все-таки настиг ее, река мгновенно иссякла. Было прежнее русло, были следы метания живой воды по земле, но реки не было. Она не ушла, не просочилась в недра, даже не пропала, как привидение. Она окаменела.

Гиг сбросил экран и опустился около нас.

— Начальник, я возмущен! — Он сконфуженно затрещал костями. — Я еще не встречал таких трусов, как здешние деревья. А что за фокусы проделывают здешние реки? Ты мог бы мне объяснить, Орлан, почему шальная речка удрала от меня?

Орлан мог объяснить столько же, сколько и я, а я ничего не понимал. Труб по-прежнему кружил над омертвелым лесом, Гиг присоединился к нему, на этот раз без экранирования. Возмущение невидимки скоро превратилось в восхищение. Ему стало нравиться, что все, к чему он приближается, каменеет. Летящий скелет все расширял круги полета, пока не скрылся за горизонтом. Ангел последовал за невидимкой. Я подошел к Бродяге.

Дракон попытался совершить небольшой круг в воздухе, но, тяжело поднявшись метров на десять, снова опустился на пригорочек. Здесь он обессиленно распластался, выдыхая густой дым, устало посверкивал тусклыми молниями. Я начал сожалеть, что разрешил ему принять участие в экспедиции. Настроение это переменялось, когда я взглянул в выпуклые, оранжево-зеленые, насмешливые глаза дракона. У Бродяги был чертовски умный взгляд.

— Забавная планетка. Тебе не кажется, что здесь много загадок, Бродяга?

— Только одна, — ответил он.

— Одна? Я назову сразу три: живые реки и деревья, боязнь нас, их мгновенное превращение в камни. Я уже не говорю о том, что камнями становятся даже птицы.

— Только одна, — повторил он. — У меня ощущение, будто я встретился с самим собой — с прежним собой... Я угадываю присутствие мыслящего мозга, но не могу установить с ним связи...

На распластанном крыле дракона сидел Лусин. Я обратился к нему:

— А ты что скажешь о планете?

— Странная, — ответил он, подумав. И, еще подумав, добавил убежденно: — Очень странная!

7

Времени на размышление не было: Труб нуждался в указаниях, Гиг жаждал приказов, все требовали разъяснений. Я сердито сказал Ирине:

— Немного стоят приборы, не способные установить простой факт, что на этой планете живое, а что мертвое.

Она вызывающе прищурилась. Она вообще не взглядывала, а метала взгляды. Когда ее упрекали, она не оправдывалась, только раздражалась. Ольга не сумела воспитать свою дочь в послушании.

— Ошибаются не мои приборы, ошибочно ваше представление о том, что просто, а что сложно на этой планете! Разрешите мне слетать на “Козерог”, я возьму другую модель скафандра, обеспечивающую лучшее экранирование.

— Для невидимок или для нас?

— Для каждого, кто захочет стать невидимым.

— Я сам возвращусь на “Козерог” посоветоваться с начальником экспедиции. Вы пока останетесь здесь.

Павел с опаской взглянул на меня и покачал головой. Я удивился:

— Вы недовольны?

— Может быть, лучше нам всем возвратиться, дорогой адмирал? Откровенно говоря, я не хотел бы проводить ночь на этой планете.

— Не понимаю, что вас беспокоит.

Он выразительно пожал плечами.

— В каждом из нас сидит ветхий Адам, любезный адмирал. Мы способны зажигать звезды, скручивать пространство, чего, если верить древним, даже их боги не умели. Но чуть мы остаемся один на один с природой, в нас возрождаются старинные страхи, мы тогда не больше чем крохотная частица мира, не властелины, а игрушки стихий.

Меня не убедили соображения о “ветхом Адаме”. Планета была диковинна, но разве звездопроходцам не встречались небесные тела и постранней? И если я согласился на общее возвращение на звездолет (а это, как доказали последующие события, было самым разумным), то не из сочувствия к ночным страхам Ромеро — просто мне показалось излишним вникать в странности этого маленького мирка. У нас были задачи и поважней. Именно так я и доложил Олегу.

Олег выслушал меня с обычной бесстрастно-учливой улыбкой. Он мог бы и не расспрашивать: все, что мы делали на планете, транслировалось на звездолеты. И вряд ли следовало вооружаться такой отстраняющей улыбкой. Я намеренно говорю:

отстраняющей. Улыбка подобна руке — ударяет, если зла, дружески пожимает, если добра, тянет к себе, если радостна. У Олега она заставляет сидеть на своем месте, подчеркивает дистанцию. На “Овне”, “Тельце” и “Змееносце”, которыми командуют Ольга, Петри и Камагин, отношения между капитанами и экипажем сердечней. Я постановил для себя высказать это Олегу при удобном случае. Случай представился немедленно. Я посоветовал созвать совещание капитанов звездолетов и решить сообща, продолжать ли исследование первой обнаруженной нами планеты.

— Но ведь ты считаешь, что делать этого не нужно, Эли.

— Мало ли что я считаю! Я могу и ошибаться. Инструментальная разведка в ведении группы Эллона. Вдруг он предложит что-нибудь поинтересней скафандров, обеспечивающих невидимость?

— Не нужно совещаний. Мы удалимся из этого района.

Тогда я заговорил откровенно:

— Олег, почему ты держишься так отчужденно? Поверь, это производит неприятное впечатление не только на меня.

Он помедлил с ответом.

— Я не должен держаться по-иному, Эли.

— Не должен?

Он рассеянно глядел в угол. Лицо его покинула маскирующая вежливая улыбка. Он был прежний простой и ясный парень, каким я знал его на Земле.

— Эли, я не люблю Эллона, — сказал он.

— Никто не любит Эллона.

— Ты ошибаешься, Эли.

— За исключением Ирины, — поправился я.

— Для меня это достаточно важное исключение... Мы были очень дружны, пока она не стала работать с Эллоном. Он выдающийся ум, но она уж очень им покорена. И Эллон в ее присутствии непрерывно подчеркивает, что я выше по должности, но не по значению.

— Мы говорим о твоем отношении ко всем, а не к Эллону, — напомнил я.

— Я не могу выделить Эллона среди других. Заповедь звездопроходца — ко всем товарищам относиться одинаково по товарищески. Но я не способен обращаться с ним, как с Ромеро, как с Орланом и Грацием. Для меня один выход: не показывать

особой приязни ни к кому. Возможно, я не прав, но навязываться Эллону в друзья не буду.

Читать Олегу проповедь о звездной дружбе я не хотел и перевел разговор на другую тему.

— Твой отец когда-то задумывался над проблемами звездной гармонии. Он даже написал симфонию “Гармония звездных сфер”. Если не вру, она трактовала о круговороте миров, о людях и о небожителях, — как раз наши сегодняшние проблемы. Но там была не одна музыка, но и другие ингредиенты — давление, жара, холод, перегрузки, невесомость...

Олег хорошо знал биографию своего отца.

— Симфония провалилась при первом исполнении на Земле, небожители на Оре тоже не пришли в восторг. Она, вероятно, была преждевременна. Боюсь, что и мы преждевременны, Эли: пока звездная гармония осваивается с трудом. И, вероятно, мы еще встретимся с ингредиентами перегрузки, поразительной жары и холода.

Наш разговор прервал сигнал тревоги. Мы с Олегом поспешили в командирский зал. Анализаторы извещали, что звезда Красная подверглась нападению. Все четыре корабельные МУМ, независимо одна от другой, из всей бездны понятий, хранящихся в их памяти, дружно выбрали именно этот чудовищный термин — “нападение”.

Изумленные, мы не отрывали глаз от экранов. Из района, куда был проложен наш курс, несся мощный поток излучения — гигантский луч, нацеленный точно на Красную. Струя несущейся энергии нам, со стороны, казалась бледным силуэтом, слабо светящейся лентой, слегка затенившей звезды. И если бы не было видно, что происходит со звездой, мы могли бы и не понять, какая мощь заключена в поразившем ее луче.

Олег повернул ко мне побледневшее лицо.

— Какое счастье, Эли, что мы у планеты. Если бы мы оказались сейчас по ту сторону Красной, вся эскадра превратилась бы в плазменное облачко!

— Что ты собираешься предпринять, Олег? Поскорей бежать отсюда?

— Приблизиться к Красной, Эли. Мы должны разобраться, что происходит. Будем идти со всей осторожностью, конечно.

Эскадра, оставаясь в Эйнштейновом пространстве, направилась к уничтожаемой кем-то или чем-то звезде. Я сидел в кресле

и хмуро глядел на экраны. Я думал о гибели первой экспедиции в ядро Галактики. Воспоминания о той эскадре в эти минуты томили не одного меня.

Последние записи бортового журнала Аллана говорили о том, что на звездолеты обрушился поток губительных частиц и что Аллан с Леонидом пытались вывести корабли за пределы потока. Вырвавшись на чистый простор, они уже надеялись, что избежали непонятной опасности, как вдруг корабли снова настигли такие же потоки, как будто бы неведомые — во всяком случае невидимые — генераторы губительного луча меняли прицел, следя за метаниями эскадры. Так продолжалось несколько раз, пока не оборвались записи и корабли с мертвыми экипажами, успевшими перед гибелью задать автоматам обратный курс, не унеслись назад из ядра, так и не подпустившего их к себе. Именно целенаправленность ударов, не объяснимая ничем иным перемена направления узких потоков и заставили предположить потом на Земле, что против экспедиции начались военные действия.

Сейчас была аналогичная картина, с той лишь разницей, что луч обратили не против нас и что мощность его безмерно превосходила то, что обрушилось на корабли Аллана и Леонида. Обстреливали звезду, а не звездолеты, — энергии требовалось побольше. Картина была реальная и невыносимая в своей реальности — без конца исторгающийся поток энергии, строго направленный на Красную чудовищный луч...

— Война! — невольно сказал я вслух. — Какое же дьявольское могущество — так обстреливать звезды!..

— Еще нужно установить, что это чье-то сознательное действие, а не стихийное явление природы, — возразил Олег. Он не мог согласиться, что мы повстречались с космической стрельбой. — Война против вторгнувшихся кораблей противника все-таки понятна. Возмутительно, отвратительно, преступно — да, но в конце концов не противоречит законам поведения живых существ. Но зачем воевать против мертвой звезды? Почему? Для чего?

— Не могу ответить ни на один твой вопрос, Олег. Но уверен, что, если мы сегодня не будем соблюдать поистине исплинскую осторожность, мы угодим в беду горше той, что постигла эскадру Аллана, — даже трупы наши не вышвырнет на родину!

Олег держал эскадру в отдалении от страшного луча. Экипажи дежурили на боевых постах. Мы были готовы немедленно включить все средства защиты — аннигиляторы пространства, генераторы метрики, гравитационные улитки. Я не сомневался уже и тогда, что вся эта казавшаяся столь могущественной защита не больше чем хлопущка против атомного снаряда. У меня не ослабевало ощущение, что мы резвимся на краю бездны. Мы не погибли лишь потому, что нас игнорировали. Удару подверглась звезда, а не эскадра.

Чудовищный луч врезался в нее, как гарпун в тело кита, как шпага в грудь дуэлянта. Звезда распухла, разлетелась, исторглась. Она вся целиком превратилась в огромный протуберанец, она неслась на нас, тускнея, в дыме и пепле, пропадала в бешено разлетающемся собственном прахе.

Луч оборвался так же внезапно, как и возник. Звезда продолжала бушевать, но это была уже другая звезда. Добрая треть ее вещества, исторгнутая наружу, продолжала разлетаться, сгущая и без того плотную туманность. Багровая пыль затягивала потускневшие светила дальних звездных районов. Пылевое облако мчалось, как после взрыва.

А с планетой, на которой мы всего несколько часов назад побывали, было покончено. Собственно, планета сохранилась, но лишь как небесное тело. Диковинные формы жизни, открытые на ней, были уничтожены. Вся поверхность планеты, повернутая к Красной, была покрыта стекловидной оплавленной массой. Возможно, на другой стороне и можно было поискать остатки жизни, но там бушевали пожары. Для нас не было сомнений, что и мы все погибли бы, если бы остались в эту страшную ночь на планете.

Природа луча, столь неожиданно появившегося и так внезапно оборвавшегося, так и осталась непроясненной. В нем имелись тривиальные фотоны, нейтроны, протоны, ротонны, нейтрино, даже мало изученные ергоны, а также, вероятно, и еще неизвестные материальные микроконструкции. Нельзя было и вообразить никакого естественного процесса, создающего такой чудовищный гиперлазер. Но если то был и вправду обстрел, а не стихийно протекающий процесс, то для чего обстреливали звезду? Кто ее обстреливал?

Олег собрал совет командиров. Совещание транслировалось на все корабли. Олег поставил один вопрос: что командиры думают по поводу событий, разыгравшихся на Красной?

— Космическая катастрофа, — сказала Ольга. — Я сделала некоторые подсчеты. Поток, исторгнувшийся из ядра, перенес энергию, достаточную для создания десяти новых планет. Маловероятно, что где-то можно было изготовить орудие такой мощности. Я склоняюсь к тому, что мы встретились с новым космическим процессом.

— Если это космический процесс, то он опасен, — высказался осторожный Петри. — Пронесся бы такой луч через нашу эскадру — и воспоминания бы от нас не осталось! Меня смущает прицельность потока... Он шел издалека и точно угодил в звезду. Такая точность для естественного процесса маловероятна.

— Космическая война! — воскликнул Камагин. — Вы спросите, почему кто-то нападает на мертвое светило? А разве люди не штурмовали мертвый камень фортов и крепостей, не разрушали города и посева, леса и воды, чтобы лишить противника убежищ и источников питания? Мы не знаем целей войны, не знаем, кто ее ведет, не знаем, какую пользу кому-то приносит уничтожение Красной, но что это война — сомнений быть не может. И результаты мы видим ясно — деградация главного светила, гибель уникальных форм жизни!

— Если война, то надо определить, на чьей мы стороне, — объявил Осима. — Кто сеет зло, кто страдает от зла? Что до меня, то мне больно за странные существа, населявшие планету. Удар направлен против них, а они были бессильны ответить контрударом. Жизнь их странна, но это жизнь, и она взывает о защите.

На совете капитанов всегда присутствуют Орлан и Граций. Олег попросил высказаться и их. Им не хватало данных для решения. Сам Олег сказал, что мы не вправе ошибиться, ошибка непоправима.

Если мы встретились с актом войны, не будем торопиться вмешаться в нее. Надо разведать силы и цели противника. А если в космосе разыгрались неведомые стихии, тем более следует остерегаться, чтобы ненароком не попасть в какое-нибудь чудовищное горнило.

— Нас интересует твое мнение, Эли. Ты научный руководитель экспедиции, твое слово решающее.

— Мое слово ничего не решает, ибо я согласен со всеми, — объявил я. — Все мнения обоснованны. Ближе всех мне анализ

Камагина и желания Осимы. Но я бы не рискнул действовать по их программе. Я поддерживаю командующего. Изучение продолжается, категорические решения откладываются.

— Тогда продолжаем движение к ядру, — подвел итоги Олег. — И ко всему только присматриваемся.

После совета Камагин упрекнул меня:

— Эли, раньше вы были решительней! И принимали решения такие смелые, что голова кружилась. Вы постарели, адмирал!

Я с нежностью смотрел на Эдуарда. Он не постарел. Он ровно вшестеро старше любого из нас — и моложе всех. Маленький, быстрый, широкоплечий, с красивым лицом, с темной шевелюрой, темными живыми глазами, он сохранил ту смелую душу, что некогда повела его в космос на примитивных досветовых звездолетах, дала возможность пройти испытания трехсотлетней космической одиссеи. Он был все так же по-юному отважен, все так же неизменно рвался в сгущение событий. Его имя, высеченное золотыми буквами в Пантеоне, начинается длинный список великих галактических капитанов, в отличие от него давным-давно умерших. Среди нас, участников второй экспедиции к ядру, он самый выдающийся. Я ласково положил руку на его плечо.

— Дорогой Эдуард, я и вправду всего боюсь. Мы вышли на поиски рамиров, таинственного народа, о котором известно, что он могущественнее нас. Что, если события, свидетелями которых мы стали, являются формой их деятельности в районах, прилегающих к ядру? А почему она такая, не спрашивайте, знаю одно — действие по могуществу действующего...

— Хорошо, будем действовать по нашему собственному могуществу — всего пока побаиваться, — сказал, прощаясь, Камагин и дружески мне улыбнулся, чтобы я не счел его возражения за обиду.

Ольга задержалась у Ирины, потом прошла к Мери.

— Ты доволен моей дочерью, Эли?

— Надо спрашивать, довольна ли она мной, — отшутился я. — Она не очень-то меня жалует, но ссор у нас нет. Ты бы лучше спросила Олега.

— Я спрашивала. Нареканий на Ирину у Олега нет. Но сказал он это очень сухо. Меня тревожит, что между Олегом и Ириной пробежала черная кошка.

— Не черная кошка, а Эллон, — вмешалась Мери. — А этот демиург страшнее любых кошек.

— Ирина увлечена работой в лаборатории, — уклончиво сказал я. — Вероятно, она не может уделять Олегу столько внимания, сколько раньше.

Олег приказал запустить аннигиляторы. Мы вынеслись в сверхсветовое пространство. Красная с ее гибнущей планетой осталась позади.

Оплетавшие — останутся.
Дальше — высь.
В час последнего беспамятства
Не очнись.
У лунатика и гения
Нет друзей.
В час последнего прозрения
Не прозрей!
Я глаза твои. Совиное
Око крыш.
Будут звать тебя по имени —
Не расслышь.
Я душа твоя: Урания —
В боги — дверь.
В час последнего слияния —
Не проверь!

М. Цветаева

Бог на красные кнопки жмет.
Пламя райские кущи жнет.
Бог на пульте включил реле —
Больше рая нет на Земле.

В. Шефнер

Часть вторая ГИБНУЩИЕ МИРЫ

1

Олег вызвал меня в командирский зал.

Корабль вел Осима, Олег разговаривал с Эллоном. Должно было произойти что-то важное, чтобы Олег захотел вызвать Эллона к себе и чтобы тот захотел покинуть лабораторию.

На звездных экранах смутно очерчивалось ядро, до него оставалось не более двух тысяч светолет. Сбоку мерцало пятнышко шарового звездного скопления.

— Впереди по курсу — яма в пространстве, — сказал Олег. — Прямая на ядро — длинной обхода по кривой. Мы попали в какой-то провал в метрике.

О провалах в пространстве я слышал и раньше, теорию их излагали в курсе астронавигации. Что пространство Евклидово лишь в абстракции, известно каждому. Но никто из звездопроходцев еще не встречался с подобными “провалами в провалах”. Было предположение, что в один из них угодило созвездие Гиад, оно удалялось от всего окружающего.

— Значит ли это, что, сохранив курс, мы не доберемся к ядру? — спросил я.

— Свет от ядра через яму проходит. Но пройдем ли мы в сверхсветовой области? Что, если там не найдется физического пространства, которое смогло бы аннигилировать в генераторах Танева? Мы тогда будем падать и падать в бездонной бездне!

— Сколько помню теорию Нгоро, провал в метрике может объясняться и замедлением времени в этих местах.

Мне ответил демиург:

— Это было бы еще хуже, адмирал. Замедление времени та же яма, только из нее еще трудней выбраться, чем из пространственной. Я против спуска в провал!

— Курс в обход пролегает через шаровое скопление, иной дороги нет, — задумчиво сказал Олег.

Я показал на звездные экраны. Космос нигде не заколочен досками. Почему не идти левее шарового скопления, выше, ниже его? Разве что-нибудь там тоже грозит?

— В том-то и дело, что грозит. Космос нигде не заколочен досками, ты прав, Эли. Но МУМ указывает, что окрестности ядра изобилуют такими же ямами, как и та, что разверзлась впереди. Мы прокладываем курс по всей совокупности звезд, а не по одной, произвольно выбранной. И вот все звезды, что были справа и слева по курсу, вдруг стали очень быстро отдаляться. Разбегание составляет тысячи световых лет в неделю. Звезды не корабли, они не могут вырваться из оптического пространства. И красного смещения света нет, значит, нет и реального разбегания. Вывод один — свет в этих районах попадает в провалы метрики, где инерциальные линии колоссально удлиняются.

— А те звезды, что мы оставляем за собой?

— Там все нормально, Эли. Мы ведь не оставляем за собой провалов в метрике! Нет, надежный путь только через шаровое скопление!

— Мне можно уйти? — спросил демиург. — Я свое мнение высказал.

Он удалился, а мы с Олегом молча всматривались в звездную полусферу. Шаровое скопление появилось на экранах недели две назад, за это время мы сблизилась с ним почти на сто световых лет. Это был шарообразный звездный рой — около пяти миллионов звезд, мчавшихся от ядра, перпендикулярно к плоскости Галактики, со скоростью 50 километров в секунду. Скорость

невелика, но если помножить ее на давность существования роя? За двести миллионов лет — срок по космическим масштабам небольшой — скопление вообще покинет Галактику! Оно не просто двигалось в пространстве — оно убегало!

И еще одно отметили корабельные МУМ. Убийственный луч, поразивший Красную, шел, всего вероятнее, из этого скопления. На трассе луча не было других светил, которые смогли бы его прогенерировать. И вот, оказывается, скопление было также единственным доступными воротами к ядру.

— Пробка, затыкающая горлышко бутылки, — с досадой сказал Олег. — Или акулий рот, усеянный светящимися звездными зубами и готовый проглотить непрошеного пришельца.

— Другого выхода у нас нет, Олег?

— Другого выхода нет.

Эскадра повернула на шаровое звездное скопление.

Я много раз описывал звездное небо в рассеянных скоплениях Плеяд и Персея. Я хотел бы, не боясь повторений, снова в подробностях рассказать о новом звездном пейзаже. И если не делаю этого, то лишь потому, что картина, развернувшаяся на экранах, относилась к тем, о каких говорят: “Невыразимо прекрасно”. Шаровые скопления — теперь я это хорошо знаю — несравнимы с рассеянными. Вообразите себе небо-свод, на котором две сотни земных лун, тысячи Венер, сто тысяч Сириусов, да еще отчетливо светятся остальные пять миллионов звезд, ибо ни одна не дальше десяти световых лет, — и вы поймете, что описать красоту этого звездного мирка невозможно.

Но на одной детали я остановиться обязан. Внутренний простор здесь совершенно прозрачен, настолько прозрачен, что пустые районы космоса кажутся пылевыми облаками в сравнении с ним. Нам, вырвавшимся из бездны тумана, особенно была радостна даль, лишенная пыли и газа. Если когда-нибудь “Козерог” вернется на базу, там смогут полюбоваться стереофильмами, запечатлевшими величественную красоту, поразительную чистоту этого убегающего из Галактики звездного мира. Даже тем, кто не желал и слышать о какой-то музыке звездных сфер, невольно приходили на ум именно такие сравнения: звездная гармония, симфония светил — настолько равнозначно пленительной музыке было это пленительное царство света и чистоты.

У многих звезд были планеты, мы фиксировали каждую. На планетах имелись идеальные условия для белковой жизни: умеренно жаркие солнца — звезды здесь в основном поздних классов, желто-оранжевые, красноватые, — прозрачность космоса, атмосферы, похожие на земные, вода, суша. Но ни на одной не было и простейших проявлений жизни. Миры прекрасные и безжизненные — такими они проходили мимо нас. Мери хотела посетить какую-нибудь из планет, чтобы заразить ее жизнью, но было не до прививок жизни великолепным планетам: никто не забывал, что мы идем звездными воротами в иной мир. Парадные ворота превосходны, но что за ними?

— Рай, до того как его заселили, — сказала Мери.

— Рай на экспорт, — мрачно пошутил я, намекая на то, что скопление выдирается из недр Галактики.

— Если ты приписываешь бегство скопления действию каких-то разумных сил, то не слишком ли большим могуществом наделяешь их?

— Я ставлю вопросы, не программируя заранее ответы.

Про себя я, конечно, ответы программировал. Я перенапрягал свой мозг трудными вопросами. Все известные шаровые скопления равномерно, на всех осях, очень удалены от ядра, это тоже отдаляется от него, — почему ядро Галактики как бы испаряется шаровыми скоплениями? Что заставляет их бежать на периферию, в то время как с отдельными звездами ничего похожего не наблюдается? Какие силы так старательно перетасовывают светила, чтобы в шаровых скоплениях оказались звезды одних поздних классов, наиболее удобные для белковой жизни? Почему так часто, в сотни раз чаще, чем у обычных звезд, встречаются у них планеты?

— Все шаровые скопления летят только наружу, перпендикулярно к плоскости, где в Галактике размещена основная масса звезд, — твердил я себе. — Они как бы стремятся на простор. Почему? Тысячи “почему”! Где же треклятые рамиры, они, вероятно, дали бы объяснения загадкам!

Эллон имел специальное задание — обнаружить на планетах шарового скопления механизм, ударивший по Красной. Признаков суперлазера он не нашел. Не было самого существенного — могущественной цивилизации, которой стали бы под силу такие орудия. День за днем, на малой тяге аннигиляторов, мы мчались

через блистательный мир, запыляя его дали сгоревшим в горниле кораблей космосом, и не улавливали даже слабого сигнала, протестующего против порчи межзвездной среды. Великолепный мир, бесполезный мир, говорили мы между собой. В нем не было жизни, красота его была ни для кого. Он сиял про себя, для себя, в себе. Мы не могли простить ему такой расточительности. Бесполезный мир! — снова говорили мы с грустью.

2

Мы пронеслись сквозь звездные ворота ядра и снова попали в затуманенное пространство. Ядро дымило, как плохой костер, его повсюду заволокли газовые облака. Гигантские массы водорода мчались во все стороны от ядра, как гонимые ветром, то разрежались, то снова сгущались. Ольга передала очередной расчет — вещества в местных звездах меньше, чем распылено в межзвездном пространстве. Ее изумила и обрадовала необычность явления. Я не удивился и не обрадовался. Я не люблю пыли ни на Земле, ни в космосе. Мери с сердцем сказала:

— Почему тебя назначили научным руководителем экспедиции? В тебе нет настоящей любви к науке! Тебя никогда не восхищает новый факт сам по себе.

— Зато я люблю ученых и могу вытерпеть их открытия, а это не так уж мало. В остальном ты права: меня восхищают факты хорошие, а не просто новые.

Немного правее курса появилась коротко-периодическая цефеида. Это была типичная пыхтящая звезда, быстро меняющая объем, меняющая светимость. Я бы не стал тратить на нее внимания. В Олеге жилка ученого развита сильнее, чем у меня. По просьбе Эллона, он направил эскадру к звезде.

— Мы видели в рейсе множество цефеид, — сказал я Эллону. — Почему тебя заинтересовала именно эта?

— Она приближается к коллапсу, — ответил демиург. — Опадение звезды в точку может произойти со дня на день. Будет непростительно, если мы пропустим такое событие.

А Бродяга признался, что всегда мечтал приблизиться к коллапсирующей звезде. Несколько раз он издали наблюдал за коллапсом звезд вне Персея. И это всегда было грандиозно. Когда ему надоедала жизнь могучего звездного тюремщика, он воображал, что переносится на коллапсар и погибает с ним,

наблюдая изнутри гигантскую катастрофу. Это было великолепно — не собственная гибель, конечно, а пейзаж гибели звезды.

— Бродяга, ты неисправимый романтик, — сказал я.

Ольга прислала новый расчет. Находиться поблизости коллапсара было не безопасней, чем попасть под луч, поразивший Красную. Только интенсивная работа аннигиляторов вещества могла гарантировать от катастрофы, если звезда перед коллапсом превратится в сверхновую, то есть выбросит наружу примерно с четверть своей массы. Олег приказал заблаговременно подготовить аннигиляторы, приказ был обычный для этой операции: “К бою”, — хотя воевать со звездой бессмысленно; название наших технических операций отражает старые человеческие дела.

Но звезда не превратилась в сверхновую. Она уже когда-то была сверхновой, взрыв произошел за много веков до того, как мы появились здесь. Теперь от светила оставался лишь рудимент прежнего звездного гиганта, плотная, лихорадочно менявшая свой блеск и объем звездочка, правда, по массе раза в три больше нашего Солнца. И этот рудимент сколлапсировал на наших глазах. Мы увидели во всех подробностях антивзрыв, о котором столько слышали, но которого не наблюдал вблизи еще ни один человек.

Эскадра кружила вокруг звезды компактной группой — на время превратилась в ее спутника. Ничто по виду не предвещало катастрофы. Вдруг звезда стала проваливаться. Это было “вдруг” в точном значении слова, мгновение отделяло спокойное состояние от взрыва. Звезда взорвалась, но не наружу, а в себя. Она опадала, неслась в свою глубину, к своему центру. Олег приказал приблизиться, мы теперь летели на звезду, она — от нас. В момент антивзрыва диаметр звезды составлял миллиона три километра, он опал до миллиона, до ста тысяч, до тысячи... Звезда стала меньше Земли, но чудовищные силы по-прежнему стискивали, сдавливали, стягивали, уминали ее. Она была уже меньше земной Луны, но все продолжала опадать, все неслась к своему центру — небольшой, все уменьшающийся шарик, такой безмерно плотный, что один кубический его сантиметр весил уже миллиарды, если не триллионы тонн. И тут звезда стала закатываться, она была уже не больше трех-четырёх километров в диаметре, крохотная точка по космическим масштабам, — точка еще сверкала, но свет краснел, тем-

нел, звезда пропадала в невидимости, в абсолютной невидимости — для волн, для частиц, для силовых полей. Больше не было шарика с чудовищно уплотненной массой, была черная дыра в пустоте — зловещая дыра, втягивавшая в себя все, что неосторожно приближалось к ней.

Олег велел эскадре затормозиться. Дальнейшее движение было опасно. Попади мы в притягивающее поле “черной дыры”, нас не спасли бы ни аннигиляторы вещества, ни генераторы метрики, ни гравитационные улитки.

— Ужас! — воскликнула побледневшая Мери. Мы сидели с ней в обсервационном зале. — И такие невидимые страшилища подстерегают наши корабли, как черные пауки в кустарнике подстерегают путника. Оступился, шаг в сторону — и конец!

Коллапсары и вправду напоминают пауков космоса. К счастью, МУМ фиксирует все попутные поля. Автоматы сами включили бы тормозные двигатели, если притягивающие поля коллапсара подошли бы к опасной величине.

Пока мы разговаривали с Мери, справа появилось космическое тело, по предположению — звездолет. Всего мы могли ожидать в этом неизведанном уголке Вселенной, никакое удивительное явление природы не сочли бы невероятным, но о встрече со звездолетом, искусственным сооружением разумных существ, и помыслить не могли! Мы кинулись к обзорным экранам. Анализаторы бесстрастно твердили одно: к нам приближается звездолет.

Я ушел в командирский зал. Это точно был корабль, а не космический шатун. И он удалялся от коллапсара! Он был на таком расстоянии от сконцентрировавшейся в комок звезды, что его не могло не затянуть в страшные объятия. Он должен был падать на нее с такой же быстротой, с какой она сама опала в себя. А он улепетывал! Он мчался нам навстречу. В мире не существовало двигателей, способных развить тягу, столь превосходящую притяжение коллапсара!

— Вероятно, Ольга уже проделала все расчеты, связанные с незнакомцем, — заметил я. — На “Овне” МУМ всегда работает с трехкратной нагрузкой. Запросим Ольгу.

По вычислениям Ольги, однако, получалось, что летящего чужого корабля нет. Он был, мы его видели, он неистово мчался прямо на нас, но его не было!

— Чепуха! — сказал я с досадой. — Олег, я по горло сыт призраками и привидениями. Снова какой-то фантом, только космический, а не планетарный.

— Фантомы — тоже реально существующие объекты, только не те, какими они кажутся, — возразил Олег. — А этого просто нет, хотя он есть, так надо понимать сообщение Ольги.

Наша МУМ подтвердила донесение Ольги. Все поисковые поля, направленные на незнакомца, показывали, что в том месте, где он был, ничего нет. К нам несся подлинный призрак, куда призрачней тех, что мы творили генераторами фантомов. Я спустился к Эллону.

У него уже были Орлан и Граций, во всю длину пола разлегся дракон,

— Эллон, — сказал я, — мы видим в оптике чужое тело, поисковые поля не обнаруживают его. Можешь ты разъяснить этот парадокс на языке доступных мне понятий?

— На языке доступных нам понятий — нет, — ответил Эллон. Он даже не захохотал, как обычно делал, предвкушая эффект своих объяснений. Эффект был сам по себе так значителен, что его не нужно было подчеркивать дьявольским хохотом.

— А на языке необычных понятий, Эллон?

— Звездолет, который мы видим, не существует в нашем времени.

Я переглянулся с Орланом и Грацием, потом посмотрел на дракона. Они понимали не больше моего. В стороне сидела Ирина — покрасневшее лицо, блестящие глаза и то, как она кивала головой на каждое слово Эллона, свидетельствовали, что она убеждена, будто ей все ясно.

— Не существует в нашем времени? В каком же, черт побери, времени он мчится на нас?

— Для нас он мчится из нашего будущего в наше настоящее.

— А не из прошлого в настоящее? — Объяснение Эллона было из тех, которые сгущают, а не рассеивают тьму.

— Из прошлого в настоящее мчимся мы. Вернее, непрерывно отодвигаем наше настоящее в прошедшее. Время реактивно связано с нами — подталкивает нас вперед, в будущее, само улетаёт назад, в прошлое. Движение незнакомца — выстрел из будущего в настоящее. Его время не реактивно отскакивает от него, а мчится в том же направлении, как пороховые заряды в дулах орудий мчатся вместе со снарядом.

— Выстрел из будущего в настоящее? — Я подумал. — Но мы же видим чужой звездолет, Эллон, и видим его в нашем настоящем, видим уже два часа, и за это время то настоящее, которое было два часа назад, стало прошлым. Иначе говоря, звездолет существует и в настоящем, и в прошлом, а не в будущем.

Мне показалось, что я поймал Эллона на противоречиях. Но демиург хорошо продумал свою концепцию.

— Мы видим в настоящем его тень, падающую из будущего. Тень предваряет появление реального объекта. Тень сокращается, то есть звездолет приближается из будущего в настоящее. Когда она совпадет с объектом, он появится телесно.

— Он не пронесется из настоящего в прошлое?

— Думаю, что у него не хватит энергии, чтобы проскочить нуль времени, называемый “настоящим”, или “сейчас”, или “данное мгновение”.

— Ты слышишь, Олег? — спросил я по стереофону. — Если гипотеза Эллона верна, то столкновение эскадры с чужим кораблем не грозит опасностью. Нам так же не страшна встреча с ним, как Чингисхану не страшна встреча с нашими звездолетами. Ты что-нибудь понял?

Олег ответил, что постарается избежать близкого контакта с чужим кораблем, безразлично, в каком времени тот обретается.

Гипотеза Эллона начинала мне нравиться. Все дело было в том, что звездолет мчался от коллапсара. При коллапсе меняется ход времени — и будущее, и прошедшее стягиваются в точку. Говорят, перед глазами умирающего проходит вся прошлая жизнь. У гибнущей звезды в какие-то считанные секунды выстраивается не только все прошлое, но и все будущее. Как это наглядно представить себе, я не знаю, но таковы выводы теории. Время так же концентрируется в плотный клубок, как чудовищно плотной становится масса.

И если в момент исполинского сгущения времени — стягивания сзади, из прошлого, и спереди, из будущего, — под таким временным прессом окажется чей-нибудь звездолет и уцелеет, то чудовищное давление сгущенного времени вполне может выбросить его в будущее. Он будет в пространстве “здесь”, а временно в далеком “там”. И, вырвавшись от схлопывающейся звезды на свободу, он должен будет стремительно возвращаться в свое время, как камень, брошенный в высоту, рушится наземь. И тогда его приближение к нам — не реальный бег в пространстве, а бег во времени. Естественно, что, видя его тень, мы не

нащупываем его самого нашими полями: его еще попросту нет. Аргументация Эллона была достаточно сумасбродной, чтобы обосновать логичность сумасбродного явления.

А затем произошла встреча — и произошла точно по Эллону. Олег постарался, чтобы шальной звездолет не угодил ни в один из кораблей. Эскадра выстроилась в кольцо, в центр кольца несся звездолет. Не долетев до нас, он остановился. Теперь он неподвижно висел в космосе. Очевидно, пришел в точку равновесного времени — и это было как раз наше “сейчас”.

Окружив незнакомца кольцом, мы по-прежнему видели его расплывчатым силуэтом и по-прежнему поисковые поля не могли оконтурить его. Время на нем, похоже, замедлилось, оно тоже тормозило свой бег — он уже не падал в наше время так стремительно.

И вдруг чужой корабль вырвался в пространство физически. На экранах вспыхнула реальная картина — телесный предмет, а не его диковинная тень. Звездолет напоминал улитку из тройного кольца спиралей: ни у нас, ни у галактов и демиургов не было и отдаленно похожей конструкции. Корабль, совершенно прозрачный, как будто и стенок у него не было, весь состоял из мерцающего газа, сжатого какими-то силами в трехэтажную спираль. Лишь на острие возвышался темный нарост, размером с наш корабельный зал, — вероятно, командный пункт: в нем виднелись непрозрачные тела.

Впервые я увидел Эллона удивленным.

— Эли, — обратился он ко мне, забыв сказать традиционное “адмирал”, — Эли, вы знаете, что это за форма? Она воспроизводит гравитационную улитку, при помощи которой я отшвырнул хищную планету!

Дракон был удивлен не меньше демиурга.

— Так красочно описанная тобой “проблема пинка в зад” получила, кажется, предметное оформление, — съязвил я. — Конструкция, которая сама себе наддает!

На сигналы звездолет не отзывался. Олег велел Осиме вести планетолет к чужому кораблю.

Планетолет облетел улитку, ощупал ее полями, поискал, но не нашел входов. Осима решил отделить кабину от корпуса. Вскоре мы увидели гибель звездолета. Кабина, охваченная нашими полями, сохранилась, а корпус мигом распался, чуть сре-

зали кабину, — бесформенное облачко поплыло к нашей эскадре, оно больше не мерцало.

— Полюбуйтесь, каких зверей я притащил! — сказал Осима, выпрыгивая из планетолета, возвратившегося на “Козерог”. — Чужой корабль сохранить не удалось, чужие астронавты доставлены. Но они все мертвы! Они уже миллионы лет мертвы, если верить Эллону, что мы повстречали не звездолет, а времялет.

Внутри кабины лежало шесть тел. Несомненно, когда-то они были живыми, сейчас ничто не свидетельствовало о жизни. Прозрачные стенки кабины напоминали силовые экраны, натянутые на каркас, тоже, впрочем, прозрачный. Наши силовые насосы быстро рассосали стенки кабины. Мертвые тела выпали на площадку. И это были очень странные существа!

Они чем-то походили на нас, на всех — людей, демиургов, галактов, ангелов, даже драконов, — и были очень иными: все с головами, с лицами, с волосами на голове, но волосы — каждый толщиной с мизинец — напоминали змей; с глазами, но трехглазые; со ртом — круглым отверстием, оно могло и открываться, и плотно смыкаться, сейчас безгубые рты у всех были полуоткрыты; небольшая голова покоилась на мощном черном теле паука, опиравшемся на двенадцать ног, восьмичленных, толщиной в человеческую руку.

— Живое! — закричал Лусин и бросился к одному из созданий. — Дергается!

Граций поспешно схватил Лусина за плечо, чтобы он близко не подошел к паукообразным. Из мощных рук галакта Лусин выбраться не мог, но все настойчивей указывал на ближнее к нам тело и все взволнованней твердил, что незнакомец жив.

Вскоре и я увидел, что одна из ног дернулась, задвигались и волосы на голове. Незнакомец сделал слабую попытку приподняться и снова упал. Два его нижних глаза с усилием открылись, обвели нас мутным взглядом и смежились. Движение, очевидно, стоило ему столько сил, что он опять впал в бесчувственность

— Пятеро мертвы, но этого можно привести в чувство, — сказал Олег. — Куда бы поместить его?

Эллон попросил себе ожившего астронавта. В лаборатории тесновато, но для такого любопытного создания местечко найдется. И если понадобится экспериментировать для оживления звездного странника, делать это лучше в лаборатории, не так ли?

— Берите его, Эллон, — разрешил Олег.

Ромеро обратился сразу к Олегу и ко мне:

— Высокочтимые друзья, не будете ли вы возражать, если я присвою нашим новым двенадцатиногим знакомым название аранов?

Мы поинтересовались, почему Ромеро придумал такое название. Он объяснил, что словечко “аран” как-то связано в древних человеческих языках с обликом паука. Оспаривать, что незнакомцы похожи на земных пауков, мы не могли.

— Еще они похожи на альтаирцев, — заметил я.

— Те дружелюбней и сердечней.

Потом я часто припоминал, с какой точностью с первого взгляда Ромеро определил характер аранов.

3

Аран стоял на двенадцати ногах, запрокинув небольшую голову. Издали казалось, что он остановился сам и вот-вот пойдет опять или даже побежит, уверенно перебрасывая ногами. Поза эта была придана ему извне, сам он валился набок, чуть ослабевало поддерживающее поле. Он обретался все в том же беспмятстве, в каком мы внесли его в лабораторию.

День, когда он раскрыл три глаза, запомнился всем.

С момента встречи во звездолетом прошло больше месяца. Мы оставили далеко за собой “черную дырку” коллапсара. Я зашел в лабораторию и разговаривал с Эллоном.

Нас прервал голос Ирины:

— Он парит, Эллон! Эли! Он парит.

Аран и вправду парил. И не только парил, но и двигался на нас. Эллон отпрянул назад, я тоже. Меня испугал третий глаз, я впервые видел его раскрытым. Верхний глаз не вглядывался, а высвечивал. Он был пронзительно, беспощадно зорок. Во взгляде двух нижних глаз тоже не было прежней замутненности, но это были глаза как глаза, умные, немного грустные, без особой проницательности. Позднее мы узнали, что верхний глаз аранов способен ослеплять. Он, конечно, не лазер, но что-то от лазерного действия в нем есть. Эллон поспешно усилил защитное поле, и аран, подтянув расползающиеся ноги, снова медленно взмыл. Он явно стремился пододвинуться к нам.

— Настраивай дешифратор, — попросил я Ирину. — Возможно, нам удастся найти общий язык.

Одновременно я пригласил в лабораторию всех поисковиков. Появились Мери, Лусин, Ромеро, Орлан, Граций, приполз дракон.

Ирина запустила дешифратор на все диапазоны, но контакта не было. Если аран и генерировал какие-то сигналы, то до нас они не доходили. Ирина сказала:

— Он, несомненно, мыслящее существо, но наши приемники не способны понять его.

— Зато, мне кажется, он понимает нас и без специальных приемников, — задумчиво сказал Орлан.

Его, как и меня, поразили умный взгляд нижних глаз и пронзительность верхнего. Мне надоела возня с дешифратором, я поднялся. Мери тоже поднялась. Я кивнул ей, она подошла со мной вплотную к пауку-космонавту. Не знаю, почему мне понадобилось так пристально вглядываться в него. Вероятно, подействовало замечание Орлана. Меня возмутила мысль, что нас понимают, может быть, даже хладнокровно изучают, а мы покорно ждем — не соблаговолит ли наблюдатель обратиться к нам с ясной речью.

И почти с недоброжелательством я переводил взгляд с мощных восьмисуставных ног на круглое, покрытое черными волосками брюшко, с брюшка на голову — на ней торчмя стояли не то волосы, не то руки, не то змеи, — с головы на трехглазое, круглоротое, безбровое лицо. Взгляд нижних глаз, темных, круглых, грустных, я стерпел: они по-прежнему только смотрели, в них не было вызова, но верхний глаз зло сверкнул — я должен был с ним побороться; я бешено уставился в надменно пронзительный глаз, собрал всю волю, чтобы отразить поток вражды, льющийся из него, чтоб смять, разорвать, растопить неприязнь, прожекторно ударившую в меня.

Мери с испугом схватила меня за руку:

— Эли, что с тобой? Ты так побагровел!

— Оставь! — сказал я сквозь зубы. — Хочу показать этому звездному проходимцу, что он встретился с высшей силой, а не с тупыми животными!

Теперь я могу только удивляться, откуда у меня нашлись такие слова, такое страстное негодование. Паукообразный странник не оскорблял нас, а неконтролируемые ощущения чести никому не делали, тем более мне, руководителю экспедиции. И, вероятно, в следующее мгновение я нашел бы в себе силы оста-

новить себя: я мельком увидел удивленное лицо Орлана, укоризненный взгляд Грация, до меня донесся горестный вздох Лусина — все это воздействовало бы на меня, если бы сам звездный странник не притупил мою неожиданную ярость. Верхний глаз вдруг потускнел, он уже не отличался от двух нижних, глаза были как глаза, глядящие, старающиеся понять, они могли вызывать удивление, интерес, даже сочувствие, только не бешенство. Мне стало стыдно своей вспышки. Я сказал, стараясь ни на кого не смотреть:

— Я пойду. Контакт с незнакомцем, несомненно, будет. Но не уверен, что он произойдет в следующую минуту.

Контакт произошел в следующую минуту. Не успел я сделать и трех шагов к двери, как раздался голос пришельца. Аран говорил на человеческом языке. Нет, он не говорил в нашем смысле. Не возникало того сотрясения воздуха, какое вызывается звуком. Да он и не мог бы говорить, у него нет нашего аппарата речи. Но голос его звучал у каждого в мозгу — и у каждого звучал по-разному, сообразно природе самого слушателя. Аран доносил свою речь непосредственно в клетки мозга, минуя уши. В хаосе волн, мятущихся в наших мыслительных клетках, он безошибочно выбирал те, что вызывали ощущение речи: так нажатие на глазной нерв порождает ощущение вспышки света.

— Я понимаю вас, — сказал он каждому на его языке. — Вы будете понимать меня. Я беглец из Гибнущих миров. Нас было шестеро. Мы хотели совершить поворот нашего времени, выйти в дальнейшее время и удержаться в нем. Нам не удалось удержаться, мы выпали из дальнего времени в свое. Мои товарищи погибли при первом повороте. Они не вынесли будущего. Они могли жить лишь в настоящем. Я уцелел, но потерял сознание при падении в свое время из дальнего. Вы спасли меня. Задавайте вопросы.

Великую бы я совершил погрешность против истины, если бы не упомянул об изумлении, с каким мы слушали паукообразного астронавта. Нам встречались существа и более диковинной внешности. И в прямой речи, мыслью в мысль, без содействия дешифраторов, особой странности не было — разве не так когда-то внедрял в мой мозг свои сообщения Орлан? Не было поводов удивляться! А мы растерянно переглядывались, ни один не мог скрыть изумления: слишком уж скор и прост оказался контакт со странником. Совершенство понимания нашего языка,

нашего способа мыслить, нашей логики, наших чувств — вот что было непостижимо, и мы поразились, даже немного испугались того, как легко удалось постороннему проникнуть в наши мысли и заговорить внутри нас своим голосом на нашем языке. Здесь была не только неожиданность, но и опасность, мы ощутили ее сразу. И мы уж не так вслушивались в содержание передачи незнакомца, сколько в то, как она идет. Какой-то древний остряк пошутил: "Самым интересным у говорящей лошади являются не смысл ее речи, а тот факт, что она вообще разговаривает". Аналогия с говорящей лошадью была. Я похвастался перед всеми, что незнакомец повстречался с высшей силой. Обращением к нам он скромно показывал, что мы повстречались с высшим разумом.

— Если не возражаете, я поведу беседу с уважаемым скитальцем по времени, — сказал мне Ромеро и обратился к арану: — Итак, дорогой звездный гость, вы беглец из Гибнущих миров. Разрешите поинтересоваться — что это за Гибнущие миры?

В мозгу каждого прозвучал ответ:

— Вы скоро увидите их. Вы идете курсом на Гибнущие миры.

— Вы принадлежите к жителям Гибнущих миров?

— Они населены такими, как я и мои погибшие друзья.

— Я еще возвращусь к вопросу о природе мест вашего обитания, если не возражаете. Сейчас меня интересует другой вопрос. Вы бежите из родных звездных гнездовий, если позволено так назвать ваши... м-м... Гибнущие миры. Но почему для бегства вы выбрали коллапсар? Такое ужасное событие, как коллапс, само по себе губительнее всякого иного события во всем звездном мире.

— Наши миры поразила болезнь времени. У нас рыхлое время, оно часто разрывается. Я читаю в ваших мозгах название страшной болезни, когда-то свирепствовавшей в ваших мирах. У нас рак времени.

— Рак времени! — воскликнули мы почти разом.

— Да, рак! Мы захотели вырваться из нашего времени в любое другое, прошлое или будущее, лишь бы здоровое. При коллапсе звезды время трансформируется. У нас была защита от усиления гравитации. Мы попали в инверсию времени, как хотели. Но будущее не удержало нас в себе.

— Печальный просчет, дорогой... Как вас называть?

— Называйте Оаном.

— Итак, вы шестеро надумали бежать из своего общества и своего времени?

— Из времени, а не из общества. Мы — посланцы отвергателей конца.

— Я правильно понял — отвергателей конца?

— Отвергатели конца, наши братья, отправили нас на разведку выходов в здоровое время. Ускорителей конца воодушевляет восторг гибели.

— Отвергатели, ускорители... Если я правильно толкую, между этими двумя группами раздоры?

— Война! — прозвучало в ответ. — Отвергатели воюют с ускорителями, чтобы те не ускоряли, а ускорители уничтожают отвергателей, чтобы те не отвергали. Ускорителей поддерживает Отец-Аккумулятор.

— Отец-Аккумулятор? У нас название “аккумулятор” не соответствует живому существу!

— Я нашел его в ваших мозгах. Оно хорошо выражает природу властелина, осуществляющего грозную волю Жестоких богов.

Ромеро выглядел обалдевшим. То, что его ошеломило, какие-то мелкие раздоры отвергателей и ускорителей, какой-то Отец-Аккумулятор, было неизмеримо менее важно удивительной формы допроса: мы усердно дознавались у Оана о нем и его обществе при помощи хитроумных вопросов, а он спокойно читал в наших мозгах, как в книге. Он видел нас насквозь. И хоть его ссылки на поиски в наших мозгах удачных понятий и терминов не звучали угрозой, самый факт таких поисков и находок был грозен. Я обратил на это внимание Ромеро:

— Павел, он, кажется, так хорошо разбирается в нас, что мог бы развеять наши недоумения и без вопросов. Мне думается, он узнает, что нас заинтересует, еще до того, как мы сами осознаем, чем надо заинтересоваться.

Я говорил это, не отрывая глаз от незнакомца. Он спокойно покачивался перед нами на двенадцати ногах. Он парил между полом и потолком — я уже упоминал об этом. И он покачивался, паря! Не взлетал вверх и не опускался, как птица, а раскачивался на гибких ногах! Он опирался ими о воздух, как о грунт, подошвы покоились неподвижно, а ноги плавно изгибались в со-

членениях, туловище то опускалось, то поднималось. И змееволосы на голове шевелились, то разбрасывались в стороны, то собирались в пучок, то удлинялись, то сокращались, они были очень живыми, эти жуткие волосы, похожие на десятки хищных рук, ими, не сомневаюсь, можно было хватать и душить, и гладить, вероятно, и причесываться, и присасываться, и оплетать. Ромеро потом говорил, что подобные волосы носили вымершие древние горгоны. Думаю, он преувеличивает. Я хорошо знаю земные музеи, но горгон там не экспонируют, во всяком случае, они мне не попадались. Оан, безусловно, понимал, чего я от него хочу, но и не подумал выполнить мое желание. Ромеро продолжал расспросы:

— Итак, отвергатели и ускорители конца, Отец-Аккумулятор, Жестокие боги... Я не уверен, что человеческие понятия о богах соответствуют реальным существам вашего мира. Наши боги — создания фантазии. Вне наших грез их нет и не было. Вы меня понимаете?

— Понятие “боги” в вашем мозгу вполне соответствует властителям Трех Пыльных Солнц. Нужно только добавить “жестокие”, ибо властители Трех Пыльных Солнц безжалостны. Ускорители покорны велениям Жестоких богов, отвергатели восстали против них.

— Вы видели кого-нибудь из Жестоких богов? Их много?

— Они принимают любой облик. Они среди нас. Любой может стать маской Жестокого бога. Ваши слова “дьявольская хитрость” точно выражают их. Они — боги-губители. Они — боги-дьяволы. Мы были великим народом, теперь мы жалкий народ. Так они захотели.

Ромеро опять повернулся ко мне:

— Вы что-нибудь понимаете, Эли?

— Не больше, чем вы, Павел. Ясно одно: существует могущественная цивилизация, не очень церемонящаяся с интересами аранов. Возможно, это рамиры. В таком случае, первые сведения рисуют их не в очень благородном виде.

Ромеро исчерпал свои вопросы, беседа стала вольной, в нее вмешались даже Орлан и Граций. Раньше у Орлана я не замечал особенного любопытства, а величественным галактам любопытство вообще не свойственно: им всегда так хорошо с собой, что на интерес к постороннему уже не хватает душевных способностей. Паукообразный астронавт заставил галакта изменить

своим обычаям. Лишь Бродяга, Эллон да я не задавали Оану вопросов. Дракон прислушивался, хитро прищурившись, а Эллон, по-моему, даже обиделся. До сих пор везде, появляясь, центром внимания становился он сам, а сейчас на него и не глядели. Что до меня, то я не обращался к Оану, потому что все вопросы, какие мог поставить, другие задавали раньше и лучше меня.

Из ответов Оана я запомнил вот что: араны заселяли вторую планету из девяти, вращающихся вокруг Трех Пыльных Солнц — по-видимому, тройной звезды. На остальных восьми планетах жизнь не развилась. Сохранились предания о временах, когда Три Солнца были ясными, а сами араны — могущественны. Им удалось преодолеть планетное притяжение и вырваться в межзвездный простор. Искусство создания галактических кораблей давно утрачено, лишь один сохранился в пещерах Отца-Аккумулятора — его и похитили отвергатели, когда надумали бегство в будущее в сгущении времени коллапсара. Многие тысячелетия никто и не слышал о Жестоких богах. Но они появились и взбаламутили Ясные Солнца, душная пыль затянула планету.

Араны, пытаясь бороться, создали корабли, поглощающие космическую пыль. Электрические сердца космолетов наполнили межзвездное пространство засасывающими полями, пыль оседала на кораблях, они, разбухая, превращались в маленькие планеты. Две такие искусственные планеты погнало пыль обратно на светила. Все, что Три Солнца выбрасывали наружу, возвращалось к ним. До этого момента пришельцев араны не интересовали. Все переменялось сразу. Корабли-чистильщики были взорваны в мастерских и в космосе.

Космолеты, ставшие планетами, вышвырнули за пределы Трех Солнц, и сейчас они слоняются где-то, поглощая встречную пыль и расправляясь с мелкими космическими телами, ибо лишь при притоке постороннего вещества сохраняют жизнедеятельность.

— С одним космическим хищником встретились и мы, — сказал Ромеро. — Он напал на нас, но мы его отбросили.

С уничтожения кораблей-чистильщиков начались главные беды. Перед дальними рейсами звездолеты проходили подзарядку у Трех Солнц, накапливая запасы энергии. Теперь взры-

вался любой корабль, устремившийся к Трем Солнцам. Стало опасно выходить в межзвездный простор.

Несколько кораблей ушло к другим солнцам, сообщения от них вскоре перестали поступать — очевидно, они погибли. Так стала закатываться цивилизация аранов. Оставалась одна надежда — неведомые боги появились внезапно, могут так же внезапно исчезнуть. Нужно притаиться и ждать часа освобождения.

Араны притаились, но вместо радостного освобождения пришло горькое прозрение. Тогда и стали называть пришельцев Жестокими богами. Они терзали не только аранов, но и природу. Они замахнулись на самое время! Спокойное, однолинейное время Трех Солнц стали выгибать и вспучивать. У планеты аранов имеется спутник — единственное место, куда Жестокие боги разрешают выбираться, не наказывая. Но день, проведенный на спутнике, старит, как неделя на планете. А у тех, кто забирался дальше спутника, время разрывалось в теле. Сердце жило в одном времени, ноги в другом. Одни части тела долго не старели, другие быстро дряхлели. В аране сохранялась молодость и нарастала старость. Он был и в прошлом и в будущем. Он мыслил разными мыслями, и желал разными желаниями, и отвечал на вопросы: “Да — нет! Да — нет!” Он переставал двигаться — одни ноги стремились вперед, а другие тянули назад. Страх заразиться раком времени заставил отказаться от межпланетных перелетов, даже не наказываемых богами.

Сознание конца породило последнюю попытку восстать против Жестоких богов. Но боги подавили аранов. Корабли гибли на стапелях — нарушалась синхронизация двигателей, каждый работал в своем времени. Рабочие путали приказы и операции, не было случая, чтобы команды воспринимались одинаково и выполнялись одновременно, на слабеющих аранов обрушились электрические бури. Араны свободно поглощают электроэнергию, она их пища, их язык, их способ мыслить. Но пищи стало слишком много, она породила электрические ураганы: забушевала грозная Мать-Накопительница молний.

Тогда и возникло движение ускорителей конца. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца! Устраивать публичные праздничные самосожжения! Энергию Отца-Аккумулятора, единственный источник существования, — на самоистребление!

— Мы, отрицатели, малочисленны, — закончил Оан. — Но мы верим, что можно отвратить гибель. Выкрав сохранившийся

звездолет, мы решили проверить, возможно ли бегство в наше прошлое через поворот в будущее. Мы хотели замкнуть кольцо времени, но будущее не удержало нас, мы не повернули плавно в прошлое. Я не знаю, кто вы, пришельцы. Но вы спасли меня, вы добры. Помогите бедствующим!

На этом он замолчал. Впоследствии мы узнали, что в нем истощился запас электрической энергии. Тогда нам показалось, что он попросту устал от наших расспросов и своих разъяснений. Впрочем, все существенное стало известно.

Ромеро сказал, что звездному страннику надо отдохнуть. Лаборатория опустела. Я захотел поговорить с Эллоном и пригласил его к себе. Эллон так не любит покидать лабораторию, что согласился без охоты.

Наша с Мери квартирка — две комнатки, спальня и гостиная. В гостиной всю стену занимает звездный экран, он, конечно, меньше смонтированных в командирском и наблюдательном залах, но я выговорил себе привилегию квартирному экрану, чтобы иметь возможность размышлять над звездами в одиночестве. Эллон неуклюже уселся в кресло. Демиурги не любят сидеть. Им вольно лишь там, где можно широко попрыгать из угла в угол, в моей комнате не расшагаешься.

— Эллон, — сказал я, — мне не нравится, что Оан свободно читает наши мысли и без всякого усилия освоил все наши языки. Ведь он с тобой разговаривал не на нашем, человеческом?

— Нет, конечно. Он отлично владеет языком демиургов. В частности, диалект средних планет Семьдесят девятой звезды Персея, на котором я разговаривал в детстве, ему прекрасно знаком, мне было приятно услышать эту малораспространенную речь. С Орланом, адмирал, я разговариваю на государственном языке. Орлан не знает моего родного диалекта.

— Орлан не понял бы языка, бытующего в его народе, а звездный чужак, ни разу никого из нас не видевший, мгновенно, не обучаясь, заговорил на незнакомых ему языках, и по крайней мере на пяти-шести одновременно.

— Тебя это удивляет, адмирал?

— Меня это пугает, Эллон. Я не понимаю, откуда берется такая мощь интеллекта.

— Предположи, что мы встретились с высшим разумом.

Я недоверчиво усмехнулся.

— Высший разум — и деградирующее существование? Пронзительный интеллект — и примитивные суеверия? Или на твоём языке средних планет Семьдесят девятой звезды Персея пришелец не говорил о Жестоких богах, о зловредном Отце-Аккумуляторе, о какой-то злобной Матери-Накопительнице молний?

— Противоречие есть. Чего ты хочешь от меня, адмирал?

— Нельзя ли снабдить нас экранами, которые воспрепятствовали бы Оану читать мысли? На Земле попытка проникнуть в чужие мысли считается предосудительной. Наши дешифраторы снабжены ограничителями, не позволяющими проникать в мысли без согласия самого мыслящего.

Эллон крутанул голову на гибкой шее на добрых сто восемьдесят градусов. У демиургов такое вращение соответствует нашему легкому отрицательному жесту.

— Не думаю, чтобы такой экран удался, адмирал. И не уверен, что лабораторию нужно отвлекать на пустяковые разработки. У нас не завершена защита кораблей от неожиданного ротонного нападения, надо усовершенствовать и гравитационные улитки... Могу порекомендовать одно: контролируйте свои мысли, адмирал Эли. Того, чего вы не пропустите в свой мозг, и звездный скиталец-паук не обнаружит в мозгу. Это же так просто, адмирал!

Это было совсем не так просто, как представлялось Эллону. Люди не столь властны над своими эмоциями и мыслями, как демиурги. Нами порой командуют неконтролируемые чувства, мысли возникают произвольно — явление очень редкое у демиургов или галактов. Я не стал спорить. Все демиурги упрямы, Эллон в этом отношении двойной демиург. Я встал.

— Минутку, адмирал, — сказал Эллон. — Ты мне задавал вопросы, теперь я задам. Звездный паук попросил помощи. Мы предоставим помощь?

— Разве у тебя имеются сомнения, Эллон?

— Я не уверен, что нужно оказывать помощь всякому, кто ее просит. Я бы посмотрел, заслуживает ли помощи просящий о ней.

— Боюсь, экипажи звездолетов с тобой не согласятся, — холодно ответил я. — Я говорю в первую очередь о людях, но и не только о них. Мы считаем своим долгом помогать просящим о помощи. Тебя удивляет такая позиция людей, Эллон?

— Удивляет. Вы очень гибки в овладении силами природы. Вы разносторонни как инженеры и конструкторы. Но каменее-те, чуть коснетесь чего-либо связанного с нравственностью. Ваша мораль жестока, не признает отклонений и уступок. Вы сами усложняете общение с другими цивилизациями.

— Мы гордимся тем, что не ищем легких путей, Эллон! В вопросах нравственности мы прямолинейны и негибки, ты прав, но это наше достоинство! Мы гордимся своей негибкостью в вопросах добра и зла, уважаемый мой Эллон.

Демиург ушел. Олег захотел обсудить с экипажами всех звездолетов сведения, полученные от Оана. На стереособрании эскадры я так изложил свое понимание событий:

— В богов мы не верим. Сверхъестественных сил не существует. Даже нарушения законов природы происходят в соответствии с более общими законами той же природы. Название “Жестокие боги” лишь символ, означающий, что в мирке Трех Солнц поселились существа, лишенные доброго сердца. Мощь их велика, но не превосходит мощи природы, а природа пока за нас. Араны взывают о защите. Без нее их вырождение превратится в полную гибель. Мое мнение — идти на подмогу. И если придется столкнуться с неведомой злой цивилизацией — столкнемся, ничего не поделаешь. Думаю, успех будет на нашей стороне, ибо на нашей стороне справедливость!

Сегодня, когда никто не знает, удастся ли нам спастись, слова мои могут показаться легкомысленными. В накликаемой нами войне мы терпим пока одни только поражения. Мы и помыслить не могли, на какую мощь дерзновенно замахиваемся. Но и сейчас, зная все, что произошло потом, я не отрекюсь от своих слов, и никто из оставшихся в живых не отречется от согласия со мной. Мы единодушно утвердили поход к Трех Пыльным Солнцам — и не раскаиваемся! Нас просили о помощи, мы не могли не оказать ее. Если мое послание достигнет человечества, пусть знают о нас: мы не раскаиваемся! Просто во вспыхнувшей войне мы оказались недостаточно вооруженными. Руки наши слабы, но души чисты, пространство имеет три направления, мораль — одно. Наш путь — добро, благородство, мы не можем повернуть назад, не можем свернуть в сторону. Я говорю это, уверенный, что завтра — гибель. При-

мите как мое завещание: лучше гибель, чем примирение с подлостью!

4

Ромеро назвал планету, к которой мы шли, Аранией. Мы не препятствовали нашему историографу изобретать любые названия. Меня больше интересовало, в чем араны нуждаются. Познакомиться бы с ними поближе, войти в их общество! Как быть? Явиться в качестве прямых друзей или проникнуть тайными соглядатаями?

— Высадиться доброжелательными пришельцами вы не можете, — разъяснил Оан. — Араны расколоты. Друзья отвергателей — враги ускорителей. Вам нужно замаскироваться. Примите телесный образ арана. Жестокие боги посещают нас в нашем облике. Для них любой облик — пустяк. Воспользуйтесь их примером.

Я, однако, не был уверен, что наши возможности идут так далеко. Переделка облика — ситуация из фантастического романа. Эллон предложил разработать новую форму скафандра, не переконструируя тела. Для демиургов, напрактиковавшихся в создании материализованных фантомов, не составит труда придать звездопроходцу паукообразность. Один дракон не подойдет — он слишком крупен.

— Если кому не нравится стать пауком, пусть станет невидимкой, — посоветовал Эллон. — Последние конструкции экранов обеспечивают приличную невидимость даже для человека. Правда, в невидимость людям можно входить лишь на короткое время.

Никого из людей не устраивало ходить невидимкой по незнакомой и, возможно, опасной планете, постоянно думая, не кончается ли короткое время экранирования.

Эскадра звездолетов вошла в Гибнущие миры. Ну и местечко было! Мы попали из туманности в туманность. Разница была лишь в том, что прежняя густая туманность казалась ясной далью сравнительно с этой. И если та туманность была все-таки свободным космосом, только затянутым газом и пылью, то в эту напихали тысячи звезд: компактное звездное скопление, потонувшее в полумгле. Вокруг смутно проступал, темно вырисовы-

вался томительный пейзаж: вечные багровые сумерки, звезды в пыли, космос — пыль, чудовищно искаженные силуэты светил.

Звезды были так близко одна от другой, что в нормальном просторе на небе сияли бы четыреста солнц и нигде не было бы чередования дня и ночи. Но солнц не было, их сияние еле-еле проникало сквозь глухую мглу.

Мы шли к крупной звезде, то разгоравшейся, то погасавшей. Вблизи оказалось, что три светила вращаются вокруг общего центра, периодически затмевая одно другое. Это и были Три Пыльных Солнца. Олег приказал эскадре сомкнуться и затормозить. Из осторожности мы остановились достаточно далеко от Арании. Не знаю, как Жестокие боги, а несчастные араны не могли бы нас найти на таком расстоянии даже в сильные приборы.

Поисковой группе велели готовиться к высадке.

Я зашел к Бродяге. Он разместился в просторном помещении — не для него просторном, для него любое помещение тесновато, — специально запроектированной конюшне для пегасов. Пегасов, несмотря на настояния Лусина, мы не взяли, а помещение с момента, когда его занял дракон, стали в шутку называть уже не конюшней, а дракошной. В свободные минуты я заходил сюда поболтать с Бродягой. Если времени у меня было много, он выползал в парк, и там, на берегу внутреннего озера, ему было вольготно, да и я себя лучше чувствовал в парке. У Бродяги сидели Лусин с Мизаром. Мизар, красавица овчарка, овчар — как любовно называл его Лусин (Ромеро доказывал Лусину, что овчар не собака, а человек, пасущий овец, а Лусин возражал, что любой древний овчар-человек значительно уступал Мизару в остроте интеллекта), был единственным животным, которое мы взяли с собой. Словечко “животное” — условно: Мизар был псом выдающимся, овчаром с высшим собачьим образованием. Четыре правила арифметики и несложные алгебраические преобразования, начатки геометрии и физики известны многим собакам, но Мизар справлялся с уравнениями второй степени, а его познаниям в физике мог бы позавидовать иной средневековый профессор. Лусин утверждал, что у Мизара дар к точным наукам. Уже в рейсе Лусин занялся с Мизаром интегральным исчислением. Не уверен, что овчар проявил особое влечение к этой науке, зато Лусин клялся, что

если так пойдет и дальше, то он выхлопочет для Мизара ученую собачью степень.

Я сел на лапу дракона и погладил великолепного пса. Овчар был рослый — с меня, когда становился на задние лапы, темношерстный, гладкий, блестящий, с могучей пастью, умными глазами и такими мощными лапами, что ударом любой мог свалить человека. Демиурги-попрыгунчики с опаской обходили Мизара, он недолюбливал бывших разрушителей. Я как-то спросил Лусина, что получилось бы, если бы Мизара натравили на наших прежних врагов. Лусин ответил, что с головоглазами Мизар бы не справился: те прочно бронированы и наносят жесткие гравитационные удары, летающие невидимки тоже были ему не по зубам, а такое субтильное существо, как Орлана или Эллона, овчар разорвал бы в минуту.

На шее Мизара висел изящный оранжевый поясок — его индивидуальный дешифратор, так совершенно подогнанный Лусиным, что в нашем мозгу речь пса звучала совсем по-человечески. Мизар, впрочем, хорошо понимал людей и без дешифратора. Человеческие способности в этом смысле уступают собачьим: мы без приборов не понимаем речи животных.

— Бродяга, тебе придется остаться на корабле, — сказал я. — В паукообразные ты не годишься. И Мизара не возьмем.

— И напрасно, адмирал Эли, — проворчал пес. У всех собак, между прочим, хорошее понимание служебных человеческих рангов, а Мизар превосходит своих собратьев и в этом: иначе как адмиралом он меня и не называет. — Механизмы не сумеют так надежно вас защитить, как я.

— Постараемся не попадать в опасность, Мизар. Лусин, ты говорил с Трубом и Гигом?

— Скафандры, — сказал со вздохом Лусин. — Не нравятся. Оскорблены. Оба.

— А твой скафандр, Лусин?

— Отличный. Вторая кожа.

— С ангелом и невидимкой поговорю я. А если мои уговоры не подействуют, пусть и они остаются.

Сбор поисковиков был назначен на причальной площадке. Там же каждый выбирал скафандр по себе. Мой скафандр был так впору, будто я влез не в одежду, а в новое тело. Голова вертелась свободно, волосы то взмывали змеями, то опадали в зависимости от настроения, по желанию превращались в хвата-

тельное орудие — я с удовольствием почувствовал себя сорокаруким, — ноги тоже слушались приказа. Я припустил было по причальной площадке, чтобы размять их, и чуть не врезался в стенку — таким быстрым вышел бег. Как Лусин и предупреждал, Труб и Гиг категорически отказались от скафандров.

— Ангелы презирают пауков! — надменно изрек Труб и скрестил на груди поредевшие крылья. — Боевой ангел не уподобится презренному насекомому.

Еще меньше был способен изменить мундиру бравый невидимка.

На подлете Арания казалась сплошным океаном, темным, сверкающим, как ртуть, царство жидкости, лишь немного уступающей ртути по плотности: образцы ее мы везем с собой. По поверхности океана скользили мерцающие тела. Оан посоветовал держаться подальше от него: и сам он хищник, и все его обитатели хищники. Океан непрерывно наступает на сушу, обрушивает и растворяет ее. Если бы он не устилал свое дно осадками, недоступными даже для его агрессии, Арания давно была бы растворена. Во время электрических бурь океан обильно выбрасывает свои осадки на еще не растворенную сушу и тем укрепляет ее. Морские хищники тоже из растворителей — обволакивают и высасывают жертву.

— Ваши скафандры из веществ, не знакомых на Арании, вам, я почти уверен, не грозит нападение морских хищников, — осторожно утешил нас Оан после того, как основательно напугал.

Мы выбрали для посадки ночную сторону. Оан вышел наружу первый и позвал нас.

Кругом была тьма, очень непохожая на наше простое отсутствие света. В стороне сумрачно поблескивал океан. Почва тускло светилась, каждый камешек мерцал. Небольшой лесок фиолетово фосфоресцировал — от него тянуло холодком, деревья здесь не так освежают, как охлаждают воздух, подогреваемый внутренним теплом планеты. Повсюду вспыхивали голубоватые искорки, а когда мы переставляли ноги, сухо потрескивали оранжевые разряды. Все здесь напоено электричеством: земля, воздух, растения, жидкость океана. Все сумрачно светится: фосфоресцирует, люминесцирует, мерцает, переливается, тускло сияет — неизвестно для чего, неизвестно почему. И мы тоже засветились, едва вышли. Ромеро потом шутил, что сияние оп-

ределялось не конструкцией скафандра, а служебным рангом его хозяина: я светился повелительно-сине, Лусин — умиленно-желто, Орлан и Граций — благожелательно-оранжево, Ирина и Мери — испуганно-фиолетово, Ромеро — осторожно-зеленовато, а сам Оан — угрожающе-багрово.

Одно небо не светилось. В небе была настоящая тьма. И редкие звезды, пробиваясь сквозь пыльную завесу красноватыми ореоликами, не нарушали, а лишь подчеркивали глухую его черноту.

Оан начал осторожное движение в чашу мерцающих деревьев, мы переползали за ним. Надо было складывать ноги под себя и красться, ступая одними верхними суставами. Без такого пластунства по-паучьи мы не сумели бы медленно передвигаться, любой перебор выпрямленными ногами резво уносил вперед.

В леске Оан остановился. Я полз вторым.

— Эли, — просигналил он мысленно, — я чую разряды Иао, отвергателя, он сегодня на дежурстве обережения. Оберегатели предупреждают, когда к нашим пещерам подкрадывается шайка ускорителей. Я скажу Иао, что вы отвергатели с другой стороны планеты, там мы тоже ведем пропаганду. Вы будете новым отрядом наших сторонников.

Встреча с Иао произошла минуты через три.

Впереди мелькнула лиловая тень, мелькнула и скрылась. Я еще на “Козероге” условился с Оаном, что он будет транслировать нам свои разговоры с аранами. В моем мозгу раздался резкий, захлебывающийся голос — Оан воспроизвел даже интонации собрата:

— Остановись, крадущийся! Назови себя. Назови меня.

— Я Оан, а ты Иао, — услышали мы ответ Оана.

— Я Иао, ты прав, Оан. Я рад, что ты не погиб. Высветись, чтобы я мог тебя увидеть. Да, ты Оан, великий Оан, близкий друг великого Оора. Где твои товарищи, Оан? Твои великие братья по бегству в иновремя, Оан?

— Они погибли, Иао. Я доложу об этом Оору и обществу. Теперь пропусти меня.

— Ты не один? Что бы это значило, Оан?

— Со мной друзья с другой стороны планеты. Я привел их, чтобы они удостоились проповеди Оора. Они жаждут схватиться с ускорителями.

— Они удостоятся проповеди, Оан. Мы дадим им возможность схватиться с мерзкими ускорителями, Оан, мы дадим им такую возможность! Пусть они высветятся. Бравый народ, Оан, ты хорошо сделал, что привел их. Завтра они смогут выказать делом свое рвение!

— Что-нибудь важное?

— Ускорители снова хватали всех, кто попадался в часы Темных Солнц. Самосожжение назначено на завтра, на закате Трех Пыльных Солнц. Мы будем отбивать несчастных. Радуюсь за тебя и друзей. Вы услышите проповедь Оора, величайшего из великих. Иди смелей. За моей спиной ускорители вам не попадутся.

Оан убыстрил движение, но не слишком. Мы немного приподняли туловища, но не разогнули полностью ноги, по-прежнему двигались в темноте, озаренной лишь фосфоресцированием деревьев, люминесцированием почвы да призрачным сиянием наших тел. Ромеро в восторге прошептал, что мы похожи на древних земных заговорщиков, крадущихся на тайное сборище. Сомневаюсь, чтобы ему понравилась тогдашняя жизнь, очутись он реально среди наших предков, но все, напоминающее старину, порождает в нем ликование.

Вскоре мы проникли в обширную пещеру, озаренную сиянием стен. На полу копошились араны. Их было так много, они так плотно прилегали друг к другу, что создавалось впечатление, будто в пещере одно громадное, мерцающее, шевелящееся тело. И мы втиснулись в это тело, стали частью его, шевелились вместе со всеми, как одно целое, — разом наклонялись то вправо, то влево, разом то приподнимались, выпрямляя полусогнутые ноги, то снова приседали. Никто не обратил на нас внимания, никого мы не заинтересовали, мы были такие же, как все, — пульсировали общим для всех движением.

— Оор! — произнес Оан очень ясно. Никто не обернулся, слова Оана донеслись только до нас.

В центре пещеры один из паукообразных упал на спину и вытянул вверх ноги. А на двенадцатиногий пьедестал взобрался другой аран, уперся своими выпрямленными ногами в живые колонны, задергался и замерцал. Он накалялся и погасал, раздувался и опадал. Он держал речь — слова ее, переводимые Оаном, отчетливо звучали в нашем мозгу. Это был Оор, Верховный отвергатель конца.

— Ужасно, Эли, они осуждают гибель, потому что восславляют прозябание. Против восторга конца они обращают ликование от тягот! — в недоумении прошептал Лусин, конечно, мысленно, обычной речью он не произнес бы такой складной фразы и за месяц.

— Паукообразный космический Экклезиаст этот Верховный отрицатель конца, — поддержал его Ромеро. Павел не мог не щегольнуть непонятым словечком “Экклезиаст” из любимого архива древностей.

Вначале Оор призывал к спасению тех, кто должен завтра погибнуть, и с ненавистью нападал на ускорителей. Ускорители — мятежники. Они ненавистники — себя, и жизни, и всего мира. В них — зерно уничтожения, вырастающее в ядовитый плод гибели.

Потом Верховный отвергатель конца пропел гимн существованию на планете. Я не силен в философии, но согласен с Лусином, что мироощущение отвергателей исчерпывается восторгом прозябания. Существование во имя существования — такова эта философия.

— Ах, радуйтесь пыли, упивайтесь мраком! — вещал со своего двенадцатиногого подергивающегося амвона Верховный отвергатель конца. — Ибо восхитительна удушающая пыль! Ибо вдохновенна глухая тьма! Не ищи благ, вечные блага отупляют обоняние, и вкус, и зрение. Стремись к недостаткам, вечные недостатки безмерно обостряют сладость любого блага! Тьма, окружающая тебя, порождает наслаждение искоркой света. Ты создан для существования. Существовай, существовай. И пусть густеет мрак и плотнеет пыль! Вдохновенна, великолепна, божественна тягота! Прекрасна, прекрасна борьба за существование, так существовай во имя борьбы за существование. Чем уже возможности, чем губительней окружающее, тем сладостней час, минута, секунда бытия! Чем меньше поводов наслаждаться, тем острее наслаждение по всякому поводу. Ах, уйти во мрак, ликуя, что способен ощущать мрак! Ах, задыхаться от пыли, мучительно жаждать чистого воздуха — и наслаждаться, что способен так страстно жаждать! Бежать, бежать от мстительных молний яростной Матери-Накопительницы. Бежать от хищных тварей океана и ликовать, что способен бежать, что не станешь, не станешь, не станешь фокусом электрического разряда, добычей хищника! И, почуяв зловоние, ликуй, что отличаешь дурной

аромат от хорошего. Окунись в зловоние, окунись, в отвратительности его ты откроешь способность радоваться доброму запаху, без зловония нет сладости благовония. О, как прекрасны тяготы и страхи, муки и лишения! Они неизбежности существования, они самоусилители утверждения! Славьте тяготы! Наслаждайтесь мукой! Осуществляйте высочайшее в себе — способность всеполно унизиться. Так низко припасть, чтобы Жестокые боги не видели, не ощущали, не знали тебя! Гордись своим бытием, оно — наперекор всему. Самое высшее в жизни — жить! Самое святое в существовании — существовать. Так существуй! Живи, живи! В борьбе со всем, против всего. О Мать-Накопительница молний, рази! Мы устоим! Мы устоим!

— Какая страшная философия, Эли! — снова прошептал Лусин.

— Он говорит не то, что ты рассказывал об отвергателях конца, — обратился я с мыслью к Оану.

Он ответил мне из мозга в мозг:

— Верховный отвергатель убеждает не жаждать конца. Это только одна из наших главных задач. Другая — найти разумный выход из нынешней безысходности. Заметь, что Оор нигде не утверждает, что ликование прозябанием должно длиться вечно. Но для нынешнего поколения оно неизбежно. Освобождение может прийти только для наших потомков.

Объяснение было не из ясных, но я не стал требовать уточнений. В пещере разыгралась новая сцена. Длинная речь Оора шла под рев и клекот, судорожные дерганья тел, судорожные всплески сияния, ошалелое размахивание руковолосами. А после речи, закончившейся все тем же истерическим воплем “Существовать! Существовать!”, Оор возгласил:

— Сейчас, о братья низкие из нижайших, приступим к обращению в праведники пленного ускорителя, жалкого и преступного самосожженца!

В пещере снова заметалось лихорадочное сияние, тысячи голосов проклекотали, провизжали, провыли:

— Вознести на позорную высоту! Унизить возвышением! Наказать! Наказать!

Над толпой шаром взлетел один из аранов. От страха он сложил все ноги и плотно прижал руковолосы к голове. Его вытолкнули из толпы в углу и стали проворно перебрасывать на середину. Около Оора опрокинулся на спину второй аран, обра-

зовав еще один двенадцатиногий постамент. Пленника вознесли рядом с Оором. Пленник судорожно пульсировал сиянием и объемом — тело то погасало, то разгоралось, то раздувалось, то опадало. При волнении все араны не удерживаются от резких телодвижений и световой смятенной пульсации.

Оор начал торжественный допрос пленного ускорителя:

— Уул, вы замыслили?

— Да, великий Оор, замыслили.

— Самосожжение?

— Да, великий Оор, самосожжение.

— Публичное?

— Да, великий Оор, публичное.

— Завтра, во время Темных Солнц?

— Завтра, во время Пыльных Солнц.

— Темных или Пыльных, презренный Уул?

— Пыльных Солнц, великий Оор, Пыльных! Я не осмелился бы солгать тебе.

— Ты способен, жалкий ускоритель конца, скрыть точное время, чтобы мы не явились на ваше отвратительное празднество.

— Я счастлив открыть вам точное время, чтобы и вы приняли участие в нашем восхитительном празднестве.

— Сколько несчастных вы завтра подвергнете ужасной каре?

— Сто три счастливца сподобятся завтра великолепного венца.

— Сто три охваченных ужасом уничтожения? Ты не врешь, презреннейший из презренных?

— Сто три исполненных восторга смерти, сто три ликующих от предвкушения конца! Я не лгу, величайший из великих!

— Но ты, низжайший, не собирался сам быть среди ликующих обреченных? Ты отказываешь себе в наслаждении гибелью? Не потому ли, отвратительнейший Уул, что до тебя дошло сознание мнимости наслаждения небытием?

— Нет, достойнейший Оор, я всех полнее сознаю радость самоистребления. Но мне пока отказывают в восторге небытия. Я еще не сподобился награды. Я должен доставить на костер еще тридцать удостоенных блаженства самоубийства, прежде чем буду награжден разрешением на собственную смерть. Я по

званию хвататель второго ранга, о мудрый Оор, любимейший сын Отца-Аккумулятора и Матери-Накопительницы.

— Мы поймали тебя, когда ты разбойнически опутывал своими хищными волосами бедного Яала, чтобы утащить его в темницу казнимых!

— Вы схватили меня, когда я дружески обнимал ласковыми волосами хилого Яала, чтобы отвести его перед лицо мудрейших, которые разъяснили бы ему, сколько он потерял, оставаясь в несчастных живых, когда мог сотни, тысячи раз великолепно самоуничтожиться. И он уже склонился душой к радостной гибели, когда вы исторгли его из моих нежных рук для продолжения унылого существования.

— О негоднейший из негодяев, ты отрицаешь блаженство тусклости, восторг самопотерь, радость самосохранения? Подумай, в какую ересь впадаешь, безрассудный Уул!

— Я возношусь в истинное понимание, святейший из заблуждающихся!..

— Твои речи отвергают твоё лжепонимание.

— Вы не дали мне проискрить речь. Вы допрашиваете меня.

— Мы не боимся твоих речей. Искри. Исчерпывай своё ублюдочное электрическое поле, коварный дар недоброго Отца-Аккумулятора. Отвратительная яркость твоих откровений сама раскроет таящуюся в них глубину заблуждений. Сверкай! Истина в сумраке, а не в свете!

Пленник вдохновенно засиял яркой речью. Оан быстро переводил ее, нам оставалось лишь любоваться неистовыми прыжками Уула на живом пьедестале и исступленным сиянием его тела. Пленник каждому утверждению Оора противопоставлял свое, но странно противопоставлял, мне все больше казалось, что говорят они, в сущности, одно и то же, им только воображается, что они разнодумающие. Два конца одной палки, сказал я себе.

Истина в свете, а не во тьме, надрывался вспышками света пленник на постаменте. Истина сверкает, а не таится. Жестокие боги сгущают сумрак. Жестокие боги утягивают бытие. Слава Жестоким богам! Слава их беспощадному разуму. Слава творимому ими страданию! Какой великий порыв в деяниях Жестоких богов! Они испытывают, а не карают. Они взывают к нам: способны ли вы на смелое решение? Их священная цель — не в понуждении к унылому бытию, а в отвержении его. Не сми-

ряться, а восставать. Осуществлять себя не в существовании, а в отрицании существования. Отрицай холод и темноту, вечную пыль и вечный голод, хищную воду и неласковую землю, темные звезды и сумрачные солнца! И высшее из отрицаний — отрицание себя, восстание на собственную жизнь! Ах, вот она, вот она, истиннейшая из необходимостей, всецелостное избавление от всяких пут — самоуничтожение! Вот она, высшая свобода, — освобождение себя от себя! О благороднейшая из самостоятельности — самоубийство! Только тот достигает совершенной завершенности, кто совершает завершение жизни смертью! Свобода, свобода, свобода — в свободе от существования! Славьте свободную смерть! Да исполнится воля Жестокых богов, неотразимо влекущих нас к гибели! Презренные жизnehвататели и жизневыскребатели, тусклые жизнеползуны, зову, зову, зову вас к огненному самоосвобождению! Во имя смерти! Во имя смерти!

Его истошный призыв потонул в общем вопле. На головах стоявших рядом взметнулись волосы, сотней злых рук они вцепились в тело и ноги Уула, стали рвать его. Бешенство руководителей остановил трижды повторенный возглас Верховного отвергателя:

— Во имя жизни! Во имя жизни! Во имя жизни! Оставить презренного смертепоклонника!

Когда волнение немного стихло, Оор изрек суровый вердикт:

— Ты жаждешь смерти — ты получишь жизнь. Отвести Уула в подземную темницу, куда не доходит сияние Пыльных Солнц, и не проникают заряды Отца-Аккумулятора, и не слышен громовой голос Матери-Накопительницы молний. Пусть он станет низайшим из низких, ничтожнейшим из ничтожных, голоднейшим из голодных, тупейшим из тупых. И когда он возрадуется своему заключению, и придет в ликование от мук существования, и объявит себя отвергателем конца, только тогда вывести его наружу.

Пленника увели. Оор соскочил с пьедестала. Толпа повалила к выходу. Я сказал Оану:

— Возвратимся к планетолету.

Он спросил, не хотим ли мы предстать перед очи Верховного отвергателя конца и объяснить, кто мы и как поможем его сторонникам. Знакомиться с Оором я не захотел, стать его помощником — тем более.

По дороге, когда мы толкались в узком туннеле с торопящимися наружу паукообразными, Лусин мысленно прошептал мне: — Какие несчастные, Эли! И обе секты несчастны одинаково. Что за страдания надо испытать, чтобы дойти до таких ужасных взглядов, до таких отчаянных поступков.

— Они все безумные! — сказал Ромеро. — Тяжкое существование породило изуверство. Обе секты, как справедливо назвал их наш друг Лусин, самые настоящие изуверы, и, по чести сказать, я бы затруднился установить, кто из них хуже.

— Два конца одной палки, — повторил я свою мысль. — Им, конечно, надо помочь, но всему народу, а не сектам. Отвергатели ничем не лучше ускорителей. Я не обидел тебя, Оан?

— Мы жаждем помощи, — ответил он. — Если вы способны помочь всем аранам, помогите.

В планетолете мы связались с эскадрой. Ирина непрерывно передавала на корабли все, что мы видели и что переводил Оан.

— Обращаю внимание, Эли, что у нас мало данных об Отце-Аккумуляторе и Матери-Накопительнице, а, судя по всему, они играют важную роль, — сказал Олег. — Наше мнение — вызвать завтрашние жертвы. Самосожжения не допускать.

— Это приказ, Олег?

— Это совет.

Я задумался — и надолго. Было очевидное противоречие между нашими общими решениями и поступками. Только что мы постановили не вмешиваться в распри отвергателей и ускорителей и взяли на себя лишь одну миссию — облегчить условия существования на планете. Но как помешать самосожжению без борьбы с ускорителями?

Не вступаем ли мы на путь, приводящий прямехонько в объятия одной из сект? Освобождение самосожженцев превратит ускорителей в наших врагов — нужно ли идти на это?

— Эли, что с тобой? — мысленно воскликнул Лусин. — Неужели ты не хочешь спасти несчастных?

— Обращаю ваше внимание, дорогой друг, на то, свободные ли они самоубийцы или насильственно казнимые, они — жертвы, — заметил Ромеро. — И это — главное!

Я обратился к Оану:

— Твои сторонники собираются завтра спасти обреченных. Удастся ли им это?

— Нет. Мы неоднократно делали подобные нападения. Они ни разу не удавались. Мы просто не можем бездействовать, когда наших братьев казнят. Завтрашнее нападение — акт отчаяния.

После такого разъяснения колебаться было нельзя. Но я все не мог принудить себя к решению. Мери с удивлением сказала:

— Я раньше не замечала в тебе трусости, Эли.

— И нерешительности, — добавил Ромеро. — Борьба всегда была вашей стихией, Эли.

— Будем действовать по обстановке, — сказал я. — Быть равнодушным к чужому несчастью мы себе не разрешим.

До меня донесся голос слушавшего наши разговоры Камагина. Маленький космонавт поддерживал только крутые решения.

— Наши звездолеты всегда готовы прийти на помощь. Если командующий позволит, я подведу своего “Змееносца” на дистанцию максимального сближения с планетой.

Олег разрешил вывести “Змееносца” из общего строя эскадры.

— Радуйся, — сказал я Лусину. — Все будет по-твоему.

— Я буду радоваться завтра, когда собственными руками сведу осужденных с эшафота!

Если бы он знал, что ждет его завтра!

Друзья ушли отдыхать в каюты. Оан тускло фосфоресцировал на пригорке, ему на родной планете было лучше, чем на борту планетолета. Я вышел к океану. Он накатывался на берег — где рядом, где в отдалении ухали подъеденные скалы. Мне хотелось ступить на океан, пройтись по нему: анализаторы установили, что плотность жидкости почти с плотность ртути, даже железо не смогло бы потонуть в таком океане, не то что я в легком скафандре. Но жидкая среда была агрессивна, я побоялся рисковать перед завтрашними испытаниями. Вдоль берега перебегали мерцающие силуэты морских зверей. Я бросил в темную жидкость два куса стали. Первый достиг поверхности и вспыхнул, наверх вырвался столб пламени, на пламя метнулись морские хищники и мигом заглотили его. А второй кусок какой-то мерцающий хищник захватил еще в воздухе. Сталь ярко засветилась в его теле, раскалилась, расплавилась, растеклась и растворилась — и через минуту опять ничего не было, кроме темного океана и фосфоресцирующего хищника, жажду-

щего новой подачи, и других хищников, ошалело заскакавших вокруг в надежде урвать такой же кус.

Ночь Темных Солнц переходила в день Пыльных Солнц.

Я никогда не видел зрелища безотрадней, чем рассвет на планете Арания. Черная мгла преобразовывалась в мглу желтую. Из черного океана выкатились три оранжевых шара и торопливо поползли наверх. Океан уползал от суши, оставляя кромку изуродованного берега и вал выброшенных осадков. Морские звери погружались в глубину — это все были твари ночного бдения.

Ночью Арания казалась таинственней, ей можно было примысливать всякое, в том числе и красоту. В пыльном свете дня она предстала уродливой. Ко мне приблизился Граций.

— Неустроенная планета, Эли. Если бы ее перенесли в Персей, даже галактам понадобились бы тысячелетия, чтобы создать элементарные удобства.

— Элементарные удобства галактов превзошли бы, Граций, самые смелые мечты аранов о рае.

Вслед за Грацием из планетолета вышел Орлан, за ним — Ромеро и Лусин. Мери и Ирину пришлось вызывать, они прихорашивались в скафандрах, укладывая змееволосы в каком-то особом порядке.

— Мери, — сказал я. — Женского в тебе больше, чем нормально человеческого. К чему эти ухищрения, милая? Первая же встреча с ускорителем заставит ваши волосы встать дыбом, а уличная толкотня превратит изящную прическу в частокोल царапающихся рук.

Мне было особенно смешно, что они пытаются уложить волосы при помощи волос же — иных орудий захвата не было. Мери весело возразила:

— Тебе не приходило в голову, что женственность и есть самое нормальное человеческое среди всего человеческого?

Автоматы окружили корабль защитным силовым забором. Мы компактной группкой побежали через лесок к городу.

Собственно, города не было. Реально имелась цепочка холмов с лазами в пещеры — в них-то и обитали араны. Там, на глубине, были оборудованы и мастерские, и помещения для ночных сборищ. А между холмами вились дороги, убитые до того, что стали глаже древних земных асфальтовых шоссе. Из лазов выползали бесчисленные паукообразные и проворно не-

слись на обширную котловину между четырьмя холмами — лобное место Арании. Мы присоединились к общему потоку. По мере приближения к лобной площади толчея и возбуждение усиливались. Все больше становилось дико взлетающих тел, восторженно размахивающих руковолос, все ярче сверкали искры, срывавшиеся с наэлектризованных голов, гомон, вопли, писк и треск разрядов были все громче. На поисковиков никто не обращал внимания. Скафандры в совершенстве камуфлировали нас под обычный облик.

На площади возвышалась плаха, до удивительности похожая на старинные человеческие электропечи.

— Сейчас появится партия осуществляющих конец, — про-сигналил Оан, когда мы заняли местечко недалеко от плахи. — Их приведут под охраной оберегателей конца, таких же ускорителей, но плотней заряженных электричеством. Ускорители захватили все лазы к Отцу-Аккумулятору, вооружение их мощней нашего оружия. Поэтому нам и не удастся побеждать в схватках. Кто пользуется расположением Отца-Аккумулятора, тот властвует.

Наше внимание привлек аран, поднявшийся над всеми. Как и Оору на ночном сбирище, пьедесталом ему служили араны, но не один, а четверо: трое поддерживали частоколом руковолос опрокинутого вверх брюхом четвертого, а уже на вытянутых ногах четвертого возбужденно приплясывал вознесшийся аран.

— Уох, Верховный ускоритель конца, великий осуществитель, — с отвращением произнес Оан. — Если бы вы уничтожили это чучело, которому поклоняются все ускорители, борьба с ними стала бы легче.

Уох, удобно устроившись на двухэтажном пьедестале, про-искрил в толпу:

— Славьте Жестоких богов! Осуществляем конец!

В ответ грянул миллионоискрый вопль:

— Осуществляем! Осуществляем! Слава Жестоким богам!

Из верхнего лаза холма — за спиной Верховного ускорителя — показалась партия осуществляющих. Они спускались по четыре в ряд, с боков возбужденно подпрыгивали оберегатели, рассеивая в пыльном воздухе тучи искр, голова каждого конвоира походила на пылающий костер — столько вырывалось наружу разрядов. Толпа вся затряслась, как одно исполинское, из тысяч тушек, тело.

Когда колонна обреченных уже опустилась до уровня поляны, из лазов соседнего холма внезапно вырвался сноп искр и отряд отвергателей кинулся на конвой. Фанатичное ликование мигом превратилось в ярость сражения. Оберегатели свирепо отбивались от напавших, толпа кинулась на подмогу своим. В колонне осуществляющих тоже не было единства. Удирали на волю лишь немногие, а большинство отбивалось от тех, кто их освобождал. Один обреченный, вырываясь из руковолос отвергателей, жалобно искрился:

— Хочу конца! Осуществления! Осуществления!

Силы, как и предсказывал Оан, оказались неравны. Может, кому из обреченных и удалось спастись, но зато колонну осуществителей с лихвой пополнили сами спасатели, попавшие в плен. Мимо нашей группы промчался беглец из колонны, за ним гнались конвоиры, но он юркнул под какие-то взлетающие тела, и преследователи схватили другого. Тот отчаянно заискрился:

— Пустите! Я не назначен к осуществлению! Я не готов! — Никто и не подумал вслушаться в его отговорки.

Разбитые отвергатели вскоре бежали. Верховный ускоритель конца опять ошалело запрыгал на своем живом двухэтажном пьедестале и завел пронзительно-унылый вой:

— Осуществляем конец! Осуществляем конец!

Ему ответил прежний ликующий рев:

— Осуществляем! Осуществляем!

— Ускоряем конец! Ускоряем конец!

— Ублажим Отца! Умилосердствуем Мать!

— Ублажим! Умилосердствуем!

— Да не гневается Мать!

— Да не гневается!

Уох взметнул вверх свои волосы и сплел их над головой, как бы сомкнул в рукопожатии. Оберегатели схватили одного из обреченных и швырнули его в печь.

Как мы теперь знаем, осуществитель замкнул своим телом два электрода под напряжением. А в тот момент мы услышали взрыв, над плахой взметнулось пламя разряда, по площади пронесся тяжкий грохот. Предсмертный стон жертвы потонул в громе взрыва и реве толпы. На нас посыпался горячий прах, тонкий, как мука, прах испепеленного существа!

— Он был живой, Эли! Он же был живой! — простонал Лусин.

Уох вторично сплел руковолосы над головой — вторая жертва полетела в горнило печи. И тут нервы Лусина не выдержали.

— Эли, ты делаешь нас пособниками злодеяний! Если ты не вмешасься, я пойду один! Я пойду один, я взбунтуюсь, Эли!

Я размышлял ровно столько, чтобы не дать палачам расправиться с третьей жертвой. Надо было взорвать ко всем чертям печь, но Оан предварил мой приказ испуганным голосом:

— Не уничтожайте плаху! Все араны тогда погибнут!

— Разметать охрану! — крикнул я, не спрашивая, почему нельзя трогать печь, и кинулся к Верховному ускорителю конца.

Лусин так яростно рванулся вперед, что опередил меня прыжков на десять. Он ударил по живому пьедесталу, и Уох полетел вниз. Лусин встретил его такой затрещиной, что Великий осуществитель с пронзительным писком снова взмыл. На Лусина кинулась дюжина охранников. Сотни молний вонзились в него, нам почудилось, что он пылает.

— Поле! Поле! — крикнули мы с Ромеро, и Лусин вызвал поле.

Все остальное совершилось почти мгновенно. Я сижу в своей комнате, на моем экране медленно, очень медленно разворачивается зафиксированная стереокамерами картина. Я в сотый раз всматриваюсь в нее — каждая линия, каждый блик пронзают неусмиримой болью. Лусину ничего не грозило, теперь это ясно. Скафандр был слишком прочен для руковолос охраны Уоха, и вызванное защитное поле явилось бы непреодолимым щитом. Я понимаю Лусина. Я понимаю себя, всех нас понимаю. Мы не знали физической мощи палачей, мы видели лишь их фанатизм и свирепость. Лусин сконцентрировал поле, как если бы он снова сражался с головоглазами и невидимками или на него напал ошалевший драчливый ангел. Какую-то долю секунды я или Ромеро, бежавшие вслед, могли бы помешать ему так сгустить в себе силовые линии. Мы этого не сделали. И мы увидели, как словно взрывом бросило от Лусина напавших на него. Только один удержался, его гибкие руковолосы так сцепились со скафандром, что их можно было лишь вырвать из головы, а не оторвать от Лусина.

Лусин и в эту страшную минуту остался Лусином. Он не остановился, хладнокровно осматриваясь, не стал неторопливо ослаблять поле. Вокруг рушились, смертно искря, ломая ноги, разбрасывая по сторонам вырванные руковолосы, дико перепу-

ганные оберегатели — он думал о них, а не о себе. Он разом выключил поле, он отрубил его, чтобы оно не растерзало противников. И разом же, на какие-то доли секунды, он сам стал игрушкой в хаосе бушующих вокруг стихий, пушинкой среди неконтролируемых случайностей!

Все совершилось в эти доли секунды! Вцепившийся в Лусина охранник, почуяв, что поле пропало, снова отчаянно дернул свои запутавшиеся в скафандре руковолосы, но не выдернул, а повалился вниз, увлекая с собой Лусина. Оба стояли на краю плахи и низринулись в ее зев, в самый фокус печи, на который зловеще нацеливались жерла электродов. Снова ударила молния, снова взметнулось пламя, но тут же погасло, сбитое вернувшимся охранным полем. И я, и Ромеро, и бежавшие за нами демиург с галактом бросили свои поля в помощь Лусину, но было уже поздно. То, от чего предостерегал Оан, совершилось. Дьявольский электрический эшафот, мерзкая печь, поглощавшая обреченных, разлетелась в куски. Среди осколков лежал пробитый чудовищным разрядом, полусожженный скафандр, а внутри его — мертвое тело, изуродованное тело Лусина!

— Планета погибла! — с ужасом закричал Оан.

У меня подогнулись ноги. Меня поддержал Граций. Мери вскрикнула: ей показалось, что я погиб, как и Лусин. Но я пришел в себя. Я застонал от горя и ярости. Я готов был уничтожить всех до единого аранов, метавшихся по площади. До сих пор не понимаю, где я нашел силу не дать гневу вырваться наружу таким страшным поступком.

— Жестокие боги! Снизойшли Жестокие боги! — вопили улепетывающие пауки.

Я сбросил скафандр. Я больше не мог обретаться в образе паукообразного. Во мне острой болью отдавался отчаянный вопль звона и света: “Снизойшли Жестокие боги!” Мери и Ирина тоже швырнули наземь отвратительную одежду. Они возились с Лусиным, им помогали Ромеро и Граций, а я опустился на землю, обессиленный, у меня тряслись ноги.

Ко мне подобрался Орлан, он, как и Граций, не скинул камуфлирующей одежды.

— Ужасное несчастье, Эли! Но может совершиться несчастье еще большее. Прошу тебя, прислушайся к Оану!

Только тогда я сообразил, что Оан говорит что-то, а я не слышу.

— Чего ты хочешь? — спросил я. — Чего еще тебе надо?

— Мать-Накопительница молний рассвирепела, — донесся как бы издалека в мое сознание голос Оана. — Уходите, уходите, теперь все здесь погибнут, и вы погибнете вместе с нами, если не уйдете!

Все волосы на его голове встали дыбом, изогнулись, десятками гибких рук указывая на восток, откуда шла ночь. Три Пыльных Солнца клонились к закату, вчера в это время глухая тьма бежала с той стороны горизонта — от темных звезд, от проклятых звезд этого проклятого мирка. Сейчас с востока надвигалась заря, а не ночь. Летели огненные облака, клочки мятущегося пламени. Всем в себе, без приборов, я ощутил сгущение электрических зарядов, я весь как бы превратился в живой конденсатор, заряженный донельзя. Надвигалась электрическая буря такой силы, какой мне не приходилось еще испытывать.

— Всем в свои охранные поля! — Я вызвал Камагина. Было большой удачей, что “Змееносец” находился поблизости от планеты. — Вы видели, Эдуард? — спросил я. — Вы все видели?

— Какой ужас, Эли! — послышался горестный возглас Камагина. — Мы все видели, адмирал. К сожалению, мы не могли помочь.

— Эдуард, над планетой скоро забушует электрический ураган. Подозреваю, что несчастных электрических пауков будет рвать на части свирепая Мать-Накопительница молний, так они называют свою владычицу. Даже пещеры их не спасут. Ярость ее как-то связана с разрушением электрической плахи. Всыпьте ей, Эдуард! Всыпьте покрепче! Покажите всем злым матерям и отцам, всем Жестоким богам и чертям, что есть в мире еще такая сила, как человеческое могущество!

— Яростной матери не поздоровится! — заверил Камагин. — Сегодня она займется не истреблением своих сыновей, а пополнением наших запасов активного вещества. Пусть неистовствует с полезной отдачей!

Буря разразилась минуты через три после разговора с Камагиным. Наши земные грозы — тучи, жидкий ливень из туч и молнии, пробегающие в облаках. Гроза на Арании — ливень молний, секущих землю, гейзеры молний, вылетающие из земли вверх, частоколы молний на холмах, джунгли молний в долинах. Никакого дождя, раскатов грома и влажной прохлады здесь не было и в помине. Один огонь и непрерывный гул, до того тяж-

кий, что разрывало не только уши, но и душу. Если бы мы не защищались охранными полями, всех испепелило бы в первое же мгновение. Ромеро заботливо оградил своим охранным полем и Оана, но тот не знал его крепости и трясся, с минуты на минуту ожидая гибели.

А затем все волшебным образом переменялось. Камагину понадобилось четыре минуты для настройки резервуаров на прием грозы. Он опоздал ровно настолько, чтобы дать нам почувствовать бешенство распоясавшейся огненоносной Матери, но не позволить ей нанести серьезного вреда планете. Насосы звездолета работали, как на базе, где заправлялись активным веществом. Молнии, только что осыпавшие землю, унеслись вверх, гроза била в небо, а не в планету. А на земле стало тихо, так удивительно, так недоуменно тихо, как будто вся планета растерянно прислушивалась к себе. Над нами теснились огненные облака, из них по-прежнему исторгалось пламя, но все пламя уносилось к звездам — миллиарды молний сливались в одну исполинскую реку огня, огненная река мчалась к жерлам корабля, пропадала в них. Не прошло и двадцати минут, как облака стали редеть, распались на клочья, таяли, погасали, из них уже не вырывались молнии. Камагин не остановил насосов. И остатки облаков несли электрические заряды. Эдуард гнал в резервуары все.

— Теперь я пообдери планету, — сказал Камагин, когда закончил с облаками. — Она вся так насыщена электричеством, что не грех попользоваться от ее избыточного богатства. И бедным аранам станет легче, их фанатизм, я думаю, в какой-то степени продукт перегрузки тел электричеством.

Я попросил Камагина не переусердствовать — молнии, бьющие из земли, производят не меньше разрушений, чем молнии, бьющие в землю. Эдуард произвел очищение планеты от избыточного электричества с такой осторожностью, что иначе как изящной я эту операцию и назвать не могу. Планета отдавала накопленные заряды плавно, без грохота и огня, и отдала, как выяснилось потом, так много электричества, что запасы звездолета пополнились основательно.

— Доволен ли ты, Оан? — хмуро спросил я, когда Камагин остановил всасывающие снаряды корабля.

Аран восторженно твердил:

— Вы справились со страшной Матерью! Ах, как вы справились со страшной Матерью! Как вы справились со страшной Матерью!

Лусина внесли в консерватор — усыпальницу, где тела погибших сохраняются нетленными. Я сейчас сижу в консерваторе, здесь теперь не один Лусин, наш бедный друг только начал длинный ряд захоронений, завершать этот ряд, возможно, будем мы — немногие оставшиеся в живых. Лусин в прозрачном саркофаге похож на себя живого, облик удалось восстановить. Но смотрю я не на Лусина, а на того, кто покоится напротив. И я разговариваю вслух с тем, другим, мне нечего сказать погибшему другу, но многое надо высказать мертвому врагу.

Я возвращаюсь к событиям на Арании. Когда мы вошли в звездолет, Труб, расталкивая людей, кинулся к мертвому другу. Старый ангел встопорщил седые бакенбарды, в отчаянии бил себя выцветающими крыльями.

— Я мог пойти с вами! Я защитил бы его! Никогда не прощу себе, что не пошел!

Гиг, опечаленно гремя костями, сказал мне с упреком:

— Адмирал, люди без невидимок неполноценны. Уверяю тебя, если бы вы не заставляли напяливать эти дурацкие скафандры, мы с Трубом оградили бы Лусина от врагов верней, чем ваши силовые поля.

Я думал с горечью: от чего они запоздало хотели оградить Лусина? От реального живого врага или от цепочки ужасно совпавших бездушных случайностей? Они не смогли бы ответить на этот простой вопрос. Я тоже не знал ответа. Ответ нужно было найти.

На похоронах Лусина не было одного Бродяги. Дракон тяжелей всех перенес потерю друга. Он заболел. Мы боялись, что он уже не сможет даже ползать. Он выздоровел, кое-как ползал, но способность летать утратил окончательно.

В наше отсутствие на эскадре прошло срочное совещание. Гиг и Эллон настаивали на мести за Лусина. Но кому мстить? Аранам? Чем они виноваты? Вмешательство в распри отвергателей и ускорителей тоже было отклонено. МУМ высчитала, что корень зла — в чудовищной запыленности местного космического пространства. Освободить от пыли планетную систему тройной звезды — лучшая помощь аранам. Немного изменится орбита Арании, но отдаление от Трех Пыльных Солнц компенсируется тем, что они потеряют в названии словечко

“пыльные”. Нужно лишь предварительно разведать то, что скрывают наименования Отец-Аккумулятор и Мать-Накопительница молний. Без разгадки этой тайны трудно что-либо планировать.

Мы стали готовиться к вторичному полету на планету. Оан вдруг стал возражать против посещения Отца-Аккумулятора. Я попросил объяснить, что он имеет против этой экспедиции. Вместо объяснения он внедрил мне в мозг ощущение страха. Но так как это все-таки был его страх, а не мой, я продолжал дознаваться причин боязни.

— Покой отца священен, — сообщил Оан.

— Стало быть, ваш Отец-Аккумулятор — самодур, наказывающий всякого, кто его потревожит?

— Ему плохо, когда посягают на его покой.

— Разлаживается? Перестает функционировать? Кто же охраняет его покой? Ваши Жестокие боги?

— Отца охраняет гвардия оберегателей, каждый отбирается самим Уохом.

— С оберегателями мы справимся, даже с отобранными Уохом. И отца не обидим, если он не заслуживает обиды. Теперь скажи, что такое Мать-Накопительница молний?

— Страшная Мать бережет покой отца. — И это было все, что мы могли узнать у Оана.

Уверен, что и другие араны об Отце и Матери знают не больше. Тем настоятельней нужно было идти в новую разведку.

Опустились мы на старом месте, в полдень. На дорогах встречались араны, на нас по обыкновению не обращавшие внимания. Выглядели они здоровыми, буря никого не потрепала. Оан сообщил, что и отвергатели, и ускорители недоумевают: еще не было столь сильного урагана — и такого невредоносного.

Оан взобрался на вершину холма и остановился перед лазом, по виду ничем не отличающимся от соседних.

— Здесь. Первым я не пойду.

— Иди в середине, — разрешил я.

Оберегатели встретились уже через несколько метров. Это были рослые пауки, бесстрашные и готовые на самопожертвование. Но они улепетывали через минуту с дикой быстротой. Дело было не только в том, что они не могли противостоять силовым полям. Они просто не знали, что такое поле. Невиди-

мая сила, мощно бросавшая их на стены и под потолок, потрясла их, никто и не подумал переть на рожон. Они удирали вглубь с теми же знакомыми воплями:

— Жестокие боги! Снизойшли Жестокие боги!

Внутренняя охрана, очевидно, не поверила паническому сообщению передового отряда. В пещере, через которую пролегал путь, нас повстречало целое воинство. Оберегатели ринулись на нас, подбадривая себя бесовскими искрами и воинственным писком. В первой стычке мы ограничились силовыми оплеухами, здесь пришлось концентрировать поля. И когда схватка закончилась, на полу лежало несколько безрассудных. Из пещеры вели четыре хода. Из заднего вышли мы, в два боковых опрометью умчались сраженные охранники. В четвертый ход никто не юркнул. Я показал на него одной из своих рук:

— Сюда, Оан?

— Сюда. Больше нам никто не встретится до самых покоев Отца. В этот лаз запрещено заползать.

Запретная для аранов дорога тянулась долго, мы пересекли еще пять-шесть пустых пещер и наконец выбрались в самую большую. Даже засветив прожектора, мы не увидели ни потолка, ни противоположных стен. Все помещение занимало озеро — вязкая жидкость, прикрытая коркой. Поверхность бурлила, вспучивалась, кое-где наружу вырывалось пламя. Над озером клубился зеленоватый самосветящийся пар. Временами из жидкости выстреливали молнии, погасая в невидимом потолке, откуда низвергались такие же молнии.

— Отец-Аккумулятор убивает всех, кто подходит близко, — со страхом прошептал Оан.

— Своеобразный механизм по выработке электроэнергии, — оценил озеро Ромеро.

— И большой мощности, — добавил Орлан, с любопытством осматриваясь. — Очень интересная машина.

Граций с сомнением покачал всем частоколом рук:

— Это не механизм, а живое существо. Оно напоминает наши биологические орудия, но там простое скопление бактерий. Уверен, что Отец-Аккумулятор — мыслящее создание.

Ирина взяла пробу озера на анализ. У меня вдруг возникло ощущение, что за нами наблюдают. Оан считал, что Отец-Аккумулятор разбирает каждое наше слово, понимает каждую нашу мысль. Возможно, Оан преувеличивал, но и мне вообрази-

лось, будто озеро безглазое, безрукое, но живое, что оно затаилось, что оно охвачено страхом, а не яростью, как думал Оан.

— Отец не уничтожает вас! — удивленно воскликнул Оан.

— Попробовал бы! Постарайся связаться с Отцом, — посоветовал я Ирине, а Оана спросил: — Какой возраст этого зверя?

О возрасте озера Оан ничего не знал, кроме того, что оно было еще до аранов. Отец сотворил жизнь, когда ему надоело быть одному, — сперва создал Мать, а потом оба они населили планету растениями и аранами. Океан с его хищниками тоже одно из творений Отца.

— Океан, наверно, является отходом производства электроэнергии, — перефразировал Оана Ромеро. — Ибо, насколько я понимаю, Отец — живая электростанция, питающая электрических жителей планеты.

— Итак, будем решать: уничтожаем ли мы Отца, ибо деятельность его причиняет страдания аранам, — сказал я. — В этом случае надо подарить жителям автоматическую электростанцию, чтобы не прерывалось снабжение их организмов электричеством. Или сохраняем его, но как тогда разряжать пресыщенного электричеством Отца без привлечения буйной Матери?

— Уничтожение равносильно убийству, — поспешно сказал галакт.

— Что до сумасбродной Матери, — сказал Ромеро, — то функция ее, очевидно, сводится к ликвидации излишков электричества. Кто-нибудь видел Мать-Накопительницу молний, Оан?

— Ее нельзя видеть. Она существует лишь в своих бурях.

— Иначе говоря, она есть разряд избытков электричества, — сказал я. — Ладно, Оан, больше на планете никто не услышит о грозной Матери. Мы постановляем ее упразднить. Восстановленная плаха примет службу отмененной Матери.

Мы пошли назад. Я помахал озеру рукой. На поверхности я вызвал с “Козерога” механиков. Переоборудование плахи заняло немного времени. Теперь избыток электричества автоматически разряжался, когда потенциал достигал предельного значения. Можно было только удивляться, как точно фанатики нашли физическую причину “недовольства Отца” и какие изуверские приемы отыскивали, чтобы ввести в норму деятельность электрического сердца планеты. Публичной казнью своих братьев они предотвращали беду. Они, конечно, замечали, что после

“осуществления” электрических бурь не бывает. Свирепая Мать после таких акций долго “не гневалась”. Но какой зверский способ решения простой технической задачи!

— Адмирал, я придумал, как сохранить наш разрядник от посягательств со стороны паукообразных! — порадовал меня Эллон, руководивший монтажом. — При каждом разряде будет вздыматься огненный столб. Двенадцатиногие бестии побоятся и подходить близко!

— Они станут поклоняться разряднику как божеству! Эллон, мы закладываем основу новой религии. И пройдет не один век, пока какой-нибудь гениальный аран поймет, что перед ним не жертвенник божества, не оракул, вещающий высшую волю, а простой механизм для простой операции. А ведь предки аранов строили звездолеты!

На цоколе разрядника, ставшего памятником Лусину, выбили надпись: “Лусин, человек, астронавт из дальних созвездий. Погиб при спасении местных жителей, безвинно осужденных на казнь”. Под надписью выгравировали таблицу космических шифров. Возможно, будущие поколения аранов сумеют прочесть надпись.

Я попросил Эллона окружить разрядник еще и силовым заборчиком. Теперь каждый аран, пытающийся пробраться к бывшей плахе, встретит стену не только непреодолимую, но и способную поддаться.

На закате Трех Пыльных Солнц глухой взрыв возвестил, что освобождение от накопленного электричества будет отныне вершиться без фанатических казней и без истребительных бурь. Столб огня взлетел выше холмов, окружавших площадь, только что не развернулся вверху огненным грибом.

Ко мне подошел Оан.

— Вы отбываете, Эли? Вы мои спасители. Вы наши благодетели. Мне будет плохо без вас.

Я молча смотрел на него. В нем была загадка. Весь народ аранов — загадка. Я все не мог отделаться от мысли, что предки этих невежественных, суеверных, фанатичных существ строили космические корабли. И нельзя было утешиться поверхностной сентенцией, что вот, мол, как складывается судьба — был высокий уровень, стал низким, совершенствование сменилось деградацией. Не было деградации в обычном понимании: Оан опро-

вергал ее. Он был такой, как все араны, — и во многом превосходил любого из нас! Разве не увидели мы его в горниле коллапсирующей звезды, куда и близко не осмеливались сунуться наши корабли? Разве существовал для него барьер нашего разноязычия, такой непреодолимый для нас самих, когда мы лишены дешифраторов? И еще много, много других “разве”, возносивших его над нами!

Оан пригнул свои ноги, руковолося улеглись, как причесанные, нижние глаза смотрели преданно и благодарно, верхний, пронзительный, потускнел, в нем не было прежнего пугающего жара, он как бы закатывался в какую-то свою, особую, тайную глубину...

— Оан! Ты умеешь водить звездолеты. Ты знаешь об искривлении времени больше, чем мы. А твои братья фанатики, а не мыслители. Откуда такие знания? Почему ты не похож на собратьев?

Он ответил с подкупающей искренностью:

— О нет, нас много, сохраняющих древние познания среди современного невежества. Если бы вы задержались на планете, вы бы познакомились с нами.

Задержаться мы не могли.

— Возьмите меня с собой, — попросил он. — Я много знаю о парадоксах времени. Наши предки изучили завихрения и завороты времени в звездных скоплениях. Мы не умели пользоваться этими знаниями, но свято их хранили. Вам они пригодятся.

Я раздумывал недолго.

— Садись в планетолет, Оан. Ты будешь со мной на “Козероге”.

7

Все поначалу казалось легким. Мы умели уничтожать планеты, когда возникала такая необходимость. Подарить аранам кусочек чистого неба было проще. Любой из звездолетов мог сыграть роль космического дворника. Мы могли и всю эскадру бросить на расчистку пыли в скоплении Гибнущих миров. Камагин настаивал именно на этом, маленькие задачи его не удовлетворяли. Он не встретил поддержки. Мы стремились к результатам поскромней. Было решено расчистить пространство вокруг тройной звезды и уходить дальше. “Запустим один из гру-

зовых звездолетов на автоматическую чистку и поднимем на эскадре паруса” — так выразился Олег. Если обратный путь будет пролегать через это же скопление, мы снова присоединим оставленный галактический грузовик к эскадре.

Я и сейчас считаю, что план был хорош. И если он не удался, то не по нашей вине.

Космический дворник назывался “Таран”. Одно внушительное название вселяло уверенность, что звездолет со своей задачей справится. МУМ на “Таране” была мощная, точная, почти мгновенного действия: на ней проиграли все возможные варианты неполадок и препятствий, автоматический мозг отлично справился с ними. Я подчеркиваю: возможные варианты. К сожалению, никому не пришло в голову проверить варианты технически невозможные, а именно такой и выпал. Никто из нас не хватал так далеко, чтобы выискивать логические несуразности. Невозможностей безмерно больше, чем реально осуществимого. Абсурд обширней разумного. Реально ходят ногами по земле. А среди невозможных способов — хождение на голове, на руках, на плечах, по воде, по воздуху, в вакууме и еще черт знает какие. Пересчет невозможностей бессмысленней гадания на кофейной гуще. Заниматься таким вздором мы не могли. Все мы крепки задним умом.

Не надо думать, будто мы были так безрассудны, что не допускали и мысли о неожиданностях. Мы считались с наличием неведомых, но мощных сил. Они пока нас не тревожили, но нельзя было ручаться, что и дальше будет так. Наша ошибка была лишь в уверенности, что всякое противодействие будет опираться на законы природы, то есть лежать в рамках логики. Мы считали себя разумом природы. Но природа шире того, что охватывал наш разум. Он обслуживал наши маленькие потребности, устанавливал наши возможности, но не сумел бы обслужить все потребности природы, предугадать все ее возможности.

Я сделал это отступление, чтобы стало яснее, что произошло, когда “Таран”, кружась по сужающейся спирали, приблизился к Трем Пыльным Солнцам.

Все совершалось точно по программе. “Таран” превратился в спутника тройной звезды, самую близкую и самую крохотную ее планетку. А затем корабельная МУМ запустила аннигиляторы вещества. Это не был, конечно, острый луч, поражающий про-

тивника, аннигиляторы работали “в производственном варианте”, как называл его Ромеро. “Таран” описывал эллипсы вокруг Трех Пыльных Солнц, а за ним ширился шлейф новосотворенного пространства, до того чистого, что в нем и красноватое сияние солнц превращалось в серебристо-голубое, каким оно в реальности и было. “Таран” замыкал петлю за петлей вокруг пылающего в три ока центра, постепенно отдаляясь от него, а между ним и солнцами высветлялись дали. Несколько десятков земных лет такого кружения звездолета — и ликующие араны увидят если и не ночные яркие звезды — те останутся по-прежнему смутно-красными, — то сияющие дневные светила. Хоть один уголок в Гибнущих мирах сподобится названия “возрожденный мир”!

Я спустился к дракону, на его лапе сидел Ромеро, у ног Ромеро лежал Мизар. Умный пес еще не пришел в себя после гибели Лусина. Он сторонился нас. Вероятно, он считал, что мы могли бы не допустить гибели его друга и учителя. Даже ворчанием, даже смутной мыслью, на границе возможностей дешифратора, он не разрешил себе попрекнуть нас. Но ходил он теперь только к дракону, тот на Аранию не выползал, его нельзя было обвинить в причастности к катастрофе.

— Все идет хорошо, Бродяга, — сказал я.

— Слишком хорошо, чтобы было хорошо, — отозвался дракон.

— Мне это непонятно — нехорошо, потому что очень хорошо. А тебе, Мизар? — Я погладил пса. — Твой учитель всегда утверждал, что у тебя логическая хватка сильнее, чем хватка зубами, и что ты к тому же одарен талантом подлинного реалиста. Мы, люди, пугаемся фантомов, а ты презрительно игнорируешь их, они только похожи на живых, но у них нет теплоты и запаха живого тела, не так ли? Опровергни дракона, Мизар! Бродяга впал в скептицизм.

— Я теперь ни о чем не думаю, кроме Лусина. Я не могу больше рассуждать по-вашему, — печально прорычал Мизар.

Ромеро сказал:

— Дорогой адмирал, вы напрасно нападаете на нашего уважаемого друга Бродягу. В его аргументации есть нечто заслуживающее внимания. Он ставит себя на место Жестоких богов, которых, возможно, вовсе и нет, и прикидывает, как бы он действовал на их месте. И получается, что бездействие в данном

случае — самое сильное действие! Он не напал бы сразу на звездолет-чистильщик, а раньше присмотрелся бы к нему, выяснил его цели и возможности.

Я возразил:

— Вы рассуждаете, будто Жестокие боги — реальность. А это еще надо доказать. Вера аранов мало о чем свидетельствует. Они верили и в существование Матери-Накопительницы молний, а мы поставили автоматический разрядник, и зловещая Мать перестала существовать. Она была даже не призраком, а фикцией. Люди, хотя это тебе неизвестно, Бродяга, верили, что Землю населяют могущественные высшие существа — Зевс, Вотан, Один, Ормузд, Саваоф, Вицлипуцли, Ваал. Они их видели, беседовали с ними, получали от них строгие наставления и ценные указания, сообразовывали с их велениями свою жизнь, а их не было. Они были менее реальны, чем наши фантомы, в тех все же есть какой-то вещественный элемент. Боги же — слова, мечта, фантазия! И замечу тебе, Бродяга, далеко не самая фантастичная из человеческих фантазий.

Мы с Ромеро пошли в обсервационный зал. “Таран” наблюдался отлично. Очень изящен был его стремительный полет среди желтой пыли, окутывавшей тройную звезду, — чистый простор, создаваемый звездолетом, походил на туннель, только непрерывно расширяющийся. Ромеро первый заметил неполадки с “Тараном”, МУМ о них объявила минутой позже. Звездолет вдруг заметался, он был похож теперь не на галактический корабль, а на ящерицу, у которой оторвали голову, — тело уже мертво, но еще судорожно бьется, оно еще кажется полным энергии. А затем звездолет замер. Аннигиляторы перестали вычерпывать пыль, расширяющиеся круги превратились в мертвый кеплеровский эллипс. Больше не было могучего космического корабля, вольно меняющего структуру пространства. Был астероид, безжизненный кусок материи, — крохотная планетка в космосе.

Олег вызвал меня к себе. На “Таране” остановились не только аннигиляторы, но и приборы связи. Он не откликнулся на зывные.

— Надо выслать буксир, — хмуро сказал Олег.

Ближе всех к “Тарану” находился “Овен”. Олег велел Петри привести потерявший ход корабль. Вскоре оба звездолета по-

дошли к “Козерогу”. “Таран”, превратившийся в кусок космического вещества, вел себя как простое космическое вещество — покорно двигался в клещах буксирных полей, послушно отвечал на их импульсы. К звездолету прикрепили ремонтную камеру и прорезали в корпусе лаз. Петри сам доставил на “Козерог” демонтированную МУМ, по виду целую — ни один контакт не поврежден, нигде ни царапины, и сердце машины — крупный нептуниан — сверкал прежним глубоким зеленоватым блеском: великолепный кристалл, один из лучших, какие мне приходилось видеть.

— МУМ работает, — сказал Петри. — Она только несет околесицу, порет чепуху... не знаю, какие еще подобрать выражения!

МУМ установили на испытательном стенде. Эллон с Ириной проверяли отказавший машинный мозг. Я уже говорил, что Эллона нелегко удивить, а когда он удивляется, то старается это не показывать. На этот раз он не скрывал удивления.

— Адмирал, я поражен! Защитные поля, предохраняющие МУМ, не пробиты, не деформированы, даже не задеты. Она разладилась сама. Внутри схемы возникли неполадки, внутри, адмирал, я исключаю внешние силы. Но и внутри повреждений нет. С такой диковинкой я еще не встречался. Буду проверять отдельно каждую часть схемы.

— Да, проверяйте, — сказал я и пошел к дракону.

Бродяга коротал время с Мизаром.

— Бродяга, — сказал я, — ты лучше нас знаешь природу пространства. Послушай внимательно. На “Таране” вышла из строя МУМ. На нее не действовали внешние силы, никаких сил не возникало внутри. Иначе говоря, в пространстве, через которое вместе с кораблем мчалась МУМ, не произошло ничего. Ты меня понимаешь, Бродяга? Не могло ли воздействовать на корабельный мозг само пространство? Не могло ли всегда пассивное пространство, носитель полей, волн и частиц, вдруг стать активным?

— Я не могу ответить на твой вопрос, — признался дракон. — Я имел дело с пассивным пространством. Я его скручивал и выпрямлял, сгущал и разрежал. Оно способно порождать собственные волны, которые вы называете волнами пространства, его можно превратить в вещество, вещество можно преобра-

зовать в пространство. Все это так. И все-таки пространство пассивно. Оно воздействует на тела только посредством возникающих в нем сил.

— И я так думаю. Теперь посоветуемся с Оаном. Двенадцатиногий мыслитель глубже нашего проник в тайны местного мира, пусть он поделится с нами.

Оан явился вместе с Орланом и Грацием. И демиургу, и галакту тоже захотелось посоветоваться с араном.

Я не успел задать своих вопросов: к дракону пришли Эллон и Олег. Эллон показал диаграмму испытаний МУМ.

— Адмирал, ручаюсь, тебе еще не приходилось встречаться с чем-нибудь похожим! МУМ на “Таране” разладилась не физически, а логически. Она переставляет причины и следствия. Следствие у нее идет раньше причины. Убедись сам.

С тяжелым чувством я рассматривал диаграмму. Следствие не могло возникнуть до причины. Дождь не прольется до того, как соберутся тучи. Ребенок не родится раньше, чем встретятся будущие отец и мать. Шишка на лбу не вскочит до удара. А здесь была именно такая картина. Здесь дождь шел без туч, ребенок появлялся без матери и отца, шишка вскакивала на лбу до удара. Эллон послал извне импульс. МУМ отвечала замыканием цепи, потом принимала импульс извне. Можно было лишь удивляться, что свихнувшаяся машина не взорвала корабль. В трюмах галактического грузовика хранилось достаточно активного вещества, при неправильной команде все оно могло превратиться в подожженную взрывчатку.

Я спросил Оана:

— Ты можешь разъяснить эту чертовщину?

— Никакой чертовщины, — быстро ответил он. — Ваша машина заболела. У нее рак времени.

— Заболела? Рак времени?

— Да, заболела. Время разорвалось внутри машины. Одни ее ячейки в прошлом, другие в настоящем, а третьи вынеслись в будущее. Она не сумеет выполнить никакой программы. Рак времени — самая тяжелая болезнь нашего мира.

— Не может ли эта болезнь поразить и нас? — спросил Орлан. Он так вжал голову в плечи, что одни глаза выступали наружу.

— Поразит и вас, если того пожелают Жестокие боги! — уверенно предсказал Оан. — Вот почему я пытался найти

выход в иное время. Вы могущественны, вам может повезти больше, чем мне. Но лучше вам уходить отсюда. Жестокие боги долго не замечали вас. Но сейчас они взглянули на вас. У них недоброе око.

Он говорил о том, что Жестокие боги наконец воззрились на нас недобрым оком, а я — в который раз — рассматривал его самого. Мне вдруг почудилось, что вижу его впервые. Я, вероятно, до сих пор недостаточно вдумывался в его облик. Оан тихо покачивался на двенадцати мощных, быстрых, легких ногах, каждая содержала восемь сочленений... А на бронированном жесткой кожей теле возвышалась небольшая голова со странными волосами — не то змеями, не то руками: он мог не только хватать, но и рвать, и присасываться ими. Два нижних глаза просто глядели, обыкновенные глаза, темные, с поволокой, такие же, как у меня, Труба, дракона, даже у Орлана с Грацием. А третий глаз, над ними, не глядел, а пронзал глубоким сиянием, он излучал, а не принимал чужие лучи, этим глазом Оан и внедрял в наши головы свои мысли — и я невольно сжался, так его мысли были грозны! У Оана было недоброе око...

8

Если бы от меня потребовали выразить одной фразой наше желание, я сказал бы только: “Клочок чистого неба!” Неведомые противники запретили расчищать межпланетный простор. Неожиданное сопротивление породило порыв. Это у каждого в крови. Наши предки были борцы-богоборцы, освободители, ревнители своей чести и достоинства, — мы были не трусливей предков...

Олег пришел ко мне посоветоваться.

— Эли, одним из самых замечательных событий первого похода в Персей было уничтожение Золотой планеты, с такой решительностью и мастерством совершенное Ольгой Трондаик. Я хочу предложить примерно то самое, что вы проделали тогда.

Я попросил разъяснений, он дал их. Ольга, взорвав Золотую планету, создала огромный объем новосотворенного пространства и вывела сквозь него попавший в западню звездолет. Разрушителям пришлось потрудиться, пока они снова ввели этот свободный простор в насильственную структуру своего звездного мирка. В скоплении Гибнущих миров господствуют существа, которые для чего-то заставляют звезды медленно исходить

пылью. Открытое противодействие они пресекают. Но не обмануть ли их? Не поставить ли их перед совершившимся фактом? Не вызвать ли взрывное новообразование пространства? В существующем просторе бороться с рамирами — будем пока называть их так — нам непосильно. Но для запыления нового пространства им понадобится какое-то время — столетия или тысячелетия по земному счету. Все это время на Арании будут видеть ясные дневные дали, араны получают хоть на несколько поколений обещанный клочок чистого неба.

— Главная проблема в твоем плане — скрыть его от рамиров, — сказал я. Олег согласился, что нужен надежный метод маскировки.

План понравился всем капитанам кораблей. Аннигилировать планету сумел “Пожиратель пространства”, а наши современные звездолеты мощней. И подобрать космическое тело для аннигиляции просто: вокруг Трех Пыльных Солнц вращался с десятков безжизненных планет. Лишь проблема маскировки вызвала споры. Рамиры, если это они Жестокие боги, могут легко воспрепятствовать уничтожению планеты в момент, когда на нее устремится звездолет с включенными боевыми аннигиляторами. Прямой удар, какой Ольга нанесла по Золотой планете, в Гибнущих мирах вряд ли удастся.

— Сделаем операцию двухстадийной, — предложила Ольга. — Если Жестокие боги и воспротивятся уничтожению целой планеты, то вряд ли их возмутит аннигиляция одного звездолета, свободного пространства ведь добавится немного. Но это будет то пространство, которое на время выпадает из их власти. И его как маскировочный туннель сможет использовать звездолет, наносящий главный удар.

Камагин попросил назначить его “Змееносец” для маскировочной аннигиляции. Но ему поручили охрану звездолета, наносящего главный удар: там требовалась решительность и быстрота — решительностью и быстротой Камагин превосходил всех.

— Ваш “Телец” произведет маскировочную аннигиляцию, — сказал Олег невозмутимому Петри. — А основной удар наносит “Овен”. Ольга единственная среди нас имеет опыт аннигиляции планет.

Ольга сказала:

— Я согласна выполнить приказ командующего эскадрой, но поставлю одно условие. Эли, в момент нападения на Золотую

планету ты сидел в командирском кресле рядом со мной. Твое присутствие придало мне решимости. Я хотела бы, чтобы ты на время операции переселился на “Овен”.

— Ты намерена снова довести меня до полусмерти, чтобы мой ужасный вид вдохновил тебя? — Мы все с удовольствием посмеялись.

После совета капитанов Ольга зашла к нам. Мери уже знала, что я временно покидаю “Козерог”. Возможно, ей это не понравилось, но она не выказала недовольства.

— Надеюсь, ты не будешь ревновать, если я на несколько дней заберу твоего мужа к себе? — спросила Ольга так серьезно и с таким волнением, что Мери расхохоталась.

— Я ревную мужа только к нему, Ольга. Ибо единственный человек, который бесцеремонно забирает у меня моего Эли, это Эли...

Мери крепко обняла меня, когда я покидал “Козерог”.

Подходящую планетку нашли скоро. Граций установил, что жизни на ней никогда не было, и гарантировал, что и в будущем возникновение какой-либо формы жизни исключено, — с таким планетным ублюдком можно было не церемониться!

Враждебные внешние силы, по-видимому, были равнодушны к перетасовке планетных орбит. Три грузовых звездолета влекли за собой планету. Она по крутому витку спирали плавно заскользила во внутреннее пространство между Аранией и Тремя Пыльными Солнцами.

Я сидел в кресле рядом с Ольгой. Ольга готовилась ко второму этапу операции, я всматривался, вслушивался, вдумывался в космос. Все вокруг оставалось безмятежно спокойным. “Змееносец”, “Телец” и “Козерог” держались в стороне, чтобы не попасть в фокус внезапного противодействия, если оно разразится. Сменой орбиты руководил Эллон. Однажды он уже помог вышибить планету-разбойницу в какие-то неведомые тартарары, сейчас по такой же гравитационной улитке очень плавно, очень уверенно выводил вторую планету на новую орбиту, где ее ждала гибель. В улитку ввинчивались — собственно, они и создали ее — три автоматических корабля, крохотных сравнительно со своей добычей, за ними мчалась их огромная жертва.

— Орбита взрыва достигнута, Эли, — сказала Ольга. — Петри выдвигается на дистанцию прямой аннигиляции. Скоро настанет и наш черед — рваться в свободный туннель.

Наш черед не настал. Настал черед враждебных сил. Ужас того, что произошло на наших глазах, будет жить в моей памяти, пока не умру.

Планета находилась теперь на внутренней орбите, точно между Тремя Солнцами и Аранией. Впереди мчались компактной группкой три автоматических звездолета, позади такой же группой двигались остальные галактические грузовики, а один, обреченный на аннигиляцию, несясь рядом с планетой. “Овен” занял дистанцию вторжения на линии, соединявшей Аранию и Три Солнца. “Телец” появился со стороны. Он должен был нанести мгновенный боевой удар по обреченному звездолету и, так же мгновенно выключив аннигиляторы, отлететь назад в вихре новосотворенного пространства, а в самый центр бури, по прямой на планету, экранированные от внешних воздействий, ворвемся мы на “Овне”. Таков был план. И, видя в умножителе летящий “Телец”, я видел одновременно — мысленно, конечно, — самого Петри. Спокойный капитан “Тельца” всматривался в вырастающий на экране обреченный звездолет, он поднял руку, еще секунда — и он опустит ее с возгласом: “Удар!”. Но удар нанес не он.

Это был все тот же луч, тот же проклятый луч, терзавший Красную звезду! На этот раз он был поменьше — вынесся из дымной дали и мгновенно иссяк. И ударил не в планету, не в буксирные звездолеты позади, даже не в назначенный для раскрытия космических ворот корабль рядом с планетой, а точно в “Телец”!

Взрыв, сине-огненный шар, облачко накаленной добела пыли — вот что мы увидели на месте, где только что мчался грозный корабль, оборудованный совершенными машинами, имевший среди членов экипажа и людей, и демиургов. Не было больше корабля, не было больше людей, не было демиургов — даже трупов не осталось! Была одна пыль, сияющая, разлетающаяся, погасающая пыль. И еще мы увидели, как передние и задние звездолеты, спутав рассчитанные траектории, несутся один на другой, смешиваются в общей пылающей куче, — взрыв за взрывом отмечали гибель кораблей. Флот погибал на наших глазах, мы ничем не могли помочь грузовым кораблям, мы сами должны были погибнуть, как и они, как погибли перед тем наши друзья на “Тельце”. Я вдавился всем лицом в умножитель. В пылающее месиво кораблей устремился “Козерог”: на

нем потеряли управление. Я до крови укусил свою руку, зарычал от бешенства и отчаяния. Я не мог видеть, не хотел видеть гибели “Козерога”, какая-то сила отшвыривала меня от умножителя. Я боролся с собой, я должен был все видеть, чтобы понять, что происходит. И чтобы страшно отомстить виновникам катастрофы, если сам останусь жив!

Каким-то чудом “Козерог” вдруг отвернул от костра пылающих кораблей и унесся в пыльную мглу. А “Змееносец” успел сделать поворот еще раньше и огибал эпицентр катастрофы по плавной кривой.

Обессиленный, я откинулся в кресле. И тут только сообразил, что меня отчаянно дергает Ольга.

— Эли! Эли, очнись! У нас отказала МУМ, я не могу передать ни одного приказа двигателям! Нас несет на грузовые корабли!

Не знаю, как быстро дошел до моего сознания испуганный призыв Ольги. Вероятно, меня пробудило ее искаженное ужасом лицо, я до того и не подозревал, что она способна испытывать ужас, что обстоятельства могут совпасть так, что неизменное ее рассудительное спокойствие начисто выметет. И я понимал в тот первый момент возвратившегося сознания, что нельзя давать слепому ужасу разрастись в ней, — что бы ни случилось с кораблем, командир обязан сохранить ясность мысли, иначе совсем уж плохо!

— Без паники, Ольга! Переходим на ручное управление!

Но переходить было не на что — ручное управление тоже не работало. Сотнями глаз я впивался в панель, стоявшую рядом с моим креслом, сотнями пальцев хватал ее кнопки и рычажки — ничто не действовало! И тогда я вспомнил, что есть одна цепь, которую нельзя ни выключить, ни заблокировать и которая единственная не подчиняется мысленному приказу, а только механическому повороту ключа, — цепь системы зарядов, взрывающих корабль. Это была моя цепь, я в школе рассчитывал ее. Я знал когда-то каждый ее контакт, каждое сопряжение проводов. Она предназначалась лишь для того, чтобы в чрезвычайных условиях уничтожить корабль изнутри, это была цепь отчаяния, а не надежды. Только она сейчас могла спасти нас.

— Ключ! — взревел я, хватая Ольгу за руку. — Ключ от взрывных камер!

Она отшатнулась от меня. Бледная от страха, она стала совсем белой. Она пыталась успокоить меня.

— Может быть, не погибнем! Эли, Эли, я еще надеюсь...

Я готов был задушить ее. Надежды не было. Нас несло в центр звездной свалки.

— Дура! Я не собираюсь устраивать самоубийство! Немедленно ключ, Ольга!

Трясущимися руками она расстегнула кофточку. Ключ висел на груди. Негнущиеся пальцы не могли отвязать цепочку. Я сам рванул ее — ключ оказался у меня в руках. Я бросился к дальней панели, там было одно отверстие, запечатанное, никто не имел права срывать печать, я сорвал, вдвинул ключ, осторожно повернул его. “Спокойно, слышишь, Эли, спокойно! — мысленно крикнул я на себя. — Одна треть поворота, первый контакт, ошибка непоправима!”

Тяжкий взрыв потряс звездолет. Правая задняя часть, та самая, где смонтированы наши грозные боевые аннигиляторы, перестала существовать. Перестала существовать могущественная звездная крепость, способная уничтожать планеты и рассеивать неприятельские флоты. Но звездолет остался, он был жив, хотя и лишился вооружения, от страшного удара его повернуло влево, он уклонился от губельного костра кораблей, унесся в сторону — и сделалось это, возможно, в последнюю минуту, что еще имелась у нас для спасения.

— Ох! — вскрикнула Ольга, падая в кресло.

Несколько времени мы молчали. В командирский зал не доносились шумы корабля, а во всех его помещениях и коридорах в эту минуту сновали люди и звездные друзья — растерянные, вытерпевшие и ужас неминуемой гибели, и радость неожиданного спасения: не знаю уж, что сильнее ударило по нервам — ожидание ли смерти или избавление от нее. Ольга слабым голосом произнесла:

— Эли, какая катастрофа! Что могло заблокировать наши МУМ, они ведь так защищены от посторонних воздействий! Почему ты молчишь, Эли? Мне страшно, не молчи, я же ничего не понимаю!..

Я сказал, стараясь сохранить спокойствие:

— Я молчал оттого, что все понимаю. Рамиры уничтожили эскадру Аллана и твоего мужа, Ольга. Теперь настал наш черед.

Она смотрела на меня округленными, полубезумными глазами.

— Я привыкла верить тебе, Эли, я всегда верила в каждое твое слово... Но ведь не могли же они знать, что именно Петри начинает операцию, не я, не Камагин, не Осима, а Петри!

— Нам тоже досталось, не забывай, что наши МУМ заблокированы, — мрачно возразил я. — А что до того, как они могли узнать наши планы, то вопрос решается просто. На наши корабли проник их лазутчик!

— Ты сказал — лазутчик, Эли?

— Тебе не нравится это слово? Тогда шпион, соглядатай, разведчик, филер, стукач, предатель, тайный агент, тихарь, топтун — выбирай любое! И находится он на флагманском корабле. На “Козероге”, Ольга!

Порвалась дней связующая нить.
Как мне обрывки их соединить!

В. Шекспир

Зевс. Асклепий и Геракл, перестаньте спорить
друг с другом, как люди! Это неприлично
и недопустимо на пиру богов.

Геракл. Зевс, неужели ты позволишь этому
колдуну возлежать выше меня?

Асклепий. Клянусь Зевсом, так и должно быть:
я это заслужил больше тебя.

Лукиан

Он мне сказал: "Я верный друг!"
И моего коснулся платя.
Как не похожи на объятя
Прикосновенья этих рук!

А. Ахматова

Часть третья РАЗОРВАННАЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

1

О восстановлении не приходилось и думать: в корпусе корабля зияла исполинская рана. После осмотра разрушений Ольга призналась:

— Мне и в голову не пришло, что можно так выправить траекторию корабля. Я растерялась. Уничтожение аннигиляторов — такой недопустимый вариант защиты... Я носила ключ как брелок или медальон. Как ты мог вспомнить о ключе, Эли?

— Вероятно, потому, что я в последние дни думаю только о недопустимом, только о невероятностях. К тому же, когда мы сдали "Волопас" Орлану неповрежденным, я часто в плену вспоминал, что был еще такой выход, как уничтожение аннигиляторов.

— К счастью, вам тогда удалось ограничиться перепутыванием схемы МУМ.

— Что сегодня за нас, кажется, сделали враги, — с горечью сказал я.

К этому времени стало ясно, что и МУМ быстро не восстановить. Внешне она казалась такой же неповрежденной, как и

МУМ “Тарана”. Но если та как-то действовала, путая причины со следствиями, то эта не принимала и не выдавала сигналов. Она просто не работала. Была непостижимая сложность в сочетании слов: “Просто не работала!”

Зато ручное управление удалось наладить. “Овен” опять мог двигаться, но примитивным движением, без сверхбыстрых расчетов ситуации. Он потерял свою мгновенную ориентировку в космосе. Он был быстр, сообразителен и точен лишь в меру быстроты, сообразительности и точности дежурных штурманов. Для галактических рейсов такой корабль уже не годился.

Ожившая связь донесла депешу Олега:

“Сообщите, что с вами? “Овен”! Сообщите, что с вами? Сообщите, что с вами?..”

Следующим извещением был приказ мне и Ольге прибыть на флагманский звездолет и информация о потерях. Погибло три четверти эскадры — “Телец” и двенадцать галактических грузовиков из четырнадцати. На “Козероге” и “Змееносце” тоже были разлажены МУМ, и механики не давали гарантии быстрого восстановления.

На “Козероге” мне на грудь кинулась Мери. Она оплакивала меня, будто я погиб. Я вытер ее слезы и посоветовал взглядеться: я живой, еще крепкий и долго собираюсь оставаться таким!

— Я потеряла сознание от ужаса, когда увидела, куда несет “Овен”! — Она всматривалась в меня, словно все не верила, что я возвратился. — Вы были так близко от эпицентра взрыва!

Лишь теперь до меня дошло, что испытывали на “Змееносце” и “Козероге”. Я страшился за них, но еще больше оснований было страшиться за нас.

Ромеро горестно сказал тем цитирующим голосом, какой всегда появляется, когда он прибегает к примерам из истории:

— Принесли “Телец” на закланье, дорогой адмирал. Как ни скорбно признаться, но враги могущественней нас.

— Могущественней ли — не знаю, но хитрей — да.

А подавленному Олегу я сказал:

— Прошлого не вернуть, будем думать о будущем. Я тебе задам один вопрос — постарайся ответить точно. Разладка вашей МУМ происходила двукратно — так? МУМ отказала, потом какие-то секунды снова работала и опять отказала — уже окончательно. Я правильно рисую картину?

— Все происходило именно так, — сказал он, удивленный. — Какой ты делаешь отсюда вывод?

— Очень важный, — заверил я и потребовал узкого совещания — капитаны звездолетов, я, Ромеро, Граций, Орлан, Бродяга.

Потом я пошел в консерватор. В прозрачном саркофаге, навеки невозвратимый и навеки нетленный, лежал Лусин, такой обычный, такой как бы задремавший, что нельзя было только стоять и молча смотреть на него. И я сказал ему:

— Лусин, ты знаешь, я никогда не мстил. Даже за сына, погибшего на Третьей планете, не захотел мстить. Он изнемог в прямой борьбе с прямым врагом, мы попросту оказались в тот момент слабей. Нет, я не мстил за Астра, ты знаешь, Лусин! Ты добр, ты нежен душой, ты не позволил бы мне мстить. Но за тебя я отомщу! Ты пал жертвой коварства, а не в честном бою, я должен отомстить за тебя, Лусин! И за Петри. И за всех товарищей на “Тельце”! И за Аллана и Леонида! И за аранов — некогда могучий народ, сегодня жалкий, забывший науку, впавший в суеверие! Не спорь, Лусин! Не возмущайся моей жестокостью. Враги не оставили нам другого выхода, кроме как быть жестокими. Мне тяжело, мне бесконечно тяжело, Лусин! Но пойми — нет другого выхода!

Так я говорил с ним, так ему одному открывал свою душу, даже Мери не смог бы сказать того, в чем признавался и о чем предупреждал его. И я ушел из консерватора если не успокоенный, то просветленный: очистил себя от сомнений, знал, что отныне не дам себя разжалобить. Наш путь будет труден, возможно, долог, — я пройду его до конца! Никто не знает своего будущего. Путь и вправду вышел долог, но нет ему конца!

Совещание созовем в помещении, экранированном от всех служб корабля, — такое требование я поставил Олегу. Он не нашел лучшего места, чем “дракошня”, в других экранированных помещениях Бродяга бы не поместился. Все уже были на месте, когда я пришел. Камагин и Осима сообщили, что происходило на “Змееносце” и “Козероге”, Ольга добавила об “Овне”. Неведомое поле на всех кораблях отключило МУМ от исполнительных механизмов — на “Змееносце” и “Овне” разом, на “Козероге” — дважды: кратковременное повторное включение продолжалось несколько секунд, но было достаточно, что-

бы отвратить гибель. Ручное управление на “Овне” и “Козероге” быстро восстановили, на “Змееносце” оно не блокировалось. Все корабли до ремонта МУМ не пригодны для продолжения рейса к ядру, да и для возвращения на базу тоже. “Овен” пострадал так сильно, что годился лишь как галактический грузовик. Таким образом, от огромной эскадры осталось два малолетних звездолета и три грузовых корабля.

Олег обратился ко мне:

— Совещание созвано по твоему желанию, Эли! Ты обещал сделать важное сообщение.

Я начал с того, что задал дракону вопрос:

— Бродяга, может ли биологический мозг, могучий мозг, скажем твой, вмешаться в работу МУМ, и не так, как мы вмешиваемся, отдавая команды, а как бы дублируя работу всех ее цепей?

Дракон смотрел на меня без обычной иронии. Вопрос был слишком серьезен, чтобы расцветивать его шуточками.

— Ты слишком много требуешь от обыкновенного биологического мозга, Эли. МУМ производит вычисления со скоростью триллионов комбинаций в секунду, биологический мозг на это не способен. Биологический мозг не математичен, не аналитичен, он не так раскрывает анатомию ситуаций, как охватывает ее пейзажно... Именно так я работал на Третьей планете.

— Ты сказал, Бродяга, “обыкновенный биологический мозг”— и тут же доказал необыкновенность обыкновенного мозга. Хорошо, пусть не биологический мозг. Если уж создан такой мыслящий механизм, как МУМ, то могут появиться и конструкции, превосходящие ее. И если такая конструкция, такой мыслящий сверхмощный механизм имеется на нашей эскадре и, работая в унисон с нашими МУМ, пожелал грубо затормозить их, то это объяснит природу аварии, не так ли?

Бродяга промолчал. Олег с недоверием заметил:

— Нужно доказать, что могущественный враждебный мозг реально находится на одном из кораблей.

— Он на “Козероге”.

— Его имя? — крикнул Эллон.

Он не любил поднимать вверх голову, но сейчас она взлетела выше, чем это проделывал Орлан. Глубокие глаза демиурга пылали, огромный рот хищно вылез. Я холодно сказал:

— Успокойся, Эллон. Если бы я имел в виду тебя, ты не был бы приглашен на совещание. Тайного лазутчика врагов зовут Оан.

Я дал время вдуматься в мое утверждение. Все заговорили разом. Я попросил, чтобы мне поставили вопросы, я на все отвечаю. Камагин сказал, что, работая в унисон с МУМ, искажая каждый ее импульс встречными импульсами, надо быть таким же быстродействующим, как МУМ, а для живого существа это неосуществимо; нужно, стало быть, доказать, что Оан — конструкция в облике существа. Осима добавил, что МУМ потребляет немало специфической энергии специализированных полей, — где Оан мог тайно получить такую энергию? Ольга тоже высказала сомнение: лазутчик, вмешиваясь в работу трех МУМ, должен передавать свои команды на другие звездолеты при помощи каких-то полей, но в пространстве они не зафиксированы. Не мог же он производить физическое действие без физических полей! Орлан заметил, что лазутчик должен постигать замыслы астронавтов, не присутствуя при их разговорах, должен стать соглядатаем их мыслей; даже для демиургов это недостижимо, а в Империи разрушителей техника подглядывания и подслушивания стояла на высоте — вряд ли кто усомнится в том!

— И у нас кругом такие экраны! — поделился своими соображениями Граций. — Не могу представить себе, как, например, отсюда могла бы произойти утечка информации.

— Короче, он должен содержать в себе что-то сверхъестественное, — подвел итог Олег.

Я ответил сразу всем:

— Что называть сверхъестественным? Любому предку наша способность аннигилировать пространство и двигаться со сверхсветовой скоростью показалась бы сверхъестественной, а мы рядовые люди. Я настаиваю: мы встретились с удивительными явлениями, объяснение их не может быть неудивительным!

И я напомнил, как попал к нам Оан. Он хотел вынырнуть в иные миры в каком-то обратном времени. Если объяснение правильно, то оно удивительно, ибо противоречит тому, что мы пока знаем о течении времени во Вселенной. Все спутники Оана погибли, он один уцелел. Не вторая ли удивительность? Он не только выкрал звездолет, конструкция которого и нам неясна, но и сумел вырваться на нем в космос, отыскал коллапсирующую

звезду, ринулся в ее недра, вырвался из ее смертельных объятий — не слишком ли длинна цепочка удивительностей? И все эти действия, превосходящие умения и знания людей, демиургов и галактов, совершены представителем полудикарского народа! Не самая ли это большая из удивительностей? Кто он среди своих? Свой или чужой? Он обронил, что Жестокие боги живут среди аранов в облике аранов. Вот он кто, этот паукообразный мыслитель и инженер, — лазутчик рамиров в стане аранов! Разведчик — такова его сущность, лишь камуфлированная внешней благопристойностью.

— А познакомившись с нами, Оан сменил профессию соглядатая среди аранов на профессию соглядатая среди нас, — продолжал я. — Он, конечно, не мог трансформироваться в человека, демиурга, галакта, ангела или дракона. Нас мало, мы сразу бы разоблачили обманщика. Но в прежнем облике разгадывать наши планы, выводить из строя наши машины — это он мог. А теперь я докажу, что Оан не только грязный шпион и диверсант, но и гнусный террорист. Он виновник смерти Лусина! Обернитесь к экрану.

На экране появилась картина гибели Лусина. Я много раз разглядывал в одиночестве эту горестную ленту. Меня постоянно мучило ощущение, что я чего-то не ухватываю, чего-то важного не разгадываю. И, только возвратившись на “Козерог” после катастрофы со звездолетами, я понял, где решение загадки.

— Я взял многоканальный хронометр, друзья. Одни каналы настроены на наши индивидуальные поля, другие ведут поиск полей неизвестных. Смотрите на экран! Вот Лусин и вцепившийся в него оберегатель. Проверьте концентрацию ваших полей на Лусине — не правда ли, высокая синхронность? А вот Лусин сбрасывает поле, разящее бросившихся на него ускорителей, и сам рушится в печь от рывка вцепившегося арана. Вот снова Лусин вызывает охранное поле. Проверьте время, друзья! Лусин вызывает спасительное поле за одну десятую секунды до того, как замыкаются контакты печи. Одной десятой секунды вполне достаточно для спасения! Но поле не появилось, смотрите, смотрите: оно есть — и его нет! Оно заблокировано чужим полем, неожиданным полем — наши приборы не засекли его, но оно есть, оно затормозило наши поля: время вызова поля и время действия разделены одной десятой секунды — невероятно длительный интервал! А рядом, взгляните и на это, стоит

Оан, ровно одну десятую секунды, именно эту одну десятую стоит неподвижно, а потом сделал движение в сторону — и с точностью до микросекунды движение его совпадает с исчезновением тормозного поля. Кто, как не он, прогенерировал тормозное поле, погубившее Лусина? Через кого, как не через него, вырвался на одну десятую секунды невидимый тормоз?

Я с вызовом оглядел собравшихся. Граций покачал головой.

— Эли, твои соображения впечатляющи, но прямые доказательства отсутствуют. Наши анализаторы не обнаружили противополя Оана. И вообще ни один аран не способен породить силовые поля.

— Присмотритесь тогда к другому кадру! Ударило наше концентрированное в Лусине поле — аранов точно камни из пращи расшвыривает. Лишь один стоит неподвижно, как чугунная статуя на легком ветерке. И этот единственный — опять Оан! Сделайте элементарнейший расчет: сколько должен весить Оан, чтобы вот так, не качнувшись, устоять.

Ольга быстро сказала:

— Не меньше ста пятидесяти тонн!

— Ста пятидесяти тонн, друзья! А Оан не весит и ста килограммов! Неужели и это неубедительно?

— Адмирал, вы показываете нам причину гибели Лусина. Но то, что убило, не всегда убийца, — заявил Ромеро. — Во всяком случае, в преступном смысле. Я бы предложил поговорить с самим Оаном.

— Дружески беседовать с убийцей Лусина? Приятельски расспрашивать его?

— Зачем дружески? Зачем расспросы? В старину для подобных бесед существовал деловой термин “допрос”. Допросы бывали с пристрастием и без пристрастия. Хорошо бы Оану провести допрос с пристрастием. И провести его должны вы в роли следователя или прокурора, а мы будем присутствовать в качестве тех фигур, которые в древнем суде назывались судьями, народными заседателями, адвокатами, а также свидетелями и зрителями.

— Странные порядки существовали в вашей древней истории, — промолвил Граций. — Расспросы и допросы, с пристрастием и без, судьи, заседатели, прокуроры, адвокаты, свидетели, зрители... Вы, наверное, очень увлекались судебскими зрели-

щами. Вероятно, они относились к театру, которым ваши предки, кажется, тоже увлекались?

— Вот уж к театру судьи и прокуроры не имели отношения, — заверил его Ромеро. — Это, впрочем, не относится к зрителям. Зрители в театрах бывали, особенно когда актеры в пьесах играли преступников и прокуроров. Это всегда было захватывающе интересно.

Ромеро, наверно, еще разглагольствовал бы о древних обычаях, но Олег вернул нас к теме. Было решено произвести допрос завтра. Нетерпеливый Камагин хотел немедленно вызвать арана, но на это не согласился я: надо было подготовиться к допросу.

— Поговорим теперь о луче, поразившем “Телец”, — предложил Олег.

О луче говорить было нечего, о луче мы ничего не знали. Я повторил то, что уже объяснял Ольге: рамиры начали войну, луч — их истребительное оружие, таким же лучом они уничтожили эскадру Аллана. Ольга заметила, что если так, то невидимые противники искусно варьируют силу оружия: экипажи первой эскадры погибли, а звездолеты возвратились на базу, ни один из автоматов не сбился с курса. С “Тельцом” расправились страшной — он начисто испепелен. Удар по Красной был еще беспощадней: там погибало космическое светило, а не крохотный, по космическим меркам, корабль. Надо смотреть правде в глаза: защиты против такого оружия мы не имеем!

— Задержись, адмирал, — сказал мне Эллон, когда все стали расходиться. Я по обыкновению присел на лапу дракона. Эллон заговорил, жутко искривившись:

— Ты меня убедил, Оан — посланец рамиров. Но не легкомысленно ли устраивать открытый допрос? Если Оан тот, за кого его принимаем, он ответит расправой с нами.

— Почему ты не сказал этого на совещании?

Он покривился еще презрительней.

— Я не поклонник больших совещаний, которые так обожают люди. У меня есть личная причина говорить наедине. Поразмысли, адмирал. Допрос может накликать новое нападение. У меня нет страха смерти, который так силен в вас и галактах. Мы, демиурги, в этом смысле совершеннее. Но мне жаль Ири-ну... И тебя жаль, адмирал.

Лазутчик рамиров, конечно, мог на разоблачение его тайной роли ответить ударом: скинуть маску, как назвал бы Ромеро такой переход от шпионажа к сражению. Но неужели и дальше терпеть на корабле предателя? Я похлопал дракона по лапе.

— Бродяга, ты один промолчал на совете.

— Эллон прав, — прошепелявил дракон, скосив на меня выпуклый оранжево-зеленый глаз. — Ты хочешь припереть Оана к стенке, а его нужно обходить стороной. Благоразумней отказаться от допроса, Эли.

— Всего благоразумней было бы вообще не соваться в звездное скопление Гибнущих миров! Люди далеко не всегда опираются на одно благоразумие. Оана надо разоблачить!

— Тогда поговорим о другом, — по-деловому сказал Эллон. — Поле в сто пятьдесят тонн — пустяк для моих генераторов, даже с тысячью тонн справлюсь. Но нужно помещение, куда было бы удобно сфокусировать охранные генераторы. И надежное экранирование, чтобы Оан не связался со своими. Проводи допрос в консерваторе, там я обеспечу безопасность.

— Хорошо, консерватор. Бродяга не сумеет присутствовать, но мы покажем ему стереофильм.

— Еще один вопрос, адмирал. Как ты собираешься допрашивать Оана, если он заранее знает все твои еще не поставленные вопросы? Или ты забыл о его способности свободно проникать в наши мысли?

— Постараюсь контролировать свои мысли. О чем я не буду думать, того Оан не узнает.

— Правильно, адмирал. Мы с Ириной провели исследование мыслительных способностей Оана, без его ведома конечно, и узнали, что Оан читает только возникающие в его присутствии мысли. Знания, просто хранящиеся в нашем мозгу, ему недоступны.

— Почему это так, вы тоже раскрыли?

— Как и все электрические пауки, Оан обладает изощренной способностью воспринимать микропотенциалы мозга. Он электрически ощущает наши мысли — вот и вся разгадка. И завтра я устрою ему неожиданность: наполню консерватор микроразрядами, которые затушуют электрическую картину мозга.

— Теперь скажи, Эллон, какая у тебя личная причина беседовать не при всех?

— Ты не догадываешься, адмирал?

Его сумрачные глаза горели. Самолюбие, столь непомерное, что перекрывало все остальные чувства, звучало в каждом слове.

— Ты нервничал, пока я не назвал Оана. Уж не опасался ли ты, что предателем я объявлю тебя?

— Да, да! — закричал он, подпрыгивая на тонких ногах. — Именно это! И знаешь, о чем я думал?

— Откуда мне знать твои мысли?

— А надо бы, адмирал! Оан читает наши мысли — и ему проще, чем нам. Я думал о том, что, если ты обвинишь меня, я не сумею оправдаться. Обвинение будет сильней оправданий, ибо целенаправленно, ибо подбирает только нужные факты, а остальные игнорирует, ибо выстраивает подобранные факты в прочную связь причин и следствий... Меня охватил страх, адмирал!

— Не думал, что тебе знакомо такое чувство, Эллон.

— Оно мне незнакомо, когда я думаю о врагах. Но вас — боюсь! Боюсь не силы вашей, а ваших заблуждений. Убедительности ошибок, доказательности просчетов, заразительности непонимания!.. Мы — разные. Между нами — отчуждение. Быть может, лишь через тысячу лет его преодолеют... Я испугался, Эли, признаюсь.

Я положил руку на его плечо. Он не был человеком и любил подчеркивать свою нечеловечность. Он фрондировал своей особостью. Если бы на звездолете имелись дети, он с наслаждением пугал бы их. Но он был иной, чем старался казаться. Я ласково сказал:

— Ты недооцениваешь человеческую проницательность, Эллон.

— Не потеряй свою человеческую проницательность на завтрашнем допросе, — предостерег он.

2

Вечер мы провели вдвоем с Мери. Мне хотелось сосредоточиться. Мери не мешает моей мысли течь в избранном направлении, она так вписывается в ее течение, будто мы — одна голова. Свое упрямство, насмешки и упреки Мери приберегает для других случаев, там она отводит душу. В серьезных делах она серьезна. Нелепо было бы говорить, что я люблю ее только за это. Она — моя половина; выражение затрепано, но я ощущаю

его смысл с такой остротой, словно оно первоосознано мною: открытие, а не штамп.

— Как ты полагаешь, Оан не фантом? —спросила она, как раз когда я об этом подумал.

— Это было бы уж слишком!

— Почему слишком? Наши предки научились передавать на экран оптические образы, мы способны переносить свои изображения на дальние расстояния и вести разговор с изображением. Демиурги наделяют свои фантомы изрядной долей вещественности. Не продвинулись ли рамиры еще дальше по пути уменьшения призрачности? Не нашли ли они способ дублировать телесный облик? Мне кажется, это проблема технического уровня, а не принципа.

Всем нам являлись подобные мысли, Мери только отчетливей их высказала. К тому же и Оан проговорился, что Жестокие боги в облике аранов частенько появляются на планете. Мы влезали в скафандр, изображавший арана, а у них избранный образ становился собственным телом. Разница на словах была проста, но кружилась голова, когда я вдумывался, какой технический скачок должен разделять обе цивилизации, чтобы стала возможной такая разница. Мысли эти так захватили меня, что утром я пришел к Ольге посоветоваться. Ольга поселилась у Ирины. Ирина была в лаборатории, Ольга что-то вычисляла.

— Если ты не можешь жить без расчетов, то сделай и для меня один расчетик. Определи степень вещественности привидений.

— Привидений, Эли? Каких привидений?

— Всевозможных. Начни с какой-нибудь бабушки английского лорда, погибшей насильственной смертью, а закончи Оаном.

— Разве Оан — призрак?

— Вот это я от тебя и хочу услышать.

Ольга спокойно уселась за новое вычисление. Уверен, что, если бы ее спросили, какой из дюжины дьяволов всех дьявольней, а какой из десятка богов всех божественней, она и тут, не дознаваясь, существуют ли реально дьяволы и боги, принялась бы спокойно решать простую математическую задачу. МУМ с ее бездной сведений не могла быть использована, и Ольга послала запрос в корабельную библиотеку. Я с любопытством смотрел, как в окошке машинки, по клавишам которой Ольга выстукива-

ла свои вопросы, выстраивались колонки восьмизначных цифр. Ни одна мне ничего не говорила.

— Предварительный ответ готов. Возможные погрешности не превышают четырех с половиной процентов, — сказала Ольга. — Что касается призраков умерших лордов и их жен, слоняющихся по комнатам старых замков, то у них довольно высокая вещественность — от восемнадцати до двадцати двух процентов. Статуя командора, погубившая Дон Жуана, обладала тридцатью семью процентами вещественности. Тень отца Гамлета — двадцатью девятью. Знаменитое Кентервильское привидение побило рекорд — тридцать девять. Наоборот, образы героев древнего кинематографа никогда не поднимались выше четырех процентов...

— Постой, постой, что за чепуха! Ни Каменного гостя, ни лордов-призраков реально не существовало, а ты им приписываешь такой высокий процент вещественности. Физически же показанные на экране люди у тебя призрачней самих призраков. Как понять такую несуслазицу?

— Вещественность призрака — понятие психологическое. И привидения средневековых замков, и Каменный гость с тенью отца Гамлета были столь психологически достоверны, что это одно перекрывало всю их, так сказать, нефизичность. Разве неизвестны случаи, когда обжигались до волдырей, прикасаясь к куску холодного железа, если верили, что железо раскалено? А о героях кино наперед знали, что они лишь оптические изображения. Их призрачность объявлялась заранее.

— Хорошо. Что ты теперь скажешь о призрачности Оана?

— Раньше я скажу о фантомах разрушителей. Призрак Орлана, возникший у нас на “Волопасе”, обладал по крайней мере пятьюдесятью процентами вещественности. Вообще же пятьдесят процентов телесности было верхней границей призрачных достижений разрушителей, они творили наполовину реальные привидения. Наоборот, у привидений, созданных Андре в битве на Третьей планете, телесность была ниже. Его создания еле-еле дотягивали до двадцати процентов вещественности. Иные привидения в средневековых замках...

— Ольга, меня не интересуют двадцатидвухпроцентные миледи, несущиеся с распущенными волосами по темным коридорам! Я спрашиваю об Оане.

— Я как раз подошла к Оану. Я не уверена, что Оан фантом. Но если он и призрак, то вещественности не ниже восьмидесятивосьмипроцентной. Почти на грани полноценного существа.

Вычисление Ольги подтверждало мои опасения. Настроение от этого у меня не улучшилось.

— Пойдем, — сказал я. — Нас уже ждут.

В консерватор прискакал Оан, юркий, хлопотливый, доброжелательный, — он только таким и бегал на корабле. Он приветливо замахал нам всеми руковолосами. А я не мог отделаться от ощущения, что Оан — нездешен, что у него не лицо, а личина, что он не реальное существо, а призрак, лишь максимально оснащенный вещественностью. Я мысленно одернул себя. Удивительность — родовой признак аранов. Тайна Оана не во внешнем облике, она глубже, она грозней; надо проникнуть в эту зловещую глубину, а не скользить по красочной поверхности! Я сказал:

— Оан, наша эскадра на две трети уничтожена, погибли наши товарищи. Знаешь ли ты что-нибудь о проклятом луче, так внезапно ударившем по “Тельцу”? Откуда он? Какова его природа?

Ставя эти вопросы, я с удовлетворением заметил удивление, почти замешательство Оана. Вероятно, его поразило, что сегодня он не проникает в наши мысли так свободно, как раньше. Ответы Оана также не звучали в нашем мозгу с прежней звонкой отчетливостью. Устроенная Эллоном электрическая сумятица в какой-то степени мешала и нам самим. Естественно, Оан ничего не знал о луче. Подобные явления у них еще не наблюдались — во всяком случае, с той поры, как араны отказались от космических полетов. В преданиях тоже не сохранилось легенд о смертоносных лучах.

— Но если тебе неизвестна природа луча, то, может быть, ты знаешь, кто его генерировал и почему он ударил в звездолет?

На это Оан имел стандартный ответ:

— Вы разгневали Жестоких богов. Боги покарали вас.

— Покарали? А за что, собственно? Чем мы прогневили ваших мстительных богов?

— Не мстительных — суровых, Эли.

Поправка Оана прозвучала у каждого в мозгу именно так. Мы потом сверяли записи дешифраторов. Содержание ответов

Оана было у всех одно, а форма выражения разная, но на этот вопрос он ответил всем одинаково.

— Хорошо, суровых, а не мстительных. Хрен редьки не слаще. Не смотри так удивленно, это человеческая поговорка. Разъясни еще одно недоумение. Наши мыслящие машины блокированы неизвестными силами. На “Таране” нарушена логическая схема операций...

— Схема временной связи. У машины рак времени.

— Да, это ты говорил. Сказать — не значит объяснить. Поговорим о больном времени, Оан. Вот уж чего мы не понимаем! Почему появилось больное время в Гибнущих мирах?

— Результат деятельности Жестоких богов.

— Очень уж они деятельны, если могут менять течение времени. Мы до этого не дошли. Впрочем, мы не боги. Но в чем выражается их деятельность?

— Не знаю.

— Еще бы! Откуда арану все знать о богах, к тому же таких суровых! Они ведь с вами не советуются, Оан? Возвратимся к вопросу о времени. Больное время, рыхлое, разорванное — это ведь иносказания для времени, как-то измененного, не правда ли? Зачем тебе с товарищами понадобилось предпринимать бесконечно опасную попытку проникнуть к опадающей в себя звезде, чтобы влиться в поток ее измененного времени, если здесь, в вашем гибнущем созвездии, имеется сколько угодно примеров любого изменения времени? Ты ведь и раньше говорил, Оан, что рак времени — язва здешних мест!

— У нас время разорванное, рыхлое, им трудно воспользоваться. А у коллапсара время сжатое, там время — пружина, а не лохмотья. Если бы удалось овладеть тем временем, можно было бы выводить в будущее, в прошлое, в боковые “сейчас” любые созвездия, погибающие в ослабевшем времени.

В этот миг я понял, что поймал его. Я перевел взгляд на Эллона, тот чуть-чуть приподнял руку — он был готов. Оан тоже понял, что раскрыт. Два нижних глаза остались прежними — добренькие, приветливо сияющие. Но пронзительным верхним оком он донес до нас свое состояние. Воистину, это было недоброе око!..

— Раньше ты говорил, что ты и твои товарищи — беглецы, — спокойно констатировал я. — Но оказывается, вы — экспериментаторы. Вы собирались в принципе овладеть тем

изгибом временного потока. Я правильно оцениваю ваши действия, Оан?

Он попытался спасти потерянное лицо.

— Правильно. Мы проверяли, можно ли выскользнуть в прошлое или будущее. По прямому ходу времени прошлое не-возвратимо. Граница будущего сдавлена очень низким потолком — реальным настоящим. Граница прошлого упирается в непреодолимый пол — все то же реальное настоящее. Выходы лежат только в обводах времени, а не в прямом его течении, здесь мы всегда пребываем в “сейчас”. Вот эти обводы из настоящего в будущее и прошедшее мы и искали. Осуществляются они лишь в коллапсарах. В них лучшие печи природы для разогрева и искривления времени.

— И после всего, о чем ты нам рассказал, Оан, ты будешь по-прежнему утверждать, что ты и твои погибшие товарищи — араны?

Он не ответил. С ним совершалась разительная перемена. Он уходил. Он еще оставался и уже исчезал. Он был и переставал быть. Он превращался из тела в тень. Он проваливался в какое-то свое чертово инобытие, оставляя нам в наличности лишь силуэт.

— Эллон! Эллон! — отчаянно закричал я.

Эллон не хотел испытывать на нас крепость защитных полей, но надо было действовать быстро — нас всех поразбросало, когда заработали аппараты Эллона. Я вскочил и кинулся к пропадающему Оану. Мы столкнулись с Ромеро, я снова упал. Осима с Олегом барахтались на полу, Грация и Орлана отнесло в угол. Но Оан остался. Он был схвачен намертво в миг, когда уже на три четверти исчез.

Теперь он висел над нами, распялив двенадцать ног, разметав черные руковолосы. Два нижних глаза, широко открытые, больше не видели нас, верхний потерял пронзительность, он казался обычным глазом, только полуослепшим. Между волосами в момент исчезновения проскочила искра, она остановилась на полуразряде, не доискрив свой короткий век. Бегство из нашего времени не удалось, Оан был остановлен в последней сиюмгновенности своего здешнего бытия — зафиксирован прочно и навечно.

— Прекрасно, Эллон! — Я быстро подошел к оцепенелому врагу, но тут же ударился о невидимое препятствие.

— Боюсь, ты забыл, адмирал, что некогда восседал в клетке, похожей на эту, и, кажется, не очень там веселился, — сказал Эллон.

Не могу сказать, чтобы напоминание и сопровождающий его хохот показались мне приятными. В любую другую минуту я дал бы Эллону понять, что он демиург, а не разрушитель, и должен держаться тактичней. Но сейчас я готов был простить Эллону прегрешения и покрупней. Я провел рукой по силовой сетке.

— Я был в своей прозрачной теснице живой, Эллон. Я ходил, говорил, слышал, спал, видел пророческие сны — и смеялся в них над вами... Живой ли Оан? Достаточно ли прочна силовая стена, если он вдруг очнется?

— Он не должен очнуться, Эли. Наша удача, что ускользал он постепенно, а не сразу. Он выбросил из сиюминутности лишь свою жизненную энергию, а телесный костяк не успел увести. Я зафиксировал Оана в последний момент существования. Теперь миг превратился в вечность. И если Оан каким-то чудом оживет, прозрачные эти стены ему не разорвать.

Я вспомнил расчет Ольги. Оптические изображения и вправду обладали такой малой вещественностью, что их стирали с экранов мгновенно — одним поворотом выключателя! Чтобы истребить фантомов на Третьей планете, Андре понадобилось вызвать в них колебательные движения энергии. Если наш пленник фантом, то он стал жертвой своего совершенства. Но фантом ли он?

— Что будем делать с этим чучелом, Эли? — спросил Олег.

Я показал на стену, противоположную той, где возвышался саркофаг Лусина:

— Поставим предателя сюда. Пусть убийца с раскаянием глядит на свою жертву.

Олег вздохнул:

— Допрос не дал всего, на что надеялись. Мы так и не дознались, чем разгневали рамиров и как восстановить повреждения. И самое главное — ничего не узнали о боевом луче рамиров.

— Зато мы узнали, что и рамиры могущественны не беспредельно. Их лазутчик признал, что они экспериментировали со временем в антивзрыве коллапсара, отыскивая приемы его ис-

пользования. Рамиры что-то ищут — значит, не все у них есть, не всем они овладели. Разве это не утешительно?

Ромеро иронически усмехнулся:

— Вы так радуетесь, Эли, будто и впрямь поверили, что они совершенные боги, и сейчас испытываете облегчение, обнаружив, что заблуждались.

Я и вправду радовался, только не оттого, что верил в божественность рамиров. Чёрта мне было в их божественности! Но в безмерность их могущества я начинал верить, как уже поверил в их жестокость. Допрос Оана свидетельствовал, что не все в их власти, — иначе зачем бы ему понадобилось так трусливо уди- рать? Они в техническом развитии ушли вперед нас на порядок, от силы на два, — это еще не такое превосходство, чтобы отступать перед ними!

— Одного результата мы, во всяком случае, добились, друзья. Среди нас был соглядатай врагов, мы его обезвредили. Если борьба с рамирами не утихнет, они лишатся важного преимущества!

3

На несколько дней главным занятием на корабле стало паломничество в консерватор. Мери пришла туда со мной, прилетел Труб, примчался Гиг, даже Бродяга, преодолевая хворь, так и не покинувшую его со смерти Лусина, приполз и просунул голову в помещение. Гиг грозил силуэту предателя костлявой рукой, Труб в ярости бросался на тесницу — смешно называть темницей прозрачную клетку, — пытался прорвать ее когтями, но отлетал, как незадолго перед этим я. Ангел плакал от возмущения и бессилия, слезы капали на седые бакенбарды, смачивали крылья. Григ от сочувствия Трубу бешено трещал костями. Бродяга задумчиво сказал:

— Ты уверен, что он мертв, Эли? Он изменился, но в этом странном мире, где так обычны телесные трансформации...

— Он безжизнен. Если отсутствие жизни есть смерть, то Оан — мертвец.

Когда перемещение тесницы Оана на отведенное ей место было закончено, Эллон объявил:

— Адмирал, я пленил время. Я выключил его. Паук, которого ты, на наше горе, привел на корабль, теперь вне времени. Мы постареем, умрем, тысячи раз возродимся в потомках, а он веч-

но будет пребывать таким же. А теперь я займусь делом поважней. Время неподвижное, навечно законсервированное, мне удалось создать. Попробую поработать над динамизацией времени! Такой проблемой еще не занимался ни один демиург! И люди не занимались, — добавил он почти вежливо.

— Как тебя понять?

Он широко осклабился. Мы все были угнетены катастрофой — Эллон радовался. Для него смысл существования заключался в инженерных разработках. Он нашел новую тему для исследования, предвкушал важное открытие — как же не радоваться?

— Постараюсь создать микроколлапсар и посмотрю, как он трансформирует время. Не волнуйся, все пока на атомном уровне. Это не то макровремя, в котором мы живем. А когда генератор микровремени заработает, мы покажем невеждам рамирам, что далеко им до нас. Они выискивали космические коллапсары, а я сотворю его в лаборатории. — Закончил он по обыкновению хохотом.

Я часто прихожу в консерватор, здесь мне свободней размышлять. Помню, как впервые остался один на один с врагом, расчлененном на силовом каркасе. Я не мог бы объяснить, почему мне надо было усесться против Оана и разговаривать с ним вслух, и твердить ему о своей горечи, о своей ненависти к нему и о том, что нас можно уничтожить, но нельзя заставить отступить, мы все равно пойдём вперед!

— Итак, ты погиб, Оан, — говорил я. — Ты наконец погиб, предатель! В древней книге сказано: все мы творим волю пославшего нас. Ты творил волю своих жестоких господ, возможно, ты один из них, только напяливший чужую личину, от тебя можно ждать любого облика. Нет, ничего от тебя не дожидаться теперь, ты вне времени, вне жизни, даже вне облика, ты — захваченный в миге исчезновения силуэт, материализованная память о наказанном предателе — вот ты кто!

У меня перехватывало дыхание от горечи, я отдышал, молчал, снова говорил:

— Творим волю пославшего нас. Мы тоже творим волю пославших нас. Мы — люди и звездные друзья людей. И нас послали издалека в ваши Гибнущие миры, чтобы узнать, как живут здесь разумные существа, помочь им, если нуждаются в помощи, сделать их своими друзьями, поучиться у них, если будет

чему. Тебе этого не понять. Ты не знаешь, что такое любовь живого к живому. Ты — ненависть и пренебрежение. Но ненависть заслуживает только ненависти. Ненависть не породит любви, как собака не порождает рыб, как рыбе не породить орла. Так виси, ненавистный, вечно виси!

Так я говорил с мертвецом, облегчая душу, а потом направлялся в командирский зал. Олег с Осимой и Ольгой, оставив звездолет на автоматы, разрабатывали план сохранения спасшихся кораблей.

Олег сказал мне:

— Эли, “Овен” не годится даже в грузовики. Ольга считает, что нужно разместить экипаж “Овна” на “Змееносце” и “Козероге”, снять все важные механизмы, перегрузить запасы, а звездолет аннигилировать.

— И вызвать новый удар, направленный уже против “Змееносца” и “Козерога”. Или ты забыл, что жестокие господа Гибнущих миров не выносят аннигиляции материальных тел?

— Тогда взорвем его. Взрывы они выносят. Наши погибшие корабли о том свидетельствуют. Теперь самое настоящее, Эли. Надо восстановить МУМ. Займись этим с Эллоном.

— Эллон собирается менять течение времени в микропроцессах, чтобы разобраться в явлении, которое Оан называл раком времени.

Осима внезапно рассердился. Энергичный капитан изнывал от безделья. Он знал свое дело отлично — смело вел корабли в неизведанные просторы, отважно бросался в бой, когда-то без жалоб переносил муки плена. Он был из тех, кто охотно взваливает на себя тяготы соседа, но никогда не отягчает своими. В беде и в часы торжества я видел его неизменно собранным и упругим, как сжатая пружина, — о лучшем капитане для своего корабля я не мог и мечтать. И раньше он не грубил мне, даже когда, усталый и растерянный, сам я не церемонился. Сейчас он грубил. Если бы он знал древние ругательства, как знал их — из любви к забавным словосочетаниям — Ромеро, он ругался бы той руганью, которую Павел почему-то называл площадной, хотя сам я никак не могу взять в толк, почему ругань должна зависеть от места, где ругаются, а не от одного настроения ругателя.

— Адмирал, не довольно ли глупостей? Больное время, рыхлое, дырчатое, пузырьчатое!.. Вы научный руководитель экспе-

диции! Вы должны представить план, как выйти из затруднений, а мы будем его осуществлять. Не узнаю вас, адмирал! Раньше вы быстрее создавали проекты действий и энергичней проводили их в жизнь!

Я невольно опустил голову, чтобы не видеть гневного взгляда Осимы. Все мы переменялись, не один я, но могло ли это служить оправданием? Олег молчанием давал понять, что тоже мной недоволен.

— Вы правы, друзья, самая настоятельная задача — восстановить управление кораблями. Пока вы будете заниматься эвакуацией “Овна”, я постараюсь что-нибудь сделать с мыслящими машинами.

Из командирского зала я прошел к дракону. Бродяга устало покоился на полу. На его спине Труб и Гиг увлеченно сражались в дурачка. Этой игре их обучил Лусин, он пытался и мне привить любовь к картежным баталиям, но я так и не постиг игры, хотя Лусин уверял, что правила просты. Ангел и невидимка состязались на толчки, проигравший получал затрещину. Я как-то видел финал одной игры. Гиг, продув партию, получил такой удар крылом, что рухнул наземь, едва не порастеряв кости. Затрещины, отпускаемые Гигом, были послабей, зато он выигрывал чаще. Невидимкам не может не везти в игре, объяснял мне Гиг, ибо игра — сражение, а разве есть лучшие воины, чем невидимки?

— Эли, садись с нами! — предложил Труб, важно расчесывая когтями пышные бакенбарды. — Втроем тоже можно играть.

— Не хочу быть дураком — даже в игре.

— Если не любишь в дурачка, сразимся в покер! Тебя увлечет эта игра! — воскликнул Гиг. — Там тоже есть операция надевания на себя невидимости, как мы делаем перед боем. Называется — блеф! Чудная штука — блефовать. Отличный военный маневр.

Но и от покера я отказался.

— Друзья, мне нужно поговорить с Бродягой наедине.

Труб безропотно взмахнул крыльями и полетел к выходу. Он так свыкся с нами, что с ним можно не разводить церемоний. Невидимки гораздо обидчивей. Гиг был недоволен. Я дружески толкнул его кулаком в плечо. Он повеселел и удалился без обиды.

— Бродяга, как чувствуешь себя? — спросил я.

Он скосил на меня насмешливый глаз. С каждым днем ему становилось труднее двигать гибкой когда-то шеей. И он уже не извергал пламени, только жиденький дымок струился из пасти. За небольшое время от старта в Персее дракон успел пройти все стадии дряхления — из летающего превратился в ползающего, из ползающего в лежащего. Скоро он станет бездыханным, с болью подумал я.

— Как чувствую себя? — просипел он, ему отказывал теперь и прежний громкий, с шепелявостью, голос. — Мог бы и хуже. Слишком большое тело. Тело придавливает меня, Эли.

— Не создать ли тебе невесомость? Ты сможешь свободно реять в воздухе.

— Молодости ты мне не вернешь?

— Вернуть молодость не в наших силах.

— А зачем мне невесомость без молодости? Разве парящий старик лучше лежащего? Движения — вот чего мне не хватает! всю жизнь я тосковал по движению.

— Даже когда стал драконом?

— Нет, это была пора, когда я насыщался, упивался, переполнялся движением. Моя телесная жизнь была короткая, но такая, что не отдам за год драконьего существования тысячелетия прежней жизни. Спасибо, Эли, что подарил мне эту радость.

— Ты говоришь, будто прощаешься...

— До моего конца уже близко. Я бы лишь хотел перед смертью увидеть ваше вызволение из беды.

— Ты можешь не только увидеть, но и помочь вызволению. Тебе показывали на экране допрос Оана? Шпион признался, что рамиры экспериментируют со временем. Значит, есть что-то, чего и они не умеют! Они не всесильны и не всезнающи. Просто космическая цивилизация, на несколько миллионов лет обогнавшая нас в развитии, отнюдь не боги! С рамирами можно побороться. Мы сунулись в борьбу неподготовленными, нас наказали. Но мы не отступили, да и некуда отступать: корабли недвижимы...

— Воля твоя, Эли...

— Вспомни, как тебе подчинялись звезды и планеты! Оживи корабли!

— Оживить корабли?.. Мне, недвижимому? Эли, ты обратился не по адресу!

— Да, ты одряхлел. Но телом, а не разумом! Твой могучий ум ясен, как и на Третьей планете. Замени наши МУМ, Мозг! Сконцентрируй на себе приводы от анализаторов и исполнительных механизмов.

— Ты забыл о моем громоздком теле!..

— Мы избавим тебя от него! Мы возвратим тебя в прежнее состояние. Я знаю, ты ненавидел ту свою жизнь. Но раньше она была жизнью несвободного тюремщика. А я предлагаю роль освободителя, спасителя друзей, которые так нуждаются в твоей помощи.

— Лусин мог бы это сделать. Лусин мертв.

— Это сделает Эллон. Демиурги когда-то отделили твой юный мозг от тела галакта, они сумеют и сейчас совершить такую операцию.

— Эллон убьет меня.

— Операцию сделают под контролем Орлана. Орлану ты веришь?

— Орлану верю. Я хочу, чтобы и ты присутствовал на операции. — До меня донесся слабый вздох. Даже дымка больше не выбрасывала пасть дракона. — Тогда торопись! Жизнь вытекает из меня, Эли...

Я пошел к Орлану.

4

У Орлана восседал на диване величественной статуей Граций. Они удивленно уставились на меня. Было хорошо, что я застал их вместе: не придется дважды повторять одно и то же.

— Операция освобождения мозга от тела вполне возможна, — сказал Орлан. — За тысячелетия мы так отработали технику вывода мозга в самостоятельное существование...

Граций покачал головой.

— Опять живой мозг приспособят для дела, которое так хорошо выполняли ваши механизмы, Эли!..

— Механизмы вышли из строя. Граций, ты должен гордиться, что разум естественного происхождения докажет, что он выше мертвой машины!

— Идемте к Эллону, — сказал Орлан.

Эллон налаживал гравитационный конденсатор: на его обкладках Эллон собирался получить поле, эквивалентное в мик-

ромасштабе гравитационному полю коллапсара. Я сказал, что надо отвлечься для срочной операции.

— Здоровье дракона ухудшилось. Мы потеряем его мозг, если не освободим его от прикованности к одряхлевшему телу.

— Потеря небольшая, адмирал.

— Я настаиваю на операции.

— Не буду! — Элло́н сверкнул сумрачными глазами и повернулся к гравитационному конденсатору.

Его остановил властный окрик Орлана:

— Элло́н, я тебя не отпускал!

Элло́н замер. Туловище готовилось взлететь в прыжке от нас, а голова медленно выворачивалась к нам. Элло́н хмуро произнес:

— Разве я должен спрашивать у тебя разрешения уйти, Орлан?

Орлан презрительно игнорировал вопрос.

— Тебя обучали операциям такого рода, не правда ли? Ты ведь в школе готовился на разрушителя Четвертой Имперской категории? Или я ошибаюсь, Элло́н?

— Мало ли к чему мы готовились до Освобождения! Сейчас я главный инженер эскадры звездолетов. Не хочу выполнять неприятные мне просьбы.

— Просьбы — да. Но это приказ, Элло́н!

Элло́н впился неистовыми глазами в синевато-фосфоресцирующее, замкнутое лицо Орлана. Я уже говорил, что не понимал взаимоотношения двух демиургов. Орлан робел перед Элло́ном, временами казалось, что Орлан перед ним заискивает. Теперь я видел, что раскрывается обратная сторона его дружбы с людьми. Мы отменили все ранги, только личные способности служили мерой достоинства. Орлан стремился показать, что всей душой поддерживает новые порядки, но перехлестывал: у него ведь не было всосанного с молоком матери чувства равенства. Он становился, став демиургом, разрушителем наизнанку — добровольно унижал себя, как бы расплачиваясь за прежнее возвышение. А сейчас у обоих вдруг упали усвоенные с трудом новые приемы обхождения. Перед высокомерным разрушителем Первой Имперской категории непроизвольно сгибался жалкий четырехкатегорный служака. Элло́н, растерянный, негодующий, еще попытался противиться:

— Не понимаю тебя, Орлан...

— Когда будет операция, Эллон?

Эллон с грохотом хлопнул голову в плечи. На иной протест он уже не осмеливался.

— Буду готовить питательные растворы...

Он склонил гибкую фигуру в покорном поклоне. В полном молчании прозвучал железный голос Орлана:

— Контролировать операцию буду я, Эллон!

Орлан унесся неслышными шагами, и, пока он еще был в помещении, Эллон не распрямлял спины. Граций шагал шире меня, но и ему понадобилось больше минуты, чтобы догнать демиурга. Зато когда я приблизился к ним, Орлан был прежним, не тем, давним, какого я только что видел, а новым, каким жил среди нас, — любезным, приветливым, с добрым голосом, с добрым взглядом.

Я не удержался:

— Могу вообразить, Орлан, какого ты нагонял страха, когда был любимцем Великого разрушителя.

Он ответил с бесстрастной вежливостью:

— Это было так давно, что я уже не верю, было ли.

— Бродяга боится операции и особенно боится, что ее будет делать Эллон, — сказал я.

На какой-то миг я снова увидел высокомерного вельможу Империи разрушителей.

— Напрасно боится. Демиургам с детства прививают привычку к послушанию и аккуратности. Эллон — выдающийся ум, но в смысле аккуратности не отличается от других демиургов.

Я возвратился к Бродяге. С драконом беседовал Ромеро. Беседа шла в одни уши — Ромеро разглагольствовал, Бродяга, бессильно распластав крылья и лапы, слушал. Меня снова пронзила боль — так жалко приникал к полу дракон, еще недавно паривший выше пегасов, ангелов и всех своих собратьев. Дракон печалился, что возвращение даже толики былого могущества равносильно повторному пленению. Ромеро красноречиво опровергал его опасения:

— Что такое пленение, высокомустрый крылатый друг? Все мы пленники корабельного пространства — от этого печального факта не уйти. И разве вы, любезный Бродяга, не более стеснены в вашей сегодняшней дракошне, чем в прежнем хрустальном шаре на злополучной Третьей планете? Ибо даже наш скудный

корабельный простор вам недоступен. Нет, не горькое пленение вас ожидает, а великолепное высвобождение. Вы ужесточите свою геометрическую нынешнюю несвободу еще на десяток метров, не более. Но зато вам станут подвластны любые движения — механические, сверхсветовые — в любом направлении! А вам так не хватает движения, мой бедный друг. Скучный запас движений, отмеренный вашему блистательному, но чересчур громоздкому телу, исчерпан, не будем закрывать на это глаза. И вот сейчас вы обретете величественную свободу — не просто командовать механизмами звездолета, а вобрать их в себя, как свои органы, самому стать звездолетом, мыслящим кораблем, могущественным кораблем, легко пожирающим пространство! Прекрасна, прекрасна уготованная вам доля управляющего корабельного мозга!

Ромеро потом спрашивал, произвела ли на меня впечатление его речь. Я ответил, что в ней было много чисто драконьих аргументов, а на меня драконады не действуют. Он с язвительной вежливостью возразил, что под драконадами я, вероятно, подразумеваю эскапады, но хоть слова эти созвучны, ни того, ни другого в его речи не было. Как бы, впрочем, ни называть его речь, на дракона она подействовала. Он почти радостно посмотрел на меня.

— Сегодня, Бродяга, — сказал я. — Сегодня ты совершишь очередное превращение. Ты, единственный среди нас, меняешь свои облики, как женщина прически. Ты был великим Главным Мозгом, потом превратился в лихого летуна и волокиту. Сегодня ты приобретаешь новую ипостась, так это, кажется, называется на любимом древнем языке нашего друга Ромеро, — станешь вдумчивым исследователем, энергичным звездолетчиком, властным командиром корабля.

— Благодарю, Эли, — прошептал он и закрыл глаза.

Как и обещал, я присутствовал при операции. Описывать я ее не буду. В ней не было ничего, что могло бы поразить. Зато я был потрясен, когда впервые вошел в помещение, отведенное Мозгу. Оно напоминало галактическую рубку на Третьей планете — теряющийся в темноте купол, две звездные сферы, стены кольцом... А между полом и потолком тихо реял полупрозрачный шар — в нем обретался наш друг Бродяга, навеки переставший быть бродягой.

Не вид комнаты и не вид шара потряс меня: я был к этому подготовлен. Но голоса, который звучал у меня в ушах, я не ожидал. Я думал услышать прежний шепелявый, сипловатый, насмешливый, ироничный присвист дракона, я уже успел позабыть, что Бродяга, до того как стал бродягой, разговаривал по-иному. И вот этот давно забытый, мелодичный, печальный голос обратился ко мне:

— Начнем, Эли?

Не знаю, как я справился с дрожью. Я пробормотал самое нелепое, что могло прийти в голову:

— Ты тут? Тебе хорошо, Бродяга?

Голос улыбался — чуть грустно и чуть насмешливо:

— Нигде не жмет. Эллон был бы мастером по поставке мозгов на Станции Метрики, если бы вы не разрушили Империю разрушителей. Со многими механизмами я уже установил контакт. Скоро я оживлю корабль, Эли! Пусть Эллон налаживает выводы на “Змееносец” — попробую привести в движение и его.

— Бродяга, Бродяга... Могу я так тебя называть?

— Называй как хочешь, только не Главным Мозгом. Не хочу напоминаний о Третей планете.

— Ты будешь для нас Голосом, — сказал я торжественно. — Вот так мы и будем называть тебя — Голос!

Я доложил Олегу, что можно разрабатывать карту дальнейшего рейса к ядру. От Олега я завернул к Грацию, сел на диван, привалился к спинке. Я был основательно измотан.

— Тебе нужна помощь, Эли? — участливо поинтересовался галакт. — Могу предложить...

Я прервал его:

— Граций, ты знакомился с тем, как наш бывший Бродяга, ныне принявший имя Голос, входит в свою новую роль? Двигаться со сверхсветовой скоростью мы скоро сможем. И наши боевые аннигиляторы оживут, а без них мы — пушинка в бесновании стихий. Граций, помоги Голосу... Стань ему помощником.

Галакт с удивлением смотрел на меня.

— Что скрывается за твоим предложением, адмирал Эли?

Я закрыл глаза, минуту молчал. В голове не было ни одной ясной мысли.

— Не знаю, Граций. Смутные ощущения... У людей они имеют значение, а как объяснить их вам, когда не могу выразить

их словами? Вы с Голосом одной породы... Просто это моя просьба, Граций...

Галакт ответил с величавой сердечностью:

— Я буду помогать Голосу, Эли.

5

Никто не знал, какие силы блокировали наши мыслящие машины, но силы эти, постепенно слабея, переставали быть непреодолимым заслоном. Меня лишь удивляло, что машины не просто отремонтированы, по формуле “не работала — заработала”, а как бы пробуждены из сна — еще не было прежней быстроты решений, сохранялась какая-то вялость. Эллон заверил, что все прежние достоинства машин возродятся, когда блокирующие силы совершенно исчезнут, а дело идет к тому.

— Эллон, ты описываешь МУМ так, словно они наглотались наркотиков, а сейчас выбираются из беспамятства.

— Что такое наркотик? Что-то специфически человеческое, да? Но что машины выбираются из беспамятства — точно. И когда полностью очнутся, вы сможете дать отставку вашему парящему в шаре любимцу.

— Тебе так ненавистен Голос, Эллон?

Вместо ответа он повернулся ко мне спиной. Человеческой вежливости демиургов в школе не обучают, а Эллон к тому же не забыл о том, что когда-то был подающим надежды разрушителем.

Разговор с Эллоном заставил меня призадуматься. В день, когда МУМ полностью войдут в строй, Голос будет не нужен — этого я отрицать не мог. Но неполадки с мыслящими машинами порождали недоверие к ним. Они слишком легко и слишком неожиданно разлаживались. На Земле никто бы не поверил, что такие надежные механизмы, как МУМ, способны отказать все разом. Способы экранирования МУМ разрабатывались не одно десятилетие и не одним десятком первоклассных инженеров. Экранирование должно было сохраняться в любых условиях. В Гибнущих мирах оно защищало плохо. Гарантию, что экранирование не сдаст и впредь, не сумел бы дать и сам Эллон.

Все эти соображения я высказал Олегу. Он пожал плечами:

— Никто не принуждает нас удалять в отставку Голос, когда заработают МУМ. Почему бы им не дублировать друг друга?

— Именно это я и хотел предложить. Но вряд ли Эллон будет доволен.

Олег негромко сказал:

— Разве я давал обещание исходить из того, доволен или недоволен Эллон? Пока команду эскадрой я, а не он.

— Каков твой план? — спросил я. — Продолжаем рейс к ядру или возвращаемся — в связи с потерей трех четвертей флота?

Он ответил не сразу.

— Рейсовое задание далеко от выполнения. Но и лезть на рожон не хочется...

— Мы и в созвездии Гибнущих миров не выполнили своих намерений, — напомнил я. — Клочок ясного неба, обещанного аранам, — где он?

С той минуты, как звездолеты восстановили способность движения, больше всего я думал об этом. Сразу после катастрофы страх порождал лишь одно чувство — бежать, бежать подальше от проклятого места. Страх прошел, и снова вставал все тот же вопрос — помочь ли аранам? Как вывести бедствующий народ из дремучего леса несчастий? Это не было обязанностью, в рейсовом задании нет пунктов об облагодетельствовании встречающихся народов. Мы явились сюда разведчиками, а не цивилизаторами. Со спокойной совестью мы могли и отвернуться от Арании. Не было у меня спокойной совести. Я терзал себя сомнениями. Посетив рубку, я признался в них Голосу.

— Ты хочешь рискнуть оставшимися кораблями, Эли?

— Я пытаюсь отыскать иной метод очищения пространства. “Таран”, уничтожавший пыль, выведен из строя, попытка взрывом добавить чистого пространства кончилась катастрофой. Впечатление, что рамиры — если это они — вначале только остановили нас, а когда мы продолжили свои усилия, рассердились и наказали.

— Но не уничтожили полностью. Либо не могли уничтожить, либо не захотели. Ответ на этот вопрос даст ключ ко всем загадкам.

— Буду думать. И ты думай, Голос!

Ночью, когда Мери спала, я молчаливо шагал из угла в угол.

Если рамиры не смогли нас уничтожить, все просто — силенок не хватило. Что значит — силенок не хватило? Они выпустили один истребляющий луч, сумели бы грянуть и двумя, и тремя. И только пыль сверкнула бы от всей эскадры! Не захоте-

ли! Выполнили какую-то свою задачу, уничтожив “Тельец”, — и отвернулись от нас. Какую задачу? Не дали аннигилировать планету! Знали из донесений Оана, что мы задумали, и воспрепятствовали. Чем же им мешало аннигилирование планеты? Должна же быть какая-то цель в их действиях! Жестокие Боги! Что скрывается за их жестокостью против аранов?

Как-то ночью ко мне вошла испуганная Мери и сказала с облегчением:

— Ты здесь? А я проснулась и подумала, что случилась новая беда, раз тебя нет.

— Мери, — сказал я, — ответь мне: почему Жестокие боги жестоки? Разве жестокость соединима с могуществом? Психологи учат, что жестокость — проявление слабости и трусости!

— Ты вносишь очень уж человеческое в межзвездные отношения, — возразила она, улыбаясь. — Как ты поносил Оана — лазутчик, диверсант, предатель!.. Не чрезмерно ли земно для ядра Галактики?

— Речь не об обычаях, а о логике. Не может же быть у рамиров иная логика, чем у нас!

— А почему у нас с тобой они разные? Ты говоришь, когда чего-либо не понимаешь во мне: “ Это все твоя женская логика!” И морщишься, как будто отведал кислого.

Я засмеялся. Мери умела неожиданно поворачивать любой спор.

— Ты подбросила кость, которую я буду долго грызть. Хорошо, Мери! Постараюсь не вылезать за пределы скромного места, отведенного человеку во Вселенной. Я принимаю, что существует множество логик, в том числе и твоя женская. Я назову их координатной системой мышления. Заранее принимаю, что наша координатная система мышления не похожа на другие, и вот что я сделаю, Мери. Я произведу преобразование одной координатной системы в другую, перейду от одного типа мышления к другому. И посмотрю, какие законы останутся неизменными — поищу инвариантов. Инварианты логики и инварианты этики, Мери! Самые общие законы логики, самые общие законы этики, обязательные для всех форм мышления. Общезвездная логика, общезвездная мораль! И если и тогда я не пойму, почему рамиры с нами борются, то грош мне цена. Таковы будут следствия твоих насмешек.

— Очень рада, что мои насмешки катализируют твой беспокойный ум, Эли.

Мери ушла досыпать, а я продолжал метаться по комнате, выстраивая и отвергая десятки вариантов. На одном я остановился: он требовал немедленной проверки. Я пришел к Голосу. По рубке прохаживался Граций. Я залюбовался его походкой. Галакты не ходят, а шествуют. Я не сумел бы так двигаться, даже если бы захотел. В младших классах мне говорили с негодованием: "Не шило ли у тебя сзади, Эли?" С той поры я остепенился, но по-прежнему хожу, бегаю, ношусь, передвигаюсь, только не шествую. Богоподобности, как называет Ромеро повадку Грация, у меня никогда не будет.

— Друзья, — сказал я. — Командующий приказал готовиться к продолжению экспедиции в ядро. Поврежденный звездолет мы взять с собой не можем. Обычная аннигиляция способна вызвать новый взрыв ярости у неведомых врагов. Олег хочет взорвать его. У меня явилась другая мысль. Не подвергнуть ли "Овен" тлеющей аннигиляции? В окрестностях Земли этот метод применяется часто, когда побаиваются мгновенным уничтожением нарушить равновесие небесных тел.

Голос все понял еще до того, как я кончил.

— И ты надеешься, что против медленной аннигиляции рамиры не восстанут? Хочешь поэкспериментировать с самими Жестокими богами?

— Хочу поставить им осмысленный вопрос и получить осмысленный ответ. Иного метода разговора с ними, кроме экспериментов, у нас нет. Ты сможешь провести такую аннигиляцию, Голос, на достаточном отдалении от "Овна"?

— Расстояние мне не помеха.

Олег приказал "Козерогу" и "Змееносцу" удалиться от "Овна" на границу оптической видимости, два оставшиеся грузовика были отведены еще дальше. Внешне Олег оставался спокойным, но я знал, что он нервничает. Если бы противники снова генерировали луч, отделившиеся звездолеты остались бы в целости и погиб бы один "Овен", и без того назначенный на уничтожение. Но не захотят ли рамиры в раздражении от новой акции сразу покончить с нами? "Слишком человеческое", — твердил я себе, отводя назойливые мысли о раздражении, о гневе рамиров, но никак не мог отрешиться от беспокойства. Я отправился к Голосу. В командирском зале распоряжался Осима.

Осима имел задание — кружить в отдалении от “Овна” и панически удирать от малейшей опасности — и деловито держал корабль на заданном курсе и в тревожной готовности к бегству.

В рубке по дорожке вдоль кольцевой стены ходили Граций, Орлан и Ромеро. Голос порадовал нас, что эксперимент идет хорошо. “Овен” медленно вытлевают, превращаясь в пустое пространство. Большого противодействия нет.

— Как тебя понимать, Голос? Большое противодействие — это новый удар по эскадре. Мы и сами видим, что еще не уничтожены.

— Я ощущаю стеснение, Эли. Мои команды исполнительным механизмам чем-то замедлены. Разница в микросекундах, но я ее чувствую. Какие-то тормозные силы...

— Голос, замедли аннигиляцию, потом усиль, но постепенно. И проверь, как меняются тормозные силы.

Тормозные силы пропадали, когда аннигиляция затухала, нарастали, когда она усиливалась. В какой-то момент Голос пожаловался, что, если еще убыстрить процесс, механизмы перестанут подчиняться.

— Ты опасаясь взрыва? Или что будешь заблокирован?

— Я не МУМ, меня не заблокировать! Но исполнительные механизмы откажут в исполнении. — Он по-человечески пошутил: — Не повернуть рычага.

Я возвратился в командирский зал. “Овен” еще горел — сияющая, крохотная горошина. Она была видна так ясно, как еще ничего мы не видели в Гибнущих мирах: нас и погибающего “Овна” разделял уже не пылевой туман, а чистое пространство — в него постепенно превращался бывший звездолет.

В соседнем кресле Ольга тихо оплакивала корабль. Не думаю, чтобы когда-нибудь в прошлой жизни она плакала. У всех у нас разошлись нервы в эти дни. Я положил руку на ее голову и сказал:

— Ольга, радуйся! Гибель твоего звездолета открывает путь к спасению аранов.

— Если это шутка, Эли, то вряд ли ко времени.

— Это правда. Мы все-таки аннигилируем планету, из-за которой погибло две трети нашей эскадры!

И я рассказал друзьям свой новый план. Уничтожение звездолета с высветлением клочка пространства не встретило сопротивления. Не потому ли, что противники не допускают лишь

быстрой аннигиляции? Действия “Тарана” пресекли, с “Тельцом” жестоко расправились. А “Овен” истлел свободным простором — помех не было, кары тоже. Лишь когда Голос убыстрял процесс, он ощущал нарастающее сопротивление. Рамирам поставлен четкий вопрос, они дали четкий ответ: никаких взрывов пространства. Чем-то им мешают быстро протекающие процессы.

— Вероятно, они резко нарушают равновесие, — заметила Ольга.

Злополучная планета мчалась на той же орбите, средней между Аранией и Тремя Солнцами, куда мы ее насильственно выволокли. Было несомненно, что противникам безразлично местоположение планет, лишь бы они не взрывались. Взорвать планету легче, чем выпарить: удар боевых аннигиляторов, разлетающееся новое пространство — и звездолет может удаляться восвояси. Тлеющая аннигиляция не только требовала длительного времени, но и плохо шла без непрерывного катализирования извне. Планету нельзя было “поджечь” и оставить: тление вскоре затухло бы. Олег сказал со вздохом:

— Придется пожертвовать грузовым звездолетом.

— Двумя! — откликнулся Осима. — Полностью освободиться от буксирных судов! Как капитан боевого корабля, могу только приветствовать такое решение. Грузовики плохо управляемы в сверхсветовой области. И пока лишь запросто гибнут!

Я пошел в парк. В парке лил дождь. Время здесь повернуло на позднюю осень. Во всех остальных помещениях нет сезонных изменений, нет колебания температур, давления воздуха, влажности — беспогодная обстановка, всего больше стимулирующая жизнедеятельность. Но мне нужно порой попадать под дождь и снег, сгибаться под жестоким ветром и наслаждаться влажными запахами весны. В парке для таких, как я, устроена земная смена погод и сезонов. Не помню, чтобы здесь когда-нибудь прогуливались демиурги и галакты. Я как-то затащил сюда Орлана. Бесилась пурга, Орлан ежился-ежился и спросил с удивлением: “И людям нравится это безобразие?” О Грации говорить не приходится. Он отказывается от выходов в парк с такой поспешностью, что на миг теряет свою богоподобность. Я иногда думаю, что в природе галактов, ненавидящих всякую искусственность, совмещено противоречие. Они старательно оберегают свое бессмертие, но создают тепличные условия,

чтобы оно не нарушилось. И в самом их бессмертии разве нет искусственности — высокой, великолепной, но все же искусственности? Среди всех живых существ они одни внедрили у себя бессмертие. Им удалось...

Одна из аллей парка вела в консерватор. Я подошел к саркофагу Лусина, с нежностью посмотрел на мертвого друга. Лусин, говорил я ему мысленно, ты не простил бы нам, если бы мы просто бежали отсюда, ты сказал бы, если бы мог заговорить: “Мы ведь отправлялись в дальний поход не для того, чтоб бежать, мы должны помочь несчастным, молящим о помощи. Иначе какие мы люди, иначе зачем было мне погибать?” Правильно, Лусин, правильно! Заметь, я не спорю и уже не говорю о мести, хотя не из тех, кто улыбается, когда ему наступают на ногу. Ах, Лусин, почему ты не можешь встать! Тебя порадовала бы новая картина: огромная планета тает, а вокруг расширяется чистый простор, не клочок, нет, Лусин, — купол сияюще ясного неба!

А затем я сел в кресло напротив Оана, говорил с ним, но по-иному, чем с Лусином. Убийца и шпион, говорил я Оану, понимаю: у тебя было задание, ты его выполнил, твои хозяева могут поблагодарить тебя! Но ведь ты свободно передавал свои мысли в наш мозг, ты ведь мог хотя бы намекнуть, что взрывная аннигиляция планеты не годится, а вот тлеющая подойдет. Почему ты молчал? Кто ты — фантом, копирующий реальное существо? Призрак с внушительной степенью вещественности, свидетельствующей о высоком техническом уровне цивилизации? Ты скоро ушел, Оан, не дал наговориться с тобой! А жаль, ты мог бы передать пославшим тебя, что люди и звездные их друзья уходят из проклятого скопления Гибнущих миров, что мы не лезем больше на рожон, что никаких взрывов не произойдет. Но мы не можем не помочь страдающим, не можем и все тут, такова наша природа. Ах, ты рано, рано погиб, презренный, сколько бы я высказал тебе, если бы ты мог меня услышать! Я часто возмущался, негодовал, приходил в ярость, но ненависть испытываю впервые — к тебе! Ненавижу, ненавижу!

Так я говорил, волнуясь, не помню уже — мысленно или вслух, а Оан висел, раскинув двенадцать ног, выпятив брюхо, задрав трехглазое лицо, два нижних глаза были закрыты, верхнее, еще недавно недобро-пронзительное, око было тускло, как затянутое бельмом, а на голове топорщились волосы, странные

волосы, толщиной в палец, не то змеи, не то руки... И в их толще запуталась маленькая, багрово-красная, не проискрившая до конца искорка...

Мери в этот вечер сказала:

— Где ты был, Эли?

— Гулял в парке.

— И, конечно, сидел в консерваторе?

— Почему — конечно?

— Я временами побаиваюсь тебя, Эли. В тебе есть что-то дикарское. У тебя культ мертвецов.

— Культ мертвецов? Вот уж чего за собой не знал.

— Разве ты забыл, что на Земле часами просиживал в Пантеоне? И меня тянул за собой. А в зале великих предков забывал обо мне и так смотрел на статуи, словно молился на них.

Я от души рассмеялся:

— Не подозревал, что это выглядит как молитва! Ты права, почтение к предкам во мне развито. Иван, не помнящий родства, — это не по мне. Я всегда увлекался историей.

— Увлекался историей! Ромеро считает тебя невеждой в истории, и я с ним согласна. Даже я знаю больше о предках. Нет, ты весь обращен в будущее. Телесно ты рядом, а мыслью где-то в предстоящих походах, боях, переговорах, в еще не открытых местах, на еще не построенных кораблях. Временами так тебя не хватает, Эли. Я ведь всегда здесь и сейчас, а ты — там и потом. А затем, спохватившись, что так нельзя, — бежишь в захоронение, как бы на раскаяние или на исповедь.

— Чего ты, собственно, хочешь от меня, Мери?

Она ответила очень коротко:

— Хочу знать, что тебя так влечет к мертвецам?

Я постарался, чтобы ответ прозвучал весело:

— Ты сама все объяснила: иду из-за раскаяния и на исповедь. Только исповедники мои всегда молчат. Вероятно, не принимают раскаяния.

6

Эскадра покинула звездное скопление Гибнущих миров. Некоторое время мы еще любовались красочным зрелищем планеты, вытлевающей пространством. Я намеренно употребляю слово “красочное”, а не “эффектное”. Эффектности не было — ни ослепительного пламени, ни разлетающихся протуберанцев,

ни вихря газа. Планета тускло засветилась — и только. Но когда мы удалялись, то видели окружающий ее ореол. Это было облачко новосотворенного пространства — медленно расширяющийся клочок чистого неба. Что могли — сделали.

И опять повторились знакомые пейзажи. Мы вырвались из пыльного скопления, кругом простиралось чистое пространство, густо и беспорядочно напиханное звездами. А впереди, впервые не экранированный туманностями, раскидывался гигантский звездный пожар — грозное ядро Галактики...

Раньше свободное время я проводил перед звездными экранами. Сейчас было что наблюдать, но я обращался к экрану урывками: меня все больше захватывала лаборатория Эллона, где конструировался конденсатор времени.

Внешне это было нечто вроде автоклава средних размеров. Но нацепленные на него электрические разрядники с питанием от аннигиляторов, вихревые трубы от гравитационных механизмов сразу давали понять, что сооружение не автоклав. Если, конечно, не проводить той аналогии, что в автоклавах проваривается и прессуется что-то вещественное, а здесь проваривалось и прессовалось само время.

— Работа закончена, адмирал! — воскликнул однажды Эллон. — В центре вот этого шарика клочок материи, объемом не больше водородного атома. Но вес этого крохотного куска больше тысячи тонн!

Я возразил, что теория отрицает возможность такого сгущения, если масса не превосходит довольно большой величины, что-то три или четыре солнечных. Он сверкнул неистовыми глазами.

— Что мне человеческие теории, адмирал! Пусть их изучают рамиры, они не продвинулись дальше вас в понимании коллапса. Поэтому и стараются овладеть энергией коллапсаров для трансформации своего времени. А мы трансформируем время в этом коллапсане. — Он подчеркнуто воспользовался новым термином. — И когда я включу его, частицы, которые вспырнем туда, мы вышвырнем в далекое прошлое или еще более далекое будущее.

— А сами не отправимся вслед за частицами?

Он с презрением посмотрел на меня.

— Ты, кажется, путаешь меня с Жестокими богами? Я не такой недоучка, как они. Экспериментаторы! Сунулись в горнило,

как пробка вылетели в будущее, не удержались там и камнем покатались обратно! Для чего я, по-твоему, подключил к коллапсану выходы гравитационной улитки? Частица с трансформированным временем вылетит в дальние районы, но обнаружится там, лишь когда наступит заданное время, — в прошлом или будущем. Вылет в будущее проще, и я его опробую раньше.

Когда я выходил из лаборатории, он задал вопрос:

— Адмирал, ты доволен работой обеих МУМ?

— Нареканий нет.

— Тогда зачем они подчиняются парящему Мозгу? Мыслящие машины — человеческое изобретение, мозг, отделенный от тела, — наш способ управления. Тебе не кажется странным, адмирал, что я, демиург, упрашиваю тебя, человека, восстановить человеческое управление эскадрой?

Мне это не казалось странным. Я знал, что рано или поздно Эллон опять потребует отставки Голоса. Недоброжелательность к дракону была у Эллона с первых дней их знакомства, теперь она превратилась в прямую ненависть. Демиург, уверен, рассматривал трансформацию Бродяги в Голос как возвышение над собой, сделанное к тому же его руками, — непомерное самолюбие Эллона страдало. Я разъяснил, что Голос не командует МУМ, а дублирует их, и что хорошо бы иметь не одного дублера, а еще многих, для чего, например, в этой роли стажирется Граций, и что такой новый метод управления кораблем установлен не мной, а приказом командующего... Эллон оборвал меня:

— Граций пусть стажирется. Всего бессмертия вашего галакта не хватит, чтобы осилить функции МУМ. Но плавающий Мозг — излишен.

— Вынеси спор о Голосе на обсуждение команд. Если твои антипатии признают обоснованными...

— Симпатии и антипатии на обсуждение не выношу. Но если МУМ разладятся, ремонтируйте их сами или удовольствуйтесь чарующим вас Голосом. Слуг ему поставлять больше не буду!

Вечером к нам с Мери пришла Ирина.

— Мне надо поговорить с Эли, — сказала она.

Мери встала, Ирина задержала ее:

— Оставайся. В твоём присутствии мне легче высказать свои просьбы адмиралу. Эли, вы, наверно, догадываетесь, о чем речь?

— О чем — не знаю, о ком — догадываюсь. Что-нибудь связанное с Эллоном?

Ирина нервно сжимала и разжимала руки. Стройная, быстрая, нетерпеливая, она так напоминала отца, что, если бы одевалась в мужскую одежду, я принял бы ее за молодого Леонида. Я знал, что мне достанется от нее, и готовился отразить упреки.

— Да, с Эллоном! Почему вы так презираете его, адмирал? Этого обвинения я не ожидал.

— Не слишком ли, Ирина? Мы все — и я, и Олег, и капитаны — с таким уважением...

— Об Олеге разговор особый! А ваше уважение к Эллону — слова, равнодушные оценки: да, необыкновенен, да, пожалуй, гениален, да, в некотором роде выдающийся... А он не пожалуй, а просто гениален, не в некотором роде, а во всех родах выдающийся. Кто может сделать то, что может он?

Разговор становился серьезным, и я ответил серьезно:

— Зато он не сделает многого того, что умеют другие. Невыдающихся на кораблях нет. В поход отбирали только незаурядных. Или, по-твоему, Камагин — середнячок? Или твоя мать?

— Я говорю об Эллоне, а не о моей матери или Камагине. Он заслуживает душевного, а не равнодушного уважения.

— Чего ты хочешь?

— Почему вы предпочитаете ему дракона? — выпалила она. — Отвратительный пресмыкающийся вознесен выше всех! Дракон еле-еле заменял МУМ, когда они не работали, а сейчас, когда они правильно функционируют, путает их команды. Он в сочетании с МУМ хуже, чем МУМ одна!

— Один раз машины уже выходили из строя...

— Ну и что? Еще десять раз разладятся, еще десять раз будут восстановлены! Ваша привязанность к дракону оскорбительна! Можете вы это понять?

— Я не могу понять другого, Ирина. Почему Эллон так ненавидит бывшего Бродягу?

— Спросите лучше, почему я не терплю дракона!

— Хорошо, почему ты не любишь Голос?

— Не люблю, и все! Вот вам точный ответ. Он мне был отвратителен еще на Третьей планете. Б-р-р! Громадная туша, дурно пахнет!..

— Он изменился с тех пор, Ирина.

— Да, одряхлел, амуры не строит, да и не с кем. Но запах свой принес и сюда. Я пробежала мимо дракошни, закрыв нос, а вы проводили там часы.

— Понятия не имел, что он тебе так неприятен.

— Олегу он тоже неприятен, но Олег уступил, как и всегда во всем уступает вам. А вам плевать, вы считаетесь только с собою!

Я покачал головой.

— Сильное обвинение, Ирина!

— Справедливое! Лусин, кроме пса, хотел взять и двух кошек. Но кто-то сказал, что вы не терпите кошек. Специально проверяли, так ли. И выяснили — да, недолюбливаете. Лусин и заикнуться уже не посмел о кошках! А вы поинтересовались у кого-нибудь, нравится ли ему общество огнедышащего динозавра?

— Дракона больше нет, Ирина. Есть мыслящий Голос, координирующий работу двух МУМ. Если координация идет плохо, мы освободим Голос от его нынешней функции и оставим в резерве.

Ирина поднялась. Я задержал ее:

— Ты сказала, что об Олеге разговор особый. Как это понять?

У нее в глазах показались слезы.

— Олег не тот, каким я его раньше знала. Вы первое лицо в эскадре, Эли. Вы подчинили себе всех. Он с этим примирился. Я гордилась им, теперь мне обидно за него. Я ему сказала: мой отец тоже летал с Эли, но не позволял так собой командовать. Олег считает, что я все придумываю.

— Придумываешь ты много, это верно.

После ее ухода я молча шагал по комнате. Мери повеселевшими глазами следила за мной. Я сердито сказал:

— Ты радуешься тому, что возникли свары? Что нашу дружбу с Олегом так превратно толкуют?

Она смеялась так заразительно, что и я захохотал.

— Меня радует, что ты услышал о себе несколько неприятных, но правдивых слов. И я сама много раз собиралась сказать тебе то же самое, но ты каждый пустяк принимаешь так близко к сердцу... Между прочим, кошек я сама посоветовала не брать.

— И напрасно! Я бы перенес кошек на корабле. Примирился бы...

— Вот этого и опасались, что ты заставишь себя примиряться.

— Ладно о кошках, не терплю их! Скажи лучше, что делать?

— Самое важное, что в совместной работе МУМ и Голоса появились рассогласования. Если это правда, то это серьезно.

— Пойду проверять, — сказал я.

В рубке вдоль стен шествовал Граций. Он с обычной неспешной серьезностью выполнял свои новые обязанности. Они сводились пока к беседам с Голосом обо всем на свете и о многом прочем.

— Голос, — сказал я, — как работа с мыслящими машинами?

— Обе МУМ слишком медлительны, — пожаловался он.

— Ты рассчитываешь варианты быстрее?

— Я не так глуп, Эли, чтобы утверждать это. Рассчитывать быстрее МУМ невозможно. Но я уже говорил тебе, что не перебираю варианты. Я сразу нахожу ответ.

— Да, ты говорил. Но как это возможно?

— Варианты появляются во мне сразу. Мое дело — взять верный, а отброшенные даже не проникают в сознание. Я их оцениваю в целом, а не перебором причин и следствий. МУМ еще не вычислила всех вариантов, когда я подсказываю решение. Это немного путает ее работу, но ни разу не направило нас по неверному пути.

Я обратился к Грацию:

— И ты мыслишь готовыми оценками, а не сравнением вариантов?

— Стараюсь, Эли, — ответил он величаво.

Все это было не то и не так, как представлялось Ирине. Я пошел к Олегу. Он повел меня к себе. Я еще не бывал у Олега дома, все встречи происходили в служебных помещениях. Посреди комнаты стоял круглый столик, вокруг него кресла, на стенах висели портреты знаменитых звездопроходцев, среди них и мой. Я загляделся на портрет Андре: пышная, как бы пылающая шевелюра обрамляла бледное, тонкое лицо, глаза Андре смеялись. В молодости он был все-таки очень похож на Олега, только теперь мода на завитые локоны прошла.

— Сфотографировано на Оре?

— В день высадки на Сигме, где отца захватили невидимки. Вера доставила эту фотографию маме, когда вы с Ольгой и Лео-

нидом продолжали путь к Персею. Что ты мне хотел сказать, Эли?

Я рассказал о требованиях Эллона, о просьбах Ирины. Олег слушал бесстрастно и только раз улыбнулся, когда я упомянул, что, по ее мнению, подавил собой всех.

— Тебя, кажется, это задело, Эли?

— Такие обвинения неприятны.

— Не расстраивайся, я не из тех, кого можно принудить против воли. Если я соглашаюсь с тобой, то потому, что ты прав. Это содружество, а не потеря самостоятельности. Очень жаль, что Ирина этого не понимает.

— И многого другого не понимает, — добавил я.

Олег ровно кивнул головой. Я сказал, что отступить назад неразумно. Голос создает новую систему управления кораблем, и она эффективней реализованной в МУМ. Все дело в том, Олег, — сказал я, — что конструкторы использовали в мыслящих машинах лишь только одну особенность человеческого мышления: способность рассуждать, способность выводить следствия из причин, то есть строить логическую цепь. Каждое разветвление логической цепи дает один вариант оценки ситуации.

Но мышление человека не исчерпывается этим. И в трудных ситуациях узость машинного мышления грозит крупными неприятностями.

Я привел такой пример. Каждый знает, что такое мать. А машине, чтобы уяснить все богатство понятия “мать”, нужны сотни тысяч признаков и фактов. Мы увидели пейзаж города и восклицаем: “Как красиво!” Но машине, чтобы точно восстановить наше восприятие, нужно перечислить все здания, все улицы, все деревья, все облака над улицами, а в каждом здании описать его архитектурную красоту и историческое значение, и начать с кирпичей, с красок стен, с перекрытий, с фундамента и еще черт знает с чего, и тогда красота, которую мы постигаем мгновенно, будет достигнута в качестве нескорого результата бесчисленного ряда сопоставлений и совпадений — венцом безмерной цепочки причин и следствий.

— Ты машиноборец, Эли! — сказал Олег, улыбаясь. — Не берусь судить, прав ли ты. Но ты сказал о возможных крупных неприятностях. Неприятности в рейсе командующего касаются близко. Что ты имел в виду?

— Только то, что любая цепь в любую минуту может порваться в любом из звеньев — и весь длиннейший расчет станет абсурдом. Вспомни аварию на “Таране”. В какой-то момент были перепутаны несколько следствий и причин. И вся логическая цепь полетела в пропасть! МУМ стала выдавать неверные решения. Еще хорошо, что она выключила себя. Среди абсурдных команд могла попасться и такая, как взорвать корабль или направить аннигиляторы на другие звездолеты.

— МУМ снабжены системой самоконтроля, Эли.

— Я говорю о ситуациях, когда и самоконтроль может отказать.

— Ты уверен, что с Голосом подобные неприятности невозможны?

— Если он внезапно не сойдет с ума. Он мыслит целостными образами. Он и рассуждает, и высчитывает, но это у него лишь подсобный прием. Естественно, он имеет преимущество перед машинами.

— Я согласен с тобой. Считай, что ты опять подмял меня под себя и навязал свою волю. Трудные ситуации наверняка будут.

— Кто из нас скажет Эллону и Ирине, что их просьба вторично отклоняется?

Олег какое-то мгновение колебался.

— Скажи лучше ты. Мне трудно разговаривать с Ириной. Она без памяти от своего руководителя.

— Но это смешно! Наши звездные друзья — друзья, не больше. Любовь — чувство лишь для особей одной природы. Оно куда уже товарищества. Ирина путает два несходных чувства.

Олег рассеянно глядел мимо меня.

— Я слышал, ты влюблялся в некую Фиолу, змею с Веги. Разве змеи одной с нами природы?

— Юношеское увлечение! Все нас с Фиолой разделяло, а соединяло очень немногое. Я это скоро понял.

— Ирина тоже это поймет, но не уверен, что скоро.

7

Мы вступили в ядро. Как спокойно звучат слова “вступили в ядро”! Как будто была межа, отделяющая ядро от околоядерного пространства, и ту межу пересекли. Не было межи, не было даже особенного сгущения звезд — в любом шаровом скопле-

нии их напрессовано гуще. Но мы вступили в ядро, сразу поняв, что уже в ядре. Звезды вдруг стали шальными. Я продиктовал “вдруг” и “шальные” и задумался. Астрофизик упрекнет меня в приписывании мертвым телам человеческих свойств. Ничего не могу поделать, самое точное описание поведения светил будет это: ошалели! То, что светила светили, было уже не самым характерным. Они неистовствовали, это было важней.

Этого не передать словами! Нужно самому окунуться в хаос бешено налетающих, дико отлетающих звезд, чтобы содроганием души, не одними глазами постигнуть: вокруг забушевал взрыв, и сам ты среди летящих и сияющих осколков не больше, чем темная пылинка!

Мы знали звездные скопления — и рассеянные, как Плеяды и два скопления Хи и Аш в Персее, и шаровые, вроде того, через которое пролетали. Там звезды были как звезды — висели в своих координатных узлах, их взаимные расстояния почти не менялись. Гармония звездных сфер там звучала мелодией всемирного тяготения, там был порядок.

А здесь господствовал хаос! Какая гармония во взрыве? И когда какая-либо звезда настигала соседку, из каждой выносились дымные протуберанцы — и у меня возникало ощущение, что одна вырывает у другой из головы клочок волос.

— Эли, я не способна рассчитать траекторию ни одного из светил, — почти с испугом сказала Ольга, когда мы вчетвером сидели в командирском зале. — Законы Ньютона здесь перекрыты какими-то силами, вызывающими беспорядок. Ядро кипит. И я не могу понять, что вызывает кипение звезд. Какая гигантская мощь нужна, чтобы так нарушить звездное равновесие!

Олег задумчиво разглядывал звездоворот на экранах.

— Не кажется ли вам, друзья, что мы наблюдаем взаимное падение звезд в одну кучу? С последующим превращением их всех в разлетающуюся туманность!

— Это станет гибелью Галактики, — ответила Ольга. — В ней больше ста миллиардов звезд, половина сосредоточена в ядре. Если ядро взорвется, от других звезд, в том числе и от нашего Солнца, и от Персея демиургов и галактов ничего не останется, кроме пыли.

— Зато разумные наблюдатели на других галактиках обрадуются, что зафиксировали появление еще одного квазара, — утешил я их.

— Я начинаю думать, что мы поступили опрометчиво, ворвавшись в эту кипящую звездную кашу, — продолжала Ольга. — Олег, мне кажется, сверхсветовые скорости здесь опасны.

Теперь я перехожу к событию, показавшему, что беспокойство Ольги было оправданно. Мы опять вчетвером сидели в командирском зале. Осима вел корабль, Ольга производила расчеты, мы с Олегом тихо разговаривали. Внезапно Ольга с удивлением сказала:

— У меня получается, что нас несет к гибели. Наверно, я где-то ошиблась!

Я сказал великодушно:

— Ты почти никогда не ошибаешься, Ольга, но в данном случае наврала. Ничем не вызванная гибель двух звездолетов все-таки менее вероятна, чем арифметическая погрешность при расчетах. Переставь где-нибудь минус на плюс.

— Я проверю еще раз, — сказала она.

В этот момент раздались сигналы Большой тревоги: заревели сирены, заквакали пусковые реле боевых аннигиляторов, замигали аварийные лампы. На табло засветилась зловещая надпись: “Генераторы пространства — первая готовность!” Я схватился за переговорную трубку, но меня опередил Олег.

— Голос, что случилось? — крикнул он.

Мы услышали, что кучку беспорядочно мятущихся звезд, среди которых пробирались корабли, вдруг, словно судорога, охватило единое движение. Они все летят в свой геометрический центр, а в нем в данный момент находимся мы. Звезды рушатся одна на другую и при взрыве неминуемо захватят нас. Единственный выход — в канале новосотворенного пространства вынестись из звездной кучки.

— Мы делаем расчеты, — информировал Голос.

— Сомневаюсь в удаче, — спокойно оценила положение Ольга. — Запасов всей эскадры не хватит на прокладку туннеля наружу.

Я вызвал лабораторию. На малом экране высветился Эллон.

— Эллон, — сказал я. — Мы попали в опасную передрыгу. Возможно, только гравитационная улитка может спасти звездолеты. Свяжись с Голосом.

Он ответил с мрачной веселостью:

— Улитка вышибла в ад целую планету, выбросить два звездолета проще. Пусть только ваш парящий любимец признается,

что не способен прокладывать курс меж звезд, и я выправлю ошибку.

Через минуту Голос сообщил, что аннигиляция активного вещества избавления от звездного взрыва не даст, и единственная надежда — выскользывание по гравитационной улитке.

На звездных экранах зажглось около сотни светил размером с Венеру. Они увеличивались, зловеще накаливались. Я вспомнил, что в юности в Плеядах вот так же со стесненным сердцем следил, как со всех направлений звездной сферы на нас рушились недобрые огни. Но те огни, маленькие, пронзительно-зеленые — космические крейсера разрушителей, — были пылинками в сравнении с гигантами, охватывавшими нас отовсюду. Сто солнц падало на нас! Они вскоре и стали размером с Солнце — ослепительно белые, голубоватые, радужные, мутно-багровые, темно-вишневые... Обе звездные полусферы превратились в иступленно пылающие костры. Было ясно, что еще до того, как звезды начнут сталкиваться и взрываться, оба корабля превратятся в облачко пара. Я вызвал Голос.

— Рано, Эли, — ответил он. — Мы с Эллоном поджидаем удобного момента.

Все источники энергии переключили на генератор метрики. “Змееносец” шел в кильватере “Козерога”. Камагин прислал мне шутовское приободрение: “Адмирал, в мое время говорили: на миру и смерть красна. У нас она будет светла!” Шутка показалась мне мрачной. А затем мы увидели, как два солнца вырвались из общей массы и помчались навстречу одно другому, и на линии их движения оказались звездолеты. Даже того утешения, что перед смертью удастся полюбоваться вселенским пожаром, не было. Оба светила взорвутся раньше, чем остальные подспеют в общее месиво, а до их взрыва испаримся и мы, если не выскользнем по искривлению пространства.

— Включение! — услышал я тройную команду, в ней смешались мелодичный даже в такую минуту Голос, выкрик Эллона, приказ Олега.

Страшная боль свела судорогой мое тело. Мельком, каким-то боковым взглядом, я увидел, как бьются в своих креслах Осима и Ольга, как Олег схватился рукой за горло, будто разрывая удушающие петли. А картина на экране была так фантастически непредвиденна, что я на какое-то мгновение забыл о боли.

Летающие солнца столкнулись, но взрыва не было! Одно проходило сквозь другое. Они мчались друг в друга, не смешиваясь, не растворяясь, не разжигаясь от страшного удара. Они даже не изменили шарообразной формы. Одно было ошетинено протуберанцами, протуберанцы показались мне огненными змеями на голове какого-то космического арана. Другое летело в короне, в светлом венце, в призрачно-нежном гало. И ни один протуберанец не изменился, когда солнце проносилось сквозь солнце, они так же прихотливо извивались, исторгались, вспыхивали, тускнели. И гало второго солнца лишь немного потускнело от яркости первого светила, но не исчезло, не истерлось, оно было такое же нежное, такое же призрачно-светлое.

Солнце прошло сквозь солнце, и теперь они разбегались. Столкновение совершилось — и его не было. Взрыв, неизбежный, неотвратимый, не произошел. Мы были в царстве фантомов. Не было другой реальности, кроме судорог и боли в каждой клетке и жилке!

Я кинулся к Олегу. Он с трудом просипел:

— К Эллону! Об Ольге и Осиме я позабочусь.

Я выскочил в коридор и упал. Ноги меня не слушались. Я не мог заставить их двигаться последовательно. Они начинали движение одновременно, я заносил вперед левую, тут же поднималась и правая. Так я несколько раз падал, прежде чем сообразил, что шагать уже не могу, а способен только перепархивать, как демиурги. Я запрыгал к лаборатории обеими ногами, но еще не дошел до нее, как восстановилась нормальная походка.

Лаборатория выглядела как после землетрясения. Двигущиеся механизмы сорвались со своих мест, только стенды покоились, где их поставили. Эллон распластался около генератора метрики и судорожно дергал руками и ногами. Около на коленях стояла Ирина, с плачем звала его, тормозила и целовала. Она повернула ко мне залитое слезами лицо.

— Помогите! Он умрет! Я этого не переживу!

Общими усилиями мы подняли Эллона и усадили в кресло. Ирина опять опустилась на колени:

— Ты жив! Ты жив! Я люблю тебя! Ты мой единственный!

Эллон с усилием поднял веки. У него были мутные глаза.

— Ирина, — простонал он. — Ирина, я жив?

Она целовала его еще страстней.

— Да, да, да! Ты жив, и я люблю тебя! Обними меня, Эллон!

Он приподнялся. Он с трудом стоял на ногах.

— Обними! — требовала Ирина, прижимаясь к нему. — Обними, Эллон!

На этот раз он посмотрел на нее осмысленным взглядом.

— Обними? — повторил он с недоумением. — Тебя обнять? Зачем?

Закрыв лицо ладонями, она зарыдала. Я взял ее под руку.

— Ирина, Эллон не может тебя понять.

Она вырвалась.

— Что вам надо от меня? Вы злой человек! Вы сами никого не понимаете!

— Не до тебя, Ирина! Прекрати истерику! Эллон, что произошло? Ты включил генератор метрики?

Он говорил еще с трудом:

— Адмирал, я не успел ничего сделать. Меня вдруг стало крутить и бросило на пол. — Он с прежним недоумением посмотрел на Ирину. — Что с тобой? Ты что-нибудь повредила?

Она сумела взять себя в руки, даже улыбнулась, только голос ее был нетверд.

— У меня все в порядке, Эллон. Я буду прибирать лабораторию.

Она отошла. Эллон повторил, что упал в момент, когда собирался запустить в улитку оба корабля. Я вспомнил, что ничего не знаю о Мери, и послал вызов. Мери чувствовала себя неважно, но постепенно отходила. Приступ боли застал ее, когда она собиралась в свою лабораторию, она сумела дотащиться до кровати.

— Не тревожься обо мне, Эли. Занимайся делами.

Теперь надо было спешить в рубку. В ней все было без изменений. Я в изнеможении прислонился к стене. Меня поддержал Граций. Галакт был бледен, но на ногах тверд. Я пробормотал через силу:

— Голос, Граций, какие это были чудовищные фантомы!

До меня как бы издалека донесся Голос:

— Эли, то не были фантомы. Солнце неслось на солнце не в мираже, а в действительности.

— И они столкнулись? И не произошло взрыва? И солнце прошло сквозь солнце? Граций, ты что-нибудь понимаешь? Мы попали в мир, где отменены законы физики! Даже тяготение упразднено!

Граций выглядел не менее растерянным, чем я. Голос продолжал:

— Во мне внезапно разорвалась цепь времени. Я был в прошлом и будущем одновременно, но не было настоящего. Меня выбросили из моего “сейчас”. Это была ужасная мука, Эли. Время во мне как бы кровоточило. И из прошлого я не мог воздействовать на будущее, ибо не было “сейчас”, через которое шли все воздействия.

У меня раскалывалась голова от неспособности что-либо понять. В ту минуту я был способен только на простые действия — кого-то спасти, с кем-то драться, на кого-то кричать...

— Голос, я спрашиваю тебя о столкнувшихся солнцах, а не о твоём самочувствии!

— Не было столкновения, Эли! Между летящими светилами разорвалась связующая их нить времени. В этот разрыв угодили и мы, и наше время разорвалось тоже... Солнце налетело на солнце не в их “сейчас”. Вероятно, одно пребывало в прошлом, а другое вынеслось в будущее. Они лишь пронеслись через место столкновения, но в разных временах — вот почему не было взрыва.

Хоть и с усилием, но я начал понимать.

— Ты говоришь чудовищные вещи, Голос. Я способен допустить, что Юлий Цезарь и Атилла ходили по одной земле, ставили ногу на одни камни, но не могли столкнуться, потому что их разделяли века. Но чтобы само время разорвалось!..

— Это единственное объяснение.

Я возвратился в командирский зал. Олег и Осима чувствовали себя слабыми, но двигались без усилий. Осима снова вел “Козерог”.

С подавленным чувством смотрели мы вскоре на вычисленный машинами итог. Даже в горячечном бреде нельзя было заранее вообразить себе то, что казалось таким простым на ленте расчетов. Звезды реально неслись одна на другую, но в миг, когда взаимное их тяготение достигло какого-то граничного предела, у них нарушилось течение времени. Время разорвалось, перестало быть синхронным. Разрыв составлял микромикросекунды для микрочастиц, секунды для нас, тысячелетия для солнц. Эти вневременные секунды едва не прикончили нас — еще надо будет разбираться, почему мы уцелели. И почему нормальное время одинаково для любых частиц и космических масс, а вели-

чина разрыва его так зависит от массы, мне тоже неясно. Но для микрочастиц было достаточно и микромикросекунд, чтобы не столкнуться в одновременности. А для светил сдвиг во времени в тысячелетия гарантировал свободный проход через то место, где они, не будь такого сдвига, столкнулись бы и взорвались. Все было ясно. Это была непостижимая ясность.

Вечером к нам с Мери заглянул Ромеро. Он чувствовал себя не лучше других. Он сказал, что только на Мизаре не сказался разрыв времени, пес бодр. Гиг тоже почти не сдал, а Труб заболел. Ромеро назвал происшествие драмой в древнем стиле. Писатели старых эпох охотно живописали ужасы, возникавшие от расстройств течения времени. Он называл много имен, среди них я запомнил Гамлета и Агасфера, Мельмота и какого-то Янки у короля Артура. Исторические изыскания Ромеро меня мало тронули. Разрыв психологического времени — а только о нем шла речь у древних — приводил к страданиям души. Мы же столкнулись с физической аварией времени — и от нее трещали наши кости и поскрипывал сверхпрочный корпус корабля!

— Почему ты такой хмурый? — спросила Мери, когда Ромеро, легко постукивая по полу тростью, удалился к себе. — Ведь все окончилось благополучно.

— Благополучно окончилось только начало. А каково продолжение? Я со страхом жду завтрашнего дня.

Завтрашний день прошел благополучно. И еще несколько дней минули без происшествий, если не считать происшествием зрелище беспорядочно снующих светил. А затем опять зазвучала Большая тревога, и каждый поспешил на свое боевое место. На экранах обрисовалась знакомая картина: звездный рой вокруг — и вдруг все звезды посыпались на нас. Осима испуганно закричал, что это тот же звездный рой, где мы уже побывали. Олег потребовал от Голоса справки. Голос передал, что звездное окружение — то самое!

— Мы мчимся в наше прошлое! — Олег, побледнев, впился глазами в горошинки, быстро выраставшие в солнца.

— Мы мчимся в наше будущее, — поправила Ольга. — Но это будущее уже было в прошлом.

Я переводил взгляд с нее на Олега, с Олега на Осиму. Я отчетливо ощущал, как во мне ум заходит за разум. Полет в будущее, которое является прошлым, означал, что мы угодили в такое искривление времени, где нет ни начала, ни конца и где ка-

ждое мгновение является одновременно и прошлым и будущим. До сих пор похожие ситуации служили темой фантастических романов, но никто и не подозревал, что завихрение времени может обнаружиться реально.

— Мы в конце времени, Олег, — сказал я. — И, судя по тому, что прошлое настало очень быстро, диаметр кольца невелик. Мы будем теперь безостановочно гоняться за собой, как пес за собственным хвостом. Твои намерения, Олег?

Олег не потерял решительности.

— Постараемся не попадать в то будущее, которое является нашим прошлым. Эллон, готовить включение генераторов метрики! Голос, дать команду на включение до повторного разрыва времени!

Теперь оставалось только ждать. Снова обжигающе засверкали на экранах сто разрастающихся солнц. Снова два бешеных светила вырвались из роя и иступленно понеслись одно на другое. Я весь сжался, готовясь к новому удару по нервам и по тканям, которого на этот раз, может быть, и не перенес бы. Но летящие одно на другое солнца стали тускнеть и закатываться. И больше не было компактного звездного роя, была прежняя звездная сумятица и толкотня — может быть, лишь немного погуще и посумасбродней.

Мы вырвались из опасного промежутка между сшибающимися светилами в обычную звездную сутолоку ядра.

— Разрыв времени был не просто разрывом, — с облегчением сказала Ольга. — Он еще означал и выброс в прошлое. Ведь только из прошлого мы могли мчаться в будущее, которое уже было.

Я переадресовал ее соображения Голосу. Тот первый открыл разрыв времени. Они могли поспорить в досталь и выдать что-либо важное. Меня больше беспокоило, что скольжение по гравитационной улитке не выбросило нас за пределы ядра, а подтолкнуло вглубь. Этот факт мне показался тревожным.

8

Трубу было совсем плохо, мы с Мери посетили его.

Старый ангел лежал на мягкой софе, свесив на пол огромные крылья. Лицо Труба, постаревшее, морщинистое, было серым, как его сивые бакенбарды. По привычке он расчесывал их кривыми когтями, но так медленно, так слабо, что Мери не удержи-

лась от слез. Ангелу прописали все виды лечения и все роды лекарств, но было ясно, что дни его сочтены. Он и сам знал, что смерть приближается.

— Эли, разрыв времени не по мне, — шептал он горестно. — Ангелы не могут существовать одновременно в разных временах. Ты ведь знаешь, адмирал, у нас дьявольски крепкий организм, мы способны вынести любую физическую нагрузку. Но разновременность нам противопоказанна. Мы принципиальные одновременники. Все остальное для нас — катастрофа.

Мери утешала Труба, я не мог. Женщины, не раз замечено, готовы восстать против очевиднейшей очевидности, если она противна их чувству. Я молча слушал, как она убеждает ангела, что курс лечения не закончен, а когда закончится, Труб не встанет, а взлетит с постели. Возможно, она и сама верила своим уверениям. Труб не верил, но смотрел на нее с благодарностью. Вошел Ромеро и шепотом спросил, о чем я думаю. Я думал о том, что разрыв времени почти не отразился на мертвых предметах, а на всех живых, кроме Мизара, отозвался тяжкими потрясениями. Ромеро погладил Мизара, прилегшего у его ног. Умная собака не сводила глаз с Труба. Она слышала, что я сказал о ней, но не откликнулась. Хотя благодаря стараниям Лусина она отлично разбирала человеческую речь, сама она по своей собачьей деликатности не вмешивалась в разговоры.

— Вы указали на важный факт, Эли. Вероятно, сдвиг времени по фазе, или разрыв его, как считает Голос, был в нашем корабельном мирке таким крохотным, что предметы и отреагировать на него не успели. За период в одну-две секунды ничего ведь практически не меняется в мире вещей. Но для живой клетки, особенно нервной, несуществование в течение секунды уже подобно крохотной смерти. В дальнейшем нам придется считаться с этим фактом.

— Хуже всех пришлось Трубу. — Я, как и Ромеро, говорил шепотом. — Удар по нервным клеткам привел к тяжелой болезни. Страдания души породили муки тела.

— Труб, кажется, чувствует себя лучше. Смотрите, Эли, он задвигался!

Но то было не оживление, а агония. Тело Труба свела судорога. Он приподнялся, тяжело забил крыльями. Он пытался что-то сказать, но вместо речи из горла вырвался смутный клекот. Я опустился на колени у ложа, прижался головой к огромной во-

лосатой груди, несколько минут слышал, как нервно, гулкими ударами, билось сердце, и как удары слабели, и как на каком-то ударе, лишь едва-едва стукнув, сердце вдруг замолкло. А тело старика и после того, как выключилось сердце, еще дергалось и шевелилось — и, медленно окаменевая, вытянулось на ложе. Крылья снова бессильно упали на пол. Труба больше не было.

— Все, Мери! — сказал я, поднимаясь. — Все, все! Еще один друг ушел. Чья теперь очередь?

Мери плакала. Ромеро молча стоял у ложа, слезы текли по его щекам. Я с грустной нежностью вдруг увидел, что неизменная его трость теперь нужна ему не только для подражания древним, а чтобы не пошатываться. Гиг стал рядом с Ромеро и торжественно и скорбно загремел костями. Вечно будет звучать в моих ушах похоронный грохот его костей.

Еще один прозрачный саркофаг добавился в консерваторе.

Эту ночь я не спал — и последующие ночи не спал. Ромеро говорит, что в старину бессонница была распространеннейшей болезнью и люди глотали разные лекарства от нее. Но мало ли каких болезней не бывало в древности! Болезни — одно из тех наследий, которое мы не перетащили в свой век. Мне всегда казалось чудовищным, что люди не могут уснуть, когда надо спать, тем более, когда еще и хочется спать! Я останавливаюсь на поразившей меня бессоннице не для того, чтобы живописать свои страдания. Я перенес смерть Веры и Астра, гибель Аллана, Леонида, Лусина — это все были не меньшие потери, чем уход в небытие Труба. Я не спал оттого, что не мог справиться с мыслями. В часы дежурств и встреч слишком многое мешало сосредоточиться. Для размышлений мне нужно одиночество. И я вставал, когда Мери засыпала, и шел в свою комнату, и смотрел на маленький звездный экран — на нем был все тот же жуткий пейзаж осатанело летящих одно на другое светил, дикая звездная буря, какой-то давным-давно грохнувший на всю Вселенную и с той поры непрерывно продолжающийся звездный взрыв. И я думал о том, что бы мог означать такой звездный хаос, такое чудовищное отсутствие даже намека на порядок, не говоря уже о величественной гармонии звездных сфер? Ольга бросила фразу: “Ядро кипит”. Фраза не выходила у меня из головы. Что заставляет ядро кипеть и расшвыриваться звездами, как брызгами? Какой нужен страшный перегрев, чтобы заставить гигантские светила метаться, как молекулы в автоклаве? Не

меняет ли перегрев ядра свойства пространства? Вот уж о чем мы мало еще знаем — о пространстве! Оно не пустоеместилище материальных предметов, ибо превращается в вещество и вещество становится пространством. Но что еще мы постигли в нем, кроме такой простейшей истины? Пространство — самая тайная из тайн природы, самая загадочная из ее загадок! А время? Не перегрето ли здесь и время? Мы привыкли к спокойному, ровному, одномерному времени нашей спокойной, уравновешенной звездной периферии — что мы знаем о том, каким еще оно может быть? Тот, кто видит океан в штиль, может ли представить себе, каким океан становится в бурю? “Здесь время рыхлое, оно разрывается, здесь время больное, рак времени!” — разве не твердил о том предатель Оан? Пустая ли то угроза или предупреждение? И разве не оправдалась его угроза, если то была угроза? Время разрывается, прошлое не смыкается с будущим через настоящее — каждая клетка нашего тела о том вопила! Бедный Труб — жертва разрыва времени! А если бы оно не разорвалось? Все бы мы тогда стали жертвой катастрофы: и звездолеты, и сами звезды. Какой исполинский взрыв потряс бы ядро, взорвись внутри него эта сотня светил! В ядре миллиарды их, но разве тонна атомной взрывчатки не сворачивает миллиардотонные горы?

— Пстой! — сказал я себе. — Пстой, Эли! Это же очевидно — разрыв времени предотвратил взрыв доброй сотни светил! Когда атом летит на атом, молекула на молекулу, их предохраняет от столкновений электрическое отталкивание, их отшвыривает электрическая несовместимость. Благодаря этому мы и существуем — предметы, организмы, произведения искусства: крохотные ядра наших атомов не могут столкнуться лоб в лоб. А здесь, в этом большом ядре? Здесь нет электрических сил, отшвыривающих звезды одну от другой. Зато есть ньютоновское притяжение, толкающее их друг на друга в суматошливой, дикой беготне. Ах, Ньютон, Ньютон, древний мудрец, ты же за проектировал неизбежную гибель для всей Вселенной! И гибель не совершается лишь потому, что действует другой закон, более могущественный, чем твое всемирное тяготение, чем электрическое притяжение и отталкивание, чем даже искривление метрики демиургов — искривление и разрывы времени! Вот она, гарантия устойчивости ядра! Подвижность твоего времени, ядро, весь мир спасает! Нет, это не болезнь, это мощный физи-

ческий процесс: дисгармония времени обеспечивает устойчивость ядра! Несовместимость одновременности, взаимоотталкивание времени! Но Труб прав — это не для нас, это решительно не для нас!

Так я размышлял, то логично, то путано, то холодно выстраивал цепь причин и следствий, то страстно восставал против них. И во мне зрело убеждение, что надо скорее убираться из ядра, пока мы не погибли. Да, правильно, большинство звезд Галактики сосредоточено в ядре. Но жизнь здесь невозможна. Жизнь — явление периферийное. “Нет!” — говорит нам ядро, ответ убедителен. Что же, и “нет” тоже ценный результат экспедиции, не ждали ведь мы, чтобы нас всюду встречало одно “да, да, да”. Запрет соваться в адское пекло не менее важен, чем приглашение царствовать в новооткрытом раю. Пора убираться из звездного ада! Пора убираться!

Именно такими словами я и внес на совете капитанов предложение закончить экспедицию в ядро.

Мы начали готовить возвращение в родные звездные края.

9

В одном мы все были согласны: ядро Галактики — гигантская адская печь, пекло вещества, пространства и времени. Почти без возражений приняли и мою гипотезу: разрыв времени гарантирует устойчивость ядра, гармония ядра — во взаимоотталкивании одновременностей! Один Ромеро заколебался.

— О, я понимаю, дорогой адмирал, иначе вы и не могли бы объяснить парадоксы ядра. Если будет предложено два решения любой загадки, одно тривиальное, другое диковинное, вы выберете второе. Такова ваша натура. У вас вызывает удивление, только если нет ничего удивительного.

— Не понимаю ваших возражений, Павел, — сказал я раздраженно. Разговор происходил после того, как Ромеро вместе с другими проголосовал за мое предложение.

— Ваша гипотеза, что убийственный закон тяготения Ньютона ведет мир к гибели...

— Не убийственный, а порождающий неустойчивость в больших скоплениях масс.

— Да, да, неустойчивость! Все это остроумно, не буду отрицать, мой проницательный друг. Разрыв одновременности, даже сдвиг времени по фазе, безусловно, гарантирует устойчивость

ядра, если такой разрыв будет возникать в нужном месте и в нужный момент. Две руки не сомкнутся в рукопожатии, если одна протянута раньше, другая позже. Но видите ли, мудрый Эли, вряд ли уместно решать одну загадку путем выдумывания другой, куда более темной.

— По-вашему, я выдумываю разрыв времени? Не скажете ли тогда, Павел, какая причина швырнула вас недавно на пол и заставила потерять сознание?

— Разрыва времени я не отрицаю. И что валялся на полу — правда. Факты — упрямая вещь, — так говорили предки. Но вы ведь создаете новую теорию, а не только описываете факты. Если я правильно понял, вы устанавливаете новый и самый грандиозный закон Вселенной: устойчивость основной массы вещества в Галактике гарантируется неустойчивостью времени. Сохранение звездного мира определено несохранением времени. По-вашему, однолинейное течение времени есть своего рода вырождение его в звездных перифериях. И мы, пользующиеся спокойным временем, зачислены в звездные провинциалы.

— Вас это оскорбляет, Павел? В так любимой вами старине считали Землю центром Вселенной, а человека — венцом творения. Вы тоже придерживаетесь такого представления о мире?

— Осмелюсь заметить, адмирал: вы считаете меня большим глупцом, чем я есть. Но не могу не признаться: мне как-то обидно, что сама жизнь порождена тем, что время в районах жизнетворения выродилось в однолинейность, что жизнь есть в некотором роде вырождение материи. Если не человека, то жизнь как таковую я всегда считал венцом развития материи. Такое разочарование...

— Церковные деятели, разочарованные тем, что Земля — не центр Вселенной, сожгли Джордано Бруно, проповедовавшего эти неприятные истины. Как вы собираетесь со мной расправиться, Павел?

— Вы завершаете спор такими многотонными аргументами, что их тяжесть придавливает, великолепный Эли. Нет, я не буду сжигать вас на костре.

Ромеро приветственно приподнял трость и удалился, обиженный. А я все больше укреплялся в мысли, что закон всемирного тяготения равнозначен предсказанию гибели Вселенной. Мы рассматривали его как гаранта звездной гармонии лишь потому, что узнали его в дальних районах Галактики, в

“вырожденных” районах, как обругал нашу звездную родину Ромеро. Здесь, в кипящем аду ядра, он был зловещим стимулом к всеобщему взрыву. Что может сделать тяготение, мы видели на примерах коллапсаров, превращающихся из мощных светил в “черные дырки”. Я не просто критиковал закон всемирного тяготения, я опасался его, начинал его ненавидеть!

Смешно ненавидеть слепые законы природы. Но тяготение в моих глазах становилось ликом смерти любой материи, не одной высокоорганизованной жизни. И лишь то, что противоречило этому страшному закону, гарантировало существование мира — электрические и магнитные несовместимости в атомном мире, большие расстояния между звездами в космосе, а здесь, в ядре, и открытая нами несовместимость одновременности. Тяготение — вырождение материи, ее проклятие, твердил я себе. Всеобщая борьба против тяготения — вот единственное, что сохраняет Вселенную!

Голос и Эллон без спора поддержали меня. Не так уж много было случаев, когда самолюбивый демиург и широкомыслящий Мозг сходились в едином понимании. Особенно важна была поддержка Эллона — на него легла разработка способа выскользывания из ядра, куда нас затягивало все дальше.

— Адмирал, я не знаю, почему моя улитка срабатывает в одну сторону, — объявил он однажды. — По расчету, звездолеты должно вынести наружу, а их поворачивает обратно.

Я сидел в лаборатории. В стороне, повернувшись спиной, молча работала Ирина. Она не простила мне, что я видел ее слезы и отчаяние. Эллону она простила непонимание ее чувств, а мне не хотела прощать, что я невольно стал их свидетелем. Она отворачивалась, когда я появлялся в лаборатории, отвечала холодно. Я говорил с Эллоном о важнейших вещах, все наше существование зависело от того, найдем ли мы правильное решение загадок, а меня жгло желание оставить поиски, подойти к ней, грубо рвануть за плечо, грубо крикнуть: “Дура, я-то при чем?”

— Итак, выхода ты не видишь, Эллон?

— Здесь странное пространство, адмирал. Я его не понимаю. — Он помолчал, преодолевая неприязнь, и добавил: — Посоветуйся с Мозгом, он когда-то разбирался в свойствах пространства.

Я оценил усилие, какое понадобилось Эллиону для такого признания. Голосу, придя к нему, я сказал:

— Ты согласился, что надо бежать отсюда. Вывод звездолетов при помощи генераторов метрики не получается. Может, вырваться на сверхсветовых скоростях, аннигилируя пространство? Твое мнение?

— Отрицательное! — прозвучал ответ. — Неевклидовы искривления, которыми я закрывал путь звездолетам в Персее, в сотни раз слабее здешних. И еще одно, Эли: там пространство пассивно, оно легко укладывается в заданную метрику. Здесь его рвут бури, в нем возникают вихри метрики, и избави нас судьба угодить в такой вихрь!

— А наш испытанный метод аннигиляции планет?

— Погибло две трети эскадры, когда применили его.

— Там были рамиры. Им почему-то не захотелось, чтобы мы нарушали равновесие в Гибнущих мирах. А здесь рамиров не обнаружено. Сомневаюсь, чтобы разумная цивилизация могла существовать в этом звездном аду.

— Можно попробовать и планетку, Эли.

Но планет в ядре не было. Среди миллионов промчавшихся на экранах звезд не попалось ни одной домовито устроенной. Здесь даже не было правильных созвездий, простых двойных и тройных светил: звезды мчались дикими шатунами. Это не значит, что отсутствовали сгущения. Сгущений попадалось много. Но после того, как мы еле выбрались, потеряв Труба, из одного такого сгущения, нам не хотелось соваться еще в одну дьявольскую печь, где плавилось время. Но только в таких скоплениях можно было надеяться подобрать планетку.

Одно сгущение звезд мчалось неподалеку — гигантский, почти сферический звездоворот. В нем дико кружились светила, рассеивая пыль, как грибные споры, и истекая водородом. Голос предупредил, что внутри звездного вихря бушует то, что можно бы назвать “метриковоротом” — чудовищные завихрения пространства.

По расчету МУМ, звездный вихрь был неустойчив. Он должен после возникновения расплыть себя в исполинском взрыве примерно через тысячу лет. И в то же время не было сомнения, что звездоворот существует уже миллионы лет. Здесь снова был тот же парадокс, и даже Ромеро стал склоняться к мысли, что одновременность существования звездоворота наблюдается

лишь извне, а внутри него одновременности нет. В частном времени каждого светила, может быть, и самого звездного роя нет.

Осима сказал Олегу:

— Адмирал, не отвернуть ли нам назад? Я бы не хотел, чтобы одна моя нога очутилась в прошлом, другая в будущем, а сердце билось лишь тысячу лет назад или тысячу лет впоследствии, — не знаю, что хуже! Я не вмещу в себе такой бездны времен.

Олег приказал отходить от опасного скопления. На “Козерог” прибыл для очередного совещания капитанов Камагин. Олег доложил, что простых выходов наружу не существует.

— А непростых? — спросил Камагин.

Непростых выходов тоже не существовало. В ядре планет не нашли, а аннигиляция звезд не по зубам.

— Значит, погибать? — снова спросил Камагин.

Вопрос был неуместен. Олег для того и собрал капитанов, чтобы искать избавления от катастрофы.

— Я хочу сегодня исправить ошибку, которую совершил больше двадцати лет назад, — сказал Камагин. — Тогда адмирал Эли приказал уничтожить два звездолета, чтобы третий вырвался на свободу. Я протестовал. Теперь предлагаю такую же операцию. Для уничтожения можно взять мой “Змееносец”.

— Та попытка закончилась неудачей, — напомнила Ольга.

Камагин возразил, что в Персее мы воевали, враги противодействовали нам во всем. Здесь врагов нет. Мы сами попали сюда как разведчики, и вывод наш непреложен: живым существам в ядро соваться не следует, как не следует купаться в кипящей смоле.

— Я согласен с Эли, что жизнь и разум — явления в Галактике периферийные. И делаю вывод: разумного противодействия не будет, а со слепой стихией мы справимся.

— Твое мнение, Эли? — спросил Олег.

Я не мог поддержать Камагина, не мог опровергнуть его. Мне стыдно, но не могу не признаться: мной овладела нерешительность.

— У меня нет определенного мнения, — сказал я.

Уже после совещания, принявшего проект Камагина, я поделился сомнениями с Эллоном. Эллон считал, что прорыв не удастся, звездолет слишком мал для создания свободного тунне-

ля наружу. И неизвестно, будет ли туннель свободен, — с таким пространством, как здесь, аннигиляцией вещества не совладать.

— Не торопись, Эли. Скоро я пущу коллапсан на полную мощность, и тогда мы выскользнем наружу в новой гравитационно-временной улитке. Атомное время я уже меняю свободно. Посмотри сам.

На лабораторном экране, подключенном к коллапсану, я увидел, как нейтрон налетал на протон, ергон пронизывал ергон, ротонны сшибали все остальные частицы. По законам физики, столкновения должны были порождать аннигиляции или трансформации частиц. Ничего похожего не происходило. Столкновения совершались в нашем суммарном времени, а не в частном времени частиц. В их времени не было реального столкновения, не могло быть взрывов и аннигиляций.

— Отличный механизм, не правда ли? Убедился, Эли, что мне удалось воссоздать те чудовищные реакции, которые кипят в звездном котле ядра?

— У тебя атомы, Эллон, а здесь — звезды! Мы не атомы, мы, к сожалению, не атомы — даже по сравнению со звездами!

— От атомов я вскоре перейду к макротелам. Говорю тебе, адмирал, не торопись! Нас ведь никто не собирается немедленно уничтожать.

Обещание связать гравитационную улитку с коллапсаном я слышал от Эллона и раньше. И хотя ему удалось овладеть атомным временем, от атомов до тел макромира, что бы он ни твердил, дистанция была огромная. Я посоветовался с Голосом. Голос считал проект Камагина единственной возможностью выскользнуть наружу. Надо лишь подобрать участок пассивного пространства. Подыскивать участок будет он. Он ощущает пространство. Пространство — это он сам, такое у него ощущение. У него мутится в мыслях, когда оно свирепо закручено, он мыслит стремительно, яркими всплесками решений, когда оно меняет свою структуру. И как ему отрадно, когда напряжение ослабевает!

— Мы будем ждать твоего сигнала, Голос! — сказал я.

И вот началась последняя эвакуация звездолета в нашей экспедиции к ядру. Я сказал "последняя", потому что "Змееносец" был последним кораблем, который еще можно было эвакуировать. Эвакуацией командовал Камагин — энергично, даже весело: он верил, что жертвой своего корабля спасет всех. Меня же

мучило сомнение. Неудачи преследовали нас за неудачами. Флот практически погиб, уцелевшие астронавты — пленники непредставимо дикого мира, где миллиарды светил балансируют на лезвии бритвы, а по обе стороны от лезвия — бездна всеобщего уничтожения!

Чтобы выразить вслух эти чувства, не пугая друзей, я спустился в консерватор.

— Убийца! — говорил я соглядатаю рамиров. — Все несчастья начались со знакомства с тобой. Ты предавал деградирующих аранов, ты попытался предать и нас. Лусин заплатил жизнью за твое лживое прислуживание нам, Петри и его экипаж — вот следующая цена твоих доносов. Я не знаю, зачем твои господам понадобилось поддерживать убийственные условия на Арании, зачем вы определили себе эту грязную профессию — быть Жестокими богами? Но зато я знаю теперь, что никакие вы не боги, никакая не высшая сила, тем более и не высокая, какой полагалось бы быть мало-мальски приличному божеству, если бы оно реально существовало. Вы только жестокие, но не высокие, вы только могучие, но не всемогущие, только сильные, но не всеильные. “Эти недоучки рамиры!” — презрительно сказал Эллон. Правильно, недоучки! Как ты пугался трансформации времени в ядре, Оан! Больное, рыхлое, рак! А оно не больное, оно лишь меняющееся, стремительно меняющееся, удивительно упругое, превращающее при сближении одновременность взрывом в разновременность. И этот взрыв времени предохраняет ядро, куда вы и сунуться боитесь, от другого взрыва — взрыва вещества. Знали ли вы это? Могли ли постичь?

Я замолчал, отдыхая. Я многое дал бы, чтобы оживить лжеарана и, ожившему, бросить страшные обвинения. Он недвижно висел передо мной. И все три глаза были мертвы — нижние, обыкновенные, умевшие только всматриваться, и верхний, грозный, проникавший в чужую мысль... Оан не мог слышать, не мог ответить. Он был мертв. Он успел уйти от наказания. Уход из жизни ему удался. Но не из мира! Вечно будет труп предателя висеть в прозрачной теснице демиургов!

Отдохнув, я продолжал:

— Нет, вы не могли не знать об ужасной роли мирового тяготения в том кипящем котле из звезд, который мы называем ядром, и о спасительной роли так легко рвущегося здесь време-

ни. Вы сами хотели овладеть искусством поворота времени. Разве не для этого ты нырнул в бездну коллапсара? Глупец! Ты ринулся в ад, чтобы овладеть адскими силами, — так это тебе, вероятно, самому вообразалось. Вот он, коллапсар, — на нашем стенде! Все, что ты искал в антивзрыве звезды, мы создаем в лаборатории. Мы еще не властны над макровременем светил, но атомное время уже разрываем, изгибаем, замедляем, убыстряем — как нам угодно! Мы уходим из ядра, изменник. Но мы еще вернемся — и тогда, Жестокие, вряд ли вам удастся доказать, что ваша сила равна вашей жестокости!

10

А затем произошло то, что, как я сейчас понимаю, неизбежно должно было произойти.

Голос отлично чувствовал пространство; МУМ безошибочно рассчитывали скопление масс и указывали, как избежать больших звездных препятствий, как увильнуть от оголтело несущихся звездных шатунов; Осима артистически лавировал между скоплениями и звездами-одиночками; ему помогали Ольга и Камагин: ни один не уступал Осиме ни в опыте, ни в осторожной смелости. Все было подготовлено, все предусмотрено. Все, кроме одного. Мы были не единственной разумной силой в ядре. И мы не были хозяевами даже в том крохотном пространстве, какое вознамерились прорвать. Мы опрометчиво убедили себя, что придется преодолевать лишь слепую стихию природы. А против нас действовал враждебный разум! Мы вступили в борьбу, надеясь, что таинственных наших врагов и в помине нет. А они были — и нашей силе противопоставили свою. Сила сломила силу.

Голос предупредил, что приближаемся к пассивному участку пространства. Кругом в том же бешеном танце неслись бешеные светила. Олег приказал выводить “Змееносец” в конус аннигилирующего удара.

В командирском зале для меня стояло особое кресло, но я не пошел туда. Обсервационный зал сейчас был полон: команды всех трех звездолетов, свободные от вахт, сгрудились у больших экранов. Мери, Ромеро и я сели против малого экрана в моей комнате. И мы отчетливо разглядели, как совершилась новая катастрофа.

“Змееносец” летел впереди “Козерога”. Сам Камагин выводил свой звездолет под удар аннигиляторов флагманского корабля. По судовой трансляции разнеслась — приказы капитана транслировались во все помещения — быстрая команда Камагина:

— Отключаю блокировку аннигиляторов вещества. Цель в конусе ноль-ноль три. Начинаю отсчет: десять, девять, восемь, семь...

И в этот момент из мутной мглы, кипящей дикими звездами, вынесся знакомый луч, точно такой же, какой поразил “Телец”. Он миновал “Козерог”, ударил в “Змееносец”. Всеобщее ошеломление прервал истошный вопль Камагина:

— МУМ блокирована! Голос, Голос, есть ли связь с исполнительными механизмами? Голос, ответь!

Голос не отвечал. Мери схватилась за сердце. Ромеро, мертвенно побледнев, лепетал:

— Это рамиры, адмирал! Они в ядре! Они захватили нас в плен!

Подавленный, я не мог оторваться от экрана. МУМ не работала, аннигиляторы блокированы, а какая-то сила вывернула наш звездолет назад и положила на прежний курс — в ядро, в кипение его диких звезд.

Для бога все прекрасно, хорошо и справедливо;
Люди же считают одно справедливым, другое несправедливым.
Гераклит из Эфеса

К а с с а н д р а. Меня кружит пророчества безумный вихрь
И мучит боль предчувствий. О, беда! Беда!
П р е д в о д и т е л ь х о р а. О чужестранка, ты слывешь
провидицей.
Но прошлого предсказывать не нужно.
Эсхил

В родстве со всем, что есть, уверяюсь
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.
Б Пастернак

Часть четвертая ПОГОНЯ ЗА СОБСТВЕННОЙ ТЕНЬЮ

1

Уже в первые минуты после новой катастрофы меня ужаснула горестная догадка об истинной причине несчастья. Но она еще не завладела мной целиком: надо было спасти корабль, а потом доискиваться тайных причин беды. Я кинулся в командирский зал. Камагин и Олег остались живы, только были уже не командирами корабля, а, как и мы все, пассажирами неуправляемой галактической скорлупки. В лаборатории и Эллон, и Ирина были растеряны, но невредимы. Лаборатория могла продолжать свои изыскания, если бы восстановилось снабжение энергией. Эллон гневно упрекнул нас с Олегом:

— Не захотели меня послушать! Торопились, а ведь ничто не грозило, пока мы безрассудно не попытались бежать.

— Идем с нами, Эллон! — приказал Олег, и мы втроем поспешили к Голосу.

Голос звучал слабо, но внятно. Он испытал болезненный толчок, когда отключилась связь с МУМ. Враги нанесли удар по управлению боевыми механизмами, все остальное — производное.

— Это рамиры. Они в ядре. Они не хотят выпускать нас. Мы — их пленники.

Граций тоже пострадал. Когда рамиры заблокировали МУМ, Граций, потеряв сознание, рухнул на пол. От его величавой богоподобности мало что осталось. Бессмертный, он держался на ногах гораздо хуже, чем все мы, смертные. Галакты плохо выносят жизненные передряги: они позабыли в своих райских городах о лишениях.

— Надо осмотреть МУМ, — сказал Олег.

МУМ, внешне совершенно невредимая, не работала. Мы отключили мыслящую машину от исполнительных механизмов и анализаторов и перенесли в лабораторию. В лаборатории, как нам сгоряча показалось, она снова заработала, но то была обманчивая работа — цепи пропускали сигналы, но не было того целого, что и называлось Малой Универсальной Машиной.

— Мне кажется, ваша машина без сознания, — заметил Граций. — Она в нервном потрясении. Что можно ожидать от механизма, лишённого естественных тканей?

Эллон зло покосился на галакта. Я увел разговор от опасной темы искусственного и естественного. Если МУМ только в обмороке, то есть надежда вывести ее из него. Олег велел доставить в лабораторию две резервные МУМ — с “Овна” и “Змееносца”. Они были не в лучшем состоянии. Их всех поразило нервное потрясение. А машина с “Тарана” по-прежнему путала причины со следствиями.

— Граций, — сказал я галакту, — теперь на Голос и на тебя ложится тяжелейшая обязанность. Все механизмы опять, как в Гибнущих мирах, будут подключены непосредственно к вам. Тогда Голос справился, но тогда мы не были в ядре. Если вы не справитесь сейчас, нам всем крышка.

— Надеюсь, мы справимся. Но что значит новый термин “крышка”? Мне кажется, что он символизирует что-то плохое.

Я заверил галакта, что он точно истолковал выражение “всем нам крышка”.

МУМ “Козерога” стала показывать признаки жизни. Она словно бы приходила в себя после обморока. Подавленные, мы молча слушали ее ответы на сигналы. МУМ сошла с ума. Она вообразила себя девушкой, ускользнувшей из дому. На все электрические импульсы, подаваемые на вход, она отвечала горестными стихами.

Ах, любила меня мама, уважала
За то, что я скромная дочь.
А дочка с милым убежала
В одну непроглядную ночь, —

лепетала МУМ рыдающим нежным голоском.

Потом она стала называть себя Марусей и выдала такими же стихами, что Маруся отравилась и что ее повезли в больницу, а в больнице не спасли. Бред был не только нелеп, но и удивителен. В память машины конструкторы не заложили ни представлений о нехороших дочерях, убегающих от порядочных матерей, ни имени Маруся, ни больниц и уж, конечно, не обучали МУМ стихотворству. Все это она придумала сама, когда лишилась рассудка.

Безумие поразило и другие машины. МУМ “Змееносца” спрашивали: “Кто?”, она отвечала на “Куда”; ей говорили: “Дается восьмиградусный конус на восток, расстояние до двух светолет — высчитать число звезд третьей абсолютной величины”, она принималась решать химические уравнения; от нее требовали оценки доброкачественности излучения, подаваемого на ее вход, она взамен ответа, не грозит ли это излучение организму человека, выдавала решение интеграла Лебега или объявляла планетные законы Кеплера. А машина “Овна”, как и МУМ “Тарана”, потеряла способность связывать причину со следствием. Я ей задал нехитрую контрольную задачу: “Все люди смертны. Я человек. Следовательно, я..?” Она ответила тремя выводами на выбор: “Ты толстый в шестом измерении. Ты — гвоздь второго порядка, продифференцированный по логарифму грубости. Цветы запоздалые, цветы обветшалые в двухмерном интегральном уксусе”. А на вопрос Олега, чему равняется сто сорок три в кубе, она ответила с той же быстротой и тоже тремя разными ответами: “Иди к черту. Двадцать восемь тонн, запятая шестнадцать метров с ночной обильной росой. У быка рога, у планеты сорок четыре сантиметра в квадрате восьмой величины на чистой воде”. Почему-то МУМ “Овна” любой вопрос воспринимала троично, не говоря уже о том, что порола чушь.

У меня создалось убеждение, что с МУМ “Овна” и “Змееносца” можно повозиться, а машина “Козерога” безнадежна. У первых двух, сказал я, безумие не выходит за сферу их

специальности. Они потеряли рассудок, но остаются мыслящими агрегатами, только дурно мыслящими, неправильно, путано. А МУМ “Козерога” перестала быть машиной, она воображает себя девчонкой, к тому же несчастной и порочной. И она ударилась в стихоплетство! Сочинять стихи — можно ли вообразить большее безумие!

— Не думаю, чтобы Ромеро согласился с тобой, что сочинение стихов — высшая форма безумия, — заметил Олег.

— Я говорю о машинах, а не о людях. Люди часто увлекаются странными занятиями. У них свое понятие о безумии. Многим оно представлялось, особенно в старину, чем-то возвышенным. Разве не говорили: “Я без ума счастлив!” или: “Она безумно хороша собой!” Один древний физик утверждал, что в науке справедливы только безумные идеи. К сожалению, человеческое сознание не всегда подчиняется логике. Но машины всегда логичны, полезны, разумны — этим и отличаются от своих создателей.

Олега мое разъяснение устроило.

— Эллон, ты займешься восстановлением мыслящих машин, — сказал он. — Но это не должно отвлечь лабораторию от других работ. Как эксперименты с коллапсаном?

— Атомное время меняем свободно.

— Этого недостаточно. Ирина, иди к нам, — позвал Олег.

Я не раз замечал, что, когда появляются посторонние, Ирина отходит в сторону. Она без спешки приблизилась. Олег сказал с волнением, которое так редко показывал другим:

— Друзья мои, Ирина и Эллон. Боюсь, что мы не выведем звездолет из ядра, если не найдем физического процесса, позволяющего ускользнуть от враждебного наблюдения рамиров. Дайте мне возможность потерять хотя бы на время нашу одновременность с противниками. Возможно, в “раньше” их не было или в “потом” не будет, а в “сейчас” они есть и сильнее нас... Вы меня поняли, друзья?

Ирина только кивнула, Эллон сказал:

— Для экспериментов с макровременем мне нужен мертвый предмет и живое существо. Мертвых предметов много, а где я возьму живой организм?

— Возьми Мизара, — посоветовал я. — И раньше собаки использовались для экспериментов. Правда, Мизар — мысля-

щее животное, и вам надо разъяснить ему суть эксперимента и получить его согласие...

— Говори с Мизаром ты, — отвечал Эллон. — Животных демиурги не считают равноценными себе, как любите делать вы, люди.

— Ирина, возьми переговоры с Мизаром на себя! Ты прав, Эллон, человек и к животному относится по-человечески.

Сомневаюсь, чтобы Эллон понял мою отповедь. Я снова подошел к МУМ с “Козерога”.

— Знаешь ли ты меня? Слышишь ли?

Она в ответ пропела дребезжащим дискантом, совершенно непохожим на ее прежний уверенный баритон:

Стал Ваня лазить
В папину кассу.
Стал безобразить,
Красть денег массу!
Дин — дин — дон, дин — дин — дон,
Так звенят кандалы.
Так порой из — за баб
Погибают ослы.

Зрелище великолепной, еще недавно такой разумной машины, вдруг вообразившей себя живым существом и начисто спятившей на взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, было так грустно, что я едва удержался от слез.

2

Вечером ко мне пришел Ромеро. Он сел в кресло, зажал трость между ногами, уставился рассеянными глазами на экран. Там был все тот же пейзаж мирового ада — световорот осатанело несущихся светил. Я вдруг с жалостью ощутил то, на что раньше как-то не обращал внимания: Ромеро сдавал — он и сейчас не допускал и сединки в голове, усах и бородке, но морщины было не скрыть. И лицо, холеное, все такое же красивое, выглядело усталым. Я сказал почти шутливо:

— Интересное приключение, не правда ли, Павел?

Он долго глядел на меня большими, темными глазами, и я вдруг вспомнил, как Мери как-то сказала: “Павел такой стройный, такой изящный, такой воспитанный, у него самые красивые глаза, какие мне приходилось видеть у мужчин, и он ухажи-

вал за мной, Эли, а ты и не подумал ухаживать. А меня угораздило влюбиться в тебя, беспутный! Такая несправедливость!”

— Адмирал, у вас любовь к чудовищным парадоксам, — сказал он. — Трагедию назвать интересным приключением!

— Если вы вспоминаете Петри и товарищей...

— Я говорю о нас с вами, пронцательный Эли! Какая неправимая глупость! Как бабочка на огонь, влететь в кипящее ядро!.. Мотыльки в адской печи! Слабые мотыльки в жестоких руках врагов!..

— Дались вам мотыльки, Павел!

— Да, дались, — сказал он горько. — С того момента, как рамиры уничтожили “Змееносец”, я твержу про себя, что мы мотыльки, летящие на костер. И знаете, что я вам скажу? Это же самое словечко мне преподнесла МУМ нашего корабля.

— Вы были в лаборатории?

— Я оттуда. Я спросил, что она думает о разрывах времени в этом странном мире, называемом ядром Галактики. И она ответила... Как вы думаете, высокомуудрый друг, что она ответила?

— Что-нибудь пропела безумными стихами?

— Да, стихами, стихи были такие:

Как мотылек, всю жизнь поржал без дела.
Менял цветы на новые цветы.
Но если кто душой моей владела,
Так это ты! Так только ты!

— Пошловатый куплетик. Интересно разве то, что МУМ воображает себя уже не глупенькой девчонкой, а развязным фатом.

— Нет, мой глубокий друг, интересно другое. В моем мозгу звучало слово “мотылек”, и МУМ использовала именно его. Вам это ничего не говорит, Эли?

— Решительно ничего.

— Напрасно, адмирал. Впрочем, вы никогда не интересовались древними нравами — такова уж ваша натура. Но знаете ли вы, Эли, что моя дипломная работа в университете носила название “Сентиментальная поэзия городского мещанства конца девятнадцатого века”? И что в той работе приводились все стишки, которыми оперирует наша спятившая с ума МУМ?

— Вот это интересно.

— Рад, что вы подходите к сути. Удар рамиров привел к раздвоению личности нашей бедной свихнувшейся машины.

— Раздвоению времени, Павел.

— Да, вы правы, раздвоению времени. Она одновременно в двух эпохах. Физически она здесь, перед нами. А всеми ассоциациями — в прошлом. Мы все связаны с ней своими излучениями, я тоже, как вы знаете, закодирован в ней. Она, очевидно, и раньше воспринимала мои мозговые импульсы, мои знания, мои представления о прошлом, но в своей практической работе не могла ничего использовать из этого запаса. А сейчас, выброшенная назад, оперирует лишь знаниями о прошлом. Вы спрашивали, знает ли она вас, подсовывали ей уравнение Нгоро, но в прошлом, которое стало ее настоящим, не было вас, не существовало Нгоро. Безумие МУМ в том, что физически она “здесь” и “сейчас”, а интеллектуально “там” и “раньше”.

— У других МУМ другие формы безумия, Павел.

— Каждый сходит с ума по-своему, дорогой адмирал. Это относится не только к людям, но и к машинам.

— Ваша мысль, Павел, открывает любопытную возможность восстановления МУМ.

— Я предвижу другую возможность: все мы вскоре сойдем с ума.

И он вспомнил Оана с его больным временем. Перспектива, которой грозил предатель, осуществилась: мы в больном времени. В диком хаосе ядра нестабильность времени, возможно, гарантирует устойчивость физического существования светил, но для нашего гармонического организма она губительна. Крохотное выпадение момента, называемого “сейчас”, уже чуть не погубило нас. Мы заболели, еще пока не зная о том. Распад связи временного потока совершается теперь и в нас.

— Но МУМ уже сошли с ума, а мы пока не безумны. Если только не считать безумной вашу теорию, что время в нас тоже поражено...

— Мы организмы, а МУМ — механизм. Организм, вероятно, имеет внутренний стабилизатор времени. Не сомневаюсь, что природа, порождая жизнь, позаботилась и о защите жизни в таких катаклизмах, как нарушение одновременности. Она-то ведь лучше знает свои выверты, чем мы их. А мы и понятия не имели, что МУМ надо снабжать стабилизаторами времени. Но не переоценивайте и нашу крепость! Нарушения синхронности времени накапливаются в клетках. Когда они превзойдут пре-

дел прочности биологического стабилизатора, будет покончено и с нашим разумом.

— Постараемся до той поры выскользнуть из мест, где время нестабильно. Павел, давайте проверим на практике вашу гипотезу. Займитесь вместе с Эллоном и Ириной восстановлением наших МУМ.

Он с изумлением смотрел на меня.

— Вы насмехаетесь, Эли? Я — и ремонт приборов! Осмеюсь напомнить, я историк, а не инженер.

— Вот именно — историк! Это как раз и нужно. Если МУМ интеллектуально в прошлом, то лишь историк может вывести ее из прошлого в настоящее. Представьте себе, что вам дали в обучение человека, заснувшего шестьсот лет назад. Вы посадите его за парту и заставите заучить события, которые протекли с момента усыпления до момента пробуждения, — и он окажется в своем новом времени. Прodelайте что-нибудь подобное с застихотворившей МУМ. Вас не шокирует такое выражение?

— Вы никогда не отличались правильностью речи, Эли, я с этим примирился. Однако напомню, что “застихотворившая” МУМ одна, а у других сумасшествие иного сорта. Их тоже лечить уроками истории?

— Их будут лечить уроками логики. Причина предшествует следствию — в наши машины заложена такая схема. Разрыв времени нарушил ее. Думаю, мы найдем способ бороться с логическим безумием, если вы справитесь с безумием историческим.

Мне казалось, что я уже убедил его, но он вдруг, снова впад в отчаяние, поднял вверх трость и воскликнул с пафосом:

— Зачем все эти ремонты, лечения, восстановления?.. Мы попали в ад, из которого нет выхода. Где мы? В ядре Галактики? Сделайте простой расчет — нет никакого ядра! Ибо что-то единое может существовать только в едином времени, а его-то и нет! Мы нигде, ибо в разных местах одновременно! Я уже схожу с ума, в моем мозгу не укладывается одновременность разновременности и разновременность одновременности! Мне надо знать — “когда” мы в этом проклятом “где”. Можете ли вы меня понять? Муки Гамлета, ощутившего в душе разрыв связи времен, ничтожны сравнительно с моими, ибо время рвется во мне и в душе, и в теле, а кругом меня нет единого времени, и я даже не знаю, сидите ли вы сейчас против меня или вы в непо-

стижимом будущем, а на меня падает ваша тень оттуда, и я беседую с тенью, а сам не в звездолете, а где-то на Палатине, только что мирно поговорил с блистательным Юлием Цезарем, подрался с коварным Клодием и дал пощечину интригану Катилине и завтра ухожу с Цезарем в поход на Галлию, а дорогу мне вдруг пересек ваш силуэт из звездолета, ваш силуэт, Эли, из ужасного далека, из какого-то ядра Галактики, о котором я, древний друг древнего Цезаря, и понятия не имею!..

Мне нестерпимо захотелось ударить его. В безумие он еще не впал, но истерика началась. Он схватился руками за голову; сдавалось, вот-вот он будет рвать на себе волосы, вопить, остервенело вращать глазами. Я подошел к нему, сжав кулаки. Он медленно снял руки с головы.

— Вы хотите бить меня, адмирал? Бейте, я не буду защищаться. Раньше людей били. Иногда это помогало.

Только эти слова, сопровождаемые слабой улыбкой, и спасли его от затрешины. Я снова уселся и положил руки на колени, чтобы унять их злую дрожь. Я теперь понимал, что испытывали капитаны на кораблях, где команда выказывала непослушание. Истерика в обстановке повторяющихся катастроф вряд ли лучше бунта на паруснике.

— Павел, взываю к вашему разуму, к вашему светлому разуму, Павел! Вы обиделись, что я назвал трагедию интереснейшим приключением? Но разве сегодня мы — в некотором роде, только в некотором роде, — не счастливейшие из людей?

— Счастливейшие из людей? Эли, я уже говорил вам — устал я от ваших парадоксов...

Но я напомнил, что Олег с детства мечтал о путешествиях в ядро Галактики, самое таинственное и недоступное место Вселенной, и что он первый из галактических капитанов привел сюда звездолеты, и что он войдет в мировую историю как первооткрыватель ядра, — может ли он быть несчастным, даже если закончит свой век на десяток лет раньше? И что Ромеро, знаток древностей, специалист по сравнительной истории обществ, получил возможность узнать такие формы жизни, такие разумные цивилизации, о каких до него и не подозревали, — что же, и эти открытия зачислить в разряд несчастий? И что Ольга, Осима и Камагин всегда видели главный смысл своей жизни в том, чтобы вести могущественные корабли по неизведанным звездным трассам, — так разве не добились они цели

жизни, даже если придется расстаться с самой жизнью? И Голос, наш Главный Мозг, наш бывший Бродяга, он, что ли, несчастлив, он, изведавший все, что мог пожелать: и могущество мысли, и отраду буйного тела, и власть над просторами Вселенной? А галакт и демиурги? Разве каждый не осуществляет лучшее в себе, не претворяет в дело все, на что способен в мечте своей, в желании своем, в воле своей? Нет, подыщите другие определения! Несчастье, унылость, отчаяние, раскаяние, разочарование — не подходят! Даже если и выпадет нам трагический конец, доля наша завидна!

Он приподнялся, оперся на трость.

— Мой старый друг Эли! Я не хочу с вами спорить. Адмирал, я пойду выполнять ваше приказание о возврате МУМ из прошлого в настоящее.

Я прикрыл дверь, чтобы даже Мери не могла в эту минуту войти: ей тоже нельзя было видеть, что происходит со мной. А когда стук трости Ромеро перестал быть слышен в коридоре, я опустился на диван и схватил себя за голову, как только что Ромеро, и застонал от отчаяния, от безысходности, от ужаса того конца, который предвидел. Истерика, предотвращенная у Ромеро, била и била меня самого, ибо у меня имелось куда больше причин впасть в нее. И я не мог просить ничьей помощи — еще не пришло время раскрывать тайну, надо было раньше подготовить спасение корабля.

3

Я попросил Эллона пристроить к трансформатору времени еще и стабилизатор, наподобие того, что создан природой в наших телах: я так уверовал в эту гипотезу Ромеро, что оперировал ею как фактом. Эллон зло сверкнул глазами.

— Адмирал, не лезь в дела, которых не понимаешь! Трансформатор, стабилизатор! А что мы делаем, по-твоему? Я создаю универсальную машину времени, заруби это себе на носу, адмирал!

При этом он возбужденно прыгал передо мной и яростно размахивал руками. Я знал, что Эллон плохо воспитан, если оценивать воспитание человеческими мерками, и что он, изучая человеческий язык, с особой охотой запоминал ругательные словечки. Но он толковал их слишком буквально, он так свирепо поглядел на мой нос, что у меня возникло опасение, не хочет

ли он и вправду рубануть по нему. Я отнес его возбуждение к тому, что даже не знающие отдыха демиурги переутомились: сомневаюсь, чтобы после катастрофы со "Змееносцем" Эллон отдыхал хотя бы час. Что начинается предсказанное Ромеро безумие — мне и в голову прийти не могло.

Впервые я ощутил неладное, когда Мизара подвели к трансформатору времени. Это был огромный прозрачный шар на постаменте. Вокруг громоздились излучатели и отражатели, шар соединялся полрой трубой с коллапсаном, рядом были еще сооружения и механизмы, но их назначение мне осталось непонятным, и описывать их не буду.

Укажу лишь, что до эксперимента с Мизаром Эллон испытал несколько предметов, попеременно отправляя их в прошлое и будущее. Из прошлого и будущего вещи возвращались целехоньки. Если бы и опыт с Мизаром удался, это означало бы, что найден реальный путь бегства из ядра, так как при встречах со светилами мы двигались бы не в их, а в своем времени — и физическое столкновение исключалось. Разумеется, наши планы предполагали рискованное допущение, что рамиры не воспротивятся бегству. Но на что нам оставалось еще рассчитывать?

На испытание пришли Олег и Ромеро, Граций и Орлан, Мери и Ольга. Эллон сам открыл входное отверстие в трансформаторе времени. Ирина привела Мизара. Пес глухо повизгивал, беспокойно поворачивался, ткнулся носом в мои колени, лизнул руки Мери, вдруг вскинул лапы на плечи Ромеро — тот от неожиданности уронил трость. Ирина гладила Мизара, что-то ласково шептала ему. Мне не понравилось выражение лица Ирины. Я подошел ближе.

— Милый, милый! — говорила Ирина псу. — В прошлое, в далекое прошлое! И мы побежали бы по лесу! И я бы лаяла, как ты!

— В лес! В лес! — возбужденно рычал пес и нервно лизал руки Ирине. — Мы будем лаять вместе! Мы будем вместе охотиться!

Шепот Ирины слышал я один, но ответы пса дешифратор доносил до всех. Все почему-то решили, что Ирина обманными ласковыми словечками подготавливает Мизара к опасному путешествию в прошлое. Но я хорошо знал, что пес у Лусина сдал человеческую историю на собачью пятерку — по шкале для

псов с высоким интеллектом — и в иллюзиях не нуждался. Мы так и условливались с Ириной: подготовка Мизара будет в объяснении важности его роли, а не в прельщении радостями путешествия в прошлое.

— Ирина! — сказал я тихо. — Ирина, обернись!

Она медленно поднялась с колен. У нее были странные глаза.

— Адмирал, вы позволите мне уйти с Мизаром? Я люблю его.

Я сжал ее руку так сильно, что она охнула. Боль она еще способна была чувствовать.

— Ирина, ты не любишь Мизара! Ты любишь Эллона, Ирина.

Она с таким напряжением вслушивалась, что несколько мгновений стояла с раскрытым ртом. Никогда прежде она не разрешила бы себе такой глупой мины: Ирина была из женщин, которые прихорашиваются, даже когда берутся за грязную физическую работу.

— Эллона? — переспросила она нежным протяжным голосом. — Как я могу любить Эллона, если вы запретили? Я так послушна, адмирал, я так послушна!

— Глупости! Ты своенравна, а не послушна! А сейчас ты нездорова. Тебе невесть что вообразилось. Иди отдыхать, Ирина.

— Вы думаете, я не люблю Мизара? — спросила она с сомнением.

— Ты его любишь, конечно. Я его тоже люблю, и мама твоя, и Мери... Этого недостаточно для совместного путешествия в прошлое.

— Я недостаточно люблю тебя, Мизар, — сказала она покорно. — Мне вообразилось, будто я тебя больше всех люблю. Я такая послушная, Мизар! — Она вдруг с тоской заломила руки. — Ах, адмирал, разрешите мне кого-нибудь полюбить!

Я подозревал Ольгу. С ней подошли Олег и Мери. У Ирины изменилось лицо, когда она увидела Олега. Она простонала, отстраняясь руками:

— Не ты, не ты! Ты променял меня на экспедицию, где погибнешь.

— Ирина, приди в себя! — сказал он, очень бледный. — Вспомни наш разговор на базе! Ты ведь сама попросилась в экспедицию. Мы вместе на корабле, Ирина! Ты не осталась в Персее.

Она заплакала, спрятав лицо на груди матери.

— Ольга, отведи ее к себе, — попросил я. — И не отходи от нее. У нее тяжелейшее расстройство.

Пока мы шептались около Мизара, Эллон ждал у открытого люка. Но когда Ольга, обняв дочь, стала уводить ее, Эллон раздраженно крикнул:

— Люди, не хватит ли шушукаться? Трансформатор времени перегревается на холостом ходу! Кто поведет Мизара?

— Я поведу Мизара, — ответил я и, как Ирина, опустился рядом с ним на колени и ласково провел рукой по густой шерсти. — Мизар, друг мой. Дело не в том, чтобы побегать и полагать в лесу. Предстоит неслыханный эксперимент, и если он удастся, мы все спасены. Готов ли ты помочь нашему спасению?

— Веди меня, Эли, — мужественно прорычал он и лизнул мне руку.

Я подвел его к люку. Эллон хотел грубо схватить пса за загривок и швырнуть в отверстие, но я не дал. Мизар грустно посмотрел на нас, пролаял: "Прощайте!" — и сам прыгнул в лаз. Эллон захлопнул люк и отошел к коллапсану. Трансформатор времени заработал.

И вскоре мы увидели, как пес исчезает. Он пропадал так же, как пропадал Оан, когда пытался бежать. Мизар становился из тела силуэтом. В трансформаторе было жарко, пес высунул язык, уставился на нас нестерпимо блестящими глазами. И когда тело стало бледнеть, еще сопротивлялись уходу глаза и язык. Настала минута, когда тела уже не было, а глаза сверкали и язык мотался, живя самостоятельно. А потом и глаза потускнели, а язык еще двигался — один бледнеющий, пропадающий, живой и в самый последний момент исчезновения язык! Прозрачный трансформатор времени опустел.

— Мизар в будущем! — воскликнул Эллон, отходя от коллапсана. — В самом близком будущем, в какой-то тысяче лет по вашему счету. Пусть он там потушится в жару расплавленного времени! — Эллон захохотал: я содрогнулся от жестокости смеха.

— Сколько он пробудет в будущем, Эллон?

— Всего лишь час, адмирал, всего лишь час! А потом я выключу коллапсан, и твой пес вывалится в наше время.

Глядеть на ликование демиурга было очень неприятно. Даже радость экспериментатора, совершившего важное открытие, не

должна была гасить тревоги за бедного пса. И еще меня коробило, что Эллон остался безучастным к болезни Ирины. Олег ушел. Меня взял под руку Ромеро.

— Не хотите ли посмотреть, как идет возвращение в сознание МУМ "Козерога?"

Разлаженная машина стояла в дальнем от трансформатора углу. Я спросил, что машина думает о путешествии во времени. МУМ пропела все тем же мелодичным голосом:

Это было давно. Я не помню, когда это было.
Пронеслись как виденья и канули в вечность года.
Утомленное сердце о прошлом давно позабыло.
Это было давно. Я не помню, когда это было.
Может быть — никогда.

— Ответ неосмысленный, но и не совсем бессмысленный, — заметил я. — И стихи несколько лучше той чуши, которую она несла.

— Стихи, между прочим, называются "Памяти Шопена". Не знаю, известен ли он вам, Эли. А что машина вспомнила о памяти, может означать только то, что к ней возвращается сознание. Важнейшее свойство сознания — память! Ах, великолепный Эли, великолепный Эли, знаете ли вы, какая у памяти власть над мыслящим разумом? Память — единственная гарантия бессмертия, катализатор, превращающий любой миг в вечность, консервирующий трепетное мгновение навсегда неизбывным и нетленным!

Выспренности Ромеро не занимать, но так он еще не разговаривал.

— Что за ода воспоминанию, Павел!

— Сегодня ночью ко мне пришла ваша сестра, Эли. Не делайте испуганных глаз, друг мой, я пока не спятил. Я знаю, что Вера давно умерла, и перед отъездом с Земли посетил ее прах в Пантеоне. Она была со мной в моем воспоминании, только в моем воспоминании! Сама моя жизнь вдруг стала воспоминанием о моей жизни — и это было так прекрасно, шурин! Мы ведь с Верой поссорились, вы это хорошо знаете, вы все знаете, адмирал, нет, вы еще не были адмиралом, вы были юношей... И я догнал Веру на Плутоне, и вошел к ней в гостиницу, ту, где мы уже были с ней, в том же номере, Эли... И упал перед ней на колени, и целовал ее ноги, и она упала на колени тоже, и плакала, и целовала меня, и так бесконечно радовалась, что я вернул-

ся, что она может простить меня... Эли, друг мой, шурин мой, я так благодарен вам за приказ помчаться за вашей сестрой, вы меня возродили к жизни. Мы стояли друг перед другом на коленях, это было, наверно, смешно, если глядеть со стороны, но мы так радовались и так плакали, и так целовали друг друга, и это было сегодня ночью, счастливой сегодняшней ночью, Эли!

Он пошатнулся. Переход от сознания к бреду был так внезапен, что я не сумел прервать Ромеро и только успел схватить, когда он валился набок. Он вздрогнул и очнулся. У него были мутные от счастья глаза, печальные от горького счастья глаза!

— Что со мной? О чем я говорил? — спросил он.

— Мы с вами говорили о возвращении МУМ в сознание, Павел. А сейчас давайте послушаем, о чем так горячо толкуют Эллон с Орланом и Грацием.

Разговор Эллона с Грацием и Орланом заслуживал того, чтобы принять в нем участие. Эллон доказывал, что создание выхода в будущее — пустяк. Нужно лишь убыстрить время, не меняя его направления. Время бежит от прошлого к будущему, коллапсан подгонит его — и все! Трудней путешествовать в прошлое: надо менять течение времени на обратное. Коллапсан и эту трансформацию проделает. Но как к ней отнесутся объекты? Мертвые предметы не чувствуют перемены, они одинаковы и в прошлом и в будущем. А организмы погибнут, если не повернуть время особым образом.

— Естественные ткани, которые так приятны галактам, не выдержат перескока через нуль времени, — Эллон злорадно осклабился. — А органы искусственные запросто вынесут поворот на обратное течение.

Галакт величественно возвышался над Эллоном.

— Ты сказал — поворот времени особым образом, Эллон? Как это понимать? И почему переход через нуль для естественных тканей так опасен?

— Потому что нуль времени — остановка всех процессов. Для камня, для металла здесь горя нет, для живого это смерть.

Я возразил, что мы при столкновении двух солнц уже прошли через остановку времени, через потерю нашего "сейчас". Эллон не согласился.

Остановка была коротка. Мы обмерли, но не умерли, ибо тут же восстановился естественный ток времени от прошлого к будущему. А поворот времени равносильен взрыву.

— Мне пришлось бы поворачивать в обратное существование твой труп, адмирал!

Эллон нашел для организмов лишь один способ выхода в прошлое: бросить живое существо в будущее, по прямому току времени, а если оно там не удержится и покатится назад, то, не задерживая в настоящем, дать падать дальше, уже в прошлое, — по инерции, а не под действием внешних сил. Движение по инерции времени — всегда бег к точке реального существования, такова природа времени. И если существо, падающее из будущего в настоящее, по инерции очутится в прошлом, то переход через нуль времени совершится без потрясений. Тогда и надать ускорения коллапсаном — и выбрасывай объект в любое прошлое: все прошедшие миллионолетия станут доступны для нового заселения!

Пора было возвращать Мизара в наше время. Эллон повернул рукоять на панели коллапсана. В трансформаторе что-то замутилось, замелькала тень и стала превращаться в собачий, жадно глотающий прохладу язык, а чуть выше зажглись два огонька, сперва тусклые, потом все более светящиеся. В трансформаторе времени обрисовался Мизар, живой, восторженно рвущийся к нам.

Люк распахнулся, и Мизар пулей вылетел наружу. Он кинулся на грудь Ромеро, и Ромеро упал. Та же участь постигла и меня, а за мной от удара массивной собачьей головы пошатнулся Граций. Галакт устоял на ногах, я радостно обнял Мизара за шею.

— Уймись, бешеный! Расскажи, что видел в своем путешествии?

Мизар ничего не видел, кругом был туман, потом появились звезды, они мчались и недобро вспыхивали, он лаял на них. В общем, все было как на звездных экранах. Холода он не испытывал, проголодаться не успел, но жара была такая, что Мизар подыхал от жажды.

— Сейчас тебе дадут пить, — сказал Эллон.

Пока Мизар лакал воду, Эллон подготовил трансформатор к новому путешествию во времени. Я спросил, нельзя ли отложить полет в прошлое на завтра, чтобы Мизар отдохнул. Эллон сказал, что не только сюминутное, но и прошлое время не ждет. Я снова обнял Мизара и спросил, все ли ему говорила Ирина о программе эксперимента. Пес улыбнулся. Все мы зна-

ем, что собаки отлично улыбаются — не одним хвостом, но и глазами, и пастью, но у сдержанной улыбки Мизара была особая прелесть. Он именно улыбался, даже в минуты наивысшей радости не позволяя себе вульгарно захохотать. Таковы, впрочем, многие собаки. Деликатность — в собачьей крови.

И снова мы увидели, как превращается в туманный силуэт большое красивое тело Мизара и как в пустоте еще минуту светятся два глаза и красный язык вымахивает прохладу уже невидимому телу. В лаборатории опять появился ушедший было Олег. Ирина лежала без сознания, у ее кровати дежурила Ольга. Олег опасался за ее жизнь. Люди и демиурги снабдили эскадру отличнейшими лекарствами, в том числе и от помрачения психики, но ни одно не подействовало. Медицинский автомат три раза выдавал разные диагнозы и назначал разное лечение — в его памяти нет знаний о болезни Ирины, настолько она необыкновенна.

Раздался резкий голос Эллона:

— Внимание! Возвращение из будущего! Пролет по инерции в прошлое!

Мизар вылетел из будущего без торможения в настоящем. Внешне это выглядело так, что в трансформаторе обрисовались в той же очередности тяжело пульсирующий язык, два глаза, туловище, ноги. Какую-то секунду я ожидал, что возвративший свой телесный облик пес радостно залает и потребует выхода наружу. Но туловище, так и не дорисовавшись до телесности, опять посветлело почти до полной прозрачности и пропало. Мизар, не задержавшись в настоящем, с разгона вылетел в прошлое. Эллон, согнувшись над коллапсаном, следил за огоньками, вспыхивающими на панели.

— Подопытный пес унесся в прошлое, — сказал он Олегу. — Нуль времени Мизар прошел живой и невредимый.

— Сколько ждать возвращения Мизара, Эллон?

— Около часа, командующий.

Я сказал Олегу:

— Если ты останешься здесь, я проведаю Голос. Он, вероятно, соскучился в одиночестве.

В рубке я стал ходить вдоль стены, как любил делать Граций. Анализаторы передавали Голосу картину эксперимента полней, чем это мог сделать я. Он только спросил о моем отношении к полетам в иное время. Меня наполняли смутные ощущения —

надежда, боязнь и еще что-то, что можно было бы назвать инстинктивной неприязнью к опытам над живым существом.

— Положение, вероятно, грозней, чем все мы представляем себе, — сказал Голос.

— Ты тоже опасаясь, что нам грозит безумие?

— Безумие уже началось.

— Кроме Ирины, сознание не помутилось ни у кого. Машины, конечно, сразу спятили.

— Машинный интеллект не защищен стабилизатором времени, как организмы. Они и должны были пострадать раньше.

— Ты и с этой гипотезой Ромеро согласился?

— Ромеро точно назвал причину.

— Неужели мы лишимся рассудка, Голос?

Он сказал, что у нас уже утрачена сиюминутность, вернее, не сиюминутность, а сиюмгновенность. Время на корабле пульсирует между ближайшим прошлым и ближайшим будущим. Оно не течет плавно, а вибрирует. Его сводит судорога. Голос ощущает дрожь времени в каждой клетке мозга. Вибрация между прошлым и будущим заставляет вибрировать и мысль: приказы, которые он отдает механизмам, дрожат. Грубые исполнительные механизмы, к счастью, не разбираются в таких тонкостях, как дрожание мысли, вибрация приказа. Вероятно, в древней человеческой истории слуга тоже не обращал большого внимания на то, дрожащим или твердым голосом отдает приказ господин, — важней было содержание приказа. Долго так продолжаться не может. Наступит мгновение, когда вибрирующий приказ перестанет быть приказом. Тогда на корабле все замрет.

— Граций дублирует тебя, но ни о чем похожем не говорит, — сказал я в недоумении.

— Скоро и он почувствует. Скоро вы все почувствуете, Эли. Время все сильнее лихорадит. Промежуток между прошлым и будущим, внутри которого пульсирует время, постепенно раздвигается. И каждая вибрация оставляет след — накапливается прошлое, концентрируется будущее. Когда несовместимость прошлого с будущим станет слишком большой, время опять разорвется. В прошлый раз мы вырвались из разорванного времени между двумя солнцами, а что будет, когда время разорвется на самом корабле?

— Грозно, даже очень! Есть ли шанс на спасение?

— Только один — срочная стабилизация времени на корабле. Стабилизатор времени сейчас важнее, чем трансформатор.

Меня вызвали в лабораторию. На полу лежал бездыханный Мизар. Глаза его были дико распахнуты, пасть оскалена, шерсть вздыблена. Все в молчании смотрели на мертвого пса. Молчание разорвал грозный голос Орлана:

— Эллоу, ты обещал, что Мизар благополучно перейдет через нуль времени. Ты солгал.

Эллоу так втянул голову, что над плечами виднелись только глаза, потускневшие и жалкие.

— Орлан, я не лгал. Мизар благополучно проскочил нуль времени. Мы все видели... Он исчезал в прошлом живой. Все видели...

— А вернулся мертвым. У тебя есть объяснение, Эллоу?

Эллоу сказал еле слышно:

— Я буду искать объяснения, но пока его нет.

Мизара перенесли на стол для исследования, а я рассказал друзьям об опасении Голоса.

— Тебе лучше опять пойти в рубку, — посоветовал я Грацию. — Боюсь, у Голоса сдают нервы.

— Я поговорю с Эллоу, — сказал Орлан.

Эллоу подошел подавленный.

— Голос предупреждает, что время на корабле вибрирует между прошлым и будущим и амплитуда увеличивается. Когда заработает стабилизатор корабельного времени, Эллоу? — спросил Орлан.

— Немедленно займусь стабилизатором, Орлан. Оставлю все работы с трансформатором и переключу стабилизатор с микровремени на время корабельное, — поспешно сказал Эллоу.

Орлан холодно проговорил:

— Ты не понял, Эллоу. Я спрашиваю не о том, когда ты займешься стабилизатором. Ты меня не интересуешь. Когда заработает стабилизатор, Эллоу?

— Стабилизатор заработает завтра, — покорно сказал Эллоу.

Я бросил последний взгляд на мертвого пса и увел Олега из лаборатории. В коридоре я сказал ему:

— Олег, если мы с тобой сдадим, последствия будут ужасны. Что бы ни случилось с другими, мы не должны поддаваться вибрации времени. И если все-таки произойдет разрыв между

прошлым и будущим, держись за будущее, оставайся в будущем, Олег, ни в коем случае не выпадай в прошлое!

— Ты прав — нам с тобой надо держаться.

У него были усталые глаза — красные, воспаленные, опухшие. Я вздохнул. Только в двоих на корабле я был в какой-то степени уверен — в себе и в нем. И это было ужасно. Но почему ужасно, я не мог ему сказать.

4

Я пришел к себе поздно. Мери уже спала. Я осторожно разделся и лег. Меня разбудили рыдания Мери. Она сидела на диване и плакала, уронив голову на руки. Я схватил и повернул к себе ее лицо.

— Что с тобой, Мери? Что с тобой? — говорил я, целуя ее мокрые щеки.

Она отстранилась от меня.

— Ты меня не любишь! — прорыдала она.

— Мери! Что ты говоришь? Я не люблю тебя? Я? — после мутного сна я ничего не мог сообразить и снова хватал ее и целовал.

Она опять вырвалась, гневно топнула ногой.

— Не прикасайся! Не любишь! И если хочешь знать, я тоже тебя не люблю!

Лишь сейчас я начал понимать, что происходит. Я отошел от Мери, сел в кресло, спокойно заговорил:

— Итак, я тебя не люблю? И ты меня не любишь? Интересное признание! Но почему ты решила, что я тебя не люблю?

— Ты спрашивал обо мне Справочную! — лепетала она сквозь слезы. — Ты испугался, что нас разделяет такое несоответствие, а я ведь тоже испугалась, но думала о тебе и все искала, все искала встречи! Я хотела тебя видеть с того вечера в Каире, а ты уехал на Ору, даже не пожелал взглянуть на меня, я ведь собиралась извиниться, что была груба на концерте и в ту бурю в Столице, мне так надо было извиниться! Я думала о тебе постоянно, я не выключала стереозэкранных, чтобы случайно не пропустить передачи с Оры, я могла там среди других увидеть и тебя. А ты влюбился в какую-то змею и не захотел возвращаться на Землю, ты умчался в Персей, тебе было безразлично, что я плакала все ночи, когда узнала, что твоя сестра возвратилась без тебя. Павел рассказывал, как страстно ты глядел на свою краса-

вицу-змею, как ты бегал к ней на ночные свидания, он все о тебе рассказывал, а я отвечала, что все равно люблю, хотя уже ненавидела тебя! И сейчас ненавижу! Можешь не приезжать, и доброго слова от меня не услышишь! Я буду глядеть холодно и презрительно, вот так, холодно и презрительно! Что ты молчишь?

Я заговорил очень ласково:

— Павел не все рассказывал тебе обо мне, Мери.

— Все, все! — прервала она запальчиво.

Я повторил с нежной настойчивостью:

— Не все, Мери, поверь мне. Павел просто не знал всего обо мне. Он не мог сказать и того, что с первой встречи, с первого слова, с первого взгляда в Каире я влюбился в тебя сразу и навсегда. И того не мог он сказать, что ты то грубила мне, то хотела извиниться, а я просто любил тебя, только любил, всем в себе любил! Да, я увлекся Фиолой, но любил тебя, одну тебя, всю тебя, всегда тебя! Ты ругала меня в Столице, а я думал: каким она чудесным голосом разговаривает со мной! Ты хмурила брови, а я восхищался: никогда не видел бровей красивее! Ты сверкала на меня глазами, а я растроганно говорил себе, что прекрасней глаз нет ни у кого, даже равных нет! Ты, сердитая, уходила, а я любовался твоей фигурой, твоей походкой, тем, как ты размахиваешь руками, и так был счастлив, что могу любоваться тобой, что мне дана эта радостная доля — смотреть на тебя, уходящую, сердитую, любимую, зло размахивающую руками, так красиво размахивающую руками, левой чуть-чуть, правой немного больше... Так это было, так, — Павел сказать об этом не мог, это только я знал о себе, только я, Мери!

Она опять прервала меня:

— Ты сказал — это было! Ты сам признаешься, что этого нет!

Я продолжал все с той же нежной настойчивостью:

— Да, Мери, ты права — было. И не только это было. Было и наше путешествие в Персей. Ведь было, правда, ты вспоминаешь? Ах, какое это было путешествие, Мери, какое удивительное свадебное путешествие! Мы не разлучались ни на одну минуту, минута, проведенная не вдвоем, была для нас потерянной, вспомни, Мери, вспомни! И я снова любил тебя, и гордился тобой, и любовался тобой, и радовался, что ты со мной, что ты моя, что ты — я сам, что лучшее во мне, самое благородное,

самое нежное, самое дорогое — ты! Вспомни, Мери, прошу тебя, вспомни, — ведь так это было!

Она простонала, стискивая руки:

— Ах, это ужасное слово "было"! Ты безжалостен, Эли, все у тебя — только было, только было!..

— Да, Мери, ты опять права, ты всегда права, ужасное, ужасное слово "было"! И все-таки сколько в нем хорошего! Ведь среди того хорошего, что было, был и наш сын, единственный сын наш, Астр, вспомни о нем, ведь он тоже был, Мери, ведь у нас с тобой был сын, и его звали Астр!

Она повторила очень тихо:

— Его звали Астр...

— Вот видишь, Мери, ты его вспомнила, это так хорошо, что ты его вспомнила, спасибо тебе за это, моя единственная, моя бесконечно дорогая! Ты его вспомнила, я так тебе благодарен за это! Он умер, Мери, он ужасно умер, его замучила проклятая тяжесть Третьей планеты, он умирал у тебя на руках, ты рыдала, ты хотела передать в него хоть частицу своей жизни, если уж нельзя было передать всю, а он не принял твоей жизни, он умирал у тебя на руках, он умер у тебя на руках, Мери! Мери, Мери, вспомни об Астре, о нашем сыне, умершем у тебя на руках!

Она зарыдала:

— Перестань, ты разрываешь мне сердце, Эли!

Я опустился перед ней на колени, прижался лицом к ее горячим рукам, страстно шептал:

— Нет, Мери, не перестану! И если нет другого исхода, разорву твое сердце, но не позволю забыть об Астре! Вспомни сына, бедного нашего сына, вспомни наше горе, наше отчаяние! Вспомни, что он на Земле, в Пантеоне, что он — одна из святых человечества, что над его могилой надпись: "Первому человеку, отдавшему свою жизнь за звездных друзей человечества", что мы часто ходили туда и молча стояли перед саркофагом Астра. У нас есть что вспоминать, Мери, есть чему радоваться, есть чем гордиться!..

Безумие еще боролось в ней с разумом, но разум побеждал. Она сказала горько:

— Да, Эли, есть что вспомнить, есть чем гордиться. Но все это в прошлом, все в прошлом!

Я встал. Я уже знал, что спасу ее.

— Многое, многое в прошлом, но не все! Разве мы в прошлом? Мы здесь, Мери! И наша любовь с нами! Было, было — и есть!

Теперь и она подошла ко мне, схватила меня за плечи.

— Ты сказал — есть, Эли? Ты сказал — есть? Я верно слышала?

— Ты верно слышала, Мери. Есть! Мы есть — и наша любовь с нами! — Только сейчас я разрешил себе волноваться, мой голос стал дрожать. — Люблю тебя постаревшую, похудевшую, ты была единственной и осталась единственной! Люблю твои засеребренные волосы, твои пожелтевшие руки, твои поредевшие, когда-то такие черные брови, твои удивительные глаза! Люблю твой голос, твой разговор, твое молчание! Люблю твою походку, твою повадку, люблю, когда ты сидишь, когда ты стоишь, всегда, всюду, всю, Мери! Люблю за то, что любил раньше, что люблю сейчас, что буду любить потом, что вся наша жизнь — любовь друг к другу! Взгляни мне в глаза, ты увидишь в них только любовь, только любовь! Люблю, люблю — за себя, за тебя, люблю за нашу любовь! Мери! Мери!

У меня прервался голос, я больше не мог говорить. И вдруг так сильно стали дрожать ноги, что я сел, чтобы не упасть. Она закрыла лицо руками. У меня ныло сердце. Я еще не был уверен, что возвратил ее. Она опустила руки, с недоумением посмотрела на меня, медленно проговорила:

— Эли, со мной было что-то нехорошее?

Я поспешно сказал:

— Все прошло, Мери. Не будем об этом говорить.

— У тебя дрожит голос, — сказала она, всматриваясь в меня. — У тебя трясутся руки! И ты плачешь, Эли! У тебя по щекам бегут слезы! Ты же никогда не плакал, Эли. Даже когда умер наш сын, ты не плакал. Неужели было так плохо со мной?

— Все прошло, — повторил я. Не знаю, где я нашел силы, чтобы не разрыдаться. — А на меня не обращай внимания. У меня разошлись нервы. Ты ведь знаешь, в каком мы тяжелом положении. А теперь прости, я должен идти в лабораторию. Если почувствуешь себя плохо, немедленно вызови меня.

Она улыбнулась. Она снова видела меня насквозь. Я мог больше не тревожиться за нее.

— Иди, Эли. Я тоже скоро выйду. Загляни к Ирине.

Я весело помахал ей рукой, выходя. А за дверью прислонился к стене и в изнеможении закрыл глаза. У меня было такое ощущение, будто я тонул, и меня вытащили, и я никак не могу надышаться.

Ирина лежала с закрытыми глазами в своей комнате. Она так и не пришла в себя после обморока в лаборатории. У постели сидела Ольга. Я опустился на диван. Ольга сказала:

— Ты плохо выглядишь, Эли.

— Все мы плохо выглядим, Ольга. Как Ирина?

— Опасности для жизни нет. Но в сознание она не возвращается. Это тревожит меня.

— При нынешних передрыгах со временем, может быть, и хорошо, что она без памяти. Лучше уж выключенное сознание, чем разорванное.

Она не сводила с меня внимательного взгляда. Это вдруг начало раздражать меня.

— Что-нибудь еще случилось, Эли, после гибели Мизара?

— Почему ты так думаешь, Ольга?

— Я вижу по тебе.

— Мери заболела. Из ее сознания выпало ощущение настоящего. Она вся была в прошлом. Она воображала себя, какой она была в дни нашего знакомства. И ей почему-то стало казаться, что я ее не люблю. Я помучился, пока вытащил ее из провала в прошлое!

— А Ирину мучит желание влюбиться, — задумчиво сказала Ольга. — И она отворачивается от тех, кто ее любит. Меня еще выносит — видишь, я сижу рядом, а она не шевелится. Мое присутствие ей приятно.

— Что она может чувствовать в беспамятстве?

— Не скажи, Эли. Приходил Олег и сел рядом, и она стала беспокойно ворочаться. А когда он взял ее за руку, вырвала ее.

— Не приходя в сознание?

— Не приходя в сознание. Очень странные формы принимает нарушение тока времени. Жалею, что я не психолог. Я бы рассчитала связь микропульсаций времени с микроразрывами психики.

— Приходится и мне жалеть об этом. Вооруженные такими расчетами, мы избегли бы многих опасностей. Пока же будем утешаться тем, что мы с тобой не подвержены безумию. Ты ведь не собираешься проваливаться мыслью в прошлое.

Она тихо засмеялась.

— А что бы изменилось, Эли? Мое прошлое неразлично от настоящего. Что в прошлом, что в настоящем — судьба одна.

— Как понимать — судьба одна?

— Я любила тебя, Эли, — сказала она спокойно. — Я любила тебя девочкой, любила взрослой. Я была женой Леонида, но любила тебя. С этим уже ничего не поделаешь, Эли, но я хочу, чтобы ты знал: у меня не было других чувств, кроме этой любви! Иногда я думаю: я была рождена только для любви к тебе и поэтому ничего другого не знала в жизни.

Захваченный врасплох, я дал ей выговориться. Она нежно смотрела на меня, маленькая, поседевшая, но такая же розовощекая, такая же уравновешенная и добрая, какой я всегда ее знал. И вдруг я понял, что она не признается в чувстве, томящем ее сейчас, а просто оглядывается на жизнь, только оглядывается! И это было так удивительно, что я воскликнул:

— Чепуха, Ольга! У тебя было в жизни так много событий, успехов и славы, что маленькое неудачное чувство ко мне терялось среди них! Вспомни, кто ты! Знаменитый астронавигатор, первая женщина — галактический капитан, великий ученый, великий воин космоса!

Она покачала головой.

— Да, ты прав, Эли, многое было в моей жизни. Но была и любовь к тебе. Верная любовь, Эли, долгая, как вся моя жизнь. И когда я умирала, я разговаривала с тобой и ты гладил мою руку, а я говорила, как любила тебя, как только одного тебя любила!

— Посмотри на меня, Ольга! — потребовал я.

Она с улыбкой взглянула на меня, положила руку на мою руку. Она была здесь, в настоящем, я ощущал тепло ее ладони. Но смотрела она на меня из будущего. Каждый на корабле сходил с ума по-своему...

Ирина зашевелилась на кровати. Ольга сказала:

— Она хочет подняться. Выйди, пожалуйста, Эли.

Я шел по бесконечным корабельным коридорам и гневно сжимал кулаки. Враги были сильнее меня уже одним тем, что я не мог предугадать, откуда они нанесут удар. Недалеко от командирского зала на меня налетел Осима. Он что-то возбужденно шептал себе, судорожно размахивал руками. Я знал, что Осима отважен в бою, отличен в спорте, опасно фехтует. Но что

он способен бессмысленно размахивать руками — не ожидал. Я схватил его за плечо.

— Осима, почему вы оставили свой пост?

— Пустите, адмирал. Я сдал дежурство Камагину. Я очень спешу, уберите руку.

— Я хочу знать, куда вы спешите, капитан Осима?

Он перестал вырываться. Я был все-таки сильнее. Он оглянулся и сказал, доверительно понизив голос:

— Я догоняю О'Хару-сан. Девушку по имени Весна.

— О'Хару-сан? — Я опешил. — Осима, но ведь у нас нет девушек по имени О'Хару-сан или Весна!

Он с недоверием слушал меня:

— Адмирал, я должен верить вам, но не могу поверить. Нет О'Хару-сан? Но ведь я думаю только о ней! Я хочу встретиться с О'Хару-сан!

— Тем не менее ее нет на корабле. Она существует лишь в вашей мечте, Осима. Вы бредите наяву, мой друг. Возвращайтесь в командирский зал.

Мои слова не доходили до него. Его вела извращенная логика. Он сказал с педантичным упрямством:

— Как же ее нет, если я о ней думаю? Она всегда со мной, как же ее нет?

— Нет и не было О'Хару-сан! — яростно крикнул я. — Никогда не было девушки Весны!

— Тогда пойду искать ее, адмирал! — объявил он с воодушевлением. — Если ее не было, ее нужно найти. Она должна быть, девушка Весна! Я не возвращусь без той, которой не было!

Он попытался обойти меня, но я рванул его к себе. Осима сделал неуловимое движение, и я рухнул на пол. Я был на голову выше его, в полтора раза тяжелее, но он швырнул меня на землю, как куклу. На мгновение я потерял сознание.

— Адмирал! Адмирал! — донесся испуганный выкрик Осимы. — Я сделал вам плохо? Простите меня, адмирал. Я сам не знаю, что со мной!

Я с трудом поднялся. Осима заботливо поддерживал меня. С него мигом слетело безумие.

— Все в порядке, капитан Осима, — сказал я. — Идемте в командирский зал.

В кресле командира корабля сидел Камагин, Олег беспокойно ходил по залу. Я с опаской поглядел на маленького космонавта. Эдуард работал четко и быстро. И хотя МУМ не было и все приказы исполнительным механизмам он мог отдавать лишь через Голос и лишь через него получал информацию анализаторов, он держал себя, будто и не нарушалось управление кораблем. На экране кипело ядро, стреляя звездами, но в диком хаосе настигающих одно другое светил Камагин вел звездолет с уверенностью моряка, командующего судном в шторм. И я подумал, что если Камагин впадет в безумие прошлого, то это будет самый неопасный для нас род сумасшествия, так как и в своем далеком прошлом он был отважным галактическим капитаном, возможно, самым умелым среди нас, ибо вел корабли в эпоху, когда МУМ и в проекте не было, — я чуть было не употребил выражение "в помине не было". И если бы даже погиб Голос, и тогда то, что для нас предстало бы ужасной катастрофой, для него явилось бы лишь возвращением к хорошо освоенному искусству ручного кораблевождения.

Осима сел рядом с Камагиным. Я вполголоса сказал Олегу:

— Ты заметил, в каком состоянии Осима?

— Осима плох. Поэтому я и разрешил ему уйти.

— А я возвратил его обратно. Боюсь, потакание безумию лишь усиливает его. Я немного повымел вздор из головы Осимы, но не знаю, надолго ли.

— Во всяком случае, без подстраховки ему уже нельзя поручать командование звездолетом, — сказал Олег, и я согласился с ним.

Я побыл в командирском зале несколько минут. Когда я уходил, Осима разрыдался. Он вслух горевал, перемежая слова всхлипами:

— Не было девушки Весны — О'Хару-сан! Не было обвитой гирляндами лиан с цветами сакуры в темных волосах О'Хару-сан! О, весна души моей, благоуханная О'Хару-сан, не было тебя! И я должен пережить, огнеглазая О'Хару-сан, что тебя нет и никогда не будет!

— Я бы все-таки направил его в госпиталь, Эли, — сказал Олег.

— А кто там будет ухаживать за ним? Такие же потерявшие разум? И мне кажется, ему уже лучше. Раньше он бежал искать О'Хару-сан, а сейчас прощается с ней.

И, как бы подтверждая мои слова, Осима достал платок, вытер залитое слезами лицо, одернул китель и сказал почти нормальным голосом:

— Адмирал, у капитана Осимы кружится голова. Я сдал дежурство капитану Камагину. Я пока подремлю в кресле, адмирал.

Он закрыл глаза и немедля заснул. Во сне лицо Осимы медленно приобретало обычные резкие, энергичные черты. Олег остался в командирском зале, а я направился в лабораторию. Там собирали стабилизатор времени. Резкий голос Эллона один разносился по всему помещению, демиурги и люди бегом исполняли его команды. В дальней стороне ходил от стены к стене Орлан. Вокруг него установился клочок свободного пространства: никто не осмеливался нарушать невидимую межу, отделявшую Орлана от остальных. Еще несколько дней назад такая картина показалась бы немыслимой: Орлан до того старался не выделяться на корабле, что как-то пропадал в любой группе, где было больше трех.

— Привет, друг Орлан! — Я постарался, чтобы приветствие прозвучало сердечно, а не выпренно. — Есть ли успех со стабилизатором времени?

Орлан надменно взглянул на меня:

— Станный вопрос, адмирал Эли! Разве ты не слышал, что демиург Эллон обещал пустить стабилизатор сегодня?

Я пробормотал в замешательстве:

— Да, я слышал. Эллон обещал тебе...

— Или думаешь, что Эллон осмелится обмануть меня? У демиургов обманы невозможны. Успокойся. День только начался, адмирал Эли.

Он тоже впал в безумие. Все на корабле впадали в безумие. Вибрация времени между прошлым и будущим раскалывала психику. В сознании накапливалось возвращенное к жизни прошлое, сгущалось еще не обретенное будущее. В раздвоенной душе перевешивало прошлое: оно было лучше известно, оно казалось ближе. Только Ольга ушла в будущее, остальные рухнули в прошедшее.

И, молча глядя на высокомерно попархивающего взад и вперед Орлана, я вдруг с отчетливостью увидел, каким он был, когда еще не стал нашим другом, и как держались с ним его подчиненные, его лакеи, его рабы. Жестокое подчинение, не-

умолимое подчинение, даже мысль об ослушании, даже тайное желание свободы — тягчайшее преступление! Да, конечно, Орлан не виноват, что сознание его все больше вязнет в возвратившемся прошлом, думал я, это его несчастье, а не вина! И в сегодняшнем отчаянном положении его безжалостная настойчивость, его суровая властность способствуют вызволению из беды. В чрезвычайных обстоятельствах годятся лишь чрезвычайные меры. Но если мы спасемся, а он останется прежним? Как примириться с таким вот властителем и вельможей? У меня было ощущение, что я теряю друга, милого друга, одного из самых близких...

Я пробормотал вслух:

— Так недолго с ума сойти от одного вида безумия.

Орлан услышал мое бормотание.

— Ты что-то сказал? Повтори!

— Я не помню, что говорил, Орлан, — ответил я и ушел к себе.

Мери спала и блаженно улыбалась во сне. Я полюбовался ее раздумывавшимся лицом, взял диктофон и спустился в консерватор. Здесь прибавился новый мертвец — Мизар, живым унесшийся в будущее и живым возвратившийся оттуда, но не переживший возврата в прошлое. Я придвинул кресло к саркофагу Оана. Где он был? В прошлом или будущем? В какой момент схватили его силовые цепи Эллона? Сможет ли он возвратиться, если мы раскроем его тесницу, как возвратился из будущего Мизар?

— В одном ты оказался прав, предатель, — сказал я Оану. — Ты грозил нам раком времени — и рак времени поразил нас. Радуйся, Оан! Наши души кровоточат, скоро тела наши, истерзанные раздвоением психики, бессильно свалятся на пол, на кровати, окаменеют в креслах. Ликуйте, жестокие, вы победили. Но зачем вам нужна такая победа? Ответь мне, предатель, зачем вы воюете против нас? Зачем уничтожили нашу эскадру? И почему оставили один звездолет? И, оставив, поразили расползанием времени между прошлым и будущим? Вам мало победы? Вам нужно еще и насладиться нашими муками? Суеверные араны провозгласили вас богами! Какие вы боги? Вы — изуверы, вы — палачи! Я бы плюнул тебе в глаза, Оан, если бы мой плевков мог угодить в тех, кто скрывается за тобой! Ах, скучающие, как жаждете вы зрелища наших мук! А если не будет же-

лаемого зрелища, ненавистные? А если мы все-таки вырвемся из больного времени? Будете преследовать? Ударите губительным лучом? Еще раз спрашиваю — почему вы воюете с нами? Зачем не выпускаете из своего сияющего ада? Чем мы прогневили вас?

Я помолчал, отдыхая, потом снова заговорил:

— Безумие охватывает всех на звездолете. Уже одно то, что, живой, я прихожу к тебе, мертвецу, и разговариваю с тобой, не свидетельствует о ясности ума. У каждого своя форма безумия. Мое безумие — ты. Я не могу отделаться от тебя, меня тянет к тебе. Но я перехитрю тебя. Я тоже упал в прошлое, но не потону в нем, выкарабкаюсь из бурных волн прошлого. Не надейся на раздвоение моей души, раздвоения не будет. Видишь этот приборчик? Я выведу прошлое из своего сознания на ленту диктофона. Мою жену чуть не погубил отяжелевший груз ушедших лет, но меня не погубит, нет! Я буду перед тобой спокойно, последовательно, час за часом отделяться от болезни, которой ты заразил меня.

Я повернулся к Оану спиной, взял в правую руку диктофон. Медленно, ровным голосом я начал диктовать:

— *В тот день хлынул громкий дождь, это я хорошо помню...*

5

Я заснул, устав от многочасовой диктовки. Меня разбудил дважды повторенный вызов: “Адмирала Эли — в лабораторию! Адмирала Эли — в лабораторию!” Я бросил в кресло диктофон и выскочил наружу.

В лаборатории Эллон стоял у стабилизатора, угодливо склонившись перед Орланом. В стороне я увидел Олега, Грация и Ромеро. Орлан сделал знак, чтобы я подошел поближе. Он холодно смотрел на меня, как на мальчишку, которого хотел поучить. На Эллона он вообще не обращал внимания.

— День идет к концу, и наш стабилизатор времени начинает работу! — высокомерно произнес он. И, лишь чуть-чуть повернув голову, пренебрежительно кинул назад Эллону: — У тебя все готово, Эллон?

— Абсолютно все, Орлан, — поспешно сказал Эллон и еще ниже согнулся в раболепном поклоне.

— Тогда включай!

Мы услышали резкий удар в аппарате, и это было все. Несколько напряженных до предела секунд мы ожидали каких-то звуков, световых вспышек, толчков, тепловых волн, но стабилизатор работал без внешних эффектов. Я обвел глазами собравшихся. До меня вдруг с горькой ясностью дошло, до чего все переменялись. Печать изнеможения и страданий легла на все лица, согнула все плечи. Даже богоподобный Граций, меньше всех затронутый хворью, даже Граций, на добрую голову возвышавшийся надо всеми, уже не казался прежней величавой статуей. И надменно выпятивший грудь Орлан, взиравший на нас снизу вверх, но высокомерно и свысока, Орлан, тускло фосфоресцирующий синеватым лицом, не мог по-былому легко взметнуть вверх голову — возвратившееся призрачное величие не расковывало, а пригнетало его. И Олег, подавленный и мрачный, не походил на прежнего загадочно бесстрастного херувима — он был теперь просто средних лет мужчиной, нашим командующим, вдруг позабывшим, как надо командовать и чего от нас требовать. И Ромеро — переводил я дальше взгляд — не играл своей тростью, а опирался на нее, она вдруг, в какие-то считанные дни, стала не для манер, а для реальной помощи, а ведь он, как и почти все мы, уходил в прошлое, а там он был молодым, вибрация времени выбрасывала его в молодость, — почему же так старила чудом возвратившаяся молодость? И Мери, бедная моя Мери, думал я, закрывая глаза, вообразила себя девчонкой, — и так горестна ей показалась ее юная любовь! Нет, думал я, покачивая головой в такт мыслям, я это продумаю до конца, это чрезвычайно важно, даже лучшие твои годы, возвращенные насильно, в тягость, даже вернувшаяся молодость старит, ибо молодость, ибо молодость...

Мои размышления прервал ликующий голос Орлана:

— Эли, Эли, время целое!

Я вздрогнул и открыл глаза. Орлан шел ко мне, почеловечески протягивая руки. Я схватил его костлявую ладонь, жадно всматривался в его лицо. Он был прежним, возвращенным, возрожденным, — тот Орлан, которого я любил, умный, добрый, мягкий, с приветливой улыбкой, с ласковой, почти нежной улыбкой! Я в восторге обнял его, хлопнул пятерней по плечу — он охнул и согнулся, но не перестал улыбаться. Это было так великолепно, так страстно ожидалось и показалось таким неожиданным, что предстало бы чудом, если бы у стены

не возвышался огромный стабилизатор времени и около него не замер в прежней угодливой позе Эллон. Ромеро кинулся обнимать меня, я обнял Олега, дотянулся до шеи Грация — тот снисходительно нагнулся, чтобы я мог заключить его в объятия, — и несколько минут в лаборатории стояла шумная толкотня и звучал радостный хохот.

— Эли, ты забыл поблагодарить нашего замечательного Эллона! — с упреком сказал Орлан. — Теперь ты видишь, что я был прав, приглашая Эллона в экспедицию? Эллон — инженерный гений, даже среди демиургов другого такого не было!

Мы вдвоем подошли к Эллону. Он был виновником торжества, оно его ближе всех касалось, оно его всех меньше коснулось. Он хмуро поглядел на меня.

— Эллон, — сказал я, волнуясь. — Ты совершил подвиг. С разрывом времени на корабле покончено! Мы избавились от самой страшной болезни мира! И все благодаря твоему мастерству, Эллон!

— Я творил волю пославшего меня! — сказал он как отрубил. — Благодарю Орлана, адмирал Эли.

Возрожденному Орлану не нужны были мои благодарности.

— Нет, нет, прими нашу признательность, Эллон! — сказал он так настойчиво и так торопливо, словно боялся, что произойдет несчастье, если Эллон не ответит добром на наше восхищение. — И ты ошибаешься: я не приказывал тебе, я только просил.

Эллон молча наклонил голову. Сумрачные его глаза зло пылали, недобрая улыбка змеилась синусоидой. Он не возродился. Он уже не мог возродиться. Рак времени слишком развалил его психику, трещина стала незаполнима. Все это полностью понял я лишь впоследствии, а в тот момент, с восхищением глядя на Эллона, я вообразил себе, что просто инерция его души больше, чем у меня, чем у Орлана, чем у всех нас, и нужно ему несколько дольше здорового цельного времени, чтобы он возродил в себе цельность. Многого пошло бы по-иному, окажись я проницательней!

Ромеро не терпелось проверить, как стабилизация времени отразилась на спятивших МУМ. У МУМ “Тарана” и “Змееносца” все схемы работали, но ни одна интеллектуально не поднималась выше того, что дважды два равняется четырем.

Безумия у этих двух машин больше не было, но слабоумие угадывалось с первого же ответа. Зато прекратилась троичность ответов МУМ с “Овна”. На вопрос, готова ли к работе, она отрапортовала с лихой бодростью: “Их было двенадцать, но каждый в квадрате, а первый и шестой еще и проинтегрированы по де скользкому в пределах от нежного кружева до жесткого шоколада!”

— В общем, это нормально, — сказал я Ромеро. — У машин нарушена связь причин и следствий. Сами они не способны выйти из интеллектуальной темноты. Но если наладить каждую цепь, то они вернуться к здоровым расчетам. Интересней МУМ, которую вы обучали потерянному ею отрезку истории.

— Вы правы, дорогой адмирал, — согласился Ромеро. Вместе со стабилизацией времени в душе он восстановил и прежнюю манеру разговора. — У трех машин потеряна логика рассуждений, а та, если можно так выразиться, утратила свою личность, вообразив себя вовсе не тем, чем была реально. Если она вернула прежнее представление о себе, то ремонта ей не понадобится.

Я обратился к МУМ “Козерога”:

— Как ты себя чувствуешь и что с тобой было?

Она снова отозвалась стихами:

Я разбойничал в логове Даля,
Эти звуки, как землю, скребя,
Чтобы трудные песни рыдали
О тебе, над тобой, для тебя.

— Неплохие стихи, МУМ! Ты начинаешь обретать вкус к поэзии.

— Не неплохие, а отличные! — поправил меня Ромеро. — Я бы даже сказал — великолепные. И обратите внимание, Эли, они дают ответ на ту часть вопроса, где вы интересовались, что с ней было. Правда, на первую часть вопроса, связанную с ее самочувствием...

МУМ прервала его. Теперь она говорила хорошо нам известным четким, неторопливым баритоном:

— Схемы в порядке. Все проверено. Слушаю задание.

Ромеро расплакался. Я столько в эти дни навидался слез, сам недавно не удержался от них, что мог бы не удивляться плачу-

щему человеку. Но Ромеро придавал такое значение манерам, что немислимо было вообразить его в слезах. Я ждал, пока он успокоится. Он воскликнул с негодованием:

— Адмирал, у вас такой мрачный вид, будто вы не радуетесь выздоровлению от лихорадки времени. Или вас что-то томит?

— Меня многое томит. В частности, не знаю, как чувствует себя Голос, — отговорился я и поскорей отошел. Ромеро смотрел слишком уж пронизательно!

— Голос, друг мой, время стабилизировано! — сказал я в рубке. Граций уже шествовал вдоль стены. — Чувствуешь ли, что мы снова в здоровом времени?

Он ответил печально:

— Я чувствую, что время стабилизировано. Но не ощущаю в себе единства. Боюсь, что во мне стабилизирован разрыв между прошлым и будущим.

Все дни разорванного времени Голос был как бы надтреснут, в нем слышалось глуховатое дребезжание. А сейчас, мелодичный, полнозвучный, он так и лился в душу. Я не мог поверить, что такое гармоничное звучание прикрывает разрывы.

— Чепуха, Голос! В здоровом времени будущего нет. Следы прошлого остаются, но будущее еще только будет. Я слышу тебя, я вижу тебя, — ты в настоящем, в стабилизированном настоящем!

— Слишком много следов прошлого, Эли, — возразил он с той же грустью.

Я обратился к Грацию:

— В тебе, надеюсь, не стабилизирован разрыв между прошлым и будущим?

Он подумал и не спеша ответил:

— Во мне и не было разрыва. Ты ведь знаешь, Эли, наше будущее повторяет наше прошлое. Мы, бессмертные, всегда в наилучшем из времен.

В этом он прав. Галакты настолько совершенны, что будущее не способно улучшить их прошлое. Но это не относилось к Голосу. Генетически он принадлежал к галактам, но в жизни его страдания сменялись радостью и радость становилась страданием. У него одновременное существование в разных временах означало совмещение несовместимых форм жизни. Это не могло не породить раздвоения психики. Я не сказал Голосу о своей тревоге, зато признался в ней Ромеро, когда тот посетил меня.

— Не преувеличиваете ли вы, Эли? Между прочим, все МУМ вступают в строй. И остаточных повреждений интеллекта не обнаруживают.

Он так был наполнен радостью от восстановления цельного времени, что пришлось вылить немного холодной воды на его энтузиазм.

— Чего вы хотите от машин, Павел? Их обучили рассуждать, то есть делать выводы из посылок. Достаточно для рассудка, но мало для разума. В природе не дано расчлененных логических цепочек, природа существует сразу и вся, во всей целостности своих связей. Природа разумна, а не рассудочна.

— Зачем вы мне это говорите, Эли? Неужели я?..

— Подождите, Павел. Наше сознание разумно, рассудок лишь часть его. Рассудок восстановился, согласен. Но разум может остаться расколотым, — что тогда? Не появятся ли две личности в одной душе? Совместятся ли они или вступят в борьбу?

— Одна наверняка поборет другую!

— Хорошо, если победит хорошая.

— Вы мрачно смотрите на действительность, Эли.

— Хочу уяснить недостатки, чтобы не дать им разрастись в неудачи.

— В старину существовала забавная скороговорка: не то хорошо, что хорошо, а то хорошо, что нехорошо, да хорошо! Чем-то она напоминает ваш образ мышления.

Напоминание Ромеро свидетельствовало лишь о непонимании. Я прибег к простому расчету. Ромеро был неважным математиком — не столько понимал математику, сколько верил в нее. Мысли он мог оспаривать любые, но цифра представлялась ему непогрешимой.

— Возьмем нас с вами, Павел. В нормальном своем бытии мы составляем одну пару: Эли — Павел. Характеры наши могут быть скверны и хороши, но сочетание их имеет лишь одно значение.

— Мы можем бороться или мириться.

— Все равно — взаимоотношение однозначно. Пусть в нас произошло раздвоение личности. Я теперь одновременно Эли Старый и Эли Новый, а вы Павел Старый и Павел Новый. Взаимоотношения наши теперь образуют шесть пар: Эли Старый — Эли Новый, Эли Старый — Павел Старый, Эли Ста-

рый — Павел Новый, Эли Новый — Павел Старый, Эли Новый — Павел Новый, Павел Старый — Павел Новый. Иначе говоря, начинается борьба между двумя личностями в нас самих, ибо такое раздвоение не может не быть драматичным, если только ты не галакт, у которого и старое, и новое одинаково прекрасно. И четыре разных взаимоотношения между нами вместо прежнего одного. Вдумайтесь, Павел! В четыре раза увеличивается возможность конфликтов, несогласований, несовпадений, несовместимостей!..

— И в четыре раза увеличивается возможность совпадений, симпатий, дружбы!.. Вы видите только скверное, Эли? Вы очень изменились. Я вас не узнаю.

— Старею, Павел. Все мы стареем понемножку... когда-нибудь и как-нибудь.

Он медленно проговорил, не сводя с меня пристального взгляда:

— Вы храните тайну, Эли... Поделитесь, вам станет легче.

Я встал. Разговор заходил опасно далеко.

— Да, я храню одну горькую тайну. Еще не пришло время обнародовать ее.

— Мне кажется, Эли, я знаю вашу тайну.

Я усмехнулся. Он не мог знать моей тайны.

6

Голосу и Эллону не повезло. Из четырех образованных ими пар возобладала самая скверная: “Голос Старый — Эллон Старый”. Это не могло не привести к трагедии.

Нет, я не хочу сказать, что в каждом из них окаменело двоедушие и двуличие. Такое толкование было бы примитивным. Оба раздвоились, но не на двуличие, не на двоедушие, а на двоесущие. Ибо в двуличии присутствуют лишь одно лицо и одна личина, а в их двоесущии обе личности были одновременны и равноправны. И Эллон и Голос сохраняли свое единство, но то было чудовищное единство двух разных времен в одном “сейчас”. Все стало ясно, когда мы уже не могли ничему помешать.

Я сидел в командирском зале, когда нас с Олегом внезапно вызвали к себе Голос и Эллон. “Козерог” обходил в это время опасное сгущение звезд. МУМ работала с прежней четкостью.

Осиме с Камагиным, подстраховывающим друг друга, оставалось лишь превращать ее рекомендации в команды. Я сказал Олегу:

— Иди к Эллону, а я в рубку.

Голос встретил меня взволнованным выкриком:

— Эли, Эллон замышляет недоброе. Предотврати!

Я быстро сказал:

— Что замышляет Эллон? Мне надо знать точно.

Голос простонал:

— Не знаю. Очень плохое. Спешу, Эли!

Я опрометью кинулся в лабораторию. В ней снова появилась Ирина. Я впервые увидел ее после выздоровления. Очень похудевшая, она стояла у коллапсана. Я улыбнулся ей, она ответила сухим кивком. Эллон что-то запальчиво втолковывал Олегу. Я подошел к ним. Эллон, зло посверкивая глазами, сказал мне:

— Послушай и ты, что я говорил командующему. Больше терпеть плавающий Мозг я не намерен. Уберите его в какое-нибудь драконье или жабье тело. Ползающим я его приму, но не витающим.

— Что сказал командующий?

— Что драконов на корабле больше нет и что плавающий мозг останется в своем высоком шаре. Надеюсь, адмирал, ты объяснишь командующему, что его решение неправильно и нуждается в отмене?

— Мне не дано право отменять решения командующего, Эллон. Кроме того, я согласен с ним.

Если бы взгляд убивал, я был бы мгновенно испепелен — так поглядел Эллон. Долгую минуту он молчал. Молчали и мы с Олегом.

— Ваше мнение окончательное? — спросил Эллон.

— Наше мнение окончательное, — ответили мы в один голос.

Он высоко подбросил голову на тонкой шее и с таким стуком прихлопнул ее о плечи, что я вздрогнул. Ко всему у демиургов я привык — и к порхающей походке, и к фосфоресцированию синеватого лица, и к дикому хохоту, нередко нападающему на таких, как Эллон, — но к этой как бы вылетающей из плеч голове, к грохоту ее обратного падения никогда не привыкну. Это слишком уж нечеловеческое.

— Раз оба адмирала сошлись на одном, настаивать бесполезно, — сказал Эллон почти безразлично, и нас с Олегом обмануло его коварное спокойствие.

— Ты звал нас только затем, чтобы высказать претензии к Голосу? — спросил Олег.

Эллон страшно осклабился.

— Нет, адмирал, не только за этим. По приказу Орлана я прекратил доделку трансформатора времени, чтобы сконструировать стабилизатор. Теперь я трансформатор закончил. Полюбуйтесь.

Он подвел нас к панели и показал ручки прямого времени — в будущее, ручки обратного времени — в прошлое, ручки, возвращающие в настоящее и отключающие коллапсан. Потом мы вернулись к шару. В трансформаторе стояло кресло и панель с такими же ручками.

— В прежней конструкции выбросом в другое время распорядился оператор у коллапсана. Вы видели, как это происходило с Мизаром. Отныне сам путешественник командует своей судьбой.

Он сделал шаг к открытому люку. Я невольно схватил его. Он поглядел на меня со злой иронией.

— Ты боишься, что я хочу умчаться в другое время? И думаешь, что твоя рука помешает мне? Но согласись, адмирал, я мог бы выбрать для бегства часы, когда тебя тут нет, и никто не смог бы мне помешать.

Я отпустил его руку. Эллон вошел внутрь, захлопнул люк, сел в кресло.

— Вы слышите меня? — донесся его голос. — Слушайте внимательно. Плавающему мозгу не место на корабле! Он хорош в прошлом, но не в настоящем и не в будущем. Это я могу вам сообщить со всей определенностью, потому что меня готовили в надсмотрщики Четвертой имперской категории, и я отлично знаю, как обращаться с такими тварями. Довожу до вашего сведения, что Мозг сфокусирован в трансформатор и что я сейчас вышвырну его на Третью планету — задолго до того, как вы завоевали ее.

Олег бросился к трансформатору. Я метнулся к коллапсану, но мне преградила дорогу Ирина. Я отшвырнул ее. Она, лежа на полу, иступленно вцепилась в мою ногу. До нас донесся хохот Эллона.

— Слишком поздно, адмирал. Мозг уже в Персее. А сейчас и я погонюсь за ним! Приходи вчера, адмирал, ни сегодня, ни завтра нас уже не будет. Приходи вчера! — Он стал быстро исчезать.

Олег оставил шар и бросился мне на помощь. Он держал вырывающуюся Ирину, а я схватился за ручки коллапсана. В трансформаторе вновь появился Эллон: он вышвырнул себя в недалекое будущее и тут же вывалился обратно, чтобы пройти нуль времени по инерции. Ирина отчаянно закричала:

— Не трогайте ручек возврата! Они уже в прошлом. Они не перенесут второго переброса через нуль времени!

Я рванул ручку возврата. Что бы ни случилось теперь с Голосом, я не мог оставлять его в проклятом прошлом. В шаре вторично обрисовался Эллон. Он был один. И был мертв. Он полулежал в кресле, дико распахнув огромный рот, руки его судорожно вцепились в подлокотники, глаза были закрыты. Ирина потеряла сознание. Олег крикнул, чтобы я вызвал помощь, и понес Ирину к креслу. Я вместо помощи вызвал Голос. Эллон мог ошибиться: он мог и не выбросить Голос в прошлое — ведь не было Голоса в возврате! На мой отчаянный призыв откликнулся лишь испуганный Граций:

— Адмирал, Голос внезапно исчез!

Я схватил Ирину за руку, рванул к себе. Она раскрыла глаза, я крикнул:

— Говори, что делать? Немедленно говори!

Она прошептала:

— Ничего нельзя. Убили Эллона...

Я рванул ее еще яростней.

— Преступница! Скажи, как спасти Голос?

Она приподнялась. Никогда не забуду взгляда, каким она посмотрела на меня! Олег сказал:

— Не мучь ее, Эли. Может быть, она и преступница, но сейчас нуждается в помощи.

Я орал и на нее, и на него:

— Не будет ей помощи! Пусть скажет, что делать!

Она заговорила более внятным голосом:

— Я сказала — ничего... Голос погиб. Он весь — естественный... В Эллоне больше искусственного, но и он не вынес второго поворота. Поторопились с возвратом!.. И я не помешала! Я убийца, как вы!

Она зарыдала. В молчании мы стояли около нее. Я чувствовал, как меня оставляют силы. Олег сказал:

— Ирина, твой поступок вынесут на суд экипажа. Но объясни нам, зачем ты это сделала?

Она говорила сквозь слезы:

— Он упросил меня. У меня разрывалась душа... Он сказал, мы не подходим друг другу, я из прошлого, ты из будущего. Когда-нибудь женщина будет счастлива с демиургом, но это не скоро. Так он говорил перед тем, как вызвал вас.

— Ты не отвечаешь, Ирина...

— Он сказал, что хочет исчезнуть в прошлом, но возьмет с собой дракона. И я обещала помочь. Он сказал: “От тебя зависит моя жизнь, Ирина”. А я — убийца! Никогда себе не прощу!

Она зарыдала громче. Я сказал после короткого молчания:

— Эллон хотел ошеломить нас красочным спектаклем. Мы потеряли одного беззащитного друга и одного гениального инженера. Давай вытащим Эллона из шара, Олег.

— Ирина, иди к себе, — сказал Олег.

— Я пойду к себе, — сказала она покорно.

Олег стоял и следил, пока она не скрылась в коридоре. Я старался высвободить Эллона из кресла, но он как бы прикипел к сиденью. Олег стал помогать мне, вдвоем мы извлекли демиурга из шара и понесли к свободной от механизмов стене. Олег вдруг охнул и выронил Эллона. Из коридора выбежала Ирина и молнией промелькнула мимо нас. Я не успел и шага сделать, как Ирина вскочила в трансформатор и захлопнула люк. Олег закричал:

— Остановись, молю тебя, остановись!

Она крикнула из трансформатора:

— Прощайте! Не кляните меня! — и рванула рукоять.

Она пропадала на глазах — фигура быстро стала силуэтом, силуэт быстро таял. Она дала слишком сильное ускорение! Мы оба бросились к коллапсану. Олег схватился за ручку возврата, но я не дал ее вырвать.

— Проверь раньше, где она! Если в прошлом, остерегись!

Он быстро проверил сигнальные огни над ручками.

— Она в будущем, Эли!

— Тогда возвращай. Из будущего есть возврат.

Но она не возвратилась. Она слишком быстро умчалась в будущее. Мы долго стояли у трансформатора, ожидая, не обрису-

ется ли силуэт Ирины. Коллапсан, исчерпав энергию возвращения, выключился.

— Все, Эли! — устало сказал Олег. — Ирины больше не будет. Может быть, наши далекие потомки где-нибудь встретятся с ней. Пойдем известим экипаж о новой трагедии.

— Извещать нужно не только о гибели трех членов экипажа...

— Что ты имеешь в виду, Эли? Разве случилось еще несчастье?

— Да, Олег. Я хочу потребовать наказания для нового предателя на корабле!

— Нового предателя! Я не ошибся?

— Ты не ошибся. Среди нас появился еще один лазутчик рамиров. Я его обнаружил.

7

Я заперся у себя. Олегу сказал, что буду готовить доклад и выйду, когда все соберутся. Ко мне постучался Ромеро, я не отозвался. Мери просила впустить ее, но я крикнул, что должен сосредоточиться, должен от всего отключиться, — она притихла, я даже и шагов ее больше не слышал в соседней комнате. Лишь раз я заколебался. За дверью громко плакала Ольга. Ольгу я не мог не впустить, ее дочь погибла на моих глазах. Я отворил дверь и встал на пороге.

— Ольга, можешь считать меня черствым человеком, но не могу сейчас с тобой говорить об Ирине. Ты скоро сама поймешь — почему. Пойди к Олегу, он все тебе расскажет. Мое сердце обливается кровью, Ольга, это не фраза!

Она посмотрела на меня отчаянным взглядом и, ничего не сказав, отошла. Маленькая, поседевшая, сгорбившаяся, она пошатывалась, как больная. Мне было бесконечно жаль ее. Она пережила и мужа, и дочь, — и оба погибли страшно. Такой горькой участи нельзя было не сочувствовать всем сердцем. Но сейчас было нечто более горькое, чем даже ее горе.

Никакого доклада я не готовил. Я лежал на диване, то терзая себя жестокими мыслями, то устало отдыхая от них. Я удивлялся, почему мы нигде не обнаружили рамиров в телесном облике, хотя рамиры, несомненно, существуют; и все снова и снова спрашивал себя, чем мы их так прогневали, что они уничтожают корабль за кораблем; и еще больше удивлялся, почему они и

последний звездолет не превращают в клубочек пыли, раз уж воюют с нами и раз полное истребление любого противника им под силу, — тут была тайна, а я все не мог постичь ее; и о погибшем Лусине я думал, и о покинувшей нас так безжалостно Ирине, и о несчастном Голосе, вероятно распыленном по молекуле в разных столетиях прошлого, и о жестоком и гениальном Эллоне, и о милом умнице Мизаре, но больше всего о новом шпионе рамиров: и ненавидел его, и в душевном неистовстве сулил ему страшные кары, и грозил дать такой урок всем возможным лазутчикам наших врагов, чтобы никому не стало повадно!

В дверь условленным трехкратным стуком просигналил Олег. Я впустил его.

— Все свободные от неотложных вахт собрались в наблюдационном зале. Как себя чувствуешь, Эли?

— Почему ты спрашиваешь о моем самочувствии?

— Ты очень бледен.

— Зато решителен. Пойдем, Олег.

— Постой. Я хочу знать, кого ты подозреваешь в шпионаже.

— Ты узнаешь вместе со всеми.

Он опять задержал меня:

— Эли, я командую эскадрой. Мое право — знать больше всех и раньше всех.

С минуту я размышлял. Олег ставил меня в безвыходное положение. Я улыбнулся. Думаю, улыбка получилась вымученной.

— А если я подозреваю тебя, Олег?

— Меня? Ты в своем уме, Эли?

— Откуда же мне быть в своем уме, если все мы в той или иной степени впадали в безумие? Какое-то остаточное сумасшествие должно же сохраниться... — Я посмотрел ему прямо в глаза. — Олег, если ты приказываешь, я должен покориться. Прошу: не приказывай! Дай мне вести себя, как задумал!

— Пойдем! — сказал он и вышел первым.

В наблюдационном зале были погашены звездные экраны. Впереди, на возвышении, поставили столик, за него уселись Олег и я. Я обвел взглядом зал. Здесь были все мои друзья: люди и демиурги. Позади величавой статуей возвышался Граций, рядом с ним поместился маленький Орлан, в первом ряду сидели Мери и Ольга, а между ними Ромеро. Мери с такой тревогой

посмотрела на меня, что я поспешно отвернулся. Зал шумел. Олег постучал по столу, водворяя тишину.

— Вы уже знаете о трагедии в лаборатории и оперативной рубке, — сказал Олег. — Но сейчас мы собрались не для того, чтобы почтить память погибших товарищей. Научный руководитель экспедиции считает, что на корабле обнаружен шпион рамиров. Он представит на обсуждение свои доказательства.

Я встал.

— Прежде чем представлять доказательства того, что на звездолет проник лазутчик врагов, прошу вотировать наказание шпиону. Мое предложение — смертная казнь!

— Смерть? — донеслось до меня возмущенное восклицание Ромеро.

Его голос заглушили протестующие выкрики из зала. Не только люди, но и демиурги негодовали. Я спокойно ждал тишины.

— Да, смертная казнь! — повторил я. — На Земле уже пятьсот лет не совершаются казни. Казнь — пережиток древних времен, рудимент дикарской эпохи. Но я настаиваю на ней, ибо шпионаж — тоже пережиток варварства. Наказание за бесчестный поступок должно содержать в себе бесчестье.

Ромеро поднял трость.

— Назовите преступника, адмирал! Опишите преступление. И тогда мы решим, заслуживает ли он смертной казни.

Я холодно сказал:

— Казнь должна быть вотирована до того, как я назову имя преступника.

— Но почему, адмирал?

— Мы все здесь — друзья. И когда я назову шпиона, вы не сможете сразу отделаться от многолетней привычки считать его другом. Это скажется на вашем приговоре. Я хочу, чтобы каре было подвергнуто само преступление.

— Но смертной казни вы требуете для члена экипажа, который, по вашим словам, очень нам близок, а не для преступления как такового.

— Если бы я мог осудить преступление, презрительно игнорируя преступника, я бы пощадил его. К сожалению, преступление неотделимо от преступника.

— Воля ваша, адмирал, до того, как назовут имя, я не проголосую за наказание.

— В таком случае, я вообще не назову его. И он останется невредимым. И будет продолжать свое черное дело. И, выдавая наши планы рамирам, сделает невозможным вызволение звездолета.

Заговорил Олег:

— В старину существовал кодекс, карающий за преступление вне зависимости от личности преступника. Эли предлагает восстановить обычай заранее определять наказание за еще не совершенные преступления, чтобы предотвратить их. Помоему, это правильно.

— Но, по словам Эли, преступление уже совершено и преступник имеется, — подал реплику Ромеро. — Зачем тогда устанавливать ценник преступлений, прикрываемый благозвучным словом “кодекс”? Давайте судить преступника вместе с преступлением.

Олег отвел возражение:

— Доказательства преступления еще не представлены, имя еще не названо. Мы имеем право вести себя так, будто рассматриваем лишь возможность злодейства. Я за кодекс, или, по-вашему, ценник преступлений.

Упрямое лицо Ромеро показывало, что он будет противиться. Я знал, как сразить его. И не постеснялся громко сказать:

— Вы держите себя так, Ромеро, будто опасаетесь, что подозрение в шпионаже падет на вас!

Он хотел что-то запальчиво крикнуть, но сдержался. Ответ был не лишен достоинства:

— Если бы я опасался за себя, я проголосовал бы за казнь.

— Может быть, вы страшитесь, что неназванный преступник будет вам дороже себя, Ромеро?

Он ответил угрюмо:

— Хорошо, пусть по-вашему... Голосую за казнь преступнику... если преступление докажут!

— Будем голосовать, — сказал Олег. — Кто — за?

Лес рук поднялся над головами. Олег обратился ко мне:

— Называй преступника, Эли, и представляй доказательства.

Я знал, что первая же моя фраза породит шум и протесты. Через самое трудное я уже прошел — когда метался в запертой комнате, когда в последний раз стоял перед трупом Оана, когда в отчаянии, ночью, затыкал ладонью рот, чтобы не разбудить Мери стоном, которого не мог подавить.

Я постарался, чтобы мои слова прозвучали спокойно:
— Шпион наших врагов — я.

8

Ответом было ошеломленное молчание.

И единственным звуком, разорвавшим молчание, стал горестный возглас Грация:

— Бедный Эли! И он тоже!.. — И снова установилось молчание.

Я всматривался в зал и открывал на всех лицах одно и то же выражение горя и сочувствия. Лишь Мери, смертельно побледневшая, прижавшая обе руки к груди, не поверила, что я болен, она-то знала, что безумие меня не коснулось.

Ко мне подскочил Осима.

— Адмирал, все будет в порядке! Я провожу вас в постель. — Он потянул меня из зала.

Я отвел его руку. Олег обратился к залу, скованному, как спазмой, все тем же испуганным молчанием:

— Не отложим ли заседание? Мне кажется, электронный медик...

Ромеро прервал Олега ударом трости о пол.

— Протестую, — сказал он, вскакивая. — Вы ищете легкого решения, но легких решений не существует. Адмирал Эли здоровее любого из нас. И мы должны его выслушать.

— Вы единственный, кто не поражен, Ромеро, — заметил я.

Он ответил с вызовом:

— Я ждал именно такого признания, Эли.

— Стало быть, продолжаем? — спросил Олег у зала.

Раздалось несколько голосов: "Продолжаем! Продолжаем!" Большинство пребывало в прежнем молчании. Осима, недоуменно поглядев на мрачного Ромеро, возвратился на место. Олег сказал:

— Говори, Эли.

Я напомнил о признании Оана, что Жестокие боги проникают в среду аранов в облике паукообразных, чтобы иметь информацию о их жизни. Но кто такие араны? Деградирующая цивилизация, суеверная, бессильная. На что они способны? Чем опасны? Не следует ли отсюда, что, встретясь с несравненно более мощной цивилизацией, рамиры утратят свою настороженность, постараются заслать в нее значительно больше шпионов,

чем к безобидным аранам? И мы знаем, что лазутчик рамиров проник в нашу среду, что его звали Оаном, что Оан раскрыл наши планы своим хозяевам и те сумели сорвать их.

Но вот и новое. Мы были уверены, что, покончив с Оаном, покончили со шпионажем рамиров. Гибель “Змееносца” рассеивает эти иллюзии. Как могли рамиры узнать, что мы готовились сделать со “Змееносцем”? Внешняя картина наших действий не выдавала намерений. Но они установили нашу цель. Они знали план не извне, а изнутри. Как? От другого шпиона, оставшегося на корабле после гибели Оана! Нападение рамиров на “Змееносец” доказывает, что на “Козероге” был их агент.

И это естественно. Не будем считать врагов глупцами. Они не глупее нас. Они не могли не знать, что один соглядатай — слишком тонкая ниточка от них к нам. Если ниточка эта порвется, иссякнет поток важной информации. Агент должен быть продублирован. На кого же пал их выбор? Поищем за них лучший маневр. Эффективным агентом будет тот, кто в курсе всех планов, к кому стекается вся корабельная информация, в чьем мозгу рождаются осуществляемые потом планы. Таких членов экипажа два — командующий эскадрой и научный руководитель.

На этом месте Ромеро прервал меня:

— Договаривайте до конца, Эли. Такой человек один — вы. Вы знаете все намерения командующего, а он не имеет возможности вникать во все научные исследования на корабле.

— Принимаю вашу поправку, Ромеро. Я! Итак, умный враг постарается завербовать меня. Напомню, что так уже складывается моя судьба, что и в прежних экспедициях я оказывался в фокусе внимания противников. Разве ты, Орлан, не выбрал меня в качестве своего доверенного, когда замыслил переход на нашу сторону? Разве не сделал меня восприимчивым своим решений Главный Мозг на Третьей планете? Я неоднократно служил одновременно передающей антенной и приемником для тех, с кем сталкивала нас судьба. Рамиры постарались завоевать меня. Им это удалось. Я завоеван. Поверьте, мне горько говорить об этом. Но правде надо смотреть в глаза, если не хочешь терпеть поражение за поражением.

Что сегодня Оан? — спросил я дальше. — Труп предателя, заплатившего жизнью за предательство? Такой ответ очевиден, но он наивен. Рамиры могли бы и спасти своего агента, если бы

постарались. Они не старались. И вот Оан висит в консерваторе. Не просто висит — продолжает службу. Он нынче — датчик связи с рамирами. Как осуществляется связь, не знаю, но он передает дальше сведения, поставляемые его агентом. Агент — я. Мой мозг схвачен и мобилизован, мои мысли прочитываются, мои желания расшифровываются, мои намерения угадываются.

Здесь я сделал остановку. Мери не сводила с меня отчаянных глаз, мне трудно было оборачиваться в ее сторону. И на Ромеро трудно было смотреть: он был очень уж хмур. И Осима смущал меня: капитан не верил ни одному слову, это было ясно написано на его лице. Я смотрел на Грация и Орлана: галакт страдал за меня, Орлан понимал меня, мне становилось легче и от сострадания, и от понимания. Я перешел к тому, как узнал о своей неприглядной роли. Нет, было непросто разобраться в дьявольском хитросплетении пут, какими ухватили меня. Все началось с того, что я сам удивился, почему меня так тянет в консерватор, для чего разговариваю с мертвецами. Я не склонен к монологам, тут было что-то противное моей натуре, что-то навязанное. А когда погиб “Змееносец”, стало ясно, что кто-то явился для рамиров поставщиком секретной информации. Простой перебор членов экипажа исключал всех, кроме меня. Консерватор — самое экранированное помещение звездолета. Оану проще наладить связь с тем, кто посещает консерватор, чем с тем, кто находится за его стенами. Так и выяснилось, что поставщиком информации являюсь я!

— Я высказал все, что знаю о себе, и облегчил душу, — закончил я. — Я должен был предвидеть последствия своего общения с мертвецом, загадочность которого очевидна. Я поступал опрометчиво — и это одно в наших условиях является преступлением. Но я требую казни для себя не только в качестве кары за проступок, а и для гарантии общего спасения. Рамиры прочно настроились на мой мозг. Хочу я или не хочу, они будут через меня получать информацию о наших планах. В момент, когда мы предпримем новую попытку вырваться, это опасно.

Я сел. Общая растерянность терзала меня — не потому, что мне нужна была защита, нет, но и уходить из жизни в безмолвии зала я просто не мог. Олег спросил, согласны ли со мной, возражают ли, — все молчали. Ромеро что-то тихо говорил Мери.

— Итак, кто хочет слова? — снова спросил Олег.

Внезапно взорвался Осима. Самооговоры адмирала — чепуха! У адмирала расстроены нервы, он долго крепился, но сдал, пусть жена поухаживает за адмиралом, больше ничего не нужно.

И опять поднялся Ромеро.

— Я уже сказал, что здоровье Эли — великолепно. И он познакомил нас со слишком важными данными, чтобы мы могли от них отмахнуться. Я настаиваю на обсуждении.

— Тогда начинайте его, — предложил Олег.

— Хорошо, начну я. В том, что сказал адмирал, есть нечто, против чего буду протестовать. Я соглашаюсь, что Оан — не просто мертвец, а хитро специализованный датчик связи рамиров. И я поддерживаю адмирала, что на корабле имеются поставщики информации для них и что одним из них является сам адмирал.

— Иначе говоря, вы полностью поддерживаете формулу обвинения? — уточнил Олег.

— И не думаю!

— Но столько точек соприкосновения с тем, что доложил научный руководитель!..

— Точек расхождения больше. Назову главные. Труп Оана — датчик связи, но вряд ли единственный. Рамиры не могли не учитывать, что мы можем уничтожить Оана, — скажем, сжечь его и вымести прах. Пока Оан был на корабле, он, вероятно, насадил и иные подслушивающие, подсматривающие, угадывающие устройства, — вряд ли мы найдем их все. Теперь второе. Сомневаюсь, чтобы адмирал был единственным источником информации для рамиров. Соображения те же — он может умереть, сойти с ума. Адмирал считает, что продублировал собою Оана. Но кто даст гарантию, что любой из нас не дублирует адмирала? Он, конечно, самый ценный поставщик информации, но много на себя берет, воображая, что единственный.

— Вы еще мрачнее смотрите на положение вещей, чем научный руководитель, — заметил Олег.

— Вы скоро увидите, что это не так. Адмирал никакой не шпион! Хотя бы уже потому, что стал им не добровольно, а шпион, замечу вам, — профессия, а не несчастная случайность. Любой из нас, возможно, такой же шпион, как Эли. Всех казнить? Таким образом, преступление не доказано — и кара, за которую мы проголосовали, бессмысленна. Не за что наказы-

вать нашего друга Эли! Не могу не сказать и того, что, кроме нелепости наказания, есть и еще важнейшая причина, почему мы должны с негодованием отвести предложение адмирала. Могу я остановиться на этом?

— Конечно, Ромеро!

Зал молчал, когда говорил я, зашумел, когда Ромеро излагал свои контраргументы, и снова погрузился в молчание, чуть Ромеро заговорил о “важнейшей причине”. Я хочу сделать пояснение. До сих пор я диктовал, сейчас даю запись. Я мог бы и не приводить похвалы в свой адрес, но делаю это потому, что из речи Ромеро последовали важные практические выводы. Ромеро говорил, обращаясь ко мне:

— Адмирал, я знаю вас с детства — и не перестаю удивляться вам. Вы обычны и необычны одновременно. Тайна ваша в том, что вы всегда соответствуете обстоятельствам. В средней обстановке вы средний из средних, не то чтобы приятель, даже проницательнейшая из академических машин не выделит вас из массы подобных вам. Разве не произошло именно это, когда набирали экспедицию на Ору? Но стоит запахнуть грозой, как вы меняетесь. Вы как бы пробуждаетесь от ординарности, выпрыгиваете из обычности. Вы, мне иногда кажется, просто рождены для великих потрясений. Мы порой теряемся в трудных обстоятельствах, чаще энергично боремся с ними, мужественно преодолеваем, мы все в себе напрягаем, чтобы встать вровень с ними, а вы им свой, вы всегда на уровне высочайших необычностей, вы как бы созданы для них, а они для вас. В бурях вы — буря. Среди неожиданностей — неожиданность. В мире загадок — проницательнейший разгадчик. Чем грозней противник, тем грозней и вы, вы всегда соответствуете своему противнику. Друзья мои, друзья, вспомните, как недавно, истерзанные разрывом связи времен, мы постепенно впадали в безумие, теряли волю к сопротивлению. И единственный, кто не поддавался губительному раку времени, кто яростно восстал против ослабления, был он, наш научный руководитель, наш адмирал, наш друг Эли. Как же вы посмели потребовать, адмирал, чтобы мы сами, собственным решением, собственными руками погасили ваш мозг — величайшее из наших богатств, оборвали вашу волю — надежнейшую из гарантий нашего вызволения из беды? Эли, друг мой, как могла явиться в вашу светлую голову такая кощунственная мысль?

Он, конечно, был оратором в старинном стиле — из тех, что витийствуют под аплодисменты и восторженные выкрики. Он добился своего — ему аплодировали и кричали. На меня уже никто не обращал внимания, все лица были обращены к Ромеро. Он стоял, опираясь одной рукой на трость, другой жестикулировал. Я, вероятно, и сам был бы покорен и красочной позой, и горячей речью, если бы дело шло не обо мне. Я постарался низвести Ромеро с горных высот психологии на унылую равнину практических забот.

— Не знаю, Павел, отдаете ли вы себе отчет, что, отказываясь от борьбы с невольными агентами врага, вы предаете нас всех в их могущественные и безжалостные руки?

— Нет, адмирал! Тысячу раз — нет!

— Вы отрицаете, что рамиры — могущественны и безжалостны?

— Что могущественные, соглашаюсь. Нелепо отрицать очевидность. Но что безжалостные — отрицаю!

Я с негодованием воскликнул:

— И вы говорите все это после того, как мы видели, как они издеваются над аранами? Разве не звучит в ваших ушах надрывный вопль: “Жестокие боги!”? И разве трупы Лусина и Труба, уничтоженный “Телец”, разгромленная эскадра не свидетельствуют, что они жестокие и что они нам враги?

— Нет, нимало не свидетельствуют!

— Кто-то из нас двоих и вправду сошел с ума! И надеюсь, что это не я. Кто же они такие, если не жестокие и не враги?

— Адмирал! Они равнодушны к нам.

9

Я бы погрешил против истины, если бы не признался, что был потрясен. Есть слова радостные и неприятные, пустые и малозначащие, легковесные и такие, что тяжесть их ощущаешь как гирю. Большинство наших слов — информирующие. А есть слова-озаренья, слова-молнии, пронзительно высветляющие тьму, слова-ключи, размыкающие тайные двери к захороненной истине. Таким озаряющим, таким ключевым и прозвучало словечко “равнодушны”. Для меня Ромеро мог дальше и не говорить. Я уверовал сразу и окончательно.

А Ромеро все говорил, распаляясь от собственного красноречия. Все переворачивалось, все становилось с головы на ноги: в

грозный мир, окружавший нас, в нелепый и дикий мир возвращалась естественность.

Гибель “Змееносца” навела и Ромеро на мысль, что у рамиров и после смерти Оана имеется свой информатор на “Козероге”. Но потом он усомнился, нужны ли им агенты среди нас. Враги ли они? И он вспомнил предания разрушителей и галактов, что могущественные рамиры переселились в центр Галактики, чтобы перестраивать ядро. Вот оно, это ужасное ядро, за стенами корабля! Невообразимый хаос, непрерывно длящийся вечный взрыв — такова грозная картина ядра. Что здесь перестраивать? Здесь может быть лишь одна надежда — не допустить до всеобщего столкновения звезд, до вселенского коллапса, грозящего гибелью всей Галактике. Всемирное тяготение, такое чудесное свойство материи в местах, где ее мало, становится проклятием, когда материя сгущена, как в ядре. Самые надежные лекарства превращаются в яды, если брать их в больших количествах.

— Я вообразил себе, что мы на много порядков могущественней, чем сейчас. И пришел к выводу, что поставил бы себе задачу — подальше убирать от ядра все, что возможно вынести на периферию Галактики, создать дисгармонию, как-то направленную против процессов, ведущих к взрыву. Не о том ли сигнализирует выброс из ядра шарового скопления с миллионами звезд? Не имеет ли к тому же отношения и распыление светил в Гибнущих мирах, а возможно, еще в тысячах скоплений, которые остались нам неизвестны? И если при этом гибнут какие-то формы жизни — не останутся ли к этому равнодушны могущественные чистильщики? Вас это возмущает? Но вообразите такую ситуацию. Заражен гниением большой участок леса, болезнь распространяется на весь лес. Мы вышли бороться с гнилью, валить деревья. Станем ли мы считаться с тем, что попутно уничтожим и какую-то часть лесных муравьев? Мы равнодушны к ним, мы не желаем их гибели. Пусть они бегут, лишь бы не мешали. Но если, разъяренные, что их жилища разворочены, они кинутся на нас, не передадим ли мы их? Нет ли здесь аналогии с тем, что мы наблюдали в Гибнущих мирах?

— Мы, очевидно, тоже относимся к галактическим муравьям? — спокойно поинтересовался Олег.

— В какой-то степени — да. Рамиры могли бы давно уничтожить и нас, и аранов, если бы мы были их реальными врага-

ми. Мы значим для рамиров столько же, сколько муравьи для человека. А что они стараются заранее знать о наших намерениях, так ведь и мы постарались бы иметь информацию о движении муравьев в лесу — ну хотя бы для того, чтобы не губить их понапрасну. Говорю вам: рамирам плевать на нас! И лишь когда мы как-то — разрывом ли пространства, нарушением ли гравитационного равновесия — затрудняем их деятельность, они щелчком сердито отбрасывают нас, а нам представляется, будто вспыхнула война и на нас движутся армии безжалостных врагов! — Ромеро, говоривший до этого в зал, повернулся ко мне: — Убедил ли я вас, друг мой?

— На три четверти, Павел.

— А почему не полностью?

— Очень уж неприглядную роль отводите нам. Галактические муравьи! Если это и правда, то горькая.

— Когда-то люди сочли очень горькой и ту правду, что Земля вращается вокруг Солнца, а не Солнце вокруг Земли. И многие восприняли как оскорбление, что существуют и другие разумные цивилизации, кроме человечества. Величайшей ошибкой было считать себя всех превосходящими. вспомните, Эли: по мере того как росли могущество и разум человечества, все больше рассеивалось ощущение исключительности человека во Вселенной. Будем и дальше продолжать этот процесс самопознания!

— Почему вы обращаетесь ко мне? Говорите для всего экипажа!

— Спор идет о том, какую роль для рамиров играете именно вы, а не другие. А я в самой постановке вопроса вижу все то же ваше высокомерие. Не нужно новой трагедии ошибок. Мы вообразили себе рамиров слишком людеподобными, верней — существоподобными. А это не доказано, друзья мои!

Ромеро дальше сказал, что еще в двадцатом веке старой эры один физик разделил все живые существа на три класса: цивилизации первого порядка, которые приспособливаются к обстановке; цивилизации второго порядка, которые приспособливают обстановку к себе; и цивилизации третьего порядка, меняющие самих себя, если не могут или не хотят изменить внешней обстановки. Все животные — первого порядка, это существа примитивные. Люди и их звездные друзья — на класс выше: им под силу делать свое окружение удобным для себя. Но люди не ста-

новятся жароупорными, чтобы спуститься в жерло вулкана, хладоустойчивыми, чтобы нагишом прогуляться в космосе. Рамиры, возможно, еще на класс выше. У них нет постоянного облика, они могут создавать себе любой. Аран был не маской рамиров среди аранов, а обыкновенным рамиром, напялившим араноподобие. Сверхъестественного здесь нет, только высокое развитие цивилизации.

— Когда-нибудь и наши потомки, друзья, будут свободно менять свой облик. И телесное несходство демиурга и человека, ангела и невидимки, галакта и арана не будет непреодолимым препятствием даже для их взаимной любви. Я верю в это!

— Вот мы и завершили обсуждение, — сказал Олег. — Самообвинения научного руководителя опровергнуты. Но удовлетворения у меня нет. Важнейшие практические вопросы темны. И самый первостепенный — как вывести последний корабль из ядра?

И Олег напомнил, что до сих пор мы искали прямых путей выхода, путей, эффективных самих по себе. Само по себе здесь ничто не эффективно. Здесь годится лишь то, что не противодействует рамирам. А что им не противодействует? Какое наше действие не вызовет очередного “щелчка по носу”?

— Наш плен, между прочим, противоречит вашей теории о равнодушии к нам рамиров, — заметил Олег Павлу. — Она не объясняет насильственную задержку звездолета. А без объяснения этого вырваться на волю затруднительно. Все мы будем думать об этом, а тебя, Эли, попрошу особо. — Он с грустной насмешкой улыбнулся. — Если ты их связной, то они могли бы и подсказать тебе решение загадки!

Олег закрыл совещание, и я подошел к Мери. Она смотрела на меня, как на вернувшегося из могилы. Я провел рукой по ее волосам, она улыбнулась бледной улыбкой. Глаза ее были полны слез.

— Не надо, — сказал я. — Павел блистательно доказал, что я не изменник. Эту ночь мы будем спать спокойно. Благодарю Павла.

Ромеро церемонно поднял трость.

— Что вы искренне верите в собственную измену, непостижимый Эли, мы все видели. Сомневаюсь, чтобы ваша жена была так наивна.

— Ах, я уже не знаю, во что верила, во что нет, — сказала она устало. — Я привыкла к тому, что Эли способен на все... Действия его временами так противоречат всему, чего ждешь... Я думала о том, смогу ли заставить себя быть живой, если с виновностью Эли согласятся.

Я попросил Ольгу задержаться. Когда мы остались одни, я сказал:

— Теперь ты понимаешь, что я не мог впустить тебя перед совещанием? Спрашивай, Ольга.

— Расскажи, как это случилось. Ирина перед испытанием пришла на обед страшно взволнованная. Я отнесла ее возбуждение за счет слабости после болезни, она так легко раздражалась, так часто плакала...

— Разве Олег не говорил, о чем просил Ирину Эллон?

Олег рассказал Ольге все, что знал, она хотела знать больше. Но я мог только повторить его рассказ. Ольга заплакала, когда я упомянул, что Ирина попросила не проклинать ее. Я с нежностью глядел на маленькую голову Ольги, на ее седые вьющиеся волосы. Судьба многим одарила эту женщину: и громкой славой, какой не доставалось ни одной другой женщине, и горем, которого хватило бы, чтобы разорвать любое сердце.

— Как ты думаешь: она погибла?

На это я не мог ответить. Выброшенные в прошлое не возвращались живыми. Это мы видели на примере Мизара и Эллона. Но из будущего возвращение совершалось: вспомним Оана, выскользнувшего из будущего прямо на наш звездолет, того же Мизара, того же Эллона — он ведь живым промелькнул мимо нас, низвергаясь из будущего в прошлое. Ирина не вернулась, но это не значит, что она мертва. О физике прошлого мы что-то знали, но что мы знаем о будущем?

— Олег говорит то же, что и ты. Но я боюсь, что он просто хочет утешить меня.

— Олегу важней утешить себя. Он любит Ирину. И потом, что значит — утешить? Ты не только капитан галактических кораблей, но и знаменитый астрофизик. Мы должны спрашивать у тебя, что произошло с Ириной, а не ты у нас.

— У меня просьба к тебе и Олегу. После гибели “Овна” я могу только дублировать Осиму. Но у него такой прекрасный дублер, как Эдуард. Я бы хотела заняться механизмами времени. Я считаю своим долгом закончить работы, которые начала моя

дочь. Любое расстройство стабилизатора может ввергнуть нас в новое безумие.

Я догадывался, что она мечтает еще и том, как найти безопасные выходы в будущее и дознаться, что совершилось с Ириной.

— В моей поддержке не сомневайся. Думаю, и Олег не воспротивится.

10

Исчезнувший Голос заменил Граций. Мы немного поспорили, не нужно ли возвратиться к прежней схеме звездолетовождения: анализаторы — МУМ — командир корабля. Схема ни разу не отказывала в спокойных космических областях. И Осиме, и Камагину такая практика казалась удобней. Мы с Олегом не согласились с ними. МУМ — механический рассудок, она беспомощна без причинной связи. Грозный опыт показал, что нарушение течения времени выводит из строя рассудок. Причинная связь — эквивалент нормальной связи времен, а нормального-то времени в ядре как раз и нет! Над рассудком должен стоять разум, мыслящий целостно.

— Граций отлично справится с прежней функцией Голоса, — объяснил капитанам Олег. — У них одинаковая структура мозга, ведь и Голос по происхождению из галактов.

Так Граций стал полновластным хозяином оперативной рубки. Он не вознесся на высоту, как его предшественник. Но и не захотел дальше неумоимо шагать вдоль кольцевых стен. Он затребовал кресло. Кресло разыскали самое огромное, из корабельного “запаса на все случаи”, в обычных приспособлениях для сидения массивный галлакт не разместился бы. Водрузили его на специальный постамент.

И теперь Граций представал входящему такой величественной фигурой, что всякого охватывал трепет. Ромеро сказал, что раньше Граций был богоподобен, а сейчас — богоравен. И мне Граций напоминал Зевса, восседающего на троне, — кажется, была такая древняя статуя. Величавое богоравенство не мешало Грацию работать с быстротой человека и исполнительностью демиурга. Мозг у галактов подвижней тела. Если не требовалось размахивать руками или бежать, Граций мог бы дать фору любому. В спринте на беговой дорожке он не взял бы и жалкой премии, но состязаться с ним в быстроте мышления не стоило.

Еще до того как Граций утвердился в рубке, меня посетил Орлан. Демиург не любил ходить по гостям. Мы обычно встречались с Орланом в служебных помещениях. Лишь у Грация Орлан бывал часто — вероятно, из желания подчеркнуть, что между демиургом и галактом не существует ненависти, некогда разделившей их народы.

— Эли, правда ли, что работами по трансформации времени будет руководить капитан Ольга Трондайк? — спросил он так официально, как я не слышал от него со времени, когда он выступал от имени Великого разрушителя.

— Ты против, Орлан?

Он взметнул вверх голову на гибкой шее, но из уважения ко мне опустил ее без большого шума.

— Работы по трансформации времени вели демиурги. Мне бы самому хотелось заменить Эллона.

Не могу передать, как я удивился. Орлан был для меня в разные годы разным: звездным адмиралом, пленившим мой корабль, могущественным вельможей Империи разрушителей, жестоким врагом вначале, добрым другом потом, соратником по бедствиям, одним из создателей Звездного Содружества и, быть может, самым близким мне существом среди разумных нелюдей. Но инженером я его представить себе не мог. Он никогда не выказывал ни интереса к расчетам, ни влечения к конструированию механизмов.

Но Орлан объяснил, что в молодости готовился в промышленные руководители: получил инженерное образование, стажировался на заводах. И не удостоился назначения в министры звездолетостроения лишь потому, что Великий разрушитель поручил ему дела большой галактической политики.

— В том, что я бросил инженерную деятельность, виноваты Ольга Трондайк и ты, Эли. После вашего пролета через неевклидовы теснины Персея и взрыва Второй планеты Великий призвал в свое окружение всех, кто по знатности мог служить опорой трону.

— А сейчас ты хотел бы вернуться к инженерным делам, Орлан?

— Эли, я сейчас единственный, кто не имеет индивидуальных заданий. После ухода Грация в рубку и особенно после гибели великого Эллона мне грустно слоняться по кораблю.

— Ты не возражаешь работать с Ольгой, как Эллон работал с ее дочерью?

— Если она не возражает, Эли.

— Она не будет возражать.

Несколько дней я не ходил в консерватор. А затем меня снова потянуло на корабельное кладбище. Но спускался я туда по-новому. Старые чувства были развеяны, новые только нарождались. В каком-то смутном смятении я не знал, чего хочу, чего жду.

В консерваторе добавился новый саркофаг. Я постоял около Эллона. Демиург обладал могучим мозгом, но вибрации времени не снес. Даже гений не способен вынести душевный разрыв между прошлым и будущим без прочной опоры в настоящем.

Я медленно шел от Эллона к Мизару, от Мизара к Трубу, от Труба к Лусину. Я не спешил к Оану, перед араном я должен был задержаться надолго: мне хотелось снова поговорить с ним.

— Оан, я не знаю теперь, кто ты — посланец врагов или безучастных к нам, или даже непонятных друзей, — сказал я, когда подошел к саркофагу лазутчика. — А ведь это важно знать, согласишься, если ты способен понимать меня. О, ты понимаешь, в этом-то я уверен! Ты — датчик связи между нами и рамирами, вот и все твои секреты. Сложное устройство, сложное, подслушивающее, подглядывающее, мыслечитающее, а к тому же еще и выполненное в форме живого существа, правда, наполовину превратившегося в силуэт, но это уже ни от тебя, ни от твоих хозяев не зависело: и муравьи способны укусить дровосека! Скажи же мне, Оан, чего вы хотите от нас? Почему держите пленниками в стреляющем звездами, как дробинками, костре ядра?

Я с таким волнением обращался к нему, словно и впрямь ожидал ответа. Оан, естественно, молчал. А я все настойчивей требовал:

— Если ты и вправду датчик связи, то двойного действия — от нас к рамирам, но и от рамиров к нам. Наши намерения ты передал, сообщи теперь их желания. Ты многое нам уже сообщил, не отрекайся: и что вы имеете лазутчиков среди аранов и ты один из них, и что время здесь самое опасное — разве не такую мысль ты внедрял в наши головы? И что вы ищете способа овладеть ходом времени, переноситься в грядущее и возвращаться обратно, именно ради такого успеха и погибло пятеро

твоих друзей — вероятно, тоже рамиры в образе аранов. Ты не из шпионов-полупроводников, что поставляют информацию лишь от врага к хозяину. Ты механизм двойного действия — вот кто ты. Так не молчи! Даже если вы равнодушные, даже если вы безучастны к нам, то ведь и такие кричат: "Уйдите с дороги!", когда им мешают. Скажи, молчаливый, какую дорогу мы вам загородили? Куда свернуть, чтобы не путаться у вас под ногами?

И опять он молчал. А я, впадая в бешенство, повысил голос. Я грозил Оану кулаком. Моих беснований никто не видел, здесь-то уж я мог распоясаться!

— Молчи, молчи, но думай обо мне! Думай о моих вопросах! Передавай их равнодушным собратьям. Мы не муравьи, что бы там ни говорил Ромеро о вашем величии и нашем ничтожестве. Мы вырвемся из ада, в котором вы заперли нас! Не по искривлениям метрики, не по гравитационным лазам, без аннигиляции вещества и пространства, здесь все выходы заказаны — это мы уже постигли. Мы вырвемся через то время, которого ты страшишься как больного и которое единственное спасет мир от уничтожения. Не рыхлое, а гибкое, не разорванное, а струящееся, не мертвое, а живое — вот таким оно будет в наших руках! Мы вырвемся, говорю тебе! Через время прямое, ведущее в будущее, через время обратное, свергающее в прошлое, через время кривое, через время перпендикулярное!..

Меня ошеломил собственный выкрик! Свершилось! Слово было сказано. Тьму загадок озарило сияние истины. Пока это было еще слово, а не поступок, но слово стало мыслью. И без рассуждений, каким-то нерасчлененным, но бесконечно убедительным пониманием я знал уже, что нашел единственно важное! Это было решение, какого мы все искали. И оно пока было только словом, невероятным, озаряющим, поистине ключевым словом — "перпендикулярное".

Вспоминая сейчас ту минуту, я снова волнуюсь. Меня опять наполняет восторг открытия. Я, повторяю, не рассуждал, я просто знал, я только знал — да, загадок больше нет, да, найдена единственная возможность спасения. И если бы меня в тот момент спросили, могу ли я хоть чем-нибудь обосновать свою уверенность, я ответил бы растерянным молчанием — нет, ликующим, а не растерянным! Время обоснований еще не наступило. Ведь я только знал! Я увидел ключ к запертой двери. Я

еще не открывал заветной двери внезапно очутившимся в руке ключом. Я только знал, что дверь будет открыта!

Я кинулся наружу. Мне надо было видеть Олега. В коридоре я вспомнил, что МУМ работает, можно послать мысленный вызов. Олег был у себя. Я услышал удивленный голос:

— Я срочно нужен, Эли? Прийти к тебе или в лабораторию?

— Лучше всего у тебя, Олег.

— Хорошо, иди ко мне...

Он встал, показал на кресло. Лицо его вдруг стало краснеть: мое волнение мгновенно передалось и ему. Я сел, он продолжал стоять. На столе покоился рейсограф — ящичек, похожий на МУМ, но поменьше, он, как и МУМ, хранил в себе нептуниан, бесценный зеленоватый кристалл, неизменное сердце всех схем в мыслящих механизмах. Только в рейсографе нептуниан использовался не для расчетов, а для записи пройденного пути. Это была память о рейсе — то, что раньше называлось бортовым журналом. Я бросил взгляд на рейсограф и отвернулся. Олег сказал с надеждой:

— Эли, у тебя такой вид!..

— Выход на волю не там, где мы ищем, — сказал я. — Надо испробовать время перпендикулярное, а не прямое и обратное.

И с ним произошло то же чудо! Он мгновенно понял, мгновенно уверовал! Слово “перпендикулярное” не прозвучало, а просветило: это было озарение, а не разъяснение. Олег посмотрел на меня с восторгом, я мог насладиться эффектом, но сказал он то, что должен был сказать командующий эскадрой:

— Да, конечно, это было бы решение. Но существует ли перпендикулярное время? Можем ли мы овладеть им?

— Давай оценим аргументы за и против.

— Говори ты, я буду возражать, если найду возражения.

Только сейчас подошло время рассуждений. И с той же уверенностью в истине, которая охватила меня, когда с языка сорвалась формула “перпендикулярное время”, я знал, что найду неопровержимые доказательства и опровергну сомнения. Озарение должно превратиться в знание — из провидения стать теорией.

И я начал с того, что до сих пор мы знали лишь одномерное время, одномерное и однонаправленное: оно шло от прошлого через настоящее к будущему. Время вытягивалось в линию, показывало лишь в одну сторону. Только так идут наши малень-

кие процессы в нашем маленьком мирке. Мы уверовали, что по-иному и быть не может. И когда в ядре повстречались со временем гибким и нелинейным, не поняли его сути, сочли, что оно непрочное, в страхе заговорили о разорванной связи времен.

— Иначе говоря, ты утверждаешь, что разрыва времени нет?

— Да, я это утверждаю. Разрыв времени — лишь наше представление о куда более сложном процессе его изгиба. Реальное время двумерно, его можно изобразить векторами на плоскости, а мы видим лишь его проекции на одну ось. И если время ушло в сторону, перпендикулярно к оси, на ней появится пустой интервал, мы в ужасе видим разрыв. Нет, время не разрывается, оно непрерывно, но направлено не только вперед, не только назад, но и вбок. И напомню, — добавил я, сам пораженный воспоминанием, — что Оан когда-то тоже говорил об изгибах времени.

— Представить себе изгибы времени трудно...

— А можно представить себе искривление пустого пространства? Неевклидову метрику пустоты? Уверяю тебя, это еще трудней. Оан наталкивал нас на открытие, но мы были тогда далеки от нового понимания времени. А между тем все вокруг должно было бы подвести нас к нему. Вот тебе поразительный факт. Во Вселенной не существует одновременности. Одновременность мира — абстракция. Такая же абстракция, как геометрическое тело, лишенное физических свойств. Мы сами выдумали эту абстракцию, и она безмерно нас путает, не разъясняет, а затемняет мир. Реально любое тело в мире разновременно. Любой процесс, протекающий, как нам кажется, мгновенно, есть лишь статистическая равноденствующая бесконечно разных, бесконечно далеких одна от другой эпох, лишь схлестнувшихся в данный миг в данной точке данного тела.

— Парадоксально, Эли. Нужно обосновать...

Обоснование меня не затруднило. Каждый объект существует в своем индивидуальном времени, это так. Но ведь изолированных объектов нет, все кругом взаимодействует со своим окружением: атом с атомом, звезда со звездой, галактика с галактикой. Связь эта реальна, но одновременна ли? Ни в коем случае! Мы видим ближнюю звезду, какой она была десять лет назад, дальнюю — тысячи лет назад, периферию Галактики — сотню тысяч лет назад, а другие галактики видятся нам сегодня, какими были миллионы и миллиарды лет назад. Вот он, наш

сиюминутный пейзаж: одно мгновение картина мира — бесчисленные мазки из разных эпох, лишь совмещенных в воображаемой сиюмгновенности: Вселенная в любой точке, для любого взгляда, в любое мгновение безмерно разновременна. Реальной одновременности не существует, ее можно лишь вообразить, а не физически обнаружить.

И это не мираж. Нет, одновременная разновременность — реальный процесс, грандиозный физический процесс, тот, что определяет всю структуру мироздания — взаимодействие всех материальных объектов Вселенной. Ибо космос наполнен гравитационными волнами, частицами, фотонами, газом, пылью... И все это облучает, окутывает, притягивает, отталкивает. И одно приходит из вчера, другое из миллиарда ушедших лет, а суммарное действие их в любом месте — сиюмгновенно. И каждый объект на воздействие этих разновременных сил отвечает своим воздействием, но и оно достигает своих соседей неодновременно — близких скоро, дальних через миллиардолетия. Таким образом, действующее время любого места Вселенной — равновесие всех прошедших эпох, вся безмерная громада миллиардолетий, сведенная в одно мгновение.

Олег снова прервал меня:

— Между прочим, отсюда следует, что настоящее никогда не теряется в бездне прошлого. Допустим, я излучаю в пространство свое изображение, свои поля — в общем все, что я как космическое тело собой представляю. И сколько бы ни прошло лет, в каком-то отдаленном уголке Вселенной всегда найдется это мое мчащееся излучение, и оно будет физически воздействовать на встречающиеся объекты. Мое прошлое будет реально существовать в моем далеком будущем!

— Ты меня опровергаешь или выискиваешь подтверждения?

— Перейдем к практическим вопросам, — предложил он. — Концепция твоя интересна, но я хотел бы определить программу действий.

— Не знаю, сколь практична программа, это можно установить лишь в лаборатории.

План мой сводился к следующему. Пребывание в ядре, в однолинейном токе времени, рано или поздно кончится нашей гибелью. Выход вперед, через будущее, или назад, через прошлое, не удался. Главная опасность — переход через нуль времени. Мертвая материя выдерживает такие переходы легко, но

для организма они смертельны. Стало быть, нужно выйти из однолинейности в двухмерность времени. Преодолеть узлы своего времени и шагнуть во время соседнее, в иное время, в ино-время, как можно его назвать. Не просто оторваться от своего времени, а искривить его, отклониться в сторону — и держать искривление постоянным. И получится, что в каждый данный момент мы движемся вперед, в сторону будущего, а в сумме все больше и больше отклоняемся от него. А в какой-то точке, продолжая двигаться вперед, мы расстаемся со своим будущим, хотя и не пересекаем нуля времени, и начинаем двигаться к своему прошлому, которое теперь и является нашим будущим.

— Ты описываешь движение по окружности, Эли.

— Совершенно верно. В этом и есть моя мысль — вырваться из одномерного, прямолинейного времени во время двухмерное, кольцевое. Форма кольца нужна для того, чтобы суметь возвратиться в свое прошлое, не переходя опасного нуля времени.

— Кольцо обратного времени! — задумчиво проговорил Олег. — Звучит хорошо.

— Если тебе нравится название, так и назовем операцию: возвращение по кольцу обратного времени. Не хочешь ли пойти в лабораторию и набросать с Орланом и Ольгой план экспериментов?

Олег взял рейсограф и понес его в сейф. Я спросил:

— Почему тебя заинтересовал пройденный путь?

Он молча возвратил рейсограф на стол, так же молча нажал кнопку. На экране, встроенном в рейсограф, вспыхнула тысячекратно виденная уже картина — дикая сумятица звезд, взрыв, некогда прогремевший в ядре и непрерывно с той поры совершающийся. На больших звездных экранах можно было наблюдать такие же безрадостные пейзажи, но живые, быстро меняющиеся, а здесь рейсограф показывал картину, схваченную в один из моментов полета.

— Тебе ничего не говорит это изображение, Эли?

— Нет, конечно.

— Это то место, где пропала Ирина.

— Понимаю, Олег... Печальное воспоминание...

Я больше не спрашивал. Здесь начиналась область, куда нельзя было лезть без спросу. Олег странно улыбнулся.

— Эли, если мы выберемся из этого ада и вернемся на Землю, примешь ли ты участие еще в какой-нибудь галактической экспедиции?

— Вряд ли. Не по возрасту.

— А я пойду в новый поход. Я ведь моложе тебя, Эли. И у меня нет другой цели в жизни, как бороздить космос.

— И ты вернешься в ядро?

— Мы в него проникли первые, но разве можем объявить себя последними? Новая экспедиция будет лучше подготовлена. И если я приму в ней участие, звездные пейзажи, сохраненные рейсографом, понадобятся.

— Ты намерен искать Ирину? — спросил я прямо.

Он аккуратно поставил рейсограф в сейф.

— Во всяком случае, мне хотелось бы знать, что с ней.

11

Только сейчас мы сумели в полной мере оценить инженерную гениальность Эллона. Коллапсан давал возможность не только сгустить и разредить время, переменить знак течения, но и искривить его. Время стало изогнутым, оно характеризовалось не одной скоростью и направлением течения, но и углом к нашему естественному времени. Этот угол отклонения от нашего времени Ольга назвала "фазовым углом вылета в иновремя". Она быстро нагромоздила сложнейшие формулы "угла иновремени". В них, возможно, могла бы разобраться МУМ, но мои способности они превосходили. Зато Ольга порадовала нас, что Орлан понимает ее с полуслова и что некоторые из сумасбродно сложных формул принадлежат ему. Этому я не удивился. У демиургов врожденный дар к небесной механике. Мы сильнее их в ощущении добра и зла, человеческая особенность — отстаивание справедливой морали при всех преобразованиях одной социальной системы в другую: правда везде правда, угнетение везде угнетение, свобода везде свобода. Но в конструировании гравитационных машин нам далеко до демиургов.

— Возможно, завтра, Эли, — сказала Ольга однажды утром.

Это означало, что завтра опробуют генераторы фазового иновремени, действующие уже не в атомном масштабе, а в макровремени корабля.

— Наверно, завтра, — сказал Орлан за обедом.

— Итак, завтра, — объявил Олег за ужином.

Утром я поспешил в командирский зал. Там были уже все капитаны и Орлан. Управление генераторами фазового времени принял Граций: для него, бессмертного, переброс из одного времени в другое все же значил меньше, чем для любого из нас, — мы учитывали и это обстоятельство. Звездолет вел Камагин, тоже привычный к путешествиям во времени, он поддерживал мысленный контакт с Грацием. А всем остальным отвели роль зрителей. Я предвкушал красочные перемены при переходе из своего времени в чужое. Меня только беспокоило, как отнесутся к этому рамиры. Все могло быть!

— ...Три, два, один, нуль! — скомандовал Камагин, и время чуть-чуть искривилось.

Ничто не изменилось. На экранах те же летящие звезды — ни одна не затряслась, не потускнела. Сдвиг фазы времени был, правда, ничтожный, но все же мы шли уже в чужом времени, к чужому будущему. А картина снаружи была такой, будто чужое будущее принималось как свое — словно всебудущность являлась здесь нормальным физическим процессом.

— Работают ли генераторы обратного времени? — громко усомнился Осима.

— Молчат что-то наши равнодушные боги. Не уследили за нами, что ли? — пробормотал Камагин.

— Если они заговорят, мы их не услышим, — возразил Орлан. — Их луч уничтожит нас раньше, чем мы сообразим, что уничтожены.

Спорить с этим было трудно. Через некоторое время МУМ сообщила, что рисунок звездного хаоса меняется, а Граций заметил и зрительно перемены в пейзаже. Ни мы в командирском зале, ни зрители в обсервационном изменений не видели. Орлан удалился к генераторам фазового времени, а мы с Ольгой пошли ко мне. Мери тоже не находила перемен на экране — звезды как звезды, их такое же множество, шальных, беспорядочно летящих...

— Что мы в иновремени, гарантирую, — сказала Ольга. — И хотя сдвиг по фазе незначителен, угол вылета из нашего времени накапливается. Я ожидаю вскоре значительных изменений пейзажа.

— Я погашу экраны, — предложила Мери. — Мы не отрываемся от них, а изменения накапливаются постепенно, и мы привыкаем к новому пейзажу, еще не разобрав, что он новый.

— Молчат рамиры, — повторил я слова Камагина, когда Мери занавесила комнатный экран.

— Рамирам надоело издеваться над нами, — убежденно объявила Ольга. — Если они равнодушные, то должны же они когда-нибудь оставить нас в покое.

По всему, рамиры либо не заметили нашего бегства, либо мы перестали интересовать их, либо — и такая мысль явилась мне — наш уход по фазовому искривлению времени их устраивает. Обо всем этом надо было размышлять — был тот случай, когда правильный ответ сразу не дается.

— Отдохни, — сказала Мери, и я прилег на диван.

Она разбудила меня через час. Ольги не было.

— Посмотри на экран, — сказала Мери.

Я вскрикнул от неожиданности. Мы были в другом мире. Нет, это было все то же ядро Галактики, тот же неистовый звездный прорыв, тот же светоносный, светозарный ад! Но ядро было иное, то же — и иное! Это трудно передать словами, это надо увидеть самому. День за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем мы с тоской наблюдали на звездных экранах одну постоянно воспроизводящуюся картину. А в течение одного нашего крохотного корабельного дня она переменилась. Да, это было ядро, но ядро в другом времени, не в прошлом, не в будущем, а в ином!

— Мери, рамиры нас выпускают! — воскликнул я в восторге. — Нападения не будет!

С того дня прошло немало времени. Может быть, часов, может быть, столетий, а если мне скажут, что миллионолетий, я не удивлюсь. Время, в каком мы движемся, чужое. Приборы его измеряют, МУМ запоминает, рейсограф фиксирует на своих картинках, а я его не понимаю — оно не мое. И хотя Граций им распоряжается, а Осима и Камагин, попеременно сменяя друг друга, командуют им с такой же легкостью, как запасами активного вещества в трюмах, то увеличивая, то уменьшая искривление, — все равно я его не понимаю. Оно не мое. Оно чужое. Оно так и называется — иновремя! Ядро и вправду вмещает в себя все возможные будущие, оно реально всебудущее — иное в каждом возможном будущем. Но я не всебудущий. Это не по

мне, как говорил Труб. Всебудущность пахнет всесущностью, в крайнем случае, вездесущностью. Нет, до таких высот мне не добраться! И нашим потомкам, я уверен, тоже. Я могу понять всю природу, но стать всей природой мне не по силам.

Я сделал это отступление, сидя в консерваторе и диктуя историю нашего выхода из ядра, для того чтобы передать, с каким нетерпением все мы ждем возвращения из иновремени в наше. Мы уже прошли первый поворот на время, перпендикулярное нашему, прошли и второй поворот в иновремени на обратное, но параллельное нашему, подходим к третьему повороту на второй перпендикуляр — и начнем сближаться с нашим временем. И все повороты проделаны без перехода через опасный нуль. А преодолев последний, мы устремимся за нашим прошлым — оно будет впереди, оно будет в нашем будущем! И когда мы состыкуемся со своим временем, мы покинем иновремя — и кольцо обратного времени замкнется!

Я жду возвращения в свое время, но размышляю о другом. Рамиры нас выпустили — это очевидно. И это странно. Почему нас выпустили? Нам, возможно, — а если не нам, то нашим потомкам, — еще придется встречаться с этим сумрачным народом. Я не верю, что они равнодушные. Вчера я пригласил Ромеро к себе.

— Павел, — сказал я, — мне не нравится ваша теория насчет дровосеков и муравьев.

— Хорошо, пусть не муравьи. Мы — бабочки, залетевшие на ночной костер дровосеков. Такое сравнение вас устраивает, мой мудрый друг?

— И бабочки меня не устраивают.

— Кем же вы хотите видеть нас, Эли?

— Мы — кролики, Павел.

— Кролики? Я правильно понял?

— Да, кролики. Подопытные кролики. Те бедные животные, над которыми наши предки ставили медицинские эксперименты.

— Вы считаете, что рамиры экспериментируют с нами?

— Во всяком случае, стараются использовать нас для своих экспериментов.

Он сказал задумчиво:

— Мысль интересная, Эли, но ее нужно доказать.

Я начал с того, что рамиры сразу уничтожили первую эскадру, высланную к ядру. Чем-то корабли Аллана и Леонида помешали рамирам и были за то наказаны смертоносным лучом — правда, он был послабей, чем луч, поразивший "Телец", погибли только экипажи, а не корабли. Жалких муравьев смели с дороги, раздавили гусеницами бульдозеров — можно и так использовать сравнение Ромеро. Но со второй экспедицией в ядро рамиры повели себя по-иному. Они не поцеремонились и с нами, когда "Телец" стал нарушать создаваемую ими структуру в Гибнущих мирах, но отнюдь не подумали расправляться со "Змееносцем" и "Козерогом". Они нами заинтересовались. Они стали присматриваться к нам. Они подсадили нам Оана — лазутчика, шпиона, наблюдателя, датчик связи, — название его функции ясно и без оскорбительных наименований. Вероятно, интерес их вызвало то, что нам удалось спасти Оана и что нас захватила проблема трансформации времени. Мы для них повысились в ранге.

— От муравьев до кроликов, вы это имеете в виду?

— Павел, я когда-то говорил вам, что стараюсь преобразовать координатную систему моего мышления в систему мышления рамиров. Я хочу взглянуть на мир глазами наших противников, если они только смотрят глазами, как мы, а это под сомнением. Вообразите, что мы, человечество, старше на миллион лет и всю эту тысячу тысячелетий непрерывно совершенствовались...

— Просто невообразимое могущество и сила!..

— Да, Павел. Нам и сейчас под силу создание и уничтожение планет. А что будет через миллион лет интенсивного развития? Не захотим ли мы навести порядок не только в отдельных звездных системах, даже не в звездных скоплениях, а в самой Галактике? А Галактика больна. Главная масса ее звезд — в ядре, и ядро неустойчиво. Она на грани взрыва. Разве нам незнакомы квазары — звездоподобные галактики, испытавшие катастрофу, в которой были уничтожены все формы жизни и разума, если они там существовали? Мы, столь могущественные через миллион лет, не примирились бы с балансированием на краю гибели. Мы старались бы разредить скопление звезд в ядре, подобрать созревшие для разумной жизни звездные сис-

темы и отправить их подальше от опасности, изменить саму звездную структуру в окрестностях ядра.

— Напомню, дорогой Эли, что именно об этом я и говорил на совещании, где вы предъявили себе гневное самообвинение.

— Правильно, вы говорили. И вот представьте себе, что мы, могущественные, установили, что только овладение ходом времени дает полную гарантию от катастроф. И что естественные метаморфозы времени сами собой осуществляются в звездных процессах ядра. А нам овладение временем не дается. Не дается, и все! В недрах коллапсирующих звезд пытаемся его ухватить — вторая все-таки по масштабам катастрофа после возможного взрыва всех звезд в ядре! Нет, и здесь не выходит. И вдруг в наши звездные владения вторгаются какие-то пришельцы, какие-то муравьи, и пытаются нагло помешать нашей работе по оздоровлению ядра. Да смести их с дороги, и все тут!

— Осмелюсь заметить, дорогой адмирал, что пока ничего нового...

— Подождите, Павел! А лазутчик докладывает, что у муравьев странная цивилизация, машинная, на нашу непохожая, и что в их механизмах время — пока еще на атомном уровне, микровремя — свободно сгущается и разрежается, меняет знак, может даже менять фазовую скорость. Ого, это интересно, сказали бы мы, могущественные, через многолетия, но сами пасующие перед трудностями овладения временем. Пусть, пусть они повозятся, решили бы мы, всесильные, но лишенные человеческого сердца, простой человеческой жалости к попавшим в беду муравьям...

— Очень важное замечание, Эли!

— Да, Павел. Равнодушные — так вы их назвали! Остальное ясно. Мы экспериментировали со временем в коллапсане, а они экспериментировали с нами. Мы захотели удрать из ядра, они не дали. И, чтобы заставить ускорить исследования, спокойно и безжалостно ввергли нас в вибрацию времени. По принципу: не выживут — черт с ними, что жалеть неудачников! А выживут — успех! Посмотрим, посмотрим, как эти создания выпутываются из трудностей. Ах, все-таки выпутались? Сумели создать фазовое искривление времени? Хотят по кольцу обратного времени ускользнуть из ядра? Надо, надо приглядеться и к этому, пусть ускользают, их опыт пригодится, когда понадобится выводить из ядра новые партии звезд. Итак, пришельцы сколь-

зят по иновремени, свободные от всех катаклизмов ядра, ибо их время — иное по сравнению со временем любой летящей на них звезды, ибо они и в ядре, и вне его, — очень, очень интересно! Кое-что из их находок надо принять на вооружение!.. Вот как мне представляются наши взаимоотношения с рамирами, Павел!

— Такое представление гарантирует нам избавление, Эли. Мы можем считать его вполне удовлетворительным.

Я встал. Волнение так душило меня, что я должен был выплеснуть его движением. Я нервно ходил по комнате, а Ромеро удивленно глядел на меня. Он точно оценил ситуацию, но не мог понять моего отношения к ней.

— Нет, Павел! Тысячу раз — нет! Положение возмутительное, ничего удовлетворительного нет. Никогда не примирюсь ни с тем, что нам отводят жалкую роль муравьев, истребляемых из-за равнодушия к ним, ни с благожелательным интересом к нам, как к подопытным кроликам, которых будут хладнокровно ввергать в тяжелейшие условия и великодушно следить, удастся ли нам справиться с испытанием!

— Что вы требуете от рамиров, адмирал?

— Равноправия! И на меньшее не соглашусь!

Он скептически покачал головой:

— Боюсь, что у нас не спрашивают согласия. Удастся ли нам донести до рамиров свою решительность?

— Буду искать путей.

Он помолчал и сказал, улыбаясь:

— У каждого свои поводы волноваться, Эли. У вас крупные, у меня — маленькие. Знаете, что меня заботит?

— Думаю, не такая уж маленькая забота.

— Совершеннейший пустяк, Эли. Мы приближаемся к нашему прошлому. МУМ составляет прогноз выхода в него. Чего прогноз? Прошлого! Вдуматься — ведь это чудовищно!

— Не понимаю вас!

— Прошлое — в будущем, Эли! Его надо предсказывать, а не вспоминать. Знаете, один древний писатель, очень серьезный человек, обычно не позволявший себе шутить, как-то зло поиздевался над знаменитой пророчицей, объявив, что она предсказывает прошлое, а предсказывать прошлое — занятие никчемное. А нам нужно именно предсказывать прошлое, и это не пустое занятие, а трудная задача и для МУМ, и для наших собст-

венных мозгов! И еще не известно — удастся ли нам верно предсказать собственное прошлое!

Я все-таки не понял, почему Ромеро так волнует предсказание прошлого. Проблема была вполне по силам МУМ и руководившему ею Грацию.

12

Мы уже вне ядра. Мы вырвались из светозарного ада!

Кругом нормальный космос — звезду от звезды отделяют десятки светолет, а если и встречаются скопления, то и там между светилами расстояние в светомесяцах, если не в светогодах. И ни одна звезда не летит остервенело на соседку, они уже не кажутся несуществующими осколками взрыва, они мирно покоятся в прочных координатных узлах, установленных взаимным их притяжением. Всемирное тяготение — проклятие ядра — здесь выступает снова как рачительный и мудрый хозяин, наводящий порядок в космосе, как вдохновенный дирижер, руководящий величественной звездной симфонией. Наконец-то вместо грохота безостановочного взрыва мы услышали тонкую мелодию звездных сфер. Прекрасный мир!

Но мир этот еще не наш. Мы пока еще в ином времени. Мы приближаемся к нашему миру, уже угадываем в нашем ближайшем будущем наше оставленное прошлое, но пока не достигли его. Прошлое еще в будущем.

Я пришел к Олегу. Он сидел перед рейсографом. На экране прибора пейзаж окружающего нас мира непрерывно сравнивался со снимками окрестностей ядра, сделанными на подлете к нему. Полного совпадения не было, но различие с каждым днем уменьшалось. Мы подходили к своему миру в своем времени. Граций недавно величественно возвестил, что фазовый угол, отделявший нас от своего времени, упал ниже десяти градусов. Это после того, как он дважды составлял девяносто градусов и один раз сто восемьдесят!

Я сказал, кивнув на рейсограф:

— Гонимся, как пес за собственным хвостом.

Олег улыбнулся:

— Я бы выразился не так грубо: догоняем собственную тень. Время идет к полудню, тень сокращается. Скоро, скоро тень

головы ляжет у ног! Орлан и Ольга уменьшают гравитацию в коллапсане, нам уже не нужно столь сильно искривлять время. Мы не ворвемся, а вплывем в свое оставленное время.

— В какой пространственной точке?

— По расчету Ольги, около Гибнущих миров.

— Отличное местечко. Лишь бы не угодить опять в ядро!

Мы еще поговорили с Олегом, и я ушел. Я не находил себе места. Мери каждое утро являлась в свою лабораторию астроботаники, где выводила новые породы растений для безжизненных планет. Ромеро записывал подробности похода. Я убивал время на разгуливание по звездолету. И даже то, что убиваю не свое, а иновремя, не утешало.

Я спустился в консерватор. Кресло стояло напротив саркофага Оана. Я опустил в кресло и заговорил:

— Знаешь, Оан, я все больше задумываюсь — кто вы, рамиры? Что вы несуществоподобны, несомненно. И жизнь ли вы или мертвая материя, до того самоорганизовавшаяся, что стала разумной, — мне тоже неясно. Вы, я думаю, безжизненный разум, материя, создавшая самосознание без участия белка. Что-нибудь вроде наших МУМ, но космического, а не лабораторного масштаба. О нет, я не хочу вас обижать, тем более что уверен: такое свойственное лишь живым организмам чувство, как обида, вам незнакомо. О чем я говорил, Оан? Ну что же, мыслящая планета, мыслящие скопления планет, может быть, даже мозг, внешне принявший облик звезды, — кто вас знает? Я не наивный дурачок, думающий, что мыслить способны лишь клетки моего мозга, нет, я понимаю, что искусство мышления можно развить, и не прибегая к крохотному недолговечному мозгу, упрятанному за непрочной черепной коробкой. Может быть, даже проще мыслить всей планетой. И эффективней! К тому же, можно творить из своего материала, как мы лепим статуи из глины, любые живые предметы — вот вроде тебя, Оан, — и, сохраняя с ними связь, мыслить в них и через посредство их. Все рамиры или весь рамир мыслит в тебе! К интересному выводу я прихожу, не правда ли? Мыслить не за одного себя, как я, а за всех себя? Я не ошибаюсь? Кстати, не мог бы ты разъяснить мне: разрушители и галакты верят, что когда-то вы населяли Персей и рабочей специальностью вашей было творение планет. Не являлось ли то планетотворение просто размножением вашим? А уйдя к ядру, вы оставили нам на заселение ваши тела,

из которых изъяли свой разум? Ваш разум в планетной или даже звездной форме переместился в фокус опасности, которую вы безошибочно учуяли, а оставленными телами вашими воспользовались демиурги и галакты, а теперь и мы, люди. Если это так, то мы в некотором роде родственники, во всяком случае мы ваши наследники. Но так ли это?

Я помолчал, почти надеясь, что он ответит. Оан безучастно молчал, пребывая в той же вечной недвижимости. Я продолжал:

— Итак, развитие планеторазумного типа или еще диковинней. С нашей точки зрения, с нашей! Преобразуя свою координатную систему мышления в вашу, я сразу нахожу один инвариант: диковинность. Вы кажетесь диковинными нам, мы — диковинными вам. Но уже такая наша особенность, как машинотворчество, не инвариантно. Уверен, что машин вы не создаете. Иначе зачем вам было доставать древний звездолет аранов, рудимент их вырождающейся цивилизации? И зачем вы с интересом следили за созданием наших генераторов фазового времени? А ведь следили — и с интересом! В этом мы опережаем вас, могущественные. Задачи, которые вы не решаете, решаем мы. Очень мало из того, на что способны вы, нам по силам. Но кое в чем мы способны пойти и дальше. Сделайте отсюда вывод, великие. А какой мы для себя сделаем вывод, я вам сейчас объявлю!

Я опять помолчал и опять заговорил:

— Итак, мы очень разные. Вы — мыслящая мертвая материя, мы — мыслящие организмы. По облику мы не сравнимы! Огромное скопление материи, собрание планет и звезд, мыслящих единым разумом, — в каждой части мыслит все целое, даже в таком, как ты, Оан! И крохотные тельца, мыслящие только за себя, соединенные невидимыми прочнейшими узами в коллектив, но все-таки — индивидуумы. Вы надменно пренебрегли нами. Вы остро чувствуете страдания мертвой материи. Что вам наши особые муки и особые запросы! Камень на дороге и мы, шагающие по дороге, вам равноценны, вы не окажете нам предпочтения. Вы, если и страдальцы, то за весь мир, за звезды и деревья, планеты и людей, скопления светил и скопления грибов и трав — одинаково. Вы равнодушные — так вас определил мой друг. Он все-таки ошибся: вы не равнодушны к судьбам мира. Но наши особые интересы, запросы живых существ, требования индивидуализированного разума вам безразличны. Вы равно-

душны к живой жизни — вот ваше отношение к нам. Напрасно, могущественные! Тут вы совершаете великую ошибку! Я постараюсь вам показать ее.

Я снова сделал передышку. Меня переполняла страсть. Я не хотел, чтобы мой голос начал дрожать.

— Да, я крохотный организм, муравей по сравнению с вами, меньше, чем муравей! Но вся Вселенная — во мне! Вот чего вы не понимаете! Мой крохотный мозг способен образовать 10^{80} сочетаний — много больше, чем имеется материальных частиц и волн во всемирном космосе. И каждое сочетание — картина: явления, события, частицы, волны, сигналы. Все, что способно образоваться во Вселенной, найдет отражение во мне, станет образным дубликатом реального объекта вне меня — станет малой частицей моего маленького “я”. Я — зеркало мира, задумайтесь над этим. Да, вещественно я ничтожная часть Вселенной, но духовно, но мыслью равен ей всей, ибо столь же бесконечен, столь же неисчерпаем, как и она. Вы судите меня по массе моего вещества, по создаваемому мной ничтожному притяжению к другим вещественным телам — и презрительно отворачиваетесь. Не прогадайте, близорукие. Судите меня по силе связей, вещественных и духовных, которыми я связан со всем миром. И тогда с удивлением убедитесь, что я, маленький, равновелик Вселенной. И что в каждом из нас — вся Вселенная, ибо каждый — понимание Вселенной, ее собственное самопонимание. Ибо я — жизнь, и каждый из нас — жизнь! А жизнь из всех удивительностей природы — самая огромная удивительность. Нет, не в мертвой материи природа воссоздает себя, она лишь дальше и шире разбрасывает себя в мертвом веществе, только отдельные скопления ее, вроде вас, достигают разума. Но в любом живом индивидууме Вселенная воссоздает всю себя: мы — образ ее целостности, мы — самопознание ее во всей ее широте, во всей ее глубине! Придется, придется вам с этим посчитаться!

Я сделал новую передышку и опять заговорил:

— Подумайте и вот еще над чем. Вы, сколько понимаю, — устойчивость мира, его сохранение, его защита от катастрофы в горниле разыгравшихся стихий. Вы — инерция мира, вечное равновесие его законов. А мы — развитие мира, прорыв его инерции. Мы, жизнь, — будущее мира! Мы, жизнь, — револю-

ционное начало в костной природе. Мы, жизнь, — пока крохотная сила во Вселенной, ничтожное поле среди тысяч иных полей. Но и единственно растущая сила, растущая, а не просто сохраняющаяся. Мы возникли на периферии Галактики и движемся к ее центру. Мы бурно расширяемся, быстро умножаемся. У нас иной масштаб времени, наша секунда равноценна вашим тысячелетиям. Мы, жизнь, взрыв в костной материи! Вселенная заражена жизнью, Вселенная меняет свой облик! Говорю вам, мы — будущее мира. Хотите или не хотите, вам придется с этим считаться! Поле жизни неотвратимо подчиняет себе все остальные поля мертвой природы, покоряет все ее стихии. Не пора ли нам объединиться — древнему разуму устойчивости с молодой мощью жизненного порыва! Даже если я и мои товарищи погибнем, не добредя до нашего времени, жизнь не погибнет с нашим исчезновением. Мы лишь атомы жизненного поля во Вселенной, не больше. Вы добиваетесь гармонии, стабилизируете ее, но жизнь — высочайшая из гармоний природы, а скоро станет и величайшей ее стихией, стихией гармонии против слепых стихий. Если не станет нас, обитателей маленького звездолета, вы не избавитесь от нас. К вам возвратятся наши потомки, вооруженные лучше, знающие больше. Жизнь быстро распространяется на Вселенную, живой разум покоряет вещество, разрывает инерцию однообразного, всегда равного самому себе существования, в конце которого — катастрофа в ядре. Но мы взамен всеобщности однообразия вносим в природу новый организующий принцип — нарастание своеобразий, всеобщность неодинаковостей. Ибо нас, звездных братьев, объединяет одно общее — мы своеобразны, мы разумны, мы добры друг к другу!

Я подошел к Оану, долго всматривался в него.

— Теперь исчезай, Оан, — сказал я. — Твоя миссия закончена. Я уверен, ты можешь присутствовать, можешь не быть. Так исчезни! Я человек — уже могущественный и еще не совершенный. Я молодость мира, его порыв в неизвестное, а не инертная мудрость вечного самосохранения. Я не научился все понимать мгновенно и полностью, хотя и стараюсь. Мне нужно рассуждать, мне нужны знаки и сигналы. Исчезни! Это будет мне знаком, что я понят.

В консерваторе зазвучал призыв ко мне:

— Адмирала Эли — в командирский зал! Адмирала Эли — в командирский зал!

Я вышел из консерватора.

13

В командирском зале собрались все друзья — Олег, Осима, Камагин, Ольга. Олег показал на звездные экраны:

— Эли, ты знаешь где мы?

Картина была так знакома, что я в восторге закричал:

— Мы в Гибнущих мирах!

— На окраине скопления, — подтвердил Олег. — На выходе из Гибнущих миров в открытый космос. Старый и новый пейзажи в рейсографе сошлись с абсолютной точностью. Мы возвратились точно в то место, какое в свое время покинули.

Я вопросительно посмотрел на Ольгу.

— В свое время покинули... А в какое возвратились?

— Тоже в свое. То, какое течет в нашем мире с нулевой фазовой скоростью. Мы снова существуем в одномерном и однонаправленном времени — струящемся всегда от прошлого к будущему.

— Ты меня не поняла, Ольга. Свое время... Но какое? Прошлое или будущее? Мы пришли раньше себя, покинувших скопление, или позже себя?

— Мы возвратились позже на один земной год. Наши блуждания в ядре, наше бегство по кольцу обратного времени заняли всего год по хронометрам корабля.

Беседу прервало сообщение Грация. Галакт докладывал, что анализаторы обнаружили два оставленных нами грузовых звездолета. Они пока далеко, но нет сомнения, что оба корабля невредимы и что очистка пространства продолжается.

— Мы постарели на год, а Гибнущие миры помолодели на столетие, — сказал Олег. — В систему Трех Пыльных Солнц возвращается утраченная прозрачность и яркость.

В командирский зал ворвался возбужденный Ромеро. Он был так бледен и расстроен, что мы, прервав разговор, разом обернулись к нему.

— Олег! Эли! — Он говорил с трудом, настолько был потрясен. — Я заглянул в консерватор, чтобы проверить, как наши

мертвецы вынесли переход по кольцу фазового времени. И вот я увидел... Там чудо, друзья!

Я прервал его:

— Чудес не бывает. Вы хотите сказать, что Оан исчез?

— Да, именно это! Саркофаг не поврежден, запирающие поля сохранились, но даже и следа Оана нет! Если это не чудо, Эли...

Я взял его за руку и усадил в свободное кресло.

— Успокойтесь, Павел. Ни один из законов природы не нарушен. Просто нам подан знак, что мы замкнули еще одно кольцо, но не времени, а взаимопонимания: от знакомства — через неприязнь и взаимную борьбу, взаимную заинтересованность — к дружелюбию!

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая ГАЛАКТИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА

Часть первая.	ЗМЕЕДЕВУШКА С ВЕГИ	7
Часть вторая.	ПОХОД ЗВЕЗДНОГО ПЛУГА	112
Часть третья.	ЗЕМЛЯ	190

Книга вторая ВТОРЖЕНИЕ В ПЕРСЕИ

Часть первая.	В ЗВЕЗДНЫХ ТЕСНИНАХ	235
Часть вторая.	ВЕЛИКИЙ РАЗРУШИТЕЛЬ	283
Часть третья.	МЕЧТАТЕЛЬНЫЙ АВТОМАТ НА ТРЕТЬЕЙ ПЛАНЕТЕ	328
Часть четвертая.	ГОНИМЫЕ БОГИ	400

Книга третья КОЛЬЦО ОБРАТНОГО ВРЕМЕНИ

Часть первая.	МУЧЕНИКИ ЗВЕЗДНОЙ ДИСГАРМОНИИ	455
Часть вторая.	ГИБНУЩИЕ МИРЫ	490
Часть третья.	РАЗОРВАННАЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН	550
Часть четвертая.	ПОГОНЯ ЗА СОБСТВЕННОЙ ТЕНЬЮ	611

Сергей СНЕГОВ
СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ
Т О М 1

Руководитель проекта
П. Узрватов

Редактор
Т. Ленская

Оригинал-макет изготовлен
издательством «Редкая книга»
(г. Калининград)

ЛР № 071177 от 05.06.95 г.
Подписано в печать 09.09.96 г.
Усл. печ. л. 43. Изд. № 128.
Цена 35 000 р.
Цена для членов клуба 31 200 р.

Издательство «ТЕРРА»—«Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Книги издательства «ТЕРРА» можно заказать по адресу:
109033, Москва, а/я 66.

Scan Kreyder - 24.06.2017
STERLITAMAK

